

Библиотека Софии Киевской

СУГДЕЙСКИЙ СБОРНИК

Киев – Судак

“Академперіодика”

2004

Сугдейский сборник.– Киев-Судак: “Академперіодика”,
2003.– 624 с.

Редакционная коллегия:

Н.М.Куковальская (главный редактор), А.М.Фарбей (ответственный секретарь), С.Д.Крыжицкий, А.П.Моця, Н.Н.Никитенко, В.М.Зубарь, Ю.В.Павленко, И.Е.Марголина, В.В.Майко, А.В.Джанов, М.В.Панченко.

Рецензенты:

С.Б. Сорочан, В.М. Рычка.

Печатается по решению ученого совета Национального заповедника “София Киевская”; прот. № 1 от 22.12.2003 г.

Сборник открывает серию изданий, посвященных истории, археологии и культуре древнего и средневекового Крыма, в частности – его юго-восточного, судакского региона. Учтены материалы научной конференции “Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины”, проводившейся Национальным заповедником “София Киевская” на базе его филиала “Музей “Судакская крепость”” 16–22 сентября 2002 г. Многие эпиграфические, сфрагистические и археологические материалы публикуются впервые. Приводятся статьи, посвященные торговым и культурным связям Крыма, их роли и значению в европейской истории.

Издание предназначено для специалистов в области истории, археологии, этнографии и прочих профильных дисциплин, а также для всех, кто интересуется проблемами истории и культуры.

© НЗК “София Киевская”, 2003 г.

© Издательский дом “Академперіодика”, 2003 г.

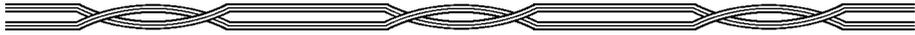
ОТ РЕДАКЦИИ

Сугдея, Солдайя, Сурож, Судак... Это все о жемчужине Южного Крыма, древнем городе, долго остававшимся в тени своих именитых соседей — Херсонеса и Боспора-Керчи. О нем вспоминали, прежде всего, как о форпосте Генуи на берегах Черного моря, да и грозные оборонительные стены Судакской крепости — зримое свидетельство их пребывания, не давали забыть об этом.

Последняя треть XX века оказалась особенно плодотворной для изучения прошлого судакской земли. Ныне становится все понятней тесная, судьбоносная ее связь с историей Крыма, всего юга Украины; становится виднее переплетение истории великих держав средневековья — Хазарии, Византии, Руси, Сельджукского Рума, Золотой Орды, Турции с историей народов, непрерывной чередой приходивших в Таврику и оседавших в ней. Доныне остаются невыясненными множество вопросов, ответы на которые скрыты в глубине истории: об основателях, о развитии в последующие века, о взаимоотношениях хазарских и византийских властей, о роли церкви, о жизни окружавших, и, порой, завоевывавших город пришельцев.

Пока что мы только приближаемся к тайнам, идя по пути поиска истины. Осознание нового знания происходит постепенно, рождается в научных дискуссиях, в раздумьях над источниками, которые воплотились в сооружениях, рукописях и постоянно пополняемом массиве археологических находок.

“В истории, как и во всяких серьезных предметах — отмечал исследователь Коллингвуд, — никакой результат не является окончательным”. В этом смысле не являются исключением и материалы сборника, которой Вы держите в своих руках. И все же, это важный шаг вперед, сам по себе рождающий стремление повторять его вновь. Первым выпуском “Сугдейского сборника” мы открываем серию изданий, посвященных изучению вопросов, которые в таком изобилии ставит перед нами судакская земля.

Нет сомнений, что Судак может и должен быть не просто еще одним историческим памятником, он должен стать научным центром, стоящим в одном ряду с самыми известными научными центрами Крыма и Украины. Он требует особенно пристального внимания специалистов, чьи объединенные усилия в состоянии ответить на поставленные ранее вопросы и наметить новые пути научного поиска.

Директор Национального заповедника “София Киевская”

Н.М. Куковальская.

ВИЗАНТИЙСКИЕ КОНИЧЕСКИ-ВЫТЯНУТЫЕ АМФОРЫ X ВЕКА

Задача статьи — рассмотреть группу относительно мало известных византийских амфор, в основной классификации получивших название конически-вытянутых (тип С) [Булгаков 2000]. Амфоры этого типа отличаются удлиненным, конически-вытянутым корпусом с небольшим округлым дном, гладким, лишенным желобчатости высоким горлом и уплощенными ручками, которые крепятся к его верхнему краю под венчиком. Венчик выражен в виде утолщенного надгорлового валика. Поверхность амфор покрыта слабым желобчатым рифлением. Черепок амфор светлый, красных или розовых тонов.

В таксономическом отношении конически-вытянутые амфоры описаны как тип IV у Л. Дончевой-Петковой [Дончева-Петкова 1977, с. 195], группа III у З. Брусича [Brusić, 1979 p. 40]. А.Л. Якобсоном как “амфоры со сравнительно узким, коническим крупнороздчатый туловом” они объединялись в один таксон с существенно отличными остродонными желтоглиняными амфорами (тип ЗУА) [Якобсон 1979, с. 75]. Аналогичная ошибка допущена Л. Дончевой-Петковой [Дончева-Петкова 1977, с. 103] и З. Брусичем [Brusić 1979, p. 40], связавшим тип также с грушевидными амфорами с воронкообразным горлом (тип 1Р).

Конически-вытянутые амфоры принадлежат к полиморфному массиву пропонтидской амфорной керамики. По доступным полевым наблюдениям признакам их фрагменты сходны с продукцией этого круга в очень большой степени. Это усложняет их выделение в составах амфорных комплексов и, соответственно, ограничивает возможности изучения. Более детально связь с пропонтидскими территориальными типами вскрывается географией и характером распространения конически-вытянутых амфор, а также аналитическими данными.

География распространения конически-вытянутых амфор, устанавливаемая по находкам целых форм весьма широка. Амфоры встречены на всем пространстве Восточного Средиземноморья, от Адриатики до Северного Причерноморья и внутренних областей Болгарии. Их находки хорошо выражены хронологически. Четыре конически-вытянутые амфоры обнаружены в архитектурных конструкциях церкви Иоанна Предтечи в Керчи (рис. 1) [Никитенко 1970, с. 277].

Рис. 1. Конически-вытянутые амфоры нач. X в. из архитектурных конструкций церкви Иоанна Предтечи в Керчи (по М.М. Никитенко).

По археологическим данным церковь датируется Т.И. Макаровой началом X в. либо рубежом IX — X вв. [Макарова 1972, с. 377; Макарова 1982, с. 91–106]. Три целых амфоры обнаружены в закрытых комплексах торговых помещений дворца в Преславе (рис. 2), где датируются второй половиной X в. [Чангова 1957, с. 279; Чангова, 1959, с. 252; Дончева-Петкова 1977, с. 103, 195, 212]. X в. продатирована верхняя часть конически-вытянутой амфоры из Херсонеса (рис. 3) [Византийский Херсон... с. 134]. Целые формы сосудов происходят из комплекса кораблекрушения у о-ва Млет в Адриатическом море (рис. 4) [Brusić 1979, p. 37]. Конически-вытянутые амфоры представлены здесь двумя экземплярами полной сохранности и одной верхней частью корпуса [Brusić 1979 p. 38–40, 48, pl. I, 1, 6, II, 6, XI, 1]. Обнаружение содержит амфоры характерные для X в., по вещевому комплексу может быть датировано концом X в. либо рубежом X — XI вв. [Булгаков 2000].

В общем контексте исследований на Адриатическом побережье конически-вытянутые амфоры характеризуются как редкий материал, обнаруженный лишь в комплексе кораблекрушения у о-ва Млет [Brusić 1979, p. 40]. Аналогичным образом

находки конически-вытянутых амфор выражаются и во всех других местонахождениях. В археологических комплексах они закономерно комбинируются с пропонтидской продукцией. В торговых помещениях дворца Преслава конически-вытянутые амфоры встречаются с желобчатогорлыми (тип Е) и сфероемкостными X в. (тип 1К). В материалах кораблекрушения у о-ва Млет — с желтоглиняными (тип 1Уb), коричневоглиняными (тип 1В), шаровидными (тип М) и, вероятно, также желобчатогорлыми.

Конически-вытянутые амфоры принадлежат к клеймившимся разновидностям византийской амфорной тары. Клеймо в виде пентаграммы обнаруживается на амфоре из Херсонеса (рис. 3). Амфора из Преслава отмечена отгисками клейм в виде весьма характерных многолепестковых розеток (рис. 5). Аналогичные по облику клейма обнаруживаются на ручке желтоглиняной амфоры 1Уb из Киева (рис. 6) [Зоценко 2001, с. 192, рис. 29] и на плечиках фрагментированной амфоры из Плиски [Дончева-Петкова 1977, с. 144]. По совокупности стратиграфических данных восьмилепестковые розетки болгарских амфор должны принадлежать середине — второй половине X в. Киевское, семилепестковое клеймо по совокупности сопутствующих признаков может датироваться более поздним временем — в рамках X — первой четверти XI вв. Наличие однотипных клейм на киевской желтоглиняной, преславской конически-вытянутой и фрагментированной амфоре из Плиски косвенно подтверждает близкую хронологию этих типов, их принадлежность одной зоне административного контроля и стандартизации.

Факт постановки клейм на конически-вытянутые сосуды характеризует эту группу как ориентированную на обслуживание регулируемых рынков.

Рис. 2. Конически-вытянутая амфора середины X в. из закрытого комплекса торговых помещений дворца Преслава (по Л. Дончевой-Петковой).

Производство конически-вытянутых амфор в той или иной мере подлежало административному контролю. Все известные находки обнаруживают ориентацию на стандарт. Высота амфор составляет 50–60 см, диаметр — 20–28 см¹. Стабильные параметры обнаруживаются также по соотношениям модулей. По данным, вычисленным на основании приводимых Л. Дончевой-Петковой размеров [Дончева-Петкова 1977, с. 195], объем клейменной преславской амфоры должен находиться в пределах 5.69–6.57 л. Среди изученных клейменных сосудов эти данные находят соответствие в фрагментированной клейменной сфероемкостной амфоре XI в. с монограммой имени Иоанн (5.960–6.060 л) из Афин [Günsenin 1990, p. 291, pl. LXXIX, 1] и сфероемкостной амфоре с древнерусского городища Иван (6.4 л), отмеченной клеймом с монограммой имени Константин [Булгаков 2000, рис. 13, 14].

Можно предположить, что аналогично этим сосудам конически-вытянутые клейменные амфоры использовались для транспортировки оливкового масла. Емкостное содержание амфоры из Ивана соответствует трем тетартиям (тетάρτιον) оливкового масла (6.39 л) т.е., по всей видимости, лагинию (λαγγίνιον) или лайне (laïna) — официальной константинопольской мере для продаж масла, у итальянских купцов получившей название ламы или альмы. Емкостное содержание лагиния, устанавливаемое по данным итальянских писцовых книг, обнаруживается в двух разных пределах — 6.318 л и 6.656 л [Schilbach 1970, s. 123]. Э. Шильбахом в этой связи оно вычислялось по усреднению как равное 6.487 л и гипотетически сопоставлялось с константинопольским метром аннония (ἀννονικὸν μέτρον) или 5.680 л., как наиболее близкой мерой [Schilbach 1970, s. 123].

Рис. 3. Верхняя часть конически-вытянутой амфоры X в. из находок на Херсонесском городище (ХГИАЗ).

Аналитические данные позволяют дать приближенную характеристику сырьевой основы производства конически-вытянутых сосудов. В рамках изучения вещественных составов византийских амфор был исследован² образец конически-вытянутой амфоры из Херсонеса (рис. 3). Керамический материал амфоры оказался довольно рыхлым. Это не позволило изготовить шлиф желаемого размера. Тем не менее, результаты изучения являются вполне удовлетворительными. Глинистый материал, использованный для изготовления амфоры, может быть охарактеризован как слюдисто-гидроslюдистый, с выраженной карбонатизацией. Карбонатный материал, по всей видимости, являлся технологическим компонентом формовочной массы. Слюдистая составляющая глинистого комплекса представлена главным образом диоктаэдрическими иллитами (серицит), значительно менее распространены в ней биотитоподобные триоктаэдрические слюды. В минеральном комплексе преобладают обломки кварца, в значительном количестве содержатся обособления, образованные пелитовыми частицами карбоната. В качестве единичных включений отмечены эпидот и крипточешуйчатые агрегаты серицитолитов.

Изученный образец вряд ли может быть представительным для всей совокупности конически-вытянутых амфор. Тем не менее, гидроslюдистый серицит-биотитовый комплекс глинистого материала, по облику общий для пропонтидских территориальных типов, редкие включения в минеральной составляющей (эпидот), могут рассматриваться как характерные.

Источником заимствования эпидота для глинистого материала являются кристаллические метаморфизированные породы, в особенности измененные известняки, а также сильно измененные изверженные породы, первоначально богатые железисто-маг-

Рис. 4. Конически-вытянутая амфора X в. из комплекса кораблекрушения у о-ва Млет (по З. Брусичу)

незиальными минералами [Мильнер 1934, с. 139]. Округленно-угловатые зерна эпидота очень характерны для многих песков. Среди изученных амфорных материалов³ включения эпидота являются распространенным и стабильным компонентом вещества коричневоглиняных амфор (тип В) [Булгаков, Яковлев 2003]. Практически отсутствует он в материале грушевидных амфор (тип Р) [Булгаков, Крамаренко 2003а-с].

В пропонтидской продукции включения эпидота чаще встречаются в позднейших образцах. Включения этих минералов весьма часты в амфорах 2К [Булгаков, Яковлев 2003-а] и 3К [Булгаков, Яковлев 2003-б], в том числе среди клейменных фрагментов XIV в. [Булгаков, Яковлев 2000, обр. 2К-3.12]. Они отмечены также для клейменной желтоглиняной ручки из Судака (тип 2У), по условиям находки датируемой XII — XIV вв. [Булгаков 2000, рис. 70]. Среди ранних образцов пропонтидского круга эпидот обнаруживается в вещественных составах амфор субсферических типов — амфор, распространенных в археологических материалах IX — X вв., и ошибочно объединяемых в публикациях с ранней сферомкостной продукцией (тип 1К) [Булгаков 2000, п. 5]. В агрегированном состоянии он отмечен в керамическом веществе желобчатогорлой амфоры (тип Е) из Херсонеса [Булгаков 2003].

Химический состав образца⁴ (в весовых процентах) составляет: SiO₂: 37.9; Al₂O₃: 20.57; MgO: 3.77; TiO₂: 0.39; K₂O: 4.01; CaO: 5.08; Na₂O: 0.69; Fe₂O₃: 7.94; MnO: 0.12; Cr₂O₃: 0.25; сумма окислов в анализах: 80.72. По вычисленным петрохимическим параметрам и коэффициентам херсонесский образец

Рис. 5. Клейма фрагментированной амфоры из Плиски и конически-вытянутой амфоры из торговых помещений дворца в Преславе (по Л. Дончевой-Петковой).

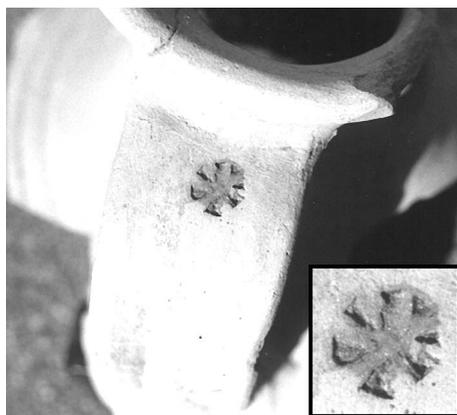

Рис. 6. Клеймо в виде семилепестковой розетки на ручке желтоглиняной амфоры типа 1Уб из Киева (ИА НАНУ).

на диаграммах располагается на полигонах рассеяния сферомкостных (тип К), желтоглиняных (тип У) и желобчатогорлых амфор (тип Е), образуя с ними одну группу.

Совместно с этими типами X в. конически-вытянутые амфоры характеризуют полиморфный массив сосудов пропонтидских амфорных центров. Они принадлежат к локальной продукции, обслуживавшей торговые обмены Восточного Средиземноморья. При посредстве Константинополя конически-вытянутые амфоры попадали в широкий обмен. Их находки маркируют преимущественную зону константинопольской торговли начала-середины X в. С рынком Константинополя связано появление конически-вытянутых сосудов в Северном Причерноморье и в Болгарии.

Конически-вытянутые амфоры не обнаруживались за пределами X в. Их находки неизвестны по древнерусским материалам (после сер. X в.), не обнаруживаются они в закрытых комплексах в комбинациях с распространяющимися со второй пол. X в. грушевидными амфорами (тип Р). Возможно, это должно ограничивать дату их преимущественного распространения временем до проникновения грушевидных типов в широкую торговлю, временем до второй пол. X в. Хронологически определенные находки, как кажется, не противоречат этому заключению.

Стратиграфическая ситуация, состав закрытых комплексов характеризует сферомкостные, желобчатогорлые и конически-вытянутые типы в качестве доминирующих в черноморской торговле до времени распространения продукции юго-восточных центров (тип Р). Их постепенное вытеснение из широких обменов могло быть вызвано развитием производства сферомкостных и желтоглиняных сосудов, составивших основной вид керамики, обслуживавший константинопольский и восточно-средиземноморские рынки в X — XI вв.

Примечания

¹ Данные по девяти экземплярам (Керчь, Преслав, Млет).

² Цемент образца слюдисто-карбонатно-глинистый, окисленный. Структура алевропелитовая при параллельно-линейной макротекстуре образца. Основная вяжущая масса, если принять за кластогенные многочисленные точечные включения карбоната, имеет микротекстуру так называемой песчано-пылевой матрицы. Изометричные ультрамикрoагрегаты глинистых минералов преимущественно образуют соединяющиеся “рубашки” на поверхности кластогенных зерен различных размеров и состава. Особен-

но отчетливо эта особенность прослеживается в скоплениях пылеватых частиц. Глинистые ультрамикроагрегаты часто формируют своеобразную сетку, в которой ячейки содержат обломочные зерна, а глинистые фракции соединяются и “обтекают” их. Здесь возникают локальные участки с турбулентной микротекстурой. На фоне песчано-пылевой вязущей матрицы, окрашенной в светло-оранжево-бурый цвет, выделяются многочисленные чешуйки серицита (0.03–0.23 мм по удлинению). Они параллельно ориентированы и равномерно распределяются в образце. Встречаются чешуйчато-волокнистые скопления сильно окисленного биотита (Ng — красный; Np — красно-коричнево-бурый). В основной цементирующей ткани беспорядочно рассеяны округлые (с корродированными ограничениями) зерна непрозрачных рудных минералов и желтого прозрачного лимонита. В составе алевритовой фракции преобладают обломки кварца разнообразных форм: округлой, трапецие- и ромбовидной, серповидной, изометричной, округлой. В значительном количестве содержатся округлые обособления, образованные пелитовыми частицами карбоната. В качестве единичных выделений присутствуют эпидот, округлые крипточешуйчатые агрегаты серицитоцитов. Пелитовая фракция представлена угловатыми, округлыми и изометричными пылевидными частицами кварца и округлыми (“точечными”) обособлениями из пелитоморфного карбоната.

Петрографическое изучение проведено ведущим научным сотрудником ИГМР НАН Украины доктором геол.-мин. наук Б.Г. Яковлевым в 1996 г.

³ Данные по 248-ми образцам, исследованных методами поляризационной микроскопии (д-р геол.-мин. наук Б.Г. Яковлев, канд. геол.-мин. наук Н.К. Крамаренко) и электронно-зондового анализа (В.Б. Соболев, канд. геол.-мин. наук В.В. Слипченко) в рамках программы по изучению вещественных составов византийских амфор и поливной керамики IX—XIV вв. Лабораторией аналитических исследований НИИПОИ МКИ Украины в 1996–2000 гг. и ранее. Руководство исследованиями — В.В. Булгаков (НИИПОИ МКИ Украины).

⁴ Определение химического состава производилось электронно-зондовым методом на микрорентгеновском анализаторе JСХА-733 фирмы JEOL (Япония) по программе, разработанной аналитиком ЦТО НАН Украины В.Б. Соболевым, с использованием коррекции Бенса и Олби [*Albee, Kay 1970*] в 1993 г. Пробоподготовка выполнена старшим научным сотрудником ИГМР НАН Украины кандидатом геолого-минералогических наук В.В. Слипченко.

ТРОПА НАД ПРОПАСТЬЮ. ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ НА СЕВЕРНОМ ОБРЫВЕ ГОРОДИЩА ТЕПЕ-КЕРМЕН

Один из исследователей пирамиды Хеопса как-то заметил, что пирамида — это машина, созданная для задавания вопросов. Нам кажется, что пещерные монастыри Таврики в этом не намного отстали от пирамид. Они стойко хранят свои секреты и не спешат расставаться с ними. Как же хотя бы подойти к поиску ответа на эти загадки? На наш взгляд — через определение функций отдельных помещений к осознанию структур пещерных (и смешанных: пещерно-наземных) комплексов. Только такая нить приведет нас когда-нибудь к пониманию систем функционирования пещер в городищах Горного Крыма.

Объект настоящего исследования — пещерный комплекс, входящий в состав городища Тепе-Кермен, которое расположено на вершине столовой горы в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая. Гора представляет собой эрозионный останец, отделенный от остальных массивов глубокими ущельями. Его высшая точка — 544.1 м над уровнем моря. Плоскую часть горы, площадью около 1 га, окружают отвесные скалы [*Петровский 2002, с. 81*] Общая площадь городища 1.4 га. Наш комплекс занимает ее северный склон, то есть самый неудобный (из-за малой освещенности). Ни внятного объяснения этому удивительному факту (а остальные обрывы горы свободны от пещер), ни какой-либо интерпретации данного скопления пещер до недавнего времени предложено не было. Остаются загадочными и взаимоотношения нашего комплекса и городища: создается впечатление, что эти структуры были слабо связаны между собой. Ничего не прояснили здесь и раскопки Д.Л. Талиса: граница между усадьбами городища и тесно примыкающими к ним пещерами так и не обозначилась.

Часть пещер на северном обрыве Тепе-Кермена лишь совсем недавно была выделена и осмыслена как единый монастырский комплекс. Первой и, собственно говоря, единственной серьезной работой, посвященной ему, является статья В.А. Петровского “Православные памятники Тепе-Кермена”¹. Гипотеза о едином монастырском комплексе была выдвинута не на

спекулятивном, а на объективном, эпиграфическом основании. О монастыре на северном обрыве Тепе-Кермена говорит надпись в храме с баптистерием (XII — XIV вв.): “Вырублена эта могила от моего собственного монастыря...” (чтение А.Ю. Виноградова [Виноградов 2002, с. 55]). Однако работа Петровского страдает одним существенным недостатком: автор не составил общего плана пещерного комплекса, и все закономерности его устройства, связанные с монастырским характером памятника, ускользнули от внимания исследователя.

Изучению данной лакуны и посвящена наша статья. В 2002 г. по просьбе руководства БГКИЗ нами было произведено описание и нумерация пещер монастыря. Результат данной работы приводится ниже, в приложении². Здесь же нас будет интересовать назначение отдельных помещений и общая структура монастыря.

Общее описание комплекса

Из плана, составленного нами в ходе описания (рис. 1), становится очевидно, что монастырь состоит из трех ярусов, расположенных друг под другом³. Как мы увидим в дальнейшем, такому расположению и устройству имеется несколько вполне удовлетворительных объяснений. Однако без археологических раскопок невозможно говорить о точных границах комплекса. Попытаемся, тем не менее, ограничить его хотя бы условно.

Восточную границу первого яруса нам четко определить не удалось. К востоку от пом. №№ 1–3 находится комплекс явно хозяйственного назначения: в нем имеются каменные ванны — здесь была красильная или кожевенная мастерская. Второе более вероятно, так как известно, что уже при татарах караимы держали на Тепе-Кермене свои кожевенные мастерские [Боровко 1913]. Вопрос о принадлежности данного комплекса монастырю остается пока открытым.

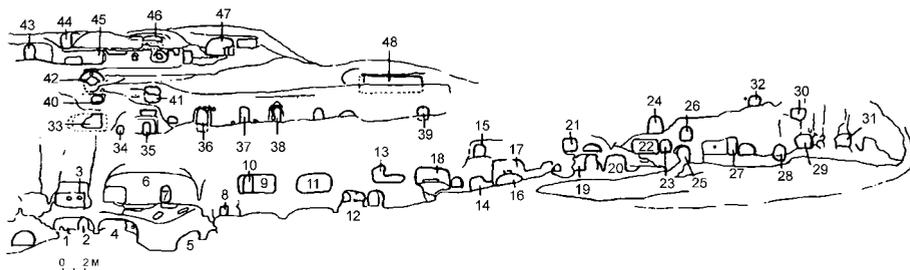
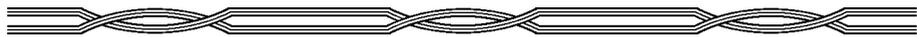

Рис 1. Схема расположения пещер монастыря на северном склоне городища Тепе-Кермен.

Помещение над западным концом выше описанного комплекса (№ 3) видится нам как основание лестничной конструкции, откуда деревянная лестница вела во второй и третий ярусы, образуя таким образом восточную границу монастыря. Как видно из плана, такая возможность не исключена. Все углы в нем прямые, рубка сглажена: так выглядят только два, наиболее древние, помещения в третьем ярусе (№№ 45 и 48) — значит, предполагаемая восточная, деревянная лестница могла возникнуть даже раньше западной, каменной, которая перерезает постели старых оборонительных стен VI — VII вв.

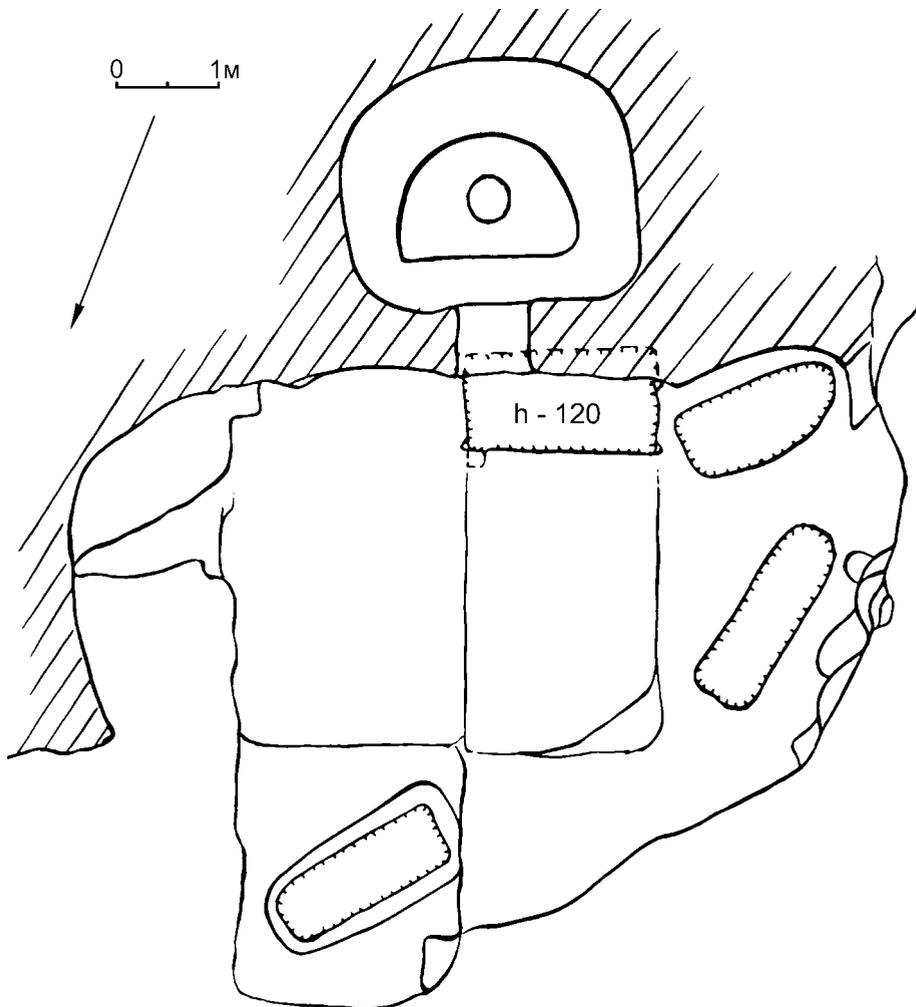
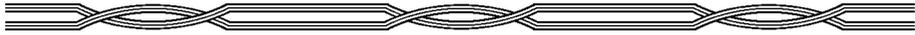

Рис 2. "Храм на уступе" пещерного монастыря Тепе-Кермен.

Дальше к западу шесть ступенек ведут наверх к храму⁴ (рис. 2). Теперь он стоит как бы на уступе, так как его северная стена и алтарная часть практически полностью разрушены, и сказать что-либо о его устройстве трудно, но четко различимы следы восточной ориентации и несколько могил, всегда сопровождающие пещерные церкви в Горном Крыму. Слева от двери в пом. № 7, около большой стеной ниши (вероятно, погребальной), имеется надпись, по своему облику похожая на надгробную, однако чтение ее из-за плохой сохранности остается затруднительным. По шрифту она очень близка к надписи из храма с баптистерием, т.е. относится к XII — XIV вв. В юго-западной части храма устроен резервуар для сбора воды, текшей из хорошо различимой трещины в скале. Вероятно, первоначально это также была могила, впоследствии превращенная в небольшую цистерну и обложенная изнутри плитами, следы крепления которых хорошо читаются в камне. Под храмом, в пом. № 4, было пробито отверстие, откуда можно было забирать воду. Перед нами монастырский источник, возможно, даже святой, т.е. агиасма.

В примыкающем к храму с юга безоконном округлом пом. № 7⁵ вдоль стен расположены низкие скамьи, а по центру, в полу, пробито круглое отверстие, прямо под которым расположен очаг пом. № 4. Скорее всего, перед нами своеобразный “термантерий”, место, где монахи могли греться во время долгих зимних богослужений — описания подобной конструкции в литературе нам не встречались (точно такие же устройства имеются и в жилых пещерах №№ 14–15 и 16–17).

”Агиасму” и помещение под “термантерием” соединяет не очень широкая, но довольно глубокая пещера с порогом и очагом, имевшая, вероятно, хозяйственное значение. Пом. № 5 представляет собой костницу, разграбленную за последние несколько десятков лет практически полностью (встречаются остатки костей).

Далее следует ряд пещер (№№ 10–18), представляющих, как нам кажется, наибольший интерес с точки зрения своего устройства. К западу от церкви на уступе находится грот значительных размеров. Несмотря на то, что пол грота находится под засыпью, хорошо прослеживается структура вырубленных в его задней стене помещений: пом. № 12, по всей видимости, служило кельей, причем еще разделенной надвое: в центре ее

сохранились следы перегородки. К западу от пом. № 13 расположены два двухэтажных комплекса (№№ 14–15 и 16–17). Типологически они похожи на двучастные монашеские кельи, хорошо известные на Востоке [см. напр. *Patrich 1993, рис. на с. 240–241*]. Верхняя часть здесь была жилой, а нижняя использовалась под хозяйственные нужды (“мастерская” и кухня); кроме того, расположенный внизу очаг через отверстие, подобно “термантерию” в храме на уступе, обогревал и второй этаж. Таким образом, две двухэтажные кельи и двойная келья составляют вместе единый хозяйственно-жилой комплекс⁶.

Расположенная посреди него пещера (№ 13) значительно большего размера, чем предыдущие, служила, как нам кажется, архондариком⁷ — залом, предназначенным для собрания братии и приема гостей. По всему периметру архондарика расположены каменные скамьи для сидения, причем одна из них (в юго-восточной стене) имеет большую высоту и более тщательную отделку — вероятно, она отводилась лицам, занимавшим в монастыре более высокое положение, т.н. старцам. Покатый пол повышается к юго-восточному углу, в котором между двух скамей расположена ровная площадка, где находилась икона или, что вероятнее, кресло настоятеля. Посередине помещения имелся столб, который был впоследствии срублен. Судя по остаткам двери в восточном углу, храм на уступе и архондарик соединяла деревянная галерея, проходившая на уровне второго этажа келий в гроте.

Далее к западу находится комплекс пещер (№№ 18–23) вокруг пещерного храма с ризницей (№ 21). Утверждать с уверенностью синхронность храма и монастыря невозможно, так как сегодня не видно никакой лестницы, которая могла бы связывать расположенный чуть выше храм с окружающими его помещениями. Надпись на колонке темплона “Обновлен храм” (чтение А.Ю. Виноградова) говорит не о перестройке храма, а о его освящении, согласно литургическому значению слова “обновление”. Поминальная надпись в апсиде “О упокоении: София. О упокоении: Анид. О Симоне” (чтение А.Ю. Виноградова) доносит до нас имена ктиторов, которые, вероятно, и были похоронены здесь. Отсюда к западу начинается высеченная в скале каменная лестница, которая ведет на верх плато. На ней расположено несколько пещер. Особый интерес представляет пом. № 24 на третьем пролете лестницы (рис. 3). По нашему

мнению, это монастырская трапезная, разделенная на две неравные части: восточная (поварня) приподнята над западной (собственно трапезной) и отделена от нее перегородкой, в которой имеется окно и дверь. Возле этой стены в полу поварни вырублен круглый очаг, а напротив него в северной стене — поддувное окно. В полу юго-западной части трапезной устроен холодильник для хранения скоропортящихся продуктов.

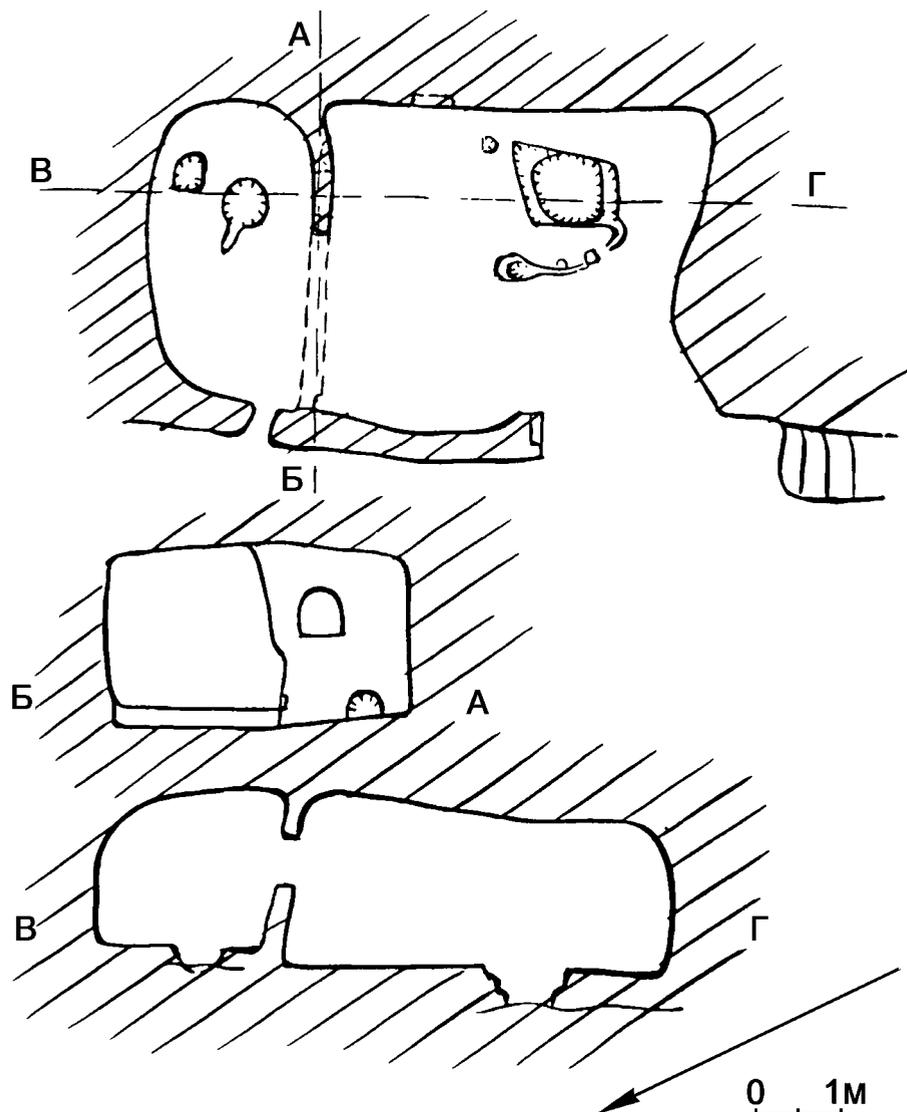

Рис 3. Трапезная пещерного монастыря Тепе-Кермен.

Наконец, первый ярус монастырского комплекса замыкают несколько самых западных помещений (№№ 27–31), которые можно интерпретировать как келейный корпус. Их менее развитые по сравнению с другими жилыми пещерами первого яруса формы говорят о том, что они относятся к недолгому периоду максимального расширения монастыря, после которого либо они были оставлены, либо весь монастырь был заброшен, так что они не успели развиться в сложные двухчастные комплексы по подобию соседних келий.

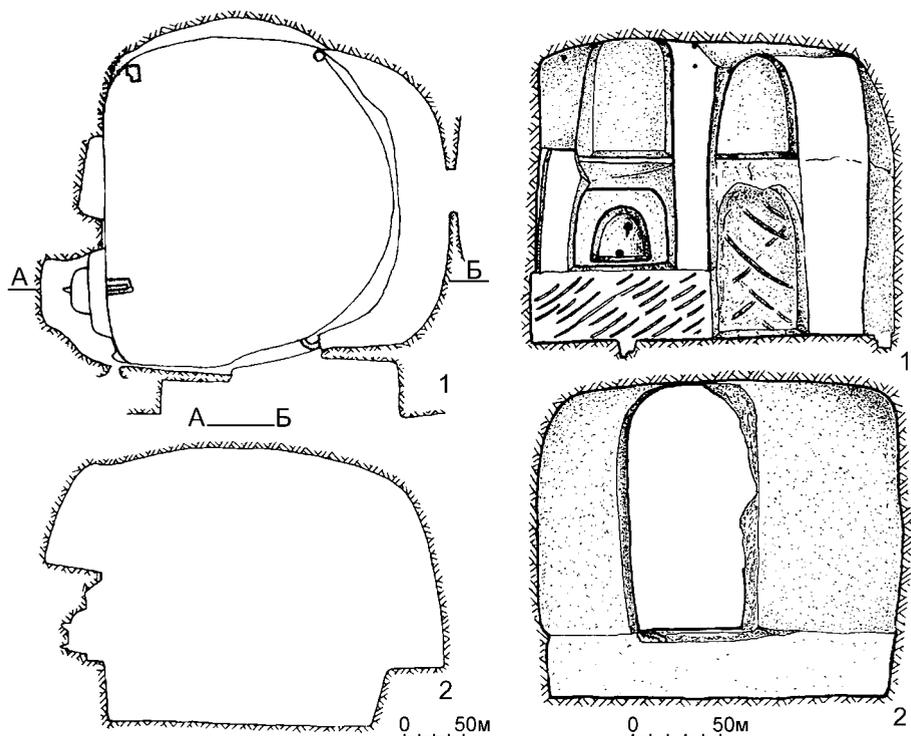
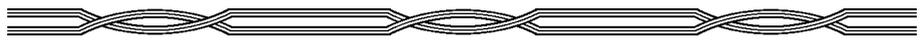

Рис 4. Помещение 35 пещерного монастыря Тепе-Кермен (по Петровскому В.А.).

Второй ярус монастыря состоит здесь из двух типологически различных частей. Одна — это комплекс костниц (пом. №№ 33–35, 40–42). Из них наибольший интерес представляет пом. № 35 (рис. 4), подробно описанное, но совершенно неверно понятое Петровским [*Петровский 2002, с. 94–96*], который предполагает здесь агиасму. Между тем, очевидно, что перед нами склеп, обращенный впоследствии в мемориальный комплекс (хотя возможно, что первоначально чтимое захоронение было

не здесь, а на площадке перед помещением № 35, и лишь впоследствии для святыни была вырублена специальная пещера). Здесь имеется престол со следами крепления престольной доски (в полу паз для ножки), однако с уверенностью сказать, что представляла из себя реликвия (если она здесь была, а не почиталось само место), трудно. Возможно, святыня помещалась в полукруглой нише под престолом, отверстие в центре которой Петровский ошибочно принял за водосток. Без сомнения можно сказать, что, если реликвия была здесь, то она была скрыта, замурована в стену [*Тетерятникова 2000, с. 23–24*].

Справа на уровне престола — ниша, предназначенная, как правильно полагает Петровский, для установки иконы, т.к. протезис в таком маленьком храме был не нужен⁸. На Эски-Керменском могильнике, расположенном у подошвы городища, мы видели закладные плиты со сквозными отверстиями, по форме совершенно такими же, как и в нише под престолом.

Из пом. № 35 круглое отверстие ведет в единственную пещеру второго яруса, не имеющую погребального назначения (№№ 36–37). Отверстие это правильной формы — можно предположить здесь своеобразное окно, соединявшее предполагаемую святыню со связанным с ней служебным помещением. Эта трехчастная пещера с экседрой в южной стене, по нашему мнению, — верхний архондарик.

Если сравнить положение, устройство и отделку двух архондариков, верхнего и нижнего, то верхний, безусловно, более парадный и торжественный. Систему двух архондариков, обычного и праздничного, до сих пор сохраняют, например, афонские монастыри.

Помещения третьего, верхнего яруса монастыря распадаются на две группы: одна вокруг храма с баптистерием и другая вокруг древней монастырской костницы.

К востоку от пом. № 43 открытых пещер нет. Однако и мощность культурного слоя вряд ли позволяет здесь представить несколько помещений значительного размера. Само пом. № 43, находящееся к востоку от храма с баптистерием, представляет собой хорошо обустроенную келью: вероятнее всего, это жилище настоятеля монастыря (рис. 5).

Как хорошо видно на плане, оно состоит из нескольких компартиментов: жилая часть, помещение для молитвы и приемная.

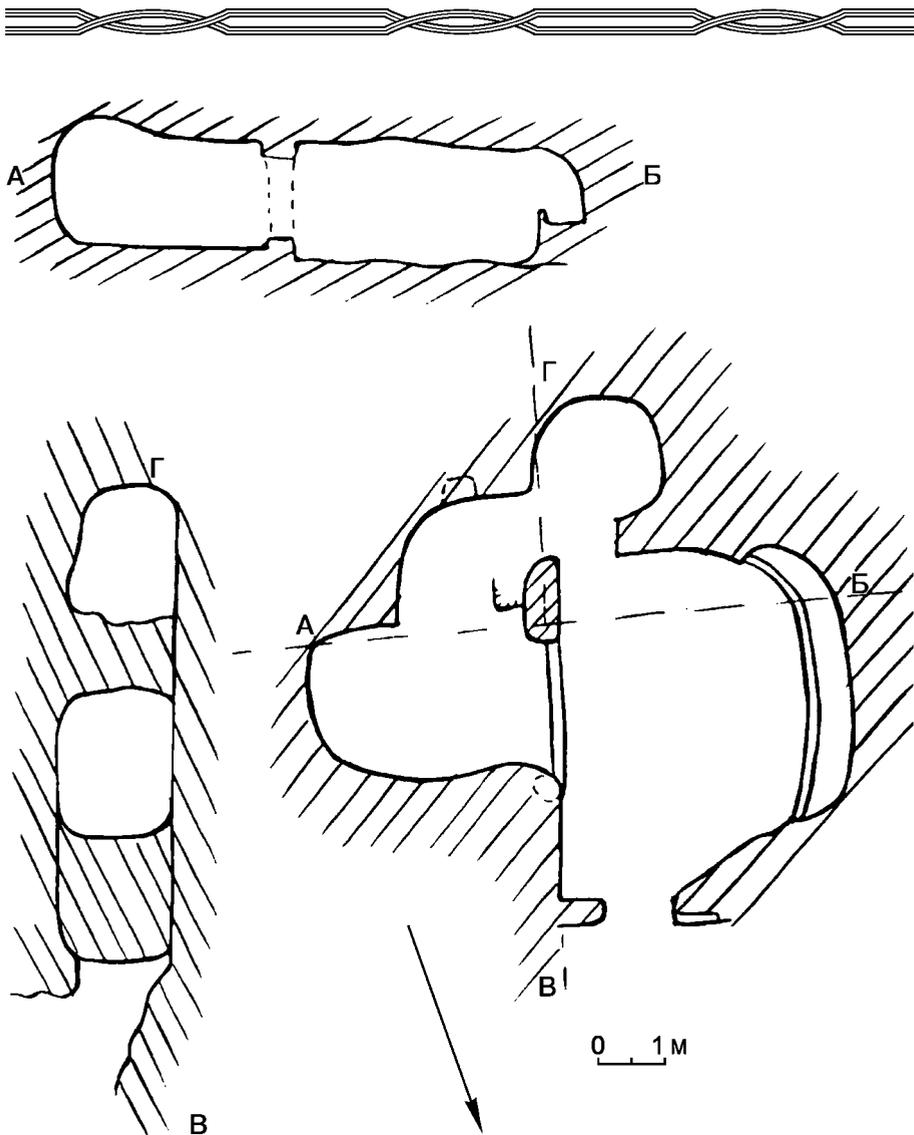

Рис 5. "Покои настоятеля" пещерного монастыря Тепе-Кермен.

Храм с баптистерием (пом. № 45; рис. 6) является, судя по своему архитектурному устройству, несомненно, древнейшей частью монастыря, которая расположена у начала обрыва и примыкает к территории городища. К сожалению, весь археологический материал из него был утрачен в XIX в. при расчистке Пузатова [Могаричев 1997, с. 83]. Но само устройство храма с оригинальным, скальным темпლოном в виде выгородки позволяет сравнить его с византийскими базиликами V—VII вв. и отнести к наиболее древним из пещерных храмов юго-

западного Крыма⁹. В пользу такого подхода говорит и прямоугольная рубка и хорошая отделка плоского потолка, что не встречается в поздних храмах, строго датированных по эпиграфике XII — XIII вв. [*Виноградов 2002, с. 55–58*], а также его непривычная ориентация — север-юг.

Предполагать для решения последней проблемы перестройку храма невозможно: на оси симметрии, проходящей через боковые восточные врата темплона не видно никаких следов первоначального престола, да и сама их художественная декорация явно подчеркивает их вторичное значение в сравнении с основными, северными. С нашей точки зрения, ключ к этой загадке надо искать в ориентации алтарного окна: оно точно выходит на окно пещерного храма Баклы, расположенного на расстоянии нескольких километров от Тепе-Кермен. Они могли служить для обмена световыми сигналами между крепостями [*Петровский 2002, прим. 12, стр. 92*]. Вполне вероятно, что все или, по крайней мере, большинство пещерных городов были связаны между собой таким образом.

Заслуживает более пристального внимания и сам скальный баптистерий, от которого храм получил свое название: он расположен у восточной стены храма и имеет оригинальную крестообразную форму. Неглубокие крестовидные купели, аналогичные нашей, характерны для VI в. [*Хрушкова 2002, с. 317*], что вкупе с характерным обликом плит с изображением креста в алтарной преграде дает уже серьезные основания отнести наш храм к эпохе Юстиниана. Вокруг баптистерия создана отдельная зона в восточной части храма с более высоким полом: если она и не была отделена от храма постоянной преградой или стенкой, то временные перегородки или завеса здесь, вероятно, были. Заметим также, что темплон в восточной части алтаря отсутствует: это можно связать с тем моментом таинства крещения, когда новопросвещенных заводили в алтарь. Возможно, что в этой зоне также располагался первоначальный пастофорий, откуда хлеб и вино для евхаристии переносили в храм. Таким образом, литургический облик храма создают в порядке убывания значимости: наблюдение за сигнальным огнем Баклы, базиликальная структура алтаря¹⁰ и, наконец, пространство баптистерия, включенное с храмом в единый объем¹¹. В силу этого храм и приобрел столь оригинальную и неповторимую форму.

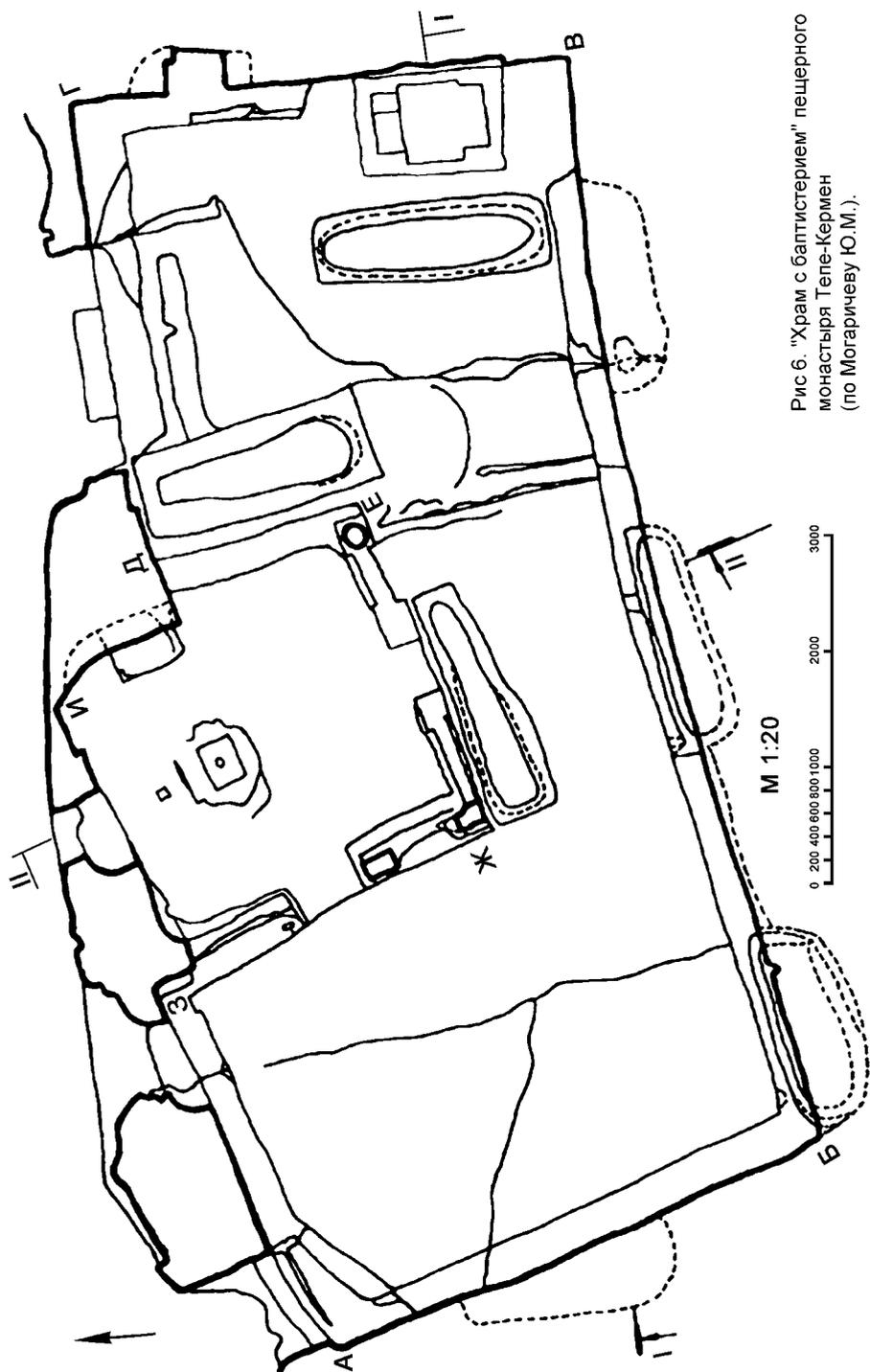

Рис 6. "Храм с баптистерием" пещерного монастыря Тегел-Кермеň (по Могаричеву Ю.М.).

На площадке над храмом (почти точно над его алтарной частью) была расположена квадратная постройка (размеры 3.1×2.3), подрубки под стены которой хорошо читаются в скале и сегодня. Она могла служить как маленьким храмом, так и маяком для передачи световых сигналов.

Из остальных помещений в третьем ярусе также представляет интерес “скальная мемория” (№ 46), единственная археологически исследованная костница монастыря [*Петровский 2002, 87–93*]. Кратко перечислим ее важнейшие особенности. Мемория была сооружена после храма с баптистерием. Сама форма пещеры, со скругленными углами, уже сильно отличается от первоначальных строений (пом. №№ 46 и 48), но само захоронение здесь архаично: оно представляет собой вырубленный в полу склеп, закрытый массивной крышкой (так же как и в костнице № 48).

Первоначальное захоронение в мемории — два мужских костяка, прикрытые сверху керамидами. Оба костяка были обнаружены *in situ*, без какого-либо инвентаря. Петровский датирует это захоронение по аналогии IX — X вв. [*Петровский 2002, с. 93*]. Наиболее вероятно, что это монашеское погребение. В дальнейшем захоронения в мемории совершались непрерывно вплоть до начала XIV в. [*Петровский 2002, с. 91–92*]. Мемория, исследованная Петровским, возможно, фиксирует переход между различными этапами существования монастыря.

Пом. № 48 в плане напоминает храм с баптистерием, отделка стен правильная, углы тщательно проработаны (рис. 7). В восточной части под засыпью видны очертания костницы значительного размера. Вероятнее всего, это помещение, как и храм с баптистерием, относится еще к первоначальному этапу существования монастыря. Объемы пещеры и костницы говорят о фундаментальном характере строительства первоначального монастыря.

К западу от пом. № 48, возможно, находятся еще пещеры, однако они скрыты под мощным культурным слоем. С юга в настоящее время монастырь ограничить невозможно. Раскопками Д.Л. Талиса здесь открыта усадьба¹², однако, между монастырем и усадьбой остается неисследованное пространство шириной около 10 м. Даже под мощным слоем засыпи здесь видны остатки каких-то пещерных сооружений,

которые никогда и никем не изучались. Четкой границы между комплексами Д.Л. Талисом выявлено не было.

Дальнейшие исследования именно данного участка представляются нам особенно важными, поскольку здесь, вероятно, располагались другие помещения первоначального монастыря.

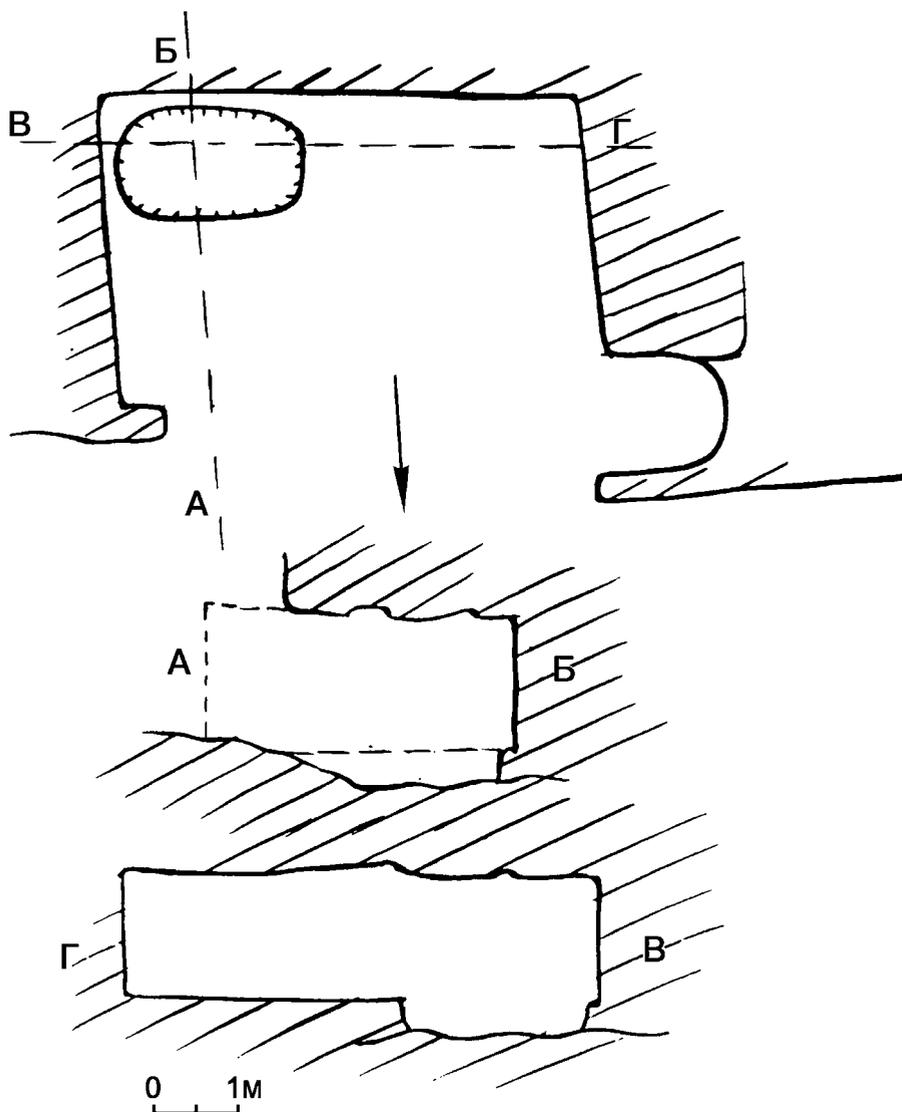
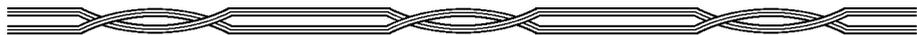

Рис 7. Помещение 48 пещерного монастыря Тепе-Кермен.

Попробуем суммировать наши наблюдения. Монастырь в плане состоит из трех ярусов, каждый из которых имеет свою функцию. Первый ярус состоит из церкви, трапезной и нескольких келейных комплексов, расположенных у подошвы скалы. Часть келейных комплексов имеют совершенно особенное устройство — они двухэтажные: внизу находится хозяйственное помещение с очагом, вверху жилые помещения, т.е. каждая келья имела свой, пусть и небольшой, хозяйственный комплекс.

Трапезная в Тепе-Керменской *лавре* находится в стороне и от храма, и от келий: она расположена не там, где ей следовало бы быть в кинонии — рядом с главным храмом (например, на месте древней монастырской костницы), а на середине высоты — на западной лестнице, соединяющей воедино ярусы монастыря. Об отдельной трапезе по кельям свидетельствует и наличие почти в каждой из них собственного очага.

Нижний архондарик монастыря расположен между двумя келейными комплексами. Вероятнее всего, именно сюда и приводила паломников шедшая с запада дорога: основная его задача — прием гостей и паломников, хотя наличие особой, высокой скамьи и возможного игуменского места предполагает и собрания братии. Верхний архондарик, наоборот, предназначался для торжественных, праздничных собраний братии, он связан с мемориальным комплексом № 35.

Структура монастыря: киновия или лавра?

Осознав пещерный комплекс на Тепе-Кермене как монастырь и выявив многие элементы его структуры, мы не можем не задаться вопросом об уставе и статусе этой обители. Что перед нами: городской монастырь, киновия, лавра?

Но прежде следует напомнить, что монастырские храмы Тепе-Кермена — не единственные и не главные храмы городища. В южной части городища, рядом с цитаделью, еще Д.Л. Талисом была исследована наземная базилика значительных размеров, которая почему-то (вероятно, в силу цензурных соображений) названа им часовней [*Талис 1977, с. 102–103*]. Без сомнения, базилика Талиса и была главным храмом города. Об этом говорит как ее положение, так и значительные (по крайней мере для Горного Крыма и тем более для Тепе-Кермена) размеры (5.5×2.2)¹³. Таким образом, Тепе-Керменская

обитель не совмещала в себе функции монастыря и кафедрального собора с епископской резиденцией при нем.

Была ли она в том состоянии, в каком дошла до наших дней, киновией, как большинство средне- и поздневизантийских обителей? Для общежительного монастыря¹⁴ характерно, прежде всего, четкое устройство: наличие одного большого храма и трапезной, соединенной с ним в единую структуру [*Porovic 1998, p. 281–303*], явно выраженного хозяйственного комплекса, а также достаточно компактного келейного корпуса, где все кельи расположены одной тесной группой. Такое устройство характерно для некоторых значительных пещерных монастырей Крыма, например, Челтер-Мармара [*Гайдуков; Пещерная киновия...*].

Однако всего этого нет в нашем монастыре. Все его устройство: храмы в разных концах монастыря, трапезная на отшибе, которая, очевидно, использовалась нерегулярно, и, конечно же, двухэтажные кельи с жилым и хозяйственным помещением носят совсем иной характер. Эти келейные корпуса имеют необычное для Крыма устройство. Рассмотрим его на примере комплекса пом. №№ 14–18. Для жилья здесь предназначены пом. №№ 15, 17 и 18, причем, пом. №№ 15 и 17 имеют под собой собственные хозяйственные пещеры №№ 14 и 16. Здесь располагался очаг, который обогревал и жилые помещения. Без сомнения, это “мастерские” и кухни. Пом. № 18 (так же как и пом. № 12 в комплексе под №№ 9–12) хозяйственного назначения, т.е. своей “мастерской”, не имеет. Это жилище того, кто не имел нужды в собственной мастерской — возможно, старца. Таким образом, мы четко видим ячейку монастыря, т.е. отдельную “келью” в монашеском понимании этого слова, которая была независима от монастыря, как в хозяйственном, так и в духовном смысле¹⁵. Таких ячеек мы насчитываем всего пять (1 — №№ 9–12, 2 — №№ 14–18, 3 — №№ 19–21, 4 — №№ 22–27, 5 — № 29–31). Следовательно, общее число насельников монастыря, если в каждой келье-ячейке жило 3–5 чел., составляло не более 25 чел., вместе с игуменом и теми, кто жил вне стен монастыря, — около 30.

Такое количество хорошо согласуется и с размерами трапезной, которая как раз и могла вместить три стола примерно на 10 человек. Трапеза, конечно, совершалась здесь не ежедневно, как в киновиях, а только по праздникам: для этого и

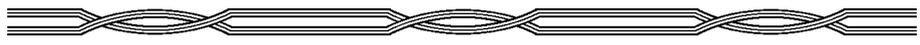

нужен был холодильник, способный сохранить на какое-то время продукты для монашеского стола. По будням же монахи готовили пищу у себя по кельям, для чего последние были повсеместно оборудованы очагами. Итак, наш монастырь обладает ярко выраженной структурой лавры¹⁶ — большого общежительного монастыря. Других пещерных лавр в Крыму нам неизвестно. Однако на востоке, в Палестине и Египте, они отнюдь не редкость.

Как уже говорилось выше, кроме своего основного назначения монастыри в Византии часто выполняли и другие, довольно многообразные функции. Они могли быть административными церковными центрами, имея в своем подчинении церковный округ или даже целую епархию [*Krautheimer 1965, p. 246*]. Нередко монастырю при основании вменялась какая-либо обязанность: иногда это было содержание школы или больницы [*Рансимен 1998, с. 201*], а иногда такие функции, как охрана и связь. Иногда монастырь одновременно служил жилищем для иноков и для военного гарнизона — симбиоз, как пишет Краутхаймер, странный только для нас [*Krautheimer 1965, p.187*]. Вспомним монахов в Амиде, которым при Юстиниане была поручена охрана одной из городских башен, где и была расположена их обитель [*Proc. De bell. Pers. 7, 22–24*]. Вполне возможно, что нашему монастырю при его создании вменялось наблюдение за сигнальным огнем с Баклы (подробнее об этом см. выше) и дальнейшая передача сигнала. Напомним, что эпоха крепостного строительства в Горном Крыму по времени совпадает с созданием храма с баптистерием — VI в. Если это так, то отсюда можно сделать несколько выводов относительно первоначального статуса и устава монастыря.

Первое: монастырь, включенный в оборонительную систему империи, благодаря своему значению мог быть независимым от местной церковной власти, ставропигиальным, т.е. напрямую подчиняться патриарху — тогда хорошо объяснима слабая связь монастыря и городища. Монастырь никак не зависел от местного населения, получая постоянное содержание из столицы.

Второе: в монастыре, который вел непрерывное наблюдение за сигналами, служба в храме, ориентированном на Баклу, должна была совершаться постоянно, и, следовательно, идеальным уставом был бы акимитский, не знающий перерыва

в богослужении. Однако, акимиты — монахи строго общежительные¹⁷, а наш монастырь по структуре лавра. На самом деле, акимитским наш монастырь, если и был, то только на первом этапе своего существования — потом, в связи с отпадением оборонительных функций (о чем свидетельствует разбор крепостных стен на Тепе-Кермене), он был преобразован в идиоритм.

И, наконец, третье: с точки зрения нашего предположения о первоначальной функции монастыря хорошо объяснимо и устройство храма с баптистерием (№ 45). Этот храм действительно уникален для Горного Крыма: с нашей точки зрения, его вряд ли стоит сравнивать с какими-либо другими пещерными и наземными храмами, потому что помимо литургического и мемориального у нашего храма был иной топологический центр — алтарное окно, через которое велось наблюдение служащим клириком. Богослужение совершалась непрерывно, а служащий становился как бы одновременно и дозорным, стоя лицом к окну — такова суть литургического устройства верхнего храма нашего монастыря. Впоследствии, когда политическая ситуация изменилась и необходимость в непрерывном наблюдении отпала, изменился и устав и статус монастыря. Уникальный “храм с баптистерием” с его северной, дозорной ориентацией нигде больше не был воспроизведен — в самом монастыре более поздние “храм на уступе” (№ 6) и “храм с ризницей” (№ 21) в первом ярусе ориентированы уже строго на восток.

Литургическое устройство

Однако кроме функционального и хозяйственного аспекта в своем устройстве, любой монастырь имеет еще один, и чуть ли не самый важный. Он населен монахами, одним из главных занятий которых является богослужение — таким образом, ниже речь пойдет о литургическом устройстве Тепе-Керменской обители.

На плане хорошо видно, что все три яруса монастыря пронизывает ось культовых сооружений, расположенных строго друг под другом. Это “храм на уступе” (№ 6) первого яруса, мемориальный склеп с возможным литургическим устройством (№ 35) второго и, наконец, “храм с баптистерием” (№ 45) третьего. Нам кажется, что это отнюдь не случайное совпадение, связанное с постепенным спуском монастыря вниз по обрыву: комплексу костниц (№№ 33, 34, 35, 40, 41, 42) у “храма

с баптистерием” соответствует костница (№ 5) у храма на уступе¹⁸. Вопрос о том, когда костнице № 35 были приданы черты мемориального комплекса, остается открытым¹⁹, но архитектор, создавая “храм на уступе”, явно ориентировался на положение храма с баптистерием и этой мемории. Конечно, мы не знаем, были ли связаны все три храма единым литургическим процессом, и даже лестница из пом. № 3 в первом ярусе в пом. № 33 на втором пока надежно не реконструируется, но без сомнения, литургическое ядро монастыря, охватывающее все три яруса, находилось именно здесь.

В связи с этим небезынтересно вновь вернуться к вопросу о пещерном “храме с ризницей” (№ 21), которого мы уже касались. Почему все-таки он находится несколько на отшибе и довольно сильно выключен из окружающего его комплекса пещер? Мы полагаем, что первоначально храма здесь не было, а была обычная для нашего монастыря двухъярусная жилая келья. В свете этого можно объяснить “пролом” в одном из склепов в полу храма — не исключено, что это первоначально было отверстие для обогрева, заложенное впоследствии, когда в полу храма была вырублена могила. Впрочем, это могла быть изначально и отдельная келья на уровне второго этажа (подобная пом. № 30), которая не была связана с остальным комплексом даже лестницей и была предназначена для затворничества. Возможно, что после смерти обитатель кельи стал почему-то особенно почитаем, и его жилище было обращено в храм, как это часто случалось в Средние века. Вполне вероятно, что это сделали какие-то благочестивые деревенские жители-христиане (в ктиторской надписи присутствуют и мужские, и женские имена: София, Анид и Симон) уже тогда, когда городище и монастырь были заброшены.

Датировка

Несмотря на большой прогресс в изучении структуры монастыря, определение времени его постройки остается наиболее спорным вопросом. Комплекс в целом не был археологически исследован. Хотя отдельные помещения несут следы археологической зачистки, кем и когда она здесь производилась (кроме пом. № 46), нам определить не удалось²⁰. В такой ситуации единственным хронологическим репером для монастыря является “скальная мемория”, исследованная В.А. Петровским [*Петровский 2002, с. 87–93*]. Он датирует нижнюю

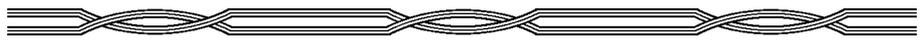
границу существования “мемории” археологическим материалом VIII — IX вв.²¹ [*Петровский 2002, с. 93*]. Мемория Петровского (№ 46) дает нам *terminus ante quem* для храма с баптистерием, поскольку мемориальный комплекс был сооружен как бы поверх храма, и даже немного “внахлест” (лестница, ведущая в меморию, находилась настолько близко к потолку церкви, что в конце концов образовался пролом)²². Значит, храм с баптистерием был сооружен ранее VIII в. Такую датировку подтверждает и анализ декоративного убранства, находящего множество аналогий в “юстиниановских” базиликах Херсонеса. Это единственный точно известный нам доиконаборческий пещерный храм, а следовательно и пещерный монастырь Таврики.

* * *

Итак, всю историю монастыря можно представить себе в следующем виде²³.

Первый этап (VI — VII вв.). На верхней площадке на северном краю городища вырублен пещерный храм с баптистерием. Ориентация храма не случайна. Вероятнее всего, это связано с тем, что алтарное окно служило сигнальным маяком. Монахи с их длинными богослужениями идеально подходили для постоянного контроля за сигналами с Баклы, самого северного городища Горного Крыма, на краю степи. Однако для непрерывного наблюдения за огнями нужен был монастырь с наиболее длительным, а желательно даже непрерывным богослужением. Идеально для этих условий подходили акимиты-“неусыпающие” с их уставом непрестанного бдения. Акимитские обитатели были объединены в своего рода орден и находились не только в Константинополе, но и по всей территории империи. Вероятно, к этому же этапу относятся древняя костница и пещера у начала реконструируемой деревянной лестницы в первом ярусе. В плане архитектуры для этого этапа характерны прямоугольные формы помещений, плоские потолки, сильное заглаживание рубки.

Второй этап (VIII — IX (?) вв.). Ставший одним из литургических центров Тепе-Кермена, храм обрастает сверху и снизу склепами меньшего или большего (как мемория № 35) объема. Тогда же устраивается прилегающий к ней трехчастный верхний архондарик. Монастырь, по-видимому, сохраняет свой киновиальный статус, хотя это трудно утверждать из-за отсутст-

вия раскопанных келий (пещерных или наземных) в верхних ярусах.

Третий этап (X (?) — XIII вв.). Монастырь спускается вниз по ненужному для городища северному обрыву²⁴. Для этого строятся лестницы в обоих концах монастыря. С востока — деревянная, ведущая из помещения № 3 к помещению № 33, а с запада — каменная, которая проходит мимо трапезной. У входа в монастырь строится храм на уступе (№ 6), который впоследствии окружается со всех сторон могилами. Один из склепов, вырубленных в полу этого храма, переделывается со временем в агисму, сток из которой направлен в сложный комплекс подземных помещений под храмом. Возникают многочастные келейные комплексы, строится трапезная и нижний архондарик. Монастырь становится лаврой. Именно XII — XIII вв. датируются по шрифту надписи из храмов “на уступе” и “с баптистерием”, где продолжают производиться захоронения, а соответственно, и богослужение.

Четвертый этап (XIV — XV вв.). Устраивается храм с ризницей. Вероятнее всего, это делают светские ктитеры (София, Анид и Симон), и он никак не связан с монастырем, который к этому моменту²⁵, возможно, уже прекратил свое существование.

Таким образом, изучив структуру монастыря, расположенного на северном склоне городища Тепе-Кермен, мы установили, что монастырь является, в своем нынешнем виде, необщезначительным, т.е. лаврой. Нами также была предложено восстановление истории монастыря с датировкой ее этапов. Однако, наш труд всего лишь непротиворечивая гипотеза, объясняющая наибольшее количество фактов, накопленных на сегодняшний день. Подтвердить или опровергнуть ее предстоит археологу будущего.

Примечания

¹ Из работ, посвященных исследованию Тепе-Кермена, хотелось бы отметить, прежде всего, уже указанную статью В.А. Петровского [*Петровский 2002, с. 81–98*] как безусловно наиболее значимую, хотя и не бесспорную работу о Тепе-Кермене, а также статью Н. Боровко “Тепе-Кермен” [*Боровко 1913*], опубликованную в 1913 г. Боровко выполнены обмеры и описания большинства пещерных сооружений, при этом никакой работы по систематизации сделано не было, что существенно снижает ценность сделанного. С 1969 по 1972 гг. археологические раскопки здесь проводил Д.Л. Талис [*Талис 1977, с. 98–103*].

Подробную библиографию памятника приводит Ю.М. Могаричев [*Могаричев 1997, с. 83–87, рис. 318–345*].

² Авторы выражают глубокую благодарность А.С. Муравьевой, выполнившей обмеры и чертежные работы, а также М.С. Желтову — за некоторые справки и советы в области литургики.

³ Нумерация ярусов идет снизу вверх, а помещений — снизу вверх и слева направо.

⁴ В литературе храм достаточно осторожно описывается как “скальный комплекс” [*Петровский 2002, с. 96*], хотя признаки, характерные именно для церкви, видны здесь превосходно. Для него не предложено даже специального названия — мы предлагаем называть его “храмом на уступе”.

⁵ Возможно, оно первоначально было склепом, о чем свидетельствуют очень низкие скамьи по периметру, вырубленные при помощи углубления первоначального пола, которое не могло быть слишком большим из-за расположенного ниже пом. № 4.

⁶ Они были устроены наподобие хорошо известных татарских очагов. Прямо в отверстие пола вставлялась металлическая жаровня, в которой горели угли.

⁷ В дальнейшем мы будем называть его нижним, чтобы отличить от верхнего архондарика (№№ 36–37), о котором речь пойдет ниже.

⁸ Подобного рода конструкция алтаря восходит к архаичным погребальным конструкциям типа эсхар [*Сорокина, Усачева 1997, с. 47–57*].

⁹ Мы не можем принять мнение Петровского о литургическом устройстве храма с баптистерием как принципиально отличном от всех крымских памятников. Устройством алтарной части и темплона наш храм во всем походит на херсонесские базилики. Ни сирийских, ни армянских, ни тем более латинских литургических приспособлений здесь нет. Автора, видимо, ввело в заблуждение то, что ко времени строительства храма, а храм был построен, видимо, еще до иконоборчества, не существовало жестких требований к алтарным устройствам и они могли существенно отличаться друг от друга.

Кроме того, храмы с темплом-выгородкой известны и в Горном Крыму: это первоначальный храм “Судилище” на Эски-Кермене и храм в Челтер-Коба [*Могаричев 1997, рис. на стр. 242, 334*].

¹⁰ Все литургические конструкции алтаря нашего храма традиционны, т.е. созданы по образцу и подобию св. Софии Константинопольской.

¹¹ Заметим, что в Херсонесе так никогда не делалось: может быть, наша конструкция фиксирует здесь самое начало важных литургических изменений.

¹² Хотя отчеты Д.Л. Талиса о раскопках на данном участке остались вне поля нашего зрения (ныне они находятся в Киевском ИА:

Талис Д.Л. Отчет о работе Горно-крымской экспедиции ГИ-Ма. НА НАНУ 1969/50, №№ 8470; 5528–30

Талис Д.Л. Отчет о раскопках в 1970 г. (Тепе-Керменское и Баклинское городище 10–14 вв. н.э. НА НАНУ 1970/92, №№ 8470; 5911–5912

Талис Д.Л. Отчет о раскопках на Баклинском городище и Тепе-Кермене в 1972 г. НА НАНУ 1972/84, №№ 8470; 6258–6260 — об этом любезно сообщил нам Р.В. Стоянов); однако массивный отвал и археологически защищенные остатки усадьбы говорят сами за себя.

¹³ Вот как пишет об этом сам Д.Л. Талис: “Особенностью, выделяющей эту часовню из круга всех аналогичных сооружений на городищах горной Таврии, является необычная массивность стен, сложенных из каменных плит длиной до 2.5 м, шириной до 1.3 м. Массивность плит совершенно не соответствует размерам храма. Возможное объяснение заключается в том, что часовня была частью какого-то еще более монументального комплекса [*Талис 1977, с 102*].

¹⁴ Подробнее об этом см. *The Oxford dictionary of Bizantium, p.1136*.

¹⁵ Аналогичные структуры описаны Патричем для лавры преп. Саввы Освященного; они состоят из жилого помещения, хозяйственного комплекса и небольшого внутрененного двора — все это есть и у нас за исключением специального резервуара для воды — особенности, характерной для пустынного климата [*Patrich 1993, p. 233–243*].

¹⁶ Хорошее определение лавры дает *The Oxford dictionary of Bizantium, p.1190*.

¹⁷ Об акимитах подробнее см. напр. статью в Православной энциклопедии [*Крюков 2000, с. 393–394*].

¹⁸ На плане “храм на уступе” (№ 6) по ошибке нарисован в проекции. Если бы художник изобразил его правильно, то есть так как и все остальные помещения, то костница № 5 пришлась бы строго под помещением № 35. Однако мы специально не стали исправлять ошибку, чтобы план выглядел более наглядным.

¹⁹ Археологический материал здесь отсутствует.

²⁰ Например, следы зачистки имеются в помещении № 48. Вероятнее всего, зачистка здесь производилась экспедицией Д.Л. Талиса. Зачищен также мемориальный комплекс № 35 (Петровский приводит в своей статье его план [*Петровский 2002, с. 94–95*]), однако кем и когда, остается для нас неизвестным.

²¹ Петровский датирует верхнюю границу комплекса по монете 1305 г. [*Петровский 2002, с. 92*], а нижнюю – по характеру погребения IX — X вв., и по материалу VIII в. [*Петровский 2002, с. 92–93*] Причем погребения в “мемории” совершались практически непрерывно все время существования монастыря.

²² Заметим, что “мемория”, исследованная Петровским, не единственная и даже не самая древняя костница монастыря. Вероятно, она была сооружена уже после того, как была заполнена “первоначальная” или “древнейшая костница” (№ 46), сооруженная в полном соответствии с доиконаборческой традицией в значительном удалении от храма. Однако, подобное утверждение нуждается в дополнительной “проверке лопатой”.

²³ Ввиду недостатка археологического материала, в настоящий момент невозможно решить вопрос о непрерывности существования монастыря.

²⁴ Для монастыря, а в особенности лавры, характерно использование ненужных и бросовых земель: так поступали монахи Палестины и Афона [*Hirschfeld 1993, p. 153; Рансимен 1998, с. 206–207*].

²⁵ Все литургические детали, например, колонки темплона, очень поздней формы.

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ, ПОШЛИН И ПОВИННОСТЕЙ В КРЫМУ (XVII — начало XVIII вв.)

В силу ряда субъективных причин до настоящего времени остается слабо изученной проблема истории государств и правовых отношений южного региона Украины. Одним из объектов исследования периода позднего средневековья является Крымское ханство. Большинство публикаций в данной области посвящено этническим, социальным или политическим аспектам истории данного государственного образования. Мы же предполагаем остановиться на одном из историко-юридических вопросов — системе налогообложения, повинностей и пошлин, сложившейся в завершающий период его вассальной зависимости от Османской империи (XVII — начала XVIII вв.). Основными источниками для изучения данного вопроса являются ярлыки ханов, фирманы султанов империи и записки путешественников.

По обычаю тюрков-кочевников, осевших на полуострове в XIII — XIV вв., земля считалась собственностью всего племени, рода, общины. Хану Крымского улуса принадлежало верховное право распоряжаться родовыми землями. Обязанности по распределению пастбищ между мелкими родами, аилами и семьями возлагались на глав крупных родов. Институт частной собственности на землю у татар на раннем этапе отсутствовал, что исключало сбор поземельных налогов с подданных. Слабые попытки перейти к наследственному землевладению делаются только в процессе формирования централизованного государства, в силу ограниченности земельного фонда и под влиянием местного оседлого населения. Причем хан мог жаловать землю в потомственную аренду [*Блюменфельд 1888, с. 8–9*]. Дальнейший процесс формирования элитного сословия из глав родов (беев и мурз), занявших привилегированное положение в зарождающемся государстве, привел к передаче им в управление родовой общинной земли и закреплению ее за наследниками. Таким образом, сформировались территориальные округа — бейлики, в которых только часть земли принадлежала главе рода. Хан писал в своих ярлыках:

“...вручаю сие ханское повеление, повелеваем управлять имениями, оставляя себе бейлик до самой смерти... распоряжаться всеми фамилиями его рода и прочим населением, ограждать право, а равно собирать с бейлика разного рода доходы” [*Возгрин 1992, с. 187*].

Одновременно формирование служилой аристократии — хапулаков также требовало оплаты государственной службы, а следовательно — выделения им земли “на кормление” из свободного фонда. Последние пользовались только правом взимания оброка (или части оброка), судебных, таможенных и торговых пошлин. Право на часть доходов с ханского, государственного имущества и иных источников пополнения казны подтверждалось ярлыками, которые, как правило, должны были обновляться в случае смены хана на престоле [*Блюменфельд 1888, с. 26*]. Практика раздачи земли ханом была освящена и шариатом, наделяющим имамов иктаа, т. е. правом пожалования земель. Уже в составе Орды, улуса и позже ханства, беи и мурзы обеспечивали сбор с подконтрольного населения государственных податей: торговых пошлин, выплат за совершение гражданских сделок и браков. Первоначально свободные общинники, ведущие полукочевой образ жизни, платили по традиции дань скотом. По мере оседания и развития земледелия дань стали платить и иными продуктами сельскохозяйственной деятельности.

Ханская казна пополнялась за счет доходов с промысловой деятельности, процентов от военных трофеев, поминок, дани, таможенных сборов и пошлин. Поэтому услуги служилой аристократии могли оплачиваться только из перечисленных источников. В итоге сложилась практика передачи приближенным права взимания части доходов с ханских имений и иных традиционных источников. Возникли разряды земель, приписанных к определенным должностям. Сформировались предпосылки возникновения частной собственности на недвижимость. Содержание двора (родовой и служилой аристократии) за счет подконтрольных земель, требовало создания единой упорядоченной системы налогообложения.

Другим видом землевладения, сложившимся под влиянием ислама и на основе шариата был вакуф, т.е. договор, посредством которого собственник передает свое имущество на благотворительные цели в пользу духовных учреждений. Доходы с так называемого “законного вакуфа” передавались на содержание мечетей, медресе и иные благотворительно-религиозные цели. С “обычного вакуфа” (вакуф-адет) доходы шли в пользу родственников лица, передавшего недвижимость духовному учреждению, а последнее взимало только процент вознаграждения за управ-

---

ление им. Естественно, духовенство стимулировало практику распространения вакуфных имений подобного типа. [*Блюменфельд 1888, с. 31, 32, 39*].

В кратковременный период становления и относительной независимости при Девлет-Гирее (XV в.) в ханстве не успела сложиться четкая система налогов, податей и повинностей. Последующая трехсотлетняя вассальная зависимость ханства от Великой Порты, начиная с 1475 г., существенно повлияла на структуру его управления и экономику. Следовательно, и налогово-откупная система также окончательно сформировалась только к началу XVII в., не исключая древних традиций, прежде всего, регулировалась шариатом. Шариат предусматривал четыре типа податей:

закят — налог, предусмотренный в пользу бедных и неимущих. Собранные средства, могли быть использованы на коллективные нужды религиозной общины (строительство мечетей, медресе и пр.), ведение священной войны и в целях распространения ислама;

ушур — десятина, подоходный налог, выплачиваемый мусульманами с участка земли;

херодж (или карадж) — налог, взимаемый с доходов от земледелия и скотоводства, независимо от вероисповедания;

джезие — поголовная подать, взимаемая с немусульман [*Блюменфельд 1888, с. 30*].

Выплата закята, входит в число пяти основных религиозных обязанностей мусульман. Право на его сбор принадлежит имаму, либо уполномоченным им лицам. Взнос закята предполагает вознаграждение мусульманина за праведную жизнь после смерти. Шариат предусматривает четыре разновидности религиозного налога: закят воджиб — обязательный; закят суннат — рекомендуемый, его выплата осуществляется по доброй воле; закят фитр — раздача милостыни по окончанию поста Рамазан и закят хюмс — налог с имущества, приобретенного во время войны.

Лица, дающие закят воджиб, должны достигнуть совершеннолетия, находиться в здравом уме, иметь собственное, приобретенное законным путем имущество и право им распоряжаться. Собранные средства подлежат использованию и распределению в следующих целях: для оказания помощи бедным и неимущим мусульманам, не имеющим средств к пропитанию

в течение года; на богоугодные цели, связанные с религиозными потребностями, создание и содержание медресе, строительство и ремонт мостов, дорог и т.п.; для оказания помощи “неправоверным”, если они содействуют мусульманам в войне; для оказания помощи должникам-мусульманам, если из собственных средств они уже не в состоянии погасить долги; иностранцам, которые оказались без средств к пропитанию; для выкупа и освобождения невольников-мусульман, притесняемых своими хозяевами, а также для вознаграждения лиц собирающих закят [*Торнау 1850, с. 85–86, 361*].

Закят взимался с доходов, полученных от реализации пшеницы, ячменя, фиников, сушеного винограда, верблюдов, быков, овец и т.п. Налог с вещей из драгоценных металлов, включая чеканку монеты, взимался только при условии, если они приносили доход, т.е. исключались вещи личного пользования. При этом учитывался минимальный объем имущества (нисоб) и срок владения им (хауль). Закят выплачивался, если имущество находилось у налогоплательщика более 11 месяцев и составлял 2.5% от дохода, при условии, что он превышал минимальную норму. Для исследуемого времени нисоб определяется двадцатью мискалами¹.

Закят с продуктов земледелия следовал, если урожай зерна или плодов садоводства превышает 300 соэ², а с имущества в виде домашних животных — если в течение 11 месяцев (хауль) они не работали в хозяйстве и питались в общинном поле, а не за счет их владельца. В таком случае нисаб составлял 5 верблюдов, с которых платился налог в 1 овцу. При большом стаде с каждых 26 верблюдов брался 1 годовалый. С 30 быков положено было уплатить 1 теленка, с 4 овец — 1 овцу (не моложе 7 мес.).

Закят суннет — рекомендовалось платилась с лошадей, драгоценных металлов, не находящихся в обороте, с доходов, получаемых от передачи в аренду какого-либо имущества, с продуктов земледелия, если в отношении данного имущества или дохода не предусматривался закят воджиб. Нисоб и хауль для закята суннет аналогичны закяту воджиб.

Закят фитр давался по окончании Рамазана в первый день месяца шевваль. Настоящий вид налога обязателен для каждого мусульманина и распространяется на всех членов семьи. Закяту фитр подлежали даже невольники-мусульмане.

Данный налог-милостыня со всех съестных припасов передавался бедным духовным служителям, неимущим, а также использовался и распределялся во всех случаях, предусмотренных для закята воджиб. Натуральная плата продуктами могла быть заменена деньгами.

Закят хюмс составляет пятую часть дохода, полученного мусульманином с имения и ряда иных доходов, оговоренных шариатом. У мусульман-суннитов, к которым относилось большинство татар, данный налог взимался с имущества и капиталов, приобретенных во время или в результате войны [*Торнау 1850, с. 81–91*]. В последующем этот налог платился соразмерно приросту капитала (имущества).

Подати, получаемые главой исламского государства с землевладельцев (независимо от вероисповедания) назывались херодж (карадж). Данный налог взимался с земли, обработанной в завоеванной стране и находившейся в собственности мусульман. Указанные сборы были двух видов: херодж мексимет — взимается с доходов от урожая и с учетом особенностей местности, и херодж везифе — подать, размеры которой устанавливаются имамом или султаном. Обязанности по выплате данного налога с земли возлагались на ее владельца, если главой государства не оговаривались иные условия. Если недвижимое имущество (земля, сады, строение) находилось в собственности неверных, добровольно повинующихся власти мусульман, то его владельцы также платили херодж. Вероятно, о таком виде налога, включая дополнительные сборы за проведение религиозных обрядов неверных, идет речь в фирмане турецкого султана Мустафы, данном митрополиту Гедеоу на Крымскую епархию, где оговаривается сбор “казенных податей от епископов, иеромонахов, священников и прочих христиан, в присутствии местных начальников..., за строение, за монастыри, за венчанье и за прочие мелочи...” [*Негри 1848, с. 682*]. Причем “хан собирает подати ежегодно с татар, армян, евреев, черкесов, пятигорцев и греков христиан..., турки изъяты от подати” [*Броневский 1868, с. 357*].

В то же время, за оказанные услуги либо исполнение государственных обязанностей, подданные крымских ханов, независимо от вероисповедания, иногда специальными ярлыками освобождались от уплаты налогов и выполнения повинностей. Действие актов часто распространялось на несколько поколений. Однако такие ярлыки подлежали обновлению при восше-

---

ствии на престол каждого нового хана. Примером тому служат ярлыки ханов Селим-Гирея и Каплан-Гирея, подтверждавшие аналогичные документы предшественников, данные неким 14 евреям-крымчакам и их потомкам. В них перечисляются следующие льготы: освобождение от подушной подати, от налога с продажи невольников, от таможенных пошлин с торговых операций, пошлин с промысла и наследства, от “недельной” и “земельной повинности”, десятины с урожая и налога “с сохи”, от обязанности предоставлять лошадей для почтовой службы, от постоя, кормления и иных поборов со стороны проезжающих государственных чиновников и служилых лиц. Как сказано в одном из ярлыков, они являются “изъятymi и освобожденными ... от всех обычных народных повинностей” [Гидалевич 1918, с. 175–176]. Следовательно, вышеперечисленные налоги, пошлины и повинности были обязательны для жителей Крыма наряду с налогами, предусмотренными шариатом. Остается пока неясным, что подразумевается под “недельной” и “земельной” повинностью, а также размер перечисленных налогов.

К числу дополнительных налогов относились сборы с монетных дворов, соляных варниц и даже фонтанов:

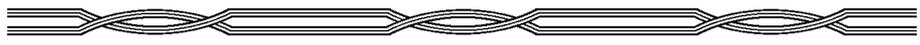
“Хан получает ежегодно... от каждого фонтана, которых на Таврическом полуострове в его владениях очень много, по одному коню...” [Броневский Мартин 1868, с. 359].

К числу повинностей, выросших на базе древних обычаев татарского населения Крыма, относилась “толока”. Однако, это скорее традиция, нежели характерная для восточноевропейских государств “барщина”. В 1802 г. сельские депутаты-татары, разъясняя сложившиеся обычаи представителям российской администрации, характеризовали данную повинность следующим образом:

“Два дня в году выходим всей деревней на помощь помещику³: день для косяницы, а другой — для жатвы, и за это помещики устраивали нам угощения”.

При этом помощь землевладельцу в виде “толоки” оказывали не только жители расположенной рядом деревни, но и соседних, если мурза (бей) пользовался хорошей “славой” [Лашков 1887, с. 37].

Наряду со скотоводством и земледелием у татар в средневековом Крыму сложился еще один источник дохода — война и торговля невольниками. Спрос на товар определял предложение и охота за ясырем была поставлена на уровень почти профессионального занятия. Следовательно, как и любой источник до-

хода, данная деятельность также облагалась налогами. Хан получал с ясыря десятину — “саучу”, остальная часть поступала в пользу беев и мурз, распределялась между участниками набега [Санин 1993, с. 320–321]⁴.

Крымские морские гавани в силу географического положения оказались выгодными узловыми пунктами черноморской торговли в средневековье. Прежде всего, в период вассалитета от Османской империи, выделяются морские торговые города Кафа, Судак и Гезлев. Через Кафу в XVII вв. шли европейские и восточные товары. Одновременно Крым вывозил рыбу, рабов, хлеб, соль, кожи и пр. Австрийский путешественник Клееман писал, что только в гавани Кафы могло стать одновременно несколько сот кораблей, а француз Шарден видел в порту 400 судов [Пилипенко 1996, с. 92]. В середине XVIII века из крымских портов ежегодно выходили в столицу Оттоманской империи от 100 до 150 судов груженых хлебом, и ввозились до 60 судов груженых ячменем. Ежегодный объем эскортируемой крымской соли составлял около 60–80 тыс. пудов [Санин 1993, с. 326].

Однако морская торговля была монополией турецкого султана. Вывоз товаров в другие города, кроме турецких, допускался только при его излишке и при наличии соответствующего фирмана данного султаном свободным шпикерам⁵ [Санин 1993, с. 326]. Таможенный сбор с прибывших кораблей полных товарами составлял 10 пара, с заполненных на $\frac{1}{2}$ — 12, а с пустых — 15 пара⁶. Для “вольных рейсов” без султанских ярлыков пошлина составляла от 15 до 20 пара. Кроме того, трюмы таких судов загружались на $\frac{1}{2}$ солью, являвшейся предметом экспорта Крымского ханства и источником пополнения казны.

Учитывая монополию Турции в Черноморской торговле, местным купцам приходилось арендовать турецкие суда. В такой ситуации взимались и дополнительные таможенные сборы — до $\frac{1}{10}$ от стоимости товара. Во всех остальных случаях таможенные тарифы соответствовали турецким и сбор не превышал 2–3%. Однако по утверждению Клеемана данные льготные тарифы действовали только в отношении судов из Франции. Турки и вассальные государства платили 4%. Что касается украинских, российских и польских купцов, то размер пошлины достигал 6% [Пилипенко 1996, с. 95].

Для внутренней торговли также был установлен налог. В Перекопе и даже у морских ворот Кафы и Гезлева за экспорт и

импорт товаров бралась дополнительная пошлина. Нагруженный воз оценивался по количеству тягловой силы. Налог с внутренней торговли, по свидетельству Клеемана, составлял 3%. Консул России в Крыму В.П. Константинов (1767) писал, что “Подати в городах собираются с купечества с любой продажи привоза и вывоза по 2%” [*Пилипенко 1996, с. 96*]. Транзитная торговля также учитывалась казной. Уплатив пошлину, купцы за 20 пара получали именной ярлык на свободный проезд.

Все доходы с таможенных сборов, кроме Кафы и Еникале, поступали в ханскую казну. Однако стремление к получению немедленной прибыли в условиях часто сменяющихся правителей, являлось причиной продажи таможен на откуп чиновникам или богатым предпринимателям. Увеличивая пошлины, откупщик получал прибыль — “бариш” [*Пилипенко 1996, с. 96–97*].

Таким образом, в Крымском ханстве XVII — начала XVIII вв., находящемся в вассальной зависимости от Османской империи, в процессе формирования феодальной системы восточного типа, под влиянием древних традиций и шариата складывается разветвленная система налогов, повинностей и пошлин. В их числе:

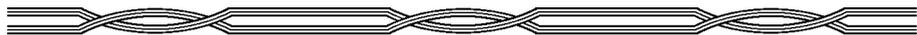
Налоги, предусмотренные шариатом: религиозный налог от доходов мусульман — закят-воджиб, закят-суннат, закят-фитр и закят-хюмс; подоходный налог-десятина, выплачиваемый мусульманами — ушур; налог с земледелия и скотоводства независимо от вероисповедания — херодж (карадж) мексимет и херодж везифе.

Налоги с населения, не исповедующего ислам (собирались священнослужителям соответствующих общин): с культовых строений, монастырей, с венчания.

Налоги и пошлины, сложившиеся традиционно: подушная подать; с ясыря (сауча); с продажи невольников; с промыслов, соляных варниц и монетных дворов; с наследства; с сохи; с бракосочетания; с фонтанов; судебные.

Пошлины и таможенные сборы с торговли: с прибывших кораблей, с арендованных судов, с экспорта и импорта сухопутным путем (в зависимости от тягловой силы); с внутренней и транзитной торговли.

Повинности: недельная, земельная, почтовая, постой и кормление государственных чиновников и курьеров; добровольная повинность — толока.

Сбор налогов и пошлин с населения (кроме подданных Османской Порты) обеспечивался главами бейликов или уполномоченными чиновниками. В ряде случаев практиковалась передача откупных прав на сбор налогов и пошлин частным лицам или чиновникам в качестве оплаты за государственную деятельность. Исключение составляли таможенные сборы и пошлины с морской торговли в городе Кафа и крепости Еникале, которые поступали в султанскую казну. Религиозные налоги, соответственно, собирались священнослужителями или уполномоченными ими лицами. Обязанности по сбору дополнительных налогов с представителей немусульманских общин по аналогу также возлагались на соответствующих священнослужителей.

Вопрос изучения системы налогообложения, таможенных сборов и повинностей в XVII — начале XVIII вв. бесспорно требует дальнейшего детального изучения, особенно в плане эволюции данных отношений в зависимости от развития экономической, социальной и политической ситуации. Однако, уже в настоящем изложении появилась возможность проиллюстрировать сложившуюся сложную финансовую систему позднесредневекового татарского государства в Крыму.

Примечания:

¹ В фунте 87.5 мискалов. По нашим расчетам, основанным на данных австрийского купца Клеемана [*Клееманово путешествие... 1783, с. 247–248*], доход должен был составлять примерно 23 пиастра, или около 20 российских рублей по курсу начала XVIII века.

² Каждое соэ имеет 1170 дирхемов, 1 дирхем — 48 ячменных зерен.

³ Вероятно здесь российский термин “помещик” введен как неудачный перевод слова “бей”, “мурза”.

⁴ Учитывая назначение светского налога — саучи, можно предположить, что он не имел отношения к аналогичному религиозному налогу закяту-хюмс.

⁵ Шпикеры — свободный рейс, который осуществлялся казенными суднами для вывоза хлеба.

⁶ 1 пара — 2 копейки по российскому курсу XVIII в.

СУГДЕЯ В III — VII вв.

Проблема возникновения Сугдеи — одного из крупнейших городских центров средневековой Таврики, не раз привлекала внимание отечественных ученых. Ряд авторов конца XVIII — первой половины XIX вв. приписывали основание его таврам, или милетским грекам, относя это событие ко времени классической античности. При этом привлекались косвенные данные перрипла Арриана первой половиной II в. н.э. [*Латышев 1896, с. 224–225, 283*] о существовании на побережье Черного моря между Феодосией и мысом Бараний Лоб (м. Аю-Даг) покинутой гавани тавро-скифов, называемой Афинеон.

Почти двухсотлетние попытки локализовать этот пункт на современной карте приводили исследователей то к району между поселками Курортное и Коктебель, то в Судак, где в 1967 г. на дне Большой Судакской бухты, были найдены фрагменты амфор рубежа н.э. [*Фронджуро 1971, с. 259*]. В настоящее время с Афинеоном Арриана связывается небольшое укрепление I в. до н.э. на склоне горы Караул-Оба в 10 км западнее от городища Сугдеи [*Ланцов 1997, с. 72–73*].

В 1880 г. Ф. Брун отметил иранское происхождение ойконима — Сугдея. Основание города он приписывал аланам поздней античности [*Брун 1880, с. 122*], а хронологию события восстанавливал по заметке на полях сугдейского (халкинского) синаксаря, согласно которой крепость Сугдеи была основана в 5720 г. от сотворения мира (212 г. н.э.) [*Νυσταζοπουλο 1965, р. 127 (№ 94), р. 130 (№ 130), р. 136 (№ 195)*].

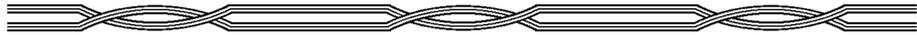
В.Г. Васильевский во вступительном очерке к публикации “Жития Стефана Сурожского” еще более аргументировал эту гипотезу [*Васильевский 1915, с. CLVIII–CLX*]. Им были привлечены данные “Хождения Апостола Андрея в страну мирмидонян”, в котором присутствовало указание на аналогичный топоним “Сугдия” на Северном Кавказе IX в. Его определенно можно было связать с аланами, поскольку грузинским комментаторам “Хождения” XVIII в. хорошо был известен необитаемый аул Суадаг в 35 верстах от Владикавказа. У В.Г. Васильевского не было особого сомнения и в подлинности хронологии заметки сугдейского синаксаря.

Ойконим “Сугдея” восходит к древнеиранскому слову “Sugda” с корневым значением ‘чистый’, ‘святой’. Такой же по значению и конструкции термин, по мнению специалистов по иранской ономастике, является этнонимом и обозначало согдов [Васильевский 1915, с. CLVI; Абаев 1971, с. 267]. Известен также родственный по происхождению тюркский рунический термин, транскрибируемый как -Sougdaq-. В данном конкретном случае он обозначает согдов — жителей Согдианы [Шапошников 1994, с. 27–28]. В персидском тексте “Сельджук-Намэ” Ибн-Биби зафиксирован наиболее близкий к оригиналу первоначального иранского названия города вариант -Sougdaq-. Очень примечательно и звучание имени жителей Судака у Ибн-Биби -Sugdian- [Ibn-i Bibi... 1956, p. 323, 333]. В греческой языковой среде ойконим приобрел традиционное окончание женского рода письменном варианте название города выглядит следующим образом -Σουδαία- [Νυσταζοπουλο 1965, p. 127 (№ 94)]. Встречаются и другие варианты: -Σουδάως-, -Σουδοίας-, -Σωδίας-¹, хотя первый следует признать более близким к фонетике оригинала, поскольку он вышел из под пера коренного жителя Сугдеи — монаха монастыря Богородицы Скутариотиссы. В течении всего средневековья греческая форма сосуществовала с оригинальной, которая зафиксирована источниками восточного происхождения (арабскими, тюркскими, персидскими). Во всяком случае, иранское происхождение слова “Сугдея”, не вызывает никаких сомнений.

Единственный письменный источник, говорящий о времени возникновения города, относится к концу XIII в. Это приписки на полях халкинского синаксаря. Анонимный автор проживавший в Сугдее в монастыре Богородицы Скутариотиссы в 1296 г., записал следующий текст:

“Построена крепость Сугдеи в 5720 г. и прошло от основания Сугдеи донныне, то есть до 6804 г. 1084 года”.

Эта же хронология дана еще в двух заметках синаксаря, датированных соответственно 1312 и 1411–12 гг. [Νυσταζοπουλο 1965, p. 127 (№ 94), 130 (№ 130), 136 (№ 195)] Учитывая столь позднюю дату источника, закрадывается сомнение в подлинности события, зафиксированного писцом. Количество заметок не придает надежности факту, изложенному в них — все они помещены на одной странице синаксаря, под 28 февраля. Две поздних, очевидно, являются копиями наиболее ранней приписки 1296 г.

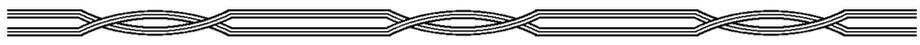

Откуда мог житель Сугдеи в XIII в. узнать реальную дату основания родного города? Вероятность того, что к его времени в монастырской библиотеке сохранились какие-то письменные источники, повествующие о событиях III в., нельзя сводить к нулю, однако, следует учитывать, что слишком часто за свою тысячелетнюю историю город претерпевал случаи почти полного разорения. Не был он известен и как центр переписки книг. Можно было бы предположить, что монах сугдейского монастыря прочел эту дату на какой-либо монументальной надписи, вмонтированной в крепостную стену или другое сооружение. Однако, в III в., юго-восточный Крым входил в состав Боспорского царства, и дата в монументальной надписи могла быть зафиксирована только по боспорской эре или по годам правления римского императора. Остается гадать, как монах XIII века мог перевести ее в принятое в восточно-христианском мире летоисчисление от сотворения мира?

Эту дату можно признать подлинной лишь в том случае, если другие источники смогут прямым или косвенным образом подтвердить ее надежность. Ни один письменный памятник самостоятельно не поможет в этом. Самое раннее свидетельство существования Сугдеи содержится в анонимной равненской космографии, датируемой от конца VII до конца IX в. *Васильевский 1915, с. CLXIII* Большинство исследователей в настоящее время называют вторую половину VII в. как наиболее вероятную дату основания Сугдеи.

В одной из работ по этнической истории Северного Кавказа, А.В. Гадло, разбирая вопрос о местоположении местности или пункта Верхняя Сугдия (ἡ ἀνωτέρω Σουγδία), упомянутого в “Хождении ап. Андрея в страны мирмидонян”, предположил, что должна была существовать и Нижняя Сугдия. Это поселение автор разместил в нижнем течении Кубани, а его название связывал с гипотетичным этнонимом сугды. Задолго до того, как уже было сказано выше, Верхняя Сугдия была локализована в Осетии, а о существовании Нижней никто не предполагал.

Такое толкование источника не может не вызывать сомнений. В тексте “Хождения ап. Андрея ...” при перечислении народов, среди которых ап. Андрей проповедовал христианство, упоминаются οἱ σουγδιανοὶ [*Васильевский 1909, с. 273*]. Причем в тексте, приведенном В.Г. Васильевским, вместо οἱ σουγδιανοὶ стоит κασουγδιανοὶ. Это дало повод А.В. Гадло поставить знак равенства

между касогами и согдианами, выделяя при этом низовых или кахов, населявших дельту р. Кубань и верхних, проживавших, по его мнению, в верховьях реки [Гадло 1991, с. 100–103]. В греческом тексте, известном большинству исследователей по цитатам В.Г. Васильевского, вероятно по вине переписчика было произведено некорректное сокращение союза καί, в результате чего была опущена буква ί, а чтение текста сплошной строкой имеет специфические трудности. В подлиннике вместо касουδιανοὶ должно было стоять καί σουδιανοὶ — и согдианам². Здесь нужно отметить, что в древнерусском переводе, приведенном В.Г. Васильевским, происходящем, вероятно, от исправного греческого оригинала, на данном месте стоит — согдианом.

Совпадение названия крымского города, имени согдиан и пункта Верхняя Сугдия привело А.В. Гадло к утверждению, что сугды из гипотетической Нижней Сугдии (или Сугдеи, что для автора равнозначно) основали Сугдею в Юго-Восточном Крыму. Датировал он это событие временем, последовавшим за разгромом Великой Болгарии в 669–670 гг. Однако, ни эта народность, ни тем более сам город не встречаются в других письменных источниках, кроме упомянутого [Гадло 1989, с. 27–28]. Вероятнее всего, термин οἱ σουδιανοὶ произошел от названия местности или поселения ἡ Σουδιὰ. Утверждать, что автор “Хождения апостола Андрея” четко следовал этническому принципу при перечислении мест проповеди апостола, нет никаких оснований.

Гипотеза А.В. Гадло, в отношении Сугдеи была поддержана И.А. Барановым, многие годы возглавлявшим археологические исследования в Судаке. В его интерпретации, археологические данные, накопленные за время раскопок, свидетельствуют, что жизнь на городище Сугдеи зарождается лишь во второй половине VII в. Основателями его он также считал адыгов-сугдов [Баранов 1991, с. 145]. При этом, на иллюстрациях, где представлены самые ранние, по его мнению, находки, приводится только лепная керамика и погребальный инвентарь тюркского происхождения [Баранов 1991, с. 148, рис. 2, с. 150, рис. 3]. В тексте, правда, оговаривается, что следы материальной культуры адыгов в Сугдее не зафиксированы. Развивая гипотезу, И.А. Баранов утверждал, что сразу же после основания Сугдеи адыгами здесь возникают византийские укрепления. Именно второй половиной VII в. он датирует возведение так называемого Приморского укрепления и замка Кыз-куле, атрибу-

тируя эти фортификационные сооружения как византийские. Вряд ли можно согласиться с такой схемой. Следуя ей получается, что Сугдею основали предполагаемые участники болгарской конфедерации, бежавшие под натиском хазар; обосновались они на территории подконтрольной (хотя бы частично) Хазарскому каганату; и сразу же после основания ими нового поселения, византийцы возводят здесь крепостные сооружения. Подобное построение выглядит более чем гипотетично.

За почти столетний период, когда на сугдейском городище ведутся раскопки, материал позднеантичного и ранневизантийского периода бывал зафиксирован очень редко. Это обстоятельство отчасти объясняется характером накопления ранне-средневековой свиты слоев на памятнике. Как выяснилось после раскопок на нескольких участках в портовой части Сугдеи, ранние горизонты были почти полностью уничтожены во время строительства жилых домов VIII и IX вв. носителями салтовомаяцкой культуры. При возведении построек VIII — IX вв. выполнялось одно неперемное условие — пол жилого помещения должен был представлять собой сnivelированную материковую поверхность. При этом все рыхлые слои, которые могли содержать археологический материал, удалялись. Оставались нетронутыми только хозяйственные ямы, впущенные в материк. Так, хозяйственная яма, содержавшая византийскую кухонную и столовую посуду, а также амфоры VII в., была открыта в 1965 г. на раскопе I в портовой части городища экспедицией М.А. Фронджуло. Полуземлянка или хозяйственная яма того же времени зафиксирована при раскопках к северу от раскопа I в 1993 г. Более ранних, надежно стратифицированных слоев, до настоящего времени на городище не известно, хотя отдельные находки из них временами попадают под полами салтовских построек.

В 1993 г. в портовой части городища, ниже уровня пола постройки VIII — X вв. была найдена медная монета боспорского царя Фофорса (285/6–309/10). Годом ранее, там же, в подъемном материале был найден серебряный статер Рескупорида IV (242/3–276/7). В 1986 г. при раскопках к западу от Безымянной башни № 3, в слое, залегавшем на поверхности материкового сланца, в комплексе с лепной позднескифской керамикой и наконечниками стрел был найден фрагмент мраморного грекоязычного декрета, в тексте которого дважды упо-

мянут боспорский антропоним Фарнак³. Авторы первой публикации реконструируют в тексте надписи также имена Папий и Савромат. Учитывая сохранность текста, в достоверности такой реконструкции можно с полным основанием сомневаться. По палеографическим особенностям она датирована концом II — началом III в. н.э., а конкретно отнесена ко времени правления боспорского царя Савромата II (174/5–210/0). Хотя датировка монументальной надписи по палеографическим особенностям имеет известную долю допущений, она кажется авторам наиболее приемлемой, особенно в свете данных сугдейского синаксаря⁴.

Во всяком случае, можно считать общепризнанным, что на рубеже II–III вв. большая часть центрального и горного Крыма (за исключением, конечно, ближайшей хоры Херсонеса) вошли в состав владений Боспора. О присоединении “по договору” Сирахии, Скифии и Таврики идет речь в танаиской надписи 193 г.⁵, и подтверждается находкой посвянительной надписи с упоминанием Савромата II в Партенитах⁶. Надпись из Судака, если верить в правильность раскрытия имени Савромат, должна подтверждать это положение. Не следует забывать и фрагмент посвящения Деметре, найденный в кладке средневековой церкви монастыря св. Георгия на горе Манджил-Кая, вблизи Судака⁷. Издатели корпуса боспорских надписей так же отнесли его к III в. н.э. Из Судака происходит фрагмент античной надписи на тонкой плитке мрамора с остатками трех тщательно вырезанных букв, датировать которую, к сожалению, не представляется возможным.

Интересы Боспора простирались на этот регион и в более раннее время: к I в. до н.э. относится пребывание боспорского гарнизона в Кутлакской крепости (Аффинеон?). Однако окончательно утвердился здесь Боспору удалось намного позднее. В ближайшей округе Судака известно несколько поселений относящихся к II — IV вв. Во-первых: знаменитое своими кладами поселение в селе Дачное (бывший Таракташ), и, возможно, поселения в с. Междуречье (Ай-Серез) и Солнечная долина (Козы). На первом из них в 1995 г. был исследован культовый языческий комплекс, основанный во II в. н.э. Своими своим основным чертам, материальная культура жителей, оставивших этот памятник, тяготеет к кругу памятников, принадлежащих населению Боспорского царства. Можно уверенно предполагать, что боспориты предприняли какие-то меры по защите этой терри-

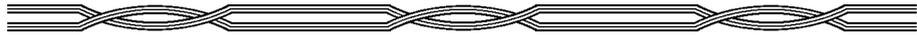

тории. В настоящее время ничего не известно о существовании каких-либо фортификационных сооружений II — IV вв. н.э. в районе современного Судака. Однако, лапидарные находки дают возможность предположить наличие здесь форпоста Боспорского царства, иначе объяснить их появление сложно⁸. В настоящее время можно только предполагать, что во время правления Савромата II или чуть позднее на месте Сугдеи был основан наблюдательный пункт для борьбы с морскими пиратами. Борьба с пиратством, как явствует из боспорских документов, была в это время очень актуальна, что подтверждается надписью архонта прусийцев Марка Аврелия Маркиана Амения в честь Рескупорида II, найденная в Старом Крыму, в 15 км от Судака⁹. Однако для обоснованного принятия ставшей почти хрестоматийной даты основания Сугдеи (212 г.), оснований все еще недостаточно.

Население юго-восточной Таврики, вероятно принимало активное участие в военных конфликтах Боспора с германцами и Херсонесом. Клады с боспорскими и римскими монетами III — первой половины IV в. из района Судака свидетельствуют о том, что оно, во всяком случае, не осталось в стороне от этих войн. Необходимо отметить, что все позднеантичные поселения в районе Судака расположены на крутых труднодоступных склонах, в значительной мере защищенных скальными обрывами.

Как показывает анализ состава клада 1908 г., открытого в Таракташе, поселение гибнет во второй четверти, а точнее — в 30-х гг. IV в. н.э. [*Харко 1968, с. 292*] Пожалуй, этим же временем можно датировать и богатый набор краснолаковой посуды из раскопок таракташского святилища, а также керамику, случайно найденную на месте находки таракташского клада 1975 г. из фондов музея “Судакская крепость”. Это вполне согласуется с данными обширного экскурса в историю Таврики, приводимого Константином Багрянородным, конкретней — с рассказом о войнах между Херсоном и Боспорским царством в правление Константина Великого [*Constantinus VII Porphyrogenitus ... 53*]. В свете этого источника боспорская ориентация населения юго-восточного Крыма в III — IV вв. н.э. вполне определена.

В результате последней войны, произошедшей в начале 30-х гг. IV в., граница Боспорского царства переместилась дальше на восток и прошла по Узунларскому валу в районе города Киммерик, где в связи с этим возводится мощная погра-

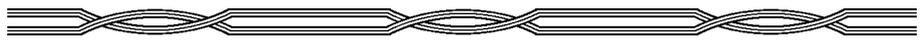

ничная крепость на плато горы Опук [Голенко 1999, с. 39–49]. Часть побежденного боспорского войска была размещена на территории горной Таврики, перешедшей во владение союзного с Римом Херсонеса. Этот шаг был предпринят в целях развития земледелия, что тогда возможно было, пожалуй, только в юго-западной предгорной части полуострова.

Какая-то часть населения задержалась на местах прежнего обитания, в горных приморских долинах юго-восточного Крыма. В 1967 г. М.А. Фронджуло при раскопках укрепленного поселения на юго-западном склоне горы Куш-Кая в Новом Свете (4 км к западу от Судака) был обнаружен керамический материал второй половины V — VI вв. [Фронджуло 1968, с. 216] К тому же времени относится укрепленное поселение в средней части Таракташского хребта. В 2000 г. здесь был обнаружен денежно-вещевой клад середины V в., время сокрытия которого совпало с возвращением гуннских племен в Северное Причерноморье после битвы на Каталаунских полях (451 г.) и смерти Аттилы. Клад содержал два с половиной десятка серебряных римских монет первой половины II в., три золотых солида Феодосия Младшего, серебряные фибулу, пряжку и браслет середины V в., золотые серьги лучистенского типа с сердоликовыми вставками [Джанов, Юрочкин 2001, с. 69–73]. Состав клада ясно говорит о том, что он являлся семейным сокровищем длительного времени накопления.

В начале IV в. в нашем регионе известен боспорский наместник Феодосии Аврелий Валерий Сог (Αὐρήλιος Οὐαλέριος Σβούρος)¹⁰. По мнению В.Ф. Гайдукевича третья часть его имени является местным боспорским антропонимом [Гайдукевич 1949, с. 458], и вероятно иранского происхождения. Симптоматично совпадение корня имени боспорского администратора с названием Сугдея, что указывает на этническую ситуацию в регионе.

К началу VI в. рушится старая система обороны отдельных участков границ Римской империи, осуществлявшаяся силами мелких пограничных союзных государств, одним из которых было Боспорское царство. Эти буферные образования уже давно были не в силах сдерживать натиск внешних врагов. Оборона пограничных территорий становится более централизованной, за счет императорской казны возводятся многочисленные пограничные фортификационные сооружения. Апогеем конечно была юстиниановская эпоха, хотя этот процесс начался намного раньше.

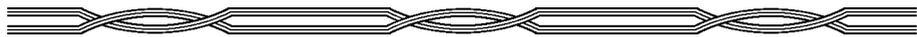

Данные о истории Сугдеи в ранневизантийский период также немногочисленны, однако они более надежны, чем относящиеся к более раннему времени. Рассмотрим подробнее взгляды исследователей, непосредственно изучавших городище Сугдеи. Среди наиболее ранних сооружений в литературе упоминается несколько объектов на территории Судакского городища. Среди них обычно упоминаются: Приморское укрепление, о котором речь пойдет ниже, замок Кыз-Куле, маяк на оконечности мыса Дженевет-Кая [Баранов 1987, с. 19–20], тюркское святилище на участке генуэзской куртины XV, могильник у замка Кыз-Куле и остатки двух храмов вблизи него. К сожалению, не все сказанное авторами публикаций об этих памятниках можно принять без колебаний. Рассмотрим данные о каждом объекте в отдельности.

Башня-донжон Кыз-Куле на вершине горы Крепостной в нынешнем виде построена не ранее второй половины XIV в. генуэзцами. Следы сооружения ранневизантийского времени в ее остатках не прослеживаются. Правда, замком Кыз-Куле назван весь комплекс фортификационных сооружений вокруг вершины горы Крепостной. Несомненно, византийские фортификаторы не могли не защитить господствующую над всем городом высоту, но о характере объекта сейчас можно только догадываться.

К остаткам раннесредневекового строительства на юго-западном склоне горы относится объект, который ранее считался фрагментом стены, опоясывавшей кругом вершину горы. Раскопки позволили выяснить, что на самом деле остатки стены принадлежали крупной раннесредневековой башне, прикрывавшей удобный проход из портовой части городища на вершину горы. Хорошо сохранился фрагмент стены длиной 8 м, стоящий на краю пятнадцатиметрового обрыва и обращенный своей лицевой стороной на юг-юго-запад — в сторону моря. Под воздействием осадков и ветра полностью оказался разрушенным внешний панцирь, так что сохранившаяся ширина стены составляет 1.50 м, а фактически была больше. Внутренняя забутовка ее состоит из равномерных обломков местной мраморовидной породы и частично обработанных блоков копсельского песчаника, уложенного строго горизонтально и поперек линии стены.

Все это скреплено отличным известковым раствором — цемянкой бледно-розового цвета с примесью крупнообломочной фракции толченой керамики. Внутренний фас стены скрыт под

толщей наносного грунта, но по краям видно, что поверхность его была тщательно оштукатурена цементным раствором. Уровень поверхности скалы, на которой стоит башня, понижается с северо-востока на юго-запад. У северного края сохранившейся стены видно, что во внутренней части здания у стены было предпринято выравнивание поверхности заливкой цементным раствором, произведенное в несколько приемов. Строители преследовали цель ограничить проникновение воды, попавшей внутрь постройки, в щель между скалой и фундаментом и таким образом пытались предотвратить его разрушение. Вода должна была сливаться за пределы башни по водостоку, который находился в средней части сохранившейся стены. Водосток квадратный в сечении, размерами 0.40×0.40 м. Визуально и без раскопок прослеживались остатки северо-западной стены башни, шириной 1.50 м. Небольшие раскопки в 1995 и 1996 г. подтвердили ее наличие [*Баранов, Майко 1996, с. 63*].

По своим размерам, конструктивным особенностям и технологическим приемам возведения она напоминает Приморское укрепление, раскопанное в 1965–1970 гг. в портовой части Сугдеи. Хотя, до полного исследования и детальной публикации архитектурных остатков, всякая попытка датировать памятник будет носить предварительный характер.

В отношении маяка на оконечности мыса Дженебез-Кая, можно сказать, что в настоящее время здесь отсутствуют какие-либо остатки постройки. На голой скале не прослеживаются даже следы вырубок под фундаменты. Источник сведений об остатках маяка находится, вероятно, в туманных высказываниях П.С. Палласа [*Voyages entrepris... 1805, p. 241*]. Возможно, здесь и было какое-то сигнальное сооружение, но датировать его раннесредневековым периодом чересчур рискованно.

Вблизи башни Кыз-Куле (около 30 м на запад) была расчищена одна плитовая могила, содержащая маловыразительный инвентарь, датированный И.А. Барановым второй половиной VII в. [*Баранов 1987, с. 2; 1991, с. 148, рис. 2: 15, 18*]¹¹. Остатки двух раннесредневековых христианских храмов, которые предполагалось найти рядом, не были обнаружены. И во всяком случае, эти памятники не имеют ни какого отношения к замку на вершине горы, как это настойчиво подчеркивал исследователь.

Рис. 1. Внешний панцырь ранневизантийской оборонительной стены на участке куртины XV. Субструкция стены "святилища" и его развал. Вид с севера.

Еще один памятник, относящийся к ранневизантийскому периоду, частично раскопан в 1990–1991 гг. на участке куртины XV. Памятник интерпретирован как тюркское языческое святилище. К настоящему времени уже опубликованы некоторые материалы его раскопок. Исследователи реконструируют его как круглую площадку с каменным алтарем в центре, обнесенную каменной стеной, позднее перекрытую крепостными стенами [Баранов, Майко 1995, с. 71–72] (рис. 1).

В развале самой постройки найдены профилированные карнизы и крупные каменные плиты, которые, по их мнению, являлись частью вымостки, ведущей к капищу. Находки, обнаруженные при раскопках объекта (в основном это лепная тюркская керамика) [Баранов 1987, с. 150, рис. 3], вроде бы, свидетельствуют в пользу такой интерпретации. Однако анализ графического материала позволяет в ней усомниться.

На чертежах фрагмента стены святилища хорошо видно, что развал стен находится под субструкцией сохранившегося фрагмента стены святилища [Баранов, Майко 1995, с. 85, рис. 1: 1]. Это говорит о одновременности их. Конструкция не мо-

---

жет стоять на своем же развале. Тот участок стены, который исследователи упорно называют субструкцией стены тюркского святилища, является, вероятно, ремонтной латкой раннесредневековой городской стены. Участок, где он расположен представляет собой глубокий овраг.

Крепостная стена здесь неоднократно приходила в негодность под воздействием поверхностных и грунтовых вод. Следы многочисленных ремонтов здесь не редкость. Циркульные очертания плана этого фрагмента стены, кстати, сильно преувеличенные на иллюстрациях, являются как раз результатом воздействия стихии на этот участок крепостной стены. Одна уже эта поправка разрушает утвердившийся взгляд на памятник. Что же на самом деле могло представлять собой это сооружение?

В одной из первых публикаций, посвященных этому святилищу, упоминается большая каменная плита с шестью углублениями (рис. 2) [Баранов, Майко 1994, с. 99, 100]. Ее считали покровной плитой каменного алтаря.

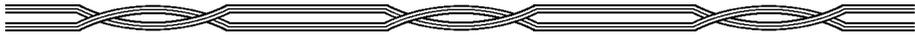
Рис. 2. Покровная плита саркофага с углублениями из развала постройки на участке куртины XV.

В качестве аналогии приводилась каменная плита из северного придела-параκлисса большой базилики в Плиске [Георгиев, Смядовски 1982, с. 16–20, рис. 8, 10]. Плита из Плиски почему-то авторами отнесена к дохристианскому святилищу, находившемуся, якобы, на месте большой базилики. На самом же деле, как убедительно разъясняют исследователи большой базилики, она была покровной плитой на саркофаге одного из христианских святителей первой болгарской столицы. Углубления предназначались для установки светильников или лампадариев во время памятной службы, совершавшейся на гробнице святителя [Георгиев, Смядовски 1982, с. 17]. Указанные особенности заставляют по-иному взглянуть на судакский памятник, в целом. Фрагменты профилированных карнизов (рис. 3), якобы украшавших святилище с переломом края в 90 градусов не соответствуют круглому плану, предполагаемому археологами, а многочисленные блоки с изображением креста в круге не вяжутся с языческой принадлежностью святилища.

Рис. 3. Фрагмент профилированного карниза из развала постройки на участке куртины XV.

По всей вероятности, мы имеем дело с развалинами большого христианского храма. Раскопками затронута только небольшая часть развала постройки, сползшего по оврагу вниз. В пользу такой интерпретации объекта говорит и еще одна находка.

В 1988 г. при исследовании усадьбы второй половины IX первой половины X вв., расположенной непосредственно над развалинами, в кладке стены был найден песчаниковый блок с фрагментом греческой христианской эпитафии.¹² Если учесть, что основной строительный материал для возведения своих домов жители города, как правило, добывали из земли непосредственно на месте будущей постройки, то принадлежность надписи к предшествовавшему усадьбе строительному комплексу, пожалуй, не должна вызывать особых сомнений.

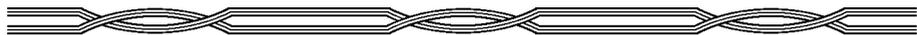
Находка представляет собой правую часть блока копсельского песчаника. Лицевая грань ровная. Боковые грани скошены к задней. На задней и боковых гранях хорошо различимы следы известкового раствора, а это говорит о том, что эпитафия была вмонтирована в стену здания, наверняка, церкви. В верхней части передней грани плиты сохранились фрагменты четырех строк греческой надписи:

1 [.....]ΚΑ [Φ]	1 [Ἐπὲρ ὑγίας] κ(αί) ἀφ
2 [.....]ΑΜΑΡ	2 [έσεος τόν] ἄμαρ
3 [.....Χ]ΡΙΣΤΩ	3 [τιῶν τοῦ Χ]ριστῶ
4 [....]ΥΑΜΗΝ	4 [φόρο]υ ἀμήν

Перевод: *Ради здравия и отпущения грехов Христофора. Аминь.*

В первой строке сохранилась хорошо известная лигатура союза καί, представлявшая собой букву “К” с перечеркнутой наискось нижней наклонной гостой. В общем виде подобная эпиграфическая формула встречается на сиемизской надписи [*Соломоники* 1986, с. 210, 211, рис. 1, 2], судя по палеографии позднесредневекового времени¹³. В первой части реконструированного текста первой строки возможен и иной вариант Ἐπὲρ μνήμην — Ради памяти, хотя, пожалуй, общий ктиторийский смысл надписи от этого не изменяется. Вероятно, упомянутый человек принимал материальное участие при строительстве или перестройке церкви, что и было зафиксировано в характерной форме надписи.

Палеография, учитывая конечно лапидарный характер письма, пожалуй, характерна для всего раннего средневековья

за исключением IX и X вв. [Хрушкова 1995, с. 225–226]. Особо следует отметить, начертание альфы со средней ломаной гас-той. Сигма и омега — прямоугольных очертаний. Горизонтальность строк не соблюдена, угловатые буквы прочерчены небрежно. Надпись вырезана неумелой рукой, очевидно, знакомой с книжной культурой но далекой от правил каллиграфии. Она характерна для провинциальной греческой эпиграфики раннего средневековья.

Независимо от этого, надпись Христофора датируется временем до середины IX в. Единственным известным объектом предшествовавшим усадьбе, в кладке которой оно было найдено, являются описанные выше развалины церкви. Наличие в ней монументального саркофага, а также ктиторская надпись указывают, что это был действительно христианский храм. И во всяком случае, ранее опубликованные результаты раскопок объекта говорят не в пользу интерпретации его как святилища тюркского божества Тенгри.

При раскопках развалин предполагаемого храма был найден немногочисленный археологический материал среди которого встречаются фрагменты амфор с рифлением в виде набегающей волны, которые датируются не позднее второй половины VII в. [Баранов 1991, с. 150, рис. 3]. Как уже говорилось, расчищен был лишь небольшой участок развала сооружения. Никаких конструкций и фундаментов до настоящего времени не было зафиксировано. Находки обнаружены среди камней развала и частично над ним. Таким образом, к второй половине VII в. можно относить только момент разрушения храма. Время возведения постройки можно будет определить только в процессе дальнейших раскопок, когда будет исследован культурный слой времени функционирования храма.

До настоящего времени не были полностью опубликованы материалы раскопок так называемого Приморского укрепления в портовой части Сугдеи. Раскопки его начались в 1965 г. и продолжались с незначительными перерывами до 1970 г. До раскопок, при строительстве пляжных сооружений, холм, на котором находится памятник, предполагалось снести взрывом. Руководитель Судакского отряда КАЭ ИА АН УССР М.А. Фронджуло произвел разведочные работы и почти сразу обнаружил стены крупной ранневизантийской башни. В дальнейшем памятник был почти полностью расчищен от более поздних наслоений.

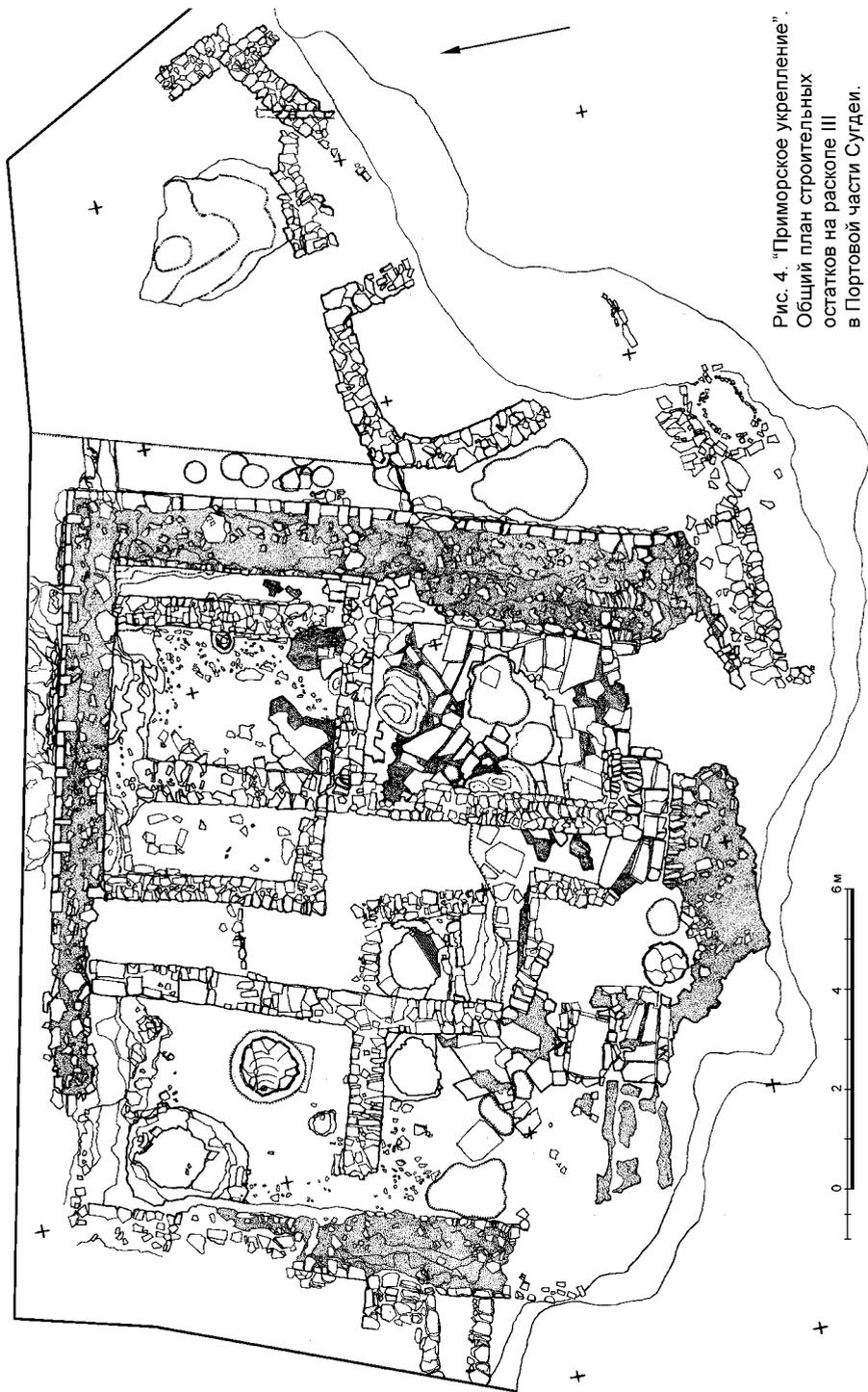
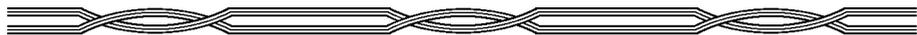

Рис. 4. "Приморское укрепление".
Общий план строительных
остатков на раскопе III
в Портовой части Сугдеи.

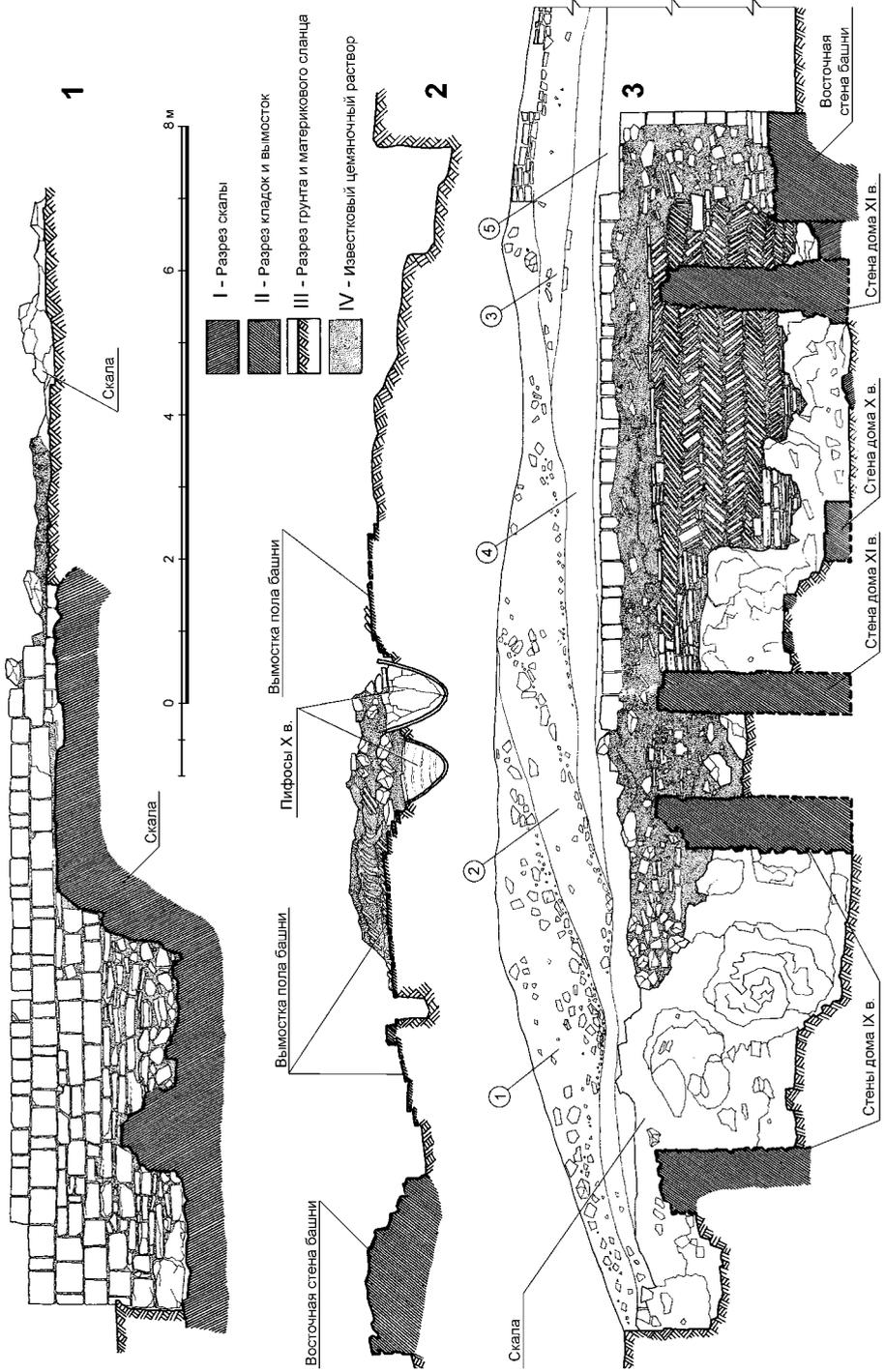

Портовая часть Сугдеи расположена амфитеатром на южных склонах гор Дженевет-Кая и Полвани-Оба. Ее площадь составляет около 4,5 га. Она разделена на две равные части глубоким оврагом, проходящим с севера на юг. В средние века обе они были плотно застроены жилыми и культовыми сооружениями. Постройки располагались между скалами и морем на террасах шириной около 18 м. Высота террас составляла в среднем от 0,5 до 3,0 м. На площади раскопа, составлявшей около 500 м. кв., был исследован большой участок приморской застройки города.

В верхних горизонтах раскопа были зафиксированы строительные остатки второй половины IX в., второй половины X в., начала XI в. и начала XIII в. Руины ранневизантийской башни находились в самом нижнем горизонте — под кладками более поздних жилых построек.

Остатки ранневизантийской башни выявлены в северо-западной части раскопа и представляют собой в плане прямоугольник, близкий к квадрату, правильных очертаний (рис. 4).

Лучше всего сохранилась северо-восточная часть башни. Сохранившаяся длина северной стены составляет 12,2 м, толщина — 1 м. Внешний панцирь стены прослежен на длину 10 м (рис. 5: 1). Сохранилось семь рядов кладки, общей высотой до 2,45 м. Фундамент стены на всем протяжении был поставлен на скальное основание, которое представляет собой большой кусок мраморовидного известняка, отколовшегося в древности от основного массива горы Крепостной. Нижняя часть кладки высотой до 0,65 м сложена из крупных и мелких необработанных камней песчаника. Эта часть кладки выступает за пределы основной линии стены и, вероятно, в момент строительства находилась в грунте — в траншее фундамента. Верхние ряды панциря (до пяти рядков кладки) сложены из тщательно подогнанных блоков копсельского песчаника, на известковом растворе. Блоки из нижних четырех рядов имеют средние размеры 0,5×0,35×0,16 м из верхнего — 0,4×0,25×0,16 м. Все они уложены в технике кордонной кладки с сочетанием блоков поставленных на ребро вдоль линии стены и поперек (ложок и тычок). Внутренний панцирь сохранился на протяжении 6,25 м от северо-восточного угла постройки, максимальная высота составляет до 2,25 м от поверхности вымостки пола (рис. 5: 3). Он также частично установлен на скальное основание.

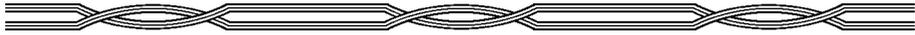

Рис. 5. Фасировки стен ранневизантийской башни на раскопе III в Портовой части Сугдеи. 1 — внешний фас северной стены; 2 — внутренний фас южной стены; 3 — внутренний фас северной стены и стратиграфия северного борта раскопа (по обмерам 1966 г.). Выноски: 1 — серо-коричневая гумусированная глина (XV в.); 2 — серая глина (XIII — XIV вв.); 3 — серо-коричневый глинистый слой (XI — XII вв.); 4 — зелено-коричневая глина (VII — X вв.); 5 — материковый сланец.

В средней части стены скальная поверхность выступает наружу. Она подтесана, хотя особой тщательности в ее обработке не заметно. Кладка сложена из серого плиточного песчаника в совершенно иной технике чем внешний панцирь. Сохранились семь рядков диагональной кладки “в елку” (рис. 5: 3). Каждый, из семи рядков разнонаправлен с последующим. Высота их — около 0.6 м, а верхнего — 0.3 м. Сверху — над последним рядком расположен ряд плиток уложенных плашмя, что делает возможным предполагать использование в кладке внутреннего панциря техники “Opus mixtum”. Толщина плиток песчаника составляет от 0.05 до 0.15 м. Толщина раствора между ними в среднем не превышает половины толщины плитки.

Восточная стена сохранилась от северо-восточного угла на 13.90 м. Ширина составляет 1.56 м (рис. 6: 1). Стена везде установлена на поверхность материкового мергеля, уровень которого понижается к югу — в сторону моря. Нижние ряды панциря (до семи рядов) сложены в горизонтальной технике кладки из плиток необработанного песчаника. Использовались и крупные куски мраморовидного известняка, добытого, вероятно, при нивелировке строительной площадки. Четыре ряда кордонной кладки, высотой 1.30 м, сохранились от северо-восточного угла постройки на 1.00 м. Внутренний панцирь выполнен в диагональной технике кладки. Сохранились четыре ряда длиной от северо-восточного угла до 4.80 м. Высота рядов составляет в среднем 0.30 м. Стена сложена на хорошей известковой цемянке. В 6.50 м от северо-восточного угла в стене прослежена вертикально-направленная трещина, вероятно, тектонического происхождения. В 6.50 м от внутреннего угла начинается утолщение восточной стены длиной 4.40 м и шириной 0.70 м.

От южной стены сохранились многочисленные фрагменты внутренней забутовки, а также два фрагмента нижнего ряда диагональной кладки внутреннего панциря, длиной 2.00 и 0.40 м (рис. 5: 2). Внешний панцирь стены, обращенный в сторону моря оказался полностью разрушен. В средней части стены ширина ее составляет не менее 1.28 м. У внутренних углов по следам раствора прослеживаются утощения длиной 2.30 м и шириной 0.90 м.

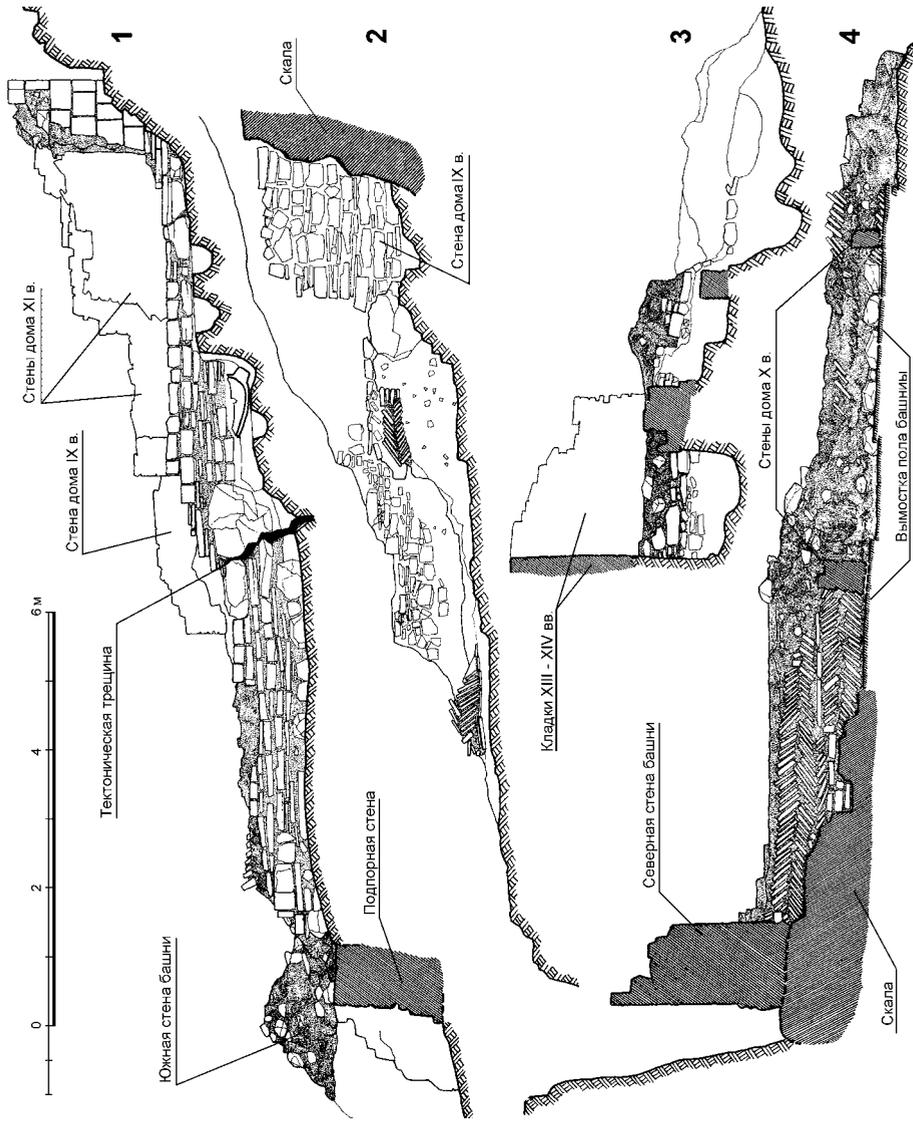

Рис. 6. Фасировки стен ранневизантийской башни на расколе III в Портовои части Сугдеи.

- 1 — внешний фас восточной стены;
- 2 — фрагменты внутреннего фасада западной стены;
- 3 — внешний фас западной стены (по обмерам 1966 г.);
- 4 — внутренний фас восточной стены.

Хуже всего сохранилась западная стена (рис. 6: 2, 3). Уровень подошвы фундамента оказался значительно выше поверхности пола постройки, что и повлияло в дальнейшем на ее сохранность. Нижние ряды внешнего панциря сохранились на длину 4.20 м. Два фрагмента внутреннего длиной 1.65 и 1.15 м, представляли собой два ряда диагональной кладки. Ширина западной стены соответствовала ширине восточной и составляла 1.56 м.

Внутреннее пространство между стенами сооружения в древности было вымощено. Вымостка сильно пострадала в период, когда укрепление было заброшено и впоследствии разрушено. Удовлетворительно она сохранилась на юго-восточном участке. Конструкция вымостки состояла из двух слоев плит песчаника, выложенных на известковом растворе (рис. 5: 2; 6: 4). Нижний слой укладывался непосредственно на снивелированную поверхность материкового мергеля, обходя выходы кусков мраморовидного известняка у северной стены и в центре сооружения, которые строители, видимо, и не старались удалить. Швы между плитами были замазаны известковым раствором. Сверху нижний слой плит был покрыт известковым раствором, толщина которого колебалась от 7 до 2–3 см, чтобы сгладить перепады высот пола. Сверху были вновь уложены тонкие плиты песчаника. Поверхность пола, таким образом, была хорошо выровнена, но имела значительные перепады высот. Очевидно, это было сделано для отвода из внутреннего пространства за пределы постройки воды, попавшей внутрь. Уровень пола у восточной стены понижается к югу, а у южной — к востоку. Таким образом, водослив, если конечно таковой вообще был, мог находиться в юго-восточном углу. Многочисленные выходы скальных пород мраморовидного известняка и незначительная мощность вымостки, кстати, сделанной без применения гидроизолирующего цемянкового раствора, указывают со всей очевидностью на то, что данное сооружение не могло использоваться как цистерна, как предполагал в ряде работ И.А. Баранов [*Баранов 1987, с. 20; 1989, с. 47*].

Как показал стратиграфический разрез снаружи северной стены сооружения, во время строительства под ней была вырыта водоотводная траншея, предотвращавшая размывание фундамента. Дно траншеи было засыпано водоупорной глиной, а сверху обмазано известковым раствором. Слой известкового раствора фиксировался и в стратиграфии напластований у восточной стены, в месте стыка с северной.

Реконструированный на основании описанных фрагментов стен и отпечатков фундаментов план постройки представлял собой почти правильный квадрат со сторонами 15.60 (пятьдесят византийских футов по 31.23 см = 15.615 м) на 14.99 м (сорок восемь византийских футов по 31.23 см = 14.9904 м) (рис. 7). Северная стена имела толщину 1 м, южная — 2.17 м (царская оргия 2.167 м); западная и восточная — 1.56 м (пять византийских футов по 31.23 см = 1.5615 м).

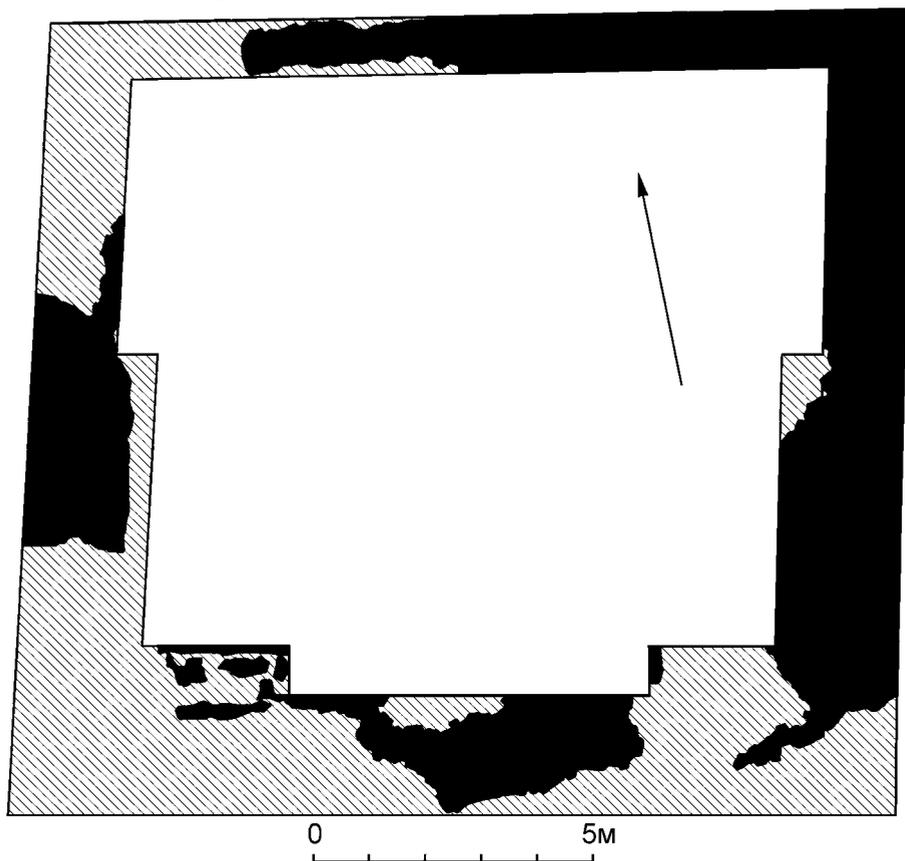
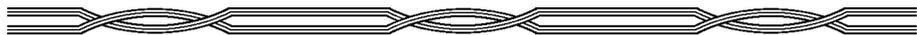

Рис. 7. Реконструкция плана "Приморского укрепления".

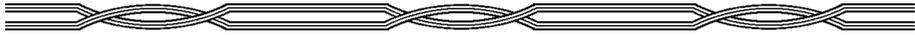
Внутри у юго-восточного и юго-западного угла прослежены в обоих направлениях два утолщения стен. Южные, вероятно, были перевязаны кладкой и раствором с южной стеной. Они имели следующие размеры: длина от восточной и западной стены — 3 м, ширина — 0.9 м. Вероятно, они представляли собой устои внутренней арки, обрамлявшей воротный проем в

южной стене. Выступ, прослеженный у восточной стены, не был перевязан с кладкой стены, фас которой прослежен на всем протяжении выступа, хотя шов был тщательно залит известковым раствором. Его кладка по всей вероятности примыкала таким же образом к кладке выступа южной стены. Его длина от южного выступа составляла 4.40 м, ширина — 0.70 м. Исходя из вышеприведенных особенностей конструкции выступ, восточной стены представлял собой основание каменной лестницы, не выполнявший никакой несущей функции. Если принять угол наклона лестницы в 45° , то перекрытие первого этажа находилось на высоте около 4.40 м. По всей видимости, такая же лестница находилась и в юго-западном углу постройки.

Как видно из описания мы имеем дело с крупным фортификационным сооружением имевшем самостоятельное стратегическое значение. Насомненно, это была башня не включенная в замкнутую оборонительную линию, так как следов крепостных стен вблизи нее не зафиксировано. Учитывая значительную толщину стен ее можно реконструировать как четырех-этажное сооружение, высотой около 15 м, аналогичное по конструкции с башнями позднеримского и ранневизантийского периода. Отличительной особенностью ее является наличие ворот в южной стене. Их план аналогичен плану воротного проема в средней оборонительной стене Калиакры позднеантичного времени [Джингов, Балканска, Йосифова 1990, с. 104, обр. 113]. Превосходящая толщина южной стены башни указывает, по-видимому, на то, что она выполняла основную несущую и защитную функцию. Поскольку, фронт ее обращен в сторону моря, башня должна была защищать порт от нападения морских сил противника. Учитывая, что береговая линия раннего средневековья находилась не более чем в 50 м к югу от нее, камнеметные машины, установленные на ней, могли поражать боевые корабли, подходившие к берегу.

Вышеизложенное предполагает, что в ранневизантийский период Сугдея не была защищена сплошной оборонительной линией со стороны моря, а предполагаемый противник мог обладать военно-морским флотом. Аналогичные стратегические характеристики и метрические параметры (14×10 м) имеет ранневизантийская башня поселения Золотое (“восточное, в бухте”) на азовском побережье Европейского Боспора, которая построена, по мнению ее исследователей, во второй четверти VI в. [Масленников 1998, с. 263–265, рис. 162–163].

Датировать судакскую башню по имеющимся в нашем распоряжении материалам довольно сложно. Культурные слои, которые можно было бы отнести ко времени строительства или функционирования, к сожалению, оказались практически стерильными. Несколько фрагментов амфор, гончарной и лепной керамики, удалось обнаружить в слое желтой глины, которая ровным слоем покрывала вымостку внутри башни, а значит его накопление относится ко времени когда сооружение уже не использовалось в качестве фортификационного объекта.

Среди находок представлены горла и доньшки, так называемых, колхидских амфор, фрагменты северопричерноморских амфор с зональным рифлением, а также лепная посуда характерная для раннего этапа салтово-маяцкой культуры (рис. 15). Верхнюю дату бытования колхидских амфор обычно относят ко второй половине VII в. [Сазанов 1989, с. 51]. Однако они присутствуют в культурных слоях Сугдеи и Боспора вместе с северо-причерноморскими амфорами с зональным рифлением, что заставляет омолодить время их исчезновения с рынка по крайней мере на сорок лет и отнести это событие ко времени завоевания Колхиды арабами (около 742 г.).

Строительные приемы, использованные при возведении башни хорошо известны в римской архитектуре. Декоративная облицовка фасов стен хорошо представлена в имперских постройках самого раннего периода. Получить косвенную датировку можно сравнивая толщину раствора между плитками облицовки с толщиной самой плитки. По наблюдениям, западных специалистов в ранневизантийской архитектуре к началу VI в. толщина раствора уже соответствовала толщине кирпича, а в самый разгар юстиниановского “строительного бума” толщина раствора в полтора-два раза превышала толщину кирпича [Хрушкова 1995]. Эти параметры до позднего средневековья были неизменны в кирпичной кладке и были переняты строителями православных славянских государств.

В нашем случае вместо кирпича использован плитняк, ввиду его обилия. Толщина раствора значительно уступала толщине камня. Таким образом датировать кладку можно не позднее конца V и начала VI в. В кладке наружного панциря применена кордонная техника. Происхождение ее связано с античной орфостатной. Последняя выполнялась без применения связующего раствора. С развитием бетонной кладки отпа-

ла необходимость в горизонтально уложенных плитах придававших прочность всей конструкции.

Кордонная кладка достаточно часто применялась позднеримскими фортификаторами. Наиболее поздние ранневизантийские памятники с ее применением датируются временем правления Зенона, то есть, концом V в. [*Якобсон 1959, с. 71*]. Во всяком случае, в капитальной сводке Фосса и Винфилда, куда включены столичные и малоазийские памятники начиная от эпохи Юстиниана до позднего средневековья факты использования кордонной кладки не зафиксированы [*Foss, Winfield 1986*].

Как запоздалое явление кордонная кладка известна в Закавказье. Здесь кордонная кладка применялась строителями дербентской крепости и фортов горной стены. Строительство этих сооружений началось при сасанидском шахе Каваде (488–531 гг.) [*Артамонов 1946, с. 129–131, рис. 6, 7, 9, 12, 15, 22; Хан-Магомедов 1966, рис. 2, 4, 7, 9, 10*]. Для этого региона такие строительные приемы были вовсе не характерны. Вероятно, в строительстве принимали участие византийские фортификаторы, находившиеся в персидском плену.

Указанные особенности строительной техники позволяют датировать приморскую башню не позднее начала VI в. К сожалению эта дата пока не может быть подтверждена археологическим материалом, но надеемся дальнейшие раскопки в портовой части Сугдеи помогут ее проверить.

Оборонительная система портовой части ранневизантийской Сугдеи в общих чертах описана И.А. Барановым. Линия оборонительных стен перекрывала наиболее узкую часть долины между горами Крепостной и Полвани-Оба и, видимо, оканчивалась боевыми башнями на их вершинах. Она была повторена в XIV в. генуэзскими фортификаторами. По-всей видимости, генуэзские башни 1386 г. и угловая стояли на месте более ранних. В 1969 г. при раскопках около угловой башни М.А. Фронджуло зафиксировал материал конца VII — начала VIII в. В основании же башни 1386 г. находятся фундаменты ранней, в настоящий момент хорошо различимые.

На западном фланге портовой стены в месте примыкания стены к обрывам горы Полвани-Оба М.А. Фронджуло в 1969 г. открыт еще один участок раннесредневековой оборонительной линии, среди камней которой им был найден материал второй половины VII в. В литературе имеется только краткое упоми-

нение. В юго-восточной части раскопа им был расчищен хорошо сохранившийся фрагмент крепостной стены спускавшейся с горы Полвани-Оба и пересекавший ручей у западного подножия башни 1386 г. На вершине горы Полвани-Оба следов фортификационных сооружений в настоящее время не прослеживается¹⁴, хотя, учитывая ее важное стратегическое значение, с полным основанием можно предполагать их наличие в древности.

Таким образом, портовая часть ранневизантийской Сугдеи, окруженная амфитеатром гор, была защищена сплошной линией крепостных стен с севера — со стороны суши. Важное значение в этой системе обороны придавалось вершине горы Крепостной, единственный подход к которой со стороны моря был укреплен мощной башней. Береговая стена, очевидно, отсутствовала. Для защиты города со стороны побережья возводятся отдельно стоящие башни, остатки одной из них сохранились и исследованы в 1965–1970 гг.

На вопрос, существовала ли линия крепостных стен на северном склоне горы Крепостной, в настоящий момент дать окончательный ответ нельзя. Во всяком случае, как уже было сказано, сооружения ранневизантийского времени здесь существовали. В кладке панцирей раннесредневековых крепостных стен на северном склоне горы прослеживаются элементы строительной техники ранневизантийского периода. В частности на участке внутреннего панциря куртины XV хорошо видна кордонная техника кладки, подобная применявшейся при строительстве “Приморского укрепления” (рис. 8).

Датировать эти участки стен археологическим путем не удалось. К сожалению культурные слои этого периода на северном склоне горы Крепостной скрыты под толщей почти десятиметровых отложений. По этому ответить на интересующий нас вопрос можно будет не через один год археологических исследований.

Уже сейчас мы вправе утверждать, что уже в предюстиниановскую эпоху в Сугдее существовало довольно мощное византийское укрепление, назначением которого было служить форпостом на северных рубежах Византии и охранять морские каботажные маршруты, проходившие по отрезку Херсонес — Боспор. Участие Сугдеи в торговых операциях в черноморском бассейне в конце VII в. подтверждает находка печати Кириака логофета аптеки Константинополя [*Шандровская 1995, с. 120–121*].

Рис. 8. Внутренний панцирь ранневизантийской оборонительной стены на участке куртины XV. Вид с юга.

О судьбе города во второй половине VII — первой половине VIII в. известно очень мало. Вероятно, около 670 г. как и вся Таврика он был захвачен хазарами. Археологическими исследованиями слой VIII в. зафиксирован лишь однажды — в Портовой части. Для характеристики материальной культуры населения этого явно недостаточно.

Однако необходимо сказать, что элементы салтовомаяцкой культуры зафиксированы не были. К середине столетия Сугдея становится центром православной епископии. Судя по данным “Жития св. Стефана Сурожского” городом во второй половине VIII в. управлял хазарский наместник, хотя многочисленные находки печатей византийских официальных лиц свидетельствуют о тесных связях с Византийской империей.

Пожалуй, этими фактами и ограничиваются знания о ранневизантийской Сугдее. Дальнейшие исследования, надо полагать, прольют свет на другие стороны ее ранней истории.

Примечания

¹ Эти два варианта зафиксированы на моливдовулах. Резчики матриц зачастую умышленно, в целях “защиты”, искажали написание отдельных слов [Баранов, Степанова 1997, с. 84–86].

² В качестве примера подобного явления приведем варианты написания названия Фанагории — Матархи в византийских рукописях: τὰ Μάταρχα, τὰ Ταμάταρχα, ὁ Ματάρχων ἦτοι Ζηκχίας.

³ Текст декрета на фрагменте мраморной плиты из раскопок 1986 г. [Баранов 1987, с. 16; Саприкин, Баранов 1995, с. 137–140]:

[Ἐπὶ βασιλεῖ] Σα[υρομάτη υἱῷ μεγά]-
[λου Ῥοιμητάλ]κου Α[.....]
[.....καὶ] Πάπα[ς.....δία ἐπὶ]
[μεγητῶν Θεοδ]ότου Α[.....]
[.....]Φαρν[άκου.....]
[.....Φαρ]νακίων[ος.....]
[//////////]

⁴ Иную интерпретацию см.: Юрочкин 2002, с. 280–283.

⁵ Corpus Inscriptiones regni Bosporani [Корпус боспорских надписей... 1965], № 1237:

[//////////]
χειλίους, πολ[ε]μήσας
δὲ καὶ Σιραχούς καὶ Σκύ-
θας καὶ τὴν Ταυρικὴν ὑ-
πόσπονδον λα<β>ών, <ἐ>λεύ-
θε<ρ>ον ἀπέδει<ξ>ε <ἐν> Πόν-
τ<ω>, Βειθυνία τοῖς <π>λέου-
σι τὸ πέλαγος ἐ[πὶ] στρα-
τηγῶ πολιτῶν [Ζή]-
νωνος Δάδα Ε<ὺ>ίο[υ, καὶ]
Ἰουλ(ίου) Δ[.]ιονου κα<ι> Ἰουλ[ίου]
<Ρ>όδω[νο]ς τῶν πρὶν ἐπὶ [τῆ]σ]
βασιλε[ί]ας Ζήνων β τοῦ <Δ>ά-
δα ἐκπε[μ]φθεῖς ὑπὸ τοῦ
βασιλέω[σ] εἰς τὸ ἐμπόριον
καθιέρω[σ]α Δί' Ἄρη καὶ
Ἄφροδίτη ἐπὶ Βορά-
σπω <Β>άβου ἄρχοντ(ος) Τα-
νάεωσ καὶ ἐ<λλ>ηνάρχ(ου)
Ῥόδωνος Χαρίτ<ω>νος.
ἐν τῷ ρυ, Δύ<σ>τρου α

a dextra vss. 15 - 20: signum Sarmaticum

⁶ Corpus Inscriptiones regni Bosporani, № 955:

[Τ. Ἰούλ(ιοσ) βασιλ[εὺς Σαυρο]-
μάτης φιλόκ[αισαρ]
καὶ φιλορώμ[αιος εὐ]-
σεβ(ῆσ) τὴν ἰ[δίαν καὶ τῆσ]
βασι[λείας εὐ]-
εργέτ[ιν? ///]

⁷ Corpus Inscriptiones regni Bosporani, № 954:

ΔΗΜΗΤΡΗ
ΣΚΙ.Η
ΕΡΜΑ

⁸ Утверждение, согласно которому мраморные детали и фрагменты декретов доставлялись в Сугдею с Боспора и здесь пережигались на известь, выглядит нелепо, особенно учитывая наличие качественного местного сырьья (см. *Баранов, Майко 1994, с. 99*).

⁹ Corpus Inscriptiones regni Bosporani, № 55:

ἀγαθῆι τύχηι.
τὸν ἐκ βασιλέων βασιλέ-
α Τιβέριον Ἰούλιον
Ῥησκούποριν, υἱὸν
μεγάλου βασιλέως
Σαυρομάτου, φιλο-
καίσαρα καὶ φιλορώμα[ι]-
ον, εὐσεβῆ [ι], ἡ Προυσιέων
πόλις τῆς πρὸς Ὑπιον τὸν
ἑαυτῆς εὐεργέτην, διὰ
πρεσβευτῶν Μάρκου Α[ὐ]-
[ρ]ηλίου Μαρκιανοῦ Ἀμ[ε]ι-
νία κοινοβούλου καὶ Αὐ-
ρηλίου Φιλιππιανοῦ Πρ[ό]-
κλου ν τῶι κφ τει κ[α]
κλου ἐν τῶι κφ τει κ[αἰ]
μηνὶ Δεῖωι fo a. fo

¹⁰ Corpus Inscriptiones regni Bosporani, № 64:

Θεῶ Ὑψίστω
ἐπηκόω εὐ-
χὴν. Αὐρ(ήλιος) Οὐαλέ-
ριος Σόγους Σόγος Ὀ-
λύμπου, ὁ ἐπὶ
τῆς Θεοδοσίας<σ>

σεβαστόγνω-
στοίσι, τειμηθεῖς ὑ-
πὸ Διοκλητ[.]ια-
νοῦ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ,
ὁ καὶ Ὀλυμπιανὸς
κληθεῖς ἐν τῷ ἐ-
παρχείῳ, ὁ πολλὰ
ἀποδημήσας καὶ
ἀποστατήσας ἔτη
δέκα ἕξ καὶ ἐν πολ-
λοῖς θλίψεις γενό-
μενος, εὐξάμενος,
ἐκ θεμελίου οἰκο-
δομήσας τὴν προσ-
ευχὴν ἐν τῷ γχ.

¹¹ В подписях опечатка.

¹² Автор выражает признательность руководителю Судакской археологической экспедиции И.А. Баранову за предоставленную возможность публикации памятника, а также А.Ю. Виноградову за консультации при переводе надписи. Иллюстрацию см. в статье А.Ю. Виноградова, А.В. Джанова “Греческие надписи Сугдеи”, публикуемой в данном сборнике (кат. № 4).

¹³ Манера написания знаков, аналогичная симеизской находке, применена в надписи, открытой в 1995 г. С.Б. Адаксиной при раскопках позднесредневекового монастыря на м. Аю-Даг.

¹⁴ В путеводителе по Судак А.И. и Ю.А. Полкановых [1978, с. 60] упоминается об остатках башни на вершине г. Полвани-Оба, однако в настоящее время, несмотря на многочисленные попытки, обнаружить их не удается.

**ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ РОСПИСИ
СКЛЕПА № 1, ИССЛЕДОВАННОГО В 1998–1999 ГГ. НА
ТЕРРИТОРИИ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА**

На территории некрополя Херсонеса до настоящего времени открыто десять склепов с христианской росписью [*Ростовцев 1914, с. 449–507; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 59–74; Зубарь, Пиллингер, Туровский, Сон, Русяева, Фарбей 2000, с. 144–154*]. Восемь из них в свое время М.И. Ростовцев на основании обнаруженных в них монет датировал второй половиной IV — началом V вв. и считал наиболее весомым аргументом в пользу вывода о сравнительно раннем проникновении христианства в среду населения города [*Ростовцев 1914, с. 503–507*]. Но хронологические рамки обращения позднеантичных монетных серий в Херсонесе не позволяют относить эти склепы исключительно к IV — V вв. Ведь, как известно, местная монетная чеканка прекратилась при императоре Галлиене (252–268 гг.) и с конца III в. херсонесский рынок заполнился боспорскими и римскими монетами, за счет которых покрывались потребности городского денежного обращения. Из него, несмотря на возобновление городской чеканки, видимо, еще при Феодосии II (408–450 гг.) и Валентиниане III (425–455 гг.) [*Коршенко 2000, с. 222–246*], из обращения не были исключены монеты более ранних выпусков, которые сохраняли покупательную способность независимо от времени чеканки. В VII в. в обращении находились монеты времени правления императоров от Феодосия I (379–395 гг.) до Зинона (474–491 гг.), а на херсонесские монеты II — III вв. и на позднеримскую медь еще при императоре Ираклии (610–641 гг.) ставились надчеканки в виде хризм [подр. см.: *Гилевич 1968, с. 32–33; Анохин 1977, с. 97, 106–107; Алексеенко, Ковалевская 1988, с. 231–232; Алексеенко 1995, с. 25–26; Зубарь 1988, с. 3–4; Зубарь 1991, с. 17; Зубарь 1993, с. 120*].

Следовательно, нумизматический материал для датировки погребальных комплексов этого времени в Херсонесе может быть использован только с учетом указанных особенностей денежного обращения, и на основании только монет нельзя относить раннехристианскую живопись к IV — началу V вв. [*Зубарь 1991, с. 17–18; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 81–82*].

Анализ нумизматического материала и сюжетов росписи, проведенный в последнее время, показал, что роспись этих памятников относится к более позднему времени и может быть датирована временем не ранее конца V — VI вв. [Зубарь 1988, с. 2–14; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 82–89]. Причем, сходство сюжетов росписи этих погребальных памятников и мозаик херсонесских базилик, свидетельствует о том, что их следует рассматривать в качестве явлений одного и того же не только культурно-исторического порядка, но и близкого времени. Однако роспись раннехристианских склепов и сюжеты мозаик не дают каких-либо точных хронологических привязок.

Как в росписи склепов, так и в мозаиках преобладают растительные и орнаментальные мотивы, изображения гирлянд, цветов, птиц, в том числе и павлинов, канфаров и чаш, то есть всего того, что было тесно связано с идеологическими воззрениями ранних христиан [Уваров 1908, с. 27, 34–35, 38, 39, 113, 151, 153, 156, 173, 192, 193, 195, 196, 199–203]. Среди всех этих изображений, которые не дают четких хронологических привязок, обращают на себя внимание изображения чаши на высокой ножке в мозаике юго-западного угла центрального нефа базилики 1889 г. [Якобсон 1959, с. 228], Загородного крестообразного храма [Якобсон 1959, с. 238] и росписи склепа № 1 1998–1999 гг. (рис. 1). В раннехристианской обрядовой практике чаша (потир) была связана с обрядом причастия (евхаристии), одним из ключевых в христианской обрядовой практике [Первое посл. к коринф. 10:16; Керлот 1994, с. 566; Труфанов 2002, с. 66]. Главным предметом в этом таинстве, которое совершалось только посвященными, были сосуды, главным образом,

Рис. 1. Чаша в росписи склепа № 1.

стеклянные, которые использовались как в ходе самого обряда, так и для раздачи причастия верующим. Часто на таких чашах имелись надписи, заимствованные из языческой обрядовой практики, но переосмысленные в духе христианского вероучения [Уваров 1908, с. 34–35].

Но чаша в раннехристианской обрядовой практике использовалась не только в таинстве причастия, но и крещения, которое было связано с догматом о воскресении и будущей жизни [Уваров 1908, с. 27, 38]. Поэтому изображение сосуда непосредственно у входа в погребальную камеру склепа № 1 1998–1999 гг., как и другие элементы росписи, на что уже обращалось внимание [Зубарь, Хворостяный 2000, с. 76], несомненно, свидетельствует о принадлежности склепа представителям христианской общины Херсонеса и, вероятно, символизировало тесную связь главных христианских таинств с представлениями о бессмертии и загробном блаженстве, которых достигал после смерти истинный христианин. С аналогичным кругом представлений связаны изображения сосудов в мозаиках херсонесских базилик [Якобсон 1959, с. 222–246], и канфаров с пьющими из них павлинами или птицами в частности, символизировавшие вкушение учения Христа [Матф. XXVI, 29; Уваров 1908, с. 175–176].

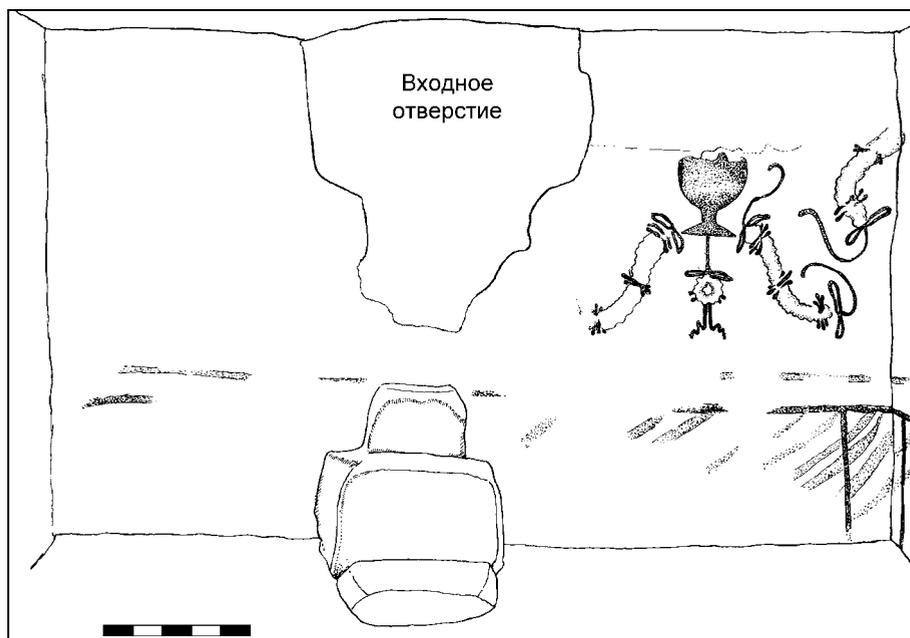

Рис. 2. Вход и роспись склепа № 1. Вид из погребальной камеры.

Следует отметить, что, если изображения чаши (потира) на высокой ножке в мозаиках трактованы суммарно, то в росписи склепа № 1 1998–1999 гг. оно достаточно реалистично. Здесь слева от входного отверстия черным и синим цветом была изображена чаша (потир), видимо, стеклянная, с округлым, плавно повышающимся к венчику туловом и конусовидной подножкой (рис. 2). Характер венчика неясен, так как рисунок верхней части сосуда не сохранился вследствие разрушения в этом месте скалы. Высота изображения — 0.28 м, диаметр тулова в средней части — 0.24 м, высота ножки — 0.08 м, диаметр подставки — 0.017 м.

К сожалению, в склепе № 1–1998–1999 г. не было обнаружено никакого датирующего материала. Он на высоту полуметра был заполнен современным бытовым мусором. Затечная земля из склепа была удалена хозяином близлежащего садового участка, который планировал в склепе сделать погреб. Только на самом дне погребальной камеры, наряду с невыразительными фрагментами красноглиняной керамики, был обнаружен фрагмент дна части чернолакового кувшина на кольцевом поддоне и фрагмент донной части гидрии III в. до н.э. на высоком поддоне, покрытом бледно-розовым ангобом [Зубарь, Пиллингер, Туровский, Сон, Русяева, Фарбей 2000, с. 149]. Но эти вещи попали в склеп уже после его ограбления с поверхности, где на участке некрополя на западном берегу Карантинной бухты захоронения начали совершаться еще в эллинистическое время.

Ранее отмечалось, что судя по сохранившейся части изображения чаши, особенно ее ножки, она может быть отнесена к категории рюмкообразных сосудов, которые датируются достаточно широким хронологическим отрезком времени, охватывающим V — VII вв. [Зубарь, Хворостяный 2000, с. 77]. Но фундаментальное исследование стекла ранневизантийского Херсонеса, проведенное Л.А. Голофаст, позволяет уточнить нижние хронологические рамки бытования этих сосудов.

Сосуд, изображенный в росписи склепа, принадлежит к категории рюмок, которые исследовательница отнесла к первому типу. Это стеклянные сосуды с округлым дном, широким полусферическим туловом и конусовидной в сечении подножкой со слабым утолщением на середине ее высоты, как правило, изготовленные из стекла серо-голубого оттенка [Голофаст 2001, с. 153–157, рис. 92: 3, 4, 6] (рис. 3).

Судя по закрытым комплексам, в которых они были найдены, эти сосуды широко использовались в различных центрах Средиземноморья и Причерноморья, включая Херсонес. Причем, не исключено, что они изготовлялись в местных мастерских, о чем свидетельствуют их находки в Херсонесе вместе с остатками стеклоделательного производства [Голофаст 1998, с. 321]. Имеющийся сейчас материал позволяет нижнюю хронологическую дату бытования таких сосудов сузить до конца V в., а период наиболее широкого использования отнести к VI — VII вв. Они продолжают встречаться и в VIII в., а наиболее поздние образцы в Юго-Западном Крыму и Херсонесе обнаружены в комплексах IX — XI вв. [Голофаст 2001, с. 155–156]. Следовательно, за *terminus post quem* для росписи склепа № 1–1998–1999 гг. следует принимать VI в., так как вряд ли в раннехристианской живописи могли найти отражение единичные формы сосудов, а не более или менее массовые образцы стеклянной посуды, использовавшейся в быту и церковных обрядах населением Херсонеса.

Если *terminus post quem* для рассматриваемой росписи можно считать установленным, то сложнее обстоит вопрос с *terminus ante quem*. Ведь, судя по изображению определенного типа рюмок и их датировке, роспись склепа, строго говоря, могла быть выполнена и в более позднее время и относиться даже к XI в. Но вряд ли это так.

Как отмечал М.И. Ростовцев, стиль росписи херсонесских склепов восточного происхождения близок восточно-греческой системе живописи [Ростовцев 1914, с. 485]. Она находит ближайшие аналогии в памятниках с изображениями раститель-

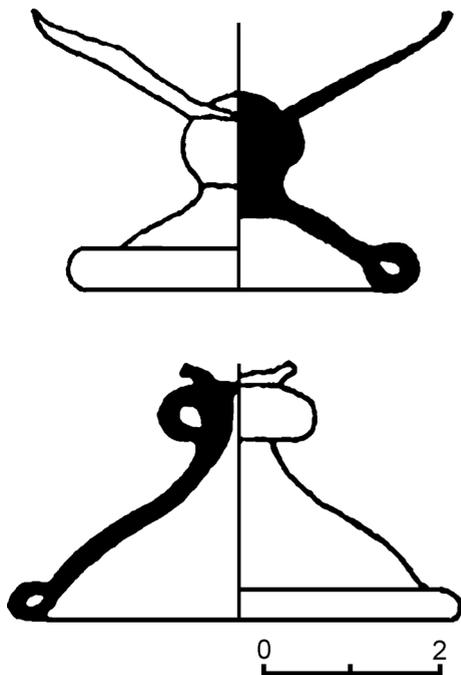

Рис. 3. Подноzia рюмок первого типа по Л.А. Голофаст.

ных мотивов, птиц, зверей, воплощавшими художественными приемами библейский рай, которые создавались в Антиохии, Сирии и Палестине на протяжении V — VI вв. [Якобсон 1959, с. 244]. В ней преобладают орнаментальные и символические мотивы, а человеческие фигуры, за исключением живописного панно в склепе 1912 г. на земле Н.И. Тура с многофигурной композицией, безусловно, наиболее позднего в группе склепов с христианской росписью, занимают подчиненное положение [Ростовцев 1914, с. 486]. При этом следует подчеркнуть, что памятники Херсонеса в данном случае не являются каким-либо исключением, ибо вся ранневизантийская живопись испытала сильное влияние восточных областей империи [Лазарев 1971, с. 20–28; Кошеленко 1964, с. 52–53]. По своему характеру роспись подавляющего большинства херсонесских христианских склепов наиболее близка живописи гробниц Софийского некрополя [Ростовцев 1914, с. 493], где также отсутствуют изображения людей и которые датируются IV — VI вв. [Миятевь 1925, с. 106–107; Велков 1959, с. 131].

Безусловно был прав М.И. Ростовцев, который указывал, что роспись херсонесских склепов близка именно христианскому искусству восточных областей империи, где, в отличие от Рима, преобладала чисто орнаментальная живопись [ср.: Strzygowski 1920, s. 88–132; Glück 1923, s. 1–12]. По своему художественному выражению это искусство было иконоборческим, так как раннехристианские апологеты отвергали поклонение изображениям, которые рассматривались как идолы [Theophil. Ad Autolyc., I, 10; II, 2, 34; Orig. Contr Cels., I, 5]. Бог для ранних христиан был отвлеченным понятием и изображался с помощью символов [Лазарев 1947, с. 39–50], как это имело место и в росписи херсонесских склепов [Зубарь, Хворостяный 2000, с. 85]. В этом отношении весьма показательно, что две главные христианские святыни Константинополя — храм св. Апостолов и церковь св. Софии, построенные при императоре Юстиниане I (527–565 гг.), в своем первоначальном виде были лишены фигурных изображений, а мозаики носили чисто декоративный характер [Лазарев 1947, с. 51]. Безусловно, это свидетельствует о том, что для изобразительного искусства Византии, в том числе и ее столицы, вплоть до середины VI в. еще не были характерны антропоморфные мотивы изобразительного искусства и живописи. Показательно и то,

что самое раннее изображение евангелистов зафиксировано в Четвероевангелии Раввулы, созданном в одном из месопотамских монастырей в 586 г. [Пайкова 1987, с. 119].

В отличие от языческого искусства античной эпохи, ранневизантийской живописи был присущ отказ от реалистической трактовки мира, место которого заняли символы, которые являлись носителями информации, доступной только посвященным [Бычков 1977, с. 125; Попова 1984, с. 552]. Это был основной инструмент выражения эстетических и идеологических воззрений того времени [Kömstedt 1929, s. 6–9]. Ведь раннее христианское искусство, в отличие от античного, отличалось спиритуализмом, преобладанием интереса к мистическим догмам, отвлеченностью и в большинстве случаев не было связано с действительностью [Кошеленко 1964, с. 45; Удальцова 1988, с. 67]. Оно ориентировалось главным образом на сверхчувственность и потусторонний мир. Наиболее ярко такое восприятие христианских религиозных догм проявилось в монашеском движении, которое получило наибольшее развитие именно в восточных областях империи [Лазарев 1947, с. 25–26].

Однако, с середины VI в. положение меняется. Одновременно с укреплением и централизацией церковной организации, а также процессом разработки христианской ортодоксальной догматики и культовой практики, которая сопровождалась ожесточенной борьбой разных идеологических течений, в целях пропаганды новых религиозных идей идет процесс эволюции христианского искусства. Результатом этого стало широкое использование антропоморфных образов в христианских памятниках монументального и прикладного искусства, задачей которых было адекватное выражение новых религиозных ценностей и церковных догм [Leroy 1946, p. 12–14; Бычков 1977, с. 145–146]. На основе синтеза всего лучшего, что было достигнуто в разных частях империи, к VI — первой половине VII вв. и сложился тот самобытный стиль византийского искусства, который нашел наиболее яркое воплощение в оформлении христианских памятников Константинополя [Банк, Липшиц 1967, с. 453; Попова 1984, с. 551–553, 558; Удальцова 1988, с. 68–70].

Формирование этого художественного стиля шло постепенно. В этом убеждает, например, появление изображений человеческих фигур из евангельских циклов в храме св. Апостолов в Константинополе только в период правления импера-

тора Юстиниана II (565–578 гг.) [*Лазарев 1947, с. 51*], а также наличие в фресках базилики Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне VI в., наряду с ликами Христа, святых и апостолов, раковин и птиц [*Лазарев 1947, с. 51; Банк, Липшец 1967, с. 462*], характерных для более ранних христианских памятников. Формирование нового стиля шло быстрее в центральных областях империи и Константинополе, где сильнее было влияние ортодоксальных догматов церкви, и медленнее — в удаленных от центра районах, таких как Сирия и Палестина [*Якобсон 1963, с. 189; Попова 1984, с. 556*]. Поэтому в некотором хронологическом “запаздывании” христианской росписи склепов Херсонеса, в сравнении с наиболее известными памятниками искусства того времени, нет ничего необычного, и она может рассматриваться в русле одной из локальных особенностей формирования нового стиля изобразительного искусства на периферии византийского мира.

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что роспись склепа № 1—1998—1999 гг., как, вероятно, и большинства аналогичных памятников Херсонеса, относится ко времени не ранее VI в. и указывает на тесную связь ранней христианской общины Херсонеса-Херсона с восточными областями Византийской империи [ср.: *Зубарь 1988, с. 3–14; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 85*]. На Константинополь херсонесский клир стал ориентироваться несколько позже, со времени правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) и его преемников, когда благодаря целенаправленной политике империи началась массовая христианизация населения средневекового Херсона и Юго-Западной Таврики, чем и определялись характерные особенности христианской культуры более позднего времени [*Зубарь, Хворостяный 2000, с. 95–103*]. Наглядным проявлением этого является массовое строительство во второй половине VI — начале VII вв. первых христианских храмов — базилик и доминирование столичных канонов в формировании раннехристианской церковной архитектуре раннесредневекового Херсона [*Завадская 2000, с. 79–84; 2001, с. 261–275*].

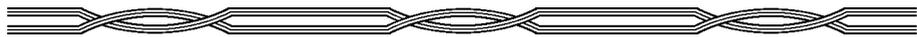
ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ МИССИИ В ТАВРИКЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА РУБЕЖЕ IX — X ВВ.

История становления церковной организации на Руси является одним из наиболее дискуссионных вопросов отечественной медиевистики. В научной литературе получила широкую известность теория о поэтапном распространении христианства в Восточной Европе на протяжении IX — X ст. задолго до официального крещения Древнерусского государства (988 г.). Эта концепция берет свое начало в средневековой украинской и польской историографии (Лев Кривца, “Obrona jedności cerkiewnej”, 1617; анонимная “Книга о вере единой”, 1619–20; Захария Копыстенский, “Палинодия”, 1619–22; Лаврентий Зизаний, “Катехизис”, Москва, 1627; Густинская летопись, 1620-е гг.; предисловие к печатному Печерскому патерику, 1661; Синописис, 1674).

Особое внимание исследователи уделяют так называемому “Аскольдову крещению Руси”, произошедшему в 860-е гг. Вместе с тем документальные источники не содержат достоверной и непротиворечивой информации о нем. Древнерусские летописи сообщают лишь о неудачном походе князя Аскольда на Константинополь в 860 г., но им ничего не известно о стремлении киевского правителя и его окружения принять новую веру. В то же время византийские хроники описывают вторжение русов в имперские владения и последовавшее вслед за этим крещение нападавших, но не знают ни имени русского князя, ни истинных масштабов христианизации его народа.

Исходя из этого, невозможно с полным доверием отнестись к древнерусским и иностранным источникам о начале христианского устройства на Руси. В равной мере, это касается и предположений о том, где были крещены русские неопиты — в Киеве или же на периферии славянского мира, и какие последствия для исторических судеб Восточной Европы имела на самом деле эта акция.

Обстоятельства Аскольдова крещения сильно мифологизированы в современной науке. Прежде всего это прослеживается в самой постановке вопроса: существовали ли в то время элементарные предпосылки для возникновения полноценной церковной организации на Руси? Принятие монотеистической

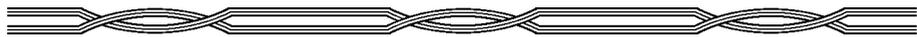

религии и ее успешное усвоение возможны лишь на такой стадии общественно-политического развития, когда уже сформировалось развитое государственное устройство и появилась универсальная письменность для официального делопроизводства и фиксации сакральных богослужебных текстов.

Современная наука очень мало знает о состоянии восточных славян в середине IX ст., однако письменные и археологические материалы не позволяют однозначно утверждать, что в это время в Восточной Европе уже сформировалась какая-либо устойчивая политическая структура в виде государственного объединения [Толочко О.П., Толочко П.П. 1998, с. 35, 58–59, 73–74, 81, 121–122; Котляр 1998, с. 18–54, 63–80, 94–104]. Не может быть и речи о каких-то конкретных характеристиках способа производства, характера собственности, классовой структуры, а следовательно нельзя говорить и о наличии отчетливых черт общественной формации. Древнерусское государство приобрело устойчивые территориальные рамки и социально-экономические характеристики, присущие для феодализирующегося общества, не позднее последней четверти X в. Рассуждать же о “формировании единого Древнерусского государства” в более отдаленную эпоху является бессмысленной фантазией [Котляр 1988, с. 46–47].

Что касается создания славянского алфавита как фонетически-знаковой системы, необходимой для воспроизведения и консервации устной речи, то он мог появиться лишь после того, как на Руси были преодолены последствия племенной изоляции и достигнут зрелый уровень этнического самосознания. Иными словами, наличие письменности всегда являлось своеобразным индикатором общественной интеграции и культурного прогресса. Эти признаки отсутствовали в Восточной Европе IX ст. Ссылка же отдельных историков на появление в Крыму так называемых “русских книг” (согласно “Житию Кирилла Философа”), основана на ошибочной конъектуре (“русские” вместо “сурские”, т.е. сирийские)¹.

Первые упоминания об использовании архаического письма у восточных славян (типа рунических “черт и резов”) относятся к рубежу IX — X ст. Эта знаковая система применялась в основном для выполнения простейших задач: ведения упрощенного хозяйственного делопроизводства, осуществления магических ритуалов и похоронных обрядов. Такого рода письмо

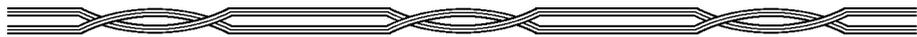

не могло еще обслуживать сложные многофункциональные потребности монотеистического культа или новосозданного государственного аппарата. В 1 пол. X в. зафиксированы первые случаи употребления кириллической письменности, заимствованной, по всей видимости, из Болгарии (гнездовская надпись, тексты русско-византийских договоров). (Кириллица являлась усложненной формой греческого унциального алфавита).

Показательно, что образцы сохранившихся надписей (графити на сребрениках Владимира) даже в конце X в. сохраняют все еще несовершенную графику (непонимание пропорций литер, неправильное размещения знаков относительно строки, смешивание и ошибочное воспроизведение отдельных сегментов букв, сжатость текстов). Это указывает на простое копирование чужеродного культурного достояния, которое не было достаточно твердо усвоено писцами. В конце концов, можно использовать и следующий аргумент: для кого предназначалась унифицированная письменность и централизованная церковная организация, если Восточная Европа была все еще разделена на разрозненные племенные анклавы, не связанные между собой общими интересами и традициями?

Другая проблема состоит в определении этнического происхождения социальной верхушки славянских племен в эпоху так называемого “призвания варягов”. Согласно трактату византийского императора Константина Багрянородного “Об управлении государством” (ок. 949–951) в разговорном обиходе русов еще в середине X ст. бытовала древнеисландская и древнешведская лексика (именно таким языком говорили информаторы Константина, сообщая ему названия днепровских порогов). Это указывает на билингвистическую ситуацию среди правящей элиты Древней Руси, а стало быть на то, что проблема письменности (создание унифицированного письма) по крайней мере в эпоху Святослава и Владимира с их явно славянским происхождением, была осложнена преодолением различий между языком туземного (автохтонного) славянского населения и языком пришлых “находников” — “варягов”. Не это ли частично объясняет, почему уцелевшие образцы восточнославянской письменности относятся к сравнительно поздней эпохе, когда упомянутый лингвистический парадокс в парной системе “власть-народ” был уже преодолен?

Еще один аспект неготовности восточнославянских племен к принятию и усвоению христианства лежит в психологи-

ческой плоскости. Христианская религия с ее идеологией непротивления злу и фатализма неминуемо могла восприниматься неопитами как лицемерная пропаганда малодушия и “пораженчества”. Для народов, которые вступили в “героический эпоху” своей истории (эпоху миграционных движений, пиратских и разбойничьих набегов, войн за обладание наиболее благодатными землями для расселения и ради физического уничтожения врагов), подобный “сценарий развития” был неприемлем. Неизбежный провал “гуннской миссии” в 527–528 гг. прекрасно иллюстрирует эту мысль [Оболенский 1998, с. 70]. Славянские племена на Балканском полуострове оставались равнодушны к пропаганде христианства почти 200 лет (VII — VIII ст.) по тем же самым причинам.

Древние русы в течение IX — X ст. также пережили “героическую пору”, осуществляя успешные морские набеги на Константинополь, Каспий, в Закавказье и т.п. В связи с этим возникает чисто риторический вопрос: существовали ли у восточных славян в IX ст. объективные социально-экономические и психологические предпосылки, чтобы отречься от язычества? Могли ли они добровольно признать византийский протекторат как неизбежное следствие христианизации? По всей видимости, нет.

В самом деле, если обратиться к полноценным документальным источникам (письменным и археологическим), то выяснится следующее. Мы не имеем никаких надежных данных о существовании на Руси в IX — X ст. разветвленной епархиально-приходской структуры в виде церковных диоцезов; о наличии более или менее разветвленной системы культовых сооружений и духовных центров (церквей и монастырей) как составных элементов и своеобразных показателей становления такой структуры; о распространении богословской литературы и зрелой письменности, необходимой для ее развития (отличной от архаических рунических надписей типа “черт и резов”).

Итак, не существует надежных оснований говорить о какой-то серьезной административной организации христианского культа на Руси в IX — X ст. На основе доступных источников вообще невозможно выявить какие-либо существенные прозелитические перемены в жизни простого народа. Скорее всего, христианские верования в IX — X вв. получили распространение лишь среди правящей элиты, ограничиваясь простейшими формами отправления культа. Такая ситуация сохранялась, по всей видимости,

---

вплоть до официального внедрения христианства. Остается лишь прокомментировать сообщения византийских источников, в которых говорится об отправке на Русь греческого епископа в 860-е гг.

Эта информация восходит к 2 основным свидетельствам. Самым ранним источником об успехах на Руси византийской миссии, возглавляемой епископом (sic!), является “Окружное послание” патриарха Фотия 867 г.:

“И не только этот народ (болгары) переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но даже и многими и многократно прославленные и в жестокости и в скверноубийстве всех оставляющие за собою, так называемые русы, которые, поработив находящихся вокруг себя и отсюда чрезмерно возгордившись, подняли руку и против Римской империи (Византии), но теперь и они переменяли эллинское и нечестивое учение, которого держались раньше, на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных и друзей, вместо недавнего грабительства и великой против нас дерзости. И настолько воспламенило их желание и ревность веры..., что они приняли епископа и пастыря и с великим усердием и ревностью приемлют христианские верования” [*Рапов 1988, с. 78–79*].

Как видим, информационная насыщенность данного источника о русских делах незначительна и сводится к простой констатации факта и обширным ригористическим вставкам. Дата нападения русов на Константинополь — 18.VI.860 — установлена на основе указания в брюссельском кодексе Cod. Brux. gr. 11376, который сохранился в единственном экземпляре конца XIII ст. [*Шрайнер 1991, с. 153*].

Более ценным источником является византийская хроника “Продолжателя Феофана” (далее ПФ), основная часть которой (первые 5 разделов) была написана при дворе византийского императора Константина Багрянородного между 945 и 959 гг. Первое упоминание о нападении на Константинополь русов и сообщение об их крещении находим в жизнеописании Михаила III (842–867):

“Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом божим, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло“ [*Продолжатель Феофана 1992, с. 84*].

В разделе, посвященном императору Василию I (867–886), эта история получает дальнейшее развитие. Здесь мы обнаруживаем рассказ об отправке на Русь архиепископа:

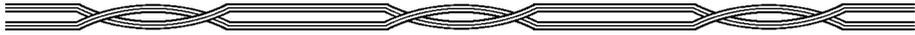
“Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых тканей он также склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ россов, заключил с ними мирные до-

---

говору, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. [Далее идет рассказ о Евангелии, брошенном в огонь.]“ [*Продолжатель Феофана 1992, с. 142–143*].

Перечисленные выше известия, в сущности, и составляют весь корпус аутентичных сообщений о крещении русов. Как уже отмечалось выше, о князе Аскольда здесь даже не упоминается. Таким образом, сведения о христианизации Руси в IX ст. имеют ограниченный и противоречивый характер. В одном случае (Окружное послание) говорится о крещении русов при патриархе Фотии (ок. 867), в другом (Житие императора Василия) — уже при патриархе Игнатии (867–877); имеем расхождения также и в титулатуре архиерея, который прибыл на Русь (епископ у Фотия, архиепископ у “ПФ”). Между тем последнее обстоятельство является очень важным при установлении ранга новообразованной церковной структуры (если она вообще существовала) — являлась ли она архидиоцезом, состоявшим из нескольких епархий, или оставалась простой епископской кафедрой. Современные историки объясняют это противоречие простейшим образом: мол, при императоре Михаиле и патриархе Фотии Русская церковь была всего лишь учреждена, а патриарх Игнатий в правление императора Василия I уже завершил организационное оформление нового диоцеза, прислав на Русь нового предстоятеля. Что же касается путаницы в титулатуре архиереев, то здесь, скорее всего, идет речь о постепенном повышении ранга (а следовательно и политического веса) киевского иерарха, или же обычной тождественности понятий (собирательное название “епископ” является абсолютно приемлемым обращением ко всем высшим священнослужителям). Такой точки зрения придерживается большинство современных историков.

Однако никто из них не обратил внимания на то, что известия о крещении Руси в 860–870-е гг. анализируются вне исторического контекста и без привлечения данных о сюжетной композиции использованных при этом источников. Между тем такой подход существенным образом искажает реальную картину событий. Согласно Я.Н. Любарскому, Хроника ПФ “представляла собой не законченную и оформленную хронику, а подготовительные материалы, определенный набор выписок из разных источников”, образно говоря “сырой материал для исто-

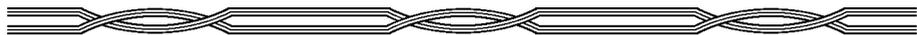

рии”. Для этого сочинения было присуще сознательное включение тех или иных эпизодов в одновременной хронологической или логической контекст в зависимости от цели составителя, что порождало своеобразное “нарушение исторического фона”.

Композиционно это выглядело как произвольная манипуляция фактами, привлечение для показа и комментирования отдельных событий таких иллюстративных материалов, которые касались прошлого или будущего, и при этом не отвечали грамматической форме настоящего времени — *praesens infinitivus*. Иными словами, автор этой компиляции нарушал хронологический порядок изложения, отклоняясь в своем рассказе в прошлое либо забегая далеко в будущее. Это усложняет датировку отдельных исторических пассажей из-за того, что хроника не имеет сквозной и последовательной датировки событий, а учет и подсчет времени можно вести, лишь опираясь на параллельные сообщения.

Кроме того, черновой характер прототипа обуславливал так называемую “путаницу версий”, когда на усмотрение читателя выносилось несколько вариантов развития одного и того же события. Этот “разнобой” был вызван, с одной стороны, использованием параллельных источников, а с другой — ошибочным воспроизведением текста оригинала “по памяти” вследствие усвоения его “на слух” (т.е. в результате прослушивания, а не письменной фиксации информации). Таким образом рассказ о “двойном” крещении Руси в правление двух разных патриархов мог появиться вследствие обычной контаминации сюжета и имен действующих персонажей, тем более, что упомянутая хроника являлась произведением с довольно сложными композиционными ходами. Наконец, следует отметить, что для ПФ являлось типичным использование ассоциативно-тематических связей, которые зачастую сопровождаются нарушением элементарной хронологической последовательности событий, в то время, как риторическая рубрикация сюжета и сквозная провиденциальная идея произведения могли привести в отдельных частях хроники к преобладанию тематического принципа над хронологическим [*Любарский 1992, с. 233–248*]. Исходя из этого, следует анализировать русские известия ПФ очень осторожно, с некоторой предосторожностью.

Во-первых, бросается в глаза, что информация о крещении русов имеет очень краткий характер, а в художественном

отношении — очень невыразительное содержание. Это указывает на то, что в ее основе могла находиться обычная глосса — выносная заметка на полях рукописи-прототипа, что и обусловило ограниченный объем и состав сообщения. Автор хроники старался как можно больше восполнить текст, но и после внесения в него вставок-комментариев и дидактических оборотов этот текст остался кратким. Единственное исключение составляет рассказ о чуде с Евангелием в эпизоде о 2-м крещении русов, но этот материал принадлежит к так называемым странствующим сюжетам и не имеет никакой исторической ценности. Из сказанного следует, что в середине X ст. о крещении русов в 860 г. уже почти ничего не помнили, и поэтому использовали агиографические клише. Отсюда возникает своеобразное “раздвоенное” сюжета, о котором уже говорилось выше.

Во-вторых, в упомянутых источниках, по сути дела, ничего не говорится об основании Русской церкви или самом намерении греков приложить к этому свои усилия. Автор Хроники сообщает лишь о том, что византийский епископ приступил к крещению варваров, причем важнейшие подробности данного события — масштабы этой акции и ее последствия — не были описаны вообще. Так можно ли даже формально признать эти материалы надежным свидетельством о возникновении церковной организации на Руси уже в IX ст.?

В практическом отношении греки всегда противились внедрению церковной организации на твердой территориальной основе у неофитов, только что принявших христианство или недавно попавших в поле зрения христианских миссий. В частности, когда в 864–865 гг. началось крещение Болгарии, патриарх Фотий отказался предоставить болгарам постоянную церковную администрацию, возглавленную архиереем. Причем такую же пассивность (или скрытое нежелание) проявили и представители западной ветви христианства. Характерно, что все обращения князя Бориса к Римскому престолу тоже оказались напрасными и безрезультатными: папа Николай I отказал ему в посвящении самостоятельного архиерея, а взамен предлагал принять ординарного епископа с ограниченными полномочиями, который имел право служить лишь обычную литургию, “не разрешая себе никаких других епископских действий” [Успенский 1997, с. 82]. Отсюда следует, что в 860-е гг. на Руси едва ли могла возникнуть полноценная церковная организа-

---

ция, поскольку византийское правительство в этом отношении не собиралось идти на уступки даже для своих ближайших северных соседей. При этом, однако, возникает небольшое затруднение: что означало назначение епископа для русов, о котором говорится в энциклике патриарха Фотия (867)?

Единственным объяснением этому факту может быть практика организации так называемых миссионерских округов, или областей, куда назначался епископ *in partibus infidelium*, то есть предстоятель без постоянной кафедры или же архиерей, который имел постоянную резиденцию на византийской территории (как правило, в пограничных районах), но был обязан вести миссионерскую деятельность на сопредельных “варварских” землях. Таким духовным лицом, в частности, был “венгерский” епископ Иерофей, который проповедовал христианство среди мадьяр в 955 г. еще до их официального крещения [Шушарин 1988, с. 164]. В случае с русами существует предположение, что миссионерская пропаганда среди них была поручена епископу Боспора (Пантикапея=Корчева) Антонию. Патриарх Фотий также упоминает о деятельности в Причерноморье некоего Милесия [Литаврин 2000, с. 51, прим. 3]. Такая интерпретация событий кажется вполне вероятной и правдоподобной, но требует дополнительного разъяснения, что представляли собой новокрещенные русы и где они проживали.

Едва ли полномочия первой волны миссионеров могли распространяться на обширную территорию, тем более, что греков интересовали лишь те районы, которые граничили с их владениями и где они имели непосредственный контакт с туземным населением. В связи с этим привлекает внимание проблема так называемой приазовской Руси, или русского присутствия в этом регионе². Попытки восточных славян закрепиться в восточном, северном и северо-западном Причерноморье в противовес Византии и Хазарии активизируются уже во 2-й пол. IX ст. Это вовлекало обе стороны в постоянную конфронтацию на протяжении последующих лет.

Естественно предположить, что, стремясь ослабить воинственный пыл своих соседей, византийцы старались использовать в первую очередь религиозные рычаги. Поскольку же, согласно византийским источникам (Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского [Литаврин 2000, с. 24–36]), русы появились в Крыму и на южном берегу Черного моря уже в

первой трети IX ст., то под упоминанием их земель в послании Фотия и хронике ПФ могут скрываться не славянские владения в Среднем Поднепровье, а их временная колония в Таврике.

Показательно, что в византийских, хазарских, арабских источниках IX — XI ст. содержится довольно много информации об этом политическом образовании. Арабский географ ал-Масуди (ум. 956) называет Черное море Русским, сообщая, что русы живут “на одном из его берегов” [Бейлис 1962, с. 26]. О “скифах”, которые населяют северные берега Эвксина (Понт Эвксинский — Черное море) и торгуют с Амастридой, вспоминает византийский писатель нач. X ст. Никита Пафлагонянин: в данном случае речь идет о русах, поскольку другие прибрежные народы не вели самостоятельную морскую торговлю [Литаврин 2000, с. 36]³.

Еще более яркий намек содержится у византийского историка Льва Диакона, которому было известно о продолжительном пребывании воинского контингента русов на Киммерийском Боспоре (берегах Керченского полуострова) во времена киевских князей Игоря и Святослава. Лев Диакон пишет, что после набегов на Константинополь русы возвращались на Киммерийский Боспор, если грекам удавалось перегородить устье Днепра [Лев Диакон 1988, с. 55–56, 57, 68].

Очень интересные наблюдения об этно- и топонимии русов предлагает византийский хронист XII ст. Иоанн Скилица, описавший события 860-х гг. следующим образом:

“Все лежащее на берегах Эвксина и его побережья разорял и опустошал в набегах флот россов (народ же росс — скифский, живущий у северного Тавра [внутренняя скальная гряда Крыма. — Автор], грубый и дикий). И вот самую столицу он подверг ужасной опасности” [Литаврин 2000, с. 36]⁴.

Из сказанного следует, что Русь, которая приняла в 866 г. новую веру, не имела ни малейшего отношения к племенному объединению в Среднем Поднепровье, и, скорее всего, представляла собой небольшой воинский анклав, который постоянно находился в Таврике. И к тому же согласие принять крещение была добыто у русов обычным подкупом — “щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых тканей” [Хроника Продолжателя Феофана... с. 142]. О каком же добровольном и сознательном выборе веры здесь может идти речь?

Таким образом вопрос о первом (“Аскольдовом”) крещении и возникновении первоначальной церковной организации на

Руси теряет всякий смысл. Сходная точка зрения уже давно существует в церковной историографии.

“Свидетельство патриарха Фотия об обращении в христианство русского князя с народом его совершенно произвольно относимо нашими церковными историками к Аскольду и Диру. Официальное сообщение его в окружном послании не может подлежать сомнению. Но в нем подразумевается не обращение к христианству Аскольда и Дира и не основание греческой епископии в Киеве, чего в действительности не было в 866 г. Самое вероятное и в сущности единственное основание, какое имел патриарх Фотий говорить о начале христианства на Руси, заключалось в донесении Кирилла и Мефодия об обращении нападавшего на Крым воеводы и об успешной проповеди [новой веры] среди фульского колена. Результаты их проповеднической деятельности в Южной Руси могли быть известны в Константинополе уже в 863 г.” [*Успенский 1997, с. 33*].

“...Хазарская миссия [солунских братьев] в центр страны, в столицу [хазар], к кагану, не исключала для Константина Философа, а включала в себя и его особую “провинциальную” миссию в русскую часть Хазарии, к тем русам, которые недавно нападали на греков, а сейчас слали к ним послов, ища мира и даже единоверия” [*Карташев 1991, с. 82*].

Конечно же, не всегда и не во всем можно согласиться с упомянутыми авторами; они демонстрируют некоторую упрощенность проблемы и ряд нестыковок: св. Кирилл никогда не имел архиерейского сана, в то время как патриарх Фотий говорит как раз о епископе; с другой стороны, согласно “Окружному посланию” и хронике ПФ крещение русов произошло после официального принятия христианства в Болгарии (ок. 864), между тем как “хазарская миссия” солунских братьев состоялась в 861 г. Кроме того, “неизвестный воевода”, которого крестил св. Кирилл в Крыму, назван в “Житии Константина Философа” хазарским военачальником [*Сказание ... 1981, с. 78*]. Спорным остается и вопрос, находилось ли Полянское княжество в среднем Поднепровье в сер. IX в. в вассальной зависимости от Каганата.

Вместе с тем, изложенная выше концепция сохраняет в общих чертах значительную вероятность. В частности, это касается тезиса, что духовная экспансия Византии в последней трети IX ст. затрагивала не извечные славянские земли, а лишь те территории, где распространялось тогда влияние Хазарии, и прежде всего в Крыму. Действительно, восточная Таврика (Керченский полуостров) и Тамань назывались в X—XI ст. в русских, греческих, латинских и еврейских источниках Хазарией [*Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 319*]. Русский

князь-изгой Олег Святославич (умер в 1115 г.), который владел Восточным Крымом (Корчев) и Таманью (Тмутаракань), подписывался на своих печатях как “архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии” [Soloviev 1961, p. 237–244; Монгайт 1963, с. 54–61; Янин 1970, № 29, с. 171]. Хазария обозначает здесь лишь географическое понятие в границах южной Меотиды (Азовского моря), поскольку олицетворяющий ее этнос уже давно был распылен по свету, а политическое ядро каганата находилось в нижнем Поволжье и дагестанских степях. (Точно так же название “Таврика” символизировало историко-географическую область — Горный Крым, а не давно исчезнувший народ тавров). Отсюда следует, что этноним “хазары” мог перейти на русов в том случае, если он касался Крыма⁵.

Остается лишь выяснить, что стало решающим толчком для принятия русами христианства, каким был этот импульс — спонтанным или “интуитивным” (то есть был ли он на самом деле обусловлен искренним прозелитическим рвением) и почему вчерашние враги империи так легко согласились креститься. Для этого необходимо реконструировать конфессиональную ситуацию, сложившуюся в причерноморском регионе в IX в. Путешествие св. Кирилла в каганат в 861 г. можно расценивать как одну из регулярных христианских миссий, которая имела как проповеднические, так и разведывательные цели. Византийское правительство периодически направляло такие миссии в северное Причерноморье, надеясь с их помощью ослабить военное давление на свои границы и расширить сферы политического и торгового влияния. Известно, что Византия испытывала острую потребность в импорте таврического зерна и сырой нефти из таманских месторождений (для изготовления так называемого “греческого огня”). Поскольку же в VIII — IX ст. в Таврике и Подонье господствовал Хазарский каганат, то миссионерские усилия греков были направлены прежде всего на христианизацию языческих народов, входивших в его состав (аланы, хазаре и т.п.) и представлявших “салтовскую культуру” [Плетнева 2000, с. 7–23].

В VIII ст. ведущее положение среди таврийских епархий заняла Готская митрополия в юго-западном Крыму, которая согласно notiции 787 г. состояла из нескольких провинциальных епископий на “варварских” землях: Атиль, Таматарха, Хуциры, Хвалисы, Оногуры, Гунны [Карташев 1991, с. 84]. Среди

перечисленных названий фигурируют в основном не постоянные поселения, а этнонимы — названия кочевых народов, а следовательно речь идет о типичных миссийных епархиях без постоянной резиденции. Продолжительное присутствие и высокая активность греческих миссионеров в северном Причерноморье привели к существенным переменам в духовной жизни местных народов: согласно грузинскому агиографическому произведению 2-й пол. VIII ст. “Мученичеству Или Тбилели”, в Хазарии было “много селений и городов, которые беспрепятственно пребывают в вере Христовой” [*Памятники грузинск. агиограф. л-ры 1956, с. 50*]. Это, безусловно, могло (и должно было) оставить глубокий след в сознании любого этнического анклава, который вследствие разных миграционных причин (колонизация, переселение, территориальная экспансия и т.п.) оказался бы в упомянутом регионе. Военное и торговое проникновение варяго-русов в Таврику началось, вероятно, не ранее рубежа VIII — IX ст. При этом уже с самого начала своего пребывания в Крыму они подверглись мощному прозелитическому воздействию и стали проявлять рвение к принятию христианства (Житие Стефана Сурожского), что могло произойти лишь вследствие активной интеграции переселенцев в местную конфессиональную среду и создания ими собственной социокультурной ячейки.

Постепенно укрепив свои позиции, русы, по всей видимости, усвоили имя местного политического объединения, которое номинально еще владело Восточным Крымом. Не исключено, что некоторое время наемники из русско-славянских дружин даже находились на службе у кагана, и поэтому отождествлялись с его подданными. В X ст. такая практика стала обычным явлением в Крыму — согласно ал-Масуди:

“и вошли многие из них [племен ар-Рус] в настоящее время в общность ар-Рум [то есть в подданство Византии] ...И они [византийцы] поместили их [русов и прочих наемников] гарнизонами во многих из своих крепостей..., обратили их против... народов, враждебных им и окружающих их владения” [*Бейлис 1961, с. 23*].

Хорошо известно, что уже в IX — X ст. русы создали свои постоянные торговые фактории и военные форпосты в Восточном Крыму, как об этом сообщает Лев Диакон. В этих условиях важнейшей задачей византийской администрации становилось обращение пришлых народов и вовлечение их в орбиту визан-

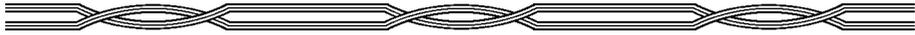

тийского “*paх christianum*”. Поэтому, скорее всего, крещение 866 г. охватило не целый народ, который жил слишком далеко от имперских владений, чтобы вызвать беспокойство греков, а лишь какой-то незначительный территориальный анклав или воинский гарнизон русов, нашедших приют неподалеку от византийских владений и успевших оценить все преимущества от принятия новой веры.

Вместе с тем может возникнуть вопрос, почему византийские источники расценили данное событие как серьезную дипломатическую победу своей страны, хотя подобные “обращения варваров” (вспомним, например, “крещение князя Бравлина” конца VIII ст.) случались и раньше. По всей видимости, крещение русов в 866 г. попало в византийские анналы только потому, что было воспринято в Византии как чудесный финал одного из самых ужасных общественных катаклизмов за всю историю империи и позволяло забыть горечь поражения в 860 г. Символично, что даже 500 лет спустя константинопольский патриарх Филофей Коккин (1353–1376) с огромным облегчением вспоминал в своей “Молитве по акафисту и канону”, как Пресвятая Богородица “спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вепря онаго прегордаго кагана” [*Акафисты различны 1776, с. 20*]. Атака русов на Константинополь в 860 г. напомнила современникам осаду византийской столицы в минувшие времена (персами и аварами в 626, арабами в 673 и 716 гг.), когда Византийское государство оказалось на краю гибели. Поэтому неожиданная развязка с крещением какой-то части нападавших могла вызвать огромное воодушевление и патриотический подъем среди населения столицы. Однако масштабы этого крещения почти наверняка оказались настолько незначительными, что детали этого события предпочли забыть. Таким образом принятие русами христианства в 866 г. следует расценивать как одно из обычных “полевых” крещений, которые даже не фиксировались в актовых документах из-за своей незначительности и быстротечности.

Об одном из таких случаев, кажется, идет речь в письме византийского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925) к херсонскому стратигу Иоанну Вогу, написанном не раньше марта 919 г.:

“В отношении епископа Херсона: твоя благая мудрость помнит, о чем мы говорили с тобою лично [в Константинополе] и теперь уведомляем письменно;

что ввиду прибытия сюда [посланников] из Хазарии с просьбой дать им епископа, чтобы он рукополагал священников среди них и принял бы на себя служение о правой христианской вере, мы отправили архиепископа, назначенного в Херсон, чтобы с Божьей помощью он направился в Хазарию, дабы справить там все необходимые требы, и вернулся к кафедре в Херсон. И ты, как сын церкви, я уверен, проявишь свое усердие, чтобы содействовать ему и в предстоящем деянии в Хазарии, и в утверждении и водворении архиепископа на его кафедре, когда с Божьей помощью он исполнит свои обязанности в Хазарии” [*Patrologiae cursus completus... (письмо 68)*; цит. по: *Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 311*].

Вполне очевидно, что константинопольский патриарх говорит о восстановлении миссийной епархии в Северо-Восточном Причерноморье или, точнее, в Восточном Крыму и на Тамани, где был распространен этноним и хороним “Хазария”. Вместе с тем бросается в глаза, что “служение о правой христианской вере” и внедрение “всех необходимых треб” просил и требовал народ, который уже со времен кагана Обадии (799–809) *de facto* официально исповедовал иудейскую религию [*Артамонов 1962, с. 279–280; Плетнева 1976, с. 61; Новосельцев 1990, с. 149–150*]. Если бы речь действительно шла о факте религиозного отступничества, то это широко отобразилось бы в византийской апологетической и полемической литературе. Однако Николай Мистик пишет об упомянутом событии весьма обыденно и бесстрастно, подчеркивая, что миссийному архиерею после завершения его поручения предписывалось непременно вернуться к месту своей постоянной кафедры и приступить к своим пастырским обязанностям в Херсоне. Такое равнодушное отношение к просителям (формальное осуществление христианских треб вместо устройства постоянной церковной организации) показывает, что их обращение не оказало большого впечатления на греков, а следовательно, не выходило за пределы обычного соглашения с каким-то небольшим этническим анклавом, который прельстился от выгод, связанных с принятием новой веры.

Понятно, что для иудео-еврейских поселенцев подобный компромисс был невозможен по сугубо религиозным и политическим соображениям: крещение означало бы для них потерю своей независимости и поглощение соседним государством. Остается искать этих неопитов среди какой-то довольно динамической и самостоятельной группы местного населения, которая владела бы достаточно большим политическим иммунитетом и могла бы рассчитывать на неприкосновенность своих интере-

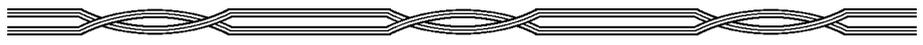

сов. Конечно, коренные хазары, полуоседлый земледельческий народ смешанного тюркского и финно-угорского происхождения, едва ли подходят под эту характеристику как весьма инертная и ограниченная сила. Кроме того, ничего неизвестно о его более или менее компактном поселении в Крыму: основные районы проживания хазар находились в нижнем течении Волги и прикавказских степях. Поэтому в переписке константинопольского патриарха, скорее всего, идет речь о русах, живших в Крыму рядом с настоящими подданными каганата и усвоивших себе их имя в глазах византийцев.

В любом случае событие, о котором сообщает Николай Мистик, оставляет впечатление настолько будничного и распространенного в этом регионе явления, что даже его описание имеет черты выхолощенной бюрократической реляции: деятельность вновь назначенного херсонского архиепископа была ограничена строгими рамками и рекомендациями, которые устанавливали границы его полномочий и обязанностей. На основании сказанного едва ли можно поверить, что русская миссия 866 г. получила куда более основательную организацию и увенчалась созданием самостоятельного церковного диоцеза в Киеве. Все меньше историков склонны верить в возможность именно такого развития событий.

Таким образом, не существует ни малейшего основания утверждать, что первоначальная церковная организация на Руси существовала уже в последней трети IX ст. В это время происходили лишь разрозненные крещения отдельных общественных групп и анклавов варяго-русской знати, дружинников и выходцев из правящей элиты, которые искали личную выгоду от принятия христианства (получение подданства империи, переход на воинскую службу к грекам, торговые и дипломатические привилегии и льготы и т.д.). Следует отметить, что подобная практика, конечно, началась не в 866 г., а значительно раньше (крещение Бравлина), но раньше она не имела такого значительного общественного резонанса, как после штурма Константинополя в 860 г.

Следует также обратить внимание на то, что в греческих notiциях епархиальных диоцезов отсутствуют данные о какой бы то ни было “русской” кафедре конца IX ст. Правда, некоторые исследователи продолжают ссылаться на упоминание митрополии “России” в церковном уставе византийского импера-

тора Льва VI (886–912) и списках византийских церковных провинций времен Константина Багрянородного (945–959) [Иловайский 1996, с. 257–266; Рамм 1959, с. 28; Брайчевский 1989, с. 70], но эта информация носит противоречивый характер. По крайней мере, ни один из приверженцев гипотезы об “Аскольдовом крещении” не смог указать, где находятся эти источники и предложить их археографическое описание⁶. На самом деле старейшие списки византийских нотаций, в которых достоверно упоминается Русская церковь, датируются концом XI в. и описывают исторические реалии 990-х гг. [Darrouzes 1981; Шапов 1989, с. 25–26]. В то же время летописные данные показывают, что во время заключения русско-византийских договоров 907 и 911 гг. среди славяно-русских дипломатов еще не было христиан. Последние начинают фигурировать лишь в договоре, заключенном в 945 г. князем Игорем [Памятники литературы Древней Руси 1978, с. 66, 68].

Приблизительно тогда же (946) русы-христиане появляются в составе имперской дворцовой гвардии в Константинополе, согласно сообщению Константина Багрянородного в книге “Церемонии византийского двора” [Литаврин 2000, с. 170]⁷. Тем не менее в другом его произведении — “Об управлении империей” (ок. 949–952) русы, их “архонты” и “игемоны” представлены как бесспорные язычники [Литаврин 2000, с. 205]⁸! Это противоречие можно объяснить лишь тем, что русские племенные князья и их подданные все еще оставались в середине X ст. приверженцами старой веры. Напомним, что княгиня Ольга была вынуждена обратиться в 960 г. к немецкому королю Оттону I с просьбой прислать в Киев церковнослужителей (епископа и пресвитера). Это убедительно свидетельствует о том, что на Руси в то время не существовало даже зачаточных форм церковной организации и управления. (Что касается немецкой миссии, возглавляемой Адальбертом Трирским, то она не имела успеха среди восточных славян и уже в 961 году покинула границы Древнерусского государства [Назаренко 2001, с. 286–308]). Следующая попытка внедрения церковной организации относится уже к эпохе Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого.

Учитывая все изложенные выше факты, можно предположить, что известия о крещении Руси в IX – 1-й пол. X в. отражают, скорее всего, стихийные и спорадические случаи при-

нения христианства небольшими нормано-русскими анклавами, которые действовали на периферии распространения византийской цивилизации. На духовную жизнь основного массива славянского этноса эти контакты существенно не повлияли. Полноценная церковная реформа в масштабах всей Восточной Европы стала возможна лишь в конце X в.

Примечания

¹ Речь идет об обыкновенной метатезе. Научная полемика по этому поводу приведена в издании: Сказание о начале славянской письменности.— М., 1981.

² Дискуссия по поводу азово-черноморской Руси отражена в работе: *Левченко 1956, с. 62–63, 80–86*. Достоверность указанных источников по существу никем не доказана, но и полностью не опровергнута.

³ *Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Migne J.P.— Vol. 105.— Col. 421.*

⁴ *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, ed. I.Thurn.— Berolini et Novi Eboraci, 1973.— P. 107.44–47.*

⁵ Похожим образом население Руси именовалось в византийской традиции архаическими племенными названиями — “скифы”, “тавроскифы”, “тавры”, “киммерийцы”, “меоты” [см. подробнее: *Бибиков 1999, с. 131*].

⁶ “Нотиция Льва Мудрого” была опубликована вместе с сочинением греческого грамматика Иерокла (ок. 520 г.) в книге: *Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatum. Editio Partey.— Berolini, 1866.— P. 80–85*. О подложности списка епархий начала X в. см.: *Горский 1850, с. 142*.

⁷ *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae libri duo.— Vonae, 1929.— Vol. I.— P. 579.21* (“крещенные русы”).

⁸ *Константин Багрянородный 1991, с. 58.106–107 (гл. 13)* (“неверные и нечестивые северные племена”, “народ, приверженный к особым и чуждым обычаям”, “иноверный и некрещеный”).

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЭПИТАФИИ ЯКОПО КОРНАРО, ТАНА,
1362 Г.: COMES ARBENSIS И ОСТРОВНОЙ ОПЫТ
ФЕОДАЛИЗАЦИИ ВЕНЕЦИАНЦЕВ¹**

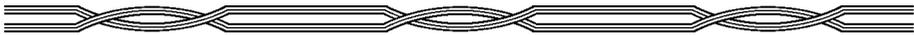
Arbe sie insula in guarner apreso Vegia et dalla parte di maistro sie capo Varda scoglie et più alla tramontana sie la valle de mollini al capo di griego levante sie il scoglio barbato et più al levante sie la città d'Arbe poi alla parte di si-roco sie la vale de chirce et alla parte di garbin sie Sancta Margaritta et tutte queste valle sono boni sorzittori et porti per ogni vasello et a la dittà insula sie per mezo la città de Segna in la murlaca lontano miglia otto et queste insule vano retori al governo di quelle gintilomeni venitiani et il suo circuito sono miglia n° 80.²

1. Эпитафия на надгробной плите Якопо Корнаро. 2. Происхождение сюжета. 3. Историческая реальность: инвеститура знаменем и путь к обретению моря. 4. Остров Арб (славянский Раб) и его князь. 5. Отождествление исторического лица. 6. Венецианцы на островах Адриатического моря. 7. Архипелаг венецианцев. 8. Венецианское государство и подданные. 9. Венецианское гражданство/подданство и сословие *граждан*, XIII — XIV вв.: 9.1. Институции гражданства в средневековых итальянских городах, 9.2. Венецианское *гражданство*, 9.3. *Гражданство* как сословие, 9.4. Социальное взаимодействие. 10. Приложения.

1. Эпитафия на надгробной плите Якопо Корнаро (Музей истории донского казачества, Новочеркасск):

M.CCC.LXII DIE XVIII M(ENS)S AUGUSTI
(HIC IACET EGREGIVS ET NOBILIS
VIR D(OMI)N(U)S IACOBUS CORNARIO HONORAB
ILIS COMES ARBENSIS ET DE DUCA
LI MANDATO AMBASIATOR ET CONSUL
IN TANA ET P(ER) TOTUM INP(ER)IU(M) GAÇARIE QUI
OBIIT A(N)(M)A CUIVS IN
PACE REQUIESCAT

В 1362 году, в день 18-й месяца августа.// Здесь лежит превосходный и благородный // муж, господин Иаков Корнарио, досто//почтенный **граф Арбский** и по мандату // дожа посол и консул // в Танае и во всей империи Газарии. Он // умер, душа его // да упокоится в мире (перевод Е.Ч. Скржинской)³.

Надгробная плита с эпитафией Якопо Корнаро.

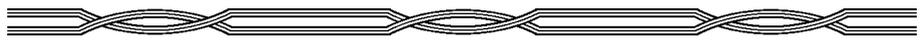

2. Происхождение сюжета. Исследование Е.Ч. Скржинской, основанное на восьмистрочной эпитафии — образец того, как в опытных руках может раскрываться историческая глубина лапидарного эпиграфического источника⁴. Но со временем становится ясно, что возможности проникновения в историческую реальность, отразившуюся в эпитафии, не исчерпаны. В работе не нашел объяснения титулу *comes Arbensis*, который включен в текст эпитафии первым из перечисленных в нем должностей покойного — *comes, ambasiator* и *consul*. Это дает основание попытаться разглядеть, что еще кроется за лапидарной строкой эпитафии.⁵

3. Историческая реальность: инвестиру знаменем и путь к обретению моря. В IX в. Венеция испытала натиск арабов со стороны моря, захвативших Кипр, Крит и Сицилию и поставивших под удар своего флота южное побережье Европы, и венецианский флот проиграл два морских сражения.⁶ Отстроив флот, коммуна на островах лагуны на рубеже X — XI вв. взялась за освоение восточного берега Адриатического моря и приведение прибрежных городов под власть Венеции.⁷

Как свидетельствует хронист дьякон Иоанн, современник событий, перед отправлением в первый поход к берегам Далмации дож Пьетро Орсеоло в 998 г. получил от епископа Доменико Градонико знамя. Тема инвестиру — посвящения в должность знаменем (*per vexillum*) имеет западное, как предполагается, папское происхождение. Основанием для предположения служит рисунок утраченной мозаики 800 г., находившейся в римской церкви Сан Джованни ин Латерано, где среди реликвий сохраняются головы первоапостолов Петра и Павла. На мозаике был изображен восседающий на престоле апостол Петр, который левой рукой вручает коленопреклоненному императору Карлу Великому знамя с тремя языками, а правой рукой паллий папе Льву III.⁸ Паллию — шерстяному плату, который получали епископы при посвящении в сан как символ пастыря, несущего овцу, посвящен один из трактатов христианского писателя II — III вв. К.С.Ф. Тертуллиана “*De pallio*”.

Изобразительный сюжет инвестиру знаменем в западной иконографии встречается нередко — в сценах, где святой покровитель ордена возводит настоятеля в должность. На печати ордена иоаннитов (затем: госпитальеров, родосцев, мальтийцев) в бытность ордена на о. Родос (с 1309 г.) изображен св.

Иоанн Иерусалимский в нимбе, стоящий слева (от смотрящего) и вручающий правой рукой знамя с тремя языками и мальтийским крестом на полотнище коленопреклоненному магистру Деодату де Гоцоне (1346–1354), принимающему знамя, взявшись за древко обеими руками. Надпись сверху вниз: слева по кругу — S IOHES B, вдоль древка MGR и справа по кругу — F:DEODAT.⁹

На лицевой стороне венецианской дожеской печати со времени правления дожа Доменико Микиеля (1118–1130) с 20-х годов XII в. до последних дней Венецианской республики (1797) представлено изображение св. евангелиста Марка, вручающего знамя дожу (стоящему или коленопреклоненному), и круговая надпись SC.MARCUS и имя дожа, например IA TEUPULO, и сверху вниз вдоль древка — DUX. Эта сцена воспроизводит акт введения дожа в обладание властью через ритуал инвеституры знаменем.¹⁰ Торжественная церемония символического вручения св. Марком знамени новоизбранному дожу проходила на гробнице святого покровителя в освященной ему дожеской базилике.¹¹ Дожд приносил присягу соблюдать *обещание* — разновидность коронационного обещания, даваемого правителем при вступлении в должность, определявшее круг его полномочий и обязанностей (*promissio*), первое известие о котором относится к 1152 г.¹²

Под знаменем, врученным епископом дожу, флот венецианцев отплыл подчинять далматинские города и водружать над ними как знак венецианского владычества и символ силы св. Марка, покровителя Венеции.¹³

4. Остров Арб (славянское название **Раб**) и его князь. Небольшой, сравнительно с соседними, остров (93.6 кв.км) расположен в северной части Далматинского архипелага в заливе Кварнеро близ Истрийского полуострова в группе островов (Крк, Црес и другие) — *капель земли*, как они названы в одной из славянских легенд о сотворении мира.¹⁴ Жители острова издавна занимались традиционными промыслами: возделыванием субтропических культур и рыболовством и продолжают ими заниматься.

Рисунок острова с розой ветров поместил Бенедетто Бордоне в своем описании островов, впервые изданном в 1528 г.¹⁵ Антонио Милло в конце XVI в. дал краткое описание и рисунок острова.¹⁶ Схожие описания и изображения острова можно найти в описании средиземноморских островов Джироламо Ба-

---

зелью по прозванию Марафон (1645), “Далмации” Дж. Пелегрини, “Морском путешествии на галее господина Виченцо Кверини” Альфонсо Акварио, портолане Сильвестро Кверини, трактате Томазо Дипловатацио, описании островов Виченцо Коронелли.¹⁷

Остров одним из первых (вместе с близкими островами) попал под власть Венеции в 1000 г. — после второго похода упомянутого дожа. Его сын, дож Оттоне Орсеоло в 1018 г. обложил жителей острова данью в пользу св. Марка, островитяне обязались поставлять ежегодно к Рождеству десять фунтов шелка-сырца — как ранее, по свидетельству Константина Багрянородного, они платили дань *славянам* в размере 100 номисм.¹⁸ Через столетие остров попал на несколько лет в зависимость от венгерской короны (1111–1115 гг.), и в XV в. объявилась грамота короля Коломана, подтверждавшая права соборной церкви острова, но позднее была выяснена ее подложность.¹⁹ Епископ Раба был суффраганом Сплитского митрополита до тех пор, когда в 1145 г. папа Евгений III подчинил его архиепископу Задара, который, в свою очередь, был поставлен в зависимость от патриарха Градо, державшего сторону Венеции. На о. Раб в звоннице церкви св. Петра аббатства в Супетарска Драга находится самый старинный из сохранившихся в Далмации колоколов, отлитый в Венеции в 1299 г.²⁰

Управление островом (как и многими другими островами и приморскими городами в тех краях) было вверено *призванному начальнику* — *князю*.²¹ В переводе эпитафии термин *comes* передан словом *граф*, тогда как в славянских источниках эта должность обозначалась словом *князь*.²² Князя избирал городской сход г. Раб сроком на один год из числа лиц, предложенных (направленных) из Венеции,²³ позднее — на 30 месяцев, затем — на 32 месяца.²⁴ Положение князя определялось уставом Раба,²⁵ его обязанности — должностным наказом от имени дожа. Вступая в должность, князь приносил присягу (*обещание*, *promissio*) — также разновидность коронационного обещания, даваемого правителем при вступлении в должность.²⁶ *Народ* Раба в свою очередь присягал Венеции в лице дожа перед его представителем — Фламинио Корнер приводит текст присяги на верность, данной 10 ноября 1193 г. в доме епископа, принять которую по приказанию дожа прибыл Пьетро Фоскарено.²⁷

При князе собирався избираемый Совет нобилей, из их числа в случае военной опасности избирался помощник князя (*supra comite della galera*), в обязанности которого входило набирать гребцов на Рабе и ближних островах и оснащать галеи;²⁸ галеи Раба понадобились, как повествуют хронисты Даниеле ди Кинаццо и Рафаино де Карезини, во время войны с генуэзцами в 1379–1380 гг.²⁹ Иногда при необходимости избирали заместителя князя (*vicarius*).³⁰ Должность князя Раба давала исполнителю почет, и достоинство *comes Arbensis* сохранялось за ним пожизненно как титул.

Ранние из известных сведений о князьях Раба: в 1166 г. дож Витале II Микиель утвердил князем Раба своего сына Николо.³¹ Пьетро Дзиани был князем Раба, когда 5 августа 1205 г. был избран дожем, и, как сообщает хронист Мартино да Канале, за ним пришли 30 галей.³² В изданных Р. Мороццо делла Рокка и А. Ломбардо документах о венецианской торговле XI — XIII вв. упоминаются князья Раба: Николо Микиель в 1171–1174 гг., Пьетро Дзиани в 1190 г., Якобо Сисинуло *de confinio Sancte Iustine* в 1207–1210 гг.³³ Князь Раба Николо Санудо упомянут в документах Совета десяти 6 февраля 1320 г. в связи с расследованием заговора Байамонте Тьеполо и Пьетро Кверини, после раскрытия которого этот Совет и был создан.³⁴ В постановлении Большого совета Венеции *о клириках* от 8 августа 1344 г., включенном в должностной наказ исполнителям важной венецианской магистратуры блюстителей ночи (*capitulare dominorum noctis*), князь Арбский Андреа Микиель упоминается в почетном ряду с прокураторами Сан Марко (попечителями ризницы).³⁵ В случае необходимости действующему князю Раба приходилось по совместительству исполнять другую ответственную должность: Андреа Микиель после заключения Венецией мира с патриархом Аквилеи в 1335 г. совмещал с управлением островом исполнение должности капитан-генерала Истрии.³⁶

5. Отождествление исторического лица, которое встречается в источниках без дополнительных сведений о нем, затруднено или невозможно, а наличие омонимов еще больше осложняет задачу. На Кипре есть надгробие с эпитафией другому **Якопо Корнаро** с гербом, отличающимся от герба на надгробии Якопо Корнаро, погребенного в Тане: на гербовом щите кипрской плиты изображен двуглавый орел.³⁷

Даже наличие в документе или надписи дополнительных сведений о лице — в частности, принадлежности его к *контраде* (в источниках называемой также *конфинией* или *парроккией*), не облегчает отождествления. В изданных Ангелики Лайу актах венецианского нотариуса Антонио Брешиано, работавшего в Константинополе в 1350 г., упомянуты более десяти Корнаро, но только при именах двух из них указана контрада (конфиния): Фредерико *de confinio Sancti Cassiani di Veneciis* и Марко *de confinio Sancte Marie Formose*.³⁸

Слово *контрада* (*contrata, contrada*) образовано от *contractus*, производного от латинского глагола *contrahere* в значении *стягивать, ограничивать, соединять, сближать*. В “Глоссарии” Ш. Дюканжа это слово сближено с *contea* и *comitatus*, и словари итальянского языка закрепляют за ним обозначение определенным образом очерченной части города.³⁹ Согласно Ф. Мутиелли:

в Венеции контрадой была названа такая совокупность жилищ в городе, которая сложилась тогда, когда, в силу прироста населения, стали возводить при этих жилищах свою церковь. Контрады в большем или меньшем числе входили в состав одного из шести округов-сестьер, на которые был разделен город в девятом веке или, как считают некоторые, во второй половине двенадцатого века.⁴⁰

А.И. Пини подчеркивает итальянское происхождение:

термин *contrada* появляется в XII в. в итальянских источниках как обозначение группы домов, наряду с терминами “*hora*”, “*guaita*”, “*vicinia*”, “*cappella*”, “*popolo*”.⁴¹

К. Баттисти и Дж. Алессио относят время появления слова в значении *часть города* к середине XIII в.: в таком значении оно отмечено в Болонье в 1256 г.⁴²

Род **Корнаро** был одним из самых известных в венецианской истории, его родовитые ветви влиятельным положением в политической жизни Венеции в значительной мере обязаны богатствам, нажитым в XIV — XV вв. — не в последнюю очередь в островных владениях. К роду принадлежали четыре дожа — Марко (1365–1368), Джованни I (1625–1629), Франческо (1656), Джованни II (1709–1722), четыре прокуратора Сан Марко (почетители ризницы), семь кардиналов, четыре епископа, несколько высших чинов ордена св. Иоанна Иерусалимского (иоанниты, госпитальеры, родосцы, мальтийцы), литератор и архитектор Алвизе (1475–1566). Родовитой считалась ветвь, к которой принадлежали дожи Марко (его гробница начала XVI в. находится в родовой капелле Корнер в церкви Санти Апостоли) и Джованни I. Из этой же ветви — Катерина, королева Кипра,

---

которая в 1489 г. под нажимом государства, подданной которого она оставалась и в браке с Жаком Лузиньяном, королем Кипра (ум. в 1473 г.), передала свое владение Венеции (гробница Катерины работы скульптора Бернардино Контино 1580–1584 гг. украшена изваянием королевы, вручающей королевство дожу, и находится в церкви Сан Сальвадор).

Памятниками роду Корнаро стоят дворцы на Большом канале. Ветви из контрады Сан Маурицио принадлежал возвышающийся на углу Большого канала и Рио Сан Маурицио палаццо **Корнер “della Ca’Granda”** — возведенный (на месте сгоревшего в 1532 г. дома) по проекту Якопо Сансовино для Якопо, племянника королевы Кипра, большой трехэтажный богато украшенный особняк, на стене одного из парадных залов которого изображено генеалогическое древо, показывающее богатство и влияние рода; в здании располагается префектура и администрация провинции Венеция.⁴³ Дворец **Корнер-Спинелли**, выстроенный в XV в., расположен на углу Большого канала и Рио де Ка’Корнер. Дворец **Корнер-Контарини**, выстроенный в 1445 г. в позднеготическом стиле, стоит на углу Большого канала и Рио Сан Лука, в нем помещается апелляционный суд. На Большом канале находится еще один дворец **Корнер** постройки XVI в. Дворец **Корнер делла Реджина**, к которому ведет улочка де Ка’Корнер, выстроен в XVIII в. на месте дворца Корнер готической постройки XIV в., принадлежит Биеннале и занят историческим архивом. На Рио де Сан Поло неподалеку от Большого канала — дворец **Корнер-Мочениго**, выстроенный по проекту Микеле Саммикеле в 1564 г., к нему ведет еще одна улочка де Ка’Корнер, отходящая от Кампо Сан Поло. На Кампо Санта Маргерита выходит готический фасад дома **Фосколо-Корнер**, перестроенного в XIV в. из небольшого палаццо XII в. в византийском стиле. Корнаро были высокого мнения о своей родовитости: одна из них готова была предпочесть монашество браку с племянником дожа Никколо Сагрето, которого считала удородным.

В роду были и обнищавшие ветви, многочисленным членам которых для пропитания предоставлялось довольствоваться самыми скромными общественными должностями. О них в Венеции ходил каламбур:

Giusti no ghe nè che uno solo, Bon ghe ne xe ma non molti, Barbaro ghe ne xe assae, Corneri i se tutti.⁴⁴

Титул *comes Arbensis* в эпитафии Якопо Корнаро, погребенного в Тане в 1362 г., дает основание считать, что покойный происходил из одной из старших ветвей, члены которой после IV крестового похода обосновались в Аргосе (Морее), на островах Раб (Арб), Скарпанто и Негропонт (Эвбея), частично на Кипре и Пископи (Тилос). Их потомки звались Корнаро Пископия (Cornaro dalla Piscopia) по названию последнего из перечисленных островов — одного из группы островов Южные Спорады, лежащего неподалеку от о. Родос, который в 1309–1522 гг. был владением госпитальеров.⁴⁵ Дворец Корнаро Пископия находится в контраде Сан Лука и ранее принадлежал Андреа Дзане, который принимал у себя в 1361 г. гостей Венеции: сначала герцога Австрийского, а затем короля Кипра Петра Лузиньяна.⁴⁶

Недавно С.П. Карпов опубликовал новые сведения о Якопо Корнаро. Они отыскились среди актов нотариуса Бенедетто Бьянко, канцелярия венецианской курии в Тане в 1359–1360 гг. 27 сентября 1360 г. нотариус составил акт, которым Я. Корнаро поручал венецианцу Бартоломео Дардуино, живущему в Константинополе, закупать соль в солеварнях Северного Причерноморья в количествах до 1000 модиев (ок. полутора тонн) и отправлять ее в Венецию на иностранных судах, прежде всего генуэзских и греческих, так как в Черном море не было большегрузных венецианских судов, необходимых для этой цели.⁴⁷ В акте нет указаний на то, делал он это по заданию правительства или как самостоятельный предприниматель, а также на то, почему акт не был составлен на месте при проезде через Константинополь.

Я. Корнаро прибыл в Тану по всей вероятности с караваном галей линии Романии в сентябре 1360 г. с дипломатическим поручением: он именуется послом к татарскому хану: *di ducali mandato honorabilis ambaxator ad dominum imperatorem Tartarorum*. Есть ли в акте титулование *comes Arbensis*, в обзоре не указано. Слово *consul* в акте отсутствует, но через два года в эпитафии Я. Корнаро назван венецианским *консулом в Тане и во всей империи Газарии*, читай в Северном Причерноморье. Из этого можно заключить, что он сменил на посту консула, чей срок пребывания в должности истек — им был Пьетро Каравелло. Однако в документах венецианских Советов постановление об избрании Я. Корнаро послом в Орду и консулом в Тану до настоящего времени не обнаружено, что, в

свою очередь, нуждается в обстоятельном объяснении, которое не входит в задачу автора.

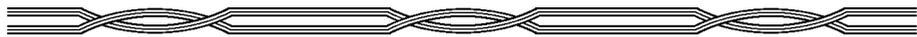
6. Венецианцы на островах Адриатического моря. Одним из важнейших следствий обретения моря *островным городом* Венецией стала островная феодализация венецианцев, начало которой было положено первыми крестовыми походами.⁴⁸ В связи с этим заслуживает внимания рассуждение Руджеро Романо о средиземноморских островах, главным образом малых, высказанное по поводу взглядов Спироса Асдракаса, которые он в целом разделяет и несколько расширяет.⁴⁹ Вслед за греческим историком Р. Романо относит эти острова к тому же типу, что и изолированные *внутренние города* (*interne*), почти всецело автаркические.⁵⁰

Модель островной феодализации венецианцев складывалась и отрабатывалась на основе опыта, приобретенного на ближних к Венеции адриатических островах, таких как о. Раб, на протяжении двух веков, XI и XII. В последующие три столетия, после выгодного для венецианцев исхода IV крестового похода, опыт нашел успешное применение. Первоначально в приморских городах Далмации:⁵¹ должностной наказ князю Задара принят в 1278 г.,⁵² затем в 1313 г. положение князя было подтверждено:

ladratini eligere debeant unum comitem de nobilibus Venetiarum de civitate Rivoalti, qui sit de Maiori Consilio Venetiarum, quem dominus dux et commune Venetiarum confirmare et dare teneantur in comitem ipsis Jadratinis.⁵³

Некоторые венецианские семьи имели также возможность приобрести феодальный опыт на терраферме, как, например, Фоскари. Расцвет пришелся на время Николо Фоскари (ум. 1341 г.), который в 1328 г. был посвящен в рыцари Кангранде Делла Скала, сеньором Вероны и имперским викарием Виченцы, а затем в 1331 г. получил от Иоанна, короля Богемии, инвеституру на графство Новента и Целларино.⁵⁴

7. Архипелаг венецианцев (середина — вторая половина XIV в.). И наконец опыт пригодился на островах Эгейского Архипелага, значительной частью которых после IV крестового похода на феодальных правах завладели венецианцы, возвели там замки и крепости и жили внутри стен с башнями.⁵⁵ Чериго владело семейство Веньер. Чериготто принадлежал с титулом маркиза семейству Виаро, бывших вассалами Венеции.⁵⁶ Наксос

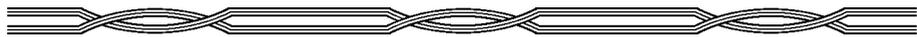
стал центром дуката Архипелага, принадлежавшего Марко Санудо, который принял титул “Дука Архипелага и князь Империи”; в 1285 г. перешел к семейству Криспо, которое помогало Венеции в борьбе против Византии и породнилось со многими венецианцами; позднее островом ненадолго завладел генуэзец Пьетро Спинола, но был изгнан. **Анафе** также достался Криспо, затем дука Джованни Криспо передал остров своему брату Гульельмо, который возвел там замок; позднее остров вернулся в состав дуката. **Ниос** (1207 г.) дука Джованни Криспо передал своему брату Марко, который возвел замок на скале в двух милях от гавани для защиты от пиратов, часто наведывавшихся на удобную якорную стоянку; затем через брачные связи остров перешел к Пизани. Замок дуки Марино Санудо был возведен и на о. **Милос**. **Сифнос** некоторое время использовали пираты; в 1307 г. Коронья из ордена св. Иоанна Иерусалимского завоевал остров, породнился с семейством Джустиниани и держал остров как подданный Венеции; один из его преемников оставил остров в наследство дочери, вышедшей замуж за венецианца Гоццадини, сеньора Термиа (Китнос), который присоединил остров к своему владению. **Парос** был присоединен к дукату Марко Санудо; затем как приданое Марии Санудо, вышедшей замуж за Гаспаре Соммарива, перешел к этому семейству, потом к семейству Криспо; впоследствии один из семейства Веньер (см. Чериго) породнился с семейством Соммарива и стал сеньором острова. **Делос** недолгое время был пристанищем иоаннитов, до того как в 1309 г. орден перебравшись на о. Родос. **Микнос** поделен между Андреа Гизи и дуками Архипелага, получившими восточную часть с портом, которую позднее дука Джованни Криспо уступил (с о. Кеос) своей дочери Таддеа, вышедшей замуж за Франческо Соммарива. На **Кеосе** (в южном устье Эвбейского пролива) еще в 1199 г. Венеция получила от византийского императора Алексея III различные привилегии; в 1207 г. остров входил в дукат Архипелага; в 1220 г. четыре венецианца — Андреа и Джеремиа Гизи, Доменико Микиель и Пьеро Джустиниани захватили остров, поделили его, как и Серифос, на четыре части и объявили себя вассалами Санудо, дуки Архипелага, под высоким суверенитетом Венеции; в 1278 г. византийцы сумели вернуть себе остров, и на нем нашли себе убежище пираты, но в 1296 г. его отвоевали прежние венецианские феодалы; в 1314 г. замок на холме древнего акрополя

восстановлен на средства дуки Бартоломео Микиеля;⁵⁷ в 1328 г. наследство Гизи отошло к Премарини, которые откупили также долю Микиелей, но затем владение раздробилось между потомками нескольких семейств: Санудо, Бадоер, Малипьеро, Веньер, Контарини, Барбаро. **Серифос** занял Марко Санудо, который оставил его вышеупомянутым Андреа и Джеремиа Гизи, Пьетро Джустиниани и Доменико Микиелю; они поделили остров между собой (как и Кеос); в 1269 г. остров захватил византийский мегадука Ликанос; в 1278 г. его занял византийский адмирал Филантропенос, которого через 20 лет изгнали старинные семейства при поддержке Венеции; в 1352 г. часть острова перешла по наследству к Миногто, затем до 1390 г. там правили Гизи, после чего их доля перешла в прямое подчинение Венеции, которая вскоре унаследовала и другие части. **Китнос** (Термия) входил в состав дуката Архипелага в качестве феода Гоццадини, которые в 1454 г. держали также Кеос и Сифнос. **Тинос** был феодем Андреа Гизи.⁵⁸ **Андрос** был занят Марко Санудо и включен в дукат Архипелага; в 1243 г. за остров вели тяжбу Джеремиа Гизи и Марино Дандоло; в 1403 г. передан в феоде Дзено, позднее как приданое одной из Дзено отошел к Соммарива, семейству мужа. **Эгиной** завладел Галеотто Малатеста, затем остров отошел к Венеции. **Северные Споряды** в 1265 г. заняты Андреа и Джеремиа Гизи, позднее также отошли к Венеции.

За обладание островами между могущественными венецианскими родами — Санудо, Гизи, Бароцци и другими велись настоящие войны. Одна из самых известных междоусобиц (*guerra dell'asino*) случилась на о. **Сира**, где Гизи осадили замок Гульельмо Санудо, сеньора острова, и только решительное вмешательство венецианского баюла Негропонта (Эвбея) прекратило войну.⁵⁹

В 1332 г. Совет приглашенных (*Consilium Rogatorum*, игравший в Венеции такую же роль, как Сенат в Древнем Риме),⁶⁰ вынужден был приказать Никколо Санудо, дуке Архипелага, освободить из заточения Якопо Бароцци, сеньора **Санто-рина**; дука Джованни Криспо уступил остров своему брату Николо; затем дука Гульельмо вернул остров в состав дуката; позднее остров перешел к Кверини и Бароцци. **Аморгос**, на котором дуками Архипелага был возведен замок, был предметом тяжбы между семействами Гизи и Санудо до 1358 г.

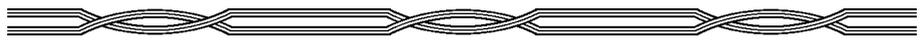

Некоторые острова стремились заполучить и предприимчивые люди из других итальянских городов — веронцы, генуэзцы и другие. О. **Эвбея** (Негропонт) был разделен на три феода, портовые стоянки были отданы Венеции; Марко Дандоло основал дукат в Галлиполи и, объединившись с веронцем Р. далле Карчери (см. Милос), захватил остров, но Венеция обязала его признать себя ее вассалом. В марте 1209 г. веронец Редонделло далле Карчери от имени своего брата Равано получил инвеституру на феод Негропонта (Эвбея и Халкида) и присягнул на верность Венеции, но фактическим хозяином острова с 1216 г. стал назначаемый из Венеции баюл. После реставрации Палеологов в 1261 г. император дал привилегии на некоторые города острова генуэзцу Икарио Дзаккариа. Он высадился на острове и изгнал венецианцев, которые, однако, вернули себе остров и право разработки фокейских копей квасцов, необходимых в кожевенном деле.

Острова могли быть также предметом длительной борьбы не только между самими венецианцами, венецианцами и не-венецианцами, но Венецией и другими государствами. За обладание о. **Тенедос**, занимающим ключевое место на пути в Черное море (как о. Корфу в Адриатическое), Венеции долго пришлось тягаться с Генуей.

“Чтобы отнять у Генуи господство на путях в Черноморье, — пишет Ф.И. Успенский, — венецианцы добивались у Палеолога [Иоанна V (1341–1391)] уступки острова Тенедоса, лежащего у Дарданелл; император не уступал им, даже находясь у них под арестом; лишь при возобновлении договора они получили остров за денежную субсидию, обещав **выставить царский флаг рядом со своим**”.⁶¹

8. Венецианское государство и подданные.⁶² Их взаимоотношения поясняет история с браком Фьоренцы, дочери дуки Архипелага Джованни Санудо, которую он в 1361 г. назначил своей наследницей. Венецианские власти потребовали, чтобы он не выдавал дочь ни за генуэзца Пьетро Реканелли, капитана Смирны, ни за флорентийца Нерио Аччайюоли, поскольку и в самой Венеции, и на Крите, и на Негропонте есть немало достойных мужей. Синьория написала об этом и дуке Дж. Санудо, и дукине Марии, и Фьоренце, внушали выйти замуж за критского или венецианского нобиля. В письме баюлу Негропонта от 25 октября 1361 г. Совет приглашенных предупредил, что если дука не примет требование Венеции, то придется применить строгие меры. Заинтересованность в этом браке проявили

и другие региональные силы. В 1363 г. Джованна, королева Неаполя, и Роберто Тарентский, князь Ахайи, уведомили Венецию, что Фьоренца — их вассал, и государство Венеция не должно вмешиваться в это дело.

В ответе из Венеции была со всей определенностью показана суть венецианской политики по отношению к венецианским феодалам Архипелага: этот брак представляет государственный интерес для Венеции, поскольку Фьоренца прежде всего является венецианской *гражданкой* и по рождению венецианской *подданной*, а уж затем чьим-то вассалом. Ее предки принадлежали к одному из венецианских нобильских семейств, которые **с помощью государства** приобрели острова Архипелага. На защиту этих островов ушли силы и кровь, и в мирном соглашении с Византией закреплено, что острова находятся под покровительством Венеции. Фьоренцу отправили в путешествие на Крит, где сладился ее брак с Никколо Санудо. И еще дважды, в 1376 г. и 1386 г., Совет приглашенных повторил, что женщины из нобильских семейств Эгейских островов не могут вступать в брак без разрешения государства.⁶³

Позднее, после убийства дуки Никколо II далле Карчери Совет приглашенных позволил Франко Криспо, сеньору Милоса, породнившемуся с византийским императором, унаследовать дукат Архипелага, в чем он присягнул Венеции. Еще раз государство вмешалось в дела дуката в 1418 г., когда дало знать, что наследником дуки Джакомо Криспо должен стать его брат Джованни, а не тот брат, который женат на генуэзке.

Какие бы титулы они не имели и в каких бы феодальных связях не состояли, венецианцы оставались **венецианскими гражданами** и как таковые **подданными** метрополии: разбирая распрю между Марко Санудо, дукой Архипелага, и Никколо Кверини, дож и его совет трактовали дуку как венецианского гражданина.

9. Венецианское гражданство/подданство и сословие граждан, XIII — XIV вв. Применительно к венецианской истории слово *гражданство* употребляется как термин для обозначения двух взаимосвязанных, но не равнозначных (тождественных) понятий. С одной стороны, *гражданство* рассматривается как правовая (вне/надсословная) институция, с другой — как институция сословная в ряду *нобиль — гражданин — простолюдин*. Феномен венецианского гражданства: статус, эволюция и престиж

гражданства, как в самой Венеции, так и за пределами венецианского государства, и защита государством своих интересов при ущемлении прав своих граждан властями других городов/государств.

9.1. Институция гражданства в средневековых итальянских городах.

Изучение исторического развития институции гражданства в итальянских городах входит в область интересов (и компетенции) исследователей разных отраслей гуманитарного знания. Этим занимаются историки права, как итальянского в целом, так и венецианского в частности,⁶⁴ историки итальянской политической мысли,⁶⁵ а также авторы специальных работ о гражданстве как правовой институции.⁶⁶

Важность, значение и соотношение обоих видов институции гражданства в итальянских городах в период позднего средневековья и эпохи Возрождения (при всей условности и схематичности подобной периодизации), в полной мере актуальны и для общества конца XX — начала XXI в. Они продолжают находиться в поле зрения историков.⁶⁷ В частности, на это обратил внимание Уго Туччи в предисловии к итальянскому изданию работы Леопольда Ранке о Венеции XVI в.⁶⁸ Суть проблемы сформулировал В.М. Боуски: изучение гражданства целесообразно вести с позиции не только политической теории и истории права, но и исходя из комплекса проблем, связанных с иммиграцией, натурализацией, социально-экономическими условиями, структурой правления и намерениями правительства.⁶⁹

Основополагающее историко-правовое исследование, которое сохраняет научное значение и полноту разработки различных сторон проблемы до настоящего времени — работа Дины Бидзари (1916 г.), которая, как констатирует Эннио Кортезе, *остаётся единственной, сохраняющей интерес и полноту, хотя опубликовано немало статей о гражданстве в различных коммунах*⁷⁰ Эту оценку разделяет и Джорджетта Бонфильо Доцио.⁷¹

Представление о гражданстве как правовой институции сложилось в Европе в XII — XIII вв. и основывалось на положении римского права, согласно которому гражданин является субъектом прав и обязанностей по отношению к общине, к которой он принадлежит. В большинстве стран Западной Европы на протяжении этих веков постепенно берет верх представление, сформулированное историками права: *гражданское об-*

---

*щество должно основываться на праве: право должно обеспечить в гражданском обществе порядок и прогресс.*⁷²

К середине XIII в. складывается новая юриспруденция. Правоведы сохраняют уважение к юридической традиции, с римских времен присущее Италии, они еще в значительной мере стеснены примечаниями к памятникам права (глоссами), которые вышли из-под пера правоведов-романистов XI — XIII вв., толковавших *Corpus iuris civilis*. Но, повседневно имея дело с практическими нуждами времени, они приспособливают принципы римского права к новым юридическим феноменам и ставят наравне с ними живые источники права.⁷³

Это в полной мере относится и к городскому праву (*ius civitatis*).⁷⁴ Во многих европейских городах сложилась правовая категория *граждан*, и был выработан порядок приобретения *гражданства* и подсудности *граждан*.⁷⁵ Подобное положение дел распространяется на европейский город в целом, и, следовательно, на города Италии и других стран,⁷⁶ например, Англии — которую с Венецией роднит островная психология жителей.⁷⁷ Убедительный пример дает устав г. Аугсбурга:

“16. Если кто бы то ни было получил право горожанина (*ius civitatis*), то его никто не должен обвинять по [феодалному] праву собственности или бенефиция (*de iure proprietatis vel beneficii*), но только согласно городскому праву (*secundum urbanorum iusticiam*)”.⁷⁸

В XIV в. сложившееся положение было закреплено трудами нескольких поколений авторитетных правоведов: Бартоло из Сассоферрато (1314–1357),⁷⁹ его ученика и преемника Бальдо дельи Убальди (1327–1400),⁸⁰ Бартоломео Боско, учившегося у Бальдо в Павийском университете, и их последователей.⁸¹ “Ключом к труду Бартоло был синтез древнеримского статуса гражданина, квазилегальный римский принцип суверенности народа и римская концепция обычного права”.⁸² Позднее внесли свой вклад гуманисты.⁸³

9.2. Венецианское гражданство. Венецианские статуты⁸⁴ показывают, что институция гражданства в Венеции в начальный период создания в основе мало чем отличалась от подобных институций в других итальянских (и неитальянских) городах, несмотря на разнообразие норм, относящихся к предоставлению гражданства,⁸⁵ сильное тяготение в Венеции к опоре на обычное право и слабое проникновение в Венецию лангобардского влияния.⁸⁶

Будучи окружена водой, как другие города стенами, Венеция, подобно другим городам, питалась за счет притока людей извне.⁸⁷ Население Венеции и, соответственно, *гражданство* как сообщество людей, связанных общим правовым статусом, сложилось из социальных элементов разного происхождения. Но, в сравнении с другими городами Италии, здесь привлекает внимание многообразие краев, из которых стекались претенденты на венецианское гражданство, и, следовательно, разнообразие элементов правового сознания и опыта, которые они приносили с собой. По преимуществу, это были выходцы из итальянских городов областей Венето (Падуи, Вероны), Тосканы (Флоренции, Лукки), Ломбардии (Бергамо, Кремоны, Милана, Мантуи), Эмилии (Болоньи, Феррары) и других, из альпийских городов, по большей части, германских, а также представители этнических меньшинств: греки, евреи, армяне, немцы, тирольцы, провансальцы.⁸⁸ Со временем венецианское гражданство приобрело такие особенности, которые сделали Венецию одним из непременных образцов (положительных или отрицательных, хвалебных или хулигельных — в зависимости от намерений автора или заказчика), без рассмотрения которого веками не могли обходиться политические писатели.⁸⁹

И здесь следует сказать, что общее заключение Д. Бидзари — *сословие горожан в большей части коммун сложилось из союза низшего феодального слоя, купеческой буржуазии и крупных ремесленников*,⁹⁰ можно было бы отнести и к Венеции, если бы не существенное обстоятельство. Феодального слоя в самой Венеции не было, и некоторые ее граждане *феодализировались* только в ходе освоения Восточного Средиземноморья (Леванта). Это явление, как уже говорилось, можно рассматривать как одно из важнейших следствий обретения моря островным городом Венецией. Представляется, что именно островная феодализация венецианцев во времена первых крестовых походов, особенно после IV, в свою очередь, послужила одним из решающих толчков к консолидации правящей группы в самой Венеции, в конце XIII в. оформившейся в отдельное (пред)сословие — *нобилитет*. Этот акт известен как *замыкание* Большого совета (*serrata*),⁹¹ члены которого прежде избирались народным собранием (*concio generalis*), и в котором преобладала *аристократия* (*aristocrazia rialtina*),⁹² но который к этому времени по большей части состоял из представителей опреде-

---

ленных семей. Совет *замкнулся* и превратился в сословное собрание наследственных нобилей: конституировался *нобилитет* — как правящее сословие, политически привилегированный класс общества.⁹³ (Вкратце о нобилитете: в Римской республике *нобилитетом* (*nobilitas*) назывался *правлящий слой родовой знати, состоявший из патрицианских и плебейских семей, который образовался в результате борьбы сословий, уравнившей в правах патрициев и плебеев*,⁹⁴ в Италии в V — VI вв. под *нобилями* чаще всего понимали итало-римских владельцев собственности — *поссессоров*).⁹⁵

Прибравший к рукам власть нобилитет понимал значение долговременной политической стратегии, разрабатываемой в закрытых советах. Выборность, круговорот (ротацию) и кратковременность нобильских магистратур обеспечивали постоянную мобилизованность правящего сословия, способствовали выработке универсальных государственных мужей, которые заседали в правящих советах и исполняли магистратуры, переходя от одного вида государственной деятельности к другому, не отходя при этом от фамильного промысла, доставлявшего им богатство.

В 1242 г. при доже Якопо Тьеполо были собраны и упорядочены гражданские законы и было положено начало “Венецианскому статуту”.⁹⁶ Согласно этому уставу собственно венецианцами считались жители Риальто, Градо, Каварцере и Кьоджи (*Venetii eos esse dicimus, qui sunt in Rivoalto, et a Gradu usque ad Caput Aggeris, et a Clugia*), и с этого времени город, называвшийся Риальто, в письменных источниках получает название *Венеция*. Был очерчен статус *венецианца* (*venetus*), который с 1220-х годов прослеживается по документам и который признавался за пределами Венеции. Так, по договору 1220 г. с Венецией Перегрини, патриарха Аквилеи, он был признан венецианским гражданином, и в силу этого был обязан проживать в Венеции не менее одного месяца в году.⁹⁷

Существенной чертой позднеимского права, усвоенной средневековьем, было деление на *граждан* и *чужестранцев*.⁹⁸ Вероятно, можно предполагать и влияние эллинского взгляда на *других* как на собственную противоположность, поскольку признавать за другими первенство в чем-нибудь — совсем не то же самое, что признавать превосходство. В Венеции правовой статус и взаимоотношения *венецианцев* и *чужеземцев*, равно

как и положение этих последних в самом городе и в заморских владениях, было предметом попечения властей. Это нашло прямое отражение в постановлениях советов, которые часто обращаются к тем и другим одновременно: *quod nullus Venetus aut forensis audeat etc.* или *quod nullus Venetus vel habitator Veneciarum audeat etc.*,⁹⁹ *quod de cetero aliquis forensis, venetus vel habitator Veneciarum non possit etc.*, и в уставах,¹⁰⁰ отсылая их составителей к римского праву, в котором эти вопросы всесторонне разработаны.¹⁰¹

*Населению средневековых городов была свойственна ксенофобия по отношению к другим группам, например, к иностранным купцам, и Венеция не составляла исключения — там власти создали настоящее полугетто для немецких купцов, и подобные учреждения для иностранных купцов были почти во всех средневековых городах.*¹⁰² Еще и в XVIII в. Ш. де Бросс (1709–1777), французский литератор и магистрат, слышал в Венеции от тамошних жителей сочувственные слова: *poveri forestieri*.¹⁰³

В первой половине XIII в. была учреждена магистратура *судей коммуны (giudici del comune)*, называемые также *по делам чужеземцев (dei forestier)*, потому что на них была возложена обязанность разбирать тяжбы как между венецианцами и чужеземцами, так и между самими чужеземцами:

в названное время [1240 г.], — повествует безымянный автор “Хроники о происхождении венецианских нобильских семейств”, — Совет создал должность трех судей по прошениям, и им было определено место во дворце, и они рассматривали дела как венецианцев, так и чужестранцев, а также тех, кто одолжил деньги сбежавшим, а затем с течением времени в силу того значения, которое имели названные трое судей, относительно чужестранцев было решено, чтобы чужестранцы обращались к судьям коммуны, называемым судьями по делам чужестранцев.¹⁰⁴

В книге *Comunis* Большого совета в постановлении от 12 мая 1248 г. говорится, что Пьетро из Милана, живущий на Негропонте (Эвбея) и имеющий статус *venetus burgensis noster* в городе Негропонте, объявляется *венецианцем* повсюду — *sit Venetus in omnibus partibus*. Через несколько лет, 27 сентября 1254 г. принято постановление, предоставляющее Филиппо Вистарити, женатому на венецианке, статус венецианца, действительный как в Константинополе, где он живет, так и во всей Романии. Постановлением от 10 января 1261 г. Джованни Милисино из Модона, одного из важнейших венецианских фор-

---

постов в Морее (Пелопоннесе), освобождается от всех налогов, и ему и его потомкам дается статус венецианца во всей Морее.¹⁰⁵

Подобное положение вещей сохранялось и в дальнейшем. 19 марта 1359 г. Совет приглашенных заслушал послов византийского императора Иоанна VII. Послы, посетовав, что многие греки выдают себя за венецианцев, чтобы таким образом избежать уплаты налогов, просили, чтобы венецианский баюл в Константинополе прекратил натурализацию греков (назовем это *венецианизацией*).¹⁰⁶ Совет ответил византийцам, что баюлу будет дано распоряжение провести новую проверку, но все, кто уже стали *венецианцами*, останутся ими и впредь, также как и христиане с островов, которым покровительствует Венеция.¹⁰⁷ Через несколько лет Совет в решении, принятом 28 октября 1369 г. в ответ на жалобу византийского императора, разъясняет венецианскую позицию:

лучше всего было бы принять взаимное обязательство уважать национальность и статус каждого таким образом, чтобы грек оставался греком, а венецианец венецианцем.¹⁰⁸

Памятуя, что большая часть островов, феодализованных венецианцами, была так или иначе связана с Византией, необходимо коснуться византийского представления о гражданстве, которое могло влиять на венецианское. Как пишет Ж. Дагрон, византийцы, определяя *гражданство*, говорили *единоверец*, отождествляя империю с православным христианством; признавали себя *подданными* одного императора; считались *плательщиками одних и тех же налогов*; говорили о себе *одного рода-племени*; временами употребляли слово, означающее *одинаковый образ жизни*; а словом *ksenoi* стали называть как пришлых людей, так и людей, принадлежавших к городским маргинальным группам (бедняков, юродивых и т.п.);¹⁰⁹ крайне редко в определении византийского *гражданства* вводилось понятие *языковая общность*.¹¹⁰

Утраченное венецианское гражданство можно было возобновить. Николетто Тибертино, житель Негропонта (Эвбея), обратился в Совет приглашенных с прошением о возобновлении прав венецианского гражданства, некогда пожалованных его отцу венецианским баюлом Негропонта Якопо Бароцци, но утраченных во время погрома, учиненного каталонцами. 27 июня 1340 г. Совет приглашенных принял решение восстановить просителя в утраченных его отцом правах.¹¹¹ Как явствует из

примеров, содержащихся в опубликованных Фредди Тирье регестах постановлений Совета приглашенных, предоставление прав венецианского гражданства в заморских владениях Венеции было отдано на усмотрение назначаемых из Венеции высших должностных лиц: баюлов Константинополя и Негропонта (Эвбеи), дуки и ректоров Кандии (Крита). Во всех этих случаях речь идет о гражданстве как правовой институции.

Гражданство могло быть коллективным. Ранний из известных случаев относится к 16 июля 1315 г.: Эннио, настоятель бенедиктинского монастыря в Помпозе (близ Феррары), обратившись к венецианским властям с прошением принять его в венецианское гражданство вместе с монахами его обители, обосновывает просьбу тем, что монастырь расположен неподалеку от Венеции, и тем, что аббатство ни у кого не состоит в подданстве. Просьба была удовлетворена.¹¹²

Документальные источники часто свидетельствуют существование статуса *жителя* Венеции (*habitor*). Показателен случай врача Элии из Феррары, получившего статус *жителя* в 1275 г.:

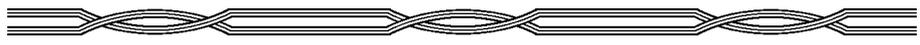
О магистре Элии, враче, 1275 г., индикта IV, день VI уходящего февраля. Постановлено, что магистр Элия, врач, родом из Феррары, может приезжать жить в Венеции со своим имуществом когда пожелает, без каких-нибудь препятствий, чинимых ему или тем, кто с ним, и означенному магистру со его имуществом нельзя мешать приезжать, оставаться или возвращаться. И Венецианская коммуна считает его таким же обитателем Венеции, какими являются другие обитатели Венеции.¹¹³

Статус *жителя* можно рассматривать как переходный (промежуточный) от *чужеземца* к *венецианцу* и далее к *венецианскому гражданину*. Уже в первой четверти XIV в. в решениях венецианских советов можно встретить формулу, подобную содержащейся в указе Большого совета 2 августа 1323 г. (в этом году право предоставлять статус гражданина было вверено Совету приглашенных):

...и должны быть подвергнуты проверке все те, кто в Венеции, будь то гражданин, либо житель, находится в Венеции, либо вне ее, *tam qui faciunt imprestita, quam qui non faciunt*.¹¹⁴

Habitor и *venetus* упоминаются также вместе в *Officium de navigantibus* (1361 г.).¹¹⁵

Два случая, внесенные в регистр Совета десяти под 3 августа 1329 г., помогают понять ограниченность статуса *жителя* по сравнению с *венецианцем*. В частности, он не мог принимать у себя в доме иноземцев свыше установленного властями

числа: Сандрус из Флоренции, проживающий в Венеции в конфинии (контраде, приходе) Сан Кассиано, главами округа-сестьеры был присужден к уплате штрафа в размере 75 либр за то, что принял в своем доме трех чужеземцев сверх положенных четырех. В тот же день Совет десяти рассмотрел еще одно подобное дело — Гардзолино Миссеты с Риальто.¹¹⁶

С середины XIII в. определенная часть венецианского общества претерпевает такие же изменения, как и городской патрициат/нобилитет большинства итальянских городов, который прибирает к рукам основные должности в государстве и закрепляет преобладание в политической жизни определенных семей.¹¹⁷ Уже в раннем городе сложилась устойчивая группа, занимавшая ведущее положение в социальной и политической жизни городской общины. До XII в. эта группа, называемая *burgenses* и противопоставленная всем прочим жителям города (*cives*), которую источники называют также *meliores* или *potentiores*. В XII в. эта группа привилегированных *burgenses* оформляется в патрициат, который включает *купцов и свободных земельных собственников, живущих на ренту*. Этот патрициат сохранял силу и власть в городе, по крайней мере вплоть до XV в., несмотря на все социальные и политические потрясения. Неизменность, стабильность патрицианской верхушки городского населения — эта главная черта городской жизни обеспечивала социальный континуитет средневекового города.¹¹⁸

Этот процесс проявился в Венеции в особой форме. Основные требования к желавшим стать венецианскими гражданами¹¹⁹ были такими же, какие предъявлялись к претендентам на гражданство в других итальянских городах: постоянно проживать в городе в течение обусловленного времени, иметь там владение или дом, платить налоги, нести определенные статутами личные. Как было записано в постановлении Совета приглашенных от 18 марта 1368 г., *новые граждане будут обладать всеми привилегиями, но, естественно, на них будут возложены и все обязанности граждан*.¹²⁰ Получив составленную и написанную дожеским нотарием в канцелярии дожеского дворца пергаменную грамоту о причислении к венецианскому гражданству, снабженную вислой дожеской печатью (свинцовой, серебряной, золотой — в зависимости от вида предоставленного гражданства),¹²¹ новый *гражданин* (*civis venetus*) присягал общине (*iuramentum cttadinatus*) перед ее первым лицом. Так, 30 мая 1310 г. Джованни Ариани из Тре-

---

визо и его детям и наследникам было даровано гражданство, и 3 июня он вручил свою присягу дожу.¹²²

Соискателям предъявлялось строгое требование: не предпринимать ничего в нарушение венецианских порядков.¹²³ Сходными были и регулирование порядка утраты или лишения гражданства и нежелание коммун признавать двойное гражданство.¹²⁴ В одном из указов от 1330 г. говорится, что некоторые иноземцы, живущие со своими семьями в Венеции, не платят налоги на товары и контракты и изловчатся пользоваться привилегиями и в своем родном городе, и в Венеции.¹²⁵

Венецианские *граждане*, как и граждане других итальянских городов, разделялись на *урожденных* или *коренных* (*originarii, cives de iure*)¹²⁶ и *пожалованных* (*privilegiati, cives ex privilegio* или *de gratia*), но в отличие от других городов, *пожалования* были двух видов, которые различались обеспеченностью правами пожалованных лиц, проживших в городе установленное число лет (изменялось сообразно обстоятельствам) и соблюдавших гражданские обязанности. Оба вида давали право торговать *как венецианцам*: гражданам *de intus* в городе, а гражданам *de intus et extra* и за пределами Венеции. Выражение *как венецианцам* означало узаконенную совокупность прав, которые предполагали защиту их интересов государством, в том числе и за его пределами,¹²⁷ и обеспечивали переход потомков в одном из следующих поколений в категорию *коренных* граждан и всю полноту гражданских привилегий.¹²⁸

В то же время, тогда как жителям заморских земель было выгодно получить венецианское гражданство (как те греки, выдававшие себя за венецианцев, чтобы избежать уплаты налогов), жители городов венецианской террафермы не всегда стремились к этому. Для жителей Виченцы материальные выгоды, даваемые венецианским гражданством, были меньше тех, которые предоставляло заключенное в 1260 г. между Виченцей и Венецией соглашение о торговых таможенных льготах торговым людям обоих городов.¹²⁹ В некоторых государствах, поддерживавших отношения с Венецией, власти неохотно признавали привилегии, которыми венецианское гражданство наделяло получившего этот статус:

”В [Киликийской] Армении — пишет Н.П.Соколов — не хотели предоставлять обширных венецианских привилегий всем тем, кто не был настоящим венецианцем, а приобретал, по тем или другим причинам, права венецианско-

---

го гражданства. Таковы, например, венецианские *francomati* на Кипре и в других восточных владениях Венеции. Она, по-видимому, добивалась снятия этого ограничения, но только в 1333 г. в хрисовуле Левона V мы впервые видим отказ армянских властей от этого умаления прав восточных подданных Венеции”.¹³⁰

Венецианское гражданство как **правовая институция** определилось к рубежу XIII — XIV вв. одновременно с конституированием нобилитета и было узаконено Большим советом 4 сентября 1305 г., вскоре после подавления возглавленного Марино Бокконио заговора, который вскрыл накопившуюся в обществе напряженность.¹³¹ Историки, начиная с венецианских писателей XVIII в., твердо установили, что это постановление послужило началом законодательного оформления нового сословия.¹³² Большую часть постановлений венецианских советов, связанных с предоставлением гражданства, собрал Стивен Элл в диссертации “Гражданство и иммиграция в Венеции”.¹³³ С превращением Большого совета Венеции в конце XIII в. в сословное собрание наследственных нобилей от политической жизни была оттеснена значительная часть прежних членов Большого совета, которых обособившийся нобилитет не считал соответствующими требованиям, предъявляемым им к тем, кто претендовал на принадлежность к этому сословию.¹³⁴

Отстраненная от власти часть ранее полноправных *венецианцев* оказалась ущемленной в правовом отношении: магистратами и членами Совета приглашенных могли быть только члены Большого совета — потомственные нобили. Все же эта группа удержала значительные позиции во внутренней и внешней торговле, хотя и меньшие, чем у нобилитета, и мало уступала ему в имущественном отношении. Немногим представителям этой группы удалось сохранить право владеть земельной собственностью в территориальных и заморских владениях Венеции, хотя только в виде ренты.¹³⁵

Конституировавшись и отождествив себя с государством, нобилитет, поглощенный коммерческой деятельностью, которая составляла основу его существования, и политической деятельностью, оказался перед необходимостью создать такую социальную группу, которая полностью бы от него зависела и на нее переложить исполнительскую работу по управлению государством и которая при этом не имела бы серьезных оснований претендовать на возвращение утраченных привилегий и на долю власти — на эту особенность обратил внимание Николо

Макиавелли.¹³⁶ Было выделено отдельное сословие, получившее наименование *граждане*, что дало возможность и удовлетворять растущую потребность государства в специалистах, и возместить утраченное оттесненному от власти слою общества. Первое было общим для всех итальянских городов, второе — особенностью венецианской социальной политики. Предоставлением и лишением прав гражданства всецело распоряжался нобилитет через свои правящие органы.¹³⁷ *Вмешиваются власти* — лаконично отозвался о венецианской политике в этой области Ф. Бродель.¹³⁸

Институция венецианского гражданства существовала в двух видах. В общем правовом виде: все нобили по праву рождения, а также венецианское гражданство предоставлялось в политических видах дворянам венецианских территорий и отдельным иностранным дворянам. Показательна история Токко, герцогов Левкадии, палатинских графов Кефалонии и господ Воницы — *феодалной династии с Ионических островов*: в 1361 г. венецианское гражданство было пожаловано Леонардо I, историю их отношений с Венецией можно проследить по регестам Фредди Тирье.¹³⁹ Другой пример: византийский латинofil Димитрий Кидонис, долгое время бывший первым министром императора Иоанна Кантакузина, во время своего пребывания в Венеции в январе 1391 г. был пожалован венецианским гражданином.¹⁴⁰

В сословно детерминированном виде *гражданство* представляло собой второе конституированное сословие Венеции, социальный слой, открытый снизу и обращенный кверху — мост между *нобилитетом* и *народом*.¹⁴¹ *Граждане* вскоре вырабатывали сословные принципы и добродетели, запечатленные в хрониках и генеалогиях, причем не только венецианских.¹⁴²

9.3. Гражданство как сословие. Для обеспечения преемственности и согласованности работы всех частей государственного механизма нужны были специалисты, от которых требовались: служебное соответствие и личная заинтересованность в деле, деловой опыт и верность государству. Ими и стали представители верхней прослойки *граждан*, позднее получившие название *секретари* или *канцелярия* — управленческо-канцелярской элиты *преданных слуг государства*. О. Логан назвал их, имея в виду, главным образом, коренных граждан, *админист-*

ративной кастой.¹⁴³ И хотя все эти характеристики относятся к XVI в., они позволяют понять пройденный Венецией путь.

Леандро Альберти (1479–1552), один из зачинателей европейской исторической географии, в неоднократно переиздававшемся “Описании всей Италии”, предварительно сделав оговорку, что известность Венеции избавляет его от описания ее достоинств: *полагая, что многие достославные писатели утомились, описывая ее, я не буду в это вдаваться*, лаконично описал трехслойный состав венецианского общества: *город разделен на три рода людей: нобилей, граждан и мастеровых*.¹⁴⁴ Гуманист Донато Джаннотти (1492–1573), рассуждая об особенностях “смешанного правления”, особое внимание уделил венецианскому образцу.¹⁴⁵ Вышеупомянутый Бартоломео Сакки в диалоге о совершенном гражданине также во многом опирался на венецианский исторический опыт.¹⁴⁶

Гаспаро Контарини (1483–1542), теоретик и апологет венецианской государственности, особый упор сделал на почетность тех исполнительских должностей, которые нобилитет закрепил за *гражданами*.¹⁴⁷ На рубеже XVI — XVII вв. его последователь венецианский политический писатель Пьер-Мариа Контарини назвал *граждан* благородными простолюдинами (*gentiluomini di popolo*) и высоко ставил их престиж в государстве.¹⁴⁸ Некоторые авторы, в частности П. Мольменти, усматривают определенное сходство общественного и правового положения венецианских *граждан* и римских всадников:

граждане имели право замещать должности в канцелярии, образовывали как бы нобилитет второй ступени, схожий с римскими всадниками, звались в более поздние времена сословием секретарей и приравнивались к нобилем террафермы.¹⁴⁹

Разумеется, были и критики венецианских порядков. Один из ранних — Салимбене де Адам в “Хронике”, написанной в 80-х гг. XIII в., обозвал венецианцев *сворой алчных скряг, превративших Адриатику в разбойничий притон*.¹⁵⁰

Позднее Бенедетто Деи сочинил антивенецианское письмо, предназначенное для широкой огласки.¹⁵¹ Свое сочинение “Против венецианцев” Томмазо Кампанелла начал словами:

свобода состоит в том, чтобы жить согласно воплощенному Вечному Разуму, Венеция же, отступившись от него, станет невольницей духом, а затем и телом.¹⁵²

Доныне не установленный автор антивенецианского памфлета начала XVII в. “*Squitinio della libertà veneta*”,¹⁵³

имевшего хождение по всей Европе, считал подобное положение противоречащим представлению о свободе, как ее понимали в те времена: *свобода в Венеции сосредоточена в руках тех, кто держит бразды правления, то есть нобилей, да так, чтобы другие граждане в ней участия не принимали.*¹⁵⁴

При этом историки отмечают как характерно венецианскую особенность, что внутри новообразованного сословия во время его существования, если и происходили какие-либо трения между его различными группами, то они редко прорывались наружу, в то время, как внутри нобилитета их было достаточно.¹⁵⁵

Характерно для Венеции, что оправдавшая себя в городе-метрополии социальная политика, была затем применена и в заморских владениях, в частности в Далмации. Как отметила И.Г. Воробьева: *в ряде городов венецианцы обдуманно способствовали выделению богатых пополанов в особую социальную группу “граждан”,*¹⁵⁶ в данном случае для создания как противовеса местным нобилем, так и защиты от *народа*.

Не менее характерной чертой венецианской социальной политики была государственная целесообразность, а также долговременность и результативность. Как всякий развивающийся и богатеющий город Венеция непрестанно испытывала потребность в притоке умов, прежде всего в сфере права, медицины и образования, поскольку требовалось длительное время, чтобы создать возможность удовлетворить такую потребность своими силами.¹⁵⁷

Историкам хорошо известно, что *города, как общее правило, — пишет Ф. Бродель — и живут лишь за счет этих притоков извне.*¹⁵⁸ Для этого специалисты различных профессий из других городов привлекались реальной перспективой предоставления гражданских прав, благосостояния и широких привилегий, среди которых не последнее место занимало освобождение от коммунальных повинностей юристов, врачей, учителей. В течение XIV—XV вв. представители этих профессий составили треть всех новопожалованных венецианских граждан.¹⁵⁹ Один из самых ранних документированных случаев: около 1306 г. гражданство было предоставлено Аньезе, вдове Бонавентуры, хирурга из Феррары, поскольку она прожила в Венеции 25 лет.¹⁶⁰

Остальные две трети *новых* граждан составляли искусные ремесленники и мастера разных специальностей: старьевщик

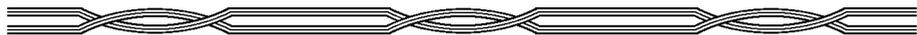

из Кремоны, ремешник из Падуи, скорняк из Изолы; купцы, не без оснований надеявшиеся разбогатеть под сенью знамени св. Марка, покровителя Венеции; и просто искатели счастья.¹⁶¹ Они получали *гражданство по привилегии*, статус которого был сопряжен с обязательным постоянным жительством в Венеции, несением гражданских повинностей, а также принудительной ссудой государству, которая служила одновременно и налогом, и подспорьем казне.

Поскольку не всякая привилегия давала право заниматься прибыльной внешней торговлей,¹⁶² а также в силу того, что в этой отрасли торговли прочные места издавна занимали коренные жители (*нобилы* и частично *урожденные, коренные граждане* — *наибольшая часть нобилей и граждан существуют благодаря торговле* пишет Л. Альберти),¹⁶³ то значительная часть *новых* граждан обращалась к внутренней торговле и промышленной деятельности, вследствие чего в первой половине XV в. владение мастерскими и мануфактурами сосредоточилось в их руках.¹⁶⁴ Те, которые оседали в Венеции, закладывали своей деятельностью основу благосостояния своих потомков, будущих *урожденных, коренных* граждан, и одним из условий получения статуса *урожденного, коренного* гражданства было, чтобы два предшествовавших просителю поколения его предков не занимались механическими ремеслами.¹⁶⁵

Позднее, в 1503 г. в Падуе, к тому времени уже целое столетие входившей в состав венецианского государства, коллегия юристов включила в свой статут положение о том, что новые ее члены должны иметь три поколения предков, не занимавшихся механическими ремеслами; цель состояла в том, чтобы, по словам статута, *сохранить достоинство древних*.¹⁶⁶

Юристы, нотариы, учителя из числа *граждан* привлекались к исполнению многочисленных служебных должностей в государственном аппарате, образовав позднее, уже в XV в. особую внутрисословную группу, высшую прослойку второго сословия, прикрепленную к этому виду деятельности и получившую название *канцелярия*.¹⁶⁷ В утвердительной формуле актов, составленных венецианскими нотариями, неизменно указывался их статус — *civis venetus*.¹⁶⁸ Можно считать, что задача избавить нобилитет от делопроизводственной исполнительской работы в органах, управляющих государством и заморскими территориями, была успешно решена.

Как видим, в течение XIV в. в Венеции бок обок формировались и развивались два сословия, образовавшиеся на рубеже XIII-XIV вв. и объединенные соучастием в торговой деятельности — основе существования венецианского государства, совместной работой в администрации, а также самим фактом правового статуса и привилегированности (разной по характеру и значению), которых был лишен *народ*, составлявший нижний слой венецианского общества, *молчаливый труженик*.

Подобное положение вызывало в разное время различные оценки в сочинениях иностранных писателей: в конце XV в. это считалось основой гражданского спокойствия,¹⁶⁹ а в начале XVII в. за это же Венецию обвиняли в отсутствии свободы.¹⁷⁰

Государство пеклось о сохранении самой возможности пользоваться привилегиями, как общими, так и присвоенными каждому сословию в отдельности. Тщательно охранялась привилегированность обоих сословий и поддерживалась закрытость каждого из них, что обеспечивалось экстраординарным и кооптационным характером пополнения каждого сословия, препятствовавшим нежелательной межсословной диффузии, а также дававшим нобилитету возможность использовать сословие *граждан*, наряду с дворянством террафермы и заморских владений, в качестве своего резервного фонда.

Нобилитет, как всякая аристократия, был не в состоянии поддерживать свое устойчивое воспроизводство, и время от времени пополнение осуществлялось, как *открытиями* Большого совета, так и посредством межсословных браков.¹⁷¹ В 1346 г. Совет десяти разрешил нобилиям вступать в брак с дочерьми мастеров-стеклодувов с о. Мурано, и дети от этих браков рождались нобилиями.¹⁷² Также и дети, рожденные от брака стеклодела и дочери нобилия, причислялись к нобилитету.¹⁷³ Дожд Антонио Гримани (1521–1523) родился от законного брака нобилия Марино Гримани и Аньезины Монтанер, дочери простолюдина из г. Модона в Морее, находившегося под венецианской юрисдикцией.¹⁷⁴

Пополнение нобилитета посредством брачных союзов показывает также, что ни участие в общественной и культурной жизни (приход, праздники и карнавалы, отряды двенадцати и т.п.),¹⁷⁵ ни значительная доля участия в городской хозяйственной жизни, ни участие во внутренней и внешней торговле, ни возможность получить образование и должности на государст-

---

венной службе (которых они домогались) не могли возместить *гражданам* политическую и конституционную ограниченность их сословия, и они использовали любую возможность для того, чтобы подняться вверх по сословной лестнице.¹⁷⁶

9.4. Социальное взаимодействие. Социально-демографическая характеристика обоих сословий показывает, что численность *граждан* лишь незначительно превышала численность *нобилей*, а их общая доля в населении города во все времена, доступные демографической статистике, не выходила за пределы 9–14%.¹⁷⁷ Важную роль играло отсутствие строгой разграниченности между сословиями в таких областях, как экономика, образование, культурные занятия, государственный церемониал, публичная и конфессиональная жизнь.

Вместе они участвовали и в подготовке к службе в городском гражданском ополчении, состоявшем из арбалетчиков. П. Мольменти так описывает назначение отрядов двенадцати, созданных в 1365 г.:

После того, как стрельба из арбалета была признана “*utile ymo necessarium*” ([ASV, Cons.X, Misti, vol.VI, fol.37, 25 febbraio 1365 more veneto (=1366)], были приняты разного рода меры, для того чтобы венецианцы смогли выказать себя умелыми в этом деле. В праздничные дни **все** крепкие здоровьем юноши, достигшие пятнадцатилетнего возраста, сходились на Сан Николо дель Лидо, где стрельбой по цели упражнялись в твердости руки и меткости глаза. Каждый глава контрады был обязан под присягой внести всех мужчин в возрасте от 15 до 35 лет в списки арбалетчиков. Они были разбиты на отряды, состоящие из 12 человек (*duodene*) под началом командира, который под присягой обещает приводить своих людей к мишеням и “непрестанно и без промаха стрелять из хорошего и исправного арбалета (*devemo star a balestar continuamente e puramente sença alguna falacia cum le nostre ballestre, che sia bone e sofficiente*)”.¹⁷⁸ Отряды двенадцати представляют собой нечто вроде внутреннего ополчения (милиции), они состояли из *нобилей* и *простолюдинов*, и поэтому командиром мог быть или *нобил*, или *простолюдин*. Бедные и богатые, юные и взрослые, в городе и в гарнизонах все они были арбалетчиками и образовывали, так сказать, вооруженный народ. На каждой торговой галере в числе арбалетчиков должны находиться сперва четыре, а затем и больше молодых *нобилей*, достигших двадцатилетнего возраста [ASV, Libro *Novella*, c. 51t, 26 febbraio 1356 more veneto (=1357)].¹⁷⁹

Нобили и *граждане* повседневно тесно соприкасались в приходах, в *скуолах* (*scholae*) — религиозных братствах мирян, о которых известно с 1143 г. по описаниям торжественных процессий,¹⁸⁰ а также в *вичиниях* — основанных на соседских общинах ассоциациях мирян, роль которых в Венеции сохранялась до нового времени.¹⁸¹ Все это способствовало сближению, а

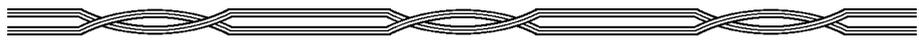
во многом и выравниванию уровня и стиля жизни представителей обоих сословий, что при взгляде со стороны порой может привести историков к не подтверждаемым исторической действительностью умозаключениям: например, *как и во Флоренции, формальных сословных преград здесь [в Венеции конца XVI — начала XVII в.] не было, но образ жизни и мышления уже заметно отделил городскую знать от рядовых граждан города.*¹⁸²

Важнейшей отличительной особенностью второго сословия в Венеции был его **внецеховой** характер. Цехам было отведено определенное место в хозяйственной жизни коммуны, они были строго подчинены государству и не допущены к участию в политической жизни.¹⁸³ Это не исключало индивидуальной правообеспеченности отдельного члена цеха, поскольку правящее сословие не могло не считаться с тем, что немалую долю пополнения государственной казны составляли налоги, уплачиваемые ремесленниками.¹⁸⁴ В отличие от большинства европейских городов, в которых высшую ступень внутригородской социально-сословной иерархии занимали торговые цехи, в Венеции не было гильдейских союзов купцов и менял, и верхняя прослойка венецианского купечества с XII в. сама управляла государством и отождествляла себя с ним. Эту особенность венецианских цехов, сближающую Венецию с Византией, отметил М.Я. Сюзюмов:

статуты венецианских цехов середины XIII в. имеют больше сходства с Книгой Эпарха (X в.), чем со статутами западных цехов. И в Константинополе, и в Венеции правительство, а не коллегия устанавливало все детали устава с тою лишь разницей, что в Византии эти правила имели характер судебного, а в Венеции — форму присяги, приносимой в обязательном порядке членом цеха.¹⁸⁵

Правящее сословие преднамеренно сохраняло ремесленные цехи мелкими и раздробленными сообразно производственной специализации, чтобы воспрепятствовать созданию сильных объединений, способных бороться за корпоративные права. Такая политика оправдывала себя тем, что в значительной мере способствовала поддержанию социальной устойчивости в городе.

Рассмотрение дальнейших процессов в венецианском обществе уводит за пределы рассматриваемого периода. В ходе XIV столетия многие характеристики обоих конституировавшихся сословий еще не были оформлены законодательными

актами и существовали как определенная тенденция, как социальная практика. Сословие *граждан* складывалось в ходе его живого пополнения, обрисовывались контуры сословия.

Несмотря на то, что эпидемия чумы 1348 г. не обошла Венецию стороной, и город нуждался в восполнении потерь, венецианцы не отступили от последовательного проведения социальной политики.¹⁸⁶ Уже через четверть века после этого распространившегося по Европе морового поветрия привилегия на гражданство давалась ежегодно не более, чем 23 *новым* венецианцам, и так до конца рассматриваемого нами столетия.¹⁸⁷ Сословие *граждан* пережило опустошительную эпидемию чумы, сохранило достаточно высокое имущественное и финансовое благосостояние и не нуждалось в массовом притоке новых членов.

Налоговый кадастр, составленный в 1379 г. в связи с необходимостью укрепить казну для разорительной войны, которую Венецию вела тогда с Генуей, показывает, что 26 из 117 самых богатых венецианцев были *гражданами*.¹⁸⁸ Из 2128 жителей Венеции, внесших в этом году в государственную казну ссуду (как все понимали — безвозвратную), предназначенную для ведения войны, 917 были не нобилиями, а *гражданами* или *иноземцами*, стремившимися таким образом заслужить гражданство.¹⁸⁹ Вскоре, в 1382 г. в знак признательности государства тем, кто своим достоянием помог окончить войну с Генуей, получение венецианского гражданства было облегчено, прежде всего, значительным сокращением срока постоянного проживания в городе, предшествующего подаче прошения о предоставлении гражданства. Такой возможностью в конце XIV-XV вв. воспользовались 764 человека.¹⁹⁰ Это обстоятельство показывает, что самым характером пополнения сословия *гражданами* была отведена второстепенная роль в нобильской республике венецианцев, что несколько не мешало им верой и правдой служить государству.¹⁹¹

За пределами Венеции знамя св. Марка прикрывало своей защитительной сенью всех венецианцев, и венецианское государство ревностно и решительно выступало против ущемления иностранными властями прав своих граждан, будь то *нобили*, *урожденные* или *пожалованные граждане*, что, в свою очередь, еще более укрепляло престиж и повышало привлекательность венецианского гражданства.¹⁹² 11 марта 1393 г. Совет приглашенных ответил послу викария наваррцев Пьеру из Сан Суперана, что если князь Ахайи даст на это согласие, то

викарий может считать себя гражданином Венеции и *поднять знамя св. Марка*.¹⁹³

Островная феодализация, таким образом, повторюсь, послужила одним из важнейших толчков к консолидации венецианской правящей группы, ее оформлению в конце XIII в. в отдельное сословие — нобилитет. Исполнителей должностей избирал (либо рекомендовал) Большой совет или образованные им советы, и такой порядок вскоре сделал формальностью выборы князя городским сходом Раба, который со временем перестал собираться. Исполнителя должности стали избирать сроком на 32 месяца и в венецианских “Должностных книгах” именовать “*Conte e Capitano in Arbe*”, как, например, в двух книгах конца XVI в., хранящихся в Архиве СПб ИИ РАН.¹⁹⁴

Состояние дел на острове в конце XVII в. подробно описал Винченцо Коронелли в “Венецианском атласе островов” в главе “Старинное и нынешнее управление Раба”.¹⁹⁵ Подробное описание острова в 1774 г. оставил Альберто Фортис.¹⁹⁶ О плачевном положении дел в епархии Раба 1 сентября 1775 г. писали дожу члены особой комиссии Джулио Контарини, Франческо Морозини 2-ой и Джироламо Дзулиан.¹⁹⁷

Приложения:

1. *Privilegium civitatis Arbi concessum per Vitalem Michaellem Ducem de electione comitis sub anno 1166 IV kalendas Julii [28 июня] in Venetie.*

Cum itaque jam dicte civitatis nobiles viri ..... ad nostram presentiam venissent secundum sue antiquitatis statutum liberam eligendi comitis electionem instanter requirebant.

Nos vero e contrario licet prorsus ista primo abnueremus in potestate nostra esse comitis electionem et eius confirmationem asserentes; prememorati tamen venerabilis patriarche (Andreas sacerdos et Xristoforus et Vitalis sacerdotes, Dabregna prestantis iudices, Lampredus jupanus et ceteri), judicum et sapientium communicati consilii liberam eligendi comitis facultatem predictae civitatis civibus tandem tali conditione. Concessimus, ut ipsi quatuor de concivibus suis nobilioribus personas sine exactione aliqua eligere et nostro debeant conspectus presentare.

Nos vero ex hiis unum qui nobis aptior et fidelior visus fuerit sapientem quante religione iuris jurandi honoris Venecie astructi erunt consilio confirmare debeamus. Quod si forte inter se dissenserint et de suis sicut suprascriptum est concorditer eligere noluerint de Veneticis duos quos voluerint absque exactione libere eligant et non de alienis. Nos vero unum ex illis quem voluerimus comuni consilio confirmabimus.

ASV, Liber pactorum I, c. 218. Опубликовано: Rerum Italicarum Scriptores, XII, pp. 289–290v; Kukuljevic-Sakcinski. Codex diplomaticus regni Croatiae, Slavonie et Dalmatiae, II, pp. 64–67 (Monumenta historica slavorum meridionalium, III); Ljubi(S. Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, I, pp. 6–8.

2. Capitulare sive commissio [Promissio] comitis Arbi, a. 1313.

Iuro ad Sancta Dei evangelia ego Comes Arbensis quod semper ero fidelis domino meo, domino, Dei gratia glorioso Duci Veneciae, Dalmatiae atque Croatiae et quarte parte et dimidie totius Imperii Romanie domino, et eius successoribus. Et quod bona fide sine fraude regam et tenebo civitatem Arbensis ad honorem domini Ducis et comunis Veneciae et salvationem Arbi et ipsius comitatus. Et dum stetero et ero in regimine dicti comitatus et civitatis, tractabo et operabo recta fide sine fraude proficuum et honorem Veneciae, et operam [dabo sine fraude, et faciam, quod comune Veneciarum omnes rationes, quas habet in toto] comitatu Arbeni, cum integritate percipiat.

Et infra dies XV, ex quo homines Arbi venerint per me aut miserint, vadam cum illis, nisi remanserit per dominum Ducem vel per illam personam, que in loco eius erit et maiorem partem consilii. Et postquam ibi ero, manebo ibi per octo menses completos omni anno, usque dum ero in regimine civitatis Arbensis et comitatus, nisi remanserit per dominum Ducem vel per illam personam que loco eius erit et maiorem partem consilii, vel nisi mihi et illis qui preelecti erunt in dicto regimine civitatis ad consulendum mihi et civitati Arbeni aliquo ire bonum apparverit pro utilitate illius comitatus sine detrimento Venecie.

Iuro preterea quod nunquam fidelitatem feci alicui coronate persone neque faciam, donec in ipsius regimine civitatis manebo, et quod nullam conventionem feci pro ipso comitatu habendo, nec pretium inde dedi nec dari feci vel dari promisi.

Hec omnia [observabo] que superius scripta sunt, secundum ordinem superius comprehensum bona fide sine fraude.

Hec autem que recipere e habere debet comune Venecie, sunt hec quoniam recipere e habere debet de comitatu Arbeni libri CLXX anno quolibet in festo Sancti Georgii, de quibus sunt libri CL pro insula de colle et arte, et viginti pro regalia.

Item non possum nec debeo tractare nec tractari facere per me vel per alium aliquo modo vel ingenio de aliqua electione facienda de comite futuro, neque facere fieri ex hec aliquam obligationem seu promissionem per comune Arbeni, et si aliqua promissio seu obligatio aliqua occasione fieret per dictum comune pro aliqua electione fienda de aliquo comite, non teneat nec valeat, sed sit nullius valoris vel momenti.

Item non possum emere nec habere ullo modo aliquam possessionem in insula Arbi neque in eius districtu, salvo quod

possessiones, que hodie sunt Venetorum in comitatu et districtu Arbensi, possum emere ab ipsis Venetis.

Item non debeo ego nec mea familia se intromittere aliquo modo vel ingenio de aliqua re emenda, que ad incantum vadat.

Item non possum facere vel fieri facere aliquam mercationem per me vel per alium in insula Arbi, nec in districtu, et familia mea, quantum ad mercationes faciendas, modo simili sit constricta.

BNM, cod. lat., classe XIV, cod. 71 (2803), n°. 24, c. 33r-33v.

Опубликовано по этому списку (с погрешностями): *Diplomatarium Veneto-Levantinum*. Venetiis, 1880, [pars I], n°. 52, pp. 96–97.

3. Постановление Совета приглашенных (Consilium Rogatorum).

1356, die XVIII Maij.

Quoniam consideratis condicionibus temporis moderni utile est et salubre transire cum nostris fidelibus dulciter et generose nec aliquam novitatem inducere inter eos.

Vadit pars quod pro nunc super sedeatur de procedendo in capitulis et querelis comitis Arbi et dicatur istis Arbensibus qui sunt hic et scribatur comunitati sue cum illis efficacibus verbis que videbuntur quod debeant erga nostrum comitem sic obedienter et reverenter se habere et sic recte, pure et equaliter disponere ad rationem et iusticiam faciendam cuilibet quod nos et dictus Comes possimus merito contentari quod si fecerint multipliciter gratum nobis erit et eos et statum suum habebimus sicut semper habuimus favorabilius comandatum.

Si autem aliter fecerent provideremus omnino sicut honori nostro et bono statui dicte civitatis viderimus utilius convenire. Quod pro expeditione lituum et aliorum negociorum que debent terminari per Comitem et Iudices et pro removendo omnes errores et scandala que inter ipsos orriri (?) solent quando reperiuntur tot in una oppinionem quot ia alia ac eciam pro alleviacione hominum de consilio quod non sit necesse convocare pro omni differencia vertente inter ipsos neque ponere partem in consilio pro totibus minimis differentiis. De cetero eligantur et esse debeant quatuor Iudices.

Et quod dictum Regimen Comitatus Arbensis regatur et exerceatur per ipsum Comitem et dictos quatuor Iudices. Et ea que per tres predictorum ad minus acta et sententiata fuerint tam in criminalibus quam in civilibus valida et firma sint. Quorum quidem Iudicum electio fiat per hunc modum scilicet quod Comes et Iudices qui presencialiter sunt eligere debeant quatuor ellectores qui electores elligere debeant quatuor Iudices.

Et ab ista vice in antea dicti quatuor Iudices debeant eligere dictos quatuor ellectores et sic successive continuae et dicta eletio dictorum ellectorum confirmetur per majorem partem eorum quinque videlicet Comitis et Iudicum.

Similis autem modus et ordo serventur si talis differentia orriretur in electione fiendis de Judicibus per electores. Quod ad hoc ut justitia non depereat sed tribuatur unicuique jus ut dignum est eciam ut malefactores de eorum delictis debitam faciantur penam, ita quod ipsorum pena aliis transeat in exemplum de cetero si ad audienciam seu noticiam domini comitic seu Judicum perveniet aliquod maleficium vel delictum fore commissum in civitate vel comitatu Arbensis cuiuscumque condicionis delictum sit de quo forte facta non fuerit accusacio vel si fuerit facta debeat ipse Comes requirere Judices terre qui ad ipsius Comitis requisicionem venire teneantur et una cum ipsis vel majori parte eorum aut saltem cum duobus expensis inquirere et examinare dictum crimen commissum et super inde recipere et examinare testes et processum ordinate super ipsis crimine vel delicto non procedendo in ipsis processibus per modum causarum civilium set per modum causarum criminalium in quo quidem processu vel delicto non possit esse advocatus neque placitare ut dictum est.

Et visis processibus et alliis contentis in eo per tres eorum adminus Judicium fieri debeat ut est expressum in precedenticapitulo secundum ordines dicte terre Arbi. Et quod omnes sententias latas ut dictum est tam in criminalibus quam in civilibus Comes teneatur execucioni mandari facere. Insuper si aliquod delictum enorme committetur in Arbo vel eius districtu prompter quod videretur ipsi Comiti et Judicibus expendere de denariis comunis Arbi pro habendo malefactores possint Comes cum ipsis Judicibus vel maiori partem ipsorum aut cum duobus ex ipsis expendere usque libras quinquaginta parvorum. Si vero delictum esse tam enormissimum quod videretur eis ut est dictum expendere majorem summam pro habendo malefactores tunc possint venire ad consilium Arbi et cum licentia consilii tantum expendere quantum fuerit terminatum.

Cum diu captum fuerit in Consilio Arbensis quod acciperetur unus notarius in Arbo pro coadiuctore cancellarij et numdum fuerit acceptis quod esse videtur contra intencionem et ordinamenta eiusdem civitatis consilij. Et ad removendum talem negligenciam accipiatur unus notarius ad salarium comunis Arbi cuius quidem notarii electio et salarij taxatio fiat per dominum Ducem et consiliarios eius.

Item quod Precones qui ad presens sunt in officio preconarie sint et esse debeant obedientes et reverentes dicto Comiti et in factis spectantibus ad dictum Regimen exercere et facere sicuti ipse Comes sibi mand(?) erit quodquidem si facere recusaverit vel recusaverint aut aliter inobedientes essent ipse Comes habeat libertatem privandi et cassandi eos et eorum quemlibet, et illos alios quos duxerit eligendos qui eidem in exequendis negociis spectantibus ad dictum Regimen servire teneantur et habeant salarium solitum a comuni Arbi.

ASV, Senato, Misti, reg. 27, c. 82.

---

4. Governo politico, antico e moderno d'Arbe.

Questa Città ed Isola si governò anticamente libera con le proprie leggi; datasi poi sotto la protezione de Re d'Ungheria ne ottenne molti privilegi, fra quali il più memorabile è quello, con cui aggregò alla giurisdizione della Città quasi la metà dell'isola di Pago, cioè dalla Punta di Lovi fino alla Chiesa di S. Maria Nemorizza, con la Villa de Novaglia presso Sladino non lungi dal Canale di Pago per Ponente. Qui sono otto Poste, ò siti di Pascoli per gli animali, nominati Punta di Lovi, Gemini, SS. Giovanni e Vido, Mondra grande, Gaio, Taglave, Hospedal, e Prezon, né quali saranno circa 12.000 Animali pecorini, oltre i caprini, e bovini. Soggettatasi al soave Dominio della Veneta Republica, hà continuato sempre in una rassegnata fedeltà sotto il Governo del Publico Rappresentatore, che vi si manda col titolo di Conte e Capitano, e vi risiede per 30 mesi. Sono però ad essa conservati i suoi Privilegi; poi ch'è hà il suo Consiglio composto de' Nobili, detto Comunità, che delibera quanto occorre nella propria sfera col maggior numero de'voti. Elegge del suo Corpo in occorrente di guerra un supra comito della Galera, che l'Isola mantiene, e col venirle concesso de cavar Gente dalle tre sole Isole: i Cherso, Veglia, & Arbe, per fare la ciurma. Ha il jus de creare Oratorj alla Republica, al Generale di Dalmatia, ed al Capitano Generale con titolo d'Ambasciatori. Quattro soggetti del medesimo Corpo eleggono un particular Collegietto di Nobili, uno per Famiglia, col titolo di Santuarj, cioè Custodi delle Reliquie de'Santi. Elegge anco due de'suoi per Giudici, che giudicano in Civili le cause minori, & assistono nel giudicare le maggiori al Tribunale, con voto consultivo però solo al Conte Capitano, come pure l'accompagnano nelle funzioni pubbliche. Il Conte poi elegge ogni anno due del Corpo stesso col Titolo di Consigliere, ò di Conservatori di Novaglia, e dispensa molti altri officij e cariche.

Vi è poi l'Ordine della Plebe composto d'Artisti, Servi, e Contadini, che chiamasi Università, la quale (se non accadesse qualche straordinario bisogno) una sol volta all'anno si riduce per le occorrenze del Popolo, e la riduzione chiamasi Congregazione ov'entrano Sindici, e Procuratori. Spedisce anch'essa nelle congiunture Oratore a piè del Principe, ed avanti il Generale della Dalmatia col nome di Nuntio. Gli altri Habitanti essendo persone civili, sì come non possono avere ingresso nel Consiglio de' Nobili, così non vogliono comunicazione co' Plebei nella congregazione.

Coronelli V. Isolario dell'Atlante Veneto. Venetia, 1696, p. 145.

5. Князь (comes) острова Корчула (Curzola).

Внешне права князя очень значительны. Он — князь и наследственный правитель (comes et rector), законодатель, судья, ему поступает дань.

Он — законодатель, но ограниченный согласием города и веча: “мы, Марсилий Георгий, князь... вместе со всем в совокупности городом той же Корчулы...” — в договоре с вечем (с. 118: [”nos Marsilius Georgij comes insularum Curzole et Mellete una cum universitate urbis eiusdem Curzole”]), а позднее — судей, советников и веча—”мы, Марсилий Георгий,... вместе с судьями и советниками и с одобрения всего народа острова...” (с. 164: [”nos Marsilius Georgius dei gracia comes Curzole et Mellete una cum iudicibus et consiliariis et cum laudacione totius populi insule Curzole in rengo publico laudati”]).

Ему идет дань, но упорядоченная в 1265 г., как следует из довольно сложного текста: “взамен десятин и штрафов, каковые десятины, отныне никакому князю не принадлежащие, отойдут княжеству и имуществу [его] в общину” (с. 118: [”decime de cetero comiti nec alicui pertinentes ad comitatum et bona deveniant in comune, quorum medietatem sibi solvere teneamur in festo sanctorum apostolorum Philipi et Jacobi”]). Речь идет о судебных десятинах (*decima*) и штрафах (*bannum*).

Он — наследственный правитель, однако зная цену родовому наследованию корчульцы сочли нужным не только обезопасить свой остров от разделов, продаж, дарений, залогов (с. 124: [”si aliquis comitum, qui per tempora fuerint de nostris heredibus, vel successoribus, alienaverit, vendiderit, donaverit, inpignoraverit, infeudaverit, minuerit iura comitatus...”]), но и от возможного многовластия потомков Марсилия или превращения своей родины в выморочный удел. В основу наследования положен принцип родовой, фамильный, корчульский, как мы увидим, фактически исключавший превращение острова в выморочное владение; причем оговорены возможные типичные варианты.

Сперва отмечен обычный путь наследования: по смерти Марсилия остров переходит к старшему “из единокровных его” любого пола. Если это будет мужчина и уже достигнет он пятнадцати лет, не имея наследников, то князем будет один “из близких сородичей его или родни [по матери]” (с. 120: [”si heres huiusmodi ante quintum decimum annum obierit pecatis exigentibus sine heredibus, liceat prelibato domino Marsilio de sua propinquorum progenie seu cognacione heredem et successorum relinquere et instituere ad comitatum...”]). Если это женщина, то ее муж будет князем, если же она уйдет в монастырь или умрет прежде замужества, княжество поступит “к одному, ближайшему из сородичей ее” (с. 120: [”et si heres est femina, erit nostra comitissa, et suus vir noster comes et rector; et si ipsa obedierit vel decesserit absque herede, deveniat comitatus ad unum propinquorum de sua progenie...”]).

Другой случай — наследник малолетен. Если наследник будет моложе пятнадцати лет, а наследница — незамужняя, то уполномоченные Венеции изберут “одного ближайшего из сородичей его” (с. 120: [”et si non erit heres in legitima etate, a procuratoribus sancti Marci, qui per tempora fuerint, eligatur comes et rector unus propinquior de sua progenie, qui regat civitatem et insulas...”]). Избранник правит островом, пока прямой наследник достигнет пятнадцати лет, а наследница выйдет замуж. Все это время избранный правитель обязан давать малолетнему или малолетней “третью часть

содержания и всего дохода княжества” (с. 120, 122: [”et ille electus a procuratoribus antedictus terciam partem salarii et tocius redditus comitatus dare teneatur tam heredi masculo, quam femine, usque ipse pervenerit ad quintum decimum annum...”). Не совсем ясна разница между *содержанием* (salarium) и *доходом* (reditus); быть может, первое — это часть дани, а второй — поступления от движимого и недвижимого имущества домена. Потом наследник-мужчина будет получать “меньше третьей части”, наследница же — по-прежнему треть (с. 122: [”et tantum dabit minus tercie partis, quantum placuerit domino Marcilio ordinare et si masculus tantum erit, femine solvat”). Что будет дальше, Статут не говорит. Быть может, наследник получит власть, если будет иметь детей, а наследница — мужа, а возможно, наследник станет править, достигнув восемнадцати лет, как это предусмотрено в другом казусе.

Наконец, последний случай, когда ближайший “из сородичей его или родни [по матери] не окажется пригодным (sufficiens)”, тогда сам венецианский дож и его большой и малый советы должны удостовериться в этом, и если у непригодного имеется малолетний наследник, уполномоченные Венеции изберут в князя “одного из родни его [по матери], старшего по возрасту и ближайшего” (с. 122: [”eligatur comes a procuratoribus sancti Marci, qui pro tempore fuerint, unus de cognacione sua, qui regat civitatem et insulas maior etate et propinquior, dum unus heredum illius insufficientis maior etate ad decimum octavum annum pervenerit. Et cum ipse pervenerit ad illud tempus, succedat in comitatu, non obstante patris insufficientia.”]). Если непригодный не оставил и наследника, то “ближайший из сородичей его и старший по возрасту всегда из степени в степень проходит в наследники княжества” (с. 122: [”Quod si non habuerit heredem ille insufficiens, de sua progenie propinquior et maior etate semper gradatim de hinde in heredem comitatus procedat”). Как видим, в наследственном праве на Корчуле знали толк. Стоит также отметить в вышеприведенных формулировках сближение понятий *род* (genus) и *родственник с материнской стороны* (cognatus).

Об исключении иноземной колонизации и неприкосновенности наследственных прав на движимость и недвижимость самих корчульцев говорилось в гл. IV.

И все это суммировано в формуле: “И старший по возрасту из близких от сородичей моих из степени в степень преемствует княжество, выкупает и возвращает княжество и права свои как должностные, так и личные на движимое и недвижимое, в прежнее состояние целиком без какого-либо дробления” (с. 124, 126: [”et maior etate propinquoꝝ de mea progenie gradatim succedat in comitatum, redimat et reducat comitatum et sua iura tam realia, quam personalia mobilia et inmobilia in statum pristinum integre absque aliqua diminucione”). Не вполне понятно здесь употребление термина *выкупать* (redimo).

Зато понятно, что князь, нарушивший договор, “отпадет... от княжества” (с. 124: [”cadat de comitatu”), но если и “кто-нибудь из граждан, все и каждый, совершат что-либо против этих статутов и будет доказано годными свидетелями и признано присяжными судьями общины, отпадут они от всего права своего по желанию князя” (с. 126: [”et si quis civium universi et singuli fecerint et probatum fuerit per ydoneus

testes et iudicatum per iudices communis iuratos contra hc statuta fecerint, cadant ab omni iure suo ad velle comitis ʼ). Это ведет нас к судебным правам князя.

Князь — судья, но полное право он имел лишь на небольшую часть доходов от суда, оговоренных в ст. III, 2; IV, 4; V, 3 — в них идет речь о двойном штрафе с бежавших, обвиняемых за удар мечом, железной палкой, камнем, железной палкой, наконец, рукой. Ясно, что это специально отведенный князю очень скромный участок судебного дохода. Еще князь контролировал вывоз сельскохозяйственных продуктов (ст. XLIV) и оружия (ст. LII); ведал введением во владение новой недвижимостью — домами (ст. LVII); он мог направлять посланцев (ст. LIX), вызывать корчульцев в суд (ст. XXII). Во всех остальных случаях он должен был действовать вместе с общинными судьями и советниками.

Пашуто В.Т. Общественный и политический строй Корчулы XIII в. // *Пашуто В.Т., Шталь И.В.* Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М.: Изд. “Наука”, 1976, с. 66–68). [В квадратных скобках мной вставлены выдержки из латинского текста Статута, соответствующие приведенным В.Т. Пашуто местам из перевода, выполненного И.В. Шталь].

Примечания:

¹ О значении памятников средневековой эпитафии как источника: *Климанов Л.Г.* Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпитафии в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. (лапидарная надпись 1426 года с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи) // ВИД 27 (2000).— С. 303–305; *Banti O.* Epigrafia e storia. A proposito delle epigrafi come fonti storiche // SM 42/2 (2001).— P. 841–857.

² *Isolario et Portolano de tuto el mare Mediterraneo di Antonio MILLO* (BMC, mss. Correr 904, c. 22v).

³ Об этом памятнике Е.Ч. Скржинская узнала от И.Г. Спасского, который написал Н.Ф. Котляру:

“Дорогой Николай, сколько времени забываю спросить у Елены Чеславовны, знает ли она незаконченный каталог Новочеркасского музея (автор — Попов)? В нем есть какая-то плита эпитафическая, наверно генуэзская. У нас в библиотеке отдела есть, когда-то я привез, фото приличное”.

На том же листке приписка Е.Ч. Скржинской:

“Ив. Георг. Спасский сказал мне об этом 25.1.71 на сессии памяти Б.В. Фармаковского в Эрмитаже”.

5 февраля 1971 г. она написала в Музей:

“Проф. Ив. Георг. Спасский (Эрмитаж), разбиравший после войны нумизматическую коллекцию Новочеркасского музея, показал мне — на одной из таблиц неоконченного изданием каталога Х.И. Попова (Харитон Иванович) — изображение каменной плиты с 8-ми строчной латинской надписью от 19 августа 1362 г. и гербом. Будучи специалистом по средневековой эпиграфике Сев. Причерноморья, прошу Вас сообщить мне <...>”

(ЗЕС, фонд 14 Е.Ч. Скржинская).

За разработку темы “Венеция и Левант” Е.Ч. Скржинская вплотную взялась в 1941 г. Три тетради заполнены выписками: “Италия — интродукция”, “Италия I”, “Италия II “Italia” и отсутствие единства”, в четырех — выписки, относящиеся к взаимоотношениям морских республик — Венеции, Пизы и Генуи, соперничающих в Средиземноморье.

⁴ Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // ВВ 35 (1973).— С. 103–118; Перепеч.: Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье / подг. текста М.В. Скржинской и Н.Ф. Котляра, вст. статья Н.Ф. Котляра.— СПб.: “Алетейя”, 2000.— С. 114–157; *Skrzinskaja E.C. Un ambasciatore veneziano all’Orda d’Oro (analisi dell’epitafio di Jacopo Cornaro-Tana, 1362)* // Sv 16 (1974).— Р. 67–96 (с погрешностями в тексте эпитафии).

⁵ О средневековой европейской эпитафии: *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия.— СПб.: Изд. СПбГУ.— 1995.— С. 46–88. Современный взгляд на феномен средневекового надгробия: *Memory and the Medieval Tomb / ed. by E. Valdez del Adamo, C. Stamatis Pendergast.*— Aldershot: Ashgate, 2000.

⁶ *Шумовский Т.А.* Арабы и море // Ахмад ибн Маджид. Книга пользы об основах и правилах морской науки.— М., 1985.— Т. 1.— С. 79–80; *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи.— Саратов, 1963.— С. 187–191.

⁷ *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи.— Саратов, 1963.— С. 191–246.

⁸ *Pertusi A.* “Quedam regalia insignia”. Ricerche sulle insegne del potere ducali a Venezia durante il Medioevo // Sv 7 (1965).— Р. 36.

⁹ *Pauli S.* Codice diplomatico del sacro militare ordine gerosolimitano.— Lucca, 1737.— Т. II.— Tav. IV.— Р. 464: XXVII, anni 1346–1354, Diodato di Gozone.

¹⁰ *Климанов Л.Г.* Византийские отражения в сфрагистике. Коллекция металлических печатей VII — XX веков Н.П. Лихачева в западноевропейской секции Архива СПб ИРИ РАН.— СПб.: “Алетейя”, 1999.— С. 6, 42, 131, 138–139.

¹¹ *Cessi R.* L'investitura ducale // Atti IVSLA, classe di scienze morale.— 12 (1967–1968).— P. 284–286.

¹² Le promissioni del doge di Venezia dale origini alla fine del Duecento / a cura di G. Graziato.— Venezia, 1986. Статусом коронационного обещания специально занимались ранние легисты, такие как глоссатор Ацо, профессор Болонского университета (1180–1230); о присяге (клятве): *Bof G.* Il giuramento. Storia e teologia // Il vincolo del giuramento e il tribunale della coscienza. I ciclo sul giuramento, Trento, a. 1993 / a cura di N. Pirillo.— Bologna: il Mulino, 1997 (Annali dell'Istituto storico italo-germanico. Quaderni, 47).

¹³ *Giovanni Diacono.* La cronaca veneziana / a cura di M. De Biasi.— Venezia, 1986–1988.— Т. 1–2; *Giovanni Diacono.* Istoria Veneticorum / ed. e trad. a cura di L.A. Berto.— Bologna: Zanichelli, 1999 (Fonti per la storia dell'Italia medievale, 2); *Monticolo G.* la cronaca del diacono Giovanni e la storia politica di Venezia sino al 1009 // AV 25 (1883).

¹⁴ *Gorjup P.* Guida al mare Adriatico. Coste italiano e jugoslave da S. Maria di Luca al confine albanese.— Bologna: Zanichelli, 1987.— P. 7.

¹⁵ *Bordone B.* Isolario. Vinegia: Federico Toresani, 1547.— P. XXXI t. Факсимильные издания: 1) с венецианского издания 1528 г.— Amsterdam, 1966, 2) с экземпляра Biblioteca Estense di Modena — Modena: Ed. Aldine, 1983. Об авторе: *Billanovich M.* Bordon, Benedetto // Dizionario biografico degli Italiani, (19).

¹⁶ Isolario et Portolano de tuto el mare Mediterraneo di Antonio Millo — BMC, mss. Correr 904, c. 22v; описание рукописи: Carte da navigar. Portolani e carte nautiche del Museo Correr 1318–1732 / a cura di S. Biadene.— Venezia: Marsilio Editore, 1990 (n. 42. *Antonio Millo.* Fine del XVI s., mm. 290×220). об А. Милло: *Hasluck F.M.* Depopulation in the Aegean islands and the Turkish conquest // British School at Athenes, 16.— P. 151–153 (рукопись Музея Коррер не упомянута).

¹⁷ Insulario di Girolamo Baseglio detto marafon, patron di nave, contiene tutte le isole del Mediterraneo, Ionio, Adriatico, Egeo, o Arcipelago etc. A.D. M.D.CXL.V.— FQS, mss., classe III, cod.14 (162), c. 23v; Insulario de Gerolemo Marafon etc., A.D. M.D.CXXXXV — FQS, mss., classe III, cod. 12 (765), c. 40v; *Pelegri G.* Dalmatia — FQS, mss., classe IV, cod. 247 (818), c. 106r-v; Viaggio maritimo fatto per Alfonso Acquario sulla galea del magnifico messer Vincenzo Quirini (febbraio 1555-ottobre 1557) — FQS, mss., classe IV cod. 38 (1229) “Relazioni diverse”, c. 259v; portolano fatto dal miglior marinaio che naviga alli nostri tempi et refinato da Silvestro Querini adi primo de-

cemb (MDCXII etc.– FQS, mss., classe III, cod. 7 (657), c. 10r-11r; Thomae Diplovatatii Tractatus — BNM, L.XIV, 75 (4529), c. 49r (Bibliotheca manuscripta ad S. marci Venetiarum / digessit et commentarium addidit Joseph Valentinelli praefectus. Codices mss. latini.— Venezia, 1870.— Т. III.— P. 54); *Coronelli V.* Isolario dell'Atlante Veneto.— Venetia, 1696.— P. 145 (Governo politico, antico e moderno d'Arbe).

¹⁸ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperii / ed. by Gy. Moravcsik.— Budapest, 1949.— P. 30, 136, 146.

¹⁹ Diplomata Hungariae antiquissima accedunt epistolae et acta ad historiam Hungariae pertinentia.— Budapestii, 1992.— Vol. 1.— P. 386–388, n° 139; другие акты, относящиеся к о. Раб, см.: p. 340, n° 121.— P. 406–408, n° 148.

²⁰ *Ostojic I.* Benediktinci u Hrvatskoj.— Split, 1964.— Т. 2.— P. 126.

²¹ Ср. о. Корчула (Curzola) в середине XIII в.: *Пашуто В.Т., Шталь И.В.* Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в.— М.: “Наука”, 1976 (см. ниже приложение 5). Ср. венецианские Libri offitiorum: “magistratti che aspettano da esser fatti...”: *Dalmatia... Conte e Capitanio a Cruzola sta mesi 32 con d(ucati) 14 al mese* — 1) ЗЕС, колл. 6 “Венеция и ее владения”, картон 198, ед. хр. 26, л. 32; 2) ЗЕС, там же, картон 199, ед. хр. 5, л. 31; Libro deli Offitii del Gran Consiglio dela Ser.ma Republica de Venetia.— Padova: G. Cappelletto, 1883.— С. 15 (Nozze Luigi Dr. Vio-Bonato Albertina Norza, Roma 25 gennaio 1883). О деятельности одного из венецианских князей: *Lazzarini V.* Marsilio Zorzi conte di Curzola e Meleda // AV, 5 serie, 30 (1942).— P. 85–103.

²² Enciklopedija Jugoslavije.— Zagreb, 1968.— Т. 7.— P. 2.

²³ *Romanin S.* Storia documentata di Venezia.— Venezia, 1854.— Т. 2.— P. 77: L'isola d'Arbe ottenne di potersi eleggere il proprio conte, presentando però alla nomina del doge quattro tra' principali suoi cittadini, o due tra i Veneziani, nè si accordando nella scelta fra cinque mesi, essa sarebbe nell'arbitrio del doge.

²⁴ *Coronelli V.* Isolario dell'Atlante Veneto.— Venetia, 1696.— P. 145.

²⁵ *Inchiostri V., Galzigna A.G.* Gli statuti di Arbe // Atti e Memorie della Società Dalmata di storia patria, 14 (1986).— P. 23–130.

²⁶ В списке библиотеки Марциана (Венеция), в описании Дж. Валентинелли и затем в публикации имеет заглавие “Capitulare sive commissio comitis Arbi” — BNM, cod. lat., classe XIV, cod. 71 (2803), n° 24, c. 33r-33v; *Valentinelli J.* Bibliotheca manuscripta ad S. marci, Codices mss. latini.— Venetiis, 1870.— Т. III.— P. 67; Diplo-

matarium Veneto-Levantinum.— Venetiis, 1880, [pars I].— P. 96–97, n°. 52. Текст сверен мной на месте и публикуется в приложении.

²⁷ *Cornelius F.* Ecclesiae Venetae antiquis monumentis.— Venetiis, 1749.— T. 10 bis.— P. 267:

In Christi nomine amen. Ab Incarnatione Domini Nostri 1193, indictione X, mense Novembris in eunte die X, tempore Domini nostri Henrici Ducis incltyi atque Andree Arbensis Episcopi et Petri Ciani Comitiss. Ego quidem Petrus Foscarenus Venetialis (так) veniens Arbensem Civitatem ex jussu dicti Domini Ducis ad accipiendam fidelitatem a populo ejus Civitatis testificor in Deo, et in anima mea coram vobis omnibus in hoc Episcopali Palatio et in ea veritate que Christus est, et in ipsa fide qua Christianus vocor meum testimonium dico quod Dominus Henricus Dux Venetiarum juravit super sacra Dei Evangelia statuta et consuetudinem omnibus terris et Civitatibus que sub districtu sui ducatus vident esse, et eas in rectitudine, et justitia tenere. Unde ego dictus Petrus precipio m. Arben. Notario hoc scriptum scribere et firmare, sub testimonio horum testium. Ego Petrus Foscarenus scripsi. Ego M. filius Comitiss. C. de Vegla. Ego [прочерк в тексте] Balbi. Et ego M. Arbensis Presb. ac Notarius jussu, ac rogatu dicti Petri nobiliss viri et testium complevi et roboravi.

²⁸ *Coronelli V.* Isolario dell'Atlante Veneto.— Venetia, 1696.— P. 145.

²⁹ *Daniele di Chinazzo.* Cronica de la guerra da Veniciani a Zenovesi / a cura di V. Lazzarini.— Venezia, 1958.— P. 38–39, 96–97, 144–145, 154–157 (Deputazione di storia patria per le Venezie. Monumenti storici, nuova serie.— Vol. XI); *Raphayni de Caresinis,* cancellarii venetiarum, Chronica, aa. 1343–1388 / a cura di E. Pastorello.— Bologna, 1923.— P. 51 (Rerum italicarum scriptores, n. ed., vol. XII, pars II).

³⁰ Consiglio dei Dieci. Deliberazioni miste. Registri I — II (1310–1325) / a cura di F. Zago.— Venezia, 1962.— P. 33, n°.40: 16 gennaio 1320.

³¹ О дожеской грамоте 1166 г. и вислой свинцовой печати при ней: *Лихачев Н.П.* Буллы // *Климанов Л.Г.* Византийские отражения в сфрагистике. Коллекция металлических печатей VII — XX веков Н.П. Лихачева в Западноевропейской секции Архива СПб ФИРИ РАН.— СПб.: “Алетейя”, 1999.— С. 127, 292–293.

³² *Canal M.* da. Les Estoires de Venise. Cronaca veneziana in lingua francese dalle origini al 1275 / a cura di A. Limentani.— Firenze: L. Olschki, 1972.— P. 68–69 (Fondazione Cini. Civiltà veneziana. Fonti e testi, 12. Serie 3, 3). См.: *Pertusi A.* Maistre Martin da Canal interprete cortese delle crociate e dell'ambiente veneziano del secolo XIII // Venezia dalla prima crociata alla conquista di Costantinopoli del 1204.— Firenze, 1965.— P. 103–136.

³³ *Morozzo della Rocca R.; Lombardo A.* Documenti del commercio veneziano nei secoli XI — XIII.— Torino, 1940.— Vol. I.— P. 235,

n°.240.– P. 248, n°.253.– P. 248, n°.254.– P. 381, n°.388.– P. 406, n°.415; vol. II.– P. 33, n°.492.– P. 69, n°.528.

³⁴ Consiglio dei Dieci. Deliberazioni miste. Registri I — II (1310–1325).– P. 35, n°.47: 6 febbraio 1320.

³⁵ ASV, Signori di notte al civil, busta 1bis, c. 27r-29r: Provisiones super clericis.

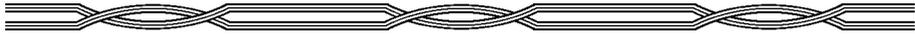
In Christo nomine amen. MCCCXVIII, indictione XII, die VIII mense augusti. Infrascripte provisiones et ordines capte et confirmate fuerunt in Maiori Consilio per evitacione, et reformatione excessum et per occasionum qui et que committebantur con clericos de quibus nulla iustitia vel punitio fiebat et hoc fuit primum consilium nobilem virorum dominorum Marci Lauretano, Benedicti di molina, Marci Justiniano, et Andreasij Mauroceno procuratorum Sancti Marci nec non Andree Michiel comitis Arbensis in predictos sapientibus speciale solenniter ellectorum parte ponita in ipso Maiori Consilio quod concorditur per inclitum dominum ducem sex consiliarios, tria capita de XL e quinque sapientes prefatos, quas ... provisiones et ordines reverendi in Christo patros domini Andreas divina prudentia patriarca Gradensis et Nicolaus Mauroceno episcopus Castellanus promiserent per se et eorum clerum observare et facere inviolabiliter observari. Primo etc.

³⁶ Franciscus Dandolo Dei gratia Venecie, Dalmacie atque Chroacie dux, dominus quarte partes et dimidie tocius imperii Romanie, nobili et sapienti viro Andree Michaeli de suo mandato comiti Arbi ac in partibus Istrie capitaneo generali etc.– ASV, Miscellanea ducali e atti diplomatici, busta X, n°. “b.12” (Опубл.: Esempi di scritture dei secoli XII — XVIII / a cura di *M.F. Tiepolo* e P. Scarpa etc.– Venezia, 1991.– P. 40–44).

³⁷ NON TI STUPOR VIATOR // CHE FERMI IL PASSO // CIE ESCA DI OSCURE // TOMBA UN CHIARO RAGGIO // SON LE FREDDE OSSA // DI QUEL GRANDE E SAGGIO // CORNAR JACOPO CHIUSE // IN QUESTO SASSO. (*Maggiorotti L.A.* Architetti e architetture militari.– Roma, 1933.– Vol. 1: Medio Evo.– P. 421).

³⁸ *Laiou A.E.* Un notaire vénitien a Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // *Balard M., Laiou A.E., Otten-Froux C.* Les Italiens à Byzance: édition et présentation de documents.– Paris, 1987.– P. 118–119, 128, 129.

³⁹ *Ducange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis.– Niort, 1884.– T. 3.– P. 541; *Boerio G.* Dizionario del dialetto veneziano.– Venezia, 1861.– P. 192; *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus.– Leiden: E.J.Brill, 1976.– P. 267; *Devoto G., Oli G.C.* Il dizionario della lingua italiana. Firenze: Le Monnier, 1990.– P. 458; *Zingarelli N.* Vocabolario della lingua italiana.– Milano: Bietti e Reggiani editori, 1934.– P. 291 (то же и в 12 изд.: lo Zingarelli minore.– Bologna: Zanichelli editore, 1994.– P. 256); Il Nuovo dizionario italiano *Garzanti.*– Milano: Garzanti editore, 1984.– P. 234.

⁴⁰ *Mutinelli F.* Lessico veneto.— Venezia, 1851.— P. 115.

⁴¹ *Pini A.I.* Contrada // Lexikon des Mittelalters.— München; Zürich: Artemis Verlag, 1984, 3.Bd., coll. 202–203.

⁴² *Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano.— Firenze, 1975.— Vol. 2.— P. 1078.

⁴³ Современный адрес: Сан Марко, 2662. В этом доме 13–14 декабря 1996 г. проходил международный научный конгресс, посвященный экономическим, социальным и институциональным преобразованиям на Ионических островах в XVII — XVIII вв.

⁴⁴ *Mosto A. da.* I dogi di Venezia nella vita pubblica e privata. Firenze: Giunti ed., 1977.— P. 358.

⁴⁵ *Luttrell A.* 1) The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean World.— London, 1992; 2) The Hospitallers of Rhodes. Between Tuscany and Jerusalem, 1310–1431 // *Revue Mabillon, nouvelle série*, 3 [64] (1992).— P. 117–138. См. также: *Печникова Р.Ю.* Мальтийский орден в прошлом и настоящем.— М., 1990; *Перминов П.В.* Под сенью восьмикрестного креста: (Мальтийский орден и его связи с Россией).— М., 1991.

⁴⁶ *Cigogna E.A.* Delle iscrizioni veneziane.— Venezia, 1830.— Vol. III.— P. 201.

⁴⁷ *Карпов С.П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360) // Причерноморье в средние века.— Спб.: “Алетейя”, 2001.— Вып. 5.— С. 25–26.

⁴⁸ См.: *Климанов Л.Г.* Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в средние века.— Спб.: “Алетейя”, 1998.— Вып. 3.— С. 145–163.

⁴⁹ *Asdrachas S.* Una città liquida: L’Arcipelago greco // II Sezione del II Convegno Internazionale di studi “La salvaguardia delle città storiche in Europa e nell’area mediterranea”, Bologna, 10–12 novembre 1983.— Bologna, 1984.— P. 139–145.

⁵⁰ *Romano R.* Paese Italia. Venti secoli di identità.— Roma: Donzelli ed., 1994.— P. 67–68 (ранее опубли.: *Il Mediterraneo. Città costiere e città dell’interno // Civiltà del Mediterraneo*, 1992, n° 2.— P. 33–42).

⁵¹ *Luxardo de Franchi N.* La nobiltà feudale in Dalmazia // Venezia e la feudalità. Giornata di studio, Treviso, 2 giugno 1990.— Udine: Del Bianco editore, 1993.— P. 65–82.

⁵² *Romanin S.* Storia documentata di Venezia.— Venezia, 1854.— Т. 2.— P. 445–448: documenti, n. XIV.

⁵³ *Cozzi G.* La politica del diritto nella Repubblica di Venezia // Stato, società e giustizia nella Repubblica Veneta (secoli XV — XVIII) / a cura di *G. Cozzi*.— Roma, 1980.— Vol. 1.— P. 54.

⁵⁴ *Lazzarini V.* I Foscari conti e signori feudatari.— Padova, 1896 (Nozze Foscari-Meloncini).

⁵⁵ *Hopf K.* Veneto-byzantinische Analekten.— Wien, 1859; Le Ducs de l'Archipel ou des Cyclades.— Venezia, 1887 (Deputazione Veneta sopra gli studi di storia patria. Monumenti. Miscellanea 4.IV); *Fotheringham J.K.* Marco Sanudo the conqueror of the Arcipelago.— Oxford, 1915; *Loenertz R.-J.* 1) Marino Dandolo, seigneur d'Andros // OCP 25 (1959).— P. 165–181, 2) Généalogie des Ghisi, dynastes vénitiens dans l'Archipel, 1207–1390 // OCP 28 (1962).— P. 121–172, 322–335, 3) Les Querini, comtes d'Astypalée, 1413–1537 // OCP 30 (1964).— P. 385–397; 32 (1966).— P. 372–393, 4) De quelques îles grecques et de leurs seigneurs vénitiens aux XIV e XV siècles // SV 14 (1972).— P. 3–35; *Thiriet F.* 1) La Romanie venitienne au moyen age. Le developpement et l'exploitation du domaine coloniale venitien, XIIe-XVe ss.— Paris.— 1959, 2) De l'importance des mers dans le systeme romaniote de Venise // Byzantino-bulgarica, 7 (1981).— P. 73—86; *Gallina M.* L'affermarsi di un modello coloniale: Venezia e il Levante tra Due e Trecento // Thesaurismata, 23 (1993).— P. 35.

⁵⁶ *Thiriet F.* 1) La Romanie vénitienne au moyen age (XII — XV ss.).— Paris, 1959.— P. 87, n. 4; 2) A propos de la Seigneurie des Venier sur Cerigo // SV 12 (1970).— P. 199–210.

⁵⁷ Дука привез из Венеции специально для этого заготовленный лес, как видно из разрешения его беспопластного вывоза от 30 апреля 1314 г.: “MCCCXIII, die ultimo aprilis. Item quod fiat gratia nobili viro Bartholomeo Michaeli quod, cum dicat castrum suum Cye pati ruinam et ipsum expediat reparare, de tanto lignamine illuc ferendo sine datio quod valeat libras 4 grossorum, iurando quod ipsam gratiam vult pro suo laborerio” (ASV).

⁵⁸ *Armao E.* Venezia in Oriente. La “Relatione dell'Isola et Città di Tine di Pompeo Ferrari Gentil'huomo piacentino”.— Roma: G. Bardi ed., 1938.

⁵⁹ “Баюл” или “байло”, происходит от латинского слова “*bajulus*”, в значении “вестник, посланец, нунций”. См. также разъяснение: *Mutinielli F.* Lessico veneto.— Venezia: G.B. Andreola editore, 1851.— P. 44.

⁶⁰ *Maranini G.* La costituzione di Venezia dopo la serrata del Maggior Consiglio.— Venezia, 1931.— P. 204.

⁶¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи.— М.-Л., 1948.— Т. 3.— С. 753. Дальнейшее можно проследить: *Thiriet F.* Régestes des

délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Paris; La Haye, 1958.– T. 1, nn. 585, 610–679, 692, 711, 760, 871, 924.

⁶² *Dennis G.T.* Problemi storici concernenti i rapporti tra Venezia e i suoi domini diretti e le signorie feudali nelle isole greche // Venezia e il Levante fino al secolo XV.– Firenze, 1973.– Vol. 1.– P. 225–232.

⁶³ *Thiriet F.* Régestes.– T. 1, по указателю.

⁶⁴ *Pertile A.* Storia del diritto italiano dalla caduta dell'impero Romano alla codificazione.– Padova, 1876.– Vol. 3.– P. 111–121; *Calisse C.* Storia del diritto italiano. Firenze. 1891.– Vol. 3: Diritto privato.– P. 21–33, 219; *Besta E.* Il diritto e le leggi civili di Venezia fino al dogado di E. Dandolo.– Venezia, 1900; *Leicht P.S.* Lo stato veneziano ed il diritto comune // Miscellanea in onore di Roberto Cessi.– Roma, 1958.– T. 1.– P. 203–211; *Zordan G.* L'ordinamento giuridico veneziano.– Padova, 1980.

⁶⁵ *Ulmann W.* 1) Principles of government and politics in the Middle Ages. London, 1965; 2) History of political thought in the Middle Ages. Baltimore, 1965.

⁶⁶ *Bizzari D.* Ricerche sul diritto di cittadinanza nella costituzione comunale // *Eadem.* Studi di storia del diritto italiano / a cura di *P. Patetta e M. Chiaudano.*– Torino, 1937.– P. 61–158 (первая публ.: Studi senesi, 32 (1916).– P. 19–136); *Bonfiglio Dosio G.* La condizione giuridica del “civis” e le concessioni di cittadinanza negli statuti bresciani del XIII e XIV secolo // Atti dell'IVSLA, 137 (1979).– P. 523–532 (в примечаниях библиография о гражданстве отдельных коммун); *Bowsky W.M.* Medieval citizenship: the individual and the state in the commune of Siena, 1287–1355 // Studies in Medieval and Renaissance history, IV (1967).– P. 193–243; *Ulmann W.* The rebirth of the citizen on the eve of the “Renaissance period” // Aspects of the Renaissance / ed. by *A.R. Lewis.*– Austin, 1967.– P. 5–25; *Fasoli G.* La coscienza civica nelle “laudes civitatum” // La coscienza cittadina nei comuni italiani del Duecento. Actes di XI Colloque di Centro di studi sulla spiritualità medievale, 1970.– Todi, 1972.– P. 11–44; *Kirshner J.* 1) Civitas sibi faciat civem: Bartolus of Sassoferrato's doctrine on the making of a citizen // Speculum, 48 (1973).– P. 694–713; 2) Between nature and culture: an opinion of Baldus of Perugia on venetian citizenship as second nature // Journal of Medieval and Renaissance Studies, 9/2 (1979).– P. 179–208; *Ignatieff M.* The myth of citizenship // Queen's quart. Kingston, 94/4 (1987).– P. 966–985, etc.

⁶⁷ Città e diritti di cittadinanza. Atti del Convegno ACLI di Milano (1989). Scritti e interventi di *S. Antoniazzi et alii* / a cura di *F. Totaro.*– Milano: Angeli, 1990.

---

⁶⁸ *Tucci U.* Ranke storico di Venezia // *Ranke L.* von. Venezia nel '500.— Roma, 1971.— P. 1–69.

⁶⁹ *Bowsky W.M.* Medieval citizenship.— P. 238; *Kirshner J.* Civitas sibi faciat civem.— P. 694.

⁷⁰ *Cortese E.* Cittadinanza. Diritto intermedio // *Enciclopedia del diritto.*— Milano, 1960.— Т. 7.— P. 138.

⁷¹ *Bonfiglio Dosio G.* La condizione giuridica del “civis”, p. 523, nota 1.

⁷² *Давид Р.* Основные правовые системы современности.— М., 1988.— С. 54; *Косарев А.И.* Римское право.— М., 1986.— С. 113–129; *Brown A.* City and citizen: changing perceptions in the fifteenth and sixteenth centuries // *City states in Classical and Medieval Italy* / eds. by *A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen.*— Stuttgart, 1991.— P. 93–111.

⁷³ О филиации исторических представлений о *гражданстве* и их расширении: *Civitas augescens: citoyenneté et développement des peuples de Rome à Constantinople à Moscou* // *Da Roma alla terza Roma. Seminari internazionali di studi storici.*— Roma, 2000.— P. 37–47 (Consiglio Nazionale delle ricerche. Università di Roma “La Sapienza”. Centro per gli studi su diritto romano e sistemi giuridici. Materiali, 2).

⁷⁴ *Bizzari D.* Ricerche, pp. 103–104.

⁷⁵ См. публикации *Т.М. Негуляевой.* Право г. Фрейбурга // СГ 1978.— Вып. 4.— С. 196–206; Гослар. Городское право, данное императором Фридрихом II 13 июля 1219 г. // СГ 1978.— Вып. 5.— С. 193–199; Аугсбург. Древнейшее городское право, 21 июня 1156 г. // СГ 1981.— Вып. 6.— С. 185; Средневековое право г. Хагенау, 1164 г. // СГ 1983.— Вып. 7.— С. 149–154. О взглядах бюргеров на городское право и на обычай: *Рогачевский А.Л.* Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII — XVII вв.— Спб.: Изд. СПбГУ, 1996, особо с. 69–84.

⁷⁶ В частности, магдебургское городское право (1188 г.), распространившееся по Европе.

⁷⁷ *Вебер М.* Город. Пгр., 1923.— С. 20–23; *Weber M.* Citizenship // *General economic history*, 1927.— P. 316 (по переизд. 1981 г.); *Pollard A.F.* History and citizenship // *Factors in modern history*. 3rd ed.— London, 1932; *Котельникова Л.А.* Переселение в город свободных крестьян (по материалам Средней Италии XII — XIV вв.) // СВ 32 (1969).— С. 146–155, особо с. 149; *Репина Л.П.* 1) К вопросу о профессиональной, имущественной и социальной дифференциации городского сословия в Англии XIV в. // СВ 38 (1975).— С. 230–249; 2) Со-

словие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н.— М., 1975.

⁷⁸ Аугсбург. Древнейшее городское право, 21 июня 1156 г. // СГ 1981.— Вып. 6.— С. 185.

⁷⁹ *Bartoli di Sassoferrato*. Tractatus de regimine civitatum // *Eadem Omnium iuris interpretum etc. Venetiis*, 1602.— Т. 10.— Р. 152–153r.

⁸⁰ *Baldus*. Consilia. Venetiis, 1575.— Vol. 1–6. Суждения Бальдо о Венеции см.: vol.1, cons. 499.— Vol. 2, cons. 202.— Р. 57–57t.— Vol. 3, cons. 249 (о венецианском гражданстве как второй натуре).— Vol. 4, cons. 445.— Р. 101–101t. О Бальдо и его взглядах см.: *Solmi A. Di un'opera attribuita a Baldo ["Practica iuris"]* // *Archivio giuridico, nuova serie*, 8 (67) (1901).— Р. 401–434; *Vallone G.C. Nascita e morte di Baldo degli Ubaldi e la raccolta originale dei suoi "Consilia"* // 1) *Rivista di storia del diritto italiano*, 62 (1989), 2) сокращенный вариант — *Studi in memoria di Giovanni Cassandro*.— Roma, 1991.— Р. 1082–1088 (Pubblicazioni degli archivi di stato. Saggi, 18); *Canning J. The political thought of Baldus de Ubaldis*. Cambridge, 1987 (Cambridge studies in medieval life and Thought, 4th series, 6), (о монографии Каннинга: *Guenée B. [Compte rendu]* // *Annales ESC*, 1990, n. 5.— Р. 1097–1099); *Kirshner J. Ars imitatur naturam: A consilium of Baldus on naturalization in Florence* // *Viator. Medieval and Renaissance Studies*, 4 (1974).

⁸¹ *Барабанов О.Н.* Бартоломео Боско — генуэзский юрист XIV — XV вв.: теория и практика гражданского судебного процесса.— Спб.: “Алегейя”, 2002.

⁸² *Heater D.* Citizenship: the civic ideal in world history, politics and education. London; New York: Longman, 1990, p. 23.

⁸³ В частности, Бартоломео Сакки (1421–1481) (гуманистическое имя Платина), префект Ватиканской библиотеки и первый светский историограф церкви, автор трактата “О совершенном гражданине” (*De optimo cive*): *Platyna B. De optimo cive: Dyalogus ad Laurentium Medicem* // *Platynae Dialogus etc. Venetiis: Philippo Pincio Mantovano*, 1504, c. 27t-41t.

⁸⁴ *Gli Statuti civili di Venezia anteriori al 1242* / ed. di *E. Besta e R. Predelli* // *NAV 1* (1901); *Gli Statuti Veneti* / a cura di *R. Cessi*.— Venezia, 1938; *Pitzorno B. Gli Statuti civili di Venezia attribuiti a E. Dandolo*.— Perugia, 1913; *Novissimum statutorum ac venetarum legum volumen*.— Venetiis, 1729.

⁸⁵ *Bizzari D. Ricerche*.— Р. 98–103.

⁸⁶ *Leicht P.S.* Lo stato veneziano; *Самаркин В.В.* О городских статутах и статутном праве в средневековой Италии // ВИД 5 (1973).— С. 314–315. О соприкосновениях венецианцев с лангобардами вне Венеции: *Pinton P.* Veneziani e longobardi a Ravenna. [Nota critica] // AV 37 (1889).— P. 369–384.

⁸⁷ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв.— Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное.— М., 1986.— С. 86.

⁸⁸ Очерк церковной истории греческой общины в Венеции.— Харьков, 1864 (отд. оттиск из журнала “Духовный вестник” за 1864 г.); *Gli ebrei e Venezia. Secoli XIV — XVIII. Atti del Convegno internazionale, Venezia, 1983 / a cura di G. Cozzi.*— Milano: Comunità, 1987; *Braunstein Ph.* 1) Remarques sur la population allemande de Venise à la fin du moyen age // Venezia, centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secoli XV — XVI). Aspetti e problemi.— Firenze, 1977.— Т. 1.— P. 233–243; 2) Appunti per la storia di una minoranza: la popolazione tedesca di Venezia nel Medioevo // Strutture familiari, epidemie, migrazioni nell'Italia medievale / a cura di *R. Comba, G. Piccinini, G. Pinto.*— Napoli, 1984.— P. 511–517; *Ashtor E.* Ebrei cittadini di Venezia? // SV 17–18 (1975–1976).— P. 145–156 (заметка *Zolli P.* // Rassegna degli archivi di stato, 36 (1976).— P. 841–842); *Fedalto G.* La minoranza straniera a Venezia tra politica e legislazione // Venezia, centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secoli XV — XVI). Aspetti e problemi.— Firenze, 1977.— Т. 1.— P. 143–162; *Lattes A.* Cenni sulla comunità israelitica di Venezia // Venezia e le sue lagune.— Venezia, 1847.— Т. I.— Parte 2.— P. 103–107; *David B.* The Jewish mercantile settlement of the 12th and 13th century Venice: Reality or conjecture // American Jewish Society review.— 1977.— P. 201–225; *Mueller R.C.* Stranieri e culture straniere a Venezia. Aspetti economici e sociali // Componenti storico-artistiche e culturali a Venezia nei secoli XIII e XIV.— Venezia, 1981.— P. 75–77; *Reidmann J.* Tiroler in Venedig während des späten Mittelalters und in der frühen Neuzeit // Historische Blickpunkte.— Innsbruck, 1988, S. 557–567; *Rizzi A.* Rapporto da S. Lazzaro degli Armeni // Atti dell'IVSLSA 135 (1977).— P. 323–337; *Stussi A.* Provenzali a Venezia (1258–1268) // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Serie III, XVIII/3 (1988).— P. 947–960; *Veludo G.* Cenni sulla colonia greca orientale // Venezia e le sue lagune.— Venezia, 1847.— Т. I.— Parte 2.— P. 78–100; *Plumidis G.* Considerazioni sulla popolazione greca a Venezia nella seconda metà del'500 // SV XVI (1972, pubbl. 1973).— P. 219–226.

⁸⁹ *Maranini G.* La costituzione di Venezia dalla origine.— P. 215–218 (cittadinanza simbolica).

⁹⁰ *Bizzari D.* Ricerche.— P. 67.

---

⁹¹ *Crescenzi V.* 1) Il modello veneto: il “Libro d’oro“ delle leggi del Maggior Consiglio (secoli XVI — XVIII) // L’educazione giuridica. V: Modelli di legislatore e scienza delle legislazione.— Т. 2: Modelli storici e comparativi.— Napoli, 1988.— P. 161–196; 2) “Esse de Maiori Consilio“. Legittimità civile e legittimazione politica nella Repubblica di Venezia (secoli XIII — XIV).— Roma, 1996 (Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Nuovi studi storici. 34).

⁹² *Maranini G.* La costituzione di Venezia dalla origine.— P. 175–176.

⁹³ В историографии существуют разные мнения относительно происхождения венецианского нобилитета — *Werweke H. Van.* The rise of the town // The Cambridge economic history of Europe.— Cambridge, 1963.— Vol. 3.— P. 33. К. Донати считает, что в Венецианской республике феномен имел классические измерения — *Donati C.* L’idea di nobiltà in Italia nei secoli XIV — XVIII.— Roma; Bari: Laterza, 1988.— P. 240 (рецензия на эту книгу: *Borelli G.* [Rec. ad op.] // NRS a. 73, 1989, fasc. 1–2.— P. 239–241). Определение патрициата, применимое для понимания положения венецианского нобилитета: *Notestein R.B.* The patrician // International journal of comparative sociology, 1968, n. 9.— P. ...: патриции — *upper class office-holders of old family in a society where there are also non-patricians in office and in the upper class.* См. также: *Romano D.* Patricians and “popolani”: the social foundations of the venetian Renaissance state.— Baltimore; London: The Johns Hopkins UP, 1987 (об этой книге: *Hocquet J.C.* // Revue historique, 1988, n. 568.— P. 588–591; *Ganz M.A.* // С..Н...R..., 75 (1989).— P. 154–155; *Mackeney M.* // History. The Journal of the historical Association, 74 (1989), n. 242.— P. 513–514; *Grubb J.S.* // Speculum 65 (1990), n. 3.— P. 747–749; *Ristori R.* // ASI ....(1991).— P. 492–493).

⁹⁴ Словарь античности / пер. с немецкого.— М.: Прогресс, 1989.— С. 382.

⁹⁵ *Шервуд Е.А.* Предпосылки формирования итальянского этноса (социально-экономический аспект в V — VI вв.) // Романия и Барбария: к этнической истории народов зарубежной Европы.— М., 1989.— С. 32–36. О поссессорах: *Бартошек М.* Римское право.— С. 251–253. О понятии *nobilitas* у Бартоло да Сассоферрато: *Barni G.* Appunti sui concetti di “dignitas”, “nobilitas”, “officium” in Bartolo di Sassoferrato // Archivio giuridico, 155 (1958).— P. 130–144. О средневековом нобилитете: *Vallone A.* Il concetto di nobiltà e cortesia nei secoli XIV e XV // Atti dell’Accademia dei Lincei, 351 (1954) (Serie 8, Rendiconti, classe di scienze morali, storiche e filologiche.— Vol. 9); The Medieval Nobility / ed. by *T.A. Reuter.*— Amsterdam; Oxford, 1978; *Genicot L.* Noblesse ou aristocratie. Des questions de méthode //

Revue d'histoire ecclésiastique, 85 (1990), n. 2.– P. 334–343 (по поводу некоторых современных публикаций).

⁹⁶ Gli Statuti civili di Venezia anteriori al 1242 / ed. di *E. Besta e R. Predelli* // NAV 1(1901). Самый ранний из известных списков статуттов Я. Тьеполо, датируемый XIII в., хранится в Государственном архиве Венеции (ASV, Collegio, Secreta, Statuti Tiepolo); первый лист списка воспроизведен: *Storia di Venezia dalle origini alla caduta della Serenissima.*– Roma, 1995.– Т. 2: L'età del comune.– P. 15.

⁹⁷ *Соколов Н.П.* Владения Венеции в Истрии и Далмации и борьба за них в первой половине XIII в. // ССЭФ 1975.– Вып. 2.– С. 74.

⁹⁸ *Иоффе О.С., Мусин В.А.* Основы римского гражданского права.– Л.: Изд. ЛГУ, 1974.– С. 32. О "гражданах(и) чужих(в Восточной Римской империи: *Ahrweiler H.* Citoyens et étrangers dans l'Empire romain d'Orient // *Da Roma alla Terza Roma. Documenti e Studi. II. La nozione di "Romano(tra cittadinanza e universalità.*– Roma, 1982.– P. 344–345.

⁹⁹ DMCV, 1931.– Vol. 2.– P. 253.

¹⁰⁰ DMCV, 1931–1950.– Vol. 1–3, passim; *Thiriet F.* Délibérations des Assamblées vénitiennes concernant la Romanie.– Paris; La Haye, 1966–1972.– Т. 1–2, passim. Также: *Longo A.* Dell'origine e provenienza in Venezia de'cittadini originarii.– Venezia, 1817; *Morpurgo G.* Condizione giuridica dei forestieri in Italia net secoli di mezzo // Archivio giuridico, 9 (1872).– P. 249–287; *Thomas G.M.* Cittadinanza veneta accordata a forestieri // AV,8 (1874).– Т. 8.– P. 154–156; *Cessi R.* La "Curia forinsecorum" e la sua prima costituzione // NAV, n.s., 27 (1914).– P. 202–207; *Fedalto G.* Le minoranze straniere a Venezia tra politica e legislazione // Venezia, centro di mediazione tra Oriente e Occidente.– Firenze, 1977.– P. 143–162; *Zorzi A.* Forestieri e stranieri nelle città basso-medievali // Quaderni medievali, 18 (1984).– P. 175–185.

¹⁰¹ *Иоффе О.С., Мусин В.А.* Основы римского гражданского права.– Л., 1974.– С. 32–38.

¹⁰² *Eisenstadt S.N., Schachar A.* Society, Culture and Urbanisation. S. I.: Sage Publications, 1987.– P. 288. Интерес к проблеме сохраняется — см. доклад Оливии Констебл: *Constable O.R.* Lawyers at home and merchants abroad: Southern European urban statutes and foreign fondacos // 36th International Congress on Medieval Studies.– Kalamazoo, Michigan, 2001.– P. 50 (Western Michigan University. Medieval Institute. College of Arts and Sciences). О слове "гетто" см.: *Teza E.* Intorno alla voce "ghetto": dubbi da togliere e da risvegliare. Nota // Atti dell'IVSLA, serie 8, 6/63 (1903–1904).– P. 1273–1286. См. также:

Venezia, centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secoli XV — XVI). Aspetti e problemi.— Firenze, 1977.— 2 Voll. (Civiltà veneziana. Studi, 32).

¹⁰³ Le président de Brosses en Italie. Lettres familières écrites d'Italie en 1739 et 1740 par Charles de Brosses. 3-ème éd.— Paris, 1869.— Т. 1.— P. 150 (XIV. Письмо к А. М. de Blancey, Venise, 14 aout 1739).

¹⁰⁴ Origine delle famiglie nobile venete. Una Cronaca — FQS, mss., classe IV, codice 36, c. 256.

¹⁰⁵ DMCV.— Vol. 2.— P. 43, nn^o. 5, 7.— P. 146–147; *Thiriet F.* Délibérations.— Т. 1.— P. 30, n°. XXV.— P. 31, n°. XXIX.— P. 33, n°. XXXIV. В этих и других публикациях имеется значительное число подобных случаев.

¹⁰⁶ О *баюле* см. выше прим. 58.

¹⁰⁷ *Thiriet F.* Régestes.— Т. 1, n°. 342.

¹⁰⁸ *Thiriet F.* Régestes.— Т. 1, n°. 483.

¹⁰⁹ См. о маргиналах: *Geremek B.* 1) La popolazione marginale tra il Medioevo e l'era moderna // SS 9(1968); 2) L'emarginato // L'uomo medievale / a cura di *J. Le Goff.* Bari: Laterza, 1989.— P. 393–422; *Ястребицкая А.Л.* Бедность, бедняки и маргиналы в европейском городе XII — XVII вв. (социокультурная реконструкция) // Культура и общество: средние века — раннее новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. Сборник аналитических и реферативных обзоров.— М.: ИНИОН РАН, 1998.— С. 280–315.

¹¹⁰ *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX — XII вв.) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р.М. Шукурова.— Спб.: “Алетейя”, 1999.— С. 160, 189 (перевод статьи, опубли. в 1994 г.).

¹¹¹ *Thiriet F.* Régestes.— Т. 1, n. 106.

¹¹² I Libri commemoriali, 1876.— Т. 1.— P. 148, nn. 651–652

¹¹³ DMCV.— Vol. 2.— P. 163.

¹¹⁴ ASV, Maggior Consiglio, Liber “Fronesis”, R. 6 (22), c. 113. Многие из пожалований гражданства опубликованы: Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie “Mixtorum” / a cura di *R. Cessi, P. Sambin, M. Brunetti.*— Venezia, 1960–1961.— Vol. 1–2 (Monumenti storici pubblicati dalla Deputazione di storia patria per le Venetie, nuova serie, vol. XV — XVI).

¹¹⁵ *Cessi R.* Politica ed economia di Venezia nel Trecento.— Roma, 1952.— P. 48.

116 Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, фонд 103 М.М. Ковалевский, опись 4, ед. хр. 112, л. 111 (выписки из: ASV, Consilium Decem, Misti, Reg. III).

117 *Pertile A.* Storia.— Vol. 3.— P. 119; *Bizzari D.* Ricerche.— P. 81.

118 *Maschke E.* Continuité sociale et histoire urbaine médiévale // *Annales ESC.*— 1960, n. 5.

119 Как и позднее, с начала XV в. после образования территориального венецианского государства, желавших стать гражданами городов terraferмы: *Коновенко А.М.* Privilegium civilitatis — венецианский документ 1493 г. // Сборник статей и материалов БАН СССР по источникововедению.— Л., 1970.— Вып. 2.— С. 193–200; *Grubb J.S.* Alla ricerca delle prerogative locali: la cittadinanza a Vicenza, 1404–1509 // Dentro lo “Stado italico”. Venezia e la Terraferma fra Quattro e Seicento / a cura di *G. Cracco e M. Knapton.* Trento, 1984.— P. 17–32.

120 *Thiriet F.* Régestes.— Т. 1, n. 455.

121 См.: *Климанов Л.Г.* Византийские отражения в сфрагистике.— С. 123–179.

122 I Libri commemoriali della Republica di Venezia. Regesti / a cura di *R. Predelli.*— Venezia, 1876.— Т. 1.— P. 100, примеч.

123 *non portabo, vel mandabo extra Venetiam, nec de Venetia, neque per terram contra constitutionem Venetiae*: записано в одной из ранних присяг, принесенной в январе 1188 г. мантуанцем Родольфо де Дзото. Оpubл.: *Romanin S.* Storia documentata di Venezia.— Venezia, 1854.— Т. 2.— P. 412–413, doc. IV; перепеч.: *Климанов Л.Г.* “Quod sunt cives nostri”: статус венецианского гражданства в XIV вв. // Культура и общество Италии накануне нового времени.— М.: “Наука”, 1991.— С. 38. Тексты присяги (*iuramenta*): *Sanudo M.* Le Vite dei Dogi / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1900.— Vol. I; I Libri dei Commemoriali. Regesti / a c. di *R. Predelli.*— Venezia, 1876–1907.— Vol. 1–8.

124 *Bizzari D.* Ricerche, p. 95.

125 *Kirshner J.* Between nature and culture: an opinion of Baldus of Perugia on Venetian citizenship as second nature // *Journal of Medieval and Renaissance studies*, 9/2 (1979).— P. 189.

126 *Longo A.* De’veneti originarj cittadini raccolta di aneddoti sommarj e catalogo.— Venezia, 1817; *Dogliani A.* La cittadinanza originaria nella Repubblica di Venezia. Tesi di laurea, Università di Padova, 1989/90 (рукопись).

¹²⁷ См. послание дожа Антонио Венерио к феррарскому правителю Николо д'Эсте от 23 сентября 1385 г. (ЗЕС, колл. 6, картон 186, ед. хр. 15). Опубл.: *Климанов Л.Г.* "Quod sunt cives nostri".— С. 37–38.

¹²⁸ *Pullan B.* The Significance of Venice // *Bullettin of J. Rylands University Library*, 56/2 (1974).— P. 445.

¹²⁹ *Kirshner J.* Between nature and culture.— P. 181, 184; *Casini M.* La cittadinanza originaria a Venezia tra i secoli XV e XVI. Una linea interpretativa // *Studi veneti offerti a Gaetano Cozzi.*— Vicenza: il Cardo editore, 1992.— P. 133–150.

¹³⁰ *Соколов Н.П.* Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII — XIV вв. // *ССЭФ* 1973.— С. 16.

¹³¹ "Quod omnes qui steterunt firmi habitatores Veneciis a XXV anni hactenus et fecerunt et facient factiones comunis veneciarum debeant esse veneti habitando Veneciis vel in terris subiectis dominio Veneciarum <...> Item quod illi qui steterunt vel stabunt de cetero Veneciis XV annis et fecissent et facient factiones comunis secundum quod dictum est superius possint mercari Veneciis sicut possunt alii veneti; et quando erunt ad terminum annorum XXV ut captum fuit sint veneti sicut alii habitando Veneciis vel in terri subiectis dominio Veneciarum" — *ASV, Maggior Consiglio, Liber "Magnus", c. 95t.* Опубл.: *Thomas G.M.* *Cittadinanza.*— P. 154–156.

¹³² *Ferro M.* Dizionario del diiritto comune e veneto.— Venezia, 1778.— Т. 3.— P. 190–191; *Sandi V.* Principj di storia civile della Repubblica di Venezia.— Venezia, 1755.— Parte 1.— Vol. 2.— P. 813; *Molmenti P.* La storia di Venezia.— Bergamo, 1910.— Parte I.— P. 140; *Bizzari D.* Ricerche.— P. 92; *Kirshner J.* Between nature and culture.— P. 184, 207.

¹³³ *Ell S.* Citizenship and immigration in Venice, 1305 to 1500.— P. 210–235.

¹³⁴ *Maranini G.* La costituzione di Venezia dopo la serrata del Maggior Consiglio.— Venezia, 1931; *Lane F.C.* The enlargement of the Great Council of Venice // *Florilegium historiale: Essays presented to W.K. Ferguson.*— Toronto, 1971.— P. 237–273.

¹³⁵ *Соколов Н.П.* Из истории социальных движений в Венеции первой половины XIV в. // *Уч. зап. Горьк. университета*, 1971.— Вып. 95, серия истории.— С. 9–11.

¹³⁶ *Machiavelli N.* Opere scelte / a cura di C.F. Berardi.— Roma, 1973.— P. 151–155.

¹³⁷ Обзор библиографии "Законы о гражданстве": *Valsecchi A.* Bibliografia analitica della legislazione della Repubblica di Venezia // *AV* 6 (1875).— Parte 2.— P. 5–8.

¹³⁸ *Бродель* 1986, с. 86.

¹³⁹ *Thiriet F.* Régestes.— Т. 1, passim. См. также: *Miller W.* The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204–1566).— London, 1908, по указателю.

¹⁴⁰ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов.— Екатеринбург, 1992.— С. 88.

¹⁴¹ См.: *Mueller R.C.* Espressioni di STATUS sociale a Venezia dopo la “serrata” del Maggior Consiglio // Studi veneti offerti a Gaetano Cozzi. [Vicenza], 1992.— P. 53–61.

¹⁴² Опубликованы: *Artelli L.* Delle famiglie cittadinesche veneziane // AV 10 (1875).— P. 71–80 (несогласие с некоторыми поправками автора: *Tassini G.* Famiglie cittadinesche veneziane // Ibid.— P. 355–357); Memorie estratte succintamente da varii codici intorno alle famiglie cittadine, con loro stemmi // AV 4 (1872).— P. 382. О рукописях в архивах и библиотеках: *Tassini G.* Cittadini (ASV, Misc.cod. I, storia veneta, buste 9–16), *Toderini T.* Genealogie delle famiglie venete ascritte alla cittadinanza originaria (см.: *Cecchetti B.* Il Doge di Venezia: studi storici.— Venezia, 1864.— P. 244); BMC ms. Gradenigo — Dolfin, 158 (83) “Famiglie cittadinesche”; BMC, ms. Cicogna, 2927 (II, 176) “Le due corone della nobiltà veneziana”; BNM — “Cronaca di famiglie cittadine originarie venete”, в том числе “Cronica di tutte le antiche e nobil famiglie de’cittadini veneziani, che non sono del Maggior Consilio, MDXL” (BMC, ms. it. VII, 27 (7761), с. 82r-97r); в Австрийской национальной библиотеке в Вене — “Cronaca delle famiglie dei cittadini veneziane” (cod. 6204 — по сведениям из: *Leah King M.* Caldiera and the Barbaros on marriage and the family: humanist reflections of Venetian realities // Journal of Medieval and Renaissance Studies, 6 (1976).— P. 22, nota 8). *Pellegrini G., de.* Cimiteri di patrizi e cittadini veneziani // Bollettino araldico storico genealogico del Veneto, 3 (1904), 4 (1905) passim; *De Peppo P.* “Memorie di veneti cittadini”: Alvise Dardani, Cancellier Grande // SV, nuova serie, 9 (1985).

¹⁴³ *Logan O.* Culture and society in Venice, 1470–1790: the Renaissance and its heritage. New York, 1972.— P. 27 (итал. перевод: Venezia: cultura e società.— Roma: il Veltro, 1980).

¹⁴⁴ *Alberti L.* Descrizione di tutta Italia di Leandro Alberti bolognese, nella quale si contiene il sito di esse etc. Vinegia: G.M. Bonelli, 1553, с. 447, 449–449t. О месте этого труда в становлении европейской исторической географии: *Яцунский В.В.* Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV — XVIII веках.— М.: Изд. АН СССР, 1955.— С. 72, 94–95, 123, 193.

¹⁴⁵ *Чиколини Л.С.* 1) Концепция “смешанного правления” в трудах Донато Джаннотти // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе.— М., 1984.— С. 188–189; 2) Идеи “смешанного

правления” в итальянской публицистике XVI в. // Культура Возрождения и общество.– М., 1986.– С. 128.

¹⁴⁶ См. выше.

¹⁴⁷ *Contarini G.* De magistratibus et Republica Venetorum. Parisiis: ex officina Michaelis Vascosani, 1543, passim. Анализ взглядов Г. Контарини: *Gilmore M.* Myth and reality in Venetian political theory // Renaissance Venice. London, 1973.– P. 432–433.

¹⁴⁸ *Contarini P.M.* Compendio universale di Repubblica. Venetia, 1602.– P. 72, 106–107.

¹⁴⁹ *Molmenti P.* La storia di Venezia.– Parte 1, p.148.

¹⁵⁰ *Salimbene de Adam.* Cronaca / a cura di G. Scalia. Bari, 1966.– P. 38–39. (Scrittori d'Italia).

¹⁵¹ Un frammento inedito della Cronaca di Benedetto *Dei* / pubblicato da G. degli Azzi // ASI 110 (1952), disp. 1.– P. 103–113.

¹⁵² *Campanella T.* Antiveneti / testo inedito a cura di L. Firpo. Firenze: L. Olschki ed., 1945.– P. 7. Также: *Campanella T.* A Venezia // Scelta d'alcune poesie filosofiche di settimontano squilla cavate da' suoi libri detti la cantica. S.l., 1622.– P. 56–57, и *Firpo L.* Idee politiche di Tommaso Campanella nel 1636: due memoriali inediti // Pensiero politico, anno 19, 1986, n. 2.– P. 197–222.

¹⁵³ Слова *squittinio* и *scrutinio* (от латинского *scrutinium*) в венецианской практике относились к процедуре баллотировки и голосования в правящих советах и обозначали метод, при котором члены избирающего органа свободно выставляли кандидатуру на какую-то должность, затем по каждой кандидатуре проводилось голосование с необходимым для избрания большинством голосов. Кроме того слово *scrutinia* было наименованием совокупности действий, которые применялись церковью для подготовки к крещению новообращенного (оглашение, катехуменизация).

¹⁵⁴ *Squittinio della liberta veneta*, nel quale si adducono anche le ragioni dell'Impero Romano sopra la Città & Signoria di Venetia. Mirandola: G. Benincasa, 1612.– P. 66–74. Известно несколько списков памфлета; в XVII в. он четырежды издавался на итальянском языке, и четырежды в переводе на французский язык под заглавием *Examen de la liberte originaire de Venise* (Ratisbonne, 1677 и др.). Памфлет вызвал к жизни опровержения, например, трактат Гаспаре Леоничено *De libertate, maiestate, iuribus ac praerogativis venetae reipublicae* (*Valentinelli J.* Bibliotheca manuscripta ad Sancti Marci Venetiarum. Codices mss latini. Venetiis, 1870.– Т. 3.– P. 54–55) и Теодора Грасвинкля *Libertas Veneta* (Leiden, 1634). О памфлете и его предполагае-

---

мых авторах: *Foscarini M.* Della letteratura veneziana.— Venezia, 1854.— P. 104–106; *Haitsma Mulier O.G.* The myth of Venice and Dutch republican thought in the seventeenth century.— Assen, 1981.— P. 77sgg.

¹⁵⁵ См.: *Logan O.* Culture and society in Venice.— P. 4; *Chojnacki S.* In search of the Venetian patriciate: families and factions in the XIVth century // *Renaissance Venice*.— London, 1973.— P. 47–90.

¹⁵⁶ *Воробьева И.Г.* Венецианская республика и югославские земли в XV — XVII вв.— Калинин, 1987.

¹⁵⁷ После присоединения Падуи к венецианскому государству в 1405 г. правительство обязывало венецианцев учиться в Падуанском университете, одном из старейших в Европе, основанном в 1222 г.

¹⁵⁸ *Бродель* 1986, с. 86.

¹⁵⁹ *Kirshner J.* Between nature and culture.— P. 179–208. Киршнер основывает выкладки на материалах и подсчетах, приведенных в диссертации Стивена Элла, который проанализировал около 3000 грамот на венецианское гражданство за 1305–1500 гг., а в приложении собрал большую часть венецианских законов о гражданстве (*Ell S.* Citizenship and immigration in Venice, 1305 to 1500. Chicago, 1976). Об освобождении от несения тягот: *Bizzari D.* Ricerche.— P. 94.

¹⁶⁰ I Libri commemoriali, 1876.— Т. 1.— P. 69, n. 302, без даты.

¹⁶¹ Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie “Mixtorum” / a cura di *R.Cessi*.— Venezia, 1961.— Vol. 2.— P. 167, 283, passim; *Sandi V.* Principi di storia civile della Repubblica di Venezia dalle sua fondazione sino all'anno di n.s.1700.— Venezia, 1755.— Parte 1.— Vol. 2.— P. 812–813. О национальном составе приезжих и их расселении в городе: *Moro-Lin P.G.* Venezia ovvero quadro storico della sua origine. dei suoi progressi, e di tutte le sue costumanze.— Venezia, 1837.— Т. 2.— P. 27–34.

¹⁶² I Libri dei Commemoriali.— Т. 1.— P. 58–59, doc. 270–271, 276, passim; *Ferro M.* Dizionario.— Venezia, 1779.— Vol. 3.— P. 187–194.

¹⁶³ *Alberti L.* Descrizione di tutta Italia.— Vinegia, 1553.— с. 449t.

¹⁶⁴ *Шитиков М.М.* Венецианское купечество в первой половине XV в. в его торговых сношениях с Византией // Уч. зап. Моск. Гос. Пед. института.— 1965.— № 237.— С. 125–126.

¹⁶⁵ О “механических ремеслах”: *Февр Л.* Труд: эволюция слова и понятия // *Февр Л.* Бой за историю.— М.: “Наука”, 1991.— С. 364–371; *Alessio F.* La filosofia e le “artes mechanicae” nel secolo XII // SM, 3 serie, 6 (1965), nn. 1–2; *Ovitt G.* The status of the mechanical arts in medieval classification of learning // *Viator. Medieval and Renaissance Studies*, 14 (1983).— P. 89–105; *Gaier C.* Travail, travailleurs et

---

“arts mécaniques” ou Moyen Age. Spéculation philosophique et réalités technique // *Le Moyen Age*, 1994, n. 1.– P. 101–106; *Tucci U.* Le arti meccaniche in Sant’Antonino // *Studi in memoria di Giovanni Cassandro*.– Roma, 1991.– P. 1065–1081 (Pubblicazioni degli archivi di stato. Saggi, 18). О лицах, занимающихся механическими ремеслами: *Eco U.* Il nome della rosa.– Milano: Bompiani, 1980 (рус. перевод: *Эко У.* Имя розы.– М.: “Книжная палата”, 1989).

¹⁶⁶ *Ventura A.* Nobiltà e popolo nella società veneta del ‘400 e ‘500.– Bari, 1964.– P. 352 и nota 138.

¹⁶⁷ См.: *Климанов Л.Г.* 1) Венецианские “секретари”: о политической культуре итальянского города // *Городская культура: Средневековье и начало нового времени*.– Л.: “Наука”, 1986.– С. 98–126; 2) *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в венецианском государстве // *Политические структуры эпохи феодализма, VI — XVII вв.*– Л.: “Наука”, 1990.– С. 80–105.

¹⁶⁸ FQS, mss., classe IX, cod. 1, nn. 30, 36, 37, 50.

¹⁶⁹ *Коммин Ф.* Мемуары.– М.: “Наука”, 1986.– С. 307–308.

¹⁷⁰ *Squitinio della libertà veneta*. Mirandola, 1612.– P. 66.

¹⁷¹ *Romano D.* Struttura familiare e legami matrimoniali nel‘300 veneziano // *Ricerche venete*, 1/1 (1989).– P. 135–165.

¹⁷² *Фионова Н.А.* Стеклоделие в Венеции XIII — XV вв. // *ССЭФ* 1973.– С. 84.

¹⁷³ *Balby A.* La Sérénissime République de Venise. Paris, 1946.– P. 105.

¹⁷⁴ *Mosto A. da.* I dogi di Venezia nella vita pubblica e privata. Firenze: Giunti ed., 1977.– P. 227.

¹⁷⁵ *Климанов Л.Г.* Из венецианского опыта общественной жизни: трентакии (trentacie), праздник “Марий” (festa dei matrimonj), молодецкие забавы на Кулачном мосту (pucromachia veneta) // *АДСВ*.– Екатеринбург, 33 (2002).– С. 156–168.

¹⁷⁶ См.: *Mor C.G.* Il procedimento per “gratiam” nel diritto amministrativo veneziano del secolo XIII // *Cassiere della Bolla ducale. Grazie. Novus liber (1299–1305)* / a cura di *E. Favaro*.– Venezia, 1962.– P. VII — XLVIII (в том числе о равновесии между “жестким” законодательством и “подвижнейшей” практикой); *Romano D.* “Quod sibi fiat gratia”: Adjustment of penalties and the exercise of influence in early Renaissance Venice // *Journal of Medieval and Renaissance studies*, 13/2 (1983).– P. 251–268.

177 *Cecchetti B.* Fonti della statistica negli archivi di Venezia // Atti dell' IVSLA, serie 4, 1 (1871–1872).– P. 1031–1050, 1183–1281; *Beloch C.* La popolazione d'Italia nei secoli sedicesimo, diciassettesimo e diciottesimo // Storia dell'economia italiana. Saggi di storia economica.– Vol. 11: Secoli VII — XVII / a cura di C. Cipolla.– Torino, 1959.– P. 449–501; *Beltrami D.* 1) Lineamenti di storia della popolazione di Venezia dal Cinquecento al Settecento // Storia dell'economia italiana, pp. 501–531; 2) Storia della popolazione de Venezia dalla fine del secolo XVI alla caduta della repubblica.– Padova, 1954; *Contento A.* Il censimento della popolazione sotto la Repubblica Veneta // NAV 19 (1900).– P. 5–42, 129–240, 20 (1900).– P. 5–96, 171–235; *Schiaffino A.* Contributo allo studio delle rilevazioni della popolazione nella Repubblica de Venezia: finalità, organi, tecniche, classificazioni // Le fonti della demografia storica in Italia. Atti dell'Seminario de demografia storica, 1971–1972.– Roma, 1972.– T. 2.

178 См. присягу начальника отряда двенадцати 1335 г.

179 *Molmenti P.* La storia di Venezia, 1910.– Parte 1.– P. 225–226.

180 *Monticolo G.* La costituzione del doge Pietro Polani (febbraio 1143, 1142 m.v.) circa la “Processio scholarum”.– Roma, 1900 (отд. оттиск из: Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di scienze morale, storiche e filologiche, vol. 9, fasc. 20; см.: *Predelli R.* [Nota bibl.] // NAV, nuova serie, 1 (1901).– P. 178–179); *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII — XIII веков.– Спб., 1912.– С. 513; *Sbriziolo L.* 1) Le confraternite veneziane di devozioni. Saggio bibliografico e premesse storiografiche.– Roma, 1968 (Quaderni della Rivista di storia della Chiesa in Italia, 1); 2) Per la storia delle confraternite veneziane. Dalle deliberazioni Miste (1310–1476) del Consiglio dei Dieci. “Scolae Comunes”, artigiane e nazionali // Atti dell'IVSLA 126 (1968).– P. 405–442; *De Sandre Gasparini G.* 1) Apunti per uno studio sulle confraternite medievali: problemi e prospettive di ricerca // Studia patavina 15 (1968).– P. 115–124; 2) Confraternite medievali nel Veneto // Le confraternite romane / a cura di L. Fiorani.– Roma, 1984.– P. 34–50 (Ricerche per la storia religiosa di Roma, 5); *Mackenney R.* Devotional confraternities in Renaissance Venice // Voluntary religion / ed. by W.J. Sheils and D. Wood. 1986.– P. 85–96 (Studies in church history, 23).

181 *Muir E.* Civic ritual in Renaissance Venice.– Princeton, 1981 (*Trexler R.C.* [рец.] // Speculum, 57 (1982).– P. 644); *Fontoni E.* Le vicinie cittadini.– Bergamo, 1905; *Pacifico A.* Cronica veneta sacra e profana.– Venezia, 1736.– P. 135, 137; *Zinelli P.* Notizie ecclesiastiche di Venezia durante la Repubblica // Venezia e le sue lagune.– Venezia, 1847.– Vol. 1.– Parte 1.– P. 258–259. О вичиниях: *Карсавин Л.П.*

Очерки религиозной жизни в Италии XII — XIII веков.— Спб., 1912.— С. 494 и далее, 513.

¹⁸² *Ролова А.Д.* Конец эпохи Возрождения в Италии: специфика экономики и общества в XVI в.— Рига, 1987.— С. 45.

¹⁸³ О венецианском цехе: *Луковский М.А.* Итальянское Возрождение.— Л., 1947.— Т. 1.— С. 214–215; *Соколов Н.П.* 1) Венецианское ремесленно-цеховое производство в XIII — XIV вв. // Труды Горьк. пед. института, 18 (1956), ист. сб. № 4.— С. 209–235, 2) Венецианские цехи в XIII — XIV вв. // СВ 15 (1959).— С. 33–34; *Фионова Н.А.* 1) “Уставы венецианских цехов” как исторический источник (к вопросу о венецианском ремесле XIII — XIV вв.) // Уч. зап. Горьк. университета, 1969.— Вып. 105, серия гуманитар. наук.— С. 122–125, 2) Венецианский цех в XIII — XIV вв.— Горький, 1971; *Рутенбург В.И.* 1) [Выступление при обсуждении доклада Э. Сестана] // Россия и Италия.— М., 1972.— С. 280–281; 2) *Arti e corporazioni // Storia d’Italia.— Vol. I: Documenti.— Torino: Einaudi, 1973.— P. 615–642; Kretschmayr H. Geschichte von Venedig.— Stuttgart, 1907.— 2 Bd.— S. 136–145, 282–287.*

¹⁸⁴ *Mackenny R.* 1) In place of strife: the guild and the law in Renaissance Venice // History today, 5/34 (1984).— P. 17–22; 2) Tradesmen and traders: the world of the guild in Venice and Europe, c. 1250–1640.— Totowa, 1987.

¹⁸⁵ Византийская книга Эпарха.— М., 1962.— С. 221.

¹⁸⁶ См.: *Sandi V.* Principj di storia civile della Republica di Venezia.— Venezia, 1755.— Parte 1.— Vol. 2.— P. 815; *Kirshner J.* Between nature and culture, p. 186. Текст постановления: в диссертации С. Элла, с. 216.

¹⁸⁷ *Kirshner J.* Between nature and culture.— P. 184.

¹⁸⁸ *Romano D.* “Quod sibi fiat gratia”.— P. 264.

¹⁸⁹ Перечень 2128 лиц и семей, пожертвовавших деньги в казну на нужды войны с генуэзцами содержится в двух рукописях Музея Коррер (Del principio et edificazione di Venezia — ВМС, cod. Cicogna, 2108/II.— Т. III, с. 197–229, и cod. Cicogna, 2569, с. 143–157) и в списке Национальной библиотеки Марчиана: BNM, classe VII, it. cod. 90 (8029), с. 296–308, по которому текст опубликован: *I prestiti della Repubblica di Venezia (secoli XIII — XV) / Introduzione storica e documenti a cura di G. Luzzato.— Padova, 1929.— P. 138–195, doc. 165 (Accademia dei Lincei. Documenti finanziari della Repubblica di Venezia— Serie III.— Vol. I.— Parte 1); Chinazzo D.* Cronica de la guerra da Veneziani e Zenovezi.— Venezia, 1958.— P. 69–82, 207–208; *Luzzato G.*

Studi di storia economica veneziana.– Padova, 1954.– P. 129–131; *Lane F.C.* Venice, a maritime republic.– Baltimore; London, 1973.– P. 151.

¹⁹⁰ *Kirshner J.* Between nature and culture, p. 186.

¹⁹¹ *Neff M.* A citizen in the service of the patrician state: the career of Zaccaria de'Freschi // SV, nuova serie, 5 (1981).– P. 31–61.

¹⁹² *Климанов Л.Г.* Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в средние века.– М.: “Алетейя”, 1998.– Вып. 3.– С. 160–162.

¹⁹³ *Thiriet F.* Régestes.– Т. 1.– P. 197, n. 827.

¹⁹⁴ Magistratti che aspettano da esser fatti...: *Dalmazia...Conte e Capitano in Arbe sta mesi 32 con d(ucati) 20 al mese* — 1) ЗЕС, колл. 6, картон 198, ед. хр. 26, л. 29; 2) там же, картон 199, ед. хр. 5, л. 28. Факсимильное издание: *Libro deli Offitii del Gran Consiglio dela Ser.ma Republica de Venetia.*– Padova: G.Cappelletto, 1883.– P. 14 (*Nozze Luigi Dr. Vio-Bonato Albertina Norza, Roma 25 gennaio 1883*). У Марино Санудо младшего назван просто *conte* и добавлено, что на островах назначались также *camerlengo e castellan: Marin Sanudo il giovane. “De origine, situ et magistratibus urbis Venetae”* ovvero “La città di Venezia (1493–1530)” / ed. critica da A. Carraciolo Aricò.– Milano, 1980.– P. 72, 278.

¹⁹⁵ *Coronelli V.* Isolario dell’Atlante Veneto.– Venezia, 1696.– P. 144–145 (см. приложение 5).

¹⁹⁶ *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia Venetia.– 1774.– P. 188–204.

¹⁹⁷ FQS, mss. classe IV, cod. 554 (716) Scritture varie sopra vescovi ossia miscellanea di decreti, relazioni e documenti diversi dal secolo XVIII riguardanti i vescovi in genere ed alcuni atti di loro autorità.– Vol. II, c. 21r-22r. На л. 21r приписка: *Copia, 1775 primo settembre per l’Eccmo signor Andrea Querini suffragio al Vescovato di Arbe.*

К ВОПРОСУ О ГЕНУЭЗСКО-ТАТАРСКИХ МОНЕТАХ С ЛИТОВСКИМИ КОНТРАМАРКАМИ

Золотоордынские и генуэзско-татарские монеты с литовскими контрамарками колюмнами относятся к чрезвычайно редким нумизматическим памятникам. Отдельные экземпляры подобных монет стали известны еще в XIX ст., однако и на современном этапе источниковедческая база для их исследования чрезвычайно мала. В хронологии и интерпретации таких монет еще очень много спорного и неясного [*Ivanauskas, Balčius 1994, s. 80–84; Kiersnowski 1984, s. 161–162; Sojauskas, Kaubrus 1993, s. 37; Івакін, Козубовський 1996, с. 290–297*].

Атрибуция таких монет затрудняется из-за того, что во время контрамаркировки забивалась основная часть изображений аверса и реверса. Часто невозможно определить, на джучидскую или генуэзско-татарскую монету наносилась контрамарка. Кроме того исследователи XIX — начала XX ст. с трудом различали встречающиеся контрамарки — литовские колюмны и генуэзский портал.

Так, одна из наиболее ранних известных монет, первоначально определенная как хорезмский дирхем Тахтамышша 1386 г., на самом деле является генуэзско-татарским аспром [*Tyszkiewicz 1875, № 6; Kicka 1882, s. 46–49; Gumowski 1920, s. 57–58, № 48*]. На монете видна круговая легенда латинскими буквами, вес монеты — 0.77 г, что характерно для чеканки генуэзско-татарских монет [*Ivanauskas, Balčius 1994, s. 81*].

На современном этапе известно несколько десятков золотоордынских и генуэзско-татарских монет с литовскими контрамарками, происходящих из 6 зафиксированных пунктов находок. Большинство находок с такими монетами концентрируется в бассейне Южного Буга и Днепра — на Подолье и юге Киевщины (г. Киев, с. Ключники и Старая Буда на Киевщине, Ярмолинцы, Строинцы и Лукашовка на Подолье), хотя они известны и в кладах Белоруссии и Молдовы (Турайск, Кугурешты). Причем, на десятки, сотни и тысячи монет большинства кладовых комплексов приходится одна или несколько с литовскими контрамарками [*Федоров-Давыдов 1960, с. 176, № 232, с. 186, № 319, с. 177, № 243; Маркевич, Полевой, Фин 1961, с. 75; Ivanauskas, Balčius 1994, s. 81*].

Kotlar 1975, s. 47, № 133, 137, s. 37, № 77, 79; Kiersnowski 1984, s. 171–173; Івакін, Козубовський 1996].

Несколько таких монет из неизвестных мест находок, опубликованные в работах по литовской нумизматике [*Gumowski 1920, tabl. III; Ivanauskas, Balčius 1994, s. 80–84; Karys 1959, s. 172*], хранятся в музейных и частных собраниях.

Сопутствующий таким монетам кладовый материал дает довольно широкую датировку, от первых десятилетий до 80-х гг. XV ст. Контрамаркированные колюмнами монеты встречаются вкладах с пражскими грошами Вацлава IV (1378–1419), золотордынскими, генуэзско-татарскими, гирейскими, молдавскими и венгерскими монетами. Зафиксированные весовые характеристики таких монет находятся в пределах от 0.71 до 1.12 г, что характерно для генуэзско-татарских и золотоордынских монет XV ст. [*Ivanauskas, Balčius 1994, s. 80–84; Івакін, Козубовський 1996, с. 294*].

Большинство исследователей контрамаркировку таких монет связывают с именем Витовта (1392–1430) [*Gumowski 1920, s. 56–60; Щекатихин 1933–1934, с. 115–116; Ильин 1941, с. 17; Котляр 1971, с. 80*], хотя существуют предположения о возможности контрамаркирования монет при Свидригайле (1430–1432, 1432–1439) и Казимире (1440–1492) [*Ivanauskas, Balčius 1994, s. 84; Івакін, Козубовський 1996, с. 297*].

Анализ топографии находок позволяет говорить, что такие монеты в основном предназначались для обращения (платежей?) в районах, где литовские монеты практически не зафиксированы [*Kiersnowski 1984, s. 166–173*]. В свое время М. Гумовский высказал предположение о том, что контрамаркировка осуществлялась на специальных приграничных таможенных пунктах, один из которых мог находиться в Каневе (одна из находок с такими монетами происходит из с. Ключники, вблизи Канева) [*Gumowski 1920, s. 56–60*]. Интересно, что Каневщина действительно является пока самым южным регионом, где зафиксированы литовские монеты типа “колюмны-копье с крестом” — практически единственного типа литовской монеты, распространенной на Украине.

Очевидно, контрамаркировка и золотоордынских, и генуэзско-татарских монет связана с одними и теми же процессами в Восточной Европе в XV ст. — расширением границ и сфер влияния Великого княжества Литовского на юге. Контрамар-

кировка золотоордынских и татарских монет отвечала как экономическим, так и политическим целям.

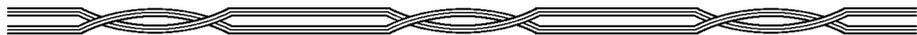
При значительном количестве находок с генуэзско-татарскими и золотоордынскими монетами на территории украинских земель Великого княжества Литовского, литовские контрамарки зафиксированы только на отдельных находках. Причем, генуэзско-татарские с литовскими контрамарками происходят из двух пунктов (Строинцы, Райковцы на Подолье) [Еманов 1995, с. 142; Івакін, Козубовський 1996, с. 290–298]. Хотя нельзя исключить, что часть известий о золотоордынских монетах с литовскими контрамарками относятся к генуэзским монетам.

Незначительное количество генуэзско-татарских и золотоордынских монет с литовскими контрамарками может объясняться кратковременным периодом контрамаркирования или даже скорее — разово проведенной акцией или акциями.

Следует отметить, что колюмны на золотоордынских и генуэзско-татарских монетах несколько отличаются. Большинство зафиксированных изображений колюмн на генуэзско-татарских монетах несколько меньше по размерам.

Рис. 1. 1–4 — Золотоордынские и генуэзско-татарские монеты с литовскими контрамарками (по М. Гумовскому); 5 — гирейская монета с контрамаркой (по М. Гумовскому); 6 — генуэзско-татарская монета с литовской контрамаркой (музей Народовый в Кракове, отд. нумизматики, № VII P. 5577); 7 — генуэзско-татарская монета с контрамаркой (по О.Ф. Ретовскому).

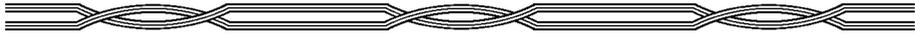

Характерной особенностью этих контрмарок являются 4 кружочка или кружочек, расположенные сверху или внутри центрального квадрата колюмн (рис. 1) [*Ivanauskas, Balčius 1994, s. 80, 91; Gumowski 1920, tabl. III, №№ 48–50*].

Примечательно, что на некоторых монетах (рис. 1: 6) центральный луч колюмны резко отодвинут влево, освобождая место для этих 4-х кружочков. Создается впечатление, что это отдельный символ, помещенный на контрамарке рядом с колюмнами. Интересно, что отдельная контрамарка в виде 4-х кружков встречается на генуэзско-татарских и ранних гирейских монетах (рис. 1: 7) [*Ретовский 1906, с. 46; Gumowski 1920, № 51; Козлов, Майко, Полканов, Шутов 2003, с. 121*]. Можно предположить, что эти 4 кружочка представляют собой знак союзного литовскому князю татарского (?) властителя. Наличие такой отдельной контрамарки на гирейской монете второй половины XV ст. (87(?) г.х.) [*Gumowski 1920, № 51*] свидетельствует о существовании этого символа и во второй половине XV ст.

Среди недавно опубликованных документов фонда “*Diversorum Filze*” секретного архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья, имеются документы из истории генуэзско-литовских отношений конца 20-х годов XV ст. [*Карпов 1998, с. 36–37*]. Так, в петиции Дарио Грилло Совету, правительству и старейшинам Генуи от 14.1.1443 г. отмечалось, что в 1430 г. Грилло в качестве посла Кафы отправился к великому князю Литовскому (*dux Russie*) Витовту, грозившему Кафе войной, так как прежний посол Кафы Баттиста Джентиле **обещал Витовту многое и, прежде всего, поднять над Кафой знамена Витовта и установить его гербы**, на что он не имел мандатов. По пути в Литву Дарио Грилло был ограблен татарским ханом. У него отняли товары, лошадей и деньги на сумму 300 соммов (2400 генуэзских лир). Специально собранный совет граждан и горожан Кафы постановил, чтобы власти Генуи определили способ компенсации, что и оговаривалось в следующем документе архива Генуи.

Из документа следует, что в период своего наивысшего могущества Витовт пытался в какой-то форме установить свой протекторат над Кафой. Среди основных атрибутов феодальной зависимости указывается установление знамен и гербов Витовта. И хотя в документе о монете ничего не говорится, признание феодальной зависимости не могло обойти вопрос о праве монетной регалии. Документ свидетельствует о попытке Витов-

та установить протекторат над Кафой, но в нем ничего не говорится о реальном осуществлении таких планов. Возможно, контрамаркированные монеты являются свидетельством этой или другой попытки установить экономический и политический контроль над Кафой.

Безусловно, среди многочисленных событий XV ст. поводов для осуществления подобного контрамаркирования могло быть несколько. Однако, считаю, что в последние годы жизни Витовта для этого были наибольшие предпосылки. Этому не противоречит как анализ самих монет, так и кладовых комплексов с такими монетами.

Нельзя исключить и контрамаркирование для одноразовых выплат вспомогательным или союзным татарским воинским подразделениям. Источники сохранили неоднократные упоминания как о “своих”, так и союзных Витовту татаррах [*Żdan 1930, s. 539*].

КУТРИГУРЫ И УТИГУРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Самыми “неуловимыми” племенами в археологии ранне-средневековых кочевников Восточной Европы по праву считаются кутригуры и утигуры. В отличие от различных мелких племенных образований, поиски археологических памятников которых обречены на неудачу вследствие неясности их локализации и кратковременность существования, кутригуры и утигуры оставили в истории VI в. довольно яркий след, который не мог не отразиться и в археологии. Но, несмотря на многолетние исследования, лауну между степными кочевническими памятниками гуннского времени и горизонтом Большой Токмак — Суханово 2-й пол. VI — нач. VII вв. [Комар 2002, с. 7] для Северного Причерноморья не удавалось заполнить; не решена эта проблема и в новейших исследованиях [Засецкая 1994; Айбабин 1999; Толочко 1999; Рашев 2000; Приходнюк 2001].

Попытка Р.С. Орлова соотнести с кутригурами погребения более позднего горизонта Сивашовки [Орлов 1985; Орлов, Рассамкин 1996] вступает в противоречие уже с письменными источниками. Позднее упоминание “котрагов” в хронике 1-й пол. VIII в., ставшей источником для исторических сочинений Феофана и Никифора, как мы уже аргументировали [Комар 2001, с. 143], является вариаций на тему легенды о происхождении болгар, записанной Прокопием Кессарийским (BG, IV, 5). Сам Прокопий, в свою очередь, смешивает легенды о появлении в Европе гуннов и киммерийцев, считая кутригуров и утигуров их потомками. На самом деле исторические ориентиры рассказа — упоминание о готах-тетракситах, отошедших после поражения гуннов при Недао на восток и поселившихся за Азиатским Боспором (могильник Абрау-Дюрсо) — однозначно датируют эпизод появления кутригуров и утигуров в Европе временем после 454 г. Первое упоминание болгар в контексте исторических событий принадлежит Иоанну Антиохийскому, который сообщает о использовании императором Зеноном болгар во время конфликта с остроготами. По мнению В.Т. Сиротенко, упоминание относится к событиям 479 г. [Сиротенко 1978, с. 199–201]. Поскольку Виктор Тонненский, современник нападения кутригуров на Византию в 559 г., четко называет нападавших “болгарами” (Bulgares) [Литаврин 1991, с. 269–

270], можно предполагать, что появившимися в Северном Причерноморье в конце 70-х гг. V в. булгарами были именно кутригуры. Использование византийцами болгар против германцев в Подунавье в конце V в. могло отражать проживание части кутригуров уже где-то рядом с Нижним Подунавьем. О частых нападениях кутригуров на византийские земли сообщает и Прокопий, но состоянием на 551 г. он все еще упоминает кутригуров, “которые жили тогда у Меотийского Болота” [*Прокопий Кессарийский 1996, с. 74*], т.е. походы в Подунавье, очевидно, совершались еще отсюда. Серьезное вторжение кутригуров 551 г. в византийские пределы закончилось разгромом основной части племени, оставшейся дома, вождем утигуров и союзником Юстиниана Садилхом. Пленные византийцы, “в числе многих десятков тысяч”, а также 2000 кутригуров во главе с Синнием, бежали от утигуров и перешли Дунай. Последним были выделены места для поселения во Фракии, что вызвало уже недовольство Сандилха.

Вероятно, опасаясь повторения такого эпизода, кутригуры были вынуждены изменить место жительства на более отдаленное от утигуров. Подтверждает переселение и ремарка Прокопия Кессарийского, который замечает, что “кутригуры, вызвав своих жен и детей, осели здесь [в Северном Причерноморье] и до моего еще времени жили на этих местах” [*Прокопий Кессарийский 1996, с. 23*]. Поскольку книга написана в 553 г., датировать переселение кутригуров следует 551/552 гг. Уже в 559 г. Агафий [*АН, V, 11*], рассказывая о новом вторжении кутригуров, свидетельствует: “Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно” [*Агафий Миринейский 1996, с. 185*]. Упоминание “спустились на юг”, вероятно, указывает на Пруто-Днестровское междуречье или районы Румынии, граничащие с Нижней Мезией, откуда кутригуры в 559 г. спустились к Дунаю и зимой перешли его. Вынужденный опять выручать империю, Сандилх сначала напал на тылы кутригуров, а потом встретил возле переправы через Дунай основную часть войск Забергана и разгромил их [*АН, V, 24*]. При этом легкость, с которой Сандилх прошел все Северное Причерноморье и достиг Дуная, создает впечатление полного запустения региона.

Менандр передает продолжение событий: постоянно подстрекаемый Юстинианом к полному уничтожению кутригуров,

---

Сандилх, для успокоения императора, пообещал отнять у кутригуров коней, что, учитывая их жизненную важность для кочевника, не прошло бы мирно и означало начало нового конфликта. Современник событий — Агафий — красноречиво резюмирует (Кн. V, 25): “И затем в течение долгого времени [они] были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами” [*Агафий Миринейский 1996, с. 206*].

Кутригуро-утигурская усобица действительно продолжалась недолго и закончилась плачевно для обоих племен, поскольку Византия решила использовать для их нейтрализации появившихся с востока на Северном Кавказе вархонитов (авар). Получив подарки от Юстиниана, авары в 560 г. развязали войну сначала с утигурами, а потом с залами и сабирами [*Дестунис 1860, с. 323–324*]. Но закрепиться здесь, как свидетельствует Монемвасийская хроника со ссылкой на современника событий Евагрия, аварам не удалось из-за конфликта с появившимися следом за ними тюрками [*Литаврин 1995, с. 328*]. Получив на поселение земли Малой Скифии, авары в 561 г. подчинили кутригуров и часть окрестных славян, а затем, нарушив условия договора с византийцами, развязали войну уже с ними, надолго превратившись в злейшего врага империи. В 567–568 гг. авары завоевали Паннонию, где и создали новый каганат.

Последнее историческое упоминание кутригуров относится к 568 г. и касается уже истории их пребывания вместе с аварами в Паннонии. Согласно Менандру, каган авар Баян заявил византийским послам: “Я таких людей нашла на землю римскую, которых потеря не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли”, после чего был отдан приказ о вторжении 10 тысячам кутригуров. Чуть позже Баян требовал “обычных денег, которые кутригуры и утигуры получали от царя Юстиниана, потому что Баян уничтожил оба эти племени” [*Дестунис 1860, с. 391–392*]. Последнее, разумеется, не более, чем преувеличение. Утигуры снова упоминаются Менандром в контексте событий 576 г. Они не были уничтожены, а попали под власть Тюркского каганата. Также не были совсем уничто-

---

жены и кутригуры, которые просто перестают упоминаться источниками под своим племенным именем. Булгары в составе Аварского каганата упоминаются Феофилактом Симокаттой под 595 г. (Кн. VII, IV, 1–7) [*Феофилакт Симокатта 1996, с. 182–183*] и в “Хронике Фредегара” под 631/632 гг. [*Ронин 1995, с. 371*]; позже, в 80-х гг. VII в. они еще раз напоминают о себе восстанием Кувера [*Иванова 1995, с. 169–171*]. Но речь идет уже потомках кутригуров, проживающих в Паннонии, а не в Нижнем Подунавье или Северном Причерноморье, поэтому предполагать, что часть кутригуров могла остаться на своих землях и оставаться там до VII в., “не замеченной” письменными источниками, оснований нет.

Таким образом, время пребывания кутригуров в Северном Причерноморье ограничивается периодом 479–552 гг.; еще некоторое время в период 552–568 гг. кутригуры оставались в Нижнем Подунавье. Их численность не совсем ясна. Греческие источники упоминают только о количестве войск, бравших участие в набегах: 551 г. — 12000; 559 г. — основная часть войск Забергана составляла 7000, плюс были два более мелкие отряда; 568 г. — 10000 воинов. Если доверять этим цифрам, то речь идет о племенном объединении минимум в 10 тысяч семей. Элемент эмоционального преувеличения греками численности варварских войск, несомненно, надо учитывать, но даже сокращение полученной цифры позволяет говорить минимум о 30–50 тысячах населения, которое за 80 лет своей истории не могло не оставить археологических следов.

Отсутствие заметного массива кочевнических погребений конца V — 1-й пол. VI в. в степном Северном Причерноморье никак не согласуется с данными письменных источников. Кардинального пересмотра требуют или общеисторические представления о рассматриваемом периоде, или же представления о характере материальной культуры кутригуров.

Именно к последнему варианту объяснения и склонился в свое время М.И. Артамонов, предложив искать памятники кутригуров не в степной, а в лесостепной зоне. Объединив в один культурный массив памятники “культуры реберчатой керамики” (т.е. пеньковской) и Пастырского городища, исследователь соотнес их с тюркизированным иранским населением, которым, по его мнению, и были кутригуры [*Артамонов 1969; 1970; 1974*]. Эти идеи были взяты на вооружение Л.М. Рутковской, пытав-

---

шейся доказать постоянную оседлость кочевников в Среднем Поднепровье в IV — VIII вв. [Рутківська 1973; 1974; 1986]. Также вариации концепции “пастырской культуры” развивали Д. Димитров [Димитров 1987], И.А. Баранов, В.В. Майко [Баранов, Майко 1994; 1995; Майко 1997], Р. Рашев [Рашев 1993; 2000], Ю. Шевченко [Шевченко 2000] и др.

Идеи “кочевнической” принадлежности пеньковской культуры и Пастырского городища встретили резкую и обоснованную критику со стороны археологов-славистов [Третьяков 1971; Горюнов 1973; Приходнюк 1978; 1980; 1998; 2001; Горюнова, Щеглова 1998; Любичев 1999]. Еще более резкую оценку они, пожалуй, заслуживают с точки зренияномадиста, поскольку поиски абстрактных “кочевнических элементов” на славянских памятниках велись совершенно без учета культуры собственно номадов, которым просто приписывались все атипичные элементы южного ареала культуры славян, даже полностью противоречащие самому принципу кочевого быта. Так, например, “кочевническими” объявлены три прямоугольных наземных пеньковских сооружения с каменным фундаментом из Майорки и Игрень-Подковы [Горюнов 1973, с. 109; Майко 1997, с. 37; Приходнюк 1998, с. 16, 27, 68], причем, остается загадкой не только принцип их соотношения с кочевниками, но и с салтовской культурой, в которой наземные каменные дома использовались только на городских поселениях Восточного Приазовья и Крыма VIII — IX вв. и имели характерную кавказскую кладку “в елочку”, ни намек на которую нет в рассматриваемых пеньковских домах. Вызывает возражения и определение как “юртообразных” углубленных в землю на 1.1 и 1.6 м соответственно, овальных полуземлянок из Осиповки и Богатого, поскольку форма котлована не является достаточным основанием для сравнения их с легкими наземными каркасно-тентовыми сооружениями кочевников, называемых “юртами”. И даже если атипичность формы овальных пеньковских сооружений действительно определяется каким-то кочевническим влиянием, статистика показывает его малозначимость в целом по культуре, где из 125 известных жилищ только 4 (3%) подозреваются в “юртообразности”. Чуть “лучше” ситуация в погребальном обряде, где на 46 кремаций приходится 5 ингумаций с пеньковским инвентарем (т.е. 10%). Дело в том, что обнаружение небольших и малоинвентарных кремационных пеньковских мо-

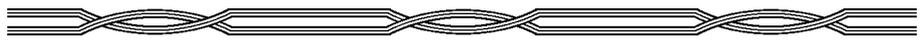

гильников сопряжено с огромными сложностями, которые и определяют слабую изученность пеньковского погребального обряда. Четыре ингумации (п. 280 Данчен, п. 59 Селиште, Балаклея, Мохнач) уверенно датируются 2-й пол. VII в.; более раннее погребение VI в. из Любовки. Поскольку все рассматриваемые ингумации по инвентарю определяются как женские, их появление, скорее всего, объясняется тривиальными экзогамными браками между славянами и их соседями, в т.ч., возможно, и кочевниками [Синица 1999, с. 109]. Большинство случаев, когда мы имеем выход на дату таких контактов, указывают на 2-ю пол. VII в., т.е. на заключительный период существования пеньковской культуры. Следовательно, славянские памятники не могут ничем помочь нам в поиске следов материальной культуры кутригуров, но сама идея М.И. Артамонова о необходимости анализа памятников, находящихся в современной лесостепной зоне, как мы увидим ниже, оказывается плодотворной.

Лесостепные ингумации кутригурского времени впервые были выделены Е.Л. Гороховским. К названному им “гунно-болгарским” периоду (450/460–550/560 гг.) исследователь отнес п. 1 к. 6 Лихачевки, п. 4 Сада (Сумы), п. 3 к. 3 Ново-Подкряжа, п. 7 кургана из Старой Сараты, п. 1 к. 27 Подклетного, п. 4 Животино и случайную находку из Константинограда (Краснограда) [Гороховский 1988, с. 93, 176–177, 316–318; Gorokhovskiy 1992, p. 147]. Е.Л. Гороховский не рассмотрел ни погребальный обряд, ни этнокультурную принадлежность, ни историческую интерпретацию группы, ограничившись лишь более чем лаконичным определением абсолютной даты ременных деталей из комплексов, но, тем не менее, само обращение внимания номадистов на данную группу погребений, относимых раньше к сарматскому времени, является несомненной заслугой исследователя.

Детальнее обратился к группе лесостепных ингумаций конца V — VI вв. И.О. Гавритухин [Гавритухин 2003], но им этнокультурный и исторический контекст кочевнических погребений специально не рассматривался.

Не все упомянутые погребения действительно относятся к интересующему нас периоду. Погребение 1 к. 27 Подклетного узко не датируется, но сережка с несомкнутыми концами [Медведев 1990, рис. 5: 1] все же относит его к сарматскому времени. Другое погребение — п. 4 могильника Сад (Сумы) —

М.М. Казанский считает черняховским конца IV — нач. V вв. [Kazanski 1992, s. 193], но слишком большое отклонение на ориентировки восток, а также перекрытие им черняховского погребения с западной ориентировкой, относящегося к поздней группе могильника, позволяет нам считать погребение все же более поздним кочевническим [Комар 2000, с. 20]. Сережка с полиэдром, поставленным “на ребро”, из сумского погребения [Некрасова, 1985, рис. 3: 11] находит ближайшие аналогии в п. 31 Чаквара нач. V в. [Шаломон, Баркоци 1982, рис. 6] и погребениях Ботошан рубежа IV — V вв. [Kazanski 1992, fig. 10, 29, 42]. Точных аналогий сумской пряжке нет, но 2-ю пол. V в. для них следует сразу исключить, поскольку пряжки с узким пластинчатым язычком этого периода [Tejral 1995, abb. 18–20] имеют характерную сегментовидную форму рамки, а не овальную. Отдаленными аналогиями могут считаться пряжки VII в. из п. 9 керченского склепа 78. 1907 [Kazanski 1996, fig. 9: 7, 8] и пряжки этого же времени с плоскими рамками из с. 10 Лучистого [Айбабин 1994, рис. 10: 3, 4]. Впрочем, пряжки похожей формы с плоскими рамками известны и в комплексах гуннского времени: Марфовке [Марти 1926, рис. 25], Каменной Могиле [Михайлов 1993, рис. 2: 2].

На наш взгляд, погребение из Сада все же принадлежит к пока еще немногочисленной и немного разнородной группе погребений начала V в. [Комар 2000, с. 20, 21]. Косвенно это подтверждается и отличием погребального обряда и инвентаря от территориально ближайшего погребения из Лихачевки, что было бы странно в случае их хронологической близости.

Лихачевское погребение раскопано И.А. Зарецким еще в 1887 г. возле с. Лихачевки Богодуховского уезда Харьковской губернии (рис. 1: 6) [Зарецкий 1888, с. 241–242] (в настоящее время полная публикация погребения подготовлена А.М. Обломским, которому мы признательны за дополнительную информацию). Погребение впущено в курган № 6, сооруженный в скифское время. Обнаружено на глубине 3 аршина (2.13 м) от современной поверхности, на аршин (0.71 м) выше от основного скифского погребения, что, при стандартной глубине скифских могил, позволяет констатировать небольшую высоту кургана (около метра). Скелет, ориентированный головой на северо-восток, лежал вытянутым на спине; полностью истлел.

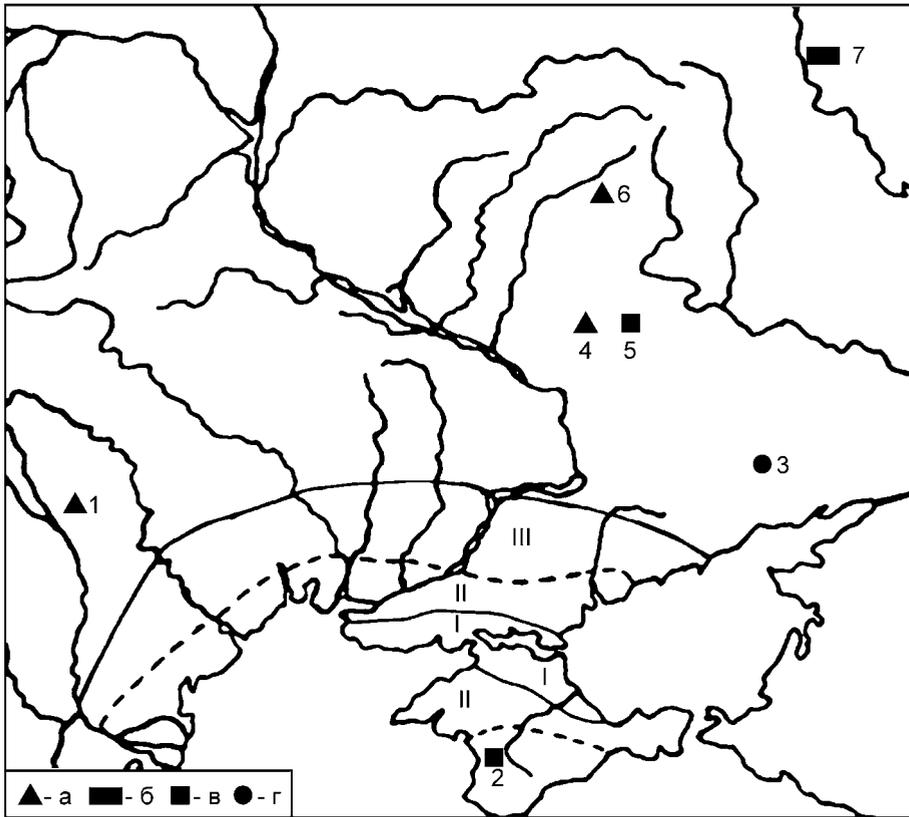

Рис. 1. Памятники кочевников конца V — 1-й половины VI вв.: а — подкурганные погребения; б — бескурганные погребения; в — разрушенные погребения; г — клады. 1 — Старая Сарата; 2 — Сахарная Головка; 3 — Белояровка; 4 — Ново-Подкряж; 5 — Константиноград; 6 — Лихачевка; 7 — Животино; I — полупустыни; II — южная подзона степи; III — центральная подзона степи.

Сохранившаяся копия отчета И.А. Зарецкого, обнаруженная А.М. Обломским, дает другую информацию об ориентировке — северо-запад, но в этой ситуации больше доверия вызывают все же данные прижизненной публикации. Согласно И.А. Зарецкому, покойник находился в “берестяной лодочке”, но, судя по состоянию сохранности скелета, *in situ* были зафиксированы только фрагменты бересты под и над трухой скелета, которые исследователь и интерпретировал как остатки “лодки”. В слое насыпи над погребением отмечены угольки, конские зубы, фрагменты керамики и “куски дуба”. Инвентарь погребения позволяет считать его женским. В области шеи находилось ожерелье из около 30 бусин темно-вишневого цвета; возле головы найдены две золотые калачиковидные сережки (рис. 3: 20,

21), а возле правой руки находился предмет из дубовой доски, обтянутый кожей, от которого сохранились две серебряные пряжки (рис. 3: 6, 7) и два кольца с тремя зажимами (рис. 3: 13, 14). Возле головы располагался лепной горшок с просом (рис. 4: 2).

Еще глубже в лесостепи (рис. 1: 7) расположено п. 4 Животинного могильника (Рамонский р-н Воронежской обл.) [Медведев 1990, с. 73–75]. Погребение бескурганное, совершено в узкой подпрямоугольной яме со скругленными углами (рис. 2: 2). Покойник лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток. В головах располагался серолощенный кувшин (рис. 4: 3); слева лежали железный меч и кинжал (рис. 2: 3, 10); возле правого колена — кость животного с воткнутым в нее ножом, а возле правой кисти — железное кресало с кремнем (рис. 2: 14). Остатки одежды представлены шестью пряжками, обоймами и бронзовыми заклепками (рис. 2: 13; 3: 1, 4, 5, 8, 11, 12, 15). Погребение датировано А.П. Медведевым III — IV вв. [Медведев 1990, с. 76–77]; более позднюю дату, кроме Е.Л. Гороховского, предлагают А.М. Обломский [Обломский 1999, с. 159] и И.О. Гавритухин [Гавритухин 2003]. Остальные погребения могильника резко отличны по обряду и, по браслету из п. 5 [Медведев 1990, рис. 29: 16], относятся к сарматским I — III вв. н.э. [Высотская 1994, рис. 33, IX; табл. 6: 37].

Погребение из к. 3 Ново-Подкряжа (Царичанский р-н. Днепропетровской обл.) расположено уже в степных условиях (рис. 1: 4), но в паре десятков километров на север начинается уже зона лесостепи и ареал пеньковской культуры (ближайшее поселение — Лысковка [Приходнюк 1998, с. 157]). Раннесредневековое п. 3 совершено в кургане ямного времени и отнесено В.И. Костенком при публикации к сарматским III в. [Костенко 1977, с. 121; Костенко 1986, с. 53]. Контуры могильной ямы не прослежены; скелет лежал вытянуто на спине головой на северо-восток; руки вытянуты, кисти расположены у таза; стопы ног разведены в разные стороны (рис. 2: 1). Слева от черепа располагался развал лепного горшка (рис. 4: 1), возле пяток найдены две бронзовые пряжки (рис. 3: 9, 10) [Костенко 1977, с. 121].

Очевидно, к этой же группе кочевников должен принадлежать комплекс из Константинограда (Краснограда), обнаруженный несколько севернее р. Орель [Рудинский 1928, с. 51, табл. VIII, 27–29]. Он состоит из двух пряжек и ремennого наконечника (рис. 3: 2, 3, 23) и, скорее всего, происходит из разрушенного погребения по обряду ингумации.

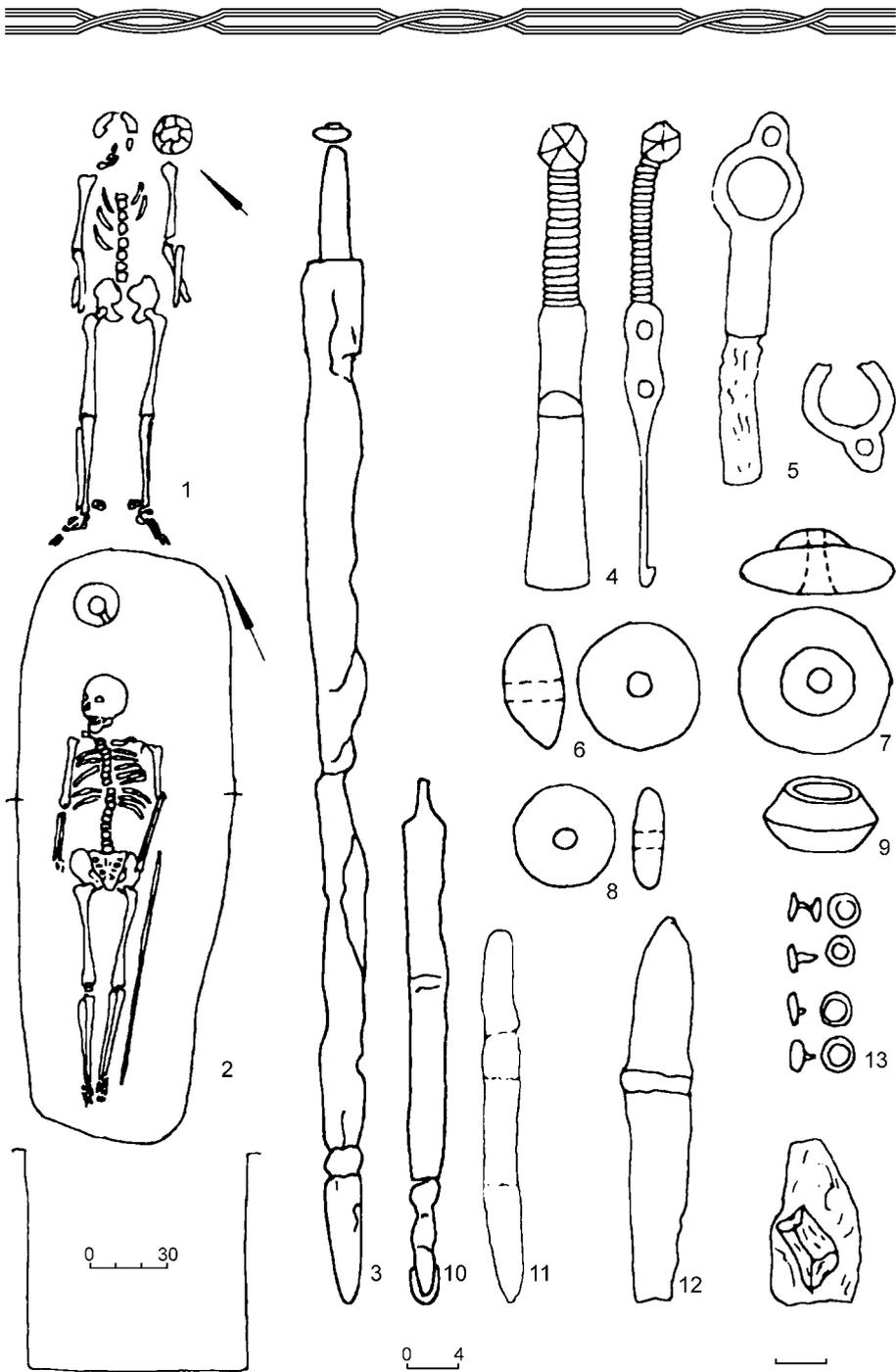
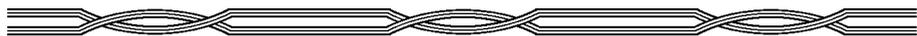

Рис. 2. Материалы погребений кочевников 1-й половины VI в.: 1 — Ново-Подкряж; 2, 3, 7, 10, 11, 13, 14 — Животино; 4, 5 — Сахарная Головка; 6, 8, 9, 12 — Старая Сарата.

Единственным комплексом, расположенным непосредственно в степном Северном Приазовье (рис. 1: 3) — зоне расселения кутригуров по письменным источникам, является не погребение, а монетный клад солидов Юстиниана I 546–547 гг. чеканки, обнаруженный возле с. Белояровка (Амвросиевский р-н Донецкой обл.) [Кропоткин 1962, с. 36; ОАК за 1913–1915 г., с. 204].

Все солиды принадлежат к одному типу “легких” двадцатикратных монет, чеканившихся специально для выплат варварам [Семенов 1991, с. 124]. “Легкий” солид Юстиниана найден и на Дону, в Цимле; монеты Юстиниана в степной зоне также обнаружены в Луганске, в с. Кичкас (Запорожский р-н) и вблизи с. Вилково (Кикийский р-н Одесской обл.) [Кропоткин 1962, с. 31, 35, 48]. Нет сомнений, что появление белояровского клада прямо связано с событиями кутригуро-утигурской усобицы 551 г.

Следующее погребение расположено уже в другом регионе поиска памятников кутригуров — в Пруто-Днестровском междуречье (рис. 1: 1). Погребение 7 распаханного кургана около с. Старая Сарата (Фалештский р-н Молдовы) датировано Г.П. Сергеевым и В.И. Гросу сарматским временем [Сергеев 1961, с. 133; Гросу 1990, с. 93, 94], М.М. Казанским — 1-й пол. V в. [Kazanski 1992, s. 204], Е.Л. Гороховским 2-й пол. V — 1-й пол. VI в. [Gorokhovskiy 1992, p. 147].

Погребение принадлежало женщине возраста около 30 лет. Она была положена в узкую яму овальной формы, в вытянутой на спине позе со сложенными на тазу руками. Ориентировано на север; череп имеет следы искусственной деформации. Возле правого виска располагалась сломанная медная сережка (рис. 3: 19), в области шеи — две крупные янтарные бусины, еще одна бусина обнаружена в районе таза (рис. 2: 6, 8). На бедрах отмечены остатки ремня с круглым железным кольцом вместо пряжки; к нему, очевидно, был привешен железный нож с деревянной рукояткой (рис. 2: 12). На правой стопе найдена бронзовая пряжка (рис. 3: 17), а в головах — пряслице (рис. 2: 9).

Наиболее многочисленной категорией инвентаря рассмотренной группы являются пряжки, которые одновременно выступают наиболее выразительным хронологическим индикатором.

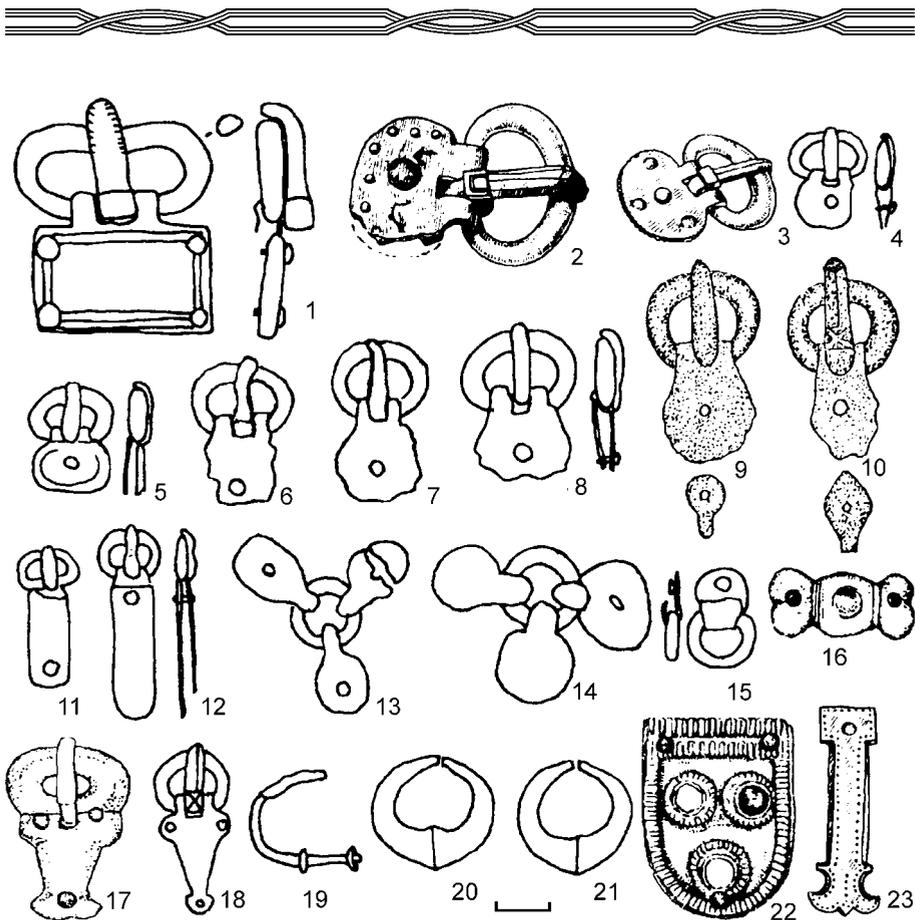

Рис. 3. Украшения и ременные детали кочевников 1-й половины VI в.: 1, 4, 5, 8, 11, 12, 15 — Животино; 2, 3, 23 — Константиноград; 6, 7, 13, 14, 20, 21 — Лихачевка; 9, 10 — Ново-Подкряж; 16, 17, 22 — Сахарная Головка; 18, 19 — Старая Сарата.

Поясные пряжки отмечены только в Животино и Старой Сарате. Последняя — это круглая безязычковая пряжка, не имеющая аналогий в других комплексах группы. Круглое железное кольцо отмечено в области таза и в бескурганном п. 48 Селиште [Рафалович, Лапушнян 1974, с. 137–138], но оно сочеталось с бронзовой византийской пряжкой 2-й пол. VI — 1-й пол. VII вв. [Айбабин 1990, с. 40–41; рис. 38: 2–4], дата которой по плоскому язычку с площадкой-выступом на заднем конце может быть сужена до 2-й пол. VI в.

Поясная пряжка из п. 5 Животино сложнее — она состоит из овальной рамки В-образного контура, массивного бронзового язычка с площадкой на заднем конце и серебряной прямоугольной обоймы с четырьмя заклепками по углам (рис. 3: 1). В общих чертах ближайшей аналогией ей является пряжка из п.

291 Дюрсо этапа 2 по А.В. Дмитриеву [Дмитриев 1982, рис. 5: 39], но овальная рамка В-образного контура напоминает также византийские пряжки варианта 5 по А.И. Айбабину 2-й пол. V — 1-й пол. VI вв. [Айбабин 1990, с. 37; рис. 37: 1, 2]. Пряжку близкой формы с В-образной рамкой, но инкрустированным щитком, можно отметить также в п. 2 Мирного-2 [Казанский, Мастыкова 2001, рис. 6: 5].

Остальные пряжки использовались для различных узких ремешков обуви, портупей и т.п. Рамки преимущественно однотипные — они имеют овальную форму и почти равномерную толщину (рис. 3: 2–12, 18). Это обычные признаки пряжек конца V — 1-й пол. VI вв., но сама форма рамок (широкий овал) отличается от характерных для крымских пряжек этого периода вытянутоовальных рамок [Айбабин 1990, рис. 37: 13–16, 18–22; 1999, рис. 21: 5, 8, 9, 12]. По форме они близки также к рамкам пряжек гуннского времени из керченских склепов 145, 24/6/1904 [Засецкая 1993, табл. 13, 26, 30; 26, 103, 105, 113, 114], могил VIII и IX Новогригорьевки [Засецкая 1975, с. 65, 66], но рамки “гуннских” пряжек гораздо сильнее утолщены на переднем конце. Близкие рамки на пряжках VI в. можно отметить в с. 11/1989 Черной Речки [Айбабин 1999, рис. 21: 10] и в погребениях могильника Дюрсо этапов 2–3 [Дмитриев 1982, рис. 5: 41; рис. 6: 65].

Язычки пряжек узкие, плотно прилегают к рамкам и иногда имеют продольную огранку и площадки-выступы на заднем конце (рис. 3: 2, 3, 10, 18), которые у пряжек из Ново-Подкряжа и Старой Сараты дополнительно декорированы косыми крестами. Такие язычки типичны для погребений Дюрсо этапов 2–3. Также распространены легкие узкие плоские язычки, иногда с небольшой площадкой на заднем конце (рис. 3: 4–8, 11, 12). Большее разнообразие проявляют щитки. Подкруглые щитки-обоймы, крепившиеся к ремню одним штифтом, характерны для пряжек гуннского времени [Комар 2000, рис. 1: 7, 8, 15–17, 30–32, 36–40], но рассматриваемые не столь правильной формы и, к тому же, преимущественно деформированы или обломаны (рис. 3: 4, 7–10). Т.е. речь идет о сохранении определенной традиции гуннского времени, но щитки уже выполнялись гораздо грубее. Щитки пряжек из Ново-Подкряжа крепились к ремню одной заклепкой, которая с внешней стороны ремня пропускалась сквозь фигурную шайбу (рис. 3: 9, 10); похожие шайбы от-

мечены и на пряжке из Старой Сараты. Животинская пряжка (рис. 3: 5) имеет подовальный щиток, характерный для крымских пряжек 1-й пол. VI в. [Айбабин 1990, рис. 37: 18–21; 1999, рис. 21: 5, 9, 12]. А вот подвижный подтреугольный щиток с тремя выступами для штифтов из Старой Сараты ближайшие аналогии находит в Новом Шальдорфе [Werner 1962, taf. 57: 10], п. 259 Дюрсо; похожий неподвижный щиток имели пряжки з п. 410 Дюрсо [Дмитриев 1982, рис. 5: 12; 8: 5] и Тырнауза-1 [Абрамова 1997, рис. 47: 2]. Три последних погребения принадлежат к горизонту Дюрсо 3, немного шире (VI в.) датирована пряжка из Нового Шальдорфа, а намного более крупная пряжка из с. 482 Скалистого [Веймарн, Айбабин 1993, рис. 89: 5] относится к VII в. М.М. Казанский обратил внимание также на похожую пряжку из погребения в Сент-Риме [Böhme 1974, abb. 43, 3], датированном самим Х.В. Беме 2-й пол. V — 1-й пол. VI вв., но передатированным исследователем 1-й пол. V в. [Kazanski 1992, s. 204]. Все это свидетельствует только о широком диапазоне бытования щитков данного типа, дату же самого погребения из Старой Сараты определяет серьга (рис. 3: 19), не известная в комплексах ранее 2-й пол. V в. Довольно оригинальны удлиненные узкие щитки двух животинских пряжек (рис. 3: 11, 12) — они напоминают пряжки из к. 1 Кантемировка конца IV в. [Рудинский 1930, табл. II, 3, 5], а также пряжку из Орошазы, отнесенную Д. Чалланем к гепидским древностям [Csallany 1961, taf. CXCI, 3].

Пряжки из Константинограда (рис. 3: 2, 3) несколько крупнее, чем рассмотренные выше пряжки дополнительных ремешков, поэтому большую пряжку можно считать поясной. Е.Л. Гороховский отдельно выделил их в тип Красноград-Смолин-Дюрсо и датировал сер. V — 1-й пол. VI вв. [Гороховский 1988, с. 93, 317, 318]. Их рамки и язычки в целом однотипны. Рамки широкой овальной формы, утолщены на переднем конце. Язычки граненые, плотно прилегают к рамке; на заднем конце имеют выступ-площадку, на переднем — декорированы поперечными насечками. Щитки также одинаковой овальной формы, но декорированы различно. Щиток большей пряжки украшен по контуру небольшими круглыми выступами, нанесенными ударами пунсона с внутренней стороны (рис. 3: 2). У пряжки поменьше щиток имеет зубчатый край (рис. 3: 3). Аналогии к пряжкам Е.Л. Гороховским подобраны только общие, дату же комплекса

только общие, дату же комплекса следует сузить. Погребение XXXII Смолина действительно принадлежит к переходному этапу D2/D3 (454–480 гг.), но пряжки и фибулы из него только маркируют появление стиля, принесенного в Восточное Причерноморье готами-тетракситами. Щиток маленькой смолинской пряжки [Tejral 1988, *abb.* 43, 1] имеет зубчатый край и очень похож на один из константиноградских, но рамка пряжки массивнее, также полностью отличается и язычок (широкий, с насечками на заднем конце). Рамка другой смолинской пряжки [Tejral 1988, *abb.* 35, 6] наоборот тоньше; щиток не овальный, а круглой формы; по его контуру расположены не декоративные выступы, а заклепки; язычок же зооморфный. Близкая в общих чертах константиноградской пряжка происходит из п. 159 Лувра [Huet 1995, *fig.* 2, 2], сопровождавшегося монетой Валентиана III и относящегося к горизонту Турне [Vallet 1997, *p.* 219–238], но у нее широкий инкрустированный язычок. Еще ближе пряжка из Нового Шальдорфа [Werner 1962, *taf.* 57: 29]. В Дюрсо аналогий точных аналогий на самом деле нет. По форме рамки и щитка можно отметить пряжку из п. 291 [Дмитриев 1982, *рис.* 5: 41]. Язычок у нее также граненый, но резко прогнут в традициях язычков пряжек этапа Дюрсо 1 [Дмитриев 1982, *рис.* 9: 5a]. Овальный щиток с пунсонным орнаментом по контуру имеет пряжка из п. 259 [Дмитриев 1982, *рис.* 5: 13], но у нее В-образная рамка. Щиток пряжки из п. 410 [Дмитриев 1982, *рис.* 8: 2] имеет зубчатый край; язычок также граненый и имеет площадку-выступ, но рамка более вытянутой формы. Впрочем, несмотря на отсутствие полностью аналогичных экземпляров, следует констатировать, что форма, декор и технологические приемы оформления рамок, язычков и щитков константиноградских пряжек находят прямые аналогии в комплексах могильника Дюрсо этапов 2–3.

Наконечник из Константинограда (*рис.* 3: 13) является поздним дериватом прорезных наконечников V в. [Fettich 1953, *pl.* 30, 9, 10; Голдина 1986, *табл.* 11, 29, 30; Голдина, Водолаго 1990, *табл.* XXXIII, 14–16; Гмыря 2001, *рис.* 1: 33, 34; 2: 2, 3], оформление же его конца напоминает щитки пряжек с рыбьими хвостами [Дмитриев 1982, *рис.* 5: 12], характерных для этапа Дюрсо 3.

Остальной инвентарь, по причинам крайне небольшой выборки, представлен в основном единичными экземплярами.

На правой руке скелета в Лихачевке располагался деревянный, обтянутый кожей предмет, от которого остались пряжки и два кольца с обоймами (рис. 3: 6, 7, 13, 14). Его предназначение не совсем понятно, но полностью аналогичный набор найден также возле правой руки в п. 44 Коминтерновского могильника (Среднее Поволжье) [Казаков 1998, рис. 34: 4, 6, 7]. По форме деталей лихачевским ближе такой же набор из двух колец с тремя и четырьмя обоймами из п. 141 Безводнинского могильника [Краснов 1980, рис. 41: 10, 13], а также наборы 1-й пол. V в. из с. 88 Лучистого [Айбабин, Хайрединова 1997, рис. 21: 10, 11] и погребения из Поднепровья [Fettich 1953, pl. 30, 11, 12]. В коминтерновском п. 8 найдена аналогичная лихачевским (рис. 3: 20, 21) калачиковидная сережка с ребристым утолщением посередине [Казаков 1998, рис. 13: 8]. Таких сережек много в погребениях джетысарской культуры Восточного Приаралья [Левина 1996, рис. 144: 8–19, 27–35; ил. 43, 6]. Сережка из Старой Сараты (рис. 3: 19) по схеме напоминает европейские серьги V — VII вв. с полиэдрами на концах, а, точнее, их ажурный вариант [Fettich 1953, pl. XX, 4; Ivanilievii, Kazanski 2002, pl. 8, 55; 2, 3]. Поскольку в нашем случае бусина на концах, как в Яношиде [Tejral 1988, abb. 41, 9, 11] и п. 59 Сентеш-Кекеницуг [Csallany 1961, taf. XIV, 11], не сохранилась, о ее характере судить сложно. В принципе, это могла быть и бусина из стекла или жемчуга, как на экземпляре VII в. из п. 228 Дюрсо [Дмитриев 1982, рис. 12: 6] или серьге VI в. из п. 9 Варпалотты [Werner 1962, taf. 3: 16], но на них нет напаянных дисковидных ограничителей. Обычные бусы ожерелья отмечены только в Лихачевке и Старой Сарате. В Лихачевке это однотипные янтарные бусы бочковидной формы, в Старой Сарате же речь идет о крупных янтарных бусах-подвесках: плоских и полуколической (рис. 2: 6, 8).

Вооружение отмечено только в п. 4 Животино. Железный двулезвийный меч (рис. 2: 3) имеет длину 1 м. Он близок к позднесарматским и раннегуннским мечам, но, одновременно, и к мечам конца V — VI вв. [Csallany 1961, taf. LXXXIX; CCLXXVI]. Деталью, которая также сближает животинский меч с экземплярами позднесарматского и гуннского времени, является янтарное навершие с бронзовой заклепкой (рис. 2: 7). До IV в. такие навершия были характерны только для сарматских мечей [Максименко, Безуглов 1987, рис. 4: 2], а в V в. они становятся распространенным типом во всей Европе [Werner

новятся распространенным типом во всей Европе [Werner 1956, taf. 16: 6a; 18: 2; 21; 42: 4; 50; 56: 7; abb. 2, 2]. Наиболее близкий к животинскому меч без перекрестья с янтарным навершием был в п. 63 Кляйн-Хюнигена (Швейцария) [Werner 1956, taf. 20: 1] 1-й пол. VI в. В этом же погребении находился и крупный кинжал длиной около 50 см [Werner 1956, taf. 20: 5], аналогичный кинжалу из Животино (длина 44 см.) (рис. 2: 10). Ножны обоих кинжалов оканчиваются металлической U-образной обкладкой (рис. 2: 10) [Werner 1956, taf. 20: 5a], характерной для ножен 2-й пол. V — VI вв. Такой же кинжал можно отметить и в гепидском п. 32 Сентеш-Надьхедь [Csallany 1961, taf. XXX, 16], в котором находился и набор аналогичных животинским бронзовых декоративных заклепок (рис. 2: 13) [Csallany 1961, taf. XXX, 1–10].

Бытовые предметы представлены посудой, ножами и пряслицем. Нож из Старой Сараты (рис. 2: 12) принадлежит к типу, хорошо репрезентированному в кочевнических погребениях VII в. А вот животинский нож длиной 24 см (рис. 2: 11) гораздо крупнее — в комплексах VII в. ножи такого размера относятся уже к боевым. Единственное сероглиняное пряслице из Старой Сараты (рис. 2: 9) имеет биконическую форму с вдавленными сторонами. Этот тип очень распространен в оседлых культурах, в т.ч. и синхронных славянских, но аналогий в кочевнических комплексах ближайших хронологических срезов не имеет. Поскольку орудия труда вообще крайне редки в раннесредневековых кочевнических погребениях, судить о закономерности нахождения данного предмета в погребении кочевницы крайне сложно.

Посуда группы состоит из гончарного кувшина и двух лепных горшков. Серолощенный кувшин из Животино (рис. 4: 3), несомненно, принадлежит к кавказской традиции. Отдаленными параллелями можно считать кувшин из п. 408 Дюрсо [Дмитриев 1982, рис. 6: 54], а также гораздо более поздние кувшины болгар VIII — X вв. [Fiedler 1992, abb. 29, FVI/1, FII/2]; ближайшие же аналогии, по мнению А.М. Обломского и И.О. Гавритухина, найдены в могильнике Бжид (возле Туапсе) [Гавритухин 2003]. Горшок из новоподрязжского погребения (рис. 4: 1) лепной, в тесте отмечена большая примесь песка. Он резко профилирован, имеет четко выделенную высокую шейку и резко отогнутый наружу венчик, декорированный насечками.

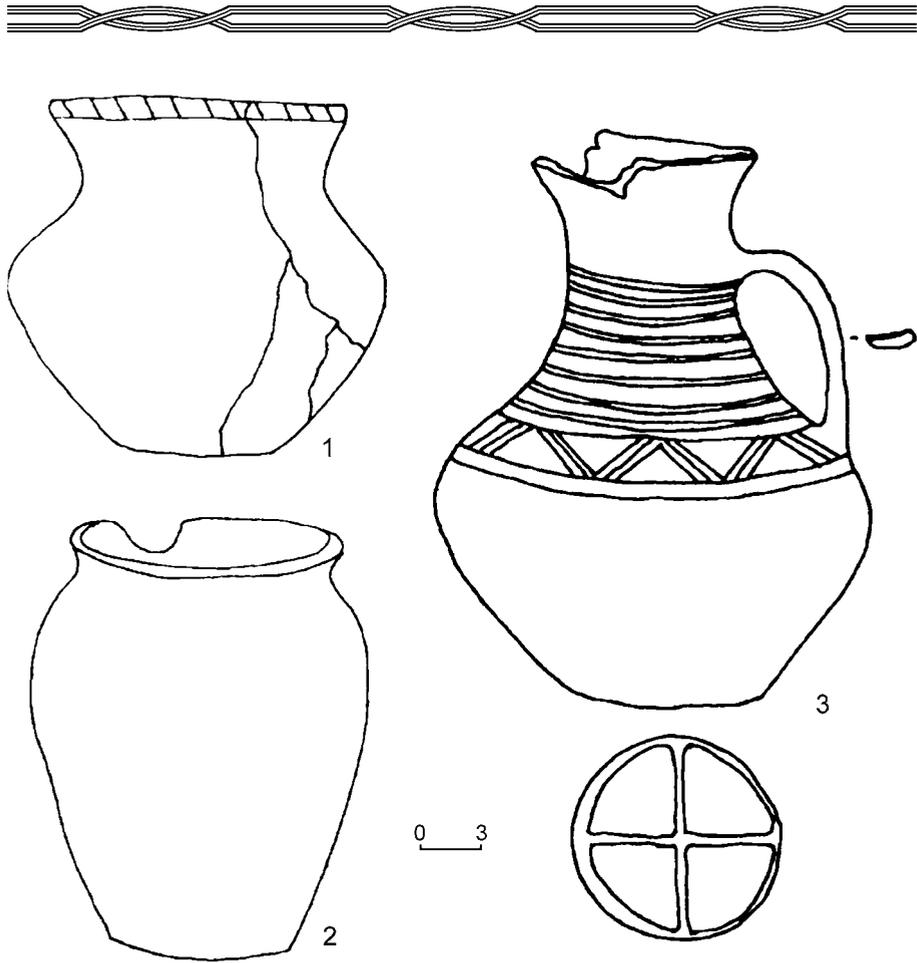

Рис. 4. Посуда кочевников 1-й половины VI в.: 1 — Ново-Подкряж; 2 — Лихачевка; 3 — Животино.

Диаметр венчика почти в два раза превышает диаметр дна, наибольшее расширение приходится на середину высоты. Горшок на данный момент не находит аналогий в кочевнических погребениях Северного Причерноморья ни предшествующего гуннского периода, ни последующих горизонтов 2-й пол. VI — VIII вв. Горшок из Лихачевки (рис. 4: 2) заметно отличается по форме. Горшок довольно стройных пропорций, венчик отогнут наружу не столь резко, а наибольшее расширение расположено в верхней трети сосуда, в отличие от горшков кочевников 2-й пол. VI — нач. VIII вв., наибольшее расширение в которых всегда приходится на середину высоты сосуда [Баранов, Майко 1994, рис. 1: 1-4, 8]. Рассматриваемый экземпляр, на первый взгляд, имеет типичную форму горшков славянской пражской культуры

[Баран 1988, табл. XXX, 9; XXXVII, 1; LX, 2], но по тесту и обжигу (серый рыхлый черепок с большой примесью органики), является все же обычным кочевническим.

Наличие проса в лихачевском погребении могло бы служить важной деталью хозяйственного уклада. Но следует отметить, что всего в 15 км на восток от лихачевского погребения расположено пеньковское поселение Зубовка [Приходнюк 1998, с. 146], а еще в 10 км дальше на северо-восток, возле с. Любовка, раскопана бескурганная ингумация VI в. [Радзиевська, Шрамко 1980, с. 103], чья датировка обоснована Е.Л. Гороховским и И.О. Гавритухиным [Гороховский 1988, с. 175–176; Гавритухин 2003]. Погребение женское и по инвентарю (фибулы, браслеты, ожерелье) должно соотноситься со славянами. Но ингумации не характерны для пеньковского обряда на этом хронологическом этапе. Любовское трупоположение вытянуто на спине и ориентировано на ССВ. Оно близко к группе Лихачевки, Ново-Подкряжа, Животино по обряду, территориально и хронологически, поэтому вполне вероятно появление данного погребения вследствие контактов славян и рассматриваемой нами группы кочевников.

Следы контактов кочевников с другой группой оседлого населения фиксируются в Крыму, в могильнике “Сахарная Головка”. Из группы разрушенных при строительстве подбойных погребений происходит сбруйный набор, состоящий из удил, пряжки и шести бляшек (рис. 2: 4, 5; 3: 16, 17, 22) [Борисова 1959, с. 187–189]. А.К. Амброз отнес комплекс к группе II кочевнических погребений, датированных им VII в. [Амброз 1989, с. 64–82; Амброз 1994, с. 56, 57]. Под влиянием датировок горизонта Шипово А.К. Амброза, А.И. Айбабин в свое время также отнес комплекс ко 2-й пол. VII в., считая поздними признаками восьмеркообразные окончания грызл [Айбабин 1982, с. 194–196]. Эту дату развил дальше И.А. Баранов, который синхронизировал комплекс с Перещепиной, обнаружив для U-образных бляшек “прямые аналоги среди украшений сбруи” [Баранов 1990, с. 21]. Очевидно, опираясь на “позднюю” дату, Р. Рашев и О.М. Приходнюк даже засчитали комплекс в реестр памятников “типа Сивашовки” [Рашев 2000; Приходнюк 2001].

Позднюю дату комплекса оспорили М.М. Казанский и А.В. Мастыкова, синхронизировав комплекс с горизонтом Шипово, датируемый ими 1-й пол. VI в. [Kazanski, Mastykova 1999, с. 523–

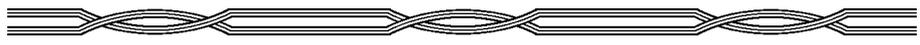

536]. Действительно, поздних признаков в комплексе из Сахарной Головки нет. Удила с восьмеркообразными окончаниями грызл никак не являются признаками VII в., поскольку в кат. 119 Мокрой Балки такие удила находились с “гуннскими” обкладками лук седла [Афанасьев, Рунич 2001, рис. 137: 5, 7]. Рассматриваемые крымские удила (рис. 2: 5) выполнены немного в другой манере. Грызла не цельножелезные, а состоят из железных стержней, на которые в традициях гуннского времени насажены бронзовые окончания. Также к гуннскому времени относятся и истоки формы Г-образных псалиев с полиэдрами на концах (рис. 2: 4). Точные аналогии им известны на Северном Кавказе (кат. 10 Лермонтовской скалы, конское п. 4 Дюрсо, кат. 119 Мокрой Балки, Кумбулта); они детально разобраны И.Р. Ахмедовым [Ахмедов 1996, с. 41–42; рис. 55: 1–5]. Аналогичный псалий известен и в п. 134 Безводнинского могильника (Среднее Поволжье), где он сочетался с характерными пряжками гуннского времени [Краснов 1980, рис. 45; 53: 5]. Техника инкрустации бляшек из Сахарной Головки (рис. 3: 16, 22) — обтягивание бронзовой основы золотым листом с напаянными гнездами для вставок — также аналогична изделиям гуннского времени, хотя композиция здесь уже другая. Инкрустация изделий маленькими круглыми вставками, окруженными рубчатым ободком, была распространена в двух регионах — на Северном Кавказе и Приуралье [Ахмеров 1949, рис. 42; Амброс 1980, рис. 4: 4, 5, 11, 12; рис. 5, 10, 18, 20; Абрамова 1997, рис. 20: 5–8; рис. 45: 6; рис. 52: 16]. В кат. 10 Лермонтовской скалы, п. 2 Гижгида и п. 156 Бирска, где найдены вещи с такой инкрустацией, находились также пряжки с широкой овальной рамкой и подтреугольным щитком с тремя выступами для заклепок, которые являются ближайшими аналогиями и прототипами пряжек со щитком в виде “рыбьего хвоста” (рис. 3: 17). Близкая пряжка найдена в конском п. 5 Дюрсо, а конструктивно другая, но с похожим щитком — в п. 259 [Дмитриев 1979, рис. 3: 8; Дмитриев 1982, рис. 5: 12]. Обычная пряжка этого типа (без “хвоста”) находилась и в составе комплекса инкрустированных изделий 1-й пол. VI в. из Куденетово, среди которых есть и бляшки, напоминающие по форме фигурные бляшки из Сахарной Головки (рис. 3: 16) [Артамонов 1962, фото на с. 129]. Хронологические ориентиры этого горизонта наиболее четко обозначают комплексы кат. 10 Лермонтовской скалы, конские погребения 4 и 5 Дюрсо, а также кат. 119 Мокрой Балки.

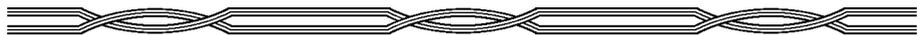
Дата лермонтовской катакомбы 10 уже рассматривалась нами [Комар 2000, с. 38–39]. Можно лишь добавить, что позднейшее погребение катакомбы довольно слабо пересекается с горизонтом Дюрсо 2, поэтому скорее относится к его самому началу. Периодом Дюрсо 2 датируется конское п. 4 Дюрсо по псалиям и обкладкам седла. Обкладки седла из кат. 119 Мокрой Балки сохранились только в обрывках [Афанасьев, Рунич 2001, рис. 137: 7], поэтому их форма не ясна. Наличие орнаментального бордюра — признак поздний, характерный уже для горизонта Дюрсо 2, но ромбическая (а не чешуйчатая) орнаментация не известна в этом горизонте, зато представлена на более ранних обкладках из Печ-Усега та Макартета [Alfoldi 1932, fig. IV, 14; fig. V, 8; Комар 2000, рис. 6]. Впрочем, даже в V в. этот стиль декора редкий, поэтому наиболее верным все же будет синхронизировать катакомбу с горизонтом Дюрсо 2, хотя и с оговорками. Погребение коня № 5 Дюрсо принадлежит к этапу 3, сюда же относится и п. 259, где пряжка другой конструкции, но щиток сохраняет ту же форму.

Датировка не только комплекса из Сахарной Головки, но и всей рассмотренной нами группы, таким образом, упирается в вопрос абсолютных границ этапов 2–3 могильника Дюрсо. А.В. Дмитриев датирует этап 2 Дюрсо 1-й третью VI в., а этап 3 — 2-й третью [Дмитриев 1982, с. 103–106], А.К. Амброз предлагал даты немного шире — этап 1 - 1-я пол. VI в., а этап 2 — 2-я пол. VI в. [Амброз 1989, с. 50–55]. М.М. Казанский считает разницу между этапами 1–2 слишком небольшой для их разделения и предлагает объединить их в сводный этап 1–2, определяя общие рамки этапов 1–2 и 3 следующим образом: 2-я пол. V — 1-я треть VI вв. [Казанский 2001, с. 41–56]. Не вдаваясь в дискуссию о внутренней хронологии могильника Дюрсо, следует отметить, что на уровне пряжек различия между этапами 1 и 2 все же очевидны, поскольку они соответствуют стилям различных европейских фаз — D2 и D3 соответственно. Смывается эта грань между этапами 2–3, поскольку выделение последнего этапа А.В. Дмитриев аргументировал только лишь наличием в этой группе погребений пряжек с неподвижными подтреугольными щитками. А.К. Амброз, считающий такие пряжки “геральдическими”, поддержал это выделение [Амброз 1989, с. 52–54], а М.М. Казанский, указав на ошибочность данного утверждения, тем не менее, оставил этап 3 “в силе”, предложив для него другой набор признаков [Казанский 2001, с. 41–45, 52–54].

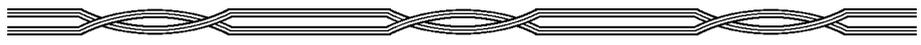
Объединение этапов 1–2 Дюрсо, на наш взгляд, все же нарушает феномен “консервации моды” в оторванной на некоторое время от остального германского мира среде готов-тетракситов. Сосуществование стиля ремней D2 и D3 в Дюрсо пока не подтверждается находками в одном комплексе, и это вполне закономерно, поскольку было бы непонятно, почему элементы новой моды не вытесняют старые, как это произошло в культуре западноевропейских германцев. Небольшой период изоляции, на протяжении которого тетракситы продолжали изготавливать “гуннские” пряжки с длинным язычком и т.п., сменяется восстановлением полноценных контактов с крымским населением, но не с европейским, о чем свидетельствует отсутствие явных европейских импортов фазы D3. Пряжки этапа Дюрсо 2 наиболее характерны для группы 6 крымских комплексов по А.И. Айбабину, датированной исследователем 1-й пол. VI в. [Айбабин 1999, с. 268–270], но появляются они еще в группе 5 2-й пол. V в., куда относится с. 190 Скалистого [Айбабин 1999, с. 268; табл. XXVII, 146]. Таким образом, смена стиля ременных деталей в Дюрсо действительно маркирует начало нового хронологического этапа, что позволяет согласиться с А.В. Дмитриевым и А.К. Амброзом относительно разделения этапов 1–2 Дюрсо, но нижнюю границу этапа Дюрсо 2 все же возможно опускать до конца V в.

Как справедливо отметил М.М. Казанский, появление пряжек с подтреугольным щитком только на этапе Дюрсо 3 само по себе не определяет нижнюю дату появления этого типа пряжек на Северном Кавказе [Казанский 2001, с. 52–54], но устойчивое сочетание двухпластинчатых фибул варианта 1б и пряжек с подтреугольным щитком, очевидно, отражает внутреннюю эволюцию могильника, замеченную А.В. Дмитриевым. Определение верхней абсолютной границы этапа Дюрсо 3 исследователь связал с проблемой появления на могильнике погребений с геральдическими наборами. А.К. Амброзом эта граница растягивалась до конца VI в., но без полной публикации могильника пока не ясно даже, не было ли хронологического разрыва между горизонтами Дюрсо 3 и 4, поскольку достоверно ранней крымско-дунайской “геральдики”, синхронной поясам стиля “Суцидава” [Айбабин 1999, рис. 44; Csallany 1961, taf. XXV, 14], среди опубликованных комплексов нет.

Определенную надежду на фиксацию стыка горизонта Шипово — Дюрсо 2–3 с горизонтом “геральдики” дали п. 42, 46 Коминтерновского могильника [*Казаков 1998, рис. 30; 36*]. Оцененные Е.П. Казаковым, вслед за А.К. Амброзом, как “геральдические”, дериваты шиповских пряжек сделаны в другой манере — они вырезаны из пластины, как и пряжки с подтреугольным неподвижным щитком Дюрсо 3. Рассмотревший выборку подобных изделий А.В. Богачев показал самостоятельность стиля данной группы и предложил называть ее “предгеральдической” [*Богачев 1998, с. 21–24*]. Штампованные бляшки-розетки, показавшиеся и нам поначалу имитацией литых бляшек сбруйных наборов геральдического стиля [*Комар 2000, с. 46*], на самом деле также относятся к совсем другой стилистике. Как показал химический анализ аварских штампованных изделий, заполненных изнутри пастообразной массой, во всех случаях речь шла об окислах олова (сообщение Ф. Дайма). Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с обтягиванием серебряной фольгой с тиснением металлической оловянистой основы, т.е. репликой традиций гуннского времени. Сама же форма розеток не может свидетельствовать, что они скопированы с уже существующих литых геральдических бляшек. Их наиболее вероятными прототипами были розетки джетысарских поясов уже “постгуннского” стиля 1-й пол. VI в. [*Левина 1996, рис. 112: 16, 18, 22, 23; 134*]. Нам трудно согласиться с А.В. Богачевым, предполагающим, что нижняя граница “предгеральдической” группы должна обязательно совпадать со временем появления первых реплик геральдических украшений [*Богачев 1998, с. 24*]. На самом деле мы имеем дело с медленной сменой стиля ременных деталей, начавшейся еще во 2-й пол. V в. и продолжавшейся до появления настоящих геральдических наборов в конце VI в. Определяющей относительную и абсолютную позицию коминтерновских погребений на самом деле является схематичность имитации собственно шиповского набора, позволившая нам отнести их к заключительной стадии горизонта Шипово в Поволжье, датированной 2-й третью VI в. [*Комар, 2000, с. 46*].

Среди европейских аналогий наибольший интерес представляет п. 1782 Крефельд-Гелепа, где находились обкладки лук седла характерной для этапов Дюрсо 2–3 формы, бляшки с инкрустацией маленькими круглыми вставками, близкими

стилю Сахарной Головки, а также пряжка с неподвижным щитком и прямоугольной рамкой, близкая по стилю “предгеральдическим” пряжкам Восточной Европы [*Perin 1995, fig. 15*]. Погребение относится к “аллеманской” фазе С, датируемой 510–570/580 гг. или уже: 530/540–570/580 гг. [*Perin 1995, s. 247–253*]. Она соответствует горизонту Дюрсо 3 — Коминтерновский, определяя его наиболее вероятные абсолютные рамки 2-й третью VI в. Этап Дюрсо 2, таким образом, ограничивается концом V — 1-й третью VI вв., т.е. полученные абсолютные рамки фактически подтверждают датировки А.В. Дмитриева.

Именно период конца V — 2-й трети VI вв. и является абсолютными рамками для рассматриваемых нами кочевнических комплексов Северного Причерноморья. Наиболее раннюю группу составляют Лихачевка и Новый Подкряж, соответствующие началу горизонта Дюрсо 2, т.е. концу V — нач. VI вв. По оформлению рамки и язычка к этой группе близка пряжка из Старой Сараты, но подтреугольный щиток может указывать и на ее принадлежность ко второй группе — Животино, Константиноград, Сахарная Головка 2-й трети VI в.

Культура данной группы кочевников практически не продолжает стиля гуннского времени в вещевом наборе, явно наблюдаемого в Поволжье в комплексах горизонта Шипово. Похожая ситуация и в погребальном обряде. Рассмотренные погребения в целом близки между собой: впускные подкурганые погребения в узких ямах; вытянутая на спине поза, часто с руками на тазу; ориентировка в сектор север — северо-восток; расположение в головах горшка. От погребений гуннского времени Северного Причерноморья наиболее поздней группы С4 [*Комар 2000*] их отличает наличие кургана и полное отсутствие костей коня или сбруи, а также присутствие бытовых предметов: посуды, ножей, пряслиц. В то же время, по таким признакам, как ориентировка на С-СВ, берестяное гробовище, сосуд в головах, погребальный обряд группы близок уже упомянутому могильнику Коминтерновский II в Среднем Поволжье [*Казаков, 1998, с. 100–102*], а также шиповским курганам [*Засецкая 1994, с. 188–190*]. Показательно и использование населением, оставившим коминтерновский могильник, калачиковидных сережек с ребристым утолщением посередине, ближайший ареал распространения которых находится в Восточном Приаралье. Именно с джетысарской культурой Е.П. Ка-

заков и связывает происхождение коминтерновских ингумаций [Казаков 1998, с. 101], но речь скорее идет о кочевниках, тесно контактировавших с оседлым джетыясарским населением и оставлявшим погребения возле “городских оазисов” Приаралья.

Рассмотренная нами группа населения явно представляет собой новую группу кочевников, появившихся в Северном Причерноморье в конце V в. из регионов, граничащих с Восточным Приаральем, и занявших оставленные гуннами степи. Масштабный отток гуннов на восток после поражений 454 г. и 467 г. хорошо фиксируется археологически [Комар 2000, с. 35–41, 45–46]. Кроме Среднего Поволжья, появление отдельных групп гуннов фиксируется находками имитаций и отдельных оригинальных вещей гуннской культуры на северном Кавказе [Абрамова 1997, рис. 19: 9; 20: 2–9, 15, 18; 21: 2; 22: 6, 9–12, 22; 25: 2, 8; 32: 1; 44: 18; 57], а также, что особенно интересно, и в Восточном Приаралье. Появление в джетыясарских комплексах грубых имитаций европейских пряжек с длинными язычками, с инкрустированными щитками и подтреугольных с выступами щитков, инкрустированных фибул и керамических имитаций котлов европейских гуннов [Левина 1996, рис. 65: 6, 8, 9; 123: 1–24; 124: 1–15; 125: 1–8; 126: 1–8; 140: 6–10] явно указывают на то, что обратная миграция гуннов достигла и этого региона. Традиционно считается, что главной причиной переселения кочевников в Европу было давление с востока, в этом же случае возможно, что миграция кутригуров и утигуров наоборот была прямо или косвенно спровоцирована возвращением гуннов на восток.

Культура родственных и тесно связанных между собой контактами племен кутригуров и утигуров, скорее всего, была очень близкой, поэтому провести разграничение, какие из рассмотренных комплексов принадлежали представителям этих племен, вряд ли возможно. Чисто территориально памятники лесостепной зоны, конечно, должны рассматриваться как кутригурские. А вот относительно комплекса из Сахарной Головки, кавказское или приуральское происхождение узды из которого несомненно, можно вспомнить и об эпизоде 534 г. захвата Европейского Боспора “гуннами” [Сазанов 1991, с. 20–24], под которыми, скорее всего, следует понимать утигуров. Впрочем, согласно Прокопию, всю местность между Боспором и Херсоном “занимают варвары из племени гуннов” (BG, IV, 4), т.е., возможно, речь идет и о каком-то другом племени.

Несмотря на крайнюю малочисленность комплексов, они все же заполняют “белое пятно” в истории материальной культуры раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья, оконтуривая в общих чертах культуру болгар-кутригуров. Но одновременно их численность и локализация заставляют задуматься о другой проблеме — характере рассматриваемой эпохи.

Курганы степного Северного Причерноморья изучаются уже около двух веков. За это время, по приблизительным подсчетам, здесь исследовано около 3500 скифских погребений 2-й пол. V — IV вв. до н.э., около 1200 сарматских погребений I — III вв. н.э., более 1500 погребений конца X — XIV вв. Но в истории этих же народов наблюдаются и периоды резкого спада численности погребений. Так, на сегодня известно только 240 степных погребений скифов VII — сер. V вв. до н.э., около 50 погребений сарматов II — I вв. до н.э. и меньше 40 подкурганых погребений алан IV в. Резкий спад численности степных погребений в Причерноморье начался с конца III в., продолжился он и в V в. — на сегодня здесь известно только 37 комплексов и 5 находок котлов этого времени. Только 7 комплексов с достоверной датой известно для конца V — 1-й пол. VI вв. и только 5 (!) для периода 2-я пол. VI — 1-я пол. VII вв. [*Комар 2002, с. 6, 7*]. Конечно, не все регионы исследованы равномерно, но все же, даже многократное увеличение численности известных погребений VI — 1-й пол. VII вв. не сможет в будущем изменить ее соотношения с численностью погребений скифского, сарматского или позднесредневекового периода. Приходится констатировать очевидный факт: заселенность степи в это время была одной из самых низких за весь исторический период.

Впервые впечатление полного запустения причерноморской степи, как отмечалось, возникает при анализе кутригуро-утигурской усобицы 559 г. В 561 г. ее легко проходят авары; в 90-х гг. VI в. к аварам также беспрепятственно добираются их родственники тарнаих и котцагиры, а около 679 г. такой же легкий переход повторяют уногундуры Аспаруха. За весь же промежуток 561–679 гг. письменные источники вообще ни словом не упоминают о каком-нибудь местном кочевническом населении в Северном Причерноморье. Фантазия историков населяет регион в это время “многочисленными болгарскими племенами”, но археология фиксирует следы каких-то серьез-

---

нейших процессов, начавшихся в конце III в. и обусловивших падение численности кочевнического населения в Северном Причерноморье практически до нуля в 1-й пол. VII в. с его последующим постепенным нарастанием со 2-й пол. VII в. до XII — XIII вв.

Отмеченный эпизод относительного запустения причерноморских степей в VI — 1-й пол. VII вв. не был единственным за исторический период — такая же ситуация наблюдалась в III в. до н.э. Численность скифских памятников на рубеже IV — III вв. до н.э. катастрофически сократилась и степные подкурганые погребения скифов сер. III в. практически не известны [Полин, 1984, с. 25]. Соответственно резко сократилась и численность населения, которое сконцентрировалось в устьях крупных рек — в Нижнем Поднепровье и Подунавье, а также в Крыму, где было вынуждено перейти к земледелию. И только во II в. до н.э. Дон перешли первые сарматские племена — языги и роксоланы [Полин, Симоненко, 1990; Симоненко, 1993, с. 104–107], которые раньше, собственно, и обвинялись в “разгроме” и опустошении Скифии [Мачинский 1971; Смирнов 1971]. По мнению С.В. Полина, причиной катастрофы Скифии стал палеоклиматический кризис [Полин 1992, с. 101–107]. Как продемонстрировала Н.А. Гаврилюк, палеоэкологический кризис обусловил не только засушливый период, который продолжался менее полутора столетий, но и достижение скифами критической демографической отметки, что в условиях резкого сокращения питательной травяной массы в степи немедленно привело к экологической катастрофе [Гаврилюк 1999, с. 306–312].

Демографический фактор явно не довлел над раннесредневековыми кочевниками Северного Причерноморья. А вот на климатические условия VI — VII вв. первым обратил внимание И.А. Баранов, который, сравнив имеющиеся палеоклиматические данные для Крымского полуострова, пришел к выводу, что в IV — VII вв. здесь наблюдался затяжной засушливый период, приведший к гибели лесов на севере Крыма и серьезному сокращению площади пастбищ и, соответственно, кормовой базы для кочевого скотоводства [Баранов 1990, с. 17, 18]. Для Северного Причерноморья сегодня существует система абсолютных дат, дающая представление о годовых колебаниях осадков в бассейне Днепра [Швец 1978], положенная Ю.Л. Раунером в основу его хронологической шкалы колебания увлажнения

степного Северного Причерноморья [Раунер 1981]. Не ясно, насколько данные Г.И. Швеца действительно отображают колебания собственно стока Днепра, но они безусловно отображают колебания уровня степных озер, которые, в свою очередь, являются надежными индикаторами уровня солнечной активности [Абросов 1996, с. 268].

Начало крайне засушливого периода в восточных регионах Евразии относится к III в. н.э. Опираясь на данные письменных источников, Л.Н. Гумилев считал, что кризис кончился уже в IV в., а в VI — VII вв. ситуация полностью нормализовалась [Гумилев 1972]. Но современные данные для степей Южного Приуралья и Средней Азии показывают, что период аридизации степи охватил не менее 400 лет и продолжался до нач. VII в. [Боталов 1995, с. 14–16]. В Северном Причерноморье ксеротермальная фаза охватила весь период II–5 по Ю.Л. Раунеру (100–650 гг.), но собственно промежутков низкого увлажнения продолжался с IV в. до нач. VIII в. [Раунер 1981, табл. 1, рис. 5]. По данным Г.И. Швеца [Швец 1978, табл. 6], в период с 297 г. по 396 г., т.е. целое столетие, сток Днепра держался на отметке 0.89 от нормы (с коротким влажным промежутком 339–347 гг.). Как мы уже отмечали, именно с конца III в. в степи и началось резкое сокращение подкурганых сарматских погребений, сопровождавшееся появлением могильников уже оседлого сарматского населения (Беленькое). Судя по появлению около 370 г. волны гуннских племен, в восточных регионах Евразии проблема решалась не так мирно. Затем наступил период 396–598 гг. с чередованием небольших засушливых и влажных промежутков, на протяжении которых сухих лет было в 1.3 раза больше, чем влажных, а с 598 г. по 677 г. опять наблюдается длительный сухой период с коэффициентом 0.9.

Суббореальный климат эпохи отличался от современного большей континентальностью: сухое жаркое лето сопровождалось суровой и длинной зимой, что для кочевника было еще большей проблемой. В периоды повышенной солнечной активности зимы были холоднее, чем обычно, но малоснежными. Греческие источники особо отмечают жестокие зимы 402, 609 и 670 гг. [Афиногенов 1999, с. 144, 145; Бучинский 1963, с. 81]. Переход суббореальной эпохи к современному субатлантическому климату, по Ю.Л. Раунеру, начался около 750 г., после чего наблюдается уже постоянное возрастание увлажнения

[Раунер 1981, табл. 1] и, соответственно, поднятие уровня Черного моря, берега которого периода VIII — IX вв. сейчас находятся на глубине 10–12 м [Баранов 1990, с. 9].

Если абсолютные хронологические привязки климатологов верны, то после долгого засушливого промежутка, охватившего весь IV в., за относительно сухой период V–VI вв. и опять засушливый конца VI — 3-й четверти VII вв. степи Северного Причерноморья должны были максимально приблизиться по своим характеристикам к степям аридных зон Евразии. Последние очень чутко реагируют на изменение циклов солнечной активности, причем циклы повышенной солнечной активности, продолжительнее 11-летних, по мнению В.Н. Абросова, могли вызывать гибель пастбищ, рост пустынь и т.п. явления, вынуждавшие кочевников менять место жительства. Кочевое скотоводство в таких условиях постоянно балансировало на опасной грани дигрессии пастбищ, и на практике, очевидно, из-за неосторожного использования гибло немало доступных для выпаса участков. Подобный пример можно отметить для Среднего Поволжья — как показали исследования грунта насыпей III Новинковского могильника (сер. VIII в.), этапу формирования лугового дерна здесь предшествовало перевевания песка, случившееся в VI — VII вв. [Офман, Пономаренко, Пономаренко 1995, с. 67]. Чтобы предотвратить перевыпас, кочевники должны были пребывать в постоянном движении, покрывая большие расстояния во время сезонных перекочевок, что для Северного Причерноморья в периоды достаточного увлажнения было совершенно ненужным [Пустовалов 2001, с. 98].

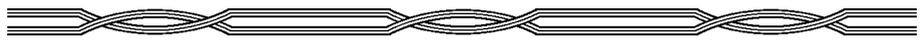
Разбивая климатические циклы на исторические периоды, можно отметить, что после длительной засухи 297–396 гг. в гуннский период ситуация практически не улучшилась — за период 396–475 гг. засушливых лет наблюдалось в два раза больше, чем влажных [Швец 1978, табл. 6]. Булгары появились в краткий влажный промежуток 475–485 гг. и, в целом, в период 475–564 гг. количество влажных и сухих лет оказалось одинаковым. Но это вряд ли можно считать улучшением ситуации, поскольку период лишь приостановил на время прогрессирующую аридизацию степи, что, впрочем, тоже не безусловно, поскольку в его рамках наблюдался “критический” по В.Н. Абросову 24-летний промежуток 502–525 гг., с коэффициентом увлажнения 0.88 от нормы. Начало же нового затяжного сухого

периода 598–677 гг. однозначно закрепило новое ландшафтно-географическое районирование Северного Причерноморья.

Современная зона полупустынных почв и растительности в Украине охватывает узкую зону побережья на север и юг от Перекопского перешейка (рис. 1: *I*). Но практически всю южную и центральную подзоны степи занимают пустынные полынно-злаковые и засушливые тыпчаково-ковыльные степи (рис. 1: *II*, *III*), которые в условиях длительного падения коэффициента увлажнения до 0.88–0.9 от современного, несомненно, способствовали бы росту полупустынь. Как показали палеопочвоведческие исследования степной части Европейской России, засоление почв вследствие преобладания испаряемости над увлажнением здесь фиксируется с V по XI вв. Дальше, в XII — XIV вв. следует климатический оптимум, который способствовал вымыванию солей из почвы и восстановлению прежнего состава растительности [*Среда обитания человека... 2002, с. 76–81*]. Пожалуй, именно засоление почв в V — VII вв., повлекшее за собой постепенное изменение растительного покрова южной, засушливой части степи в сторону полупустынного, и стало основной причиной демографического кризиса болгарских племен, вероятно, приспособленных к ведению хозяйства только в степных ландшафтах с достаточным увлажнением.

Послы утигуров в 551 г., жалуюсь византийцам на “наследственную бедность”, сообщают, что они живут “в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной” [*Прокопий Кессарийский 1996, с. 78*]. Сухие степи и полупустыни Северного Причерноморья VI — VII вв., очевидно, действительно часто стояли желтыми все лето. Зеленая трава оставалась по берегам обводненных балок и рек, но ее использование означало раздробление, рассеивание племени, что в условиях беспокойного периода Великого переселения народов фактически угрожало существованию племени. Наиболее подходящими местами проживания в таких условиях становились низкие заболоченные участки больших рек, которые в сухие года превращались в богатые луга. Постепенно продвигаясь на север, кочевники попадали в современную лесостепь. Обстоятельства не вынуждали их конфликтовать со славянами, поскольку, используя луговые и степные “языки”, кочевники занимали в лесостепи другую экологическую нишу. Именно это, на наш взгляд, и объясняет, почему большинство известных на

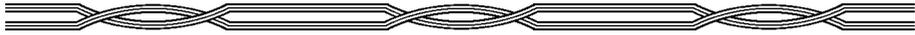

сегодня погребений кутригуров найдены в лесостепной зоне или на ее границах. Наиболее вероятная схема кочевания кутригуров представляется нам такой: весну они проводили в приазовских степях, а уже в июне, когда открытые степные участки начинали выгорать, вдоль притоков Днепра постепенно поднимались на север, в лесостепь, где задерживались до середины осени, после чего опять спускались на юг к берегу Азовского моря, где и зимовали.

Только в краткие промежутки влажных годов, когда степь вновь оживала (475–485; 525–534; 547–564; 581–598; 677–687 гг. и т.д.), отпадала необходимость в длительных перекочевках. Элементарная проверка показывает, что именно на промежутки влажных лет и приходятся все (!) события истории кочевников рассматриваемого периода в Северном Причерноморье: 479 г. — появление булгар; 534 г. — захват Европейского Боспора утигурами; 551–561 гг. — активные боевые действия кутригуров и утигуров, появление авар; 80-е гг. VI в. — война тюрков с Византией в Крыму (576–580 гг.) и прохождение степей племенами тарнаих и котцагиры; 679 г. — появление булгар Аспаруха и хазар. Случайность совпадения, конечно, даже здесь не исключена, но, как справедливо отметил О.Й. Прицак, в сухие года кочевник был полностью занят добыванием пропитания для скота, и только когда его кони были хорошо накормленными и напоенными, здоровыми и сильными, только тогда были возможны миграции на длительные расстояния, завоевания и т.п. активные действия [*Pritsak 1981, p. 11*].

Участие кутригуров в набегах на византийские земли в 40–50-х гг. VI в., традиционно рассматриваемое как признак силы болгарских племен, находит объяснение и под другим углом зрения. В 544 и 558 гг. Византию охватили страшные эпидемии чумы, сделавшие ее бессильной перед вторжением варваров. Славяне, болгары, германцы беспрепятственно переходили границы, и единственным способом борьбы для империи оставались дипломатические методы: кутригуры сражались с утигурами, утигуры с аварами, авары с гепидами и т.д. Несмотря на это, из-за эпидемий и набегов варваров, по подсчетам, до конца VI в. Византия потеряла до 40% населения [*Ковалевская 2000, с. 215*].

История кочевников V — VII вв. Северного Причерноморья проходила под знаком адаптации к природе. Именно при-

родные факторы определяли зоны проживания кочевников, их численность, материальное благосостояние и военно-политическую активность. Именно они, очевидно, и стали главной причиной того, что после переселения кутригуров вместе с аварами в Паннонию в 568 г. и до появления хазар в 679 г., в Северном Причерноморье не известно ни одного заметного племенного объединения кочевников. Эту лауну не способно заполнить и растягивание границ прикубанской “большой Болгарии”, основанное на неверной интерпретации источников [Комар 2001, с. 142–153]. И скудный археологический материал, и палеоклиматические данные однозначно отрицают наличие предпосылок для “консолидации болгарских племен” в Северном Причерноморье в конце VI — 1-й пол. VII вв. На порядок дня сегодня выходят новые реалии эпохи, требующие отказа от многих историографических стереотипов, но одновременно ликвидирующие одно из “белых пятен” в истории и археологии раннесредневековых номадов Восточной Европы.

СУГДЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X — НАЧАЛЕ XI вв.

Благодаря раскопкам последних десятилетий, впервые появилась возможность проследить историю Судака эпохи раннего средневековья VII — X вв. Этот хронологический период в истории города напрямую связан с населением, оставившим на полуострове памятники т.н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры.

В настоящей работе впервые сделана попытка суммировать археологическую информацию о следующем этапе истории и археологии Сугдеи, а именно середины X — начала XI вв. Выделение этого небольшого, но чрезвычайно важного с исторической и этнической точки зрения хронологического промежутка не случайно. Именно в середине X в. в Сугдее, как и во всем юго-восточном и южном Крыму происходит смена материальной культуры. Характерной ее особенностью, в отличие от салтово-маяцкой, является то обстоятельство, что в основном она представлена разнообразными, прежде всего городскими, объектами и синхронными им горизонтами (Херсонес, Мангуп, Алустон, Партениты, Боспор). Вместе с тем, отдельные фрагменты керамики обнаружены и на сельских поселениях южного Крыма (Крыло Лебеда, Гончарное, Передовое).

В Сугдее исследован целый комплекс разнообразных объектов, датируемых именно этим временем. Это жилые (6 построек, раскопанных на территории Судацкого городища), культовые (зольник на участке куртины XV Судацкой крепости) и погребальные (могилы на территории некрополей Судака II, IV, VI) объекты, составляющие единую материальную культуру (рис. 1).

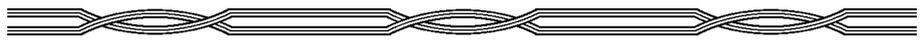
Кроме того, интересный и разнообразный материал получен при проведении подводных исследований в бухте Лимена-Кале, близ пос. Новый Свет, где, по мнению С.М. Зеленко, расположен затонувший корабль именно второй половины X в. [Зеленко 1999, с. 223–225].

Историография изучения и осмысления истории Сугдеи второй половины X в. чрезвычайно сложна. Довольно обширная литература, затронувшая эти вопросы, имеет, преимущественно, узкоспециальный характер.

Рис. 1. Месторасположение объектов второй половины X в. в Сугдее и ее окрестностях.
1 — территория городища, 2 — зольник, 3 — некрополь Судак-II.

Первую и единственную пока попытку комплексного рассмотрения предпринял в докторской диссертации И.А. Баранов. Им впервые была намечена связь материальной культуры второй половины X — начала XI вв. с северо-кавказскими раннесредневековыми тюркскими культурами, уходящими своими корнями в культуру городов Кавказской Албании [Баранов 1994, с. 6]. Но при этом автор рассматривал эту новую культуру как один из вариантов государственной культуры Хазарского каганата. Скорее всего, это замечание верно, если речь идет о

данной культуре до переселения ее носителей на Крымский полуостров. На территории же Таврики памятники этнически неоднородных северокавказских переселенцев, смешавшихся еще более в процессе переселения, имеют ряд закономерных отличий. Они связаны, во-первых, с новым этапом их исторического развития, во-вторых, с новым этническим окружением, новой исторической ситуацией. Таким образом, анализируемая культура является своеобразным симбиозом археологических культур населения северного Кавказа середины X в. и Византийских центров. В новых условиях раннесредневековой Таврики переселенцы создали новую культуру, впитавшую в себя культурные элементы, характерные для нескольких культур различных регионов Северного Кавказа. Исходя из этого, самостоятельная культура Таврики только на первых порах связана с Хазарским каганатом. После его распада, она становится культурой населения юго-восточного Крыма второй половины X в. и существует без видимых изменений до начала XI в. Безусловно, очень сильное влияние на нее оказало византийское окружение, проявившееся как в области материальной, так и духовной культуры.

Главным источником для определения нижней хронологической границы рассматриваемого периода в истории и археологии Сугдеи, является нумизматический материал. В заполнении некоторых жилых комплексов Сугдеи обнаружено 9 византийских и херсоно-византийских монет времени самостоятельного правления Константина VII и периода, когда соправителем императора являлся его сын Роман II (945–959 гг.) [Баранов, Майко 1999, с. 128–129]. Во-первых, это 6 медных херсоно-византийских монет с крестообразными монограммами Константина VII и Романа II (948–959 гг.) [Анохин 1977, табл. XXVIII, 428, 430], обнаруженных непосредственно на полах сооружений и в горизонтах пожаров, отделяющих салтово-маяцкие слои от горизонтов с находками, характерными для новой археологической культуры. Во-вторых, бронзовая херсоно-византийская монета Константина VII (913–919 гг.) [Толстой 1991, с. 136, табл. 77, 47]. Последняя монета имеет отверстие для подвешивания, что свидетельствует о ее длительном употреблении. На участке куртины XV Судакской крепости в культурном слое, перекрывающем салтово-маяцкий горизонт, обнаружена крупная медная монета Константина VII чеканки

Константинополя (945 г.) [Толстой 1991, с. 136, табл. 77, 46]. На южном склоне крепостной горы в Сугдее, слева от дороги к пляжу в подъемном материале в 1964 г. найден золотой солид Константина VII и Романа II (945–959 гг.) [Толстой 1991, с. 136, табл. 77, 52].

Предложенную нижнюю хронологическую границу (середина X в.) подтверждают и стратиграфические наблюдения, сделанные во время раскопок на территории Судакского городища. По всей площади памятника горизонты, включающие салтово-маяцкий материал, перекрываются слоями, содержащими находки, характерные для рассматриваемых памятников, без стерильной прослойки. Как уже упоминалось, в некоторых случаях указанные горизонты расчленены слоем пожара толщиной 3–7 см. В настоящее время в Крыму отсутствуют комплексы, где бы салтово-маяцкий материал сосуществовал с анализируемым.

Сложнее определить верхнюю хронологическую границу рассматриваемого периода в истории города. В жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. Это, например, анонимный фоллис Иоанна Цимисхия [Толстой 1991, с. 139, табл. 79, 7/1]. К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что рассматриваемые объекты города функционировали во второй половине X в. Уточнить верхнюю хронологическую границу позволяют данные стратиграфических наблюдений, проведенных во время раскопок в портовой части Сугдеи на территории раннесредневекового городища (раскоп III М.А. Фронджуло). Стратиграфические разрезы показывают, что византийские объекты второй половины XI–XII вв. и связанные с ними культурные горизонты перекрывают слои, содержащие археологический материал, характерный для новой культуры без стерильной прослойки. Иногда они разделены слоем пожара толщиной 5–10 см. В этой связи отметим, что в византийских керамических комплексах Сугдеи середины XI–XII вв., содержащих амфоры с венчиком в виде “отложного воротничка” самого позднего варианта, керамика, характерная для рассматриваемого периода, представлена в виде мелких единичных фрагментов. Таким образом, верхней хронологической границей существования анализируемого этапа может быть первая половина, а точнее — первая четверть XI в.

Рассмотрим конкретнее основные археологические объекты Сугдеи второй половины X — начала XI вв. и попытаемся поставить задачу реконструкции его исторической топографии именно этого времени.

Жилая застройка. Первым типом жилых построек являются дома, чаще всего пятистенки, сложенные техникой кладки “в елку”. Возведенные в VIII — первой половине X вв., они использовались новым населением в течение второй половины X — начала XI вв. Так, дом-пятистенка на территории Судакского городища в восточной части раскопа III М.А. Фронджуло [Фронджуло 1974, с. 142, рис. 4; Баранов 1989, с. 48, рис. 1], в заполнении на уровне фундамента кладок и на первоначальном полу содержал салтово-маяцкий археологический материал, датируемый второй половиной IX — первой половиной X вв.

Следующий горизонт заполнения составляли уже находки, характерные для рассматриваемого хронологического периода. Автор раскопок датирует сооружение IX–X вв. и считает, что первоначально было построено одно помещение и хозяйственная кладовая, и только в X в. дом был разделен на два помещения [Фронджуло 1974, с. 141]. Представляется более вероятным, что данное сооружение уже в салтовское время являлось обычным домом-пятистенкой, использованным в середине X в. без существенных перестроек. Такая же стратиграфическая картина наблюдается и в заполнении второго жилого объекта в западной части раскопа III М.А. Фронджуло. Автор считал его домом-пятистенкой и датировал X в. [Фронджуло 1974, с. 141]. Не исключено, однако, что это жилая однокамерная постройка размерами 6.10×4.40 м, с открытым двориком площадью 4.30×2.25 м, обнесенным с восточной стороны стеной, заканчивающейся откосом.

Аналогичные жилые комплексы (дом-пятистенка и однокамерная постройка), также сложенные техникой кладки “в елку”, с подобной стратиграфической картиной заполнения обнаружены и на участке раскопа I М.А. Фронджуло в портовой части Сугдеи на территории городища [Баранов, Майко 1996, с. 64].

Несколько другая ситуация характерна для жилого комплекса в портовой части Сугдеи на участке раскопа 1993/94 гг. (рис. 2). И там был использован дом-пятистенка предшествующего времени (помещения а, б).

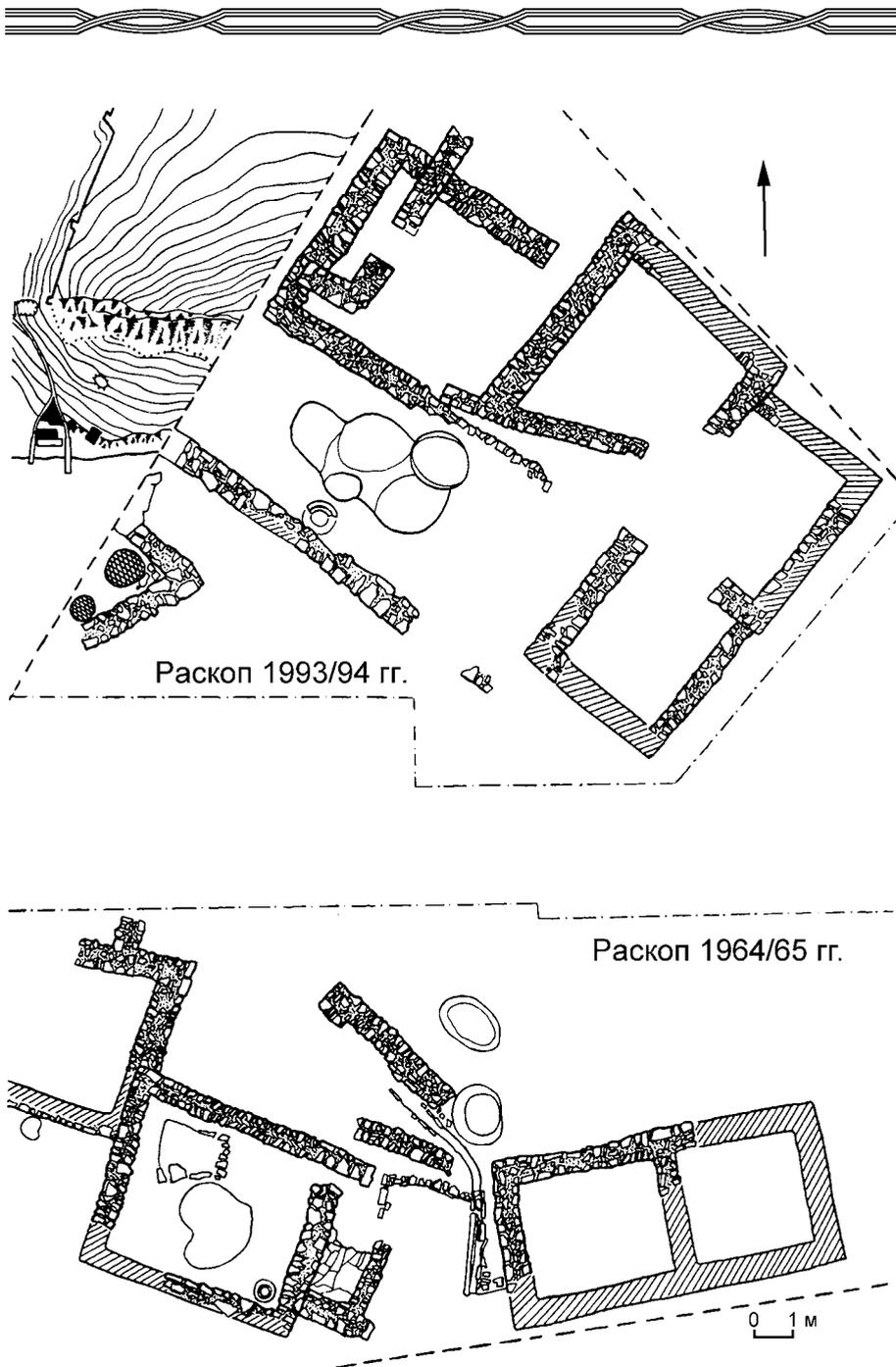
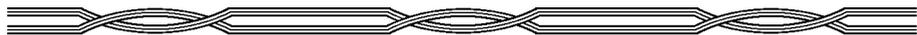

Рис. 2. Жилые дома, использовавшиеся и возведенные во второй половине X в. на территории Судакского городища.

При этом заполнение помещения *а* было выбрано до уровня фундамента кладок, где и зафиксированы отдельные фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры. Основную часть заполнения составляли горизонты, содержащие археологический материал, характерный для второй половины X в. При этом южная стена дома, наиболее плохо сохранившаяся, была перестроена. Новая стена, в северной части поставленная на камни стены предшествующего времени, не повторила направления предыдущей. Она отклонена в сторону примерно на 30°. Помещение *б* содержало археологический материал рубежа VII — первой половины X вв. и в середине X в. уже не использовалось. По всей площади и за ее пределами на уровне верхнего ряда кладок оно было частично вымощено небольшими сланцевыми плитками. Таким образом, получился своеобразный мощный двор примерной площадью 4,0×6,7 м, ограниченный с северной стороны стеной (рис. 3: 2). И в данном случае ее фундамент поставлен на подстилающую стену, сложенную техникой кладки “в елку”.

Второй тип жилых сооружений представлен совершенно аналогичными домами, но в заполнении которых не встречен салтово-маяцкий материал. Один такой комплекс исследован в портовой части Сугдеи на территории городища в 1993 г. [Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 39]. Отметим, что западная стена этого дома-пятистенки является смежной с восточной стеной одного из помещений жилого комплекса VII — первой половины X вв. Сохранность описываемого объекта очень плохая, максимальная высота стен не превышает 1–2 рядов кладки. Кроме него, на площади этого же раскопа обнаружено еще два дома, сложенных в аналогичной технике. Один из них непосредственно примыкает к северной стене жилого комплекса VII — первой половины X вв. Обнаружен только участок южной стены, примыкающий к северной стене помещения *а* и уходящей в борт раскопа. К настоящему времени постройка не исследована, т.к. целиком уходит под современную бетонную дорожку. При этом пространство между стенами домов шириной 5–10 см забутовано мелким сланцем и галькой. Указанную часть южной стены описываемого дома подстилает слой пожара толщиной 8–10 см, ниже которого находится горизонт, содержащий салтово-маяцкий материал второй половины IX — первой половины X вв.

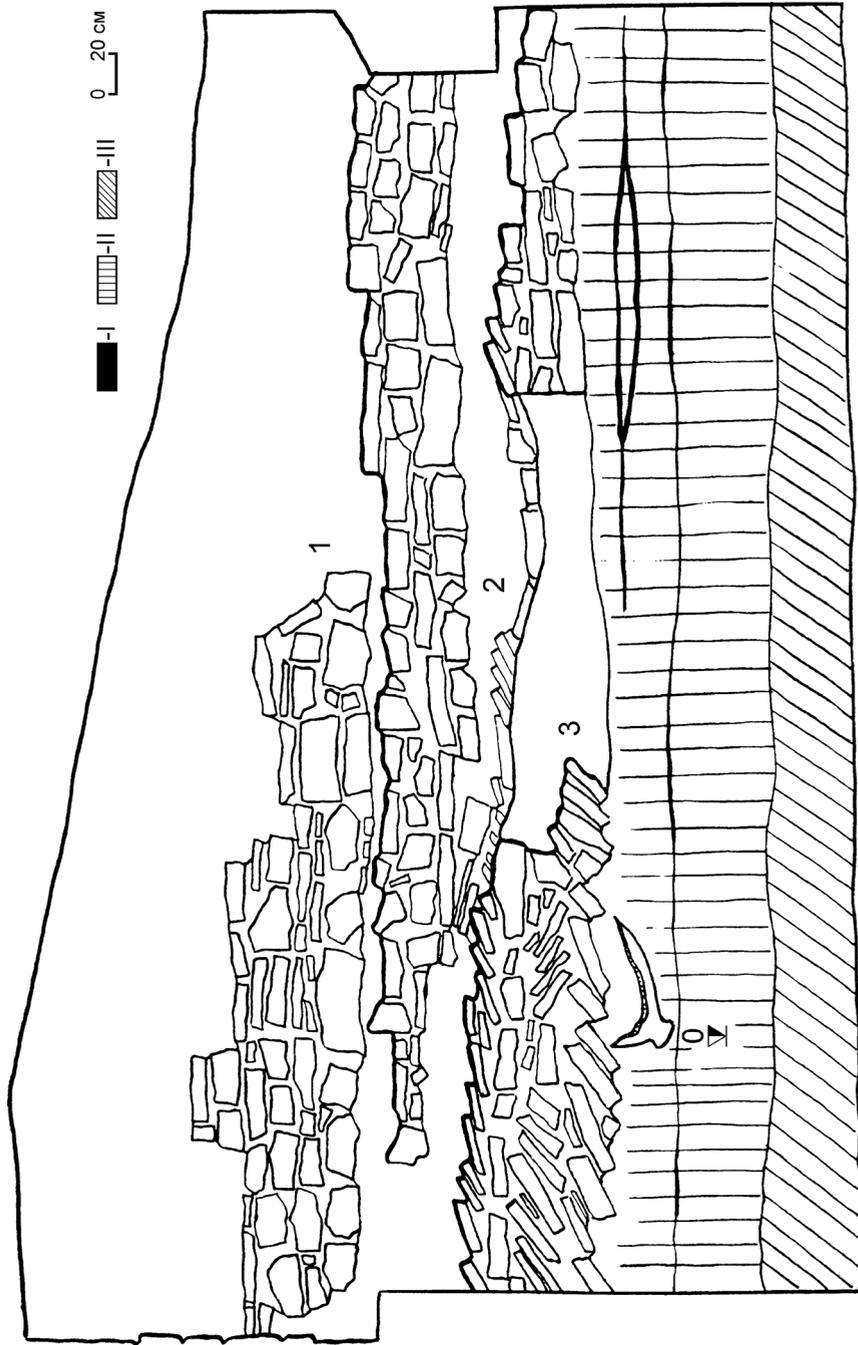

Рис. 3. Архитектурно — археологическая стратиграфия на участке Судацкого городища. 1 — кладка XIV в., 2 — кладка второй половины X в., 3 — кладка второй половины IX в. I — слой углей, II — слой серо-коричневой глины, III — слой серо-зеленой глины.

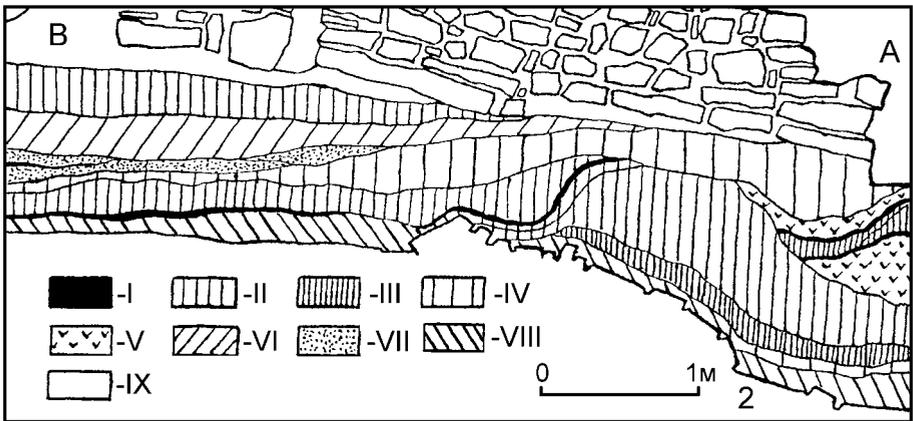
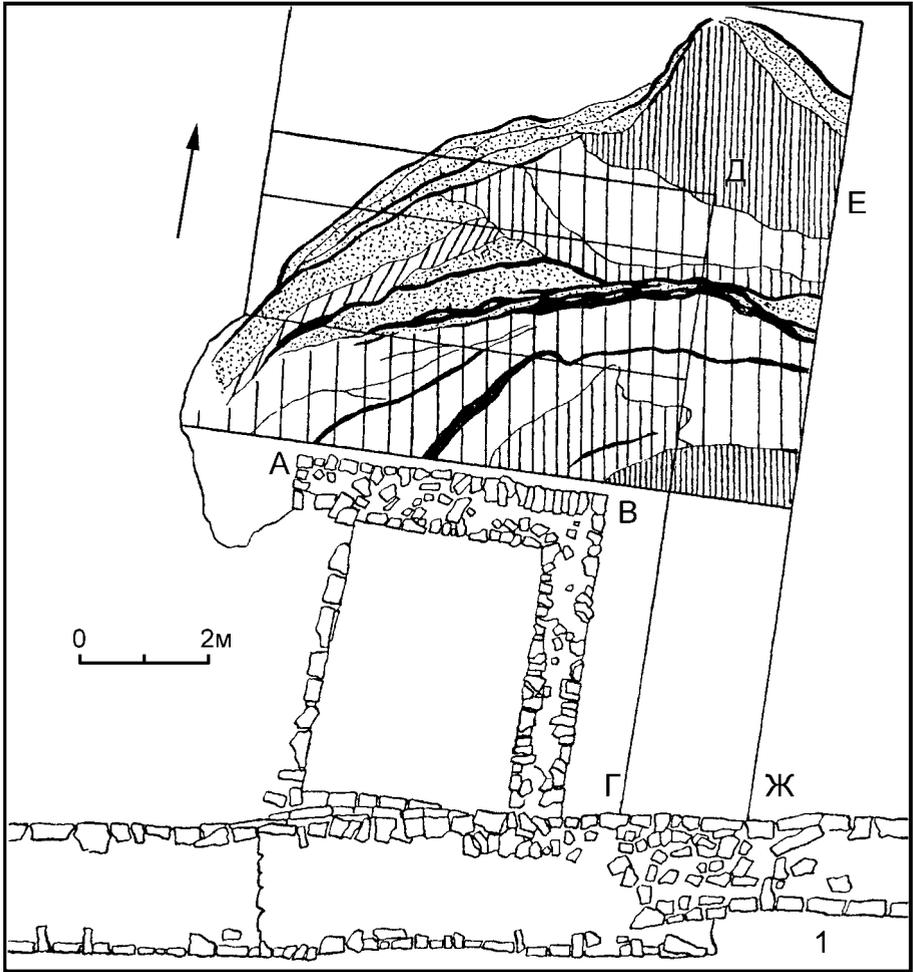
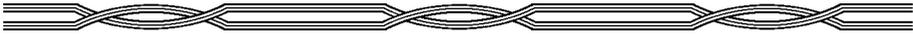

Рис. 4. Месторасположение и стратиграфия заполнения Судакского зольника. I — слой углей и золы, II — слой серой глины с известью и золой, III — слой серой глины и углями и золой, IV — светло — коричневый слой, V — серо-коричневый слой с желтыми прослойками, VI — коричневый слой с золой и углями, VII — пепел и светло-коричневая глина, VIII — зеленоватая глина с углями, IX — слой второй половины XI в.

Кроме того, в юго-западном борту раскопа 1993/94 гг. обнаружен угол еще одного дома с сохранившимися остатками двух отопительных сооружений (рис. 2). Последние, из-за чрезвычайно плохой сохранности, реконструировать практически невозможно. По той же причине трудно что-либо сказать и о конструкции самого объекта. В заполнении этой постройки также обнаружен материал исключительно второй половины X в.

Культовый памятник. Это открытый в 1987 и исследованный в 1990/93 гг., Судакский зольник, с внешней стороны примыкающий к оборонительной стене второй половины IX в. [Баранов, Майко 2001, с. 98–110]. Примерная его площадь составляет не менее 250 м². В плане сооружение представляет собой земляной холм высотой 5.5 м, полукругом примыкающий к крепостной стене. По оси север-юг памятник исследован на 8.6 м, что составляет около половины его протяженности, по оси запад-восток — на 8.40 м (рис. 4).

В стратиграфии восточного борта раскопа, разделяющего памятник пополам по оси север-юг, зафиксировано несколько культурных горизонтов. В верхней части по линии е-ж под слоем XIV в. расположен горизонт серого пепла, смешанного со светло-коричневой глиной. Этот не четко выраженный слой расчленен несколькими, расположенными одна под другой прослойками углей и золы (рис. 5: 1). Под ним, в южной части расположен слой золы без видимых примесей песка и серой глины (рис. 5: 2).

Далее расположен достаточно мощный оранжевый горизонт, насыщенный печиной и пережженной глиной (рис. 5: 3). Под ним — слой аналогичный горизонту 2 (рис. 5: 4), слой желто-оранжевой глины с примесью песка и печиной (рис. 5: 5) и расположенные последовательно слой аналогичный слою 3 (рис. 5: 6) и горизонту 5 (рис. 5: 7).

Далее тонкая прослойка углей отделяет горизонт 7 от слоя желтого песка, смешанного с золой и углями (рис. 5: 8). Ниже — падающий практически отвесно толстый горизонт углей и золы (рис. 5: 9), за ним мощный слой коричневой глины с примесью углей (рис. 5: 10).

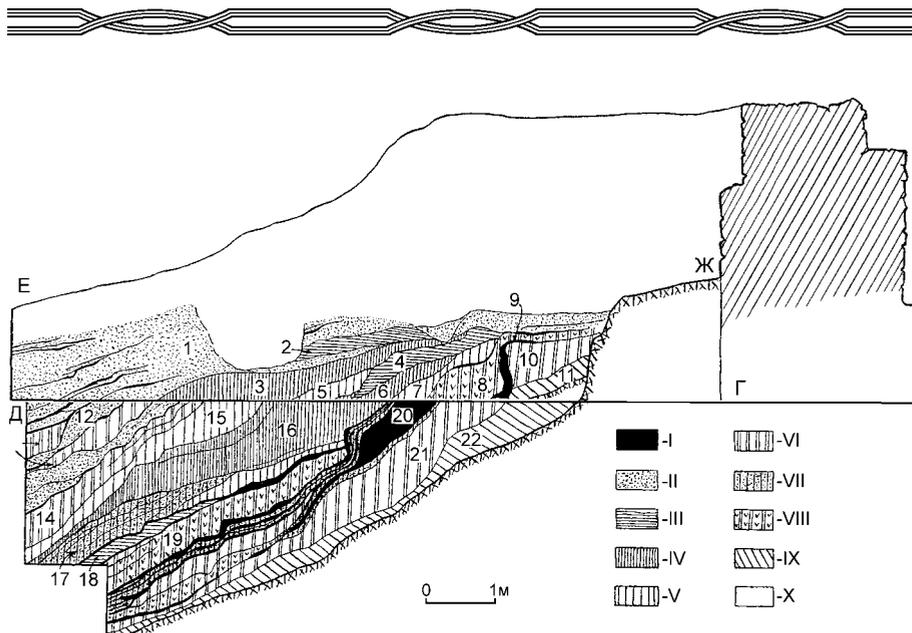

Рис. 5. Стратиграфия восточного борта раскопа Судакского зольника. I — угли и зола, II — пепел и светло-коричневая глина, III — зола и серая глина, IV — оранжевый слой насыщенный печиной, V — желто-оранжевая глина с примесью печины, VI — коричневая глина, VII — серо-коричневая глина с желтыми прослойками, VIII — желтая глина, IX — зеленоватая глина с углями, X — слой XIV в.

Подстикает горизонт 10 слой зеленоватой глины с обильными примесями печины и углей, вероятно, он связан с праболгарским святилищем и является остатками его зольника (рис. 5: 11).

Горизонты зольника по линии д-г в нижней его части частично являются продолжением вышеописанных слоев по линии е-ж. Вверху расположен слой 12 (рис. 5: 12), являющийся продолжением слоя 1, но расчлененный здесь не только более мощными прослойками углей, но и двумя толстыми слоями коричневой глины с примесью углей (рис. 5: 13). Такой же слой коричневой глины, но с большей концентрацией золы, подстикает слой 12 (рис. 5: 14). Далее идет слой желто-оранжевой глины с прослойками серой золы (рис. 5: 15) и один из самых мощных оранжевый горизонт золы и печины, являющийся продолжением слоя 3 (рис. 5: 16). Под ним слой с большей концентрацией песка, переходящий в серо-коричневый горизонт с большими примесями золы (рис. 5: 17). Далее расположен слой углей, расчлененный горизонтом светлого пепла (рис. 5: 18) и слой желтого песка с примесью серой золы (рис. 5: 19). Далее самый мощный горизонт углей, расчлененный прослойками золы, коричне-

вой глины с углями и смешанного с золой песка (рис. 5: 20), являющийся продолжением слоя 9. Ниже — не менее мощный слой коричневой глины, продолжающий слой 10 (рис. 5: 21). Подстигает указанные горизонты слой? являющийся продолжением слоя 11 (рис. 5: 22). Важной стратиграфической особенностью является то, что в плавно падающих упомянутых горизонтах и, прежде всего? углей и золы, фиксируются горизонтальные площадки, не повторяющие рельеф склона. Они явно имеют искусственное происхождение. В слое 1 длина площадки составляет 0.7 м, в слое 12 и 18 соответственно 1.48 и 0.8 м. В слое 20 зафиксированы две горизонтальные площадки, одна из которых наиболее яркая и выразительная для данного памятника. Высота и угол падения слоя 1 ниже горизонтальной площадки — невелики, что придает пологий характер сползания всему горизонту. Слои 12, 20 круто спускаются вниз по склону. В стратиграфии северной и южной стены раскопа на участке зольника, делящего памятник примерно пополам по оси запад-восток, выявлено несколько культурных горизонтов? каждый из которых сопоставляется со слоями восточной стены раскопа.

Подводя итог стратиграфической характеристике зольника Сугдеи, необходимо отметить разную мощность каждого из описанных горизонтов и разные углы их падения, зачастую не совпадающие с естественными углами падения склона оврага. Наибольшая мощность горизонтов зольника зафиксирована на участках горизонтальных площадок. Отсутствие каких-либо архитектурных деталей или капитальных сооружений, с которыми можно было бы связать столь мощный памятник, может являться одним из аргументов в пользу предположения о том, что зольник является земляным святилищем с ритуальными площадками. Атрибуция таких памятников как зольники сложна и неоднозначна. Большинство исследователей ставят в прямую зависимость процесс накопления зольника с функционированием того или иного культового сооружения. Ряд специалистов придерживается мнения, что часть зольников связана не с ритуальными действиями, а с производственной деятельностью [Бобринский, Волкова, Гей 1993, с. 18]. Однако, отсутствие каких-либо сооружений как культового, так и ремесленного характера? которые можно было бы связать с описываемым зольником, при достаточно полном археологическом исследовании этого участка куртины Сугдеи, позволяет пред-

---

положить, что сам зольник является земляным культовым объектом. Не исключено, что появление указанного зольника, безусловно, связанного с культом огня, является следствием влияния зороастрийского ритуала [Джанов 1996, с. 187–189]. Отметим, что, помимо сообщений письменных источников, в последнее время обнаружено довольно много археологических материалов, свидетельствующих о приверженности хазар этой религии, и, прежде всего, в Сугдее.

К их числу относятся несколько находок культового характера, дополняющих представление о духовной жизни и дающих дополнительный материал для культурной атрибуции населения Сугдеи, оставившего рассматриваемые памятники. Это модели храмов, изготовленные из глины, крупный замковый камень со свастикой и фрагмент сланцевого изделия, назначение которого в настоящий момент определить трудно. Остановимся на их характеристике подробнее.

Первая модель храма была обнаружена в слое второй половины X в. в портовой части Сугдеи на территории городища (рис. 6: 1). Изделие является фрагментом терракотовой модели культового здания размерами 8.0×7.5 см. Модель кубической формы, сохранилась на 1/2 первоначальной величины. На одной грани имеется выступ, напоминающий апсиду христианского храма, на которой показаны два стилизованных высоких окна, расположенных одно над другим. На нижней поверхности сохранившегося алтаря процарапана тамга в виде двузубца. На верхней грани имеется небольшое ступенчатое возвышение. Внутри изделия прорезано сквозное (от нижней до верхней грани) отверстие. Реконструируя первоначальную форму предмета, нужно сказать, что, вероятно, апсидообразные выступы имелись на трех боковых гранях. На четвертой должен был быть изображен вход. Ниши, которые находились в этих выступах, предназначались для установки статуй богов. Если храм предназначался для отправления царского обряда, в них помещались статуи царей. Вероятно, это модель зороастрийского храма с очагом в центре и нишами для статуй богов. Наиболее известным из таких храмов является Сурх-и-Котал в Афганистане, построенный первым кушанским царем Канишкой [Джанов 1996, с. 189]. Вторая модель храма была обнаружена при раскопках храма Девы Марии на центральной городской площади гонуэзской Солдаи в 1985 г.

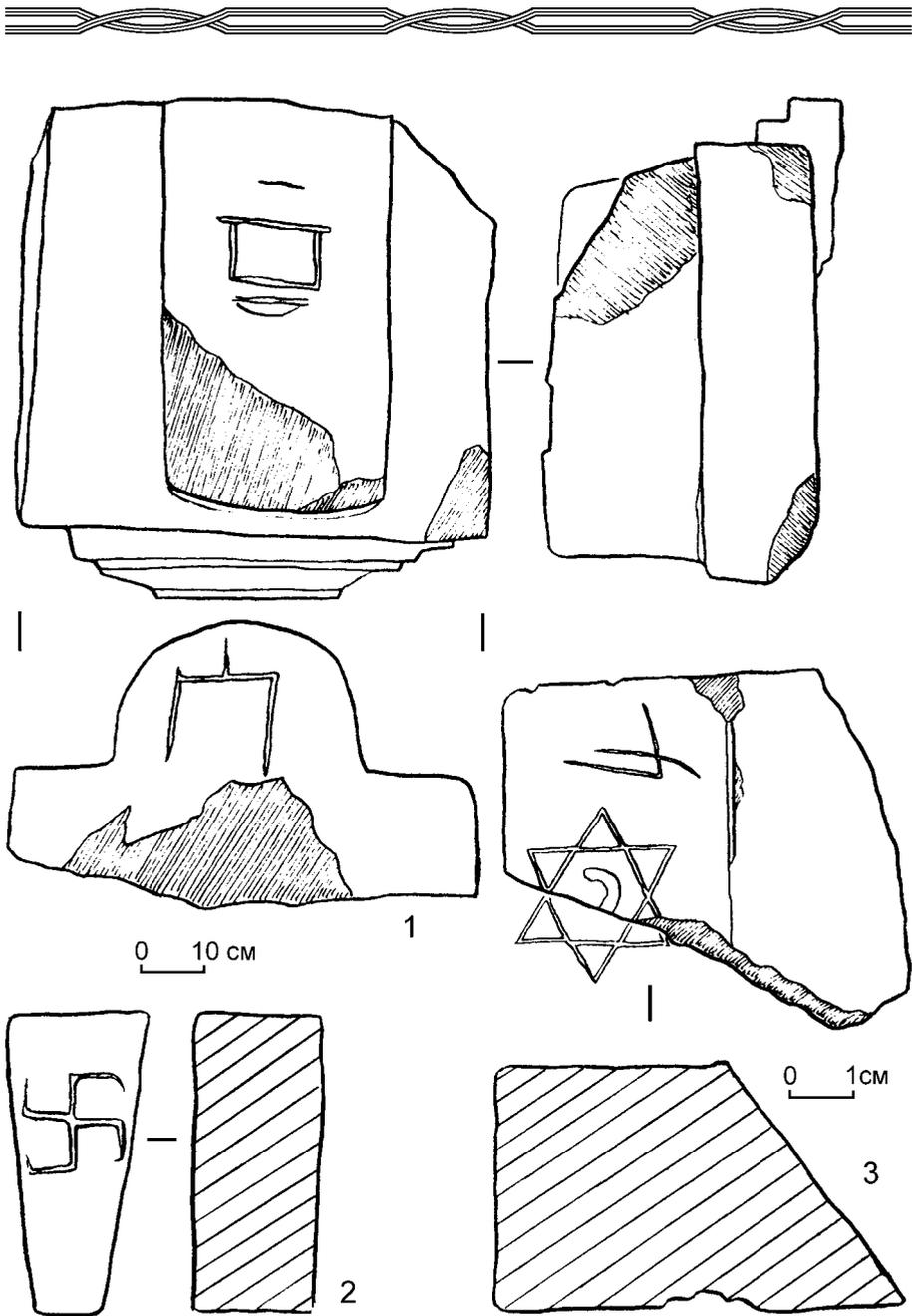

Рис. 6. Изделия культового характера из раскопок Сугдеи.

Изделие имеет так же кубическую несколько вытянутую и сужающуюся кверху форму. В нижней части объема с одной стороны выполнены две, а с другой — три арковидные ниши, разделенные колоннами. Техника исполнения достаточно реа-

листочная. В верхней части изделия — растительный орнамент, заключенный в полукруг. На верхней грани изделия — своеобразная труба для выхода дыма. В отличие от модели храма, описанной выше, точной архитектурной аналогии данной модели среди зороастрийских культовых сооружений найти пока не удается.

Замковый камень со свастикой был обнаружен в портовой части Сугдеи в 1994 г. на участке раскопа 1993–1994 гг. (рис. 6: 2). Он был прислонен к внешнему панцирю северной стены праболгарского дома предшествующего этапа, поставлен на торец и обращен солярным знаком в сторону мощеной площадки второй половины X в. Последняя, с примерными размерами 1.7×2.5 м, находилась непосредственно к северу от внешнего панциря северной стены упоминавшегося дома-пятистенки VIII–X вв. С севера эта площадка была ограничена кладкой, уходящей в борт раскопа и до конца не исследованной.

Последнее изделие культового назначения обнаружено на участке куртины XV Судакской крепости в слое X–XI вв. Это фрагмент прямоугольного сланцевого изделия со скошенной гранью. На верхней стороне тонкой линией процарапана звезда Давида и тюркская тамга (рис. 6: 3). На нижней стороне имеется неровный паз. Как уже указывалось, объяснить назначение подобного изделия в настоящее время трудно. Однако, оно свидетельствует о роли иудаизма среди верований населения, оставившего данные памятники Сугдеи второй половины X в.

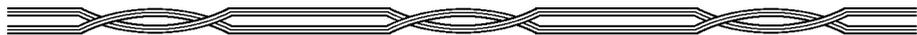
Погребальные памятники. Вследствие слабой изученности и при практически полном отсутствии антропологических исследований, сложнее всего выделить погребальные памятники, принадлежащие населению, оставившему в середине X в. рассматриваемые памятники. По погребальному инвентарю, к периоду второй половины X — началу XI вв. можно предположительно отнести всего несколько могил. Большая их часть обнаружена в Сугдее. Первую группу составляют уникальные плитовые захоронения юго-восточного Крыма с иудейскими чертами в погребальном обряде. Первая безинвентарная могила обнаружена на посадке Сугдеи (могильник Судак-IVa, раскопки М.А. Фронджуло). Каменный ящик размерами 2.16×0.90 м при глубине 0.84 м сложен из крупных сланцевых плит, поставленных на ребро, и ориентирован по оси северо-запад — юго-восток. В заполнении захоронения обнаружено 3 яруса костя-

---

ков. Первый составлял хорошо сохранившийся костяк. Скелет вытянут, кости рук сложены на поясе, кисти — на локтях. Второй ярус образуют два сильно разрушенных костяка, расположенных один возле другого. Кроме них, в этом ярусе в изголовье могилы зачищено еще 5 черепов. Третий, первоначальный ярус составляет единичное, частично разрушенное погребение. Костяк вытянут, кости рук, вероятно, были сложены на поясе, кисти — на локтях. С внутренней стороны сланцевой плиты, являющейся западной длинной стенкой захоронения, квадратным письмом прочерчено слово на иврите □□□□□. Как свидетельствуют первоначальные попытки исследований, это слово практически не поддается переводу, т.к. написано человеком, не знавшим грамматику иврита, и не исключено, что вверх ногами. Такая ситуация характерна прежде всего для тюрок (хазар), принявших иудаизм.

Вторая могила расположена на территории могильника Судак-II в юго-западной части посада Сугдеи (раскопки М.А. Фронджуло). Каменный ящик размерами 2.30×0.67 м и глубиной 0.30 м, трапециевидной формы, сложен из блоков песчаника и небольших плит сланца. Он ориентирован по оси запад-восток. Первый ярус составляли частично разрушенные костяки, расположенные один на другом. Кости рук первого — несомненно, а второго — предположительно, сложены на поясе, кисти — на локтях. Погребальный инвентарь составляют четыре стеклянных браслета: 3 — у верхнего костяка, 1 — у нижнего. Кроме того, у последнего обнаружена и бронзовая пуговица-подвеска. Второй ярус составлял хорошо сохранившийся костяк. Кости рук скрещены на груди, кисти — на плечах. На левой руке обнаружено 3 стеклянных браслета. В изголовье были зачищены пять разрушенных черепов и длинных костей, которые относятся к первоначально погребенным. Камень обкладки северной стенки захоронения в изголовье содержал прочерченное изображение миноры (семисвечника) и тюркской тамги.

Датировать оба вышеописанных погребения достаточно сложно. Подобные стеклянные браслеты чаще всего встречаются в комплексах X — XI вв. Типологически близкие могиле 227 “с миной” погребения раскопаны А.Е. Люценко в 1867 г. в Керчи [*Корпус Боспорских надписей 1965, № 745, 746, 777*] и на Фанагорийском городище [*Люценко 1880, с. 573–580*]. На последнем некрополе обнаружено более 50 надгробий с семисвеч-

никами, четыре из которых имели надписи на древнем иврите, а 26 — тамгообразные знаки на оборотной стороне плит. В.В. Григорьев и В.Г. Тизенгаузен, а следом за ними М.И. Артамонов и И.А. Баранов, атрибутировали знаки на Таманских надгробьях как тюркские родовые тамги, и на этом основании связали надгробья с минорой и тамгами с хазарами, принявшими иудаизм. Кроме Керчи и Фанагории, аналогичные надгробья известны на Мангупе, Алустоне, Партенитах, в Херсонесе.

Нельзя не отметить и тот факт, что и в первой, и во второй из вышеописанных могил, в качестве погребального сооружения использована обычная христианская плитовая могила. При этом учтем, что в каменных склепах середины VIII в. на участке куртины XIV Судакской крепости, связываемых с этническими хазарами, налицо несомненные христианские черты (погребальная христианская надпись, прочерченные христианские кресты и др.).

Также и в салтово-маяцких погребениях второй половины IX — первой половины X вв. из Михайловского археологического комплекса на территории Керченского полуострова, связываемых с принявшими иудаизм праболгарами, в качестве погребального сооружения так же использована христианская плитовая могила.

В этой связи интересно отметить, что среди разнообразных граффито встреченных на стенках амфор из комплексов рассматриваемых памятников, присутствуют и монограммы имени Иисуса Христа, простые прочерченные кресты. Все это свидетельствует о значительном влиянии христианства.

В этой связи, в качестве постановки проблемы, отметим существование очень интересного типа плитовых могил Сугдеи, которые датируются в рамках середины X — начала XI вв. [Майко, Фарбей 1997, с. 101–103]. В отличие от остальных типов плитовых могил, датировать которые, исходя из конструкции погребального сооружения, практически невозможно, они отличаются, во-первых, стабильным типом погребального сооружения, во-вторых, довольно богатым и разнообразным погребальным инвентарем, имеющим достаточно узкие хронологические рамки бытования.

Выделяемые плитовые могилы обнаружены пока только на территории уже упомянутого могильника Судак-II (раскопки М.А. Фронджуло).

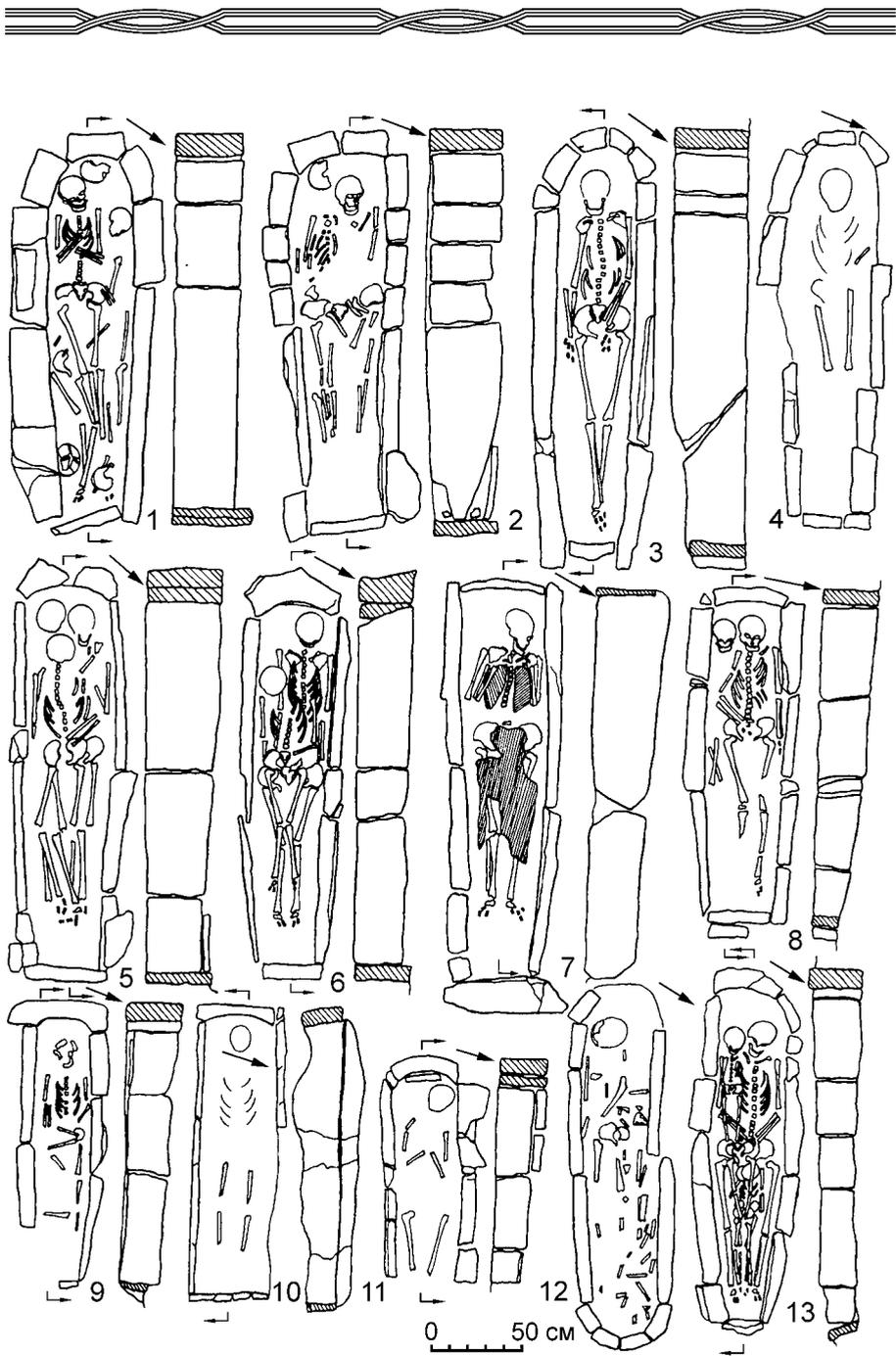

Рис. 7. Плитовые захоронения некрополя Судак — II.
 1 — м.43, 2 — м.241, 3 — м.251, 4 — м.252, 5 — м.249, 6 — м.25, 7 — м.95, 8 — м.13, 9 — м.266, 10 — м.264, 11 — м.114, 12 — м.7 (раскопки И.А. Баранова), 13 — м.42.

Это плитовые могилы (всего исследована 21) подпрямоугольной формы, несколько сужающиеся к ногам. Восточная короткая и длинные стенки чаще всего сложены из поставленных на ребро крупных монолитных плит сланца. Западная же короткая стенка, сложенная из пиленых блоков песчаника, представляет собой полукружие различной конструкции, в связи с чем можно выделить несколько вариантов. Вариант 1 — в изголовье расположены от 3 до 6 блоков песчаника (рис. 7: 3, 4; 8: 13). Вариант 2 — аналогичные блоки образуют и начало длинных стенок (рис. 7: 1, 2). Вариант 3 — западной стенкой могилы является пиленый блок (редко 2) песчаника, имеющий овальное углубление с внутренней стороны (рис. 7: 5–11). Вариант 4 — обе короткие стенки могилы сложены в виде полукруга (рис. 7: 12). Вариант 5 — склеп по конструкции аналогичный могилам варианта 1. Полукружие составляют блоки песчаника в пять рядов. Южная стена в отличие от северной, типичной, состоит из необработанных камней сланца в три неровных ряда (рис. 8: 1). Не исключено, однако, что это позднейшая перестройка [Майко, Фарбей 1997, с. 101–103]. Обряд погребения в плитовых могилах всех вариантов — стабильный. Погребенные лежали на спине, головой на запад. Кисти рук чаще всего сложены на тазе или на груди. Количество погребенных, за исключением нескольких могил, колеблется от 2 до 6. Наблюдаются как случаи сдвигания костяков к одной из стенок каменного ящика при последующем захоронении, так и использование погребального сооружения в качестве костницы. Есть и долговременные коллективные погребения, где покойники располагались в два или даже в три яруса.

Основанием для датировки служит разнообразный погребальный инвентарь, обнаруженный практически во всех анализируемых могилах. Первая его категория — разнообразные бусы из пастового стекла, сердолика, бисера (рис. 8: 10). Общее их количество в захоронениях этого типа превышает 500 экземпляров. Из них для приблизительной датировки можно использовать лишь крупные глазчатые бусы (рис. 8: 14). Согласно существующим типологиям бусы именно этого варианта датируются в рамках X — XI вв. [Плетнева 1989, с. 172; Полубояринова 1988, с. 151–219; Львова 1968, с. 73–90]. Уникальной находкой представлен небольшой стеклянный сосудик-бальзомарий (рис. 8: 11).

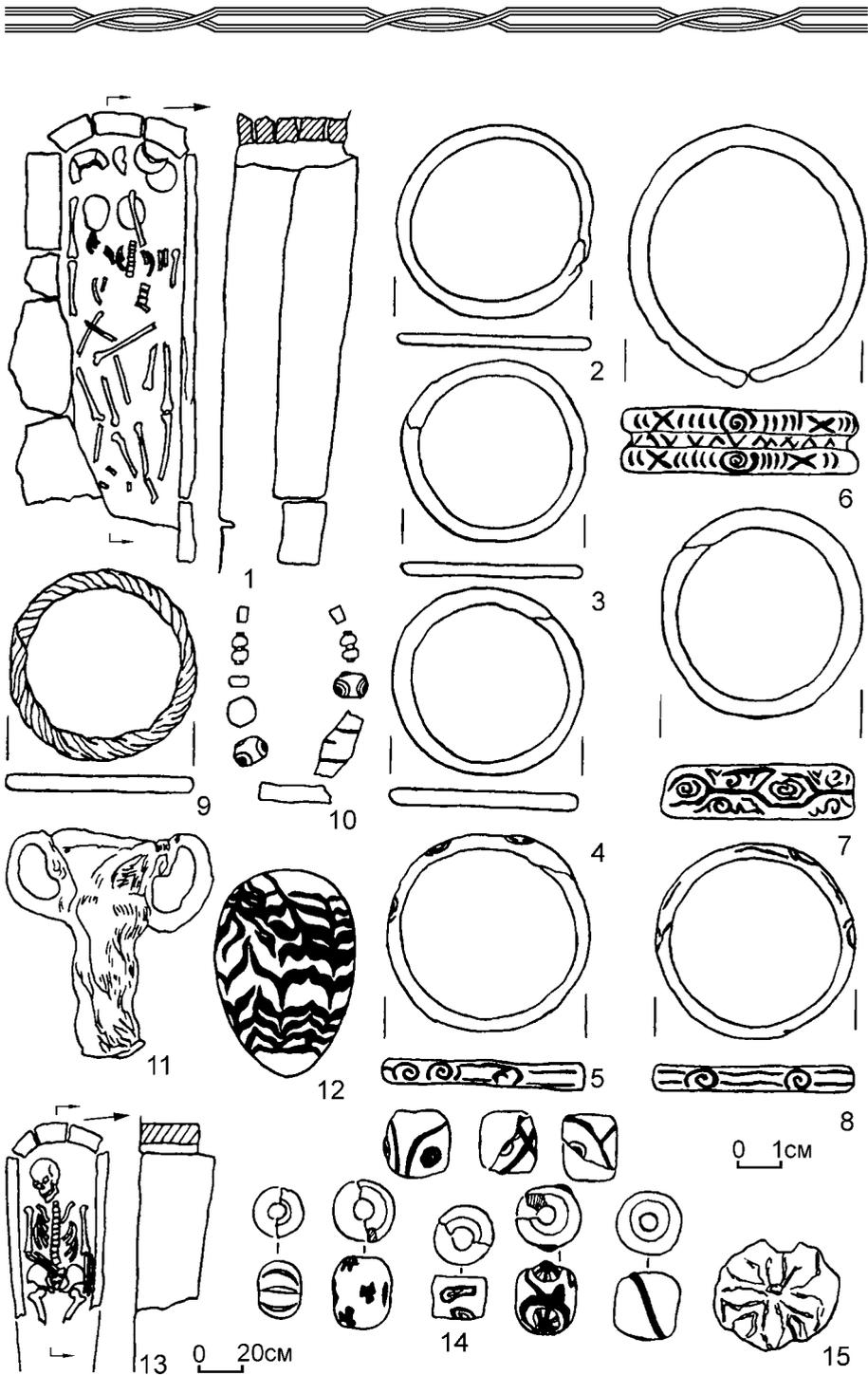
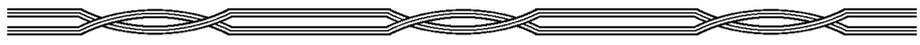

Рис. 8. Плитовые захоронения некрополя Судак-II. 1-12 — могила № 4; 13-15 — могила № 93.

Кроме того, обнаружены и перламутровые пуговицы (рис. 8: 15). Отдельную категорию находок составляют разнообразные по цвету стеклянные браслеты. Некоторые из них орнаментированы спиральями в сочетании с волной (рис. 8: 2–9). Традиционно они датируются в рамках X — XI вв., а в XII в. постепенно выходят из употребления. Сказанное справедливо и в отношении разнообразных изделий из бронзы. Среди них, за исключением бронзовых копоушек второй половины IX — первой половины X вв., характерных для салтово-маяцких захоронений полуострова, практически отсутствуют вещи, датированные ранее середины X в. В то же время, наличие последних позволяет сузить хронологические рамки бытования описываемых плитовых могил серединой X — серединой XI вв. Об этом свидетельствует и керамическая писанка киевского производства, обнаруженная в захоронении варианта 5 (рис. 8: 12). Нельзя обойти молчанием и тот факт, что именно в могилах этого типа (в основном детских) обнаружено подавляющее количество раковин каури. Наличие последних в христианских плитовых могилах объясняется пережитками язычества [Махнева 1968, с. 167; Фронджуло 1974, с. 150].

Таким образом, представляется возможным связать какую-то часть рассмотренных плитовых могил с полностью христианизированной частью населения, оставившего данные памятники. В этой связи отметим, что в заполнении каменного склепа, обнаруженного на территории салтово-маяцкого могильника в северо-западной части посада Сугдеи, найден фрагмент венчика горшка, типичного для переселенцев. Указанный склеп связывается с принявшими христианство праболгарами. Не исключено, что объект функционировал и в середине X в., т.е. после того, как сам могильник не использовался.

Подводя итог анализу жилых, культовых и погребальных памятников населения, оставившего рассматриваемые объекты, во-первых, еще раз отметим общетюркские традиции в домостроительстве и использование праболгарских домов предшествующего времени. Во-вторых, сложный религиозный синкретизм при несомненном влиянии иудаизма, проявившийся в своеобразии культовых памятников и некоторых типов погребальных сооружений. В-третьих, влияние византийской культуры и идеологии, которому было подвержено тюркоязычное население Таврики в течение всего периода раннего средневе-

ковья. Наиболее ярко это влияние, на наш взгляд, проявилось в своеобразии погребальных памятников.

Реконструировать историческую топографию Сугдеи рассматриваемого хронологического периода чрезвычайно сложно. Складывается впечатление, что она мало чем отличалась от исторической топографии города предшествующего салтово-маяцкого этапа. Это, во-первых, один из аргументов в пользу тюркского характера культуры населения этого времени, во-вторых, возможность, применяя ретроспективный метод, привлекать и материал предшествующего периода. Итак, во второй половине X — начале XI вв. продолжает активно застраиваться территория Судакского городища в портовой части. Вместе с тем, многие жилые сооружения предшествующего времени перестраиваются и приспособляются под жилье. Северный склон крепостной горы и в это время был, очевидно, застроен слабо. На участке же крепостной куртины XV, где до этого располагались культовые объекты салтово-маяцкого времени, возникает крупный зольник, имевший, возможно, и ритуальное назначение. Значительно расширяется площадь могильника Судак-II, возникшего еще в середине IX в. на юго-восточном участке посада города. Именно он становится в это время главным городским некрополем. Не исключено, что уже в это время главный городской порт располагался в бухте пос. Новый Свет.

Описание материальной культуры населения Сугдеи рассматриваемого хронологического этапа логично начать с самого массового материала — керамики.

Керамический комплекс. Предваряя описание тарной керамики, отметим, во-первых, что крупные красноглиняные гладкостенные и реберчатые пифосы, столь характерные для салтово-маяцких памятников полуострова, в анализируемых комплексах встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Во-вторых, хорошо известные в Крыму т.н. высокогорлые кувшины с ленточной ручкой, появляющиеся в Таврике в середине IX в., в комплексах второй половины X в. в количественном отношении превышают амфорную тару. Это также не характерно для салтово-маяцких памятников Крыма. Что касается амфорной тары, то следствием гибели во второй четверти X в. праболгарских городов и поселений салтово-маяцкой культуры Таврики, явилось прекращение хорошо налаженного местного производства амфор, носившего товарный характер.

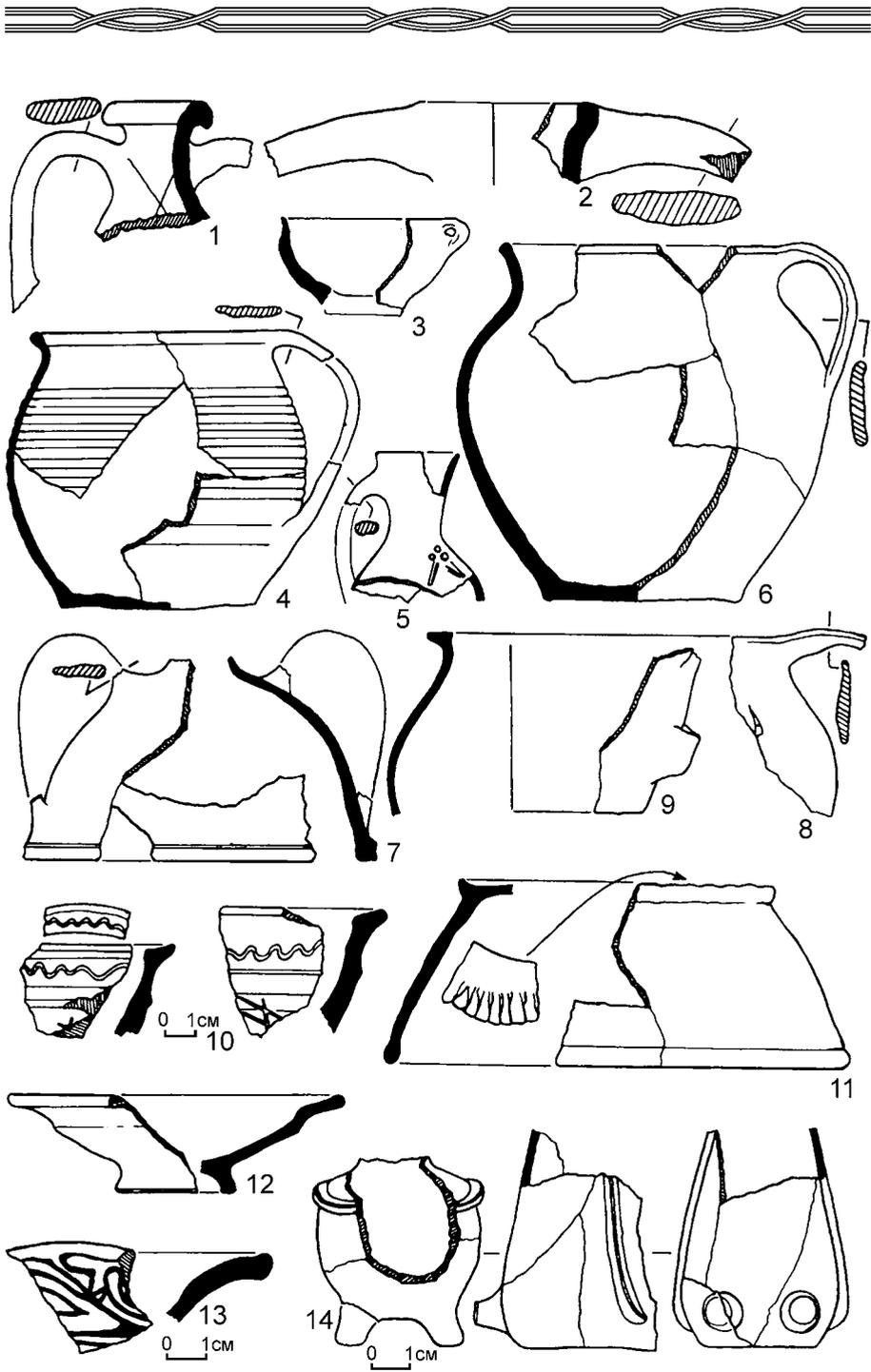
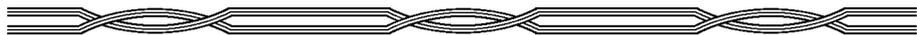

Рис. 9. Основные составляющие керамического комплекса населения Сугдеи второй половины X в.

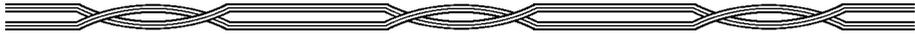

Это совпало с началом производства в Византии и проникновением в Крым совершенно новых типов амфор. Таким образом, самой характерной особенностью керамических комплексов Сугдеи этого времени является наличие новых для полуострова импортных византийских амфор. В настоящее время, исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, можно выделить три типа и пять соответствующих им вариантов этих амфор.

Тип 1 — преобладающий в количественном отношении над другими, представлен хорошо известными оранжево и красноглиняными амфорами с венчиком в виде “отложного воротничка” (рис. 9: 1). Они были достаточно широко распространены на территории Византийской империи, в особенности на побережье Черного моря и на востоке Балканского полуострова [Майко 2001а, с. 118–122]. В Крыму появление таких амфор относят к середине X в. Несколько позднее они проникают в Подонье. В Саркеле они встречены уже в русско-хазарских слоях, относящихся ко времени после 945 г. [Плетнева 1959, с. 245]. На Нижний Дунай и в Добруджу они попадают не ранее рубежа X — XI вв. [Barnea 1989, p.133; Балабанов 1992, с. 166; Дончева-Петкова 1985, с. 131]. В качестве импорта они попадали в города Киевской Руси, где встречены в комплексах XI в. [Ивакин, Степаненко 1985, с. 90].

Центр производства амфор типа 1 остается до настоящего времени невыясненным. Исходя из того, что наиболее ранние находки встречены в регионе северо-восточного побережья Черного моря, можно предположить, что попасть туда они могли из Малой Азии через Кавказ и Тамань. Из малоазийского региона амфоры впервые появились в Крыму и лишь спустя 50 лет оказались на Балканах. А.Л. Якобсон, а следом за ним и В.Л. Мыщ выделили два варианта описываемых сосудов [Якобсон 1979, с. 110–111; Мыщ 1991, с. 87]. Первый, наиболее ранний, представлен амфорами, ручки которых расположены под венчиком почти перпендикулярно по отношению к горлу сосуда. Второй — представлен аналогичными амфорами, у которых похожие в сечении ручки несколько приподняты над венчиком.

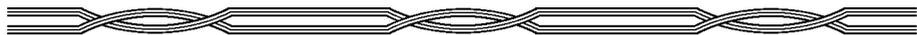
В настоящее время представляется возможным выделить третий вариант амфор с венчиком в виде “отложного воротничка” [Джанов, Майко 1998, с. 169, рис. 8]. В отличие от двух предыдущих, их ручки высоко подняты над венчиком. Хронологи-

чески амфоры этого варианта, возникшие не ранее рубежа X — XI вв., самые поздние и являются переходными от описываемых сосудов к веретенообразным амфорам с гребенчатым рифлением и высокоподнятыми над венчиком овальными в сечении, массивными ручками XII — XIV вв.

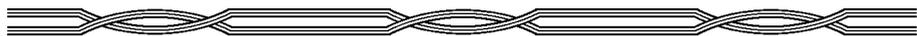
Тип 2 — оранжевоглиняные амфоры с грушевидным рифленным ангобированным туловом, маленьким горлом и дуговидными овальными в сечении ручками, расположенными под венчиком. Центр их производства надежно локализован в районе Саркей и Газики на побережье Мраморного моря у подножья горы Ганос, в 140 км к юго-западу от столицы Византийской империи, где они функционировали со второй половины IX до середины XIV вв. [*Gunsenin 1990, p. 1288–1289*]. В современной археологической литературе они подразделяются на два варианта: с овальным и клиновидным венчиками [*Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 143; Vjelajac 1989, p. 112*]. Однако, это деление достаточно условно. Так в портовой части Сугдеи найдена амфора этого типа с почти клиновидным венчиком. Раскопки последних лет дали несколько подобных амфор с вытянутым туловом, выраженным перехватом и дном, тяготеющим к остродонному. Анализируемые амфоры получили широкое распространение на Балканах [*Barnea 1989, p. 132; Vjelajac 1989, p. 112*]. В Крыму они встречаются реже. Помимо Херсонеса и Сугдеи целые экземпляры происходят из Партенит, Ласпи [*Паршина 2001, с. 104–107*], подводных исследований в портовой части Керкинитиды* и некоторых южнобережных памятников. В качестве импорта они так же достаточно хорошо известны в древнерусских материалах и прежде всего в Киеве [*Зоценко 2001, с. 189–191*]. Амфоры типа 2 дали интересную коллекцию клейм. Их анализ — тема отдельного исследования.

Тип 3 — желтоглиняные крупные рифленые амфоры с грушевидным туловом. Отличительной их особенностью, помимо состава теста, являются массивные уплощенные ручки, отходящие непосредственно от края венчика. Последний округлой формы, имеет ярко выраженный паз для крышки (рис. 9: 2). Нижняя часть может быть либо округлой, как на экземплярах из Сугдеи [*Майко 2001, с. 121, рис. 1: 9*], либо плосковогнутой, как на экземпляре из Бодрумского музея [*Паршина 2001, с. 107, рис. 4*]. В археологических комплексах Сугдеи второй

половины X в. данные амфоры представлены крупными фрагментами, позволяющими, по аналогии, реконструировать профиль сосуда. В целом, данные амфоры редки для Таврики. Единственный археологически целый экземпляр, правда без дна, обнаружен в Херсонесе в комплексе с высокогорлым кувшином с ленточной ручкой и кувшинчиком, характерным для второй половины X в. [*Якобсон 1950, с. 117, рис. 38: 7; 1979, с. 72, рис. 43: 7*]. Центр производства амфор этого типа, как и территория распространения, пока окончательно не выяснены. По мнению И.В. Волкова, относящего эти амфоры к т.н. группе клейм “А В”, возможным местом их производства является Гесперия либо Эгейский бассейн [*Волков 2001, с. 131–135*]. Уточнить происхождение амфор сложно и по той причине, что во второй половине X в. эти амфоры безусловно встречаются. Однако, выделить узкие хронологические комплексы, относящиеся к концу этого столетия, на материалах Сугдеи пока не представляется возможным. В юго-восточном Крыму амфоры типа 3 впервые появляются в поздних салтово-маяцких комплексах первой половины X в. в виде мелких фрагментов. Верхнюю хронологическую границу их бытования, как уже указывалось, в настоящее время определить трудно. Вероятно, она приходится на конец X в.

Второй категорией тарной керамики являются хорошо известные для полуострова высокогорлые кувшины с ленточными ручками. Установлено, что на полуострове они появляются в середине IX в. [*Баранов 1990, с. 20*] и существуют, по крайней мере, до начала XI в. Предпринимавшиеся в литературе попытки осуществить их морфологическую и хронологическую типологию не дали положительных результатов. Большинство исследователей согласно с тем, что центр их производства находился на Тамани [*Плетнева 1959, с. 249*]. В пользу их северокавказского происхождения говорит нефтяная смола, которой пропитаны внутренние поверхности большинства кувшинов. О разработке открытых месторождений нефти в районе Зихии и Таматархи в середине X в. сообщает Константин Багрянородный [*Константин Багрянородный 1989, с. 272–273*]. Заканчивая описание тарной посуды, необходимо отметить, что на всех типах амфор и высокогорлых кувшинах присутствуют разнообразные граффито, причем в очень больших количествах. Только Судакская коллекция в настоящее время насчитывает более

сотни экземпляров. Их анализ и дешифровка — тема отдельного исследования.

Самой яркой и выразительной частью керамического комплекса рассматриваемых памятников Крыма является *кухонная посуда*. Выделено три типа горшков, два типа ойнахой, три типа кувшинов, крышки и миски [Майко 1999б, с. 40–63].

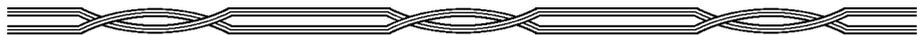
Тип 1 — горшки с плавно отогнутыми уплощенными венчиками, имеющими иногда тонкий паз для крышки, высокой шейкой, коническим или шарообразным туловом (рис. 9: 6). Характерной их особенностью является ленточная ручка, по технологии изготовления полностью идентичная ручкам высокогорлых кувшинов. На плечиках сосудов часто встречается орнамент в виде одной или двух горизонтальных линий. Выделено три варианта горшков этого типа. Остальные типы кухонной посуды изготовлены из хорошо отмученной плотной глины с практически незаметными примесями песка и пиритов. Тип 2 — горшки с т-образным венчиком различной профилировки. Шейка практически отсутствует. Тулово шарообразное, в некоторых случаях приближающееся к яйцевидному. Ручка сосудов плоская, широкая, чаще всего с каннелюрами, прилеплена непосредственно к краю венчика, нижний прилеп — в придонной части тулова (рис. 9: 8). Днище сосудов линзовидное, несколько выпуклое. В придонной части встречается пролощенная полоса, присутствующая иногда и на самом дне по его радиусу. Выделено три варианта горшков этого типа. Тип 3 — аналогичные по морфологическим показателям горшки с т.н. каплевидным венчиком (рис. 9: 4). Разделены на 5 вариантов.

Вторую категорию посуды составляют ойнахойи. Они представлены двумя типами. Технологически ойнахойи совершенно идентичны горшкам типов 2 и 3. Тип 4 — ойнахойи с шаровидным или яйцевидным, реже — волнообразным туловом, образованным симметричными вмятинами по его радиусу, короткой шейкой и плавно отогнутым венчиком. Отличительной особенностью ойнахой этого типа является наличие на месте верхнего и нижнего прилепов ручки двух сквозных отверстий для подвешивания сосуда. Тип 5 — ойнахойи с шаровидным, иногда волнообразным туловом, широкой цилиндрической шейкой и почти прямым плоским венчиком. Характерной особенностью этого типа ойнахой, помимо ручки, является неширокое плиточное дно.

Из-за фрагментарности находок, труднее всего типологически расчлениить следующую категорию керамики — кувшины. Предварительно выделено три типа. Тип 6 — сосуды, у которых диаметр дна немного меньше диаметра плечиков. Тулово гладкое или рифленое. Горло высокое, расчлененное в верхней части ребром. Тип 7 — образуют кувшины с туловом, приближающимся к грушевидному. Дно широкое плоское. Тип 8 — образуют небольшие кувшинчики, у которых диаметр дна несколько меньше диаметра плечиков. Тулово цилиндрическое, плечики расположены на середине высоты. Тип 9 — крышки конической формы. У них плоская широкая горизонтальная ручка с каннелюрами. Характерной особенностью этих крышек является небольшой своеобразный кольцевой поддон, образованный вследствие нанесения на верхнюю часть сосуда орнамента в виде пальцевых зацепов (рис. 9: 7, 11). Выделено 4 варианта. Тип 10 — составляют сосуды условно названные котлами (рис. 9: 9). Морфологически подобны ойнахойям типа 4. Характерной особенностью этой категории керамики является небольшая широкая горизонтальная ручка для подвешивания, расположенная в придонной части сосуда, непосредственно под типичной для данной посуды вертикальной ручкой с каннелюрами. Тип 11 — миски (рис. 9: 3). Предварительно выделено четыре варианта.

Столовая посуда. Это в подавляющем большинстве кувшины, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины коричневого, бежевого или зеленовато-бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести [Майко 2001б, с. 205–217]. Поверхность сосудов чаще всего покрыта сплошным лощением. Характерной особенностью этой категории керамики является и своеобразный прорезной орнамент, нанесенный по сырой глине, в виде различного сочетания треугольников и ромбов, выполненных двойной линией с одним — тремя сомкнутыми или разомкнутыми концентрическими кружками на углах. Описываемые типы орнамента в некоторых случаях заполнены белой пастой. Тип 1 — наиболее многочисленный. Это кувшины с грушевидным туловом на широком дне, диаметр которого равен, либо чуть меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты, либо в нижней части тулова. Горло узкое, высокое, расчлененное валиком. Выделено еще четыре варианта кувшинов этого типа (рис. 9: 5). Тип 2 — кувшины с туловом,

напоминающим цилиндр. Диаметр дна несколько меньше диаметра плечиков, расположенных чуть ниже середины высоты сосуда. Горло невысокое, цилиндрическое и широкое. Тип 3 — кувшины с яйцевидным туловом крупных размеров. У них диаметр дна меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты сосуда. Возможно, кувшины типа 3 имели боковые ручки для поддержки сосуда. Тип 4 — тонкостенные кувшины по морфологии близкие типу 1, но изготовленные из светлой глины и имеющие заглаженную поверхность, лишенную лощения. Тип 5 — кувшинчики, имеющие ярко выраженные зооморфные черты (рис. 9: 14). Тип 6 — единственная миска с конусовидным туловом на широком дне. Округлый венчик практически не выражен, лишь на месте шейки имеется небольшое плавное углубление по всему радиусу сосуда.

Следующей категорией керамического комплекса является поливная бело-глиняная посуда константинопольского производства, встреченная в основном в виде фрагментов [*Баранов, Майко 1997, с. 21–23*]. Тип 1 — самый многочисленный. Это фрагменты глубоких конических курильниц с петлевидными ручками на небольшом прорезном кольцевом поддоне. Форма тулова приближается к баночной (рис. 9: 10). Тип 2 — курильницы с петлевидными ручками, на высоком прорезном кольцевом поддоне с маленьким клиновидным венчиком и острым плечем, придающим сосуду форму неглубокой конической миски. Встречаются данные курильницы реже. Тип 3 — небольшие неглубокие открытые тарелки на невысоком кольцевом поддоне, имеющие плавно отогнутый венчик с более или менее ярко выраженным пазом для крышки (рис. 9: 12). Тип 4 — более глубокие конические миски без шейки и с небольшим рельсовидным венчиком. Тип 5 — маленькие полусферические мисочки с уплощенным, плавно отогнутым почти под прямым углом широким венчиком. Тип 6 — небольшая бело-глиняная лампадка, вероятно, на плоском широком дне с тремя (?) подквадратными небольшими ручками, отходящими от края венчика. Тип 7 — мелкие фрагменты бело- и розовоглиняных поливных кувшинчиков. Тип 8 — тонкостенные белоглиняные горшки с яйцевидным или шаровидным рифленным туловом, почти прямым уплощенным венчиком, покатыми плечами. Тип 9 — образует единственная крупная ручка от белоглиняной сковороды. Тип 10 — объединяет несколько мелких фрагментов расписной белоглиняной поливной посуды (рис. 9: 13).

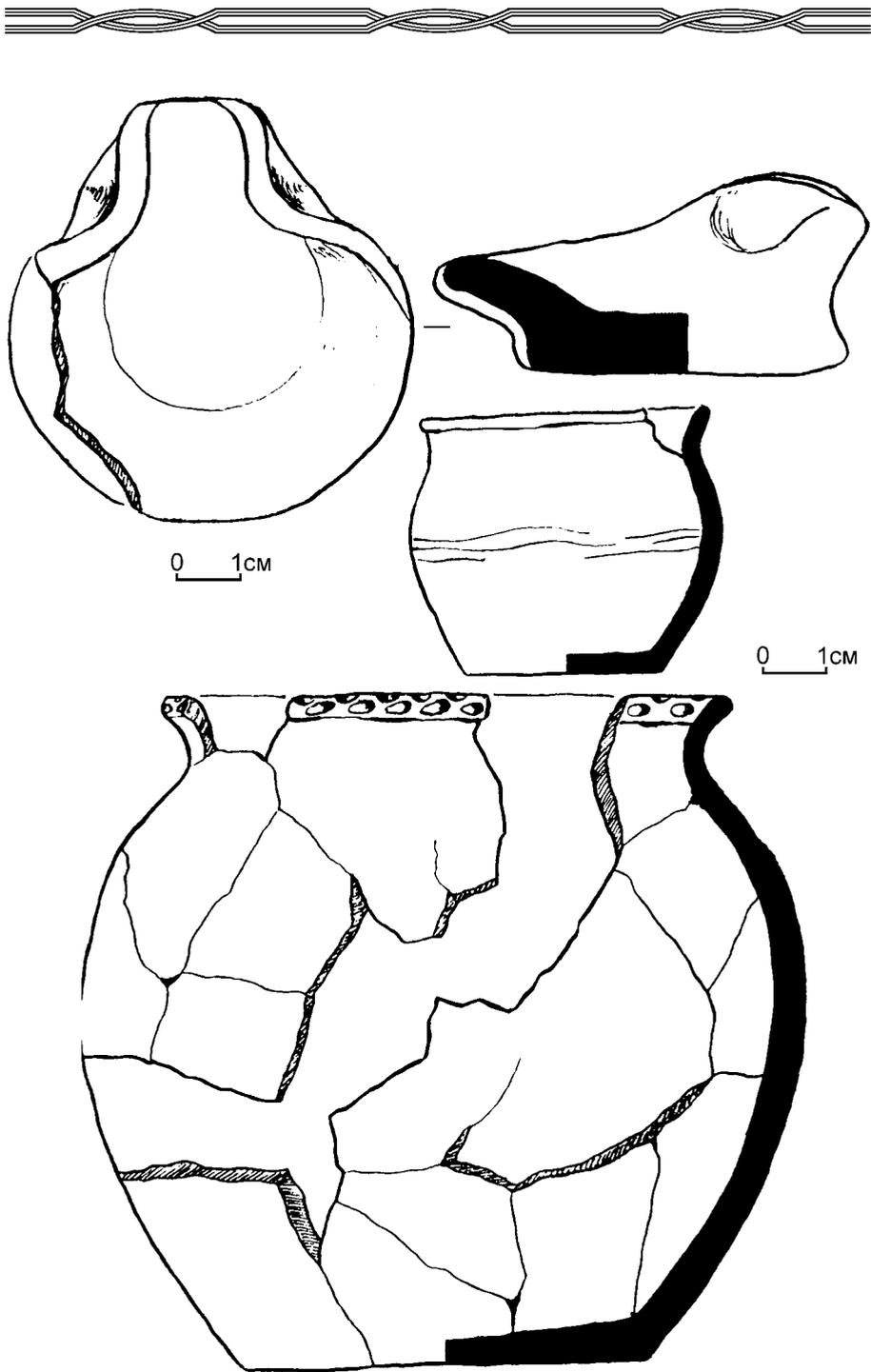
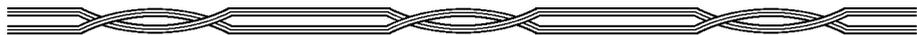

Рис. 10. Лепная керамика Сугдеи второй половины X в.

Заканчивая характеристику керамического комплекса, необходимо отметить присутствие в нем трех уникальных сосудов. Первые два — лепные горшки. Один имеет аналогии среди керамического комплекса т.н. балкано-дунайской культуры (рис. 10: 2). Второй — среди лепной керамики печенежского круга (рис. 10: 3). Последний сосуд является светильником с прямоугольным носиком слива (рис. 10: 1).

Изделия из глины представлены в основном пряслицами. Подавляющее большинство из них изготовлено из тщательно обработанных стенок амфор (рис. 11). Пряслица, выполненные из стенок высокогорлых кувшинов и сланцевые, обнаружены в единичных экземплярах (рис. 11: 16). Выделяются два не типичные для анализируемых памятников прясла с солярной орнаментацией, характерной для салтово-маяцких древностей полуострова (рис. 11: 17, 18). Нельзя не отметить и два пряслица с процарапанными греческими словами и два — с рисунком граффито (рис. 11: 12–15). Необходимо остановиться на находках пяти шиферных прясел овручского типа. К пряслицам близко примыкают три аналогичные изделия из стенок амфор, но с двумя отверстиями, и два керамические грузила (рис. 11: 22, 23, 27, 28). Все это предполагает достаточно высокий уровень развития ткачества. К изделиям из глины относятся и тщательно обработанные керамические пробки (рис. 11: 21), в том числе коническая с солярной орнаментацией (рис. 11: 25).

Изделия из железа представлены разнообразными по величине ножами (рис. 12: 11–14), гвоздями, элементами конской сбруи, в том числе фрагментами удила (рис. 12: 10, 18) и стремена (рис. 12: 19), дужками от сосудов (рис. 12: 6). Небольшую коллекцию составляют стрелы, в Сугдее их обнаружено 6 штук (рис. 12: 1–3). Нельзя не отметить находки двух различных железных ключей от замка и железного скобеля (рис. 12: 4, 5, 7). Интересны находки двух железных поясных пряжек и небольшого железного тигелька для выплавки цветных металлов (рис. 12: 16). Особенно интересны находки трех железных крестов (рис. 12: 8, 9, 17).

Самыми многочисленными **изделиями из камня** являются разнообразные оселки, имевшие, вероятно, многофункциональное назначение. Среди них выделяются два, изготовленные из серого шифера. Собрана небольшая коллекция галечных тигельков.

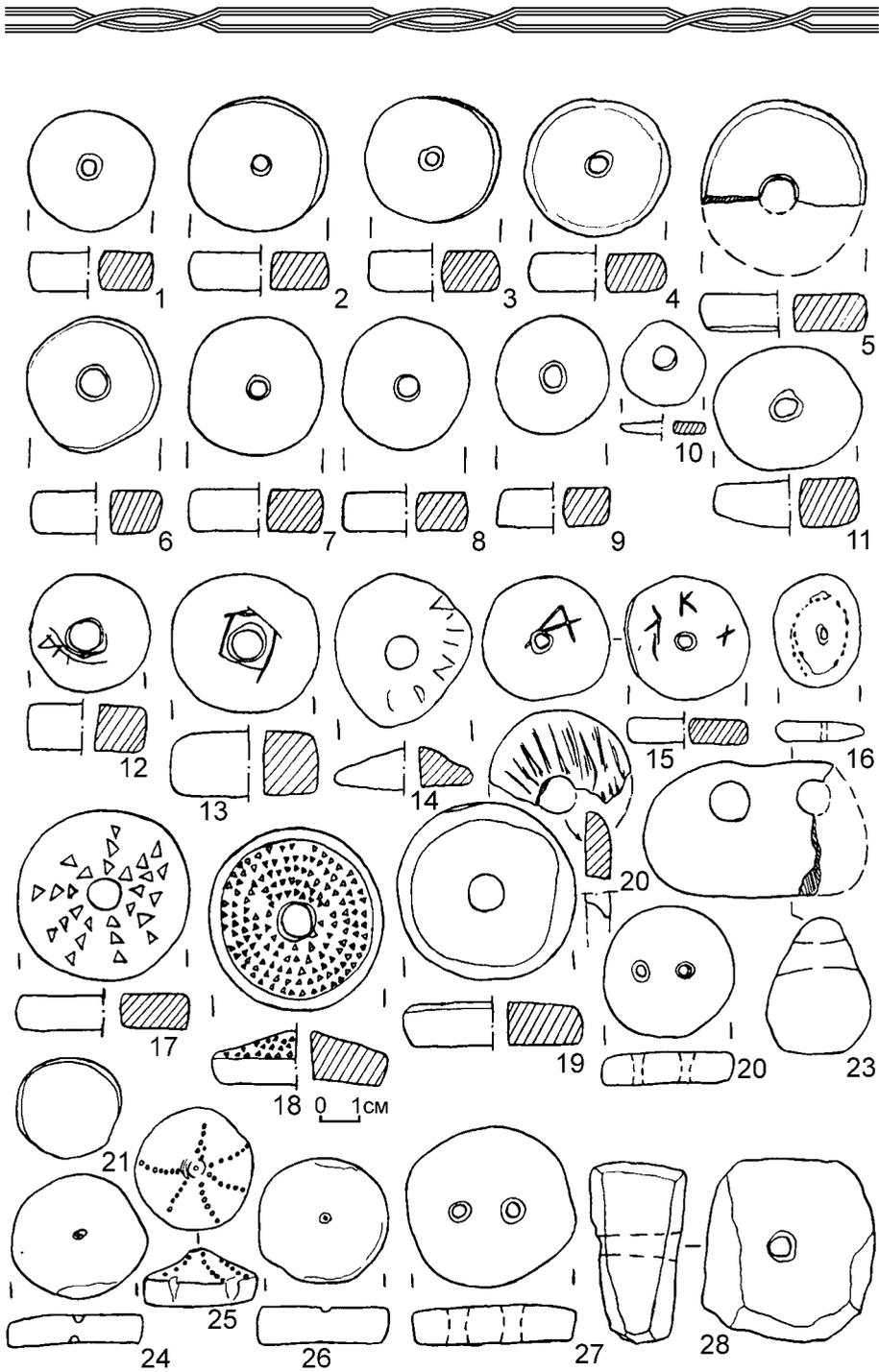

Рис. 11. Прясла и ткацкие грузила населения Сугдеи второй половины X в.

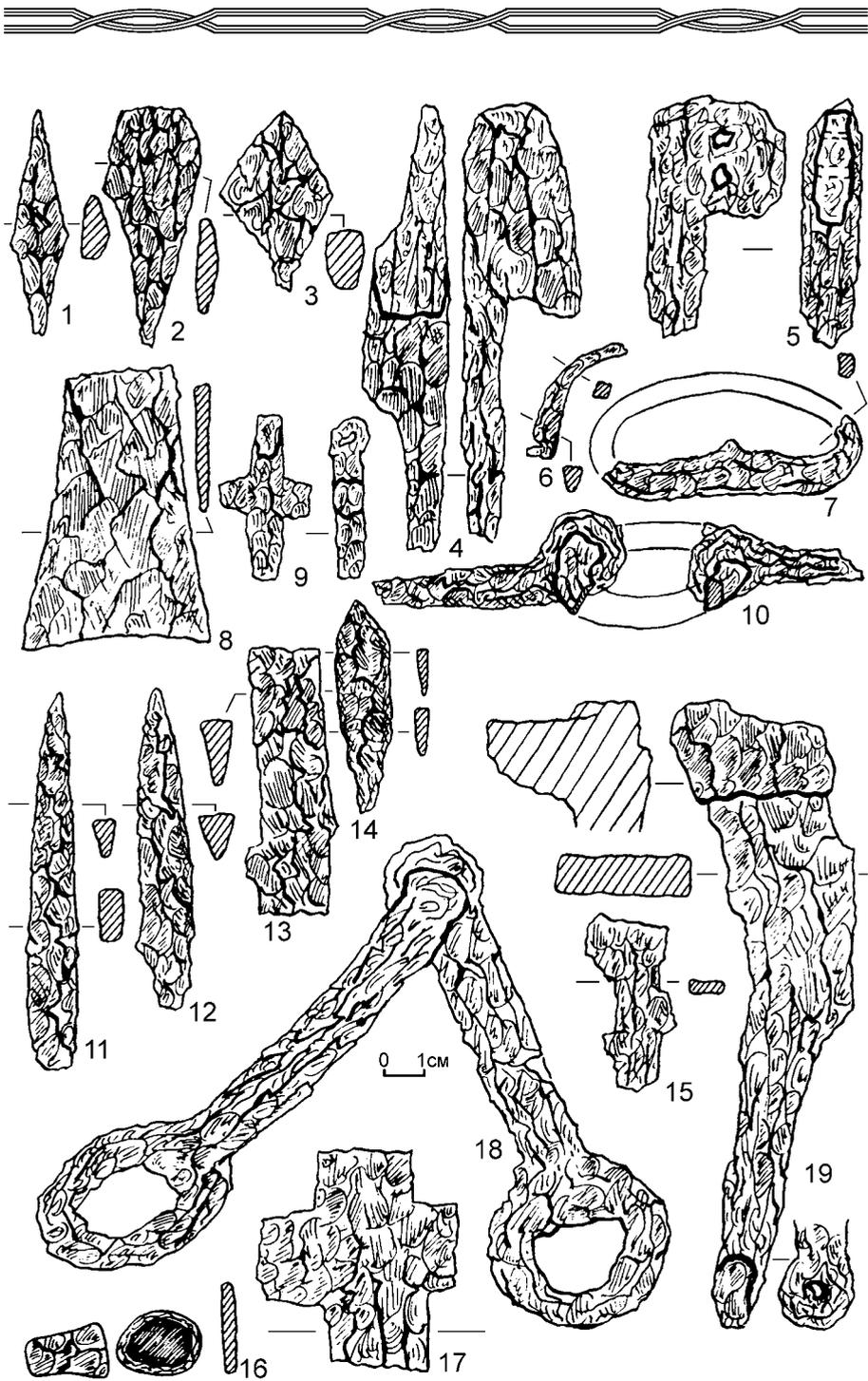

Рис. 12. Некоторые изделия из железа населения Сугдеи второй половины X в.

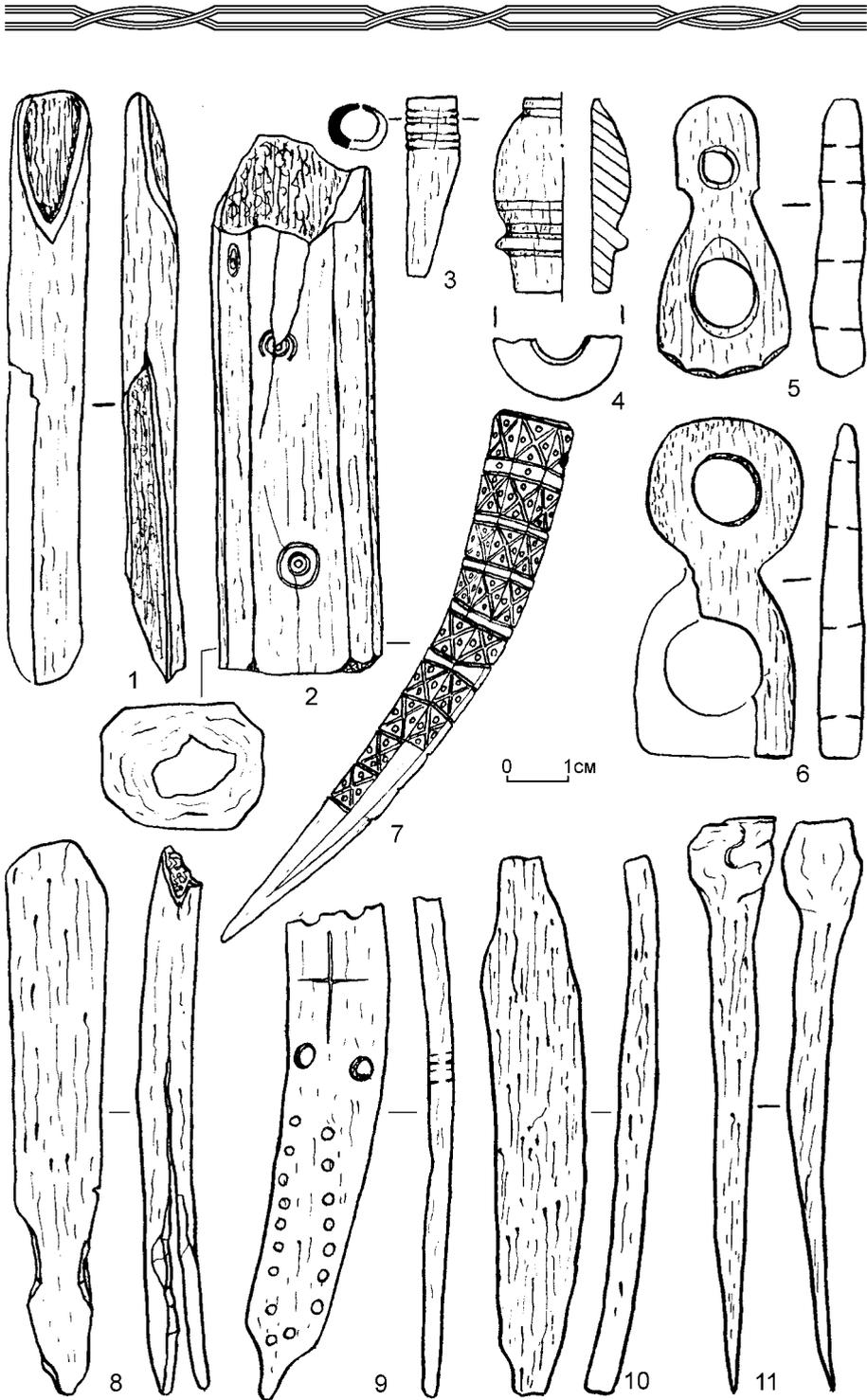

Рис. 13. Некоторые изделия из кости населения Сугдеи второй половины X в.

Изделия из кости представлены ручками от нагаек. Одна из них граненая, орнаментирована концентрическими кругами (рис. 13: 2). Вторую категорию находок составляют накладки на колчан (рис. 13: 9, 10). На одной из них, так же происходящей из Сугдеи, помимо двух отверстий, прочерчен крест и нанесен точечный орнамент по периметру нижней части изделия (рис. 13: 9). Интересны находки щипцов, изготовленных из расщепленной кости (рис. 13: 8), костяной проколки (рис. 13: 11) и восьмеркообразных изделий, нижний полукруг которых зачастую украшен гранями (рис. 13: 5, 6).

О применении токарного станка свидетельствуют находки двух сложнопрофилированных наконечников (рис. 13: 3, 4). Кроме упомянутых изделий иногда встречаются обработанные костяные изделия, атрибутировать которые сложно. Возможно это костяные дудочки (рис. 13: 1). В большом количестве встречены заглаженные рога животных, предназначенные для стреноживания коней. Уникальное подобное изделие, тщательно отполированное и граненое, обнаружено в портовой части Сугдеи на участке раскопа III М.А. Фронджуло (рис. 13: 7). Рог украшен девятью орнаментальными поясами, состоящими из прямоугольников, разделенных диагоналями на четыре треугольника. В центре каждого из треугольников поставлена точка. Верхние три пояса разделены между собой тонкой полоской, четвертый и пятый пояски — смежные, отделенные от смежных шестого—девятого поясков такой же тонкой полоской. Заканчивая краткую характеристику костяных изделий, отметим, что достаточно часто встречались и астрагалы с насечками, отверстиями, заглаженными краями, служившие в качестве игральные фишек.

Немногочисленна, но довольно разнообразна коллекция **изделий из цветных металлов**. В Сугдее обнаружены четыре маленькие пряжки, изготовленные из бронзы. Одна треугольная — цельнолитая (рис. 14: 5), другая — округлая с узким длинным прямоугольным щитком (рис. 14: 6), от третьей пряжки обнаружен только приемник (рис. 14: 3). Заслуживает внимания и фрагмент прямоугольного щитка пряжки с рельефным орнаментом (рис. 14: 20). Восстановить последний из-за фрагментарности находки затруднительно. Обнаружены и две разные по толщине дужки от медных котелков (рис. 14: 12, 14), крючок для подвешивания казана (рис. 14: 18).

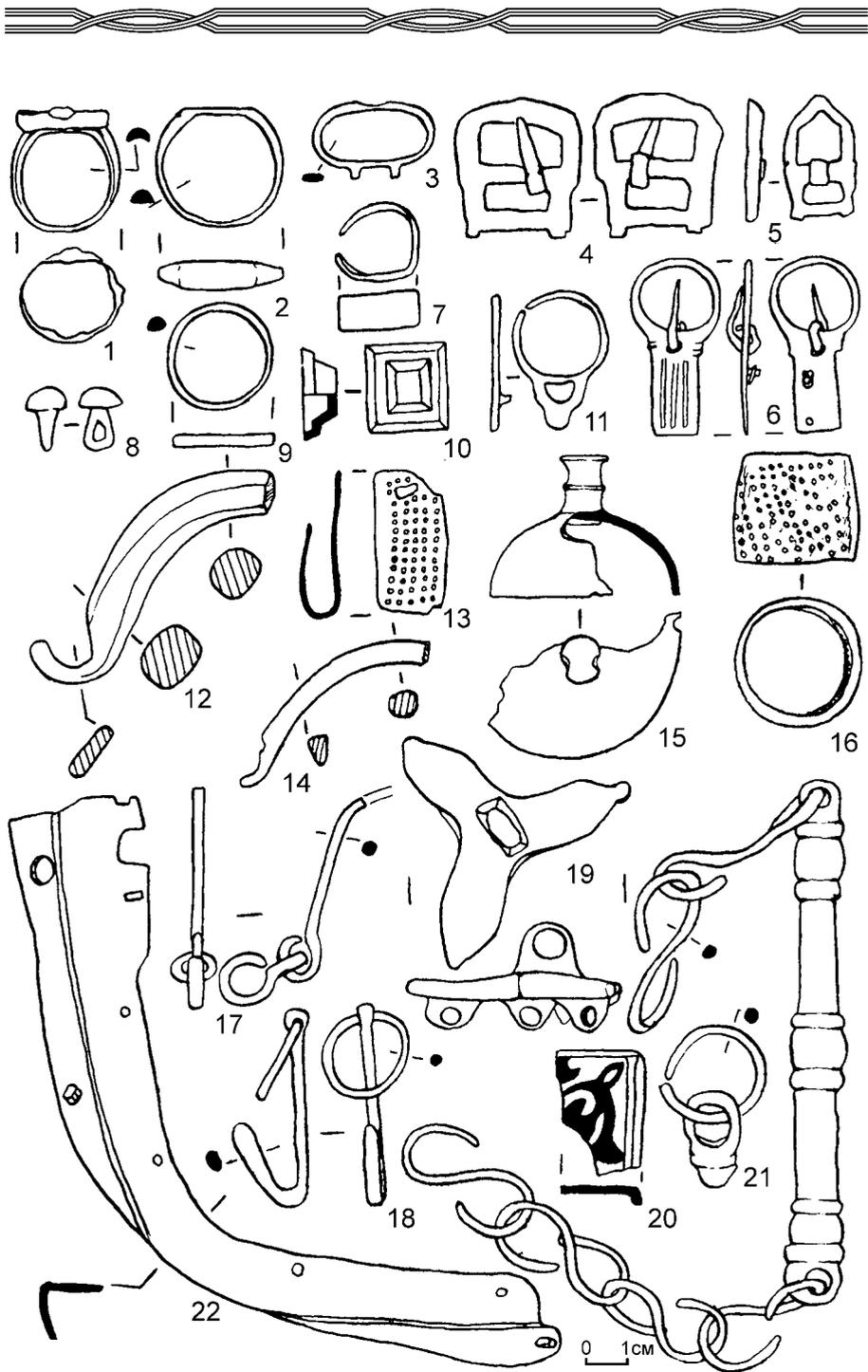

Рис. 14. Некоторые изделия из цветных металлов населения Сугдеи второй половины X в.

Встречаются разнообразные накладки (рис. 14: 13), в т.ч. крупная медная оковка колчана с сохранившимися заклепками (рис. 14: 22). Несколько изделий более характерны для салтовских памятников полуострова. Это половинка т.н. “самоварчика” (рис. 14: 15), серебряный перстень с четырехлапчатой жуковиной и несохранившейся вставкой (рис. 14: 1), обычный перстень с плоской жуковиной (рис. 14: 2), серьга с прорезной треугольной цельнолитой подвеской (рис. 14: 11) и ворворка (рис. 14: 10).

Достаточно часто встречены обычные плоские или округлые в сечении бронзовые кольца (рис. 14: 7, 9), пуговицы-подвески (рис. 14: 8), в том числе и граненые, своеобразные наперстки для стрельбы из лука (рис. 14: 16). Особо отметим находку в Сугдее элементов бронзового хороса, представленного фигурной цепью со стержнем и распределителем (рис. 14: 17, 19, 21).

Изделия из стекла представлены, прежде всего, браслетами. В настоящее время в Сугдее их насчитывается более 700 штук. Тип 1 — витые. В процентном соотношении доля витых браслетов невелика — всего около 0.5%. Тип 2 — браслеты полусферической формы, наиболее многочисленные. Их можно разделить на четыре варианта (рис. 15). Тип 3 — браслеты полусферической формы с двумя более или менее четко прорезанными гранями по центру и сбоку сферы (рис. 15). Тип 4 — браслеты круглые в сечении.

Выделяются два варианта (рис. 15). Тип 5 — плоские браслеты. Нижняя грань таких браслетов плоская, очень редко вогнута вовнутрь или овальная. На браслетах типов 2–5 часто присутствует орнаментация в виде спиралей и волн (рис. 15). Тип 6 — подквадратные в сечении браслеты с четкими гранями. Характерной особенностью браслетов этого типа, помимо формы, является расписной орнамент (рис. 15). Тип 7 — два полусферических в сечении браслета с характерными вмятинами, образующими своеобразный выступ. Тип 8 — уникальный фрагмент полусферического в сечении браслета с орнаментом в виде “павлиньего хвоста”. Тип 9 — образуют один целый и два фрагмента стеклянных перстней. Заканчивая характеристику стеклянных браслетов, отметим, что 99% их общего количества обнаружено в зольнике на участке куртины XV Судакской крепости.

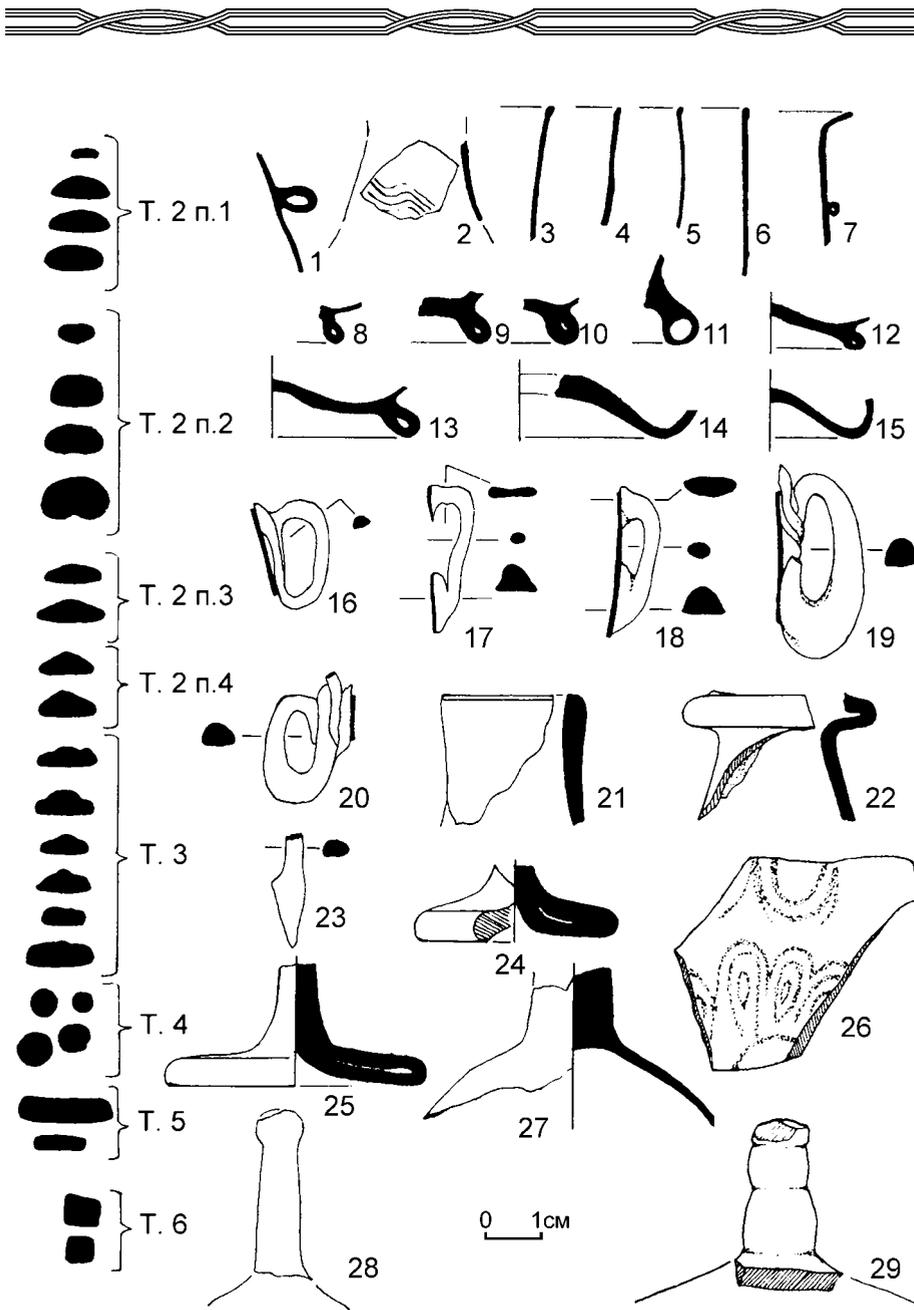
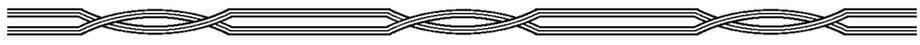

Рис. 15. Основные изделия из стекла населения Сугдеи второй половины X в.

Из других стеклянных изделий заслуживают внимания фрагменты тонкостенных сосудов баночной формы. Они плохо реконструируются из-за сильной фрагментарности находок. В виде мелких фрагментов представлены венчики и стенки, ор-

наментированные иногда валиком и рельефной волной (рис. 15: 1–7) витые кольцевые поддоны (рис. 15, 8–15), сложно-профилированные ручки (рис. 15: 16–20, 23). Встречаются фрагменты венчиков и горловин сосудов больших размеров (рис. 15: 21, 22). Кроме того, обнаружены крышки от стеклянных рюмок и флаконов (рис. 15: 27–29), основания ножек от рюмок (рис. 15: 24, 25). Интересен фрагмент крупного стеклянного сосуда открытого типа с рельефным растительным орнаментом (рис. 15: 26).

Итак, мы рассмотрели основные составляющие материальной культуры населения Сугдеи второй половины X — начала XI вв. Попытаемся коротко проанализировать причины смены материальной культуры средневекового города именно в этот хронологический период.

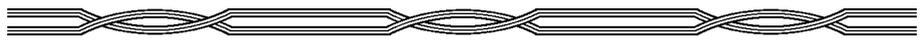
По интересующему нас промежутку времени существует достаточно известный и ограниченный комплекс письменных источников, как древнерусских, так и византийских, еврейских и, особенно, арабских. Последние детально проанализированы в монографии А.П. Новосельцева [*Новосельцев 1990, с. 221–222*], что избавляет от излишних повторений. К сожалению, они, свидетельствуя о существовании хазарского государства и после середины 60-х гг. X в., практически ничего не сообщают о ситуации на Крымском полуострове. Конкретизировать информацию помогают некоторые древнерусские и византийские источники (ПВЛ: сюжет о т.н. выборе веры киевским князем Владимиром, Память и похвала... Иакова Мниха: сюжет о походе киевского князя Владимира на хазар, Константин Багрянородный, Лев Диакон, Скилица и Кедрин) [*Памятники 1978, с. 99–125; Златоструй 1990, с. 128, 129; Константин Багрянородный 1989; Лев Диакон 1988; Joannis Scylitzae 1973; Georgius Cedrinus 1838–1839*]. Наиболее ценная информация о ситуации в Таврике во второй половине X в. содержится в комплексе еврейских письменных источников (еврейско-хазарская переписка, Кембриджский Аноним, т.н. Приписки на полях Крымских библий, сообщения еврейских путешественников более позднего времени) [*Хвольсон 1866; Schechter 1912; Mosin 1931; Коковцов 1932; Половой 1961, с. 85–104; Артамонов 1962; Golb, Pritsak 1982; Новосельцев 1990; Zuckerman 1995; Голб, Прицак 1997; Ачкинази 2000, с. 55*]. Основываясь на этом, попытаемся реконструировать исторические события, изложенные в ука-

---

занных источниках, подкрепляя данные документов археологическими материалами, использованными в работе [Майко 1999а, с. 40–49].

Как сообщает Кембриджский Аноним, после преследований христиан, начатых хазарским царем Иосифом в ответ на гонения иудеев в Византии при императоре Романе I Лакапене, последний договаривается с киевским князем Игорем о совместных антихазарских действиях. Соблюдая союзнические обязательства, Игорь, скорее всего в 940 г. посылает своего воеводу или родственника [Петрухин 2000, с. 229] Helgou с дружиной не только разгромить хазарские владения в Крыму, но и попытаться закрепиться на полуострове. При этом, видимо, большая часть христианизированных праболгар Таврики, недовольных гонениями христиан, начатыми Иосифом, и находившихся с одной стороны в номинальной зависимости от Хазарии, с другой — под идеологическим влиянием Византии, поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. Каганат ответил карательной акцией под предводительством полководца Песаха. Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай, который оказал Helgou сопротивление, разгромить большинство праболгарских поселений и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Вероятно, праболгары были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома. С этим походом связана гибель салтово-маяцких памятников полуострова, с чем согласилось большинство специалистов [Айбабин 1999, с. 227; Науменко 2001, с. 354]. Представляется вполне логичным, что, воспользовавшись походом и победами Песаха, в Крым переселяется значительная масса сложного в этническом плане тюркского городского населения с северо-кавказских и прикаспийских территорий. Как уже отмечалось, именно в середине X в. происходит поднятие уровня Каспийского моря, затапливавшего земли, населенные северо-кавказскими тюрками. С другой стороны, нарастающая опасность со стороны печенегов так же стимулировала процесс переселения в более спокойные места. Следовательно, поход и победы Песаха были хорошим поводом для переселения. Именно после этого, в Сугдее появляется совершенно новая материальная культура.

Дальнейшие судьбы населения Сугдеи во второй половине X — начале XI вв. можно представить следующим образом.

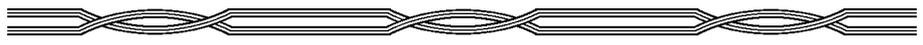

После гибели и упадка Хазарского каганата, особенно после ускорившего это событие похода Святослава 965 г., территория юго-восточной Таврики, переходит под власть Византии, выгодно использовавшей новую международную расстановку сил. Эти события, однако, мало повлияли на изменение этнического состава населения Сугдеи. Вероятно, сразу после подчинения Византии, юго-восточная Таврика представляла собой своеобразный реликт Хазарского каганата, находившийся под контролем империи.

Для реконструкции политической и экономической структуры этого “реликта” каганата в юго-восточном Крыму важное значение имеют данные А.В. Гадло о подобной системе, существовавшей в Тмуторокани до похода Владимира “на козар”, который автор датирует 986/87 гг. [Гадло 1990а, с. 23]. Основываясь на известной притче о полянской дани хазарам, исследователь считает, что Таманское государственное образование управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, существовало свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийским), основывается автокефальная епархия [Гадло 1990а, с. 22]. С присоединением Тмуторокани к Руси, положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опиравшуюся на поддержку местного населения и являясь основными владельцами прилегавших к городу пашенных земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя [Гадло 1992, с. 6–7].

В этой связи чрезвычайно интересен вывод А.В. Гадло, согласно которому и в более позднее время сутью интриги, развернувшейся в Тмуторокани в 60-е гг. XI в. и связанной с междоусобной борьбой Ростислава и Олега, в которую активно вмешивалась Византийская империя, было стремление населения, не порывая с русской княжеской династией, восстановить политическую независимость, придав новому образованию облик разрушенной в 965 г. Хазарии [Гадло 1990б, с. 11–12]. Недаром эти события нашли отзыв на страницах русских летописей.

Вероятнее всего, применяя сравнительный метод, можно утверждать, что в Сугдее, близкой этнически к Тмутараканскому государственному образованию, в данный хронологический

период сложилась схожая ситуация с той лишь разницей, что вместо русского князя до 965 г. существовал хазарский наместник, а после этого и до 1015 г. византийский стратиг. В состав местной византийской администрации входили представители тюрко-хазарского происхождения. Не исключено, что, будучи лояльными к империи, они занимали одни из ключевых постов. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица — фема Херсона и Климатов. В Тактиконе, опубликованном Н. Икономидисом и относящимся к 80-м гг. X в., упоминается еще одна фема Таврики — фема Боспора [*Oikonomides 1972, p. 268–269*]. Реальное ее существование подтверждается находками печатей Георгия Цуло. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в. [*Georgius Cedrinus 1838, p. 232*]. В этом же Тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время — морская фема Понта Эвксинского. Некоторые исследователи склонны локализовать центр ее в Сугдее [*Баранов 1989, с. 54; 1990, с. 154; Степаненко 1992, с. 128–129*]. Н. Икономидис, напротив, локализовал ее центр на Боспоре Фракийском. В решении вопроса о существовании фемы в Сугдее в последней трети X — начале XI вв., решающее значение имеют материалы сфрагистики. В последние годы при проведении подводных исследований в портовой части Сугдеи были обнаружены три одинаковые печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия [*Степанова 1995, с. 13–15; Баранов, Степанова 1997, с. 83–87*].

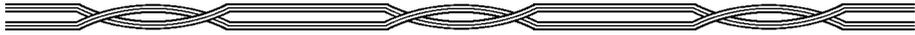
Таким образом, вполне вероятно, что после подчинения Византией юго-восточной Таврики во второй половине X в. на этой территории возникают две новые фемы, Боспора и Понта Эвксинского. Данное явление было типичным для Византийского государства в последней трети X в. Еще раз подчеркнем, что основным населением, проживавшим на территории этих фем, особенно фемы Понта Эвксинского, были тюрки, переселившиеся на полуостров в середине X в. Подчинение этих территорий Византии было номинальным, в состав местной администрации входили представители тюрко-хазарского происхождения. Номинальное подчинение этих территорий Византийской империи косвенно подчеркивает тот факт, что во второй половине X в. Сугдея переходит под власть печенегов. Это следует из известной Приписки 59 [*Хвольсон 1866, с. 66–67*], дати-

---

рованной 977 г. Скорее всего, эта зависимость была кратковременной и тем более номинальной, не связанной с изменениями этнического состава населения. По единодушному мнению исследователей, основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова. В пользу этого свидетельствует и практически полное отсутствие археологических материалов, связываемых с печенегами, в Сугдее второй половины X в.

Однако такая расстановка сил не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и соответственно Кедриным, восстание 1015 г. под предводительством Г. Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г. [*Joannis Scylitzae 1973, p.354; Georgius Cedrinus 1838, p. 464*]. Относительно места восстания большинство специалистов в настоящее время согласно с тем, что византийский флот застал мятежников не в Херсонесе, а на Боспоре [*Степаненко 1992, с. 125–133*]. Так же уже достаточно давно нет споров об этническом происхождении руководителя восстания Георгия Цуло [*Соколова 1971, с. 72*]. Выбор времени для восстания был удачен. Во-первых, на Руси в связи со смертью Владимира наступил политический кризис. Византийский император Василий II был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны были быть чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы [*Богданова 1991, с. 156*]. Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов — ответная реакция на окончательное подчинение империей юго-восточного Крыма [*Гадло 1990а, с. 26*]. Исходя из этого, автор убедительно датирует его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг.

Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, юго-восточная Таврика, с местным

населением, исторически связанным с Тмутараканскими козаками и управляемая местной тюркской администрацией не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что, скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнувший и набирающий все большую самостоятельность реликт хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно, с открытым противостоянием империи Византия смириться уже не могла.

Для подавления мятежа, помимо византийского отряда были привлечены русские воины, которых возглавлял Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. По мнению специалистов, последний являлся либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо, что более вероятно, независимым варяжским воеводой на византийской службе [Гадло 1971, с. 26; Степаненко 1993, с. 258], возможно и посланным Владимиром по договору с Империей, как это было в случае с подавлением известного мятежа Варды Фоки. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976–1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Возможно, что с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов Сугдеи второй половины X — начала XI вв.

Вероятно, вскоре была ликвидирована и фема в Сугдее, в ней отпала необходимость, и она была просто соединена с фемой Херсона. Об этом свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата, именуемого в ней стратигом Херсона и Сугдеи одновременно [Латышев 1896, с. 16–18].

ПОЧИТАНИЕ ХЕРСОНЕССКОЙ СВЯТЫНИ ВО ФРЕСКАХ КИЕВО-КИРИЛЛОВСКОГО ХРАМА

Как известно, средневековые церковные росписи всегда отвечали строгим иконографическим правилам. Распределение сюжетов имело не случайный характер, любому из них отводилось определенное место, а в целом они создавали стройную систему, в основе которой была богословская мысль, мировоззрение, формировавшееся веками. Однако содержание росписи древних памятников не всегда оставалось неизменным, часто появлялись индивидуальные оттенки, которые отображались в целенаправленном отборе сюжетов и подчеркивали значение определенных святых. Эта тенденция была продиктована жизненными интересами разнообразных общественных сил. Так, живопись жертвенника, или северной апсиды Кирилловской церкви, репрезентирует сюжеты, которые не имеют аналогов в древнерусском монументальном искусстве. Эта живопись поражает величию. Здесь представлены фигуры балканских святителей, которые из Сербии, Болгарии, Македонии несли на Русь христианское учение. Всего на стенах апсиды изображены образы 31 святителя и 6 диаконов, большинство из которых сохранились во фреске (19 полностью, 12 частично).

Рядом с некоторыми изображениями читаются старинные надписи-имена. Здесь лучше всего в древнерусской отечественной монументальной живописи сохранились образы Кирилла, Климента Охридского, Иоанна Македонского, Иосифа Солунского, Ефима, Евмена, Артемия, Власия, Стефана. В древней монументальной живописи в таком количестве и составе эти святители не встречаются более нигде.

Появление изображений македонских и болгарских святых на стенах Кирилловской церкви объясняется тем, что большинство святителей имеют непосредственное отношение к памяти Папы Римского Климента, которому, по желанию заказчика росписей, и была, вероятно, посвящена живопись жертвенника Кирилловской церкви.

Святой Климент (около 30–97) был знатным римлянином. Крещение принял от апостола Петра и именно им был возведен на епископскую кафедру Рима (88). Климент стал четвертым после апостола Петра, Лина и Клета римским епископом,

---

который со временем вошел в официально признанный католической Церковью список Пап. Церковная традиция считает его автором двух “Посланий к коринфянам” — памятников раннехристианского учения, которые особо почитались христианами и читались в церквях с апостольскими посланиями. Плодотворная миссионерская деятельность на должности главы римской общины стала причиной гонений на Климента. Император-язычник Траян сослал его в Херсонес Таврийский. Невзирая на каторжную работу в римских каменоломнях Херсонеса, Климент продолжает христианскую проповедь, за что его подвергли мученической смерти: святителя пытали, вывезли в море, привязали к якорю, а потом утопили. По церковным сказаниям, каждый год в день мученической кончины святого (25 ноября) море чудесным образом отступало от места его погребения, там появлялся нерукотворный пещерный храм и в течение недели паломники имели возможность посещать гробницу Климента. Со временем паломничество к гробнице уменьшалось, а потом и совсем прекратилось; прекратились и чудесные морские отливы [Минди Чеслов 1981: 344]. Папы-каторжанина, принявшего мученический венец, в IX — X ст., благодаря миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия, стала символом единства Римской и Константинопольской Церквей, что и придало культу Климента определенную политическую окраску [Верещагина 1999, с. 9–11].¹

Поскольку имя священномученика оказалось тесно связанным с именами первоучителей и с началом письменности у славян, считалось, что и проповеди Кирилла были поставлены под благословение святого Климента. Культ Климента приобрел особую популярность на славянских землях, и это отразилось в создании новых легенд, литературных произведений, в строительстве и росписях храмов, в устройстве торжеств.

Понятно, что князь Владимир Святославич после взятия Херсонеса, как новоиспеченный христианин и дальновидный политик, прежде всего, должен был вывезти отсюда на правах победителя и главную херсонесскую святыню — мощи Климента Римского, отлично понимая их харизматическое значение для решения вопросов внутренней и внешней политики.

По мнению Ю. Бегунова, культ Климента Римского был связан с “поисками правящих кругов государства и Церкви по-

---

кровителя — апостола Русской земли” [Бегунов 1974, с. 30], который освятил бы “своим авторитетом апостольское происхождение Церкви Киевской Руси” [Ричка 1997, с. 33]. Можно представить, как торжественно была организована акция по перенесению сакрального трофея в Киев, ведь эта святыня должна была оказать определенное впечатление на киевлян-язычников. Существует предположение, что мощи Климента находились в мраморном саркофаге, который со временем был использован как гробница для мощей Ярослава Мудрого [Борисов 1986, с. 302]. Прибытие святыни к Киеву было равнозначно явлению в городе самого духовного просветителя, святого Климента как небесного крестителя языческой Руси. Мощи Климента были взяты Владимиром “на благословение себе” [ЛВЛ 1950, с. 65] как святыня вселенского значения, которая освящала деятельность князя по христианизации государства. Со временем мощи положили в церкви Пресвятой Богородицы (Десятинной) — первом каменном храме Руси, который Владимир задумал как храм-пантеон, сакрально-мемориальный символ государства [Верещагина 1999, с. 9–11]. Здесь, возле раки с мощами Климента, древнерусский проповедник возглашал: “Тобой Рустии князии хвалятся, святители ликуют, иереи добродушествуют, приходящие с теплой верою к твоим христонским костям святыню почерпающе...” [Минеи Четии 1981, с. 344–345].

Мощи такого известного святого имели не только религиозное, но и политическое значение, поскольку поклонение этому святителю приобретало государственно-сакральный характер. Понятно желание великих князей иметь непосредственное отношение к такой святыне, что нашло отображение при разработке живописной программы церковных сооружений.

Патрональность культа святого Климента в Киеве отразилась в росписях Софийского собора, заказчиком которого, согласно последним исследованиям [Никитенко 1999], выступил князь Владимир. Здесь сохранилось одно из древнейших изображений святого Климента в монументальном восточнославянском искусстве. Папа Римский фигурирует на одном из почетнейших мест — в апсиде главного алтаря, в мозаичной композиции “Святительский чин”. Избирая Отцов Церкви, составители программы росписи придерживались наиболее распространенного в странах византийского круга варианта. Они ос-

тановили свой выбор на популярнейших в православном мире святителях, чьи изображения, как правило, фигурировали во всех монументальных ансамблях XI — XII в. Среди них: Григорий Богослов, Николай Чудотворец, Василий Великий, Иоанн Златоустый, Григорий Нисский и Григорий Чудотворец. В этом ряду непривычными для византийской иконографии являются размещенные рядом фигуры Епифания Кипрского и Климента Римского [Лазарев 1960, с. 34–111]. По мнению Н. Никитенко, таким образом прославлялись действия Владимира по христианизации Руси — установление первого общегосударственного культа Климента Римского и создание Десятинной церкви как *ecclesia matrix*, ведь последняя была освящена 12 мая, в день памяти Епифания Кипрского [Никитенко 1999, с. 125–126].

Мощи Климента стали своеобразным аргументом в политической борьбе за независимость Русской Церкви. В 1146 году киевский стол занимает князь Изяслав Мстиславич, который прибегает ко второй в истории Киевского государства попытке достижения церковной независимости от Византии — автокефалии Русской Церкви. Политическая ситуация в Киеве повторяла ситуацию 1051 г., когда при Ярославе Мудром киевскую кафедру без санкции Константинополя занял первый митрополит из русичей — Илларион. Изяслав также решает поставить во главе Церкви митрополита из русичей. Выбор великого князя выпал на Клима (Климента) Смолятича, выдающегося церковного деятеля, такого “книгочея и философа, которого еще не было в Русской земле”.

Против намерений Изяслава выступали те епископы, которые придерживались византийской ориентации. Они требовали придерживаться практики “поставления” киевского митрополита с благословения Константинопольского патриарха. Но когда на Киевском соборе (1146) возник вопрос о правомочности выбора митрополитом Климента, черниговский епископ Онуфрий указал на то, что Киев владеет мощами (главой) самого Климента Римского, и благословение его мощами может заменить патриаршую хиротонию. “Онофрий же черниговский рече: ... глава у нас есть святого Климента. Яко же ставят греци рукой святого Иоанна...” [ПВЛ 1950, с. 208]. Итак, наличие древней святыни в Киеве дало возможность Русской Церкви самостоятельно высвятить митрополита, как это делалось в Византии именем и мощами святого Иоанна Крестителя.

Таким образом, политизация культа святого Климента продолжалась и в XII в. По-видимому, этот культ не обошел своим вниманием и основатель Кирилловской церкви, потомок Владимира и Ярослава Мудрого — черниговский князь Всеволод Ольгович. Наличие изображения общеизвестного и почитаемого в Киевской Руси Климента Римского в росписях фамильной церкви должно было содействовать популярности заказчика живописи и, таким образом, помогать ему в осуществлении его церковно-политической программы. Скорее всего, древняя живопись северной апсиды Кирилловской церкви, в которой, как отмечалось выше, представлены образы балканских святителей, воссоздает тему Климента Римского. В частности, в верхнем регистре северной стены апсиды сохранилось изображение святителя, возле которого четко читаются буквы “К О Н С Т”, то есть часть имени “Константин”. В. Лазарев [*Лазарев 1970, с. 140*] и Д. Степовик [*Степовик 1975, с. 140*] считают, что это изображение славянского просветителя Константина Философа. В таком случае изображенная рядом с ним не атрибутированная фигура (нет надписи, верхняя часть фигуры записана масляными красками в XIX ст.) принадлежит его парному святому — брату Мефодию. Эти изображения в живописи памятника вызывают удивление, ведь до сих пор не было известно, что святые Константин-Кирилл и Мефодий принадлежали к числу популярных на Руси в XII в. святых, тем более, что в Кирилловской церкви они появляются не в одиночестве, а в окружении целого сонма балканских святителей.

Константин-Кирилл, как и другие изображения в северной апсиде, написан в полный рост, фронтально, в святительской одежде. Рукой, прикрытой фелонью, он поддерживает инкрустированную жемчужинами книгу. Лик святителя отвечает иконографии Константина (Кирилла): пышные волосы прикрывают уши, темная клинообразная борода, средний возраст изображенного. Известно, что умер Константин 14 февраля 869 г., в возрасте 42 лет. Имя Кирилл (в честь Кирилла Александрийского) он принял перед смертью. Похоронен в Риме, в церкви святого Папы Климента.

Как уже отмечалось, в IX в., в правление Папы Адриана II (867), Кирилл и Мефодий, направляясь с христианской миссией к хазарскому кагану, остановились в Корсуни, где нашли мощи святого Климента Римского и перенесли часть их в

Рим. В конце X в. большая часть тела и голова святого были перевезены князем Владимиром в Киев, со временем мощи положили в Десятинной церкви, где и был устроен боковой алтарь в честь святого Климента.

В жертвеннике Кирилловской церкви среди изображений святителей есть ученик Кирилла и Мефодия, просветитель Моравии, святитель, которого называли “вторым Павлом” для Болгарии, тезоименит Климента Римского — Климент Охридский (405–425). Среди членов миссии, которая отправилась к папе Адриану II, возглавляемой Кириллом и Мефодием, был болгарин Климент. В “Кратком житии” упоминают о национальности Климента — он был славянином из Болгарского царства. Скорее всего, Климент вырос в двуязычной Македонии, знал греческий и болгарский языки. Английский исследователь Д. Оболенский называет Климента “одним из главных создателей Византийского культурного содружества” [*Obolensky 1971, p. 425*]. Климент написал похвальное слово Константину, в котором прославлял его труды в пользу славян и обращался к нему как к своему наставнику. Именно он продолжил переводческое дело Кирилла и Мефодия, кроме того, стал первым славянским писателем. По мнению С. Берштейна, Климент Охридский был величайшим среди учеников и последователей Константина-Философа и Мефодия [*Берштейн 1984, с. 7*]. Он занимает особое место в делах и мыслях деятелей болгарского национального возрождения [*Берштейн 1984, с. 137*]. Умер Климент Охридский 27 июня 916 г.

В северной апсиде Кирилловской церкви есть также изображения равноапостольных болгарских просветителей: Наума, Саввы — выдающихся церковных деятелей сербской истории, Горазда — известного знатока латыни, Ангеляра — ученика Кирилла и Мефодия, поборников богослужения на славянском языке. Деятельность балканских святителей связывала греческий и славянский мир.

Итак, программа росписи северной апсиды Кирилловской церкви воплощала идею миссионерского подвига, освящение славянских народов мудростью христианского учения через просветительскую деятельность Климента Римского, Кирилла, Мефодия и их учеников. Уместно и логично будет впервые в истории изучения древнерусской монументальной живописи высказать предположение, что древняя роспись Кирилловского

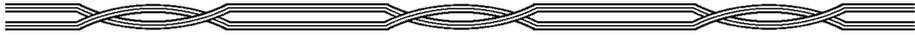

жертвенника в XII в. была посвящена именно Клименту Римскому. Важно и то, что присутствие в росписях жертвенника изображений святых Кирилла и Мефодия свидетельствует о распространении на Руси в XII в. Кирилло-Мефодиевского культа — это уникальный факт, неизвестный из других источников.

Известно, что жертвенник Софии Киевской был посвящен апостолу Петру — первокрестителю язычников, с этим перекликается посвящение жертвенника младшей сестры Киевской Софии — Кирилловской церкви ученику и последователю апостола Петра — Клименту Римскому. Это отвечает традиции идейной взаимосвязи сакральных памятников. Если это предположение верно и в XII в. жертвенник Кирилловской церкви действительно был освящен в честь Климента Римского, то его изображение должно было находиться в конхе жертвенника, но, к сожалению, старинная живопись конхи не сохранилась.

Дело в том, что в XVII ст., когда игуменом Кирилловского монастыря был Василий Красовский, во время капитального ремонта алтари Кирилловского храма были переосвящены: южная апсида — в честь Кирилла и Афанасия Александрийских, центральная — в честь Святой Троицы, северная — в честь архангела Михаила. Такое переосвящение алтарей имеет свое объяснение. После нашествия хана Батые (1240) Кирилловская церковь пришла в упадок. Летописных свидетельств об этом периоде практически не сохранилось, известно только, что полчища Батые ограбили не только интерьер храма, но и разобрали свинцовую крышу, вследствие чего наиболее пострадавшей оказалась верхняя часть древней живописи, в частности живопись конхи северной апсиды. То есть, во время ремонтно-реставрационных работ XVII в. древняя живопись конхи северной апсиды уже не существовала.

Сегодня, соответственно освящению XVII ст., в конхе жертвенника можно видеть изображение архангела Михаила (выполненное в технике масляной живописи в XIX ст.). Однако, на стенах жертвенника сохранилась фресковая живопись XII ст., — вышеупомянутые изображения балканских святителей, связанных с памятью Папы Климента, которые совсем не соответствуют посвящению XVII в. Учитывая все приведенные выше аргументы, можно предположить, что жертвенник Кирилловской церкви в XII в. был посвящен Клименту Римскому.

Надо отметить, что князья Изяслав Мстиславич и Всеволод Ольгович, будучи представителями династий–соперниц, которые противостояли друг другу в борьбе за власть, все же обнаружили почтительное отношение к Клименту, чем, на наш взгляд, удостоверили факт дальнейшего развития культа святого как общегосударственного покровителя и продемонстрировали личную причастность к этому культу. Если принять во внимание инициативу Изяслава относительно Климента Смолятича, которую поддержал Онуфрий Черниговский, обязанный своей кафедрой Всеволоду Ольговичу, то можно констатировать интегрирующую роль культа Климента в политической жизни Киевской Руси XII в. Присутствие в росписях Кирилловской церкви изображения Климента Охридского, который помогал в Болгарии заменить греческое духовенство местным, славянским, можно констатировать, может быть подтверждением стремления князя Всеволода Ольговича к распространению русского епископата и освобождению от давления византийских церковных иерархов [*Марголіна 2001, с. 75–77*].

Примечания

¹ Иной оттенок в этой “политической окраске” усматривает И. Франко:

“Константинопольская церковная традиция почитала память Климента потому, что отныне он, как и другие святые Папы..., является как бы союзником православной церкви против римской ереси, представителем православия на римском папском престоле” [*Франко 1977, т. 34, с. 291*].

**ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ
КОММЕМОРАТИВНОСТИ В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ БОСПОРА
РИМСКОГО ПЕРИОДА — МОНЕТЫ С МОНОГРАММОЙ “BAE”**

Античной нумизматикой Боспора вопрос о личной коммеморативности разработан весьма недостаточно. Между тем, есть основание полагать, что памятные выпуски в честь персоналий занимают здесь весьма заметное место; и адекватная интерпретация их, особенно по Римскому периоду, способна преодолеть проблемы датировки и истории правления нескольких местных властителей.

Сама идея коммеморативности вошла в монетное дело античности, вероятно, как реминисценция сакральной темы прославления богов и мифологических героев. На Боспоре самым ранним проявлением этой темы является появление головы Аполлона на первых выпусках Спартокидов 438–432 гг. до н.э. При Левконе I идея божественной коммеморативности трансформировалась в опосредованное (через одноименного мифологического демона) прославление умершего предшествующего властителя — Сатира I. Далее эта память о Сатире присутствует, то, исчезая, то, появляясь — вплоть до заключительных выпусков последних Спартокидов, заходя в чеканке Фанагории даже в Митридатовскую стадию монетного дела Боспора. Вероятно, следующее проявление коммеморативности правителей можно усмотреть в чеканке Фарнака, л.с. медных монет которого продолжает нести (как и при Митридате VI) идеализированный портрет Митридата VI, представляемого на Боспоре в образе Диониса-Аполлона.

В преодолении религиозных запретов античной эпохи персонификация правителей на монетных типах как характерная практика началась с Александра Великого. К концу эллинизма обычай изобразительно отмечать личность властителей, их предков и членов их семей закрепился в монетном деле Рима. Широкого проявления коммеморативность достигла в помещении на монетах посмертных изображений Цезаря — обожествленного приемного отца Августа. С этого времени тема посмертной памяти и обожествления римских правителей становится постоянной и весьма характерной чертой в римском монетном деле, оказывающем прямое влияние и подражатель-

ное воздействие на чеканку провинций и зависимых от Рима монетных центров [Зограф 1951, с. 70–72; Абрамзон 1995, с. 302, сл., 398, сл., 445, сл.].

В монетном деле Боспора Римского периода первое проявление личностной коммеморативности фиксируется уже с 16/15 г. до н.э., когда на о.с. золотых статеров с монограммой ВАЕ [Анохин 1999, с. 126, рис. 31: 1] в изображении “Римлянина” есть основание видеть портрет Цезаря.

Атрибуция золотых и медных монет с монограммой ВАЕ до сих пор является одним из самых “темных и запутанных вопросов” [Орешников 1914, с. 35] нумизматики Боспора. Остановимся на этой интригующей проблеме подробнее, тем более что к сериям меди с этой монограммой второго правления Динамии относится второй случай личностной коммеморативности монетного дела Боспора Римского периода.

При исследовании медных монет с ВАЕ были высказаны [библиографию см.: Голенко 1971, с. 39–41] и высказываются самые различные предположения. До публикаций золотого статера с монограммой ВАЕ и датой “А” (первого года правления) [Анохин 1986, с. 148, упом.: 255; 1999, с. 126, рис. 31: 1]¹ наибольшее признание имело мнение М.И. Ростовцева о ВАЕ на меди как имени Митридата Евпатора, помещаемого на монетах через полвека после смерти его владельца, как память об этом знаменитом царе Понта и Боспора [Ростовцев 1918, с. 47, сл.; Зограф 1951, с. 194; Брабич 1960, с. 43–45; Казаманова 1969, с. 154; Голенко 1971, с. 41]. Ставшее известным датированное золото с ВАЕ показывает непосредственное отношение этой монограммы к реально существующему на момент выпуска указанного золота владельцу монетной регалии. Тем самым становится понятно, что объяснением этой монограммы только одной лишь памятью о Митридате VI не обойтись. Сейчас выглядит несомненным, что в синхронной и последовательной хронологической связи с выпусками золота с ВАЕ находится и атрибуция меди с той же монограммой и статеров с монограммой двух типов, сочетающей в себе буквы ΔΥΜ, а так же последующих эмиссий монет с монограммами из букв ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ и ΒΑΜ [Анохин 1986, табл. 10–11: 256–296].

После исследований А.Л. Бертье-Делагарда, указавшего на параллельность выпуска меди ВАЕ и ΒΑΜ с золотом ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ [1910, с. 158] — вопрос о монетах с ВАЕ связывается с

судьбой назначенного Римом в правители Боспора Полемоном I. Последний был вынужден вооруженным путем получать Боспорское царство, а вместе с ним — и освободившееся место последнего супруга (Скрибония) боспорской царицы Динамии.

За последнее время попытки комплексно интерпретировать монеты с ВАЕ и ΔΥΜ были предприняты Н.А. Фроловой, В.А. Анохиным и С.Ю. Сапрыкиным.

Н.А. Фролова начала с реанимации идеи о выпуске монет с ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑ и ΠΑΡ “под контролем римских чиновников” “поставленных и уполномоченных Августом” [*Бертье-Делагард 1911, с. 179, сл., 212–215; Фролова 1979, с. 143–144; 1997, с. 69*] (см. приложение X). Возражение А.В. Орешникова, что “не может быть понято такое решение вопроса, когда золото чеканили опекуны — Римляне, а медь опекаемые местные цари” [*1914, с. 35*], Н.А. Фролова попыталась преодолеть положением о том, что и “в монограммах ВАЕ и ВАМ следует видеть имена чиновников, ответственных за чекан медных монет” [*1992, с. 230; 1997, с. 51*]. При этом исследовательница имеет в виду опять-таки чиновников **римских**, поскольку сомневается “были ли на Боспоре правители в период после смерти Полемона до воцарения Аспурга” [*1997, с. 51*]. Однако здесь же, в качестве собственного положения, ученая заявляет: “...чекан этих монет с ВАЕ принадлежит неизвестному до сих пор лицу, появившемуся на Боспоре после смерти Динамии² и оспаривавшему у Полемона право на боспорский престол” [*1989, с. 3; 1992, с. 192; 1997, с. 31*]. Наконец, в последней, совместной с М.Г. Абрамзон и Ю.В. Горловым версии Н.А. Фролова делает вывод о том, что “власть на Боспоре в 8 в. (г. — *О.М.*) до н.э. захватил (т.е., занял помимо воли Рима? — *О.М.*) какой-то представитель династии Митридатидов, правивший до получения Аспургом царского титула”. Однако в том же абзаце текста соавторы замечают: “Возможно, монеты с монограммой ΜΛ (ΔΥΜ — *О.М.*) чеканил Аспург, не имевший царского титула до 14 г. н.э.” [*Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, с. 243–244*]. Соседство всех этих догадок у одного и того же автора³ указывает на сумбурность его представлений по рассматриваемой истории Боспора.

На абсурдность же мнения о чеканке золота с ΔΥΜ, ΚΝΕ ΠΑ и ΠΑΡ “под контролем римских чиновников”⁴, т.е., от имени трех-четырех римских чиновников (иначе как осуществлялся этот контроль за золотом при наличии ограниченного числа

монограмм?) в течение 22 лет (ΔΥМ на протяжении 18 лет), которые потребовались “Аспургу, чтобы добиться у Рима получения прав на Боспорское царство” [Фролова 1997, с. 69–70] — уже справедливо указал В.А. Анохин [1986, с. 90]. Однако здесь же, В.А. Анохин поддерживает, по сути дела, идею о “римских чиновниках” следующим заявлением: “назначением монограмм... было указывать на источники финансирования... такая практика... дает возможность высказать предположение, что она каким-то образом была связана с Августом” [1986, с. 87]. Иными словами: если Август “каким-то образом” финансировал чеканку монет с ВАЕ, ΔΥМ и КНЕ, то эти монограммы принадлежат либо лично ему (что, естественно, нужно исключить), либо его доверенным лицам, то есть... “римским чиновникам” (!) (о противоречиях, содержащихся в исследовании В.А. Анохина по данному вопросу см.: [Грандмезон 1988, с. 220; Фролова 1992, с. 229–230]).⁵

Предложенный недавно В.А. Анохиным второй вариант решения рассматриваемой проблемы сводится к следующему. Полемон I захватывает на Боспоре с римской вооруженной подачи царскую власть и дополнительно место мужа Динамии, а затем выпускает единственную серию статов и медных монет с ВАЕ. Параллельно этой серии Полемона медь другой серии с такой же монограммой чеканит и Динамия. После чего Полемон разводится с Динамией и женится на Пифодориде; а Боспорское царство делится на два владения: собственно “Боспор” с греческими городами на берегах Боспора Киммерийского и “азиатскую часть”, контролируемую аспургианами. “Боспор” достается Полемону, который выпускает еще две серии меди с ВАЕ, а “азиатская часть” — Динамии, чеканящей во второе свое правление золото с ΔΥМ [Анохин 1999, с. 124–129]. После смерти Полемона Динамия продолжает чеканить золото и выпускает одну серию анонимной меди.

Вся это конструкция возникла, вероятно, вследствие желания В.А. Анохина преодолеть его же более ранние и более верные заключения о том, что монограмма ВАЕ “имела какое-то постоянное значение и не относилась к личности Полемона” [1986, с. 87], и монеты с ВАЕ “невозможно втиснуть в короткий промежуток времени правления Полемона” [1986, с. 91]. Теперь же в новой версии В.А. Анохина не объясняются возникающие в ее контексте следующие проблемные вопросы:

1) Почему Полемон I, получивший право выпуска золота в начале своего прихода на Боспор, был лишен или не пользовался этим правом при дальнейшей своей чеканке меди?

2) Почему Динамия, имеющая право на выпуск золота, была лишена права выпуска меди или не пользовалась им в последнее десятилетие I в. до н.э.?

3) Почему правление Полемона I, которое всеми исследователями признавалось кратким (и по-прежнему признается таковым В.А. Анохиным [1999, с. 124]), продлевается В.А. Анохиным на все время выпуска меди с ВАЕ?

Эту медь сам В.А. Анохин первоначально датировал с 14 г. до н.э. по 10 г. н.э. [1986, с. 148–149], а затем (с учетом видимо того, что правление Полемона сроком в 24 года — допустить абсолютно невозможно) сместил последний выпуск с ВАЕ (а значит и гибель Полемона от рук аспургиан) к рубежу нашей эры [1999, с. 126, 128, рис. 31: 13, 14]. При этом ученый отказался от разработанной А.Л. Бертье-Делагардом и А.Н. Зографом последовательности выпусков с ВАЕ, хронологически совместив те из этих серий (в качестве параллельных выпусков Полемона и Динамии), которые лишены знаков ценности [1999, с. 127–129]. В результате, по В.А. Анохину на 14 лет правления (которые, не смотря на проведенное исследователем “нумизматическое сжатие”, никак нельзя назвать “коротким царствованием” [1999, с. 124]) Полемона придется четыре серии меди, а на первые из этих же 14 лет (14–10 гг. до н.э.) власти Динамии (регулярно выпускавшей золото) — только одна серия меди. Оставшись же одна, Динамия будто бы и вовсе сократила медные выпуски, ограничившись за 8 первых лет н.э. только одной весьма немногочисленной (Н.А. Фролова собрала сведения только о 9 экз. [1997, с. 192–193]) серией анонимных медных монет, выпуск которых ранее В.А. Анохин более оправданно ограничивал тремя годами 1-го правления Аспурга [1986, с. 149: 290–292] (еще более правильным будет сократить чеканку этой серии до двух лет правителя КНЕ). Получается, что, в угоду “короткого царствования” (в рамках предлагаемой исследователем хронологии серий с ВАЕ) Полемона, В.А. Анохин предлагает принять явные нумизматические несообразности — однако, вследствие которых, не может быть признана и сама реконструкция ученым данного хронологического отрезка истории Боспора.

Значительное внимание разработке политической истории Боспора рассматриваемого времени уделил С.Ю. Сапрыкин. Помимо своего справедливого отказа [2002, с. 153–154; 2002 а, с. 211] от поддерживаемой им ранее [1996, с. 320] идеи о “римских чиновниках” — суть восходящего к В.В. Латышеву [1909, с. 101, сл.] подхода исследователя к нумизматической стороне вопроса, сводится к следующему. “Сериям золотых статов с монограммами ΔΥΜ, ΚΝΕ⁶, ΠΑΡ⁷ соответствуют выпуски меди с монограммами ΒΑΕ, ΒΑΜ, ΒΑΡ. Из них последняя относится к Аспургу... монеты с ΒΑΜ и ΒΑΡ имеют единый тип..., а монеты с ΒΑΕ предшествуют медным монетам с монограммой ΒΑΜ. Но они связаны общей символикой и значением монограмм, в которых заключены имя и титул Митридата Евпатора... эти серии медных монет принадлежат вовсе не Динамии, а другому правителю, оспаривавшему (у Полемона — *О.М.*) престол в качестве законного наследника Динамии... Отсюда *со всей очевидностью следует* (? — курсив — *О.М.*), что одновременные медным золотые монеты 9/8 г. до н.э. — 13 г. н.э. должны относиться не к чекану царицы Динамии, но к властителю, связанному с царицей общим происхождением... к Аспургу, ее сыну” [1996, с. 320–322; 2002, с. 101, 150; 2002 а, с. 209]. Из цитированного ясно, что исследователь связывает основного боспорского правителя “темного периода” не с монограммой ΔΥΜ (скрывающей в себе имя Динамии — что С.Ю. Сапрыкин теперь признает [2002, с. 150, 154; 2002 а, с. 208] — и помещаемой на золоте с 12/11 г. до н.э. по 7/8 г. н.э.), а с последующим после этого выпуском монет с ΒΑΡ [1984, с. 151]. Поскольку последняя монограмма однозначно принадлежит Аспургу, то весь предшествующий ряд монограмм (бесспорно принадлежащих одной и той же династии) предполагается помещенным на монеты под эгидой одного лишь Аспурга. Получается, что Аспург, прежде чем остановиться на монограмме ΒΑΡ, перебрал пять (!) (из приведенных С.Ю. Сапрыкиным) монограмм (причем некоторые из них использовались параллельно, а в одном случае — [Анохин 1986, табл. 11: 290–292] — и вообще отсутствовали). Делая такое предположение, С.Ю. Сапрыкин игнорирует давнее замечание А.Л. Бертье-Делагарда о несостоятельности попыток объяснять рассматриваемую нумизматическую картину “фантазерством одного из них (боспорских царей — *О.М.*), баляющегося придумыванием для себя самых разнородных моно-

---

грамм, не имеющих одна с другой ничего общего...” [1910, с. 212]. С нумизматической и любой другой логической точки зрения реанимируемое С.Ю. Сапрыкиным положение выглядит совершенно абсурдным⁸.

В связи с изложенным, вновь приходится констатировать, что период монетного дела Боспора около рубежа нашей эры длительностью порядка четверти века рискует остаться без сколько-нибудь приемлемого объяснения, а “туман, которым покрыты источники для разгадки смысла монограммы ВАЕ, не рассеялся, не смотря на старания авторов его рассеять” [Орешников 1914, с. 37].

Создавшийся в области рассматриваемой проблемы вакуум конструктивных гипотез есть возможность заполнить очередной рабочей версией. Такая возможность лежит на поверхности исторических источников, но ее не замечают нумизматы и историки. **Речь идет о том, чтобы в фигуранте, зашифрованной монограммой ВАЕ, признать реально существовавшего в начале рассматриваемого “темного периода времени” правителя — Скрибония.**

О происхождении Скрибония существует вполне, как представляется, достоверное предположение, согласно которому “это мог быть римский вольноотпущенник, очевидно, Скрибонии, первой жены Октавиана, учитывая прежде всего созвучие их имен” [Ростовцев 1918 а, с. 145; Яйленко 1990, с. 135; Сапрыкин 1990, с. 210; 2002, с. 91].

У большинства исследователей сложилось представление о Скрибонии как о банальном “политическом авантюристе или узурпаторе” [Бертъе-Делагард 1910, с. 195–196, Блаватский 1976, с. 58; Анохин 1999, с. 130]. Как утверждает А.И. Болтунова, целью Скрибония было “посягательство на престол наследницы Митридата”: “неудачная попытка Скрибония овладеть царством” вызвала “сопротивление со стороны боспорян... поэтому Скрибония они убили” [1989, с. 89]. Или: “...несмотря на брак с царицей, Скрибоний сам хотел встать во главе государства” [Сапрыкин 2002, с. 93]. Одной из последних версий появления Скрибония на Боспоре стало предположение о том, что Скрибоний являлся агентом Рима или даже был официально назначен в качестве царя Боспора самим Августом [Яйленко 1990, с. 135; Сапрыкин 1990, с. 210, 211; 1995, с. 188; 1996, с. 314–315]. Эта версия встретила сочувствие в литературе — В.А. Горончаровский пишет: “Вполне возможно, так оно и было.

Царица Динамия, не желая углублять конфликт, вышла за него (Скрибония — *О.М.*) замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался. В любом случае, поставленной перед ним задачи он не выполнил, и не замедлило последовать прямое вмешательство Рима” [2000].

Эти и подобные им гадания базируются на сообщении от 14 г. до н.э. Диона Кассия:

“В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридатова и уверявший, что он получил царскую власть от Августа⁹ после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкою Митридата, и стремился овладеть Боспором. Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей части Понта и Каппадокии. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав о его замысле; когда же они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемону; Динамия сделалась его женою, очевидно, по решению Августа” [*Dio Cass. LIV. 24, 2–6*] (перевод взят из статьи С.И. Болдырева [2000, с. 11]).

Присмотримся к этому сообщению, содержащему, как представляется, в себе ряд странностей. Прежде всего, непонятно: чем же Скрибоний успел досадить римлянам за короткий период своего пребывания на вершинах боспорской власти? “Стремлением овладеть Боспорским царством”? Но это право естественно диктовалось местом супруга Динамии — царицы Боспора. Более того, надо полагать, что, это “стремление” и было реализовано самим фактом вступления на боспорский престол после, очевидно, и это надо подчеркнуть — успешного “восстания”; о чем и может свидетельствовать (в рамках нашего предположения) выпуск золотого статера с монограммой ВАЕ. Вместе с тем, предполагать, что Скрибоний реально покусился на какие-то интересы римлян на Боспоре или вне Боспора — едва ли возможно. Во-первых, Рим в эпоху Августа находился на взлете своего экономического, политического и военного могущества. Поэтому, если Скрибоний и имел антиримские планы, то афишировать и, тем более, реализовывать их в самом начале своего правления было равносильно самоубийству. Ведь авантюризм (который некоторые исследователи приписывают Скрибонию) и склонность к самоубийству — это далеко не одно и то же. Во-вторых, Скрибоний прикрывается авторитетом Августа как своего патрона, санкционировавшего его

приход к власти. Что, опять таки, не дает оснований сомневаться в лояльности (видимой, по крайней мере) этого правителя к Августу и Риму. В этой связи изображение Августа на золотом статере Скрибония (с ВАЕ) более чем оправданно. Однако допустим, что Агриппе стали известны какие-то реальные или наговоренные недоброжелателями планы (но отнюдь не действия) Скрибония, направленные против Рима. Почему же, в таком случае, смерть Скрибония не остановила подстрахованную Агриппой карательную экспедицию Полемона? Вероятно потому, что Скрибоний был (или стал к тому времени) не столько причиной, сколько поводом (в глазах Агриппы вполне достаточным) к решительному включению Боспора в сферу Римских интересов.

Не понятна ситуация вокруг убийства Скрибония “боспорянами”. Почему “замысел” Скрибония (“внука Митридата Евпатора”!) стать царем Боспора оказался “для боспорцев” новостью уже после его женитьбы на Динамии? В чем неприемлем был “для боспорцев” этот “замысел”, “узнав” о котором они Скрибония убили? Что в этом естественном желании мужа царицы Динамии (и “внука Митридата VI”) было такого крамольного, вызвавшего “несмотря на брак с царицей” [Сапрыкин 2002, с. 93] “стремление оградить престол наследницы Митридата” [Болтунова 1989, с. 89]? И что это были за “боспорцы”, совершившие убийство Скрибония? Контекст сообщения Диона Кассия говорит об очевидной связи между “восстанием на Боспоре” и последующим приходом к власти Скрибония. А “восстать” могли только силы, находящиеся внутри Боспора, т.е. — “боспорцы” (но, вероятно не те, которые потом убили Скрибония). Следовательно Скрибоний выступал выразителем интересов весьма значительных (судя по успеху “восстания”) внутрибоспорских групп населения. Полностью отсутствуют данных для обоснованных предположений о том, были ли в убийстве Скрибония замешаны какие-то политические или патриотические группировки антиримского или проримского толка; и находится ли в связи с этим (и если — “да”, то в какой именно связи) вооруженное сопротивление, оказанное “боспорцами” Полемону I.

Как видим, “дело” “самозванца” Скрибония, в изложении Диона Кассия, далеко не так ясно, как это может создаться поверхностным впечатлением от рассказа этого римского писателя. Однако согласование рассматриваемого и других свиде-

---

тельств с реальным нумизматическим источником — позволяет дать следующую реконструкцию политических событий.

В 20 г. до н.э. или немногим ранее на Боспоре вспыхивает восстание под предводительством Скрибония. Представляя собой решительную и неординарную личность, этот лидер возглавил на Боспоре какую-то значительную общественную или военную группировку (не “восстал” же Скрибоний сам по себе!) — деятельность, характер и цели которой остались, для нас неизвестны. Правительственные войска при столкновении с вооруженными силами восставших переходят на сторону Скрибония, что говорит о широкой поддержке на Боспоре идей или целей восстания, выразителем которых и стал Скрибоний. Оставшийся без армии Асандр отстраняется от управления государством, и вынужден (очевидно — по требованиям восставших и их вождя Скрибония) официально передать царскую власть в руки своей жены Динамии. В связи с чем, Динамия в 20 г. до н.э. чеканит свой первый по времени золотой статер 277 г. п.э. Асандру оставляют жизнь (еще один показатель — либо уверенности восставших в своих силах и правоте, либо благородства Скрибония, либо и того и другого вместе), с которой, однако, он уже предпочитает расстаться по своей личной инициативе на 93-м ее году, уморив себя голодом [*Ps.-Luc. Makr. 17*], вероятно, в 280 г. п.э. (18/17 г. до н.э.)¹⁰ [*Бертъе-Делагард 1910, с. 181*]. Первое официально-единоличное правление Динамии заканчивается в 281 г. п.э. (17/16 г. до н.э.) с выпуском золота, представленного вторым известным статером Динамии. После чего вдовствующая царица выходит замуж за Скрибония, продолжавшего играть ключевую роль на политической арене Боспора, и, вероятно, фактически управляющего государством с момента смещения Асандра в 20 г. до н.э.

Нет прямых сведений о действительных личностных отношениях между Скрибонием и Динамией. Однако дальнейшая нумизматическая картина заставляет предполагать (а, какие либо препятствия для этого отсутствуют) в этих отношениях не только политический расчет, но и вспыхнувшее у Динамии по отношению к Скрибонию искреннее и сильное положительное чувство. Не исключено, что симпатия между ними была обоюдной: поскольку Скрибоний являлся “внуком Митридата” (хоть и фиктивным), постольку авторитет Динамии, как наследницы Евпатора, был не настолько необходим Скрибонию, чтобы из-за него обязательно жениться на Динамии после успешного “восстания”.

Подтвердив, уже как муж Динамии, свой приоритет в царской власти на Боспоре, Скрибоний около 282 г. п.э. (16/15 г. до н.э.) выпускает полностью лояльный по отношению к Риму статер с ВАЕ и синхронную ему первую серию в четырех медных номиналах ([Анохин 1986, табл. 10: 256–258, Фролова 1997, табл. V: 17] — от халка до тетрахалка) с той же монограммой во все поле реверса. Выбор Скрибонием типа золотого статера с головой Августа на л.с.¹¹, надо рассматривать, скорее всего, как проявление его личной инициативы, рассчитанной на получение одобрения со стороны Августа, который в 16 г. до н.э. закрепил право помещать на золотых монетах лишь свое изображение [Бертье-Делагард 1910, с. 154].

В связи с привязкой монограммы ВАЕ к Скрибонию полностью снимается проблема с интерпретацией этого монетного сокращения. Ведь, более чем, вероятно, что рассматриваемый претендент на царство не только назвал себя внуком Митридата Евпатора, но и принял имя этого популярного на Боспоре (ср.: [Голенко 1971, с. 40, прим. 10]) понтийского царя. Определенная тонкость имеется с датировкой статера по первому году правления (“А”). Если бы Скрибоний был действительным потомком Митридата, то на статере можно было бы ожидать появление даты по понтийской эре (ср.: [Анохин 1986, с. 81]). Но, в данном случае, последовательность пропагандируемой “легенды” о своем происхождении от Евпатора Скрибоний принес в жертву собственному самолюбию, требовавшему отметиться первым в династическом ряду.

Воцарение Скрибония не встретило понимания в Риме. Однако едва ли в основе этого неприятия лежали политические, военные или экономические причины: за время своего, сначала фактического, а затем и официального царствования Скрибоний вряд ли успел бы получить серьезную возможность основательно досадить римлянам или каким либо другим образом задеть глобальные интересы Империи. Скорее всего, со стороны принцепса или его ближайшего окружения в их неприязни по отношению к Скрибонию можно предполагать (по крайней мере, на первых порах) какие-то чисто личностные мотивации. Поэтому вовсе не исключено, например, могущее быть в прошлом (в связи с чем, весьма актуальным, выглядит упомянутое выше предположение о происхождении Скрибония как вольноотпущенника одной из императорских семей Рима¹²) конфликтное пересечение интересов Скрибония и Агриппы. Возможно, что именно в согласовании с последним допущением, активным инициатором и покровителем экспедиции Полемона являлся именно Агриппа, а не Август.

Произошедшая при невыясненных для нас обстоятельствах (возможно — вследствие чисто дворцовых интриг и заговора), но, вероятно, трагическая смерть Скрибония в 15/14 г. до н.э. навсегда оставила отпечаток в памяти Динамии и через два года — при возобновлении в 12/11 г. до н.э. этой царицей Боспора чеканки золота [*Покрасс 1997, с. 6–7; Анохин 1999, с. 128, рис. 32: 1*] (начало эмиссий с монограммой ΔΥΜ¹³) — она помещает в сериях медных монет монограмму ВАЕ (кстати, уже после смерти Агриппы, скончавшегося в марте 12 г., и смерти Полемона I, который ненадолго пережил Агриппу¹⁴), как подтверждение своей памяти о Скрибонии¹⁵.

Таким образом, монеты с монограммой ВАЕ со второй их серии нужно рассматривать как коммеморативные выпуски в честь Скрибония. При чем, весьма вероятно, что дополнительным объяснением (а может и официально-основным) стало упоминание в связи с этой медью не только (или не столько) Скрибония, но и (сколько) Митридата Евпатора.

То есть в этой монограмме могли одновременно соединиться как личная память Динамии о Скрибонии (что, собственно, и обеспечило длительную параллельность выпуска монет с ΔΥΜ и ВАЕ) так и официальная общественно-историческая память Боспора о Митридате Евпаторе. Что подтверждает и заключительная серия монет с монограммой ВАМ, указывающей уже на имя Митридата (при остающемся намеке на Скрибония.).

В заключение представленной гипотезы по проблеме монограммы ВАЕ замечу, что гадательность некоторых составных положений нашей интерпретации вполне очевидна и самому автору. Однако все эти допущения не превышают в известной доле своей неопределенности любые из ранее известных версий, затрагивая, при этом, только межличностные отношения исторических персонажей.

Вместе с тем, предлагаемая гипотеза не противоречит странностям свидетельства Диона Кассия и согласуется с чисто нумизматическими наблюдениями, в том числе — и за последовательностью монетных серий с ВАЕ (сделанными еще А.Л. Бертье-Делагардом и А.Н. Зографом).

Следующей, уже общепризнанной в рассматриваемой трактовке памятных выпусков является медь Котиса I, а затем и Рескупорида I с монограммами и именами их родителей и

предков [Анохин 1986, табл. 13, 14: 346, 373 (упом. с. 153), 374, 376]¹⁶.

Понимание монет с пятиколонным храмом и монограммой ВАК [Анохин 1986, табл. 14: 370], как памятного ок. 64 г. выпуска Евн(ики?) в честь ее умершего мужа Котиса I — дает внятную интерпретацию для монетной серии Нерона 63 г.¹⁷.

Признанным большинством исследователей примером местной коммеморативности является консекрационный выпуск Котисом III на втором году своего правления (525 г. б.э.) статеров [Анохин 1986, табл. 31: 644] с именем и портретом своего отца Рескупорида II — предшественника Котиса III на царском троне [Гиль 1891, с. 16; 1892, с. 358; Зограф 1951, с. 207; Голенко 1978, с. 19; Абрамзон 1995, с. 484; Фролова 1973, с. 53; 1980, с. 17–18; 1997 а, с. 7–8; Смекалова 2001, с. 40].

Вполне обоснованным выглядит мнение М.Г. Абрамзона [1995, с. 484] о проявленной в выпуске статера Савромата IV 572 г. б.э. [Анохин 1986, табл. 36: 725б] консекрационности в виде дифферента орла на шаре в честь погибшего в 275 г. и обожествленного римского императора Аврелиана.

Признание личностной коммеморативности как характерной черты в монетном деле Боспора Римского периода позволяет уверенно указать (помимо отмеченных выше выпусков Динамии и Евн(ики?)) на не выделяемые ранее в таковом качестве посмертные выпуски сестерциев, осуществленные Савроматом I в честь, с именем и портретом Рескупорида I [там же, табл. 14–15: 383–385], аналогичные выпуски Котисом II в честь Савромата I [там же, табл. 19: 465–468], Реметалком в честь Котиса II [там же, табл. 20: 500–501], Евпатором в честь Реметалка [там же, табл. 22: 525], а так же выпуск Тейраном медных статеров 572, 573 и 561 гг. б.э. в честь Рескупорида V [там же, с. 171: 718 (упом.), табл. 36: 716–717].

Ограниченность печатного места не позволяет здесь подробно рассмотреть упомянутые и другие случаи личностной коммеморативности и прояснение в связи с ними “подозрений” на соправительство¹⁸ в монетном деле Боспора Римской эпохи, что предполагается сделать в дальнейших публикациях.

Примечания

¹ Н.А. Фролова выразила сомнение в подлинности этой монеты по причине, “отсутствия изображения ушной раковины на пор-

---

трете Августа”, а так же на том основании, что “весь облик императора на золотом статере с ВАЕ выпадает из общего стиля изображений римлян, имеющих на статерах с монограммами” [1992, с. 229]. В связи с этим отметим, что сравнение изображений на золоте ВАЕ по публикациям и известной частной коллекции с ближайшими по времени к этой монете статерами 12/11 и 10/9 гг. до н.э. из частной коллекции, позволяет говорить только о руке разных резчиков. Что не дает оснований принять сомнения Н.А. Фроловой в подлинности статеров с ВАЕ. В настоящее время известны уже три статера (вместе с упомянутым [Анохин 1986, с. 148: 255]) с монограммой ВАЕ, хранящиеся в частных коллекциях. В двух случаях эти монеты имеют разные штампы о.с.

² Н.А. Фролова упорно продолжает отрицать обоснование второго правления Динамии, выдвинутое еще М.И. Ростовцевым [1916, с. 1, сл.; 1918, с. 47, сл.]. Наиболее весомое эпиграфическое свидетельство — надпись КБН, 979, где Динамию чествует “народ агрипсийцев” (что указывает на соответствующее название Фанагории в правление Динамии) исследовательница датирует до прихода Полемона I в 15/14 г. на Боспор. По мнению ученой “переименование городов могло быть сделано Динамией в год получения ею от Августа признания ее прав на боспорский престол и права чеканить золото” [1997, с. 36]. Под этим золотом Н.А. Фролова допускает только статера с полным титулом и именем Динамии, первый из которых относится еще к 20 г. до н.э. Возвышение же Агришпы, когда стало допустимым говорить о возможном переименовании в его честь городов относится только к периоду “с 18 по 12 гг. до н.э.” [Фролова 1997, с. 34]. И после этого, исследовательница полагает, будто эти не стыкующиеся в ее версии даты (20 и 18 гг. до н.э.) выглядят неким убедительным фактом в сравнении с которыми “доказательства, приведенные М.И. Ростовцевым, базируются в основном на предположениях” [1997, с. 37]! Остается только отметить, что отстаиваемая Н.А. Фроловой версия о столь раннем переименовании боспорских городов уж точно не согласуется с описанием Восточного Причерноморья в “Географии” Страбона. Свои записи географ сделал, вероятно, сразу по “горячим следам” смерти Полемона, когда переименование городов еще в действительности не состоялось.

³ Появление новых версий у Н.А. Фроловой часто не сопровождается ее объяснениями отказа от старых вариантов. Таким образом, получается, что для науки все предположения исследовательницы равноправны, несмотря на разновременность выдвижения некоторых из них. Впрочем, это беда касательно нумизматики Боспора присуща работам не только Н.А. Фроловой.

⁴ Н.А. Фролова, защищая идею о “римских чиновниках в боспорской нумизматике”, требует доказательств, например, того, что в монограмме “ΔΥΜ скрыто имя Динамии” [1992, с. 231]. Между тем, сразу, за последней по времени выпуска монетой с подобным сокращением [Анохин 1986, табл. 11: 293], началась чеканка монет с монограммами ΒΑΡ, ΒΑΡΗ, ΒΑΚ и монограммой императора Нерона. Принадлежность этих монограмм правителям Боспора (Аспургу, Гипеирии, Котису) как и императору Нерону Н.А. Фролова признает. Однако монограммы этих первых лиц Боспорского государства или, даже, всей Римской империи занимают на монетах то же самое место, что и предшествующие им дискутируемые монограммы ΒΑΕ, ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ. Если предполагать в этих ранних монограммах имена римских чиновников, то получается, что последующие цари Боспора и даже сам римский император только и смогли достигнуть в своей деятельности того общественного положения (одним из отражений которого и являются обозначения этих лиц на монетах), которое до этих династических правителей имели должностные “римские чиновники”! В таком случае, необходимо признать, что некие “римские чиновники”, скрывающиеся за спорными монограммами, обладали всеми полномочиями, присущими царям Боспора в рассматриваемое время, т.е. были полновластными хозяевами на Боспоре и с царскими (судя по длительности выпуска монет с монограммой ΔΥΜ) сроками правления, проще говоря — “римскими” царями! Но у нас есть и боспорские цари, близкие к рассматриваемому времени, и только с именем одного из них — с царицей Динамией — можно согласовать монограмму ΔΥΜ. Даже С.Ю. Сапрыкин, отвергающий “второе и третье” правления Динамии, вынужден согласиться с тем, что под монограммой ΔΥΜ скрывается имя Динамии [2002, с. 150]. И каких-либо разумных альтернатив этому допущению ни кем (в том числе и Н.А. Фроловой) предоставлено не было. Поэтому, прежде чем требовать упомянутых выше доказательств, Н.А. Фроловой надо было бы озаботиться сколь либо приемлемой альтернативной версией происхождения указанных монограмм.

⁵ Однако некоторые из положений критических заметок Н.А. Фроловой [1992] нельзя признать принципиально:

1) алогично отрицание Н.А. Фроловой **предположений** “видеть в монограмме” ΔΥΜ имя Динамии, а в сокращении ΚΝΕ имя супруга Динамии только на том основании, что “это еще не доказано” (!) [1992, с. 230];

2) нельзя отрицать вывод “об использовании различных монограмм при одном правителе” якобы на том основании, что “такой правитель не засвидетельствован ни письменно, ни эпиграфическими данными” [1992, с. 230] — между оспариваемым выводом и его опровержением отсутствует логическая связь;

3) нельзя отрицать привязку монограмм ПАР и ПА к Аспургу на том основании, что “во время его правления” в 13/14–37/38 гг. “выпускались... монеты с ВАР” [1992, с. 230]. Если верно предположение о том, что Аспург правил до указанного срока появления монограммы ВАР в качестве полуофициального (не утвержденного непосредственно римским императором) царя Боспора, то следы этого раннего правления справедливо видеть в предшествующей данной монограмме — близкой ей монограмме ПАР и связанной с последней монограммой ПА. (Но, нельзя терять здесь и чувство меры, чего в данном случае не хватает, например, С.Ю. Сапрыкину — см. ниже по основному тексту).

4) нельзя отрицать предположение о принадлежности надписи “КБН, 979 (в которой нет упоминания о Полемоне, но называется Динамия, а Фанагория переименована в Агрипшию)” ко второму правлению Динамии на том основании, что якобы “не доказана” принадлежность монограммы ΔΥΜ к Динамии [1992, с. 231] — подобное утверждение отрицает возможность комплексного анализа первоисточников; тем самым отвергается один из основных методологических “инструментов” научно-исторических исследований.

Общее, что объединяет приведенные необоснованные пункты критических замечаний Н.А. Фроловой — слабость их формальной логики (или даже полное отсутствие таковой).

⁶ Предложение С.Ю. Сапрыкина считать сокращение КΝΕ титулом Аспурга “храмоблудитель Августа” [2002, с. 155; 2002 а, с. 211] не находит дублирования в эпиграфике титулатуры правителей Боспора (как Аспурга, так и последующих местных царей).

⁷ Мнение С.Ю. Сапрыкина о монограмме ПАР как о почетном титуле императора Августа — “отец отечества” [2002, с. 154; 2002 а, с. 211] — не согласуется с отсутствием монограммы на л.с. монеты рядом с головой Августа, обратное чему следовало бы ожидать в случае принадлежности монограммы этому римскому императору. Предполагаемая С.Ю. Сапрыкиным смена монограммы боспорского правителя на монограмму императора не находит подтверждения в выпусках меди, что, например, засвидетельствовано для времени Котиса I и Нерона.

⁸ Близкое допущение (о монограммах ВАЕ, ПАР и ВАР как принадлежащих Аспургу) было высказано и М.И. Ростовцевым [1918 б, с. 51–53]; что нашло соответствующий критический отклик у Н.А. Фроловой [1979, с. 143; 1997, с. 68]. Тем не менее, отвергнув эту специалистами идею С.Ю. Сапрыкин подает в форме уверенного нумизматического обоснования. В связи с чем, остается только расширить исследовательские рамки характеристики, данной со

стороны С.И. Болдырева аналогичным “веским основаниям” по поводу датировки тем же С.Ю. Сапрыкиным [1996, с. 317, 318, 320, 323] монет Кесарии и Агриппии: “Многие исследователи, **не владея азами нумизматики** (выделено *О.М.*)... пытаются сохранить незыблемость своих исторических построений. При ознакомлении с подобными работами складывается впечатление, что жители Боспора чеканили свои монеты в угоду эффектным историческим реконструкциям современных историков” [Болдырев 2002, с. 57]. Что же касается монет Кесарии и Агриппии, то эти эмиссии начались не ранее прекращения выпуска 3-й серии с ВАЕ, поскольку производились уже по новой монетно-весовой системе, той же, по которой выпускалась и 4-я серия с ВАЕ. Эти нововведения произошли около рубежа новой эры. Чеканка Кесарии и Агриппии была прекращена в 10/11 г. н.э. выпуском Аспургом первых своих монет, т.е. — во время его первого правления. О чем подробнее — в следующих публикациях.

⁹ Абсолютно неприемлемым является предположение С.Ю. Сапрыкина о том, что Скрибоний “мог быть римским куратором или корректором при дворе боспорского царя” [2002, с. 91; 2002 а, с. 208], поскольку “куратор или корректор” не будет заверять о том, будто он получил “царскую власть” от Августа.

¹⁰ Догадки о возможности таких событий, как две битвы (с разрывом между ними в три года) Скрибония с Асандром, как и передача Асандром власти Динамии именно под “нажимом римлян”, предложенные С.Ю. Сапрыкиным [1996, с. 314–315; 2002, с. 93–95] — не имеют под собой никакого фактического основания, в первую очередь — в нумизматических источниках).

¹¹ Портреты римлян на статерах с монограммами от ВАЕ до ПА, не поддаются абсолютно уверенной атрибуции [Бертъе-Делагард 1910, с. 156, 170]. Если на л.с. вероятнее все-таки ожидать изображение Августа, то определение личности на о.с. статера с ВАЕ и последующих за ним типов монет из указанной группы статов более неопределенно. Поскольку первое помещение этих портретов произошло еще при Скрибонии, то из двух наиболее ожидаемых кандидатов на о.с. статов допустимо оставить не Агриппу, которого видят здесь некоторые исследователи [Гиль 1891, с. 12; Бертъе-Делагард 1910, с. 172–173; Зограф 1951, с. 192; Анохин 1986, 81–81, 148, 225; Абрамзон 1995, с. 205], а только Цезаря. Довод в пользу Агриппы зиждется на том преимущественно основании, что на провинциальных монетах Цезарь чаще всего изображался с венком на голове, коего на рассматриваемом портрете о.с. статов Боспора не имеется [Бертъе-Делагард 1910, с. 170–171]. Однако А.Л. Бертъе-Делагард писал: “...ни на одном золотом

этого времени (до появления на боспорских статерах монограммы ВАР — *О.М.*) нет венка на изображении императора; невозможное для местного монетчика это было обычным делом для Римлянина...” [1910, с. 213]. Вот, как раз, этим-то “Римлянином”, удивившим первоначальный образец в чеканке упомянутых статеров — вполне мог быть Скрибоний. Не менее важно здесь и то, что портрет Агриппы на золотых монетах едва ли мог появиться в 16–14 гг. потому, что такое право Агриппа получил от Августа только в 13–12 гг. до н.э. [Mattingly 1965, P. LXVI]; а, поскольку после 12 г. до н.э. имя Агриппы исчезает даже с римских монет [Kunisz 1976, P. 120–132], постольку длительное размещение его портрета на монетах Боспора (на статерах с монограммами ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑ, ΠΑΡ) не находит себе существенного объяснения.

¹² Скрибония (по имени рода которой Скрибоний и мог получить свое имя) была женой Августа и матерью Юлии Старшей — дочери и родного единственного ребенка Августа. Тот факт, что Август развелся со Скрибонией именно в день рождения своей дочери в 39 г. говорит о весьма непростых отношениях, сложившихся между бывшими супругами. После развода родителей Юлия Старшая жила в семье Августа и вторым своим браком была замужем именно за Агриппой, инспирировавшего агрессию против Скрибония.

¹³ О наиболее вероятной атрибуции монограммы ΔΥΜ как сокращения от имени Динамии во время ее второго правления см.: [Ростовцев 1916, с. 1, сл., 18; Гайдукевич 1949, с. 222, 316, 317; Зограф 1951, с. 196; Блаватский 1964, с. 132; Голенко 1971, с. 41; Анохин 1986, с. 87–89].

¹⁴ С.И. Болдырев, основываясь на отсутствии у Страбона указания на переименование Фанагории, упоминаемой в связи с гибелью Полемона [Strabo. XI, 2, 2, 10], предложил датировать смерть последнего временем еще жизни Агриппы. Исследователь пишет: “...трудно представить, что, спустя четыре года (в 9/8 г. до н.э. — *О.М.*) после смерти Агриппы, в марте 12 г. до н.э., город мог быть переименован в его честь”; к тому же, одновременное с Фанагорией, переименование Пантикапея в Кесарию не могло произойти после 10 г. до н.э., так как в этом случае Пантикапей получил бы название “Себаст или Себастей” [Болдырев 1999, с. 34]. Следует согласиться с С.И. Болдыревым, что четыре года (ориентированные на первый известный до публикации Ю.Л. Покраса статер 289 г. б.э.) слишком большой срок, после которого едва ли можно было бы ожидать переименование Фанагории. Двухгодичный срок так же представляется “великоватым” и исключаемым, помимо этого, названием Кесарии, не могущем появиться после 10 г. до н.э.

[Буассье 1914, 128–130; Сапрыкин 1996, с. 322–323] — но, вот переименование в течение, скажем, нескольких месяцев или даже года после смерти Агриппы вовсе не выглядит таким уж невероятным. Поэтому возобновление чеканки Динамией золотой монеты в 286 г. б.э. (т.е., не ранее октября 12 и до осени 11 гг. до н.э.) является главным критерием, позволяющим наиболее достоверно судить о дате гибели Полемона. С.И. Болдырев высказал сомнение в подлинности статера Динамии 286 г. б.э. вкупе с другими статерами клада, частично опубликованного вместе с цистой, в которой они были найдены. Эти подозрения зиждутся, главным образом, на метрических расчетах С.И. Болдырева, согласно которым указанные монеты не могли поместиться в цисту, что и порождало сомнения по всей совокупности данных клада [Болдырев 2002, с. 55–56]. Однако, как пояснил в беседе с автором опубликовавший клад Ю.Л. Покрасс, первое, что он сделал в начале изучения находки — так это вполне успешно уложил все монеты в цисту и при этом закрыл ее крышкой. Внутренний диаметр цисты в верхней ее части — 33, в нижней — 36 мм. Толщина дна цисты — порядка 1 мм. Надетая крышка не уменьшает полезного объема цисты т.к. внутрь ее не заходит. Так что “теоретическо-метрические” подозрения С.И. Болдырева в данном случае оказываются полностью несостоятельными.

¹⁵ Как это ни отвлеченно звучит в историческом исследовании: но парадоксально, что предположение о большой, возможно, последней любви, испытанной женщиной, которой уже за 40, может решающим образом объяснить нумизматические коллизии, не понятные с точки зрения “глобальных” историко-политических реконструкций.

¹⁶ В этой связи общепризнанных фактов весьма странным выглядит утверждение В.А. Анохина о яко бы отсутствии случаев “памятных” выпусков “в боспорской чеканке” [1999, с. 160].

¹⁷ Очевидно, царь Котис I умирает в 63 г., оставляя после себя вдову Евн(ику?) с малолетним наследником престола. Для принятия решения о наследовании боспорского царства Нерон вызывает вдову Котиса с сыном в Рим. На время их отсутствия на Боспоре в качестве высшего должностного лица остается высокопоставленный римский (или проримски настроенный) чиновник с весьма обширными полномочиями — вплоть до права контроля над монетной чеканкой. С временем от смерти Котиса I до решения Нерона (после того как император лично убедился в способности Евн(ики?) управлять царством до совершеннолетия Рескупорида) доверии вдове Котиса власти на Боспоре — и связан выпуск в 63 г. золота с монограммой Нерона (как верховного патрона Боспора) и

меди, типологически сближенной с имперскими монетами [*Зограф 1951, с. 199*]. Таким образом, нет нужды объяснять указанные краткие инновации монетного дела Боспора яко бы неудачной попыткой (от которой более никаких сведений не сохранилось) перевода Боспора на положение Римской провинции или включением царства в состав провинции Понт.

¹⁸ Например, изученная автором по данным нумизматики хронология правителей Боспора от 242/3 до 278/9 гг., представляется в следующем виде:

Рескупорид IV — 242/3–253/4 гг.

Фарсанз — 254 г.

Рескупорид V — 254/5–267/8 гг.

Неизвестный правитель (Хедосбий?) — ок. 268 — ок. 275 гг.

Савромат IV — 275/6 г.

Тейран — 276–278/9 гг.

Из приведенного списка следует, что ни о каком “соправительстве” (а тем паче — разделении Боспора на “улусы” [*Яйленко 2002, с. 321*]) двух и, тем более, трех (!) царей Боспора в указанный период времени говорить не приходится. Статер Тейрана с датой 563 г. б.э. (266/7 г.) является юбилейной эмиссией, выпущенной этим царем (как и упомянутые в тексте памятные биллоновые и медные статера 572, 573 и 561 гг. б.э. с именем и портретом Рескупорида V) в 572 или 573 гг. б.э.

НАСЕЛЕНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Археологическая культура Хазарского каганата, известная как салтово-маяцкая, вот уже больше столетия привлекает к себе внимание (Археология Украинской ССР 1986; Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины 2002; и много других изданий). Среди наиболее важных направлений в этой проблематике следует выделить этническое, при дальнейшей разработке которого отдельные исследователи должны прийти к каким-то тождественным выводам. Нынешние расхождения в частности объясняются и тем, что: "... источники, которые в настоящее время имеет в своем распоряжении наука, и методы их использования в этноисторическом исследовании не позволяют с той степенью полноты, которой требуют как научно-историческая так и бытовая, практическая значимость проблемы, обнаружить и охарактеризовать эти процессы. Ныне наука идет по пути накопления и первичной систематизации фактов, их начального, предшествующего осмысления. Она еще не в состоянии завершить построение целостной концепции и находится на стадии определения ее общих контуров и закладки фундамента" [Гадло 1994, с. 200].

Анализ в этом направлении проводился в разные года разными авторами. Так, С.А. Плетнева, выделив семь локальных вариантов салтово-маяцкой культуры (в том числе и крымский) отмечала и их общие особенности:

— безфундаментная ("двущитовая") кладка стен (довольно часто щиты сложены насухо, без раствора; для южных вариантов типична кладка "елкой");

— жилья трех основных типов: полуземлянки, юрты, жилища сырцовый кладки на цоколях (первые преобладали в лесостепи, вторые — в степях, третьи — в Приазовье и Крыму);

— исключительное единство в керамическом комплексе (самые типичные сосуды — серые или желтые столовые с лощеной поверхностью: кувшины, кружки, горшочки, корчаги, миски; далее набор для кухни: горшки разных размеров и подвесные котлы с внутренними ручками, украшенные полностью или зонально линейно-волнистым орнаментом);

— широкое распространение тарной посуды, в особенности амфор изготовлявшихся преимущественно в Крыму и, отчасти, вероятно, в Подонье (не попадались они лишь в Предкавказье);

— близость типов бытового инвентаря, збруи, оружия, украшений (правда одни и те же формы всех отмеченных категорий вещей были известны во всем кочевом и полукочевом мире Европы и Азии. Это, очевидно, следует объяснять общностью экономического развития кочевых обществ той эпохи, но, тем не менее, особенно близкими являются вещи, которые принадлежали этнически родственным культурам и вариантам культур [*Плетнева 1976, с. 45*]).

По мнению упомянутой исследовательницы единство культуры на всей территории ее распространения свидетельствует о том, что она имела не столько этнический, сколько государственный характер. Границы ее распространения совпадают с границами Хазарского каганата, о которых писал каган Иосиф в X ст., когда пересчитывал пограничные с каганатом племена, страны и народы [*Плетнева 1976, с. 45–46*]. С такой точкой зрения не соглашаются другие авторы. В частности В.А. Коренько указывает: “Врядли может быть приемлемой в качестве замены термин “государственная культура Хазарского каганата”” [*Флерова 2001, с. 10*]. Но: “при всей своей спорности и неудачности сам термин “салтово-маяцка культура” в его широком значении все же соответствует, отображает ту нивелирующую роль, которую сыграла Хазарская государственность в формировании черт материальной культуры народов, которые вошли в орбиту Каганата” [*Флерова 2001а, с. 163*]. Но кто же был “локомотивом” в создании этой интегрирующей культуры? Письменные источники указывают на три основных компонента — собственно хазар, болгар и алан. Хотя и в этом вопросе тоже не все решено. На сегодняшний день в определении доли участия “титульной нации” в формировании культуры Хазарского каганата наблюдается крайнее размежевание точек зрения: от полного отрицания существования хазарской культуры и собственно хазарского этноса к признанию хазар как движущего фактора в появлении салтово-маяцкой культуры [*Флерова 2001а, с. 163*].

Но письменных источников явным образом недостаточно для надлежащего изучения этого вопроса. Его возможно решать лишь в комплексном рассмотрении вместе с археологическими данными и, в первую очередь, с погребальными памятниками

ми последней четверти I тыс. н.э. Ведь погребальные обычаи каждого народа формируются под влиянием нескольких факторов, в том числе и этнического.

Для “салтовцев” были характерны два типа погребального обряда: катакомбный и ямный. Катакомбные некрополи распространены в северных лесостепных районах Дона и Северского Донца, а ямные — в степных районах Подонья, Приазовья и в Крыму. Считается, что население, которое погребало своих умерших в катакомбах, было аланским. Такая точка зрения обосновывается аналогиями классического Верхнесалтовского могильника с материалами некрополей Кавказа и данными антропологии. Ямные могильники, исходя из другого антропологического типа похороненных в них людей и по обряду самого захоронения, были оставлены племенами, этническая принадлежность которых определяется как болгарская [*Археология Украинской ССР 1986, с. 425*].

В последние годы выделена еще одна группа погребальных памятников носителей салтово-маяцкой культуры. Речь идет о подкурганых кочевнических погребениях, окруженных ровиками подквадратной формы на территории степей Нижнего Подонья, Волго-Донского междуречья и Нижней Волги (рис. 1). Для этой группы в целом характерным является высокий статус погребенных, большинство из которых при жизни были воинами-кочевниками. При этом отсутствуют погребения с ярко выраженным низким социальным статусом. Об этом свидетельствует сложный погребальный обряд и значительное количество комплексов, в которых выявлены поясные наборы — своеобразный “паспорт” лиц высокого ранга, а также ценные украшения, золотые монеты и т.п. Присутствие предметов вооружения — характерная особенность практически для всех мужских захоронений. Погребальный обряд, как уже отмечалось, свидетельствует о ярко выраженном кочевом образе жизни рассмотренной группы населения. Эти комплексы датируются второй половиной VII — первой половиной IX в. н.э. и, вероятнее всего, принадлежат этническим хазарам [*Иванов 2000, с. 20, 22*]. Итак, археологический эквивалент третьей основной составляющей населения Хазарии ныне тоже установлен. Теперь вышеприведенные данные можно экстраполировать на территорию Юго-Восточного Крыма.

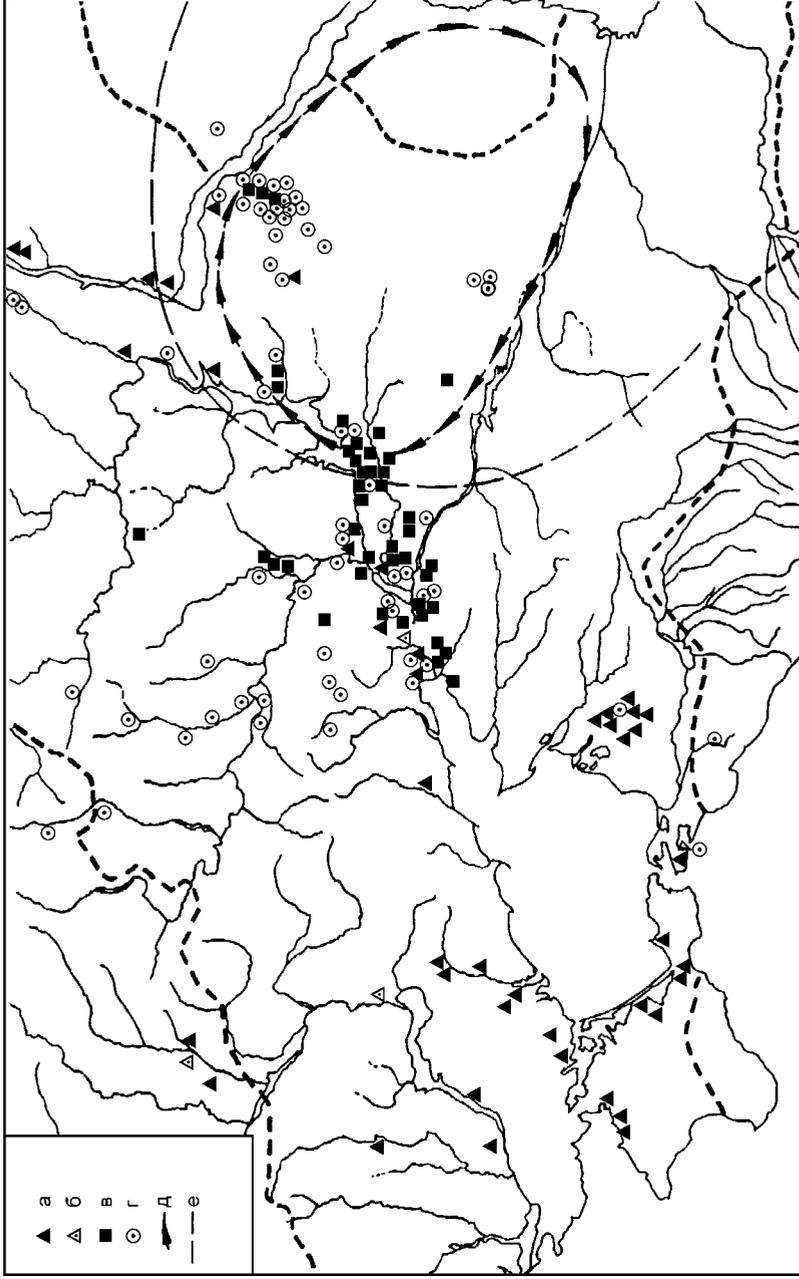
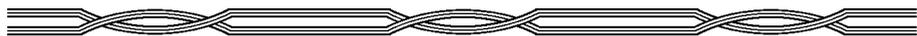

Рис. 1. Ситуация на юге Восточной Европы в VII — X вв. (по В.Е. Флеровой): а — подкурганные погребения VII в., б — комплексы у с. Малая Перещепина (1) и Вознесенка (2), в — курганы с квадратными ровиками, г — подкурганные погребения VIII — начала IX в., д — путь кагана Иосифа, е — границы Хазарского домена в середине X в.

По данным И.А. Баранова для крымской территории в VII — X вв. известны три группы некрополей:

1) могильники с грунтовыми склепами и незначительным процентом грунтовых могил с заплечиками;

2) плитовые могильники;

3) грунтовые могильники, которые состояли из простых грунтовых ям, могил с заплечиками перекрытыми досками, а также погребений в деревянных гробовищах, которые были установлены на дне могильных ям.

Отдельную группу составляют одиночные впускные погребения в курганах равнинной зоны.

На территории Восточного Крыма погребения первой группы неизвестны. Поэтому упомянутый исследователь приходит к выводу о том, что: "... среди носителей салтово-маяцкой культуры в Крыму не было аланского компонента, который составлял ... значительную часть салтовских поселений Подонья" [*Баранов 1990, с. 105*]. Это подтверждает и факт отсутствия здесь аланских катакомбных погребений.

Миграция алан на территорию полуострова, более ранняя относительно рассматриваемого здесь времени, и их контакты с готами привели к тому, что в горном Крыму в средневековье сформировался народ алано-готов, который проживал в этой местности вплоть до середины XVIII в. [*Айбабин 1999, с. 230*].

Нет и подкурганых захоронений с квадратными ровиками, хотя это не указывает на полное отсутствие хазар в Юго-Восточном Крыму. Достоверно здесь все же находились представители хазарской элиты. В частности, в одном из основных центров этого крымского микрорегиона — Судак (тогдашней Сугдее) — согласно "Житию Стефана Сурожского" размещался хазарский тумен (10 тысяч воинов-всадников) во главе с тарханом.

Да и отсутствие городской застройки в "хазарской" части города является своеобразным подтверждением "номадского следа" — традиция не застраивать укрепленные площади поселений была характерна для многих степных народов (позднее ее придерживались и те, кто оседал на землю). Но после принятия иудаизма таких выходцев из высших социальных прослоек каганата хоронили уже по новому обряду, а на их могилах изображали семисвечник и элементы тюркской символики — тамги, сабли. Такие следы симбиоза старых традиций и

иудаизма были зафиксированны в том же Судаке и некоторых других пунктах.

А о наличии еврейских общин свидетельствуют как некоторые письменные источники, так и могильные надписи на иврите, а также изображение семисвечников. Но сложно утверждать лишь на основе информации из так называемого еврейского Манджлического свитка о господстве хазарских иудейских общин и, тем более, о существовании отдельного хазарского царства в Юго-Восточном Крыму, к царю которого — Давиду в 986 г. приходили из Киева послы от Владимира Святославича для ознакомления с основами иудаизма [*Майко 1998, с. 15*].

Это противоречит свидетельствам древнерусских летописей, согласно которым в столицу Руси приходили и “Болгарн”, и “Немци”, и “греци”, и “Еидове Козарьстий”. То есть, на этом этапе великий князь киевский еще не посылал своих представителей для “выбора веры” к другим странам (исключение не делалось ни для кого). У него состоялись беседы со всеми делегациями.

В частности, с последней с вышеназванных конкретика была следующей: “...он же рече то где есть земля ваша. Они же реша въ Єрусалиме. Он же рече то тама ли есть. Они же реша разгневался Богъ на отци наши и предана бы земля наша христианом. Он же рече то како вы: инех оучители сами отвержении от Бога и расточена, аще Богъ любилъ вас и закон ваш, то не бысте расточены по чюжим землях. Еда нам тоже мыслите прияти?” [*ПСРЛ, 198е, ст.лб. 85–86*]. Такая беседа была бы невозможной, если бы реально существовало царство Давида, которое, конечно, имело бы государственную территорию.

Проживали в Юго-Восточном Крыму автохтонные группы населения, греки-переселенцы из Малой Азии, а также представители других этнических групп. Но мы соглашаемся с мнением В.В. Майко о малой вероятности вытеснения “салтовцев” из полуострова уграми во второй половине IX — первой половине X в. [*Майко 1999, с. 41*]. Согласно письменным и археологическим источникам угры в указанное время проживали сначала в области Леведия (между Доном и Днепром), а потом переселились в Ателькузу (в переводе с мадьярского — Междуречья), где протекали такие реки как Варух (Днепр), Куву (Южный Буг), Трулл (Днестр) Брут (Прут) и Серет. Византийский император Константин Багрянородный отмечал, что турки (то есть угры) в своем переселении за Карпаты на “свои плечах”

постоянно ощущали пачинакитов (то есть печенегов) которые уничтожали их поселения и вырезали там всех жителей [*Константин Багрянородный 1991, с. 161, 165; Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 236*]. У “старых мадьяр”, как называли угров до их переселения на “новую родину”, просто не было времени да и возможностей кочевать всем народом от Среднего Днепра к крымскому побережью Черного моря, хотя не исключается пребывание их отдельных отрядов и под Киевом, и под Боспором. Но это были кратковременные воинские набеги в разные стороны от основного маршрута переселения, а не широкомасштабные и продолжительные акции.

Не вызывают возражений у большинства исследователей лишь памятники тюрко-болгар на территории Юго-Восточного Крыма. Первая волна этих переселенцев из Приазовья зафиксирована в VII ст., а вторая — из Поволжья в VIII ст. [*Баранов 1990, с. 144, 146*]. Не следует забывать и о роли беков — болгар в хазарской среде, в особенности после войн с Арабским халифатом. После сокрушительных поражений каганата, воинскими силами этого раннефеодального государства фактически руководил бек, который помимо этого вел еще и активную государственную политику [*Артамонов 1962, с. 408–411; Флерова 2001, с. 117–118*].

Итак, учитывая активную роль болгарского элемента в Юго-Восточном Крыму и его преобладание в количественном отношении над другими группами переселенцев, было бы более корректно говорить не о “Крымской Хазарии”, что часто делается в литературе, а о “Крымской Болгарии” в составе Хазарского каганата.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТЕ КИБЕЛЫ В ХЕРСОНЕСЕ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н.Э.

Исследования религиозной жизни Херсонеса показали, что культ Великой Матери богов существовал в городе на протяжении всей античной эпохи. Первые сведения о почитании этой богини содержатся в посвячительных граффити на чернолаковой посуде, датирующейся кон. V — нач. IV вв. до н.э. [*Граффити античного Херсонеса 1978, с. 8*]. В IV — III вв. до н.э. культ Кибелы был широко распространен как в самом Херсонесе, так и на принадлежавших городу территориях [*Соломо-ник 1984, с. 10–21; Шевченко 1997, с. 126–127; Шевченко 2001, с. 126–129*]. К настоящему времени накоплена обширная база археологических источников, свидетельствующих о почитании Кибелы — посвячительные граффити, терракотовые и скульптурные изображения. Значительная часть этих находок происходит из усадеб хоры Херсонеса. Известно, что Кибела была богиней-покровительницей земледелия и плодородия, поэтому ее почитание на сельскохозяйственной округе было вполне закономерным. При исследовании усадеб хоры Херсонеса было отмечено, что хтонические культы Деметры, Коры-Персефоны, Кибелы, Диониса сопровождаются культом божества-защитника, в качестве которого чаще всего выступает Геракл [*Костромичева, Шевченко 1996, с. 162; Шевченко 1997, с. 127*].

Самая массовая группа находок, связанных с культом Кибелы — это терракотовые статуэтки, большинство из них относится к эллинистическому времени. Их изучение показало, что значительная часть этих изображений богини были местными изделиями, изготовленными в Херсонесе по известному образцу: богиня представлена сидящей на троне со львенком на коленях. Данные херсонесской коропластики свидетельствуют о том, что популярность богини во второй половине III — нач. II вв. до н.э. заметно возрастает; находки терракотовых изображений Кибелы превышают число статуэток Деметры и Коры-Персефоны, традиционных греческих богинь-покровительниц земледелия, почитавшихся в Херсонесе с момента основания города [*Шевченко 2000, с. 28–31*]. Существует мнение, что такие изменения в культе Кибелы были связаны с событиями во внешнеполитической жизни Херсонеса этого периода.

К этому времени в образе аграрно-хтонического божества отчетливо проявляются черты богини-защитницы, наделенной разнообразными функциями [Шевченко 1997, с. 126; Шевченко 2001, с. 127]. Такая же ситуация наблюдается и в Ольвии, где чтимая ранее наряду с другими божествами Кибела теперь выходит на первый план, благодаря своим широким возможностям всемогущей богини-покровительницы [Русяева 1979, с. 111–114; 1992, с. 143–148].

Как известно, в III в. до н.э. в культе Великой Матери произошли значительные изменения; в 294 г. до н.э. поклонение этой богине получило в Риме официальное признание, культ Великой Матери богов стал одним из государственных культов империи [Мифологический словарь 1990, с. 283; Тренчени-Вальдапфель 1959, с. 438–439]. Постепенно в образе одной этой богини соединяются черты многих божеств, главной теперь становится способность Кибелы быть одновременно и покровительницей и защитницей. Такое явление наблюдается во многих городах античного мира, в которых с давних пор почиталась Великая Мать богов [Русяева 1979, с. 114; Русяева 1992, с. 148].

Култ Кибелы в Херсонесе на протяжении всей античной эпохи носил частный характер. В римский период в религиозной жизни города наблюдаются значительные перемены: отмечается упадок многих прежних государственных культов, их переход в разряд домашних, появляются новые божества, расширяется круг частных культов [Мещеряков 1980, с. 8–12]. В это время культ Кибелы продолжает оставаться достаточно популярным у жителей города. Вероятно, что среди новых переселенцев, прибывших в Херсонес в первых веках н.э., были сторонники культа Великой Матери, особенно среди выходцев из Малой Азии, прародины этого культа [Кадеев 1981, с. 89–90]. Большое количество найденных в Херсонесе скульптурных изображений Кибелы относится именно к первым векам н.э., причем многие из них были изготовлены в самом городе, что также свидетельствует о популярности этого культа [Античная скульптура Херсонеса 1976, с. 26–29].

Значительное количество находок, связанных с культом Кибелы, было обнаружено в самом Херсонесе, и лишь незначительная часть — за пределами города. Среди скульптурных изображений богини только одно было найдено на усадьбе в округе Херсонеса. Это — известняковый рельеф местной работы, представ-

---

ляющий сидящую богиню со львенком на коленях, обнаруженный В.П. Лисиным в 1937 г. на усадьбе возле Камышовой бухты [Стржелецкий 1961, с. 143]. Вероятно, что в этой усадьбе в первых веках н.э. существовало домашнее святилище, в котором чтили богиню Кибелу. Другое домашнее святилище, посвященное этой богине, было на усадьбе надела 32, тоже находящейся в этом районе. При исследовании этой усадьбы в одном из помещений были обнаружены фрагменты мраморного изображения Кибелы, известняковый жертвенник, краснолаковые светильники первых веков н.э. и другие находки, позволяющие видеть в этом помещении небольшое святилище [Архив НЗХТ, Д. 2236, л. 59–102].

В этой связи особое внимание привлекает случайная находка рельефного изображения, сделанная в сер. 80-х гг. на Гераклейском полуострове (инв. № НВФ 992). На известняковой плите (высота — 23,5 см, ширина — 26 см, толщина — 7,5 см), окаймленной прямоугольной рамкой, изображена сидящая на троне богиня.

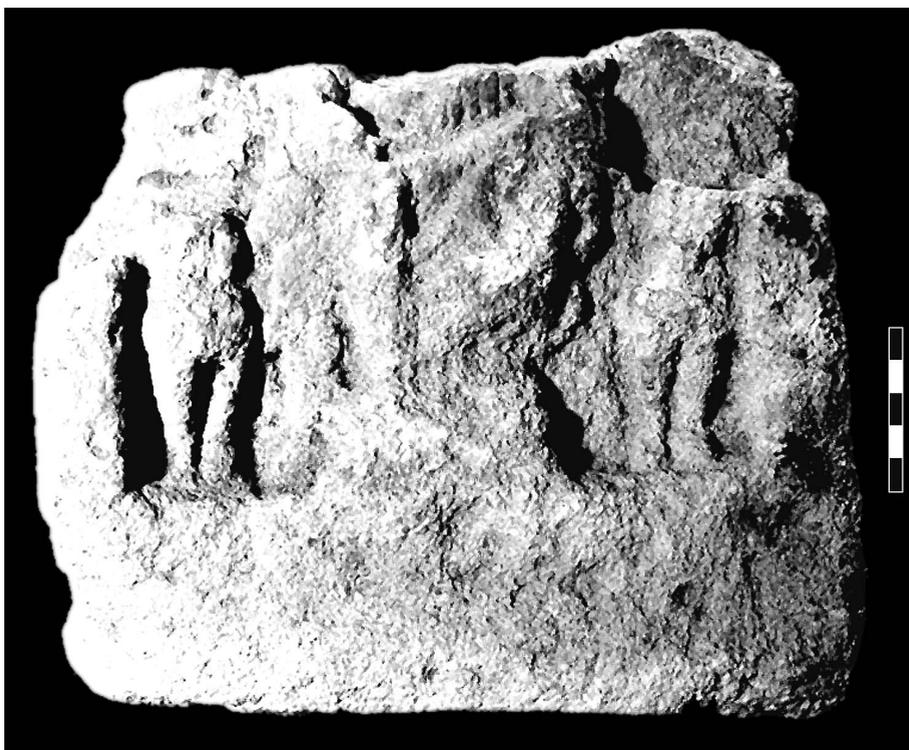

Рис. 1. Известняковый рельеф с изображением богини Кибелы со львами (находка 80-х гг. на Гераклейском полуострове).

Сохранилась нижняя часть рельефа. Богиня одета в хитон и плащ, закрывающий ноги, складки одежды переданы суммарно; ноги стоят на высокой подставке. По обеим сторонам от богини симметрично расположены сидящие львы. Тыльная сторона рельефа грубо обработана; вероятно, он стоял вплотную к стене (рис. 1).

Известно, что львы были постоянными спутниками Кибелы, и в данном рельефе следует видеть изображение именно этой богини. Тип изображения Кибелы, сидящей между двумя львами, восходит к образу, созданному Агоракритом, и послужившему основой для большинства античных изображений этой богини. Представленный рельеф находит аналогии среди памятников скульптуры Херсонеса и Северного Причерноморья первых веков н.э. [*Античная скульптура Херсонеса*, с. 27 № 46; *Кобылина 1978*, с. 10–13].

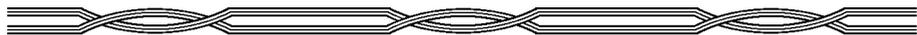
Нам кажется, что приведенные выше факты присутствия культа Кибелы на хоре Херсонеса в первые века н.э. позволяют говорить о том, что к этому времени в образе богини окончательно слились хтонические и сотерические функции. Великая Мать богов виделась не только покровительницей плодородия, но, в первую очередь, всемогущей защитницей и помощницей. Известно, что в римское время особой популярностью пользовались так называемые “универсальные” божества, воплотившие в себе черты, ранее присущие другим богам — Зевс-Серапис, Исида-Гера [*Русяева 1992*, с. 143–148]. Вероятно, что подобное произошло и с образом Кибелы, которая постепенно заменила собой многие другие божества.

О НОВОЙ СИСТЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕЯМНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЮГА УКРАИНЫ

Восстановление первоначального положения погребенных в захоронениях древнеямной культуры, занимавших в конце III — начале II тыс. до н.э. степи азово-причерноморского региона и Крыма является актуальной и в настоящее время. Впервые эта проблема была разработана еще в конце 30-х гг. О.А. Кривцовой-Граковой, которая, сохранив уже известное тогда разделение погребений на две обрядовые группы, осуществленное В.А. Городцовым, (скорченные на спине с приподнятыми в коленях ногами — первая группа и скорченные на боку — вторая группа), предложила принять за критерий их идентификации фиксируемую позицию костяков. “Положение костяков, утверждала она, является основным критерием для выделения двух хронологических ступеней” (т.е. погребений, скорченных на спине и на боку. — *Н.М.*). По предположению О.А. Кривцовой-Граковой, погребенных в захоронениях первой группы укладывали “на спину с приподнятыми вверх коленями... после того, как связки истлевали и переставали поддерживать костяк, ноги покойников или распадались в разные стороны и принимали ромбовидное положение или, что чаще, падали в какую-нибудь сторону... В последнем случае трудно различить на первый взгляд, как был положен костяк — на бок или на спину. Но обычно при этом верхняя часть туловища полностью оставалась на спине”. Именно такие захоронения, у которых туловище костяков “полностью оставалось на спине”, и следовало рассматривать, согласно О.А. Кривцовой-Граковой, как погребения с первоначально приподнятыми ногами. При этом руки, по ее мнению, могли быть “вытянуты или согнуты, в последнем случае их кисти могли покоиться на костяке” [*Кривцова-Гракова 1938, с. 34; 1962, с. 11*]. К погребениям второй группы, по О.А. Кривцовой-Граковой, относятся те, у которых костяки фиксировались лежащими на боку.

Весь последующий период исследования ямной культуры юга Украины проходил под сильнейшим влиянием идей О.А. Кривцовой-Граковой. Безоговорочно приняв ее методику изучения ямных захоронений, исследователи до сегодняшнего дня так и не вышли за рамки предложенной ею схемы, предус-

матривающей деление ямных погребений на две обрядовых группы — скорченные на спине и на боку, хотя и внесли в эту схему некоторые частные изменения и дополнения. Вот почему во всех известных в настоящее время классификациях речь идет только об этих двух типах погребений. Однако, как нам представляется, проблема значительно сложнее. Известно, например, что туловище погребенного, первоначально уложенное на спину, может развернуться на дно ямы. Если следовать методике атрибуции погребений, предложенной О.А. Кривцовой-Граковой, то такие видоизмененные погребения на боку следует относить, и они относятся уже на протяжении более 60-ти лет, к типу захоронений на спине с уложенными ногами (ведь туловище фиксируется на спине), что создает крайне негативную и недопустимую ситуацию — смешивание разнообрядовых погребений, их инвентаря, данных стратиграфии, антропологии и т.д. В результате первая группа, которая всегда рассматривалась как захоронения с однообразным обрядом (на спине с приподнятыми ногами), на самом деле таким однообразием никогда не отличалась, а представляла собой смешанный массив, в который, наряду с реальными захоронениями на спине с приподнятыми ногами, были включены и продолжают относиться многочисленные видоизмененные погребения на боку, развернувшиеся впоследствии на спину. Поэтому не случайно при сравнении этого смешанного массива якобы захоронений первой группы с действительно “боковыми” погребениями и возникает иллюзия их культурного сходства, хронологической близости и принадлежности к одной культуре.

Следует указать еще на одну проблему, которую существующая система атрибуции не решает: неясно, на каком основании следует полагать, что при позиции туловища костяка на спине и, например, вытянутых руках, ноги погребенного обязательно должны быть приподняты в коленях. Можно допустить, и на это нет никаких запретов, что при положении туловища на спине ноги погребенного первоначально не устанавливались коленями вверх, а согнутыми вместе укладывались на бок. Еще Е.Н. Бранденбург писал о возможности существования обряда захоронения на спине, но не с приподнятыми ногами, а “обращенными коленями в сторону” [*Бранденбург 1901, с. 157*]. Погребения с подобным обрядом четко фиксируются в тех случаях, когда удастся проследить, что погребальная яма

была засыпана сразу после ингумации [Яровой 1984, с. 64 (курган 4, погреб. 4)]. Таким образом, существующая методика атрибуции, допускающая смещение разных по обряду погребений, не может быть принята, т.е. разработка новой системы идентификации захоронений является необходимостью [Никитенко М.М. 1989; 1996; 1999, с. 12–15].

В основу решения этой проблемы должен быть положен такой принцип, который не вызывал бы никаких возражений. Совершенно очевидно, что если мы пытаемся изучить обряд первой группы, то из массы подкурганых погребений необходимо выделить те, у которых костяки сохранили первоначальную приподнятость ног. Ноги первоначально были приподняты и в тех случаях, когда при положении туловища на спине их кости упали коленными суставами навстречу друг другу и лежат у осевой линии. Это и есть те уникальные безусловно определяемые “эталонные” захоронения, изучение обряда которых и даст, наконец, возможность выявить устойчиво-повторяющиеся черты погребального обряда для всей первой группы в целом, чем они будут отличаться, идентифицируя себя как отдельное явление, от сходных им видоизмененных погребений.

Захоронения с костяками на спине, где первоначальная приподнятая позиция ног восстанавливается безусловно, встречаются редко, однако в настоящее время в публикациях их можно насчитать более трех десятков. Они находятся в довольно просторных прямоугольных ямах, ориентировка погребенных неустойчива, охра, как правило, присутствует на костях и дне ям. Перечисленные черты не могут рассматриваться как некие отличительные признаки, так как известны и в погребениях, скорченных на боку. Единственное, что обращает на себя внимание, и что в свое время отметил В.А. Городцов, — это всегда вытянутые вдоль туловища руки.

Итак, вытянутые вдоль туловища руки — один из устойчиво-повторяющихся признаков обряда погребений первой группы. В этой связи утвердившееся с конца 30-х гг. и признанное практически всеми последующими классификационными схемами утверждение, что для этой группы характерным является и скорченное положение рук, следует рассматривать как ошибочное. В этой ситуации необходимо поставить вопрос об исключении из состава первой группы тех погребений, где костяки фиксируются на спине, а руки (правая или левая) со-

гнуты и находятся на грудной клетке, животе или тазе и вместе с этим, “изъять” и принадлежащий им материал.

Эталонные захоронения указывают еще на один устойчиво-повторяющийся признак их обряда — стабильное размещение ступней по обе стороны осевой линии костяка, т.е. условного продолжения позвоночника. Такое размещение ступней представляется весьма рациональным, т.к. появлялась возможность, наклоня приподнятые ноги друг к другу, получить для этой весьма неустойчивой системы дополнительную точку опоры. Установить ноги коленями вверх, когда их ступни смещены вправо или влево от осевой линии так, например, чтобы правая ступня занимала место левой, отодвигая последнюю еще дальше в сторону, и наоборот, невозможно из-за нарушения центра тяжести ног и напряжения в тканях, что неизбежно опрокинет ноги в сторону, противоположную смещению ступней. Таким образом, ноги могли быть установлены коленями вверх тогда, когда их ступни размещались в определенном месте, — по обе стороны осевой линии погребенных, на участке могильной ямы, который в дальнейшем обозначается понятием “поперечный предел устойчивости”. Для левой ноги — это участок ямы слева от осевой линии, для правой — справа, что является вторым устойчиво-повторяющимся признаком для захоронений первой группы.

В этой связи возникает проблема, как рассматривать первоначальную позицию согнутых вместе ног, если их ступни зафиксированы смещенными вправо или влево от осевой линии. Говорить о первоначальной приподнятости ног здесь не приходится, и в в таких случаях можно утверждать, что согнутые вместе ноги укладывались на бок уже во время ингумации.

Третий признак, который нельзя не учитывать при решении проблемы реконструкции первичной позиции ног — это то, на каком удалении от таза фиксируются их ступни. В эталонных погребениях они находились или недалеко от таза, или чаще всего были отодвинуты от него так, что берцовые кости при этом стояли вертикально, или почти вертикально. Замеры показали, что именно это расстояние, обозначаемое далее как “продольный предел устойчивости”, является максимальным, дальше которого ступни ног в эталонных погребениях не зафиксированы ни разу. Только в этом пределе, разогнув голеностопный сустав “до упора”, можно установить ноги на полную

подошву, обеспечивая этим их определенную устойчивость. Дальше предела ноги можно установить только на пятки, или на полную подошву, но уже с подрезанием сухожилий сустава [Кореняко 1984], что в ямное время, как видим, не практиковалось, т.е. не входило в требование погребального ритуала.

Таким образом, захоронения с приподнятыми ногами располагают третьим устойчиво-повторяющимся признаком, — ноги не могут быть отодвинуты от таза дальше того расстояния, в пределах которого их можно установить на полную ступню. Из этого следует, что если ступни костяков фиксируются дальше продольного предела, то не зависимо от того, как фиксируются кости ног, в слабоскорченном положении на боку или слабораздвинутыми в коленях, что отдаленно напоминает “ямный ромб”, реконструкция их первоначальной позиции коленями вверх невозможна.

Совершенно очевидно, что рассмотренные эталонные захоронения представляют собой только небольшую часть погребений первой группы. По всем признакам к ней может быть отнесен ряд погребений на спине с ромбовидным положением костей ног. Следует отметить, что реконструкция их первоначального положения коленями вверх никогда не вызывала сомнений. Хотя каких-либо оснований, подтверждавших эту точку зрения, не было приведено, все же такие погребения, без исключения, относились и продолжают относиться к первой группе.

Следует различать два аспекта той проблемы, когда первоначально приподнятые ноги действительно распались, образуя “ямный ромб”, и когда ромбовидность ног образовалась естественным путем, например, в результате падения перекрытия, которое могло раздвинуть в коленях вытянутые ноги, или когда из-за недостаточной длины ямы вытянутые ноги во время ингумации приходилось немного сгибать в коленях.

Первоначальную приподнятость ромбовидных ног можно определить безусловно только тогда, когда их ступни зафиксированы в пределах поперечной и продольной устойчивости. Выяснилось, что руки в таких захоронениях, как и в погребениях первой группы в целом, оказались вытянутыми вдоль туловища. Таким образом, к первой группе безусловно могут быть отнесены только те погребения с костяками на спине и вытянутыми руками, у которых ноги или сохранили первоначально приподнятое положение, или их кости упали навстречу друг

другу и лежат у осевой линии. Если ноги находились в ромбовидной позиции, то первоначально приподнятыми они могли быть тогда, когда их ступни фиксируются в пределах поперечной и продольной устойчивости.

Погребения на спине с согнутыми и уложенными в сторону ногами определяются по нескольким признакам, например, когда ступни смещены за пределы поперечной устойчивости, или когда кисть протянутой вдоль туловища руки перекрывает кости ног. Если предположить, что ноги в последнем случае были приподняты, то возникает вопрос: как кисть руки смогла удержаться в такой позиции на их боковой стороне? Предположение, что кисть руки в таких случаях могла быть привязана к ноге [Щепинский, Черепанова 1969, с. 123], ничем не подтверждается. Если бы рука была привязана к приподнятой ноге, то ее предплечье и лучевая кости лежали бы на погребенном, что не является элементом обряда захоронений первой группы, где руки всегда лежат на дне ямы.

Третий признак первоначально уложенных ног — это такая их позиция, когда они оказываются “переплетенными” в берцовых или бедренных костях, т.е. когда ступня правой ноги занимает место левой и наоборот, что исключает предположение о их первоначальной приподнятости.

Кроме этого, можно указать еще на два признака, по которым факт укладки согнутых ног на бок определяются безусловно. Это те ситуации, когда ступни размещены по одной линии, т.е. пальцы задней ступни касаются пяточной кости передней и когда ступни обращенных в сторону ног лежат одна на другой, как в погребениях скорченных на боку.

Итак, обряд укладки согнутые ноги на бок при положении туловища на спине и вытянутых руках представляет собой реальное явление, несовместимое ни с одним из известных погребальных обрядов ямной культуры. Захоронения такого типа предлагается выделить в третью обрядовую группу погребений.

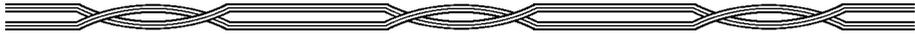
Перечисленные признаки не дают возможности выделить ее в полном объеме. Материал показывает, что при совершении этого обряда ступни укладываемых на бок ног могли размещать и у осевой линии. В таких случаях захоронения первой группы с первоначально приподнятыми, но затем упавшими вместе на бок ногами, и третьей группы с уложенными в сторо-

ну ногами, будут находиться в совершенно одинаковой позиции: туловище на спине, руки вытянуты, согнутые вместе ноги находятся на боку, а их ступни в пределах поперечной и продольной устойчивости. Предложить в настоящее время какой-либо метод их различения не представляется возможным. Подобные захоронения выпадают из сферы объективной атрибуции, и для того, чтобы не допустить их смешивания, предлагаю выделить их в отдельную не обрядовую смешанную группу погребений, которая далее будет обозначаться как четвертая группа. Эта та ситуация, когда по мнению И.С. Каменецкого при выполнении процедуры реконструкции необходимо ставить знак “?” [*Каменецкий 1986, с. 145*].

Возникает вопрос, к какой группе следует относить захоронения, в которых костяки фиксируются или на спине или в полуразвернутом состоянии, но при этом одна рука вытянута к коленям ног, а вторая согнута и лежит поперек грудной клетки, живота или таза. Согнутая перекрывающая туловище рука — чуждый элемент обряда погребений первой группы, но она — неотъемлемый признак обряда погребений, скорченных на боку. Их отнесение к первой группе является результатом применения ошибочной методики атрибуции погребений, предложенной О.А. Кривцовой-Граковой. По мнению И.С. Каменецкого, если рука фиксируется на костяке, то это надежно указывает на первоначальное положение погребенного на боку [*Каменецкий 1986, с. 145*]. О первоначально скорченном положении туловища на боку в таких случаях часто свидетельствует местонахождение ступней ног. В большинстве захоронений они фиксируются сдвинутыми за пределы поперечной устойчивости в сторону, противоположную вытянутой руке, а также за пределы продольной устойчивости, что типично для “боковых” погребений.

Итак, процедура реконструкции первоначального положения погребенных в захоронениях ямной культуры имеет свои особенности. К первой группе безусловно можно отнести только те захоронения, в которых ноги или сохранили первоначально приподнятое положение, или упали навстречу друг другу и находятся у осевой линии. Позиция костяков на спине с вытянутыми руками, когда ноги лежат на боку, не дают основания относить такие погребения к первой группе (на спине с упавшими в сторону ногами), т.к. точно в такой же фиксируемой пози-

ции могут находиться и погребения выделяемой третьей группы (на спине с уложенными в сторону ногами). Что же касается захоронений с ромбовидным положением ног, то только те из них, у которых ступни находятся в пределах поперечной и продольной устойчивости, принадлежат первой группе.

Предлагаемая методика реконструкции первоначального положения погребенных, атрибуции и классификации захоронений, универсальна; она охватывает большую часть ямных погребений и дает возможность рассматривать выделяемые группы не в смешанном, а “чистом” состоянии, открывая новые перспективы в изучении ямной культуры.

ИСТОКИ И МИССИЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПЕЩЕРНОЖИТЕЛЬСТВА

С древних времен знаменитые пещеры Киевской Лавры привлекали к себе паломников и путешественников, производя на них неизгладимое впечатление [*Жиленко 1997, с. 39–45*]. Сложные пещерные лабиринты, выкопанные в суглинке днепровских холмов, с подземными церквями, келиями и могилами представляют собой своеобразный подземный город, где пространство и время приобретают совсем иной смысл, чем на земной поверхности, где человек абстрагируется от обычного мировосприятия и мысленно приближается к “памяти смертной”. Последнее приводит его к переосмыслению своей жизни и к покаянию — основной составляющей духовного роста.

Еще больший толчок к развитию покаянного чувства дает созерцание святых мощей, а их нетленность указывает на победу над земными законами разложения и смерти а, значит — дарит человеку надежду в соблюдении заповедей Божьих достичь Спасения. Как здесь не вспомнить слова святого Иоанна Златоуста о том, что святые мощи сильнее, чем поучения и увещевания, настраивают человека на добродетельную жизнь.

Пещеры Киевской Лавры были словно задуманы для наказания покаянию через “память смертную”. По всей видимости, изначально пещеры воспринимались именно как “гроб”, который помогал подвижнику совершенно отречься от мира, действительно умереть для него. Показательной в этой связи является жизнь печерских затворников, описанная в знаменитом памятнике отечественной литературы — Киево-Печерском Патерике (XIII век). Из Патерика узнаем о том, как подвижник уединялся в небольшой подземной келии (приблизительно 6 кв. м) и затворялся в ней на длительное время. Сквозь небольшое оконце раз в сутки, или через день, а иногда и реже ему подавали еду — просфору и немного воды. Из Патерика известно также, что преподобный Исаакий Печерский провел так 7 лет [*Патерик Киево-Печерский 1998, с. 169–173*], а преподобный Афанасий — 12, до самой своей кончины [*там же, с. 99–102*].

В историографии исследования лаврских пещер настоящей проблемой является вопрос истоков пещерножительства и

погребального обряда. Некоторые предположения по этому вопросу высказывал в свое время И. Каманин, сравнивая киевские пещеры с крымскими скальными монастырскими комплексами и находя немало отличий между ними [Каманин 1914]. В литературе можно встретить утверждение, что лаврские пещерные сооружения имеют аналогии на Афоне или в Крыму [Мовчан 1993, с. 69], но эти аналогии не приводятся, потому что в действительности их там не существует. Безусловно, Афон, где согласно источникам принял постриг преп. Антоний Печерский, вообрал в себя вселенский опыт монашества. Не следует забывать, что Святая Гора начала заселяться в VII веке, и это было вызвано исламским вторжением в византийские области, а именно — Сирию, Палестину и Египет, которые являлись “колыбелью” монашества. Но на Афоне, как известно, никогда не существовало подземных или пещерных монастырей. Отличается от печерского и афонский погребальный обряд. Так, на Святой Горе принято через некоторое время после погребения (2–3 года) кости умершего монаха, очистившиеся от плоти, выкапывать и переносить в специальную усыпальницу — костницу. Если же тело умершего не полностью истлевает и на костях остается плоть — это считается плохим признаком, который говорит о недостаточном очищении души покойного от грехов. Поэтому такие останки предают земле еще на некоторое время, усиливая заупокойные молитвы о нем, лишь в редких случаях по особому завещанию монаха, его тело не эксгумируют, оставляя в могиле “до Второго Пришествия” [Зайцев 1990, с. 41; Старец Паисий... 2001, с. 35].

Что же касается крымских пещерных монастырей, то они также имеют свои особенности, как жизни, так и погребального обряда, которые кардинальным образом отличаются от киево-печерских традиций. Не останавливаясь детально на проблеме датировки крымских скальных монастырей, укажем, что большинство ученых относит время их возникновения к VIII — IX вв., то есть к периоду иконоборчества, когда в Таврику из восточных провинций Византийской империи бегут иконопочитатели, которых возглавляют монахи [См. напр. Васильевский 1878, с. 86–154; Васильевский 1912, с. 297–350; Кулаковский 1914 с. 75; Воронин, Даниленко 1992 с. 174 и др.]. Однако подобная датировка крымских пещерных монастырей является спорной, часть исследователей

относят время их возникновения к более позднему времени — к XII в. [Могарычев 1992, с. 84–90].

Скальные монастыри Крыма являются обычными, без восточного аскетизма средневековыми обителями, устроенными в пещерах из-за удобства такого размещения. Конечно, это не лаврские подземелья, углубленные в породу, лишённые всякого естественного освещения, совершенно изолированные от внешнего мира. Во время исследований крымских скальных монастырей было обнаружено много хозяйственных помещений (кстати, в лаврских пещерах до сих пор не обнаружено ни одного), что подтверждает не столько их предназначение для подвигов, сколько для жизни. Так, в скальном монастыре Чильтер-Мармара жилые и культовые помещения размещены в пять ярусов. В нижнем ярусе этого ансамбля находится 16 естественных и искусственных пещер, которые по их архитектурным особенностям могут быть разбиты на две группы — хозяйственные (это в основном естественные пещеры, где содержался домашний скот) и костницы — погребальные пещеры, куда складывались кости похороненных из вырубленных в скале гробниц верхних ярусов. Третий ярус этого комплекса насчитывает 15 пещер. Именно тут размещены жилые помещения монастыря. Все они, соединяясь между собой лестничными пролетами и участками, составляли когда-то единый ансамбль. В стенах этих помещений, которые выходили к обрыву, сохранились остатки оконных отверстий, которые закрывались деревянными щитами или оконницами в случае непогоды [Веймарн, Чореф 1978, с. 147]. Точно такой же жилой характер явно прослеживается и в других скальных монастырях Крыма, например, в Качи-Кальйоне, имеющем 5 гротов в основном с искусственными пещерами, церквями, виноградадавильнями [Веймарн, Чореф 1978а].

Еще одна весьма распространенная ошибка встречается в некоторых изданиях, где говорится о том, что лаврский погребальный обряд в пещерах был обусловлен Студийским уставом, введенным в Печерском монастыре преп. Феодосием [Дива пещер лаврских ... 1997, с. 14]. Однако следует заметить, что Студийский устав не предполагает ни пещерножительства, ни погребений в пещерах [Лентковский 2001].

В последнее время одним из исследователей киевских пещер Т.А. Бобровским было высказано интересное предположение о том, что Печерская обитель формировалась по образцу

Лавр монашеского Востока — Египта и Палестины. Ученый считает, что на заре истории Печерской обители в ней существовало много подземных келий тех подвижников, которые приходили к преподобному Антонию, впоследствии же эти отдельные “пещерки” были объединены в единый комплекс [Бобровский 1999, с. 21–22].

Однако заметим, что предложенная Т.А. Бобровским картина первоначального пещерножителства в Лавре не соответствует планировке пещер, где мы видим длинные подземные коридоры, в которых келии размещены на большом расстоянии от входа и на значительной глубине от земной поверхности (иногда 15–20 метров в Дальних пещерах). Несмотря на это, предположение исследователя о восточных истоках лаврских пещер представляется весьма конструктивным. Ошибка, по нашему мнению, состоит в том, что Т.А. Бобровский видит в лаврских пещерах воплощение египетского и палестинского варианта пещерножителства IV — V веков, тогда как, скорее всего, прототипом для лаврских пещер могли быть современные им священные комплексы Палестины, которые существовали в XI — XII веках.

В этой связи отметим, что именно палестинские пещерные обители имели подобную лаврским пещерам структуру планировки. Так, в обители св. Харитона особого внимания заслуживает его пещера. Она, как лаврские подземелья и в противоположность крымским скальным монастырям, глубоко вдается в гору и состоит из многих непрерывных ходов, галерей, поворотов с боковыми ответвлениями и разных по размерам пещер и комнат. Это настоящий подземный лабиринт, созданный самой природой. В наиболее отдаленных ходах, как и в лаврских пещерах, устроены ниши для погребения братии [Древние палестинские обители...1895, вып. I, с. 20].

Вообще пещерная аскеза была характерной именно для Востока — сначала Египта, потом Палестины. В Палестине еще в XII в. процветала Лавра св. Саввы Освященного [там же, вып. III, с. 2–10] и киновия св. Феодосия Великого [там же, вып. II], которые имели глубокий духовный опыт пещерножителства. Кроме этих обителей в интересующий нас период начальной истории Печерского монастыря в Палестине существовали Суккийская Лавра (под именем обители св. Харитона) [там же, вып. III, с. 18–20], Лавры Каламони, преподобного Герасима

Иорданского, св. Иоанна Предтечи [там же, вып. II, с. 60–82] и другие. Что собой представляли в то время эти обители — можно проанализировать, исходя из сообщений древнерусского паломника в Святую Землю игумена Даниила (начало XII века). Описывая Лавру св. Саввы, игумен Даниил сообщил, что видел в ней скальные келии, условия жизни в которых казались невозможными, потому что келии эти возвышались “по обема сторонама потока [Кедрон.— Авт.].., на скалах, яко звезды на небеси утвержены” [Православный палестинский сборник... 1883, с. 54]. Далее паломник пишет о жизни в пещерах вблизи Лавры св. Саввы:

“И ту же есть место близ Лавры на полдни лицом; имя месту тому Рува, близ моря Содомского: суть ту горы каменные высоце, пещеры же многы в горах тех; в тых пещерах живут святии Отци пустынницы в пустыни той страшной, безводной; и ту же есть жилище пардусам и осли дивии ту мнози” [Путешествие игумена Даниила... 1864, с. 69].

Обращает на себя внимание аналогичный киево-печерскому характер почитания мощей святых угодников палестинских обителей. Так, описывая Лавру св. Саввы, игумен Даниил сообщает, что где-то рядом с ее Богородичной церковью находился “гроб” св. Саввы, а:

“...от великия церкви 4 сажень вдале, ... над гробом же св. Саввы теремец красно учинен: и ту лежат инии мнози святии Отци в телесех: святой Иоан епископ, Сихаст, — и другой Иоан, — Дамаскин; ту лежить святой Феодор Едеский и Михаил, сыновец его, и святой Афродит ту лежит, и инии святии Отци мнози ту лежат в теле, яко живи, и благоухание исходит от них несказанно” [там же, с. 70].

Описывая погребальный комплекс Лавры св. Евфимия, игумен Даниил точно так же говорит о нетленности мощей ее святых угодников, которые почивают “яко живи...” [там же].

Побывав в монастыре св. Харитона Исповедника, наш паломник записал:

“И есть на полудне лиц от Вифлиема манастырь святого Харитона на той же реце Афамьстей, и есть близ моря Содомскаго, в горах каменных; и пустыни около его. Грозно и безводно есть место то, и сухо. Есть под ним десь камена и страшна зело; около был весь градом оделан посреде же града того есть 2 церкви, в велицей есть церкви гроб святого Харитона. Вне же есть града усыпальница. Создана горздо, и в той усыпальници лежат святии отци, телесы яко живи. И лежит их ту более 7-сот [!.— Авт.]; ту лежит святой Кирияк Исповедник, телом весь цел; ту лежит Ксенофонтова сына, Иоанн и Аркадие, и благоухание чудно от них исходит” [Православный палестинский сборник... 1883, с. 79–80].

Таким образом, видим в палестинских обителях как практику погребения в пещерах, так и обычай почитания нетлен-

---

ных мощей святых угодников, последний же не был характерным не только для Афона, но и для греческой монашеской погребальной традиции с ее костницами вообще.

Особо отметим, что путешествия в Святую Землю отнюдь не были какими-то недостижимыми или невозможными для печерских Отцов, скорее наоборот, паломнический “дух” был свойствен для насельников Печерской обители. Так, один из древнейших источников отечественной житийной литературы, который восходит к концу XI в. — Житие преп. Феодосия Печерского рассказывает о попытке преп. Феодосия посетить Палестину еще в молодости (препятствием для этого путешествия послужила его мать), а также вспоминает паломничество в Святую Землю первого игумена печерского — Варлаама (посетил Палестину в 60-х гг. XI века) [*Патерик Киево-Печерский... 1998, с. 46*]. Один из составителей Печерского Патерика преп. Поликарп (XIII в.) пишет о том, что он недостойн прежних святых Отцов, потому что никогда не бывал, как они, в Палестине [*Патерик Киево-Печерский ... 1998, с. 147*].

Искать истоки лаврского пещерножительства и погребального обряда в самых важных центрах христианской Ойкумены нас заставляет факт сосуществования пещерной аскезы и Студийского устава в Печерском монастыре. Как уже говорилось выше, Студийский устав не предусматривал пещерножительства и пещерных погребений. В то же время мы не можем считать киево-печерских затворников своего рода “маргиналами”, то есть людьми, пребывающими за рамками монастырской жизни в связи с несоблюдением ими этого устава, как пытается доказать один из исследователей истории Киево-Печерской Лавры Е. Кабанец [*Кабанец 1997, с. 13–23*]. Достаточно сказать, что в этом случае “маргиналом” нужно будет назвать и самого преп. Феодосия, который принял устав в монастыре, ведь согласно с житием этого святого, он на все время Великого поста уходил в пещерный затвор [*Патерик Киево-Печерский... 1998, с. 32–66*].

Еще в большей мере это касается погребений в пещерах, которые не только не были какими-то запретными, потому что не подчинялись Студийскому уставу, но, наоборот, считались почетными. Таким образом, скорее всего, традиция пещерножительства и пещерных погребений имела для насельников монастыря не меньшее значение и авторитет, чем предписания

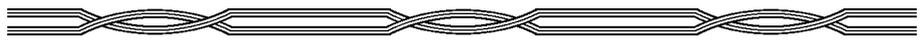

Студийского устава. Мы убеждены, что так произошло потому, что эта традиция была перенята из важнейших центров христианской Ойкумены, во всяком случае, не менее важных, чем Студийский монастырь в Константинополе. Скорее всего традиция эта была воспринята из Палестины, которая была и остается сакральной сердцевиной христианства.

О палестинских истоках лаврского пещерножителства, как мы покажем, свидетельствуют и некоторые лаврские пещерные сооружения. Речь идет о специфических келиях или криптах, которые представляют собой подземные объемы с полуциркульным сводом, спускающимся к полу. Вдоль стен таких сооружений вырублены лежаки размером два на полтора метра. Посередине пола вырыт ровик, рассчитанный на одно погребение. Некоторые исследователи считают подобные сооружения жилыми помещениями [*Каманин 1914; Эртель 1913*], причем специально приспособленными для нужд подвижника [*Дива пещер лаврских ... 1997, с. 150*]. Если в таком помещении есть два лежака, то один атрибутируют как “ложе”, а другой — как стол.

Другие исследователи видят в криптах только погребальные сооружения, отмечая, что они содержат большое количество погребений и лишены каких-либо признаков жизнедеятельности, как то: закопчености на стенах и сводах, также им свойственно слишком узкое пространство между лежаками, незаглаженность обработки стен, неровность пола [*Мовчан, Авагян (рукопись) 1978–79; Мовчан 1993, с. 69*]. Аргумент сторонников данной атрибуции лаврских крипт о недостаточной высоте этих помещений для совершения сложных молитвенных упражнений выглядит, как считаем, некорректным, потому что их высота в среднем достигает 1.5–1.70 м, а иногда — 2 м [*Отчет археологической экспедиции об исследовании Ближних пещер в 1977–1978 гг.*]. Отметим также, что вышеописанные крипты размещены именно на самых древних участках лаврских подземелий. Что же касается Дальних пещер, то есть тех пещер, в которых вначале, до выхода на земную поверхность, жила вся братия небольшой общины, то становится очевидным факт размещения крипт именно в “жилой” части пещерного комплекса.

Таким образом, считаем, что подобные сооружения в Дальних пещерах действительно могли служить жилищем для пещерских подвижников. Впрочем, точка зрения ученых о погребальном характере пещерских крипт также выглядит логич-

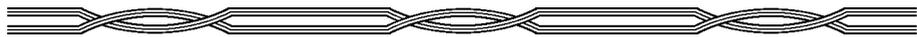

ной. О том, что первоначальные погребения печерской братии совершались именно в таких сооружениях, косвенно свидетельствуют источники — Повесть временных лет в статье под 1091 годом [ПВЛ 1999, с. 227] и Киево-Печерский Патерик в “Слове Нестора, мниха печерского о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского” [Патерик Киево-Печерский 1998, с. 66–70]. Эти источники не дают подробного описания гроба преп. Феодосия, однако из их текста можно понять, что этот “гроб” представлял собой не локулу,² а именно крипту. Иначе не существовало бы трудностей при обретении мощей преп. Феодосия, так как лаврские локулы четко обозначены в стене пещерного хода и не предполагают затруднений при обретении мощей.

Исследовательница истории Киево-Печерской Лавры И.В. Жиленко обратила внимание на совпадение сообщений источников о погребении преп. Феодосия с данными археологических исследований в Дальних пещерах в 1988 году. Тогда была обнаружена крипта, которая, как считают, являлась келией преп. Феодосия Печерского. И.В. Жиленко сделала достаточно логичный вывод о том, что данное пещерное сооружение — келия преп. Феодосия Печерского — после смерти святого стала местом его погребения [Жиленко 1998, с. 238].

Учитывая монашескую аскетическую традицию “жизни во гробе”, все вышесказанное позволяет нам выдвинуть предположение о том, что первоначальные подземные келии печерских подвижников фактически представляли собой “гробы”. То есть печерские Отцы жили в “гробах”, и не келия приспособлялась под потребности пещерножителя, а подвижник полностью умирал для мира, “приспосабливаясь” к такому гробу. Конструкция подобных сооружений должна была заимствоваться, потому что форма лаврских крипт не имеет местных истоков. Как показывают археологические исследования, подобные сооружения появляются на Руси внезапно в XI веке, с появлением пещерных монастырей, и существуют до XVII — XVIII вв. [Бобровський 1990, с. 72]. Архитектура крипт отличается необычайным консерватизмом, что, без сомнения, говорит как о ее сакральном значении, так и о ее заимствовании из важнейших центров христианского мира.

В пределах доступности материала мы проводили поиск аналогий лаврским пещерным криптам на Афоне и в Крыму,

откуда, как считается, был принесен погребальный обряд в Печерскую обитель. К сожалению, таких аналогий мы пока не нашли. Однако, учитывая такие факторы, как: во-первых, паломнические настроения печерских подвижников; во-вторых, наличие действующих и процветающих в XI — XII вв. знаменитых монастырей Палестины, которые имели глубокий опыт пещерной аскезы; в-третьих, несвойственный греческой погребальной традиции характер почитания именно нетленных мощей святых угодников в палестинских обителях аналогичный Киево-Печерскому; в-четвертых, поскольку практически все святые места Палестины связаны с пещерами и “гробами”, мы позволили себе поиски аналогий пещерным сооружениям Киево-Печерской Лавры в Святой Земле. Именно здесь существовали погребальные комплексы подобные лаврским. В Палестине “гробами” назывались, как правило, фамильные склепы. Название “вечный дом”, часто употреблявшееся у евреев для гробниц, как раз свидетельствует о той прочности и незыблемости, какую должны были иметь эти сооружения. Название же иудейского кладбища от древнеарабского “шарама” (просверлил, прорубил), указывает на то, каким образом устраивались подобные могилы. Склепы высекались в живом грунте скалы, причем выбирались более прочные пласты “маляки” в нижних частях склонов гор. В Мишне говорится:

“Если кто приобрел место для гробницы, то прежде всего он должен выдолбить грот четырех локтей ширины на шесть длины; внутри грота должен выдолбить восемь коким, три справа, три слева и два против входа в грот; каждый коким должен быть четырех локтей длины на семь пядей высоты и шесть ширины. Рабби Симон сказал: можно сделать грот и восьми локтей длины на шесть ширины, а внутри грота тринадцать коким: четыре справа, четыре слева, три против двери, один по одну сторону входа, другой по другую. Пред входом же нужно сделать *atrium* шести локтей длины на шесть ширины, чтобы в нем могли поместиться носильщики гроба” [цит. по: *Маккавейский 1891, с. 221*].

Из этого описания можно сделать вывод о том, что описываемое сооружение представляло собой естественную или специально высеченную в скале четырехугольную камеру, вдоль боковых стен которой имелись ниши для погребения умерших — локулы (коким). Подобные склепы очень хорошо известны не только в Палестине, а и в других регионах античного, а позднее — средневекового мира (в Крыму, например, в таких гробницах захоронения совершались вплоть до X столетия). Однако отметим, что подобные склепы отличаются от крипт лаврских пещер формой

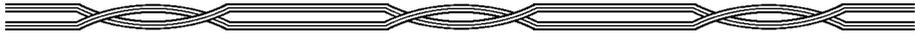
своих погребальных ниш, углубленных в породу наподобие локул римских катакомб. В Крыму неизвестны склепы аналогичные криптам лаврских пещер, где вдоль стен вырубались не локулы, а лежаки. В Палестине же, кроме вышеописанных погребальных сооружений с локулами имелись и другие, подобие которых лаврским является несомненным. Так, часто вместо локул в еврейских гробницах вдоль стен камеры вырубались широкие каменные скамьи — плоские или с углублением наподобие яслей. Такая гробница, предназначенная для одной богатой семьи и уже вся занятая, могла расширяться; рядом с ней высекали в скале такую же камеру и затем соединяли обе гробницы при помощи бокового хода или коридора. К двум камерам позднее могла быть присоединена третья, четвертая и т.д.; так появлялись целые подземные галереи, что дает прозрачную аллюзию на пещеры Киево-Печерской Лавры.

Самые знаменитые из таких древнееврейских гробниц — гробницы Царей и Судей на северной стороне Иерусалима. Подобные погребальные сооружения могли прообразовывать для лаврских подвижников “Гроб Господень” вообще, который даже в наши времена представляет собой пещеру с ложем. Судя по описанию Евангелия, тот новый гроб, который Иосиф высек в скале, находился недалеко от места казни Спасителя. Здесь еще никто не был положен; гробница, вероятно, не была еще окончена и представляла из себя камеру с единственным “ложем”. Интересной в этой связи является аналогия лаврским пещерным криптам “гробов” в монастыре преп. Онуфрия в Иерусалиме. В этом монастыре с древних времен хоронили паломников. В III веке тут подвизался преп. Онуфрий Великий — кстати, один из самых популярных святых на Руси вообще и в русской монашеской традиции в частности. Монастырь св. Онуфрия был почти обязательным объектом посещения паломниками. Посетил его и игумен Даниил, который записал:

“ту же есть под горою Сионскою село Скудельниче... Суть же ту пещеры многи на той стране горы тоя святыя, в камени иссечены. И в тех пещерех гробы мнози праздни и до сего дни, устроени дивно и чудно; и ту ся полагають пришельци страннии...” [*Путешествие игумена Даниила... 1864, с. 77*].

Поражает несомненное сходство этих сооружений с лаврскими криптами.

В свете всего вышесказанного можем сделать вывод о возможности не только афонских, но и палестинских истоков

лаврского пещерножительства и погребального обряда. Специфические подземные сооружения Печерского монастыря — крипты — скорее всего являются самыми древними “гробами” в лаврских пещерах и изначально они воспринимались как “Гроб Господень”. В то же время лаврские крипты служили не только для погребения братии, но и для аскетических подвигов. Значит, не крипта “приспосабливалась” к потребностям аскета, а сам подвижник, живя в таком “гробе”, полностью умирал для мира, в чем, очевидно, и состояла высшая миссия лаврского пещерножительства.

Примечания:

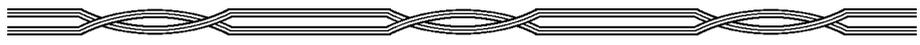
¹ Никитенко Марьяна Михайловна.

² Лаврские локулы представляют собой сводчатые ниши в стене подземного хода, имеющие размеры 0.5 на 2 метра. Они располагаются выше уровня пола перпендикулярно направлению хода (в отличие от локул римских катакомб, которые расположены вдоль подземных коридоров).

ГРАД БОЖИЙ В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗЕ СОФИИ КИЕВСКОЙ

В формировании священного пространства столицы новообращенной Руси ключевую роль играла София Киевская — “митрополия русская”. Нет сомнений, что архитектурно-художественный образ собора воплотил фундаментальные представления правящей элиты Руси о ее роли во вселенской истории, месте и значении в христианской Ойкумене. Именно в смысловых взаимосвязях сакрального и профанного (мирского) отразились, по нашему убеждению, конкретные исторические реалии эпохи возникновения собора. Распознать историческую конкретику в образном решении собора очень непросто, ибо она явлена нам в канонизированных архитектурных формах и живописных сюжетах. Тем не менее, проявление местного заказа можно прочесть не только в светских фресках храма, но и в его архитектуре, и в религиозной живописи. Как показывают наши исследования семантики архитектурно-художественного образа Софии, в основу его решения заложена идея Нового Иерусалима — Града Божьего, к созиданию которого приступила христианская Русь [Никитенко Н. 1999, с. 185–198]. Удалось выяснить, что в символике собора воплощены “архитектурные параметры” Нового Иерусалима, приведенные в 21-й главе Откровения Иоанна Богослова. В библейском описании Небесного Иерусалима говорится, что его стена имеет длину 144 локтя, чему точно отвечает ширина фасадов собора — 55 м. (локоть равен 38 см.). С этим числом не случайно связана ширина сооружения: она ориентирована по двум главным фасадам — восточному (алтарному) и западному, причем западный с его башнями и центральным порталом воспринимался как стена с башнями и главными воротами Нового Иерусалима — Церкви Христовой. Подобно Небесному Граду Апокалипсиса, центральное ядро собора имеет четырехугольную форму и 12 врат — проемов в аркадах-трифориумах, образующих триумфальный вход в наос. Стена собора, как и Небесного Иерусалима, опирается на 12 оснований — крещатых столбов, каждый из которых имеет 12 граней, т.е. в целом они составляют мистическое число 144. Интересно, что число 12 как символ Небесного Града, архитектура собора воспроизводит в ряде вари-

ций: размеры 12×12 футов имеют пространственные членения, составляющие плановую структуру собора. Внутренний радиус центральной апсиды также равен 12 футам, причем его центральная точка отмечает место древнего престола, т.е. краеугольного камня храма. Важно и то, что суммарная длина лицевых плоскостей 12 крещатых столбов равна 55 м, значит, составляет 144 локтя. Таким образом, число 12 мистически тождественно числу 144, и это означает идеальное соответствие новой Руси ее священному прототипу. Ключевым символом этого идейного построения выступает посвятельная надпись собора над образом Богоматери Оранты в конхе центральной апсиды: “Бог посреди него, он не поколеблется, Бог поможет ему с раннего утра” (Пс. 45:6). Речь идет о Небесном Иерусалиме, защищенном Богом от тьмы мирового хаоса, от сил зла.

Всеобъемлющая спасающая суть Небесного Иерусалима, репрезентованного св.Софией, акцентировалась и ее доминирующей ролью в окружающей застройке. По словам современника создания Софии митрополита Илариона, она возведена “на святость и освящение” Киеву, и эта освящающая функция собора объясняется его “начинкой”, ибо князь Ярослав Софию “всякою красотою украси, златом и серебром, и камением драгым, и съсуды честными” [*Молдован 1984, с. 97*]. Под красотой, которой князь украсил Софию, следует, конечно, понимать монументальную живопись, которая, как неотъемлемая часть собора, являет собой сакральную сердцевину Киева. Недаром даже догматическая по своему содержанию алтарная мозаика Софии обнаруживает явные политические коннотации, верное понимание которых возможно лишь с учетом особенностей средневекового мировоззрения и иконографических канонов.

Уже давно отмечено своеобразие алтарного “Святительского чина” Софии, заглавными персонажами которого предстают свв. Епифаний Кипрский и Папа Римский Климент, чьи образы, начинающие чин святителей, очень редко встречаются в этом ряду. Данное обстоятельство свидетельствует о значении этих святых для местного заказчика. Отец и учитель Церкви св. Епифаний был епископом Кипра (ум. 403) и прославился как борец за чистоту христианства, обличитель ереси. Многочисленные цитаты из его книг встречаются уже в Изборнике Святослава Ярославича 1073 г. И все же причина изображения здесь св. Епифания, по нашему убеждению, прежде всего обу-

---

словлена тем, что его память празднуется 12 (25) мая, в день освящения Десятинной церкви, а таким хронологическим совпадением придавалась сакральная значимость.

Знаменательно, что вслед за Епифанием изображен Папа Римский Климент, автор “Послания к Коринфянам”. Его мощи Владимир принес из Херсонеса, где св. Климент в 101 г. принял мученическую смерть. Положенные Владимиром в Десятинной церкви, они почитались как всенародная святыня Руси. “Слово на обновление Десятинной церкви”, памятник XI ст., утверждает, что св. Климент, посланный Богом из Рима через Херсонес в Русскую страну “ради нашего, верных, спасения”, стал нерушимой основой Церкви Христовой, истинным заступником Руси, венцом Киева — великой митрополии и матери всех городов [*Слово на обновление Десятинной церкви... 1990, с. 126–128*]. Этим утверждается сакрализирующая миссия Херсонеса и Папы Климента — покровителя новообращенного народа. Вряд ли можно сомневаться, что через образы свв. Епифания и Климента глорифицируются деяния Владимира по христианизации Руси — общегосударственное установление херсонесского культа св. Климента и создание Десятинной церкви, которую современники называли “церковью Христова мученика и Папы Климента” [*Хроника Титмара Мерзебургского 1989, с. 67*].

В этой связи обращает на себя внимание следующий факт. Наличие индивидуальных манер в мозаиках Софии Киевской позволило исследователям предположить, что над композицией “Святительский чин” работали три мастера, один из которых выполнил две крайние слева фигуры — свв. Епифания и Климента [*Лазарев 1960, с. 110–123, 153*]. В.Н. Лазарев объяснял это тем, что в целях ускорения работы выполнение одной композиции обычно поручалось сразу нескольким мастерам [*там же, с. 153*]. Впрочем, едва ли такие скученность и спешка были оправданными в выполнении столь ответственной композиции, тем более, что для мозаичистов открывалось широкое поле деятельности, поскольку мозаики покрывали в соборе 640 кв.м. поверхности стен и сводов. На наш взгляд, бросающиеся в глаза различные манеры исполнения отдельных групп святителей могут указывать на сознательное акцентирование тех или иных смысловых аспектов, что достигалось путем выполнения фигур определенных святителей разными мастерами. По мнению В.Н. Лазарева, образам Епифания и Кли-

мента присуща наименее выраженная внешностная индивидуальность, им недостает характерности, что может объясняться отсутствием устоявшихся иконографических образцов [там же, с. 113]. Нельзя не заметить безусловное внешнее сходство этих святителей, чьи лики фактически отличаются лишь формой волосяного покрова. Между тем, все остальные святители четко различаются по своей внешности. В литературе отмечалось, что в средневековом искусстве чертами лица Климент Римский не случайно напоминал апостола Петра, ибо это сходство акцентировало идею непосредственной преемственности Климента от первоапостола, учеником которого он был [Царевская 1999, с. 261]. Значит, в рассматриваемом сюжете можно предполагать намеренную ориентацию на образ Петра — первокрестителя язычников. Недаром именно Петру посвящен примыкающий к главному алтарю жертвенник, причем, как раз стена с изображением Епифания и Климента является смежной. Характерно, что в росписи жертвенника центральное место отведено сценам крещения Петром язычников в доме сотника Корнилия — летописного прообраза князя Владимира (Ипатьевская летопись под 1015 г.) [Ипатьевская летопись, стлб. 1117].

Евангельский эпизод первого обращения язычников произошел в Кесарии — городе на морском побережье “земли обетованной”, где в результате проповеди Петра в доме римского сотника Корнилия Дух Святой впервые сошел на язычников. Перед этим Корнилию было видение ангела, который объяснил избрание сотника словами: “Молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом” (Деян. 10:4). Такими же добродетелями Владимира объясняется в летописи его избрание Богом. В этой параллели можно усмотреть ассоциативную связь: Корнилий — Владимир, Петр — Климент, Кесария — Корсунь. Связующим звеном в этой ассоциации выступает образ св. Климента, поскольку именно его мощи стали той реликвией, которая освятила и джание Владимира, и новую Русь. Хотя образ Климента присутствует лишь в “Святительском чине” главного алтаря собора, в его пантеоне ощущается незримое присутствие этого святителя — “мужа апостольского”.

Изображения, связанные с херсонесской святыней, помещены на столбах алтарной части собора. На северном столбе арки диаконника фигурирует образ священномученика Ипполита Римского, возле которого сохранилась древняя надпись-

---

имя. Его память отмечалась 30 января, на день перенесения мощей Климента Римского. Папа Римский Ипполит, как и Климент, был после жестоких пыток утоплен с камнем на шее, став “якорем Церкви”. Мощи Папы Ипполита покоятся в римской церкви св. мученика архидиакона Лаврентия, изображенного в мозаичном “Святительском чине” Софии рядом с патроном Владимира Василием Великим.

У входа в диаконник, на южном столбе арки, изображен св. Ефрем Сирийский, знаменитый “учитель покаяния”. Сочинения Ефрема Сирина читались в церкви после Священного Писания, как и сочинения Климента Римского. Св. Ефрем был рукоположен в сан диакона патроном Владимира Василием Великим. У заказчика росписи были особые причины связывать изображения Ипполита Римского и Ефрема Сирина с диаконником. Из византийских источников известно, что в диаконнике Софии Константинопольской императорская чета слушала литургию, ибо в состав диаконника входил царский Мутаторий, где облачался царь и откуда он совершал выход в храм для участия в великом входе [Беляев 1892, т. 6, вып. 1, 2, с. 119].

Киевский митрополит Пимен, посетивший Царьград в XIV в., в описании литургического чина Софии Константинопольской говорит: “И входит царица с великим страхом и трепетом, и умилением, и смирением южными дверями в крыло алтаря и дают ей святое причастие. Царь же у патриарха со священниками причащается у престола Христова” [Пименово хождение... 1984, с. 296].

Бытование этой традиции на Руси подтверждает сообщение Ипатьевской летописи под 1288 г. о владимирово-волынском князе Владимире Васильковиче: “И вниде во церковь святаго и великаго мученика Христова Георгия, хотя взяти причастие оу отца своего духовнаго, и вниде в олтарь малый, идеже ери совладчаоу ризы своа, тоу бо бяшетъ емоу обычай всегда ставити” [Ипатьевская летопись, стлб. 916]. Не случайно автограф Владимира (Василия) Мономаха обнаружен в Софии Киевской на столбе диаконника. Здесь читается: “Господи, помози рабоу своему Василеви грешникоу, помози емоу Господи” [Рибакон 1947, с. 53-54].

Функциональное назначение диаконника как места пребывания правящей четы нашло отражение в храмовой декорации. В Православном баптистерии в Равенне (сер. V в.) в моза-

---

ичную композицию купола входит изображение трехнефного храма, где в алтаре центрального нефа находится престол с Евангелием, в жертвеннике — трон епископа, в диаконнике — государя [Покровский 1890, с. 12–13; Лазарев 1986, табл. 21]. Патрону государей — архистратигу Михаилу, как правило, посвящены диаконники капшадокийских храмов [Лазарев 1960, с. 29]. Та же тенденция прослеживается в росписи древнерусских храмов XII в., связанных с княжеским строительством — церкви Георгия в Старой Ладогe и Спасо-Преображенского собора в Пскове. Патрону князя Всеволода Ольговича — Кириллу Александрийскому посвящен диаконник Кирилловской церкви в Киеве.

В Софии Киевской архангелу Михаилу посвящен смежный с диаконником придел, на стене которого, у древнего южного входа, находится изображение Константина и Елены по обе стороны креста. Этот сюжет нес в себе идею храмоздательства и традиционно связывался с правящей четой заказчиков храма — “новых Константина и Елены”. Примечательно, что галерею святых этого придела начинают образы святых врачей — бессребренников и чудотворцев Косьмы и Дамиана. Существовало древнее предание о ссылке этих римских мучеников в Херсонес Таврический. Известно “Чудо святых Косьмы и Дамиана в Корсуни”, которое является оригинальным русским текстом, включенным в состав их жития. Повествуется, что в Корсуни в честь праздника Косьмы и Дамиана состоялся великий пир. Пиршество продолжалось семь дней, а на восьмой хозяин поведал всем, что исчерпалось вино в сосудах. Гости впали в печаль, тогда хозяин, уединившись в тайное место, помолился Косьме и Дамиану. И вода превратилась в сладкое вино. Пили двенадцать дней, а вино в сосудах не исчезало. Но когда напились и начали безобразничать, мед исчез и осталась вода горькая [Сперанский 1928, т. 1, кн. 2, с. 358–375].

Совершенно ясно, что прототипом этой древней легенды послужило евангельское чудо в Кане Галилейской, изображенное, кстати, на стене южных хор Софии, над образами Косьмы и Дамиана в нижнем Михайловском приделе. Нельзя не вспомнить, что в Новом Завете брачный союз сравнивается с союзом Христа (Жениха) и Церкви (Невесты), поэтому эпизод с претворением воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской вспоминается при отпуске таинства брака: “Иже в Кане Гали-

---

лейстей пришествием Своим честен брак показавый, Христос истинный Бог наш”. Характерно, что тут же упоминаются “святые Боговенчаные цари Константин и Елена”, поскольку “увенчанные славою и честию новобрачные ... подобны по своей жизненной задаче святой семье равноапостолов” [*Чинопоследования брака ... 1913, с. 1245-1246*].

Не исключено, что упомянутые софийские сюжеты проводят идею созидания дома Премудрости Божьей как образа Небесного Иерусалима, в данном контексте — русской Церкви. Нелишне вспомнить и то, что в русской книжности отправным моментом рождения Церкви Руси стал брак Владимира и Анны в Корсуни, положивший начало крещению Руси.

Прозрачную аллюзию на Херсонес, на образ Климента содержит в себе подбор и размещение святых также в других компартиментах собора. Своеобразным херсонесским мартирием, “корсунской папертью”, воспринимается западная часть южной внутренней галереи. В сонм святых здесь входят образы Николая, Фоки, Созонта, Игнатия Богоносца, Петра Александрийского, Ермила.

Культ покровителя мореплавателей св. Николая выявляет херсонесские корни благодаря многочисленным спискам “Повести о принесении чудотворного образа св. Николая из Корсуни в Зарайск” [*Шестаков 1908, с. 132-134; Лихачев 1986, с. 235-259*].

Н.В. Верещагина, исследовавшая особенности формирования культов свв. Климента и Николая, пришла к убедительному выводу о взаимосвязи этих святых в их патрональной функции относительно новокрещенной Руси [*Верещагина 1999*]. Российская исследовательница Т.Ю. Царевская, указав на парное изображение Климента и Николы, которое неоднократно встречается в новгородском искусстве, считает, что “отчасти эта равнозначность объясняется сходством чудесных деяний двух святых (в частности, возвращение родителям их ребенка, считавшегося утонувшим, — в “Чуде св. Климента об отрочати” и в киевском чуде Николы Мокрого), властью над морской стихией, а также восприятием святых как “верха иерархов”, т.е. совершенных святителей”. Исследовательница, обратив внимание на тот факт, что аналогичное предстояние Божественному престолу этих святых характерно для одной из фресок Сан Клементе в Риме (1080), предположила, что данное сопостав-

---

ление восходит к более ранней римской традиции [*Царевская 1999, с. 266*].

Нельзя игнорировать, однако, то обстоятельство, что такое сопоставление наблюдаем уже в стенописи Софии Киевской, где в единую логическую цепь выстраиваются образы свв. Климента, Николая и Василия Великого в “Святительском чине” главного алтаря, причем фигуре Николая противостоит Василий Великий. Эта же композиционно-смысловая симметрия, своеобразная иконологическая “рифма”, характерна и для стенописи южной внутренней галереи, на пилонах столбов которой, друг против друга изображены свв. Николай и Василий. Выявленная в стенописи параллель заставляет вспомнить восточнохристианский обычай давать два христианских имени — крестильное и молитвенное. Этот обычай известен не только в Византии, он отмечен и в княжеской среде Руси. Например, жена Владимира Святославича Анна, как явствует из Хроники Титмара Мерзебургского, имела еще одно имя — Елена [*Хроника Титмара Мерзебургского, с. 66*]. Жена Ярослава Мудрого Ингигерд — Ирина именуется в источниках также Анной. Всеволод Ярославич имел крестильное имя Андрей, но в своем Уставе он называет себя Гавриилом [*Щапов 1976, с. 153-165; Литаврин 1986, с. 46*].

Как известно, крестильное имя Владимира — Василий; не исключено, что молитвенное было Николай. В соответствии с византийскими церемониально-дипломатическими нормами, князь-неофит при крещении получал имя своего крестного отца — правящего императора. Нельзя ли допустить, что если крестильное имя Владимира было дано ему в честь Василия II, то молитвенное — в честь патриарха Николая II Хрисоверга, который занимал константинопольскую кафедру в 979–991 гг.? Во всяком случае, культ святителя Николая уже в XI в. имел на Руси общенародный характер, что засвидетельствовано в его составленном в те времена киевском житии: “Прииди в Русь и виждь, яко несть града ни села, идеже не беша чудеса многа умножена святого Николы” [*Леонид, архимандрит 1881, с. 90*]. Еще до составления жития на Руси появилось похвальное слово чудотворцу Николаю, которое, судя по особенностям текста, было написано для новокрещенных славян [*Ключевский 1871, с. 217-218*].

Следует обратить внимание и на вполне возможное посвящение Николаю придела Десятинной церкви, ибо по дан-

---

ным источников после нашествия Батыя от древнего храма осталась “церковь святителя Николая”, то есть южный придел, на юго-западных остатках которого позже соорудили небольшой деревянный храм, перенявший по традиции название придела [Лебединцев 1883, с. 567–568; Никольский 1938, с. 116; Каргер 1961, с. 12]. Симптоматично, что северный придел Десятинной церкви был посвящен Клименту Римскому: дело в том, что по сообщению Титмара Мерзебургского, Владимир и Анна были похоронены в церкви Папы Климента, что, как полагают указывает на наличие в Десятинной церкви придела в его имя [Рапов, Ткаченко 1980, с. 29]. Это может означать, что уже при Владимире в Киеве сложился парный культ Климента и Николая, особо почитаемых в Корсуне святых.

Почитался в городах Понта, особенно в Херсонесе, синопский епископ Фока. В городе существовал нищеприимный дом его имени, изображения святого помещали на погребальных памятниках и бытовых предметах [Шестаков 1908, с. 27-28; Зубарь, Павленко 1988, с. 62–64]. На софийской фреске с изображением Фоки читается граффито XI в.: “Святой Фока, порученный от Бога плавающим в море, правитель, направь меня, потопляемого волнами житейскими”. Как видим, Фока, подобно Клименту и Николаю, — победитель морской стихии, кормчий Церкви — Ноева ковчега, в котором верные получают спасение. Эту идею акцентирует весло в руке Фоки — символ создания Церкви: по древней традиции, правитель очерчивал веслом фундаменты храма [Керлот 1994, с. 110]. Для Руси таким кормчим был Владимир — основатель ее Церкви.

С Климентом связан образ Игнатия Богоносца, погрудное изображение которого с сохранившимся именем помещено в арке, где изображен Фока. Известно, что мощи Игнатия Богоносца, патриарха Антиохийского, скончавшегося мученически в Риме в 107 г., были положены здесь в церкви Папы Климента. Св.Игнатий — учредитель антифонного пения, “кормило молитвы и поста”, как и Климент, пострадал при Траяне.

В круг корсунской тематики входит также изображение в западной арке южной галереи мученика Созонта, сохранившее древнюю надпись. В херсонесской церкви св. Созонта “близ забрал сущу” была поставлена рака св. Климента после обретения его мощей Константином (Кириллом) Философом [Лавров 1911, с. 127-131].

С кирилло-мефодиевской традицией можно связать изображение против Созонта балканского святого — диакона Ермила, утопленного в водах Дуная. Ощущается звучание “морской” (водной) темы, ведь Церковь сравнивается с Ноевым ковчегом, в котором получают спасение в бурных водах житейского моря. Характерно, что парным святым Созонта был мученик Стратоник: “Ермил славный и богомудрый Стратоник, двоица чудная” [*Настольная книга... - ч. 1, с. 37*], но в стенописи сопоставляются Ермил и Созонт, причем обе персонификации надежно подтверждены надписями — именами. В то же время во многих других случаях на склонах одной арки помещаются парные святые. Это лишний раз свидетельствует об избирательном, запрограммированном подходе к системе размещения святых в соборе, о концептуальности иконографической программы.

Неподалеку от изображения св. Созонта, там, где южная галерея соединяется с западной, есть изображение святителя Петра Александрийского. Этот персонаж определяется благодаря аналогичному изображению святого с надписью-именем в церкви Спаса Нередицы и в Бачковской костнице (XI — XII вв.). Память Петра Александрийского (ум. 311) праздновалась 25 ноября вместе с Климентом Римским. “Климент с Петром всехвальнии” издревле прославляются Церковью на общей службе им как “благочестия Божественнии столпи” [*там же, с. 474-475*].

Идея “столпов Церкви”, ее учредителей и кормчих, как нельзя лучше обыгрывается двумя центральными образами этой своеобразной “паперти святителей”. На ее северной стене размещены импозантные фигуры Отцов Церкви, одна из которых получила в науке бесспорную атрибуцию Григория Богослова, поскольку этот образ полностью аналогичен одноименному изображению в мозаике “Святительский чин” [*Логвин 2001, с. 127-128, 245*]; полагают даже, что обе фигуры выполнил один мастер [*Логвин 1971, рис. 72, 213; 1974, с. 156*]. Образы этих святителей с Евангелием в руках фланкируют окно, как бы подчеркивая мысль о просвещении народа светом евангельского учения.

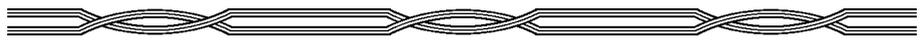
Вторая фигура святителя определяется в литературе как “св. Николай” [*Киевский Софийский собор... 1871, табл. 18; Логвин 2001, с. 127-128*], но такая атрибуция не может быть

принята в силу того, что образ св. Николая в классическом иконографическом типе размещен рядом с этой фигурой на пилоне столба. Между тем образ святого находит явную иконографическую аналогию с образом св. Григория Великого (Двое- слова), творца литургии преждеосвященных даров. Наиболее близкий по иконографии образ Григория Великого сохранился в храме св. Софии Охридской (1040), где в алтарном “Святительском чине” представлена группа из трех Римских Пап: Льва, Григория и Сильвестра [Лазарев 1971, с. 181]. Сходное изображение Григория Великого видим и в сицилийских мозаиках — в Монреале, Чефалу и Палатинской капелле [Demus 1950, pls. 7 v, 14, 38]. Наиболее интересен вариант изображения св. Григория Великого в Чефалу, где в мозаичном “Святительском чине” апсиды представлены три великих восточных Отца — свв. Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и четыре западных — свв. Григорий Великий, Августин, Сильвестр, Дионисий Ареопагит [ibide, pl. 7].

В Софии Киевской избран сокращенный иконографический вариант сопоставления Восточной и Западной Церкви, представленных одноименными великими Отцами — первый из которых — Григорий Богослов (328–389) был небесным патроном второго — Григория Двоеслова (540–604). В средневековой литературе Григория Двоеслова сравнивали с великими учителями Востока, он был широко известен в странах восточнохристианского ареала. Агиографы приводят много рассказов о совершенных им чудесах, как при жизни, так и после смерти. Особой популярностью пользовалось чудо Мессы св. Григория, во время которой над гостией (евхаристическим хлебом) появилось окровавленное тело Христа.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на чрезвычайно интересную особенность этой фрески. Т.И. Стерлигова, определившая этот образ как Николая Чудотворца, указывает на следы от гвоздей, которыми, судя по всему, был прикреплен к фреске металлический оклад нимба, что подтверждает чудотворный характер этого образа [Стерлигова 2001]. Но многочисленные медные гвоздики от древнего оклада прослежены нами по всей поверхности фрески, то есть этот образ был полностью покрыт окладом, кроме лика и рук, что указывает на его особую чтимость и литургическую значимость. Примечательно также, что в Софии рядом с Григорием Богословом изображены

два Папы — основоположники Римской Церкви: в “Святительском чине” алтаря — Климент, в южной галерее — Григорий, чем, очевидно, проводится параллель между их деятельностью, имевшей огромное значение для становления христианства на Руси. Как прокламируется в службе св. Григорию Двоеслову, он “прияв от Христа... кормило Римския Церкви”, “с тремя великими учителя и иерархи (Василием Великим, Иоанном Златоустом, Григорием Богословом — *Н.Н.*) наследие прияв еси Небесное, с ними же не перестал молитися даровати нам велию милость” [*Минея... 1984, с. 289, 297*].

В целом сонм святителей южной галереи, включающий восемь образов, обращенных друг к другу, включает в себе идею собора, воспроизводя литургический молебен в притворе храма — литанию, установленную Григорием Двоесловом. Такие византийские “святые беседы” в литературе и искусстве развивают тему триумфального входа и пути к спасению в Божьем Граде — Церкви, куда идут, чтобы поклониться Царю [ср. *Грабар 2000, с. 252-260*]. Этот Божий Град, по замыслу создателей Софии, локализуется в Киеве, что, как мы пытались показать, визуально отражено в архитектуре и росписи собора. В соответствии с концепцией храма, рождение нового митрополичьего центра происходит путем рецепции святыни Херсонеса через равноапостольное деяние Владимира Крестителя.

СЛАВЯНСКО-ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИСТОРИИ

На сегодняшний день мы не имеем общепризнанной концепции цивилизационной структуры человечества. С целью восполнения этого пробела, опираясь на фундаментальные разработки А.Дж. Тойнби, с учетом исследований Л.С. Васильева, Г.С. Померанца, С. Хантингтона [*Тойнби 1991; 1995; 1995а; Васильев 1988; 1993; Померанц 1993; 1995; Хантингтон 1994*] и других исследователей в последние годы на сей счет была разработана концептуальная схема [*Павленко 1996; 2002; Пахомов, Крымский, Павленко 2002; Пахомов, Крымский, Павленко и др. 2002*], которая в наиболее сжатом виде может быть представлена следующим образом.

1. Основными цивилизационными массивами современного человечества являются Китайско-Дальневосточный, Индийско-Южноазиатский, Мусульманско-Афразийский и наиболее мощный, но вместе с тем и наиболее внутренне неоднородный, гетерогенный Макрохристианский цивилизационные миры.

2. Эти цивилизационные миры, с учетом степени их внутренней консолидированности, могут соответствовать одной цивилизации с ее автономными периферийными филиациями или состоять из двух или даже (теоретически) большего числа цивилизаций. Так, Индийско-Южноазиатский и Мусульманско-Афразийский цивилизационные миры могут рассматриваться как отдельные великие цивилизации современности. В то же время Китайско-Дальневосточный мир может быть представлен как двуединство Китайско-Конфуцианской (вопреки тому, что официальной идеологией КНР все еще остается марксизм) и Японско-Океанической цивилизаций.

3. Макрохристианский мир является крупнейшим и мощнейшим, но вместе с тем, и наиболее разнородным. В нем выразительно просматриваются: а) Западная, Североатлантическая или Североамериканско-Западноевропейская цивилизация с отдельными филиациями в виде Австралии с Новой Зеландией и, частично Южной Африкой, при том, что сам Запад в своей североатлантической основе подразделяется на мощные Североамериканский и Западноевропейский субцивилизаци-

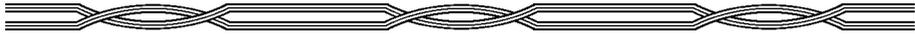
онные копоненты; б) Славянско-Православная цивилизация; в) Латиноамериканская цивилизационная общность.

4. Отдельные регионы современного мира, где собственная цивилизационная идентичность не вырисовывается, но где одна на одну накладываются волны иноцивилизационных влияний, могут быть определены в качестве трансцивилизационных. Прежде всего речь идет о Тропической Африке и Океании, где на вполне актуальной традиционной почве скрестились влияния, соответственно, Западной и Мусульманской и Западной и Японской цивилизаций.

5. Другие регионы, где исторически образовался нестойкий, противоречивый симбиоз между двумя или более цивилизациями (Балканы, Кавказ, Африканский Рог, Кашмир, Юго-Восточная Азия и пр.) могут быть определены как зоны цивилизационных стыков. Эти стыки приходятся не только на области столкновения отдельных цивилизационных миров (например, Мусульманско-Афразийского и Китайско-Дальневосточного в Синцзянь-Уйгурии), но и на территориально относительно небольшие локусы взаимоналожения или столкновения цивилизаций в рамках одного цивилизационного мира (Восточная Прибалтика и Западная Украина на рубеже Западной и Восточнославянско-Православной или Корея как таковая и, в другой форме, Тайвань, Сингапур и Гонконг между Китайско-Конфуцианской и Японско-Океанической цивилизациями). Балканы и Юго-Восточная Азия демонстрируют еще более сложные комбинации.

Лишь представляя общую картину цивилизационной структуры современного человечества можем более или менее убедительно определить место в ней Украины. Оно не “транзитное” или “порубежное”, как сегодня иногда можно услышать. Украина (как и Белоруссия и, в своей основе, Россия) является органической частью Восточнославянско-Православной цивилизации, с коррекцией на то, что в силу известных исторических обстоятельств ее западные области, длительное время входившие в состав центральноевропейских государств, выступают стыковой зоной Славянско-Православной (которую часто называют просто Русской или Русско-Славянской) и Западноевропейско-Североамериканской цивилизаций в рамках общего для них Макрохристианского мира.

Однако, исторически Славянско-Православная (в XX в. преимущественно уже квазиправославная) цивилизация явля-

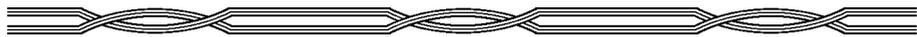
ется органической составляющей Восточнохристианского мира, представленного в Средние века прежде всего Византийско-Восточнохристианской цивилизацией (субцивилизационным компонентом которой была Киевская Русь). Поэтому естественно возникает вопрос о соотношении Византийско-Восточнохристианской и Славянско-Православной цивилизаций в контексте Восточнохристианского средневекового и современного Макрохристианского миров.

При всей близости духовных основ Византийско-Восточнохристианского и Восточнославянско-Православного миров, их следует различать как две, преемственно связанные, но все же отдельные цивилизации. При этом их историческую общность можно передавать понятием Восточнохристианская цивилизационная система, которая является одной из составляющих Макрохристианского мира, рассматриваемого в исторической ретроспективе.

Необходимость четкого различения Византийско-Восточнохристианской и Славянско-Православной цивилизаций обусловливается прежде всего (но не единственно) тем обстоятельством, что к концу Средних веков, особенно в третьей четверти XV в., первая из них практически прекратила свое существование, тогда как вторая только начала оправляться от катастрофы монгольского завоевания.

С 1453 г., когда турки взяли Константинополь, до 1480 г., когда Москва окончательно освободилась от власти татарских ханов, не было ни одного сколько-нибудь значительного православного независимого государства. Те из них, что сохранились на Балканах (Эпир), северо-востоке Анатолии (Трапезунд), в Подунавье (Валахия, Молдова) и Крыму (Феодоро) вскоре были подчинены Османской империей. А распавшаяся на несколько крошечных княжеств Грузия, став ареной ожесточенной борьбы между Ираном и Турцией, была полностью опустошена. В XVI в. заметными на карте мира были лишь два независимых государства Восточнохристианской традиции, очевидно вообще не знавшие о существовании друг друга: Московия в заснеженных хвойных лесах и зажатая на высокогорье между джунглями и пустынями, отрезанная от моря мусульманами Эфиопия.

Конечно, Восточнохристианская культур-цивилизационная традиция на Балканах, в Эгее, Малой Азии и Восточном Средиземноморье, в Закавказье и Крыму сохранялась и под властью

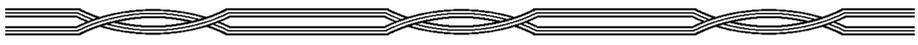

турок. Однако ее творческая жизнь там, как и в Северо-Восточной Африке, прекратилась. В то же время, актуализируя наследие Киевской Руси и отсвечивая последние творческие лучи заходящего солнца Христианского Востока — исихазм, духовная и политическая жизнь просыпалась в восточнославянско-православном ареале. Этому здесь соответствовала и активизация этноинтеграционных процессов. Результатом последних стало становление современных восточнославянских народов.

Характеристика духовно-ценностных оснований, этапов развития и упадка, становления и трансформации этно-территориальной структуры Византийско-Востонохристианской цивилизации не входит в задачи предлагаемой статьи. Однако для уяснения некоторых общих моментов истории и природы Востонохристианского мира следует обратить внимание на некоторые из ее особенностей. Прежде всего отметим, что применительно к Византийско-Востонохристианской цивилизации (и не только по отношению к ней) циклическая схема, отработанная О. Шпенглером и А. Дж. Тойнби на античном материале, нуждается в существенных коррективах.

После утверждения своих идейно-ценностных оснований в эпоху Вселенских соборов и пышного расцвета во времена Юстиниана I Византия не только едва выжила во времена арабских завоеваний, но и (в VIII — IX вв.) пережила глубочайший, длившийся более столетия, духовно-культурный кризис иконоборчества. Однако после этого она с середины IX в. как бы обретает “второе дыхание”, стабилизируясь и по-новому организуя вокруг себя духовно-культурно-политическое пространство (главным образом за счет принимавших от нее христианство славянских народов). Отмечу, что феномен “второго дыхания” цивилизации наблюдается и в других цивилизационных мирах, в частности в Китае, преодолевавшем в конце VI в. длившуюся целых четыре столетия полосу кризиса.

В пору своего “второго цветения” цивилизация в целом ориентируется на образцы периода первого своего подъема, однако в некоторых сферах может их значительно превзойти. К тому же она, как и ранее, стремится подключить к себе соседние молодые государства, либо непосредственно на некоторое время включая их в собственную цивилизацию (как китайцы Корею и Вьетнам, а византийцы — Болгарию и Сербию), либо способствуя свободному принятию ими своих цивилизационных

оснований (как в случае Китая по отношению к Японии или Византии по отношению к Руси, причем в обоих случаях при активной роли посредников — корейцев и балканских славян).

На протяжении своей более чем полуторатысячетной истории Восточнохристианская цивилизационная система имела различные отношения с Западом, на Западнохристианской и Новоевропейско-Североамериканской, ныне глобалистической, фазах его цивилизационного развития. В V — VIII вв. становление Западнохристианского мира, вполне оформившегося как нечто самобытное и структурно единое к 800 г. (когда Карл Великий был коронован Римским папой императорским венцом) происходило в силовом поле и на далекой западной периферии Византийско-Восточнохристианской цивилизации, пережившей свой апогей в первой половине VI в.

Вплоть до эпохи Крестовых походов политический, не говоря уже о культурном и экономическом, приоритет Византии был неоспорим. Но, воспользовавшись ослаблением православной империи в результате сельджукского и других нашествий, Западнохристианский мир нанес Византии смертельный удар Четвертым крестовым походом 1204 г. Вскоре Русь была сокрушена Батыем, чем Запад в лице немецких рыцарей в Прибалтике и Польши в Прикарпатье не замедлил воспользоваться. С захватом Константинополя турками в 1453 г. Византийско-Восточнохристианская цивилизация в качестве некоего упорядоченного структурно-функционального целого прекратила свое существование. В это же время Западнохристианский мир, начиная с Италии, вступил в фазу продуктивного качественного обновления, обеспечившего ему уже в XVI в. ведущие позиции в мире.

Становящийся заметным с рубежа XV — XVI вв. общий цивилизационный подъем православной Восточной Европы совпал с трансформацией Западнохристианского мира в Новоевропейскую цивилизацию, активно, экспансионистски действующую во всех направлениях, в том числе и (в лице Польши — Речи Посполитой) по отношению к восточнославянским народам. Становление и развитие Славянско-Православной цивилизации с этого момента происходило под эгидой Запада, в системе организованного им вокруг себя Макрохристианского мира.

Киевская Русь оказалась ключевым звеном, связывающим Византийско-Восточнохристианскую и Славянско-Православную цивилизации. С одной стороны, она является авто-

номной субцивилизационной подсистемой в структуре первой, образуя в то же время отдельную макроэтническую общность. С другой — она выступает первым этапом развития Славянско-Православной цивилизации. В качестве северной автономной субцивилизации Византийско-Восточнохристианского мира Древняя Русь просуществовала почти полтысячелетия, пройдя свой малый цикл развития, оборванный в кризисной точке реструктуризации ее системы (на полицентрической основе) монгольским нашествием. При доминировании в Восточной Европе татарских политических структур отдельные локальные подъемы (в Волго-Окском междуречье, Среднем Поднепровье и пр.) обрывались опустошительными нашествиями (сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г., разорение Киева ногайской ордой Эдигея в 1416 г. и крымским ханом Менгли-Гиреем в 1482 г.).

Но с рубежа XV — XVI вв. ситуация принципиально изменяется. Восточнославянско-православный этнический массив, разделенный между католическими Польшей и Литвой, с одной стороны, и Московией (выступающей в роли наследницы Золотоордынской субевразийской системы) — с другой, начинает все более структурироваться в политическом, религиозно-культурном и национальном отношении.

Новые реалии структурирования и саморазвития постдревнерусского, восточнославянско-православного массива (протекавших в виде единства дифференциационных и интеграционных процессов) определялись, прежде всего, следующими тремя обстоятельствами цивилизационного плана:

1. Исчезновением Византийско-Восточнохристианской цивилизации как самодостаточного, имеющего независимое (определяющееся самое из себя) основание, социокультурного мира. Это обстоятельство имело явно негативное значение. В эпоху Киевской Руси, и, тем более, в XIV — начале XV вв., во время второй (связанной с духом исихазма) волны греко-болгарского влияния, восточнославянский мир воспринял византийское (тем более связанное с ним античное) наследие далеко не в полном объеме. Русь видела, прежде всего, церковный лик Византии, но едва прикоснулась ко второму полюсу ее социокультурной основы, непосредственно продолжавшему позднеантичную традицию светской образованности.

2. Непосредственной угрозой со стороны Мусульманской цивилизации в лице могущественной Османской империи вос-

точному славянству, шире — всей Восточно-Центральной Европе. Чтобы представить масштаб этой опасности вспомним хотя бы завоевание турками Венгрии в 1526 г., две турецкие осады Вены (в 1529 г. и 1683 г.), сожжение крымскими татарами, вассалами турок, Москвы в 1571 г., широкомасштабные, упорные сражения между турецко-татарскими и польско-украинскими войсками на Цецорских полях в 1620 г. и под Хотинном в 1621 г., наконец, Чигиринские походы турок в 1677 г. и 1678 г., во время которых под угрозой удара оказался и Киев.

3. Коренная трансформация Западнохристианской цивилизации в Новоевропейско-Североамериканский цивилизационный мир, связанная с такими явлениями как Возрождение, Реформация, Великие географические открытия, а также появление капитализма, утверждение абсолютных монархий в ряде европейских государств и становление в приатлантических странах Европы новоевропейских наций. В результате протестантско-католический Запад утверждается в качестве динамического, системообразующего центра опережающего развития в пределах Макрохристианского цивилизационного мира, охватывающего также функционально зависимые в своем развитии от него цивилизационные общности православной Восточной Европы и подвластной испанцам и португальцам Латинской Америки. Существенным представляется то обстоятельство, что в течение XVI — XVII вв. развитие западной (украинско-белорусской) и восточной (московско-российской) частей восточнославянского мира происходило принципиально различным образом. Доминантой первого была творческая адаптация западных (в польско-центрально-европейской форме) достижений при обновленческом сохранении собственных православных оснований. Основной линией второго было построение сильного, военизированного, способного противостоять не только Мусульманскому, но и Западному мирам государства. Синтезом обеих направлений стало создание Петровской империи, в социокультурные основания которой были заложены разительно противоречивые, подчас несовместимые принципы западного и отечественного происхождения.

В пределах Польши и Великого княжества Литовского, образовавших в 1569 г. единое федеративное государство — Речь Посполитую, и в рамках Великого княжества Московского, провозгласившего себя при Иване III, а затем вновь при Иване IV, царством, жизнь сильно различалась.

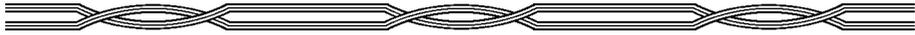

В украинско-белорусских землях цивилизационное развитие в течение второй половины XVI — первой половины XVIII вв. имело в первую очередь социально-культурный характер, тогда как в рамках Московского царства, трансформировавшегося в Российскую империю — характер социально-политический. В первом случае историческое движение определялось разносторонним взаимодействием с Западнохристианско-Новоевропейским, уже пережившим Ренессанс и Реформацию, миром. Во втором видим длительное принципиальное неприятие “латинянства”.

Социально-политический вызов со стороны Польши (ставший особенно жестким после Люблинской унии 1569 г.) определил в украинских и белорусских землях массовый переход ранее православных княжеских домов и шляхты в католицизм, с последующим их включением в правящий класс Речи Посполитой. В то же время, этот вызов стимулировал ускорение процессов самоорганизации средних слоев украинского и, отчасти, белорусского общества в виде создания городских православных братств, казачьих структур во главе с Запорожской Сечью и активизации церковно-просветительской жизни (деятельность К.К. Острожского и собравшегося вокруг него круга просветителей, возрождение культурно-просветительской деятельности в Киево-Печерской лавре в начале XVII в., создание Киевской братской школы и Киево-Могилянского коллегиума, развившегося в одноименную Академию и пр.).

Религиозно-культурный вызов со стороны Ватикана, в частности поднявшая бурю общественного негодования Брестская уния 1596 г., привел к образованию особой, греко-католической (униатской) церкви и на два десятилетия обезглавил украинско-белорусское православие. Однако многолетними упорными усилиями части сохранившего верность православию духовенства, киевских мещан и запорожских казаков во главе с гетманом П. Сагайдачным в 1620 г. была восстановлена Киевская православная митрополия, руководство которой взял на себя И. Борецкий.

При этом уже в первой четверти XVII в. среди сохранившего верность вере отцов украинского духовенства и, шире, всей православной образованной общественности, оформилось два направления со своими различными идейно-ценностными программами. Эти течения можно связывать с именами их

наиболее ярких и талантливых представителей: И. Вишенского и П. Могилы. Первый, выражаясь современной терминологией, стоял на позициях православного фундаментализма, тогда как второй, осознавая запросы времени, направил украинское православие по пути обновления, не ставя под сомнение принципиальные религиозные положения, но развивая их в соответствии с имеющимися на Западе интеллектуальными нормами и достижениями.

Такая установка на открытость западным веяниям при неизменной опоре на отечественную, святоотческую традицию оказалась для того времени наиболее продуктивной. Она определила церковно-просветительское обновление украинского православия, символом которого стала знаменитая Киево-Могилянская академия с плеядой таких выдающихся мыслителей и церковных деятелей как сам П. Могила, а также И. Гизель, Л. Баранович, С. Яворский, Ф. Прокопович и рядом других, вплоть до Г. Сковороды.

В результате к концу XVII в. староукраинская культура вполне адаптировала на собственных основаниях достижения народов центральноевропейско-католического круга, выработала собственные философско-теологические основания и самобытный художественный стиль, известный под названием “украинского барокко”. Параллельно в течение второй половины XVI — середины XVII вв. в Украине сложились самобытные формы социальной самоорганизации (городские братства в условиях действия в большинстве городов магдебургского права, казачья гетманско-полковая административно-военная система, самобытная церковная организация с выборными элементами и пр.). Данному обстоятельству содействовал и сопутствовал утвердившийся в Киеве со времен П. Могилы дух культурно-конфессиональной толерантности.

Подобные процессы имели место и в Белоруссии, причем в первой половине XVI в., во времена Франциска Скорины, здесь они проявлялись даже более выразительно. Однако впоследствии более стабильное состояние белорусского общества в рамках вошедшего (без Украины) в состав Речи Посполитой Великого княжества Литовского, отсутствие (после Грюнвальдской битвы) вызовов той силы, которая бы провоцировала масштабные трансформации, и другие обстоятельства определили его определенную инертность. Между тем, входя в состав канони-

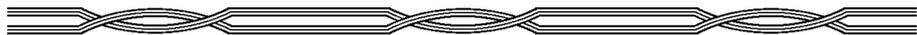

ческой территории Киевской митрополии, белорусские земли и в XVII — XVIII вв. были органически сопричастны культурному процессу, центром которого был Киев. Ярким примером тому является личность Симеона Полоцкого.

Результатом работы православных украинско-белорусских, прежде всего киевских культурно-церковных деятелей конца XVI — начала XVIII вв. стал самобытный синтез западных, в их преимущественно (но не только) католически-центральноевропейских формах, и местных, национальных традиций на прочном фундаменте православия, обновленного и развитого в соответствии с требованиями и духом времени. Этот, без преувеличения, подвиг в культурно-просветительском отношении обеспечил саму возможность дальнейшего развития Славянско-Православной цивилизации как чего-то особенного и самобытного в пределах Макрохристианского мира, где к тому времени, прочно и надолго, ведущую роль взял на себя Запад.

Совершенно иначе, более во взаимодействии и противостоянии с Тюркской (в татарской форме) субцивилизацией Мусульманско-Афразийского мира, чем с собственно Западом, происходило становление и первоначальное развитие Московско-Российской части Восточнославянско-Православной цивилизации. Раннее утверждение единого общепризнанного политического центра в лице Москвы, взаимодействие с достаточно сильными, но в принципе (с конца XV в.) не угрожающими политическому существованию православного царства татарско-мусульманскими государствами, а также отсутствие повседневного контакта с более богатым и интеллектуально изощренным оппонентом (как то было в городах Украины и Белоруссии) определили преимущественное развитие государственных институтов московского общества, при его подозрительном и предубежденном отношении ко всему иноцивилизационному.

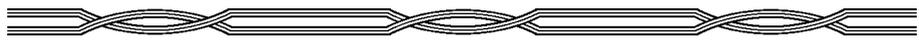
Отстаивание своего духовного наследия строилось не на его модернизации через творческое освоение чужого, в частности западнохристианского, культурного опыта, а путем жесткого, принципиального отторжения всего не-своего, за исключением, разве что, достижений в области военной техники. Попытки части образованных москвитов при Иване III и в последующие времена перенять элементы западной цивилизации сталкивались со стеной общественного непонимания и неизменно пресекались.

Московское царство строилось по мобилизационному принципу военного лагеря, находящегося в кольце врагов, с жесткой властной структурой, оборонным сознанием и отношением к инородным идейно-культурным веяниям как к проявлениям вражеской пропаганды. Это способствовало государственной организуемой консолидации (а иногда, как при Минине и Пожарском, и самоорганизации) населения, но препятствовало приобщению к активно разворачивавшемуся на Западе в XV — XVII вв. процессу цивилизационной трансформации, начало которому положили Возрождение, Великие географические открытия и Реформация.

Российский XVI в. прошел под знаком энергичного подъема и стремительного, начавшегося с Ливонской войны и Опричнины, банкротства Московского царства, завершившегося катастрофой Смутного времени. Самоуверенно-экспансионистский стиль поведения на международной арене Ивана Грозного, ввязавшегося в войну с чуть ли не всей Северной и Центральной Европой, при незавершенности борьбы с Крымским ханством (за которым стояла Османская империя), сменился осторожностью времен Михаила и начала правления Алексея Романовых. При всей непоследовательности их политики, ее общей тенденцией стало стремление к интегрированию в состав Московского царства Украины и Белоруссии, удавшейся лишь частично.

Однако не менее существенным был и процесс утверждения культурной доминанты образованных киевлян, преимущественно имевших духовные звания, в Москве в течение второй половины XVII в. Западные веяния проникали в Москву не столько через Немецкую слободу или, тем более, Архангельский порт, сколько через Украину и Белоруссию в уже православно-адаптированной форме. Так закладывались основы обновленного, уже пронизанного западным влиянием, синтеза традиций и наработок двух основных компонентов Славянско-Православной цивилизации — западного, украинско-белорусского, и восточного, московско-российского. К концу XVII в., тем более в течение первой трети XVIII в., их культурно-политический синтез в общих чертах был достигнут. И если Москва, а затем Петербург утверждались в роли “Третьего Рима”, то Киеву отводилось почетное место “Второго Иерусалима”, а то и “Вторых Афин”. Аккумулированный в Киеве культурно-

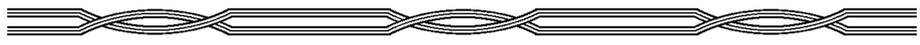

церковный потенциал был направлен на построение Петровской империи, и не случайно рядом с царем-реформатором мы видим масштабную фигуру идеолога и проектировщика его преобразований Ф. Прокоповича.

Построение и возвышение Российской империи осуществлялось, в значительной степени, за счет и в ущерб интересов Украины. В этом смысле принятое после долгих колебаний решение И. Мазепы выступить в Северной войне на стороне Карла XII нельзя сводить к плоскости сугубо личных мотиваций. Однако не следует забывать, что при Петре I и Екатерине II, действовавших уже в соответствии с принципами западного абсолютизма, вопреки не только украинским казачьим, но и московским государственным и церковным традициям, попрание национальных и региональных прав и свобод осуществлялось на всем пространстве империи. По отношению к Украине оно, в принципе, было не более жестоким, чем относительно традиционных норм и привычного уклада жизни самой России (квинт-эссенцией чего было старообрядчество).

Не следует забывать, что украинцы наравне с русскими были полноценно представлены во всех слоях российского общества, включая высшие государственные (вспомним А. и К. Разумовских, А. Безбородко, В. Кочубея) и предпринимательские (чего стоит одно семейство Терещенко!), не говоря уже о церковно-культурно-научной сфере (от Д. Туптало, С. Яворского и Ф. Прокоповича до В. Вернадского, М. Волошина или А. Вертинского). Более того, с конца XVII в. и в течение всего XVIII в. в церковной жизни и во многих сферах культуры выходцы с Украины явно преобладали (как Д. Бортнянский и Д. М. Березовский в музыке или Д. Левицкий и В. Боровиковский в живописи).

Украинский народ, по словам Л.Н. Гумилева, “в XVIII в. завоевавший ведущее место в Российской империи” [Гумилев 1993, с. 683–684], был полноправным участником всех сфер жизни этой державы с первых до последних дней ее существования. Все лично свободные люди украинского, как и русского или белорусского происхождения, через получение образования и государственную службу, творческие достижения, предпринимательскую активность и пр. продвигались по социальной лестнице на равных правах. Сказанное позволяет рассматривать созданную Петром I империю как явление не национального (таким были Московское

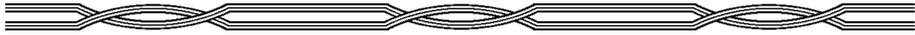

царство и казачья Украина — Гетманщина), а цивилизационного порядка. Господство в ее общественно-культурной жизни русского языка, каким он выступал и в советское время, свидетельствует лишь о том, что в силу вполне понятных исторических обстоятельств он стал общеупотребимым языком общения на имперско-цивилизационном уровне.

При этом не следует забывать, что речь идет о новом, литературном русском языке, в значительной мере разработавшемся в Петровские времена искусственно образованными украинскими книжечьями на основании старой украинской грамматики М. Смотрицкого с широким внедрением церковнославянской и староукраинской лексики. В своем законченном выражении он отличался от живых русских диалектов, распространенных в пределах бывшего Московского царства не менее, чем от украинских диалектов того времени.

В этом отношении русский литературный (общий для всех образованных восточных славян) язык XVIII в. подобен созданному тысячелетием ранее Кириллом и Мефодием церковнославянскому языку, который также не соответствовал ни одному из существовавших в то время наречий, но, вобрав лексику многих из них, был понятным во всем славянском мире. Подобным образом, на основе различных арабских диалектов, возник литературно-канонический арабский язык домусульманский поэтов (Имруулькайса и пр.) и Корана.

Как писал Н.С. Трубецкой, “на рубеже XVII и XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры (разр. — Н.Т.). Различие между западнорусской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала единой”. Далее этот выдающийся ученый продолжает: “Эта единая русская культура послепетровского периода была западнорусской — украинской по своему происхождению, но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и центр культуры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что эта культура стала не специфически великорусской, не специфически украинской, а общерусской” [*Трубецкой 1995, с. 367*]. Эта культура была культурой не национального, даже не просто имперского, а цивилизационного уровня, что, разумеется, предполагало и ее этническое измерение.

Иными словами, общероссийская и украинская культуры с обслуживающими их языками соотносятся между собой не как две национальные культурно-языковые формы (французская и немецкая или польская и чешская), а как цивилизационная и этнонациональная (как санскритоязычная и развивавшиеся на национальных языках хинди, урду, бенгали и пр. в Индии).

Такое состояние суть явление не исключительное, а, в широком историческом масштабе, вполне обычное для практически всех цивилизационных миров (Китайско-Восточноазиатского, Индийско-Южноазиатского, Мусульманско-Афразийского, Византийско-Восточнохристианского, Западнохристианского с эпохой Возрождения, а, в значительной степени, и Контрреформации) и больших субцивилизационных блоков (Иранского в пределах Мусульманско-Афразийской или Славянского в системе Византийско-Восточнохристианской цивилизаций). Напротив, отсутствие языково-определенного культур-цивилизационного пласта суть явление уникальное и характерно только для Новоевропейско-Североамериканской цивилизации со времен Французской революции (да и то не в полной мере, поскольку в Европе до начала XX в. повсеместно еще учили в гимназиях латынь).

Сказанное проясняет состояние действительной и искренней сопричастности обоим культурно-языковым системам — украинскому этнонациональному и российскому цивилизационному — большинства культурных деятелей украинского происхождения, и не только Ф. Прокоповича или Н. Гоголя, М. Максимовича или В. Вернадского, но и Т. Шевченко, писавшего по-русски не только художественную прозу, но и дневники. Украинское как национальное и российское как цивилизационное для большинства людей такого плана и сегодня не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Принципиально иную ситуацию мы наблюдаем в западноукраинской общественно-политической жизни. Здесь украинская национальная культура развивалась в иноцивилизационном для нее контексте, под влиянием польской и, отчасти, немецкой, но в условиях решительной конфронтации с ними. В отличие от Т. Шевченко, тем более, его друга Н. Костомарова, которые был вполне “своими” в литературно-художественных кругах Петербурга, И. Франко, прекрасно зная польскую и немецкую культуры, к ним не принадлежал.

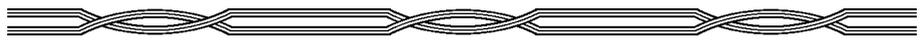

Обобщая сказанное, мы можем констатировать, что на рубеже XVII — XVIII вв. в результате синтеза ранее развивавшихся параллельно украинской культурной и московских политической традиций, при существеннейшей трансформации под воздействием Запада и как бы в тени его цивилизации, по крайней мере на его восточной периферии, институционально (в виде империи) оформилась Славянско-Православная цивилизация. Последующие два века ознаменовались ее крупными успехами. Однако “Второе Смутное время” начала XX в. продемонстрировало ее изначальные, так сказать “социогенетические” пороки.

Следует отметить характер внутрикультурной дуальности Восточнославянско-Православной цивилизации, особенно рельефный с эпохи Петровских преобразований. Она состоит в достаточно странном, отчасти механическом симбиозе западных, в значительной мере государственных, а затем и интеллигентских, социокультурных форм с традиционалистски-народными, православными, содержащими множество языческих элементов, формами. Это обстоятельство было отмечено уже П.Я. Чаадаевым [*Чаадаев, т. 1, с. 320–338*], а затем проанализировано ведущими отечественными мыслителями начала XX в. [*Вехи. Интеллигенция в России 1991*], в частности Н.А. Бердяевым [*Бердяев 1990*].

Народно-церковное и государственно-(интеллигентско)-светское начала были гетерогенными по происхождению, “своим”, отечественным и “чужим”, западным. Та форма их синтеза, которая была достигнута в Киеве XVII — начала XVIII вв. (на отрезке времени от П. Могилы до Ф. Прокоповича) была органична для украинских условий того времени. Но эксперимент по гибридизации западно-светского и народно-церковного во имя построения великой империи оказался далеко не во всем удачным. Киево-могилянская, в своей основе латинско-церковнославянская, ученость органично вошла в плоть и кровь староукраинской культуры, преобразив и возвысив ее. Но во всероссийском масштабе подобного не произошло. Западное просвещение не смогло или не успело до начала XX в. укорениться в толще народа. Оно лишь разложило духовные основания его мировоззрения и жизнеустройства, что если и не породило, то по крайней мере усугубило катастрофу 1917 г.

В Петровской, военно-бюрократической и крепостнической, империи человек оказался лишенным свободы в гораздо

большей степени по сравнению не только со странами Западной Европы и казачьей Украины, но и Московским царством. Если Запад в течение столетий развивался за счет раскрепощения индивида и его труда (при правовом оформлении соответствующих изменений), то в Российской империи закрепощение народных масс в течение XVII — XVIII вв. неизменно усиливалось. С середины XVIII в. по отношению к высшему классу заметны и иные тенденции (“Указ о вольности дворянства” и пр.). Но и в последнем случае либеральные начинания (Екатерины II, Александра I) сменялись противоположными (при Павле или Николае I). Новое, уже тотальное порабощение личности мы видим в XX в., в первой половине большевистского господства.

Петровская империя, а впоследствии в еще большем масштабе СССР, в своем экономическом развитии были ориентированы не на интенсивную (благодаря раскрытию частной инициативы, изобретательству, стимулированию личных мотиваций к труду и успеху), а экстенсивную модель. Ставка делалась на безжалостную, организуемую или по крайней мере обеспечиваемую государством, эксплуатацию казавшихся неограниченными природных и человеческих ресурсов. Достаточно вспомнить крепостные заводы и сталинские лагеря. При жестком централизованном управлении и заимствовании западной техники это порою обеспечивало успех. При крепостной системе разгромили Наполеона. Жестко централизованная экономика обеспечила победу во Второй мировой войне. Но после военных успехов, связанных с тотальным контролем и сверхнапряжением бесправного народа, наступал кризис, совпадавший с технологическим рывком (переход к паровым машинам, компьютеризация) на Западе. Его следствием были неожиданные поражения в Крымской и Афганской войнах. Попытки преодоления кризиса были связаны с малоэффективными реформами (Александра II, перестроечных лет), которые лишь обостряли общественные противоречия, становясь предвестниками краха всей системы.

Закрепощение личности (без чего мощную военно-бюрократическую многонациональную державу в принципе было невозможно создать), давая временный эффект усиления страны, в дальнейшем определяло крушение державы. Связанная с Петровской империей Восточнославянско-Православная цивилизация по своей природе была двойственностью. Будучи в ос-

---

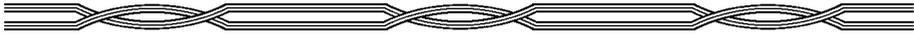
нове своей самобытной цивилизацией Восточнохристианского корня, она не только развивалась по схеме игры “вызовов” и “откликов” с Западом, но и в своем социокультурном основании уже с XVII в. (а на украинско-белорусских землях и ранее) органически содержала западное начало. Последнее, внося много продуктивного и стимулируя ускоренные (подчас даже губительно быстрые) темпы развития, в то же время органически не синтезировалось с традиционными основаниями народной жизни, что способствовало катастрофе начала XX в.

Однако, если Российская империя простояла все же три столетия, то гораздо более жестокая и бездушная советская не просуществовала и века. Немаловажную роль в относительно быстром (по историческим меркам) крахе последней сыграла ее (но, естественно, не общества в лице лучших его представителей) принципиальная, воинствующая бездуховность. Оказалось, что жизнеспособная цивилизация возможна лишь на прочных религиозно-культурных, идейно-ценностно-духовных основаниях.

Поэтому *Советский Союз не может считаться особой цивилизацией. По своей сущности он был геополитической квазицивилизационной системой.* Однако, в то же время, он представлял собою самоотрицание, выражаясь языком гегелевской философии “свое другое” Славянско-Православной цивилизации, и использовал ее потенциал до середины XX в. Крах СССР определил спектр возможных вариантов дальнейшего цивилизационного развития восточнославянских народов, один из которых предполагает обновленное восстановление (как Возрождение) собственной цивилизационной идентичности.

Анализ вопроса о соотношении Византийско-Восточнохристианской и Славянско-Православной цивилизаций в контексте Восточнохристианского средневекового и современного Макрохристианского миров позволяет снять (как не корректно поставленный) вопрос о том, относится ли Украина “к Европе” или нет; вопрос, имеющий сегодня столь ярко выраженную политическую подоплеку.

Украина, несомненно, принадлежит к Макрохристианскому миру (имея на своем юге, в виде Крыма, стыковую зону с Мусульманским миром), но в его границах относится не к Североатлантической, а (вместе с Россией, Беларуссией и, отчасти, Казахстаном) к особой Славянско-Православной цивилизации.

Ее западными областями пролегает переходная полоса между этими двумя основными цивилизационными компонентами Макрохристианского мира.

Византийско-Востонохристианскую и Славянско-Православную культурно-цивилизационные общности, при всем их родстве и преемственности следует считать отдельными самостоятельными цивилизациями. Их общность может быть определена более широким понятием — Востонохристианская цивилизационная система. В ее сфере две названные цивилизации оказываются связанными прежде всего (но, разумеется, не только) через Киевскую Русь. Последняя, будучи автономной субцивилизацией Византийско-Востонохристианской цивилизации в то же время стала основой Славянско-Православной цивилизации последующих веков. Огромную роль в формировании цивилизационных оснований Киевской Руси, а значит и всей Славянско-Православной цивилизации, сыграл средневековый Христианский Крым.

СУГДЕЯ В “ТЕМНЫЕ ВЕКА”

Проблема положения Сугдеи в эпоху раннего средневековья, безусловно, нуждается в особом и пространным, обобщающем исследовании, которое до сих пор отсутствует, тем более, что оно увязывается с непростой и неоднозначной оценкой взаимоотношения Византии и Хазарии в Таврике в VII — IX вв. Их статус выглядит весьма противоречивым, даже загадочным и трудно объяснимым без признания этих отношений кондоминатными с конца VII в. и до 40-х гг. IX в., когда в Таврике была создана первая византийская фема с центром в Херсонесе. До этого взаимоотношения Византии и Хазарии носили преимущественно мирный и дружественный характер. Каганат сохранял прочный, долговременный союз с Византией, а также заключил выгодный для обеих сторон договор о совместной борьбе против общего врага — арабов и о разделе сфер влияния в Закавказье.

В подобной ситуации Таврике, а значит, и Сугдее, вероятно, гораздо проще было оставаться зоной двойного владения обеих держав. Именно мирный, выгодный альянс с хазарами позволил Византии получить доступ к торговым путям в Китай, минуя контролируемую арабами территорию Ирана, что неминуемо отразилось на активизации северочерноморской торговли и посреднической роли византийских центров в Таврике. Сенсационными являются в этом плане результаты исследований находок компактного скопления более полутысячи византийских свинцовых печатей и заготовок к ним, которые были обнаружены начиная с 1977 г. в море, на глубине до двух метров, в бухте Лимена-Кале и при срытии берегового обнажения пляжа, на месте, где в портовой слободе Сугдеи VII — XI вв., вероятно, находилось аналогичное херсонскому здание византийской таможни и помещение с архивом, в котором хранились моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и финансовой службы [*Sandrovskaja 1993, p. 85–98; Шандровская 1995, с. 120–122; Степанова 1995, с. 13–14; Баранов 1994, с. 51–52; Баранов, Степанова 1997, с. 83–84*]¹. В частности, печати логофетов, коммеркиариев апофик и императорских коммеркий VII — середины IX вв. свидетельствуют о прямых торговых связях, су-

ществовавших в это время у города с территорией северного побережья Малой Азии (провинциями Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия), а также с Полемонием и столицей империи. Следует особо отметить, что каждая пятая из прочтенных 50 печатей судакского архива принадлежала архонтам Херсона и имела на лицевой стороне крестообразную монограмму с характерной тетраграммой *to so doulo*. Е.В. Степанова датирует все экземпляры таких моливдулов, числом не менее 11, IX в., однако надо учесть, что после середины столетия печати херсонских архонтов исчезают, будучи заменены печатями стратиггов [Степанова 2001, с. 24; Степанова 2002, с. 231]. Обилие моливдулов херсонских архонтов указывает, вероятно, не только на активизацию политических и экономических связей архонтата с Сугдеей, но и на ее подконтрольный, зависимый статус от ромейских властей Херсона.

Только наличием режима кондоминиума можно объяснить, почему, согласно славянской и армянской версий Жития Стефана Сурожского, здесь разместился хазарский тумен во главе с военачальником — тарханом при одновременном сохранении византийских светских и церковных властей, причем случилось это не ранее конца 40-х гг. VIII в., учитывая международную политическую ситуацию, ожесточенные столкновения 730-х гг. с арабами, отвлекавшие все силы хазар, а также последовательность повествования агиографа [ср.: Иванов 2002, с. 42–43; Баранов 1994 а, с. 14; Баранов, Степанова 1997, с. 83–87]. Именно этим хазарам можно приписать оборудование языческого святилища с очагами на ритуальной площадке, покрытой слоем глиняной обмазки, известкового раствора и обнесенной четырехугольной оградой [Майко 2001, с. 41–42]. Оно было устроено во второй половине VIII в. около XV куртины, но, примечательно, за пределами оборонительных стен города. Вряд ли присутствовавший здесь хазарский тумен насчитывал 10 тыс. воинов, поскольку вся армия Хазар-Тархана во время войны с арабами в 738 г., когда решалась судьба государства, насчитывала 40 тыс. человек [Тортика 2002, с. 250–251]. Но даже менее значительный военный отряд, если он имел место, численностью в 1–2 тыс. человек, на какие обычно разбивалась кочевая армия, указывает на зажиточность Сугдеи и ее округи, способных обеспечить военный лагерь хазар. Такой город был в состоянии “творити позор или конем уристание” для своих жи-

---

телей и съезжавшегося окрестного люда, как об этом рассказывает пространное славянское Житие Стефана Сурожского, хотя В.Г. Васильевский, в целом доверявший источнику, видел в данном пассаже “слишком роскошный анахронизм”, сотворенный буйным воображением далекого агиографа [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. ССХХХХVII, 86. 25–26; гл. 16*].

Согласно другому, синаксарному греческому житию, написанному уроженцем города, знатоком местных преданий, в “славном городе Сугдее” в правление патриарха Германа (715–730) уже был собственный предстоятель. После его кончины сугдейские власти обратились в Константинополь за новым иереем, отчего сюда из столицы прибыл в “царском корабле” Стефан, первым получивший от патриарха Константинопольского здешний епископский престол (ton archieratikon thronon) [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 73–74, гл.2; с. 84, гл. 13; ср.: Гадло 1991, с. 100*]². Армянский синаксарный вариант жития подтверждает эти сведения и уточняет, что назначение Стефана “епископом митрополии Сугдеи” состоялось при патриархе Германе и императоре Феодосии (715–717) [*Le synaxaire 1930, p. 867*].³

Следовательно, в условиях системы византино-хазарского “двоевластия” наблюдалось постепенное, методичное упрочение как торгово-экономических связей, так и позиций ромейской Церкви в Таврике, которые пока не встречали противодействия со стороны хазар, очевидно, долгое время и не помышлявших о превращении здешних земель в некую “Крымскую Хазарию”. О том же свидетельствует образование отдельной Готской епархии, случившееся, в свете последних уточнений, очевидно, никак не ранее второй половины — конца VIII в. [*Герцен, Могаричев 1991, с. 121; Герцен, Могаричев 1998, с. 116–118; Герцен, Могаричев 1999, с. 110–115*]. Можно добавить, что рассказывая о происхождении Иоанна Исповедника, в будущем епископа Готфии, его агиограф называл местом рождения святого “эмпорий называемый Партениты”, расположенный в VIII в. на “заморской земле Тавроскифов”, но уточнял, что эта область — страна (ten chora) подчинялась “готфской власти” (ton Gotthon telouses), а не хазарам [*Житие Иоанна Готского 1912, с. 401*]. Причем автор древнегрузинской обработки Жития св. Андрея, написанного Епифанием, именовал Херсон “городом Готов”, очевидно, полагаясь на более ранние данные [*Хождение 1909, с. 271–272, 282*]. Византийские исто-

---

рики конца VIII — начала IX вв. тоже не относили центры Таврики к Хазарии [Сазанов 2002, с. 220–222].

Нет оснований считать, как это делают А.И. Айбабин, Ю.М. Могаричев, К. Цукерман, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. и “несомненно, входила в область хазарских владений” [Айбабин 1999, с. 194; Могаричев 2001, с. 269, 270; Цукерман 2001, с. 333]. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-ремесленный центр — эмпорий, на что указывают археологические находки VI — первой половины VII вв., а во-вторых, хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно. Предания самих сугдейцев тоже не связывали возникновение их города (to kas[t]ron tes sougddaias) с хазарами и относили его к 5720 году от сотворения мира (212 г.н.э.), если следовать тексту приписок 1296, 1345 и 1411 гг. на полях Сугдейского синаксаря [Архимандрит Антонин, 1863, с. 61–63]. Ни в греческой, ни в армянской, ни в славянской редакции Жития св. Стефана Сурожского не сказано о том, что проповедь новоизбранного епископа велась среди “иноподцев”, “язычников — хазар”.

Вместе с тем, в Сугдее и ее пригороде жили не только греки и не только христиане. Уникальной является упомянутая выше находка рядом с оборонительной стеной каменного капища башенного типа с круглым в плане, из крупных валунов алтарем, выложенным по радиусу пилеными блоками песчаника, и с мощеной камнем дорожкой, подводившей с южной стороны. Севернее куртины XV, по склону от крепости располагался небольшой зольник, который содержал обломки как гончарной византийской керамики, амфор с зональным рифлением, столовой посуды, так и лепные сосуды, горшки, в том числе аналогичные позднепеньковской керамике Поднепровья [Майко 1998, с. 130–131]. В свете остатков этой культовой постройки становится понятно, почему прибывшему в Сугдею грекоязычному Стефану пришлось общаться с некоторыми из обращавшихся к нему через переводчиков, знавших два языка [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 85, гл. 15]. Видимо, именно так он мог “укреплять в вере верных и крестить неверных по всей этой языческой стране”, которая, впрочем, судя по находкам христианских храмов VIII — IX вв. в районе Судака, была

не столь уж языческой [*Le synaxaire 1930, p. 867; Гадло 1980, с. 137–140*]. Кроме того, послушать епископа и поговорить с ним приходил некий любимый преподобным “князь Юрий (Георгий) тархан”, который “по закону Божию правяще власть свою” [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 95, гл. 30*]. Если это и был тюрок, то крещеный, причем не обязательно Стефаном, ибо в таком случае составитель Жития не преминул бы упомянуть это лестное для его героя обстоятельство [ср.: *Баранов 1994 а, с. 28*].

Армянский синаксарный вариант Жития относит происходящее к правлению “Константина Коприна (Копронима), который правил с верой во Христа и с благочестием”, и уточняет, что хазарский царь Вирхор, отец жены Константина, хазарской принцессы Ирины, “в это время...жил в Керчи”, то есть Боспоре, который, учитывая свидетельства о наличии здесь византийского присутствия и церковных властей, являл собой, следовательно, такой же кондоминатный центр, что и Сугдея [подр. см.: *Сорочан 2001, с. 75–81*]. Хаган вызвал к себе “правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан”, но тот опасался идти, заявляя епископу Стефану: “Святой отче, царь зовет меня, и моя душа трепещет — зачем он меня призывает”, но святой успокоил его, объяснив, что “этот вызов — к добру”, что его зовут, чтобы женить, однако соединение его с этой женщиной “произойдет через три года и тогда же Георгий построит церковь во имя Святой Троицы” [*Le synaxaire 1930, p. 872–873*]. Следовательно, названный правитель несомненно христианин, который послушен воле Церкви, обладавшей в окраинных византийских владениях политической силой, не намного уступавшей светской власти. Он повинуется хагану, но делает это с оглядкой на византийского епископа. Все это тоже свидетельствует в пользу отсутствия серьезных столкновений между местными византийскими и хазарскими властями, действовавшими в Крыму в режиме соглашения о взаимном владении.

Константинопольское правительство желало быть уверенным в лояльности подданных своих заморских владений и пристально следило за всем происходившим там. В разгар иконоборчества не внушавший поначалу доверия епископ Сугдеи был отозван в столицу, куда его доставили на корабле специально посланные для этого императорские “воины-щитоносцы и исполнители судебных приговоров” (*synaspistas ... kai sympraktoras*) [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 75, гл. 3*]. Армян-

---

ский синаксарный рассказ уточняет, что это случилось незадолго до смерти Льва III в 740 г., когда Стефан, прибывший в столицу, вступил в конфликт с василевсом и попал в тюрьму, откуда был выпущен при Константине V благодаря заступничеству жены последнего, Ирины [*Le synaxaire 1930, p.871; Иванов 2002, с. 42*]. В 749 г. он крестил сына Константина, будущего Льва IV, и отплыл обратно в Сугдею на корабле царского флота, где застал появившегося к тому времени в городе Георгия Тархана и сугдейцев, как и ромеи, переживших к тому времени некие “трудные времена”, возможно, связанные с последствиями пандемии чумы 746–747 гг. [*Le synaxaire 1930, p.871–872; Иванов 2002, с. 43; ср.: Сорочан 1998, с. 341*]. Таким образом, “много испытал и вынесши”, Стефан со временем был вновь возвращен на прежнее место в прежнем сане, очевидно, сумев избавиться от опалы [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 76, гл. 4*]. Уже сам этот факт заставляет заподозрить в Стефане не столь стойкого и ревностного почитателя икон, каким его иногда хотят представить исследователи [см.: *Беляев 1994, с. 61; Сухоробров 2002, с. 76–77*]. Очевидно, Сугдея была не большим “оплотом православия”, чем Херсон, власти которого, духовные и светские, тоже не хотели идти наперекор воли Константинополя и множить ряды мучеников — иконодулов.

Синаксарь из Минологии Василия II, составленной в конце X — начале XI вв., добавляет к этому интересные детали, рассказывая о расправе над наиболее стойкими амнимоневтами в середине 60-х гг. VIII в. Один из них, стратиот, был отправлен Константином Копронимом в Херсон. В этом оплоте иконоборцев, верных императорскому курсу, его едва не убили, и, чтобы спастись от расправы, он был вынужден бежать в соседнюю Хазарию, после чего якобы был поставлен там епископом⁴; Стефан же, якобы неколебимо исповедовавший ортодоксальное православие, невзирая на это, был освобожден из тюремного заточения и выслан в Сугдею, где будучи епископом, принес много выгоды, пользы (*pollous orphelesas*), надо понимать не только в деле крещения язычников, укрепления верных в вере, но и в посредничестве с хазарскими властями [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CCIX; Auzepy 2000, p.326*]. Согласно синаксарному армянскому варианту Жития, он пробыл епископом 35 лет и умер в 70-летнем возрасте 15 декабря [*Le synaxaire 1930, p.874*]. Это могло произойти, исходя из раз-

---

ных сведений Жития, в период между 750–752 гг. и 765 г.⁵ Но в любом случае выходит, что под четырьмя заседаниями и определением Символа веры в актах VII Вселенского синода 787 г., вернувшего иконопочитание, стояли подписи одного из его преемников, тоже Стефана, “недостойного епископа города Сугдейского” (episkopos poleos sougdaon) [Darrouzes 1975, p.62–63; ср.: Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CLXIII].

Видимо, влияние морской торговли оказалось весьма благоприятным для процветания города и формирования его в течение VII — IX вв. как провинциально-византийского торгового порта и промыслово-ремесленного центра [Баранов 1987, с. 20–21]. Все это время шло его развитие, которое завершилось, в целом, к X в., когда на северном широком склоне Крепостной горы разрослись террасированные кварталы с упорядоченной планировкой, обнесенные оборонительной стеной с башнями, а рядом с портом, по склонам балки сложилась ремесленная слобода [Баранов 1986, с. 244]. Здесь обнаружены эргастирии, датируемые второй половиной VII — первой половиной VIII в., а остатки их производства — на дне бухты Лимена-Кале и у подножья Крепостной горы. К ним относятся отходы бронзового, медного, серебрянного литья, обломки самих литейных форм, заготовки и пробные отливки пряжек, разнообразных нательных крестов, поясные бляхи, ювелирный лом и заготовки ювелирных украшений, золотая бижутерия для расшиви одежды, проволочные серьги, а также амфоры, посуда, в том числе стеклянная, отчасти, видимо, местного происхождения, на что указывает весьма примечательная находка в 1993 г. глиняного сосуда с застывшей стеклянной массой [Баранов 1987, с. 23–24; Баранов 1994а, с. 20; Баранов 1994, с. 49–50, рис. 1–3; Баранов 1994б, с. 41]. Обращают внимание также находки в бухте Лимена-Кале свинцовых крестов и моделей корабельных якорей, которые изготовлялись ремесленниками в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда⁶. Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками, которые, вероятно, бросали их в море на удачу. Среди находок оказались и непременные аксессуары торгового оборудования — большое количество византийских маркированных гирь, остатки весов — зигий, монеты, чеканенные в правление Льва III, Константина V, Феофила, торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья [Баранов 1994, с. 52]. Последние указывают на развитие в это

время посреднической торговли с Востоком, в которой Сугдея играла, видимо, не последнюю роль.

Нельзя не заметить, что оба Жития, краткое греческое и пространное славянское, изображают Сугдею как город с греческим, христианским обликом, в котором кипит деловая жизнь. Епископ Стефан излагал свои поучения, проповеди “не только в церкви, но и в домах и на торжищах”, причем приходившие слушать его “ремесленники оставляли свои дела, а строители городские свои строения” [*Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 85–86, гл. 15–16*]. В данном случае этот житийный штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство продолжало вестись в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии [*Баранов 1990, с. 47, 55*]. Здесь же, на берегу бухты Нового Света, на склонах г. Перчем и в пос. Лесное действовали мастерские с большими двухярусными гончарными горнами для обжига амфорной тары VIII — X вв., бронзолитейные эргастии, на что указывают находки криц, известняковой литейной формы для изготовления колтов, остатки литейной печи, шлак [*Баранов 1994, с. 52, рис. 3, 4*].

Видимо, именно активным развитием обработки цветных металлов на основе привозной сырьевой базы объясняются поставки в Сугдею меди, свинца, имевшие место в это время. Кроме находок слитков на дне гавани города на это же указывает моливдул второй половины VIII в. или рубежа VIII — IX в. с отгиском имени Феофана халкопрата — торговца медными изделиями [*Шандровская 1997, с. 93; Шандровская 2000, с. 252–254, рис. 1: 6*]. Следует согласиться с издателем печати, что последняя могла быть прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза меди или изделий из нее, либо сообщавшему об отсылке товара. Наконец, одна из приписок на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (ta egkainia) кафедральной церкви города — св. Софии, “храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (793 г.)” (agias ou logu sophias polei sougdaia)⁷. По мнению А.И. Айбабина, этому легендарному храму соответствует самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик VIII в., открытая в 1978 г. в окрестностях Сугдеи. Расстояние между плечами ее центральной апсиды составляло 12 м, а стены, сложенные из крупных, грубо тесаных плит сланца, были уложе-

---

ны на “постели” [Баранов 1986, с. 243]. К сожалению, раскопки на этом месте не были продолжены и говорить о принадлежности строительных остатков кафедральному храму города следует с большой осторожностью, учитывая его нахождение далеко за пределами оборонительных стен. Но в любом случае, похоже, что пик злополучных “темных веков” был для сугдейцев и жителей округи, состоявших отчасти из крещенных, оседлых болгар, салтовцев, все же не самым плохим временем⁸. Если они и контактировали с хазарами, это было эпизодично, непоследовательно, как и хазарское военное присутствие, о котором опять-таки молчат летописные источники, хронографы, повествующие о походе князя Бравлина, повоевавшего в конце VIII или первой половине IX вв. земли “от Корсуня до Корчева” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CXLII — CXLIII, 95, гл. 53; Горский 1844, с. 191–196].

Когда согласно свидетельствам пространного славянского Жития Стефана Сурожского, Кубасовского хронографа и одной из поздних редакций Новгородской летописи, “Русь из Нова града” во главе с князем Бравлином в правление василевса Михаила III, в 6360 г (851 / 852 г.) (по другим версиям — в самом конце VIII в. или в первой четверти — первой половине IX в.), после десятидневных сражений ворвалась в Сугдею, “силою изломив железнаа врата”, это был греческий город, причем с богатыми церквями, такими как кафедральный храм св. Софии с гробничным мавзолеем епископа Стефана [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CXLII — CXLIII, 95, гл. 53; Горский, 1844, с. 191–196; Бобринский 1905, с. 106–107]⁹. Разбив двери храма, захватчики нашли на гробе святого царские одежды, “и жемчуг и злато и камень дорогой, и кадила злата и сосудов златых много” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 95]¹⁰. Сама цель похода — “повоевать Греческую землю (то есть византийские владения — С.С.) от Херсона и до Корчева” (Боспора), огрabitь эти места, указывает на то, что северные соседи Романии, кто бы они ни были, знали о благоприятном состоянии хозяйственного развития южных районов Таврики, где можно было поживиться не только зерном и невыделанными шкурами. Еще раз следует подчеркнуть, что в представлении агиографов и летописцев это была греческая, а не хазарская или печенежская земля.

Л.Н. Гумилев полагал, что нападение воинов Бравлина, которых он вслед за Г.В. Вернадским, М.И. Артамоновым, А.Г. Кузьминым отождествлял с русами — ругами, выходцами из Южной Прибалтики, было инспирировано ромейской дипломатией, как удар по хазарам, но оказалось крайне неудачным, ошибочным ходом, поскольку повлекло разгром церковью Готии и усиление позиции иудаизма в Хазарии [Гумилев 1989, с. 124–127; ср.: Анохин 1996, с. 168–170]¹¹. Однако стал ли этот вражеский рейд столь разрушительным, пострадал ли сам Херсон или Боспор? Ведь источники говорят о временном, непродолжительном захвате византийской территории “от и до”, но не самих городов¹². Если учесть, что ромейские города рассматривались вместе с прилегающими землями как одно целое, тогда выражение “от Херсона до Боспора” означает только территорию, находившуюся в значительной части в распоряжении сугдейцев и, судя по обилию печатей херсонских архонтов IX в., контролировавшуюся херсонскими властями [Степанова 2001, с. 24]¹³. Кроме того, войдя в Сугдею с мечом, Бравлин принял там же крещение со своими воинами, что следует расценить как успех ромейской дипломатии, и сделал богатые приношения — вернул наиболее ценное церквям “в Корсуни и Корчи и везде” вместе с пленными мужчинами, женщинами, детьми, захваченными “от Курсуня до Корча”, после чего ушел, “и град и люди и попов почтив” [Труды В.Г. Васильевского 1915, с. 96].

В Сугдее, центре, возможно, уже архиепископии, в это время шло какое-то общественное, культовое строительство, с которым связаны остатки известнякового карниза с плохо сохранившейся греческой надписью, шрифт которой сравним с надписью 70–80-х гг. IX в. из фракийской Месемврии [Соломоник 1991, с. 177–178, № 4]¹⁴. Раскопки городища богаты находками белоглиняной поливной посуды IX — X вв., а в многоярусных погребениях того же времени, в частности в четырех типично византийских каменных склепах с коробовым сводом возле куртины XIV, где были похоронены, судя по поминальной надписи на штукатурке, знатные сугдейцы — христиане, встречаются остатки разнообразных по своему рисунку византийских и импортных шелковых тканей, расшитых золотной и серебряной нитью [Баранов 1990, с. 80, 107, 154–156; Баранов 1994 б, с. 38]¹⁵. Следовательно, отсутствие с середины IX в. среди моливдулов из архива Сугдеи печатей имперских коммер-

киариив при одновременном появлении здесь печатей стратиггов Херсона может свидетельствовать не о сокращении торговли и резком падении ее значения в жизни Сугдеи, а о переходе ее во второй половине IX — X вв. под контроль властей новообразованной фемы в лице херсонского стратига и подчиненных ему херсонских коммеркиариив, печати которых, напротив, появляются в херсонском сфрагистическом архиве как раз с середины IX в. [см.: *Stepanova 1999*, p. 47–58; *Stepanova 2001*, p. 67; *Степанова 2001*, с. 21, 24–28; *Булгакова 2002*, с. 37–41].

Вероятно, прежде всего именно обоюдное развитие тесных связей империи с Херсоном, Сугдеей, Южной, Юго-Восточной Таврикой и Боспором, который окончательно покинули хазары, стало основной причиной очередной стабилизации жизни края с конца IX в. [*Якобсон 1964*, с. 58 сл.]¹⁶.

Таким образом, ни остатки материальной и духовной культуры города, греческие, провинциально-византийские в своей массе, ни наличие следов властного вмешательства византийской администрации, ни роль крупнейшего христианского религиозного центра на крымской земле не позволяют согласиться с заявлением о том, что в 30–40-е гг VIII в. Сугдея якобы была захвачена болгарами и превратилась в “столицу Крымской Хазарии”, каковой — праболгарской — оставалась до 40-х гг. X в., когда была разгромлена хазарскими войсками под предводительством Песаха в отместку за поддержку городом союзных Византии войск русов во главе с Хелгу (Халгу) [ср.: *Баранов, Майко 2000*, с. 83–84]¹⁷. Если это и была своеобразная “столица”, то лишь юга Таврики, на которую ромейские власти с конца VII в. до 30-х гг IX в. смотрели вместе с хазарам как на кондоминатную территорию, а затем целиком забрали под контроль империи.

Примечания

¹ Мнение о создании этой таможни ...хазарами (sic!) выглядит полной нелепостью [см.: *Айбабин 1999*, с. 205]. Совместная с ромеями эксплуатация этого, действительно, важнейшего торгового порта региона предусматривала обоюдное согласие сторон на любое нововведение фискального характера, что, очевидно, и было достигнуто.

² В VIII в. Сугдея могла на время стать вместо кавказской Никопсией (Nikopseos) центром Зихской автокефальной епархии, которая включала Херсонскую, Боспорскую и Никопсийскую кафедры. Во

всяком случае, notiция де Боора (Даррузе № 3), созданная в своей основе, скорее всего, к концу VIII — началу IX вв., называет центром епархии именно Сугдею, тогда как предыдущие и последующие notiции помещали его в Никопсии, которая отождествляется с Нечепсухо, расположенном на территории зихов — джигетов [см.: *Darrouzes 1981, Notitiae 1, № 64, p. 31, note 3; p. 206; Notitiae 2, № 68, p. 218; Notitiae 3, № 84, p. 232; Notitiae 4, № 69, p. 266; Хрушкова 2002, с. 62*].

³ Le synaxaire armenien de Ter Israel // *Patrologiae Orientalis*.— Paris, 1930.— Vol.21.— P. 867.

⁴ Рассказ об этом был впервые включен в составленное в 807 г. Стефаном Диконом Житие Стефана Нового, убитого в 764 / 765 г. [*Stephanus 1864, col. 1181; Герцен, Могаричев 1992, с. 187; Герцен, Могаричев 1999, с. 104*]. А.Л. Бертье-Делагард предлагал понимать в данном случае под Хазарией политический термин, означавший Боспор или земли на южном берегу Крыма, на которые распространялось влияние хазар [*Бертье-Делагард 1920, с. 46*]. Однако нельзя исключить возможность существования миссийного округа в собственно Хазарии, за пределами Таврики, где мог действовать предстоятель без постоянной кафедры или архиерей, время от времени служивший проповеди среди “неверных” наездами с византийской территории, то есть епископ in partibus infidelium [ср.: *Кабанец 2002, с. 120*].

⁵ Точкой отсчета может служить либо время правления Феодосия (715–717), либо время патриаршества Германа (715–730) [ср.: *Иванов 2002, с. 43*]. Наиболее близкие к указанным основные хронологические вехи биографии Стефана Сугдейского в свое время предложил Фридрих Вестберг на основе критики греческого и славянского текстов Жития [*Вестберг 1908, с. 228–233*].

⁶ Уже само наличие крестов не позволяет видеть в этих предметах некие языческие талисманы, которые приносили в святилище на берегу бухты “в качестве одного из пожертвований морским богам” [см.: *Шаповалов 2002, с. 276–279, рис. 1: 1–8*].

⁷ Архимандрит Антонин отметил, что “летоисчисление этой любопытной заметки не подлежит сомнению. Оно записано дважды. В первый раз перо писца прорезало пергамен, что и заставило его повторить написанное. В прилагаемом facsimile можно видеть и то и другое письмо” [*Архимандрит Антонин 1863, с. 615, № 135; ср.: Труды В.Г. Васильевского 1915, с. CLXIV; Брун 1880, с. 127*].

⁸ Экономический упадок Сугдеи со второй половины VIII в., постулируемый И.А. Барановым, не вяжется с его же собственными наблюдениями, и, скорее, надуман, дабы “захват города хазарами” выглядел убедительнее [см.: *Баранов 1994, с. 52*].

⁹ Обычно и без достаточных оснований историки считают Бравлина новгородским или даже киевским князем, и это предположение давно стало расхожим мнением [ср.: *Веникеев, Артеменко 1992, с. 48*].

¹⁰ Даже если мы имеем дело с обычным агиографическим клише, склонным все гипертрофировать в ту или иную сторону, показательно, что составитель *Жития* выбрал именно такой штамп, свидетельствующий о богатстве, а не о захудалости этого епархиального центра Таврики.

¹¹ Если поход действительно пришелся на 851/852 г., тогда этот вывод отчасти совпадает с мнением Г. Вернадского, А.В. Гадло и К. Цукермана относительно того, что массовое обращение хазар в иудаизм произошло только около 860–861 г., хотя правящая верхушка приняла его значительно раньше [*Vernadsky 1940–1941, p. 76–86; Гадло 1968, с. 64; Zuckerman 1995, p. 237–270*]. Впрочем, надо заметить, основания для такого вывода достаточно гипотетичны [возражения см.: *Chekin 1998, p. 13–34; Shepard 1998, p. 11–34*].

¹² Не был ли это один из тех критических моментов, во время которых, судя по воспоминаниям епископа Митрофана, находившегося в ссылке в таврических краях именно в 850-х гг., херсониты превратились в “обитателей тюрьмы”, боявшихся в прямом смысле высунуть нос за пределы городских стен? В таком случае к нагнетанию тяжелой обстановки вокруг города и в нем самом приложили руку не только хазарские “воеводы” и разбойники — венгры, но и русы-руги, которые, понятно, были для херсонитов не лучше прочих варваров-язычников.

¹³ Уже Фридрих Вестберг указал на то, что *Chersonos kai Bosporos* могло означать как города, так и области, поскольку такие словоупотребления встречаются, к примеру, у Константина Багрянородного, и резонно добавил: “Мне кажется немислимым, чтобы русское войско... в один прием завоевало все крымское побережье с такими твердынями, какими были Корсунь и Керчь” [*Вестберг 1908, с. 234*].

¹⁴ В качестве самостоятельной архиепископии Сугдея впервые упомянуто в Нотии, составленной в начале первого патриаршества Николая Мистика (901–907), которая отражала ситуацию предыдущих ближайших десятилетий [*Darrouzes 1981, p. 53–78, 273–274*].

¹⁵ Четыре склепа VIII — X вв. с внешней стороны куртины XIV Судакской крепости открывший их И.А. Баранов связал с погребенными, обряд захоронения которых нес иудейские и языческие черты [*Баранов 1990, с. 133; Баранов 1991, с. 145–159*]. Эти

“черты” свелись к использованию элементов кладки “в елку” при сооружении дромосов, к наличию в склепе № 1 конского черепа, копыта и черепа барана, а в склепах № 3 и № 4 — остатков кострища поверх тех костяков, что лежали на полу погребальных камер. При этом все остальные черты явно указывали на погребение здесь христиан: крест с расширяющимися лучами, процарапанный по сырой штукатурке, то есть еще во время строительства, железный крест в склепе № 1; обломок бронзовой поясной пряжки с рельефным крестом греческого типа; остатки греческой христианской надписи, скорее всего, погребального характера, процарапанной по сырой штукатурке, крюк в своде для подвешивания лампы или лампадофора, железный кованный крест на груди одного из погребенных в склепе № 4. На этом фоне “остатки жертвоприношения” выглядят явно вторичными, да и появление костей животных не бесспорно является указанием на иудеев и хазар. К примеру, в склепе № 75/1987 г. из западного некрополя Херсонеса вместе с многочисленными погребенными V — VII вв. тоже были найдены на одной из лежанок череп, нижняя челюсть и длинные кости конечностей коня, а кроме того деформированные человеческие черепа, лепные сосуды, использовавшиеся как курильницы, но в целом по устройству и остальному инвентарю это были типичные ранневизантийские погребения [Зубарь, Бунятян, Шевченко л. 6]. Кальцинированные человеческие кости из сугдейских склепов тоже могли не иметь отношения к обряду трупосожжения, а быть теми частями костяков, поверх которых оказались позже разложены костры. Сам факт организации трупосожжения внутри небольшой закрытой камеры вызывает подозрение. Полное сожжение человеческого тела требует довольно много горючего материала и продолжительного горения. Поэтому уж если требовалось совершать его, то на открытом пространстве, по крайней мере, перед входом в склеп, куда потом можно было перенести остатки кремации. Таким образом, склепы Сугдеи демонстрируют явные христианские черты и сомнительные языческие, недостаточные для того, чтобы можно было говорить о религиозном синкретизме того и другого [ср.: Майко 2001, с. 39–40, рис. 1]. Наличие в конструкции сугдейских каменных склепов с коробовым сводом на извести элементов кладки *opus spicatum* тем более не может служить основанием для их отнесения к погребальным сооружениям тюркской родовой знати, даже принявшей христианство. Этот строительный прием усвоили и местные каменщики. В немногочисленном погребальном инвентаре черты, характерные исключительно для салтовских памятников, крайне немногочисленны, и в целом все обнаруженное носит явный провинциально-византийский облик. Наличие же поминального храма над одной из подземных усы-

---

пальниц с многоярусными погребениями, которую неверно называть костницей, указывает, что сооружение имело характер типичного ромейского мартырия [ср.: Баранов 1994а, с. 28; Майко 2002, с. 149–154, рис. 1–3].

¹⁶ Ныне принято считать, что к концу IX в. пределы Хазарии не заходили на запад далее Дона. Ибн Русте, отразивший ситуацию, сложившуюся к 880-м гг., указывал, что между “страной печенегов”, находившейся тогда уже на правом берегу Дона, и “землей хазар” “10 дней пути по степи и лесам”, причем без торных дорог и прямых путей, а “от хазар до Серира (Страны гор — Аварии)” — “12 дней пути по степи”, то есть при любых понятиях дня пути (пешего или верхом) речь шла о нескольких сотнях километров — от 250 до 700 [см.: Михеев, Тортика 2000, с. 154, 160–161]. Что касается Боспора, то совершенно очевидно, что хазар уже не было в нем в 873–875 гг., когда архиепископ Боспора Антоний писал патриарху Фотия о богоугодном решении крестить всех боспорских иудеев, очевидно, желая лишней раз подчеркнуть, что разделяет политику василевса Василия I в отношении обязательного крещения евреев в Византии [*Photii Patriarchae...* 1983, p. 132; Могаричев 2001, с. 273]. Подобная акция, как неоднократно подчеркивали исследователи, была бы совершенно немислима в городе, удерживаемом хазарским гарнизоном и, следовательно, оставшемся под властью хазар, уже массово принявших иудаизм [ср.: Якобсон 1964, с. 55; Константин Багрянородный 1989, с. 334, комм. 1 к гл. 11; Айбабин 1997, с. 8]. Впрочем, отсутствие в самом Боспоре хазар еще не означает, что они все ушли из Крыма, якобы были вытеснены оттуда венграми, как полагает К. Цукерман и исследователи, разделяющие его мнение. Все праболгарские объекты восточной части Таврики существовали без изменений на протяжении второй половины IX — первой половины X вв. Неизменной оставалась материальная культура. Кочевнические же погребения Причерноморья, связываемые с венграми, датируются не раньше середины X столетия и неизвестны в Крыму [см.: Майко 1998а, с. 14].

¹⁷ Стоит заметить, что поход Песаха не имеет надежных датировок, а если Сугдею все же отнести к числу трех городов, разгромленных хазарским военачальником, тогда следуя указанию Кембриджского анонима, она должна была принадлежать “Роману”, то есть византийскому императору, и, значит, рассматривалась как ромейский, а не праболгарский город.

ГРИФОН НА АНТИЧНЫХ МОНЕТАХ

Грифон — фантастическое животное, представляющее собою гибрид льва и орла, прочно вошло в число любимых персонажей человечества. Среди подобных существ составить ему конкуренцию могут только дракон и сфинкс.

Первобытные люди относились с большим уважением к диким животным. Большое впечатление на них производили могучая сила крупных хищников, умение змей убивать жертву ядом, способность птиц к полету. С возникновением религии животные становятся частью культа, они связываются с определенными божествами или сами выступают в роли божеств.

Наряду с реальными животными, в религиозной мифологии появляются и синкретические существа такие как: сфинкс — смесь человека и льва; химера — чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом змея; единорог — лошадь с длинным рогом; гипокамп — гибрид лошади и дельфина, пегас — крылатый конь и т. д.

Такого же круга фантастическое животное — грифон, по-видимому, возникло у древневосточных народов: ассирийцев, вавилонян, персов. От них оно было перенято и другими народами: скифами, евреями, греками. Само слово, по-видимому, происходит от персидского глагола “giriften”, означающий захватывать или держать.

Первое упоминание о грифонах в греческой литературе содержалось в поэме некоего Аристея из Прокооннеса, написанной около 675 г. до н.э. Отрывки из нее сохранены в более поздних произведениях. Драматург Эсхил в пьесе, написанной около 460 г. до н.э., называл грифонов “... собаки Зевса”, которые никогда не лают и стерегут золото в стране гипербореев [*Aeschyl. Prom. 803, след.*].

Греческий историк и врач Ктесий Книдский в 404–387 гг. до н.э. был на службе у персидского царя Артаксеркса II. Там он написал две книги по истории Персии и Индии, в которой он не был. Таким образом сообщения о последней отражали персидские представления об Индии. Тем не менее, книги Ктесия пользовались популярностью в античном мире, а сведения в ней содержащиеся считались достоверными. Поскольку они оказали сильное влияние на других античных авторов, стоит

привести сохранившиеся фрагменты в изложении Фотия и Элиана:

“Имеется и золото в Индийской земле, которое, однако, не в реках разыскивают и промывают, как в реке Пактоле, но и обширных и громадных горах, в которых обитают грифы, четвероногие птицы величиной с волка, с ногами и когтями, как у льва. Перья на всем теле — черные, а на гуди — красные. Из-за них-то обильное в тех краях золото и добывается с трудом” [Фотий 26].

Золото, которое охраняют грифоны, всего лишь один из символов, воплощающих идею бессмертия [Юрченко 2002, с. 64]. По заключению Мирче Элиаде, змеи, драконы, грифы, охраняя сокровища, всегда охраняют пути к бессмертию, ибо золото, алмазы и жемчуг есть символы воплощающие в себе сакральное начало и дарующее силу, жизнь и всеведение [Элиаде 1999, т. II, с. 126].

Основные моменты в пересказе Ктесия Фотием в более развернутом виде повторяются у Элиана:

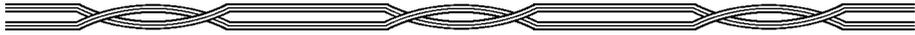
“Бактрийцы, соседние с индийцами, рассказывают, что [грифы] являются сторожами этого золота... Индийцы же, наоборот, отрицают, что [грифы] являются сторожами этого золота, так как грифы не нуждаются в золоте, но индийцы сами отправляются на сбор золота. [Грифы] же, обеспокоенные за своих птенцов, нападают на приближающихся. Они также вступают в борьбу и с другими живыми существами и легко одаливают их, кроме льва и слона, с которыми не могут бороться” [Элиан. 4.27].

У древних писателей присутствует мнение о большой враждебности грифов к лошадям. В выписках из античных авторов у Исидора Севильского читаем:

“Всеми частями тела они — львы; крыльями и лицом похожи на орлов, чрезвычайно враждебны по отношению к лошадям” [Исидор Севильский. XII. 2. 17].

Д.С. Раевский связывает столкновение двух животных с космогонией: гриф — хищник из нижнего (хтонического) мира против травоядных, символизирующих средний мир [Раевский 1985, с. 110].

Плиний Старший (римский ученый-энциклопедист I в. н.э.) подвел своеобразный итог представлениям древних о грифонах. Он отмечал, что животное имело страшный клюв, крылья и уши и вырывало золото, когда рыло себе нору. Сам Плиний не был склонен принимать на веру легенду о грифах [Плиний. VIII. 120]. Греческий путешественник Павсаний (II в. н.э.) описал грифона как комбинацию орла и льва. Он полагал, что жили грифоны в краях, где золото выходит из самой земли [Павсаний. I. XXIV. 5, 6].

В классическое время грифоны часто используются в качестве сюжетов на золотых изделиях, сделанных греческими мастерами для скифов. В скифском искусстве, главной особенностью которого был так называемый звериный стиль, существовало явление, известное под названием “зооморфные превращения”. Суть его в том, что какие то элементы главного персонажа несли в себе изображения и других животных. Например, хвост льва венчался головой орла. Вот почему греческие синкритические существа очень хорошо прижились в скифской среде. Может быть, грифоны в скифском искусстве имели и переднеазиатское происхождение, уходя корнями во времена скифских походов на Передний Восток и в Малую Азию. В различные времена и у разных народов грифон символизировал стремительность, великодушие, силу, бдительность, осторожность, лояльность, двойственность и смертоносность. У греков чаще всего выступал как символ Аполлона, солнца и неба. В древней Греции грифон был гербом (по-гречески парасимоном) достаточно большого числа полисов. На первом этапе монетной чеканки в Греции монетный тип многих центров имел апотропеический (отпугивающий) смысл. В этом плане охранитель-грифон подходил как нельзя лучше. Впервые в качестве монетного типа и одновременно герба грифон был выбран жителями малоазийского города Теоса (рис. 1: 1). Его электорные монеты имели довольно грубые изображения головы грифона. Существует мнение, что на Теосе изображение грифона связано с культом Аполлона Гиперборейского. В 544 г. жители Теоса, не желая попасть под власть персов переселились всем городом на новое место и основали город Абдери. Среди монетных типов нового города грифон также занял видное место (рис. 1: 2).

В Северном Причерноморье великолепное изображение грифона появляется на золотых статерах города Пантикапея — столицы Боспорского царства (рис. 1: 3). Вряд ли следует связывать это изображение с заимствованием чужого монетного типа. Для боспорян грифон, по-видимому, был наделен особым смыслом. Нужно отметить два существенных момента. Во-первых, с самого начала Боспорское царство формировалось вокруг, вероятно, находившегося в Пантикапее храма Аполлона. Во-вторых, к моменту выпуска золотых статеров Боспор становится крупнейшим в греческом мире экспортером зерна. На монете грифон стоит на пшеничном колосе. Не трудно догадаться, что в данном случае грифон выступает как охранитель хлебных богатств государства.

Не меньшее место занимает изображение грифона и в монетном деле Херсонеса, западного соседа Боспора. Грифон изображался как на лицевой, так и на оборотной сторонах нескольких типов крупной медной монеты второй половины IV в. до н.э. (рис. 1: 4). Затем на лицевой стороне мелких серебряных монет второй четверти III в. до н.э. И наконец на оборотной стороне крупных медных монет с изображением Афины в коринфском шлеме на лицевой стороне, которые датируются последней четвертью III в. до н.э. (рис. 1: 5).

Рис. 1. Грифоны на античных монетах.

Как видно, грифон принадлежит к числу наиболее популярных в Херсонесе эллинистического времени монетных типов. Можно предположить, что в этом полисе в условиях постоянной конфронтации с варварами, грифон выступал символом защиты полиса от неприятеля.

Если подвести итог, то можно достаточно уверенно утверждать, что из всех функций грифонов наиболее утвердившейся в сознании людей была функция охранительная. Грифон используется на многих гербах европейских городов, в частности на гербе Лондона. Характерно, что грифон фигурирует на первом гербе, возникшего на месте древнего Херсонеса Севастополя.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ И ХАЗАРИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Среди вопросов связанных со средневековой историей Таврики, одним из наиболее актуальных остается проблема взаимоотношений Византийской империи и Хазарского каганата в зоне их непосредственного соприкосновения и взаимовлияния — на территории Крымского полуострова. В обширной научной литературе, посвященной этой проблеме, наметилось три основных подхода к ее решению. Так, согласно одному из них, Крым продолжал оставаться частью Византийской империи. Наиболее последовательно эту точку зрения продолжает отстаивать В.Е. Науменко, который справедливо отмечает, что в VII в. особое внимание имперской дипломатии было обращено к северным границам государства. Бассейн Черного моря, который всегда был огромным рынком сбыта и одновременно источником разнообразного сырья имел для Византии чрезвычайно важное торгово-экономическое значение. С потерей северо-западного побережья Черного моря, в результате образования Болгарии, и восточного — как следствие арабской экспансии, сохранение позиций в указанном регионе для империи приобретает особую актуальность. Крым, в таких условиях, становится стратегическим звеном северной границы, потеря которой для империи нанесла бы ощутимый удар по безопасности и экономическим интересам [Науменко 2001, с. 337–339].

Согласно другой точке зрения, весь Восточный Крым и Боспорский пролив полностью контролировал Хазарский каганат. В Боспоре находилась резиденция хазарского наместника и хазарский гарнизон, который оставался там до конца IX в. [Айбабин 1999, с. 187–190, 226; 2001, с. 7]

С.Б. Сорочан, не отрицая присутствия хазар на территории Крыма и, в то же время, аргументированно указывая на активную политику и явные признаки византийского влияния, предлагает модель совместного, кондоминатного хазаро-византийского владения [Сорочан 2001, с. 76–81; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 266–267].

Вместе с тем, даже сторонники активной хазарской экспансии указывают все же на наличие тесных союзных отношений между Византией и Хазарией. Так, например, А.А. Ва-

---

силев, разбирая события 710/711 г., связанные с низложением Юстиниана II и провозглашением Вардана-Филлипика, пишет: “Переворот 711 г. совершился при помощи хакана, и с этого момента на продолжительное время между Византией и хазарским государством устанавливаются дружественные отношения” [Васильев 1927, с. 198]. Анализируя этот же исторический эпизод М.И. Артамонов спрашивает: “Что выиграли от своего участия в деле ниспровержения Юстиниана хазары? Они обеспечили за собой прочный долговременный союз с Византией, договорились о совместных действиях против общего врага — арабов — и о разделе сфер влияния в Закавказье.”. [Артамонов 2002, с. 217]. А.И. Айбабин в свою очередь, обращаясь к трактовке указанных событий, делает заключение: “После инцидента с Юстинианом II Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией” [Айбабин 1999, с. 205]. Вместе с тем, автор указывает, что в этническом составе населения в начальный период хазарского протектората до 787 г. “не произошло каких либо существенных изменений. Продолжали функционировать все возникшие ранее города, поселения и некрополи” [Айбабин 1999, с. 197].

Таким образом, сторонники всех указанных направлений не отрицают союзных и дружественных отношений между Византией и Хазарией и лишь два эпизода в истории их взаимоотношений приводятся исследователями как свидетельство усиления власти каганата в Крыму и выражение хазаро-византийского противостояния — это события связанные с “карательной” экспедицией Юстиниана II и “антихазарское восстание Иоанна Готского”.

Учитывая ключевое значение этих событий для понимания характера хазаро-византийских отношений считаем необходимым рассмотреть их в контексте церковной истории. Надеемся, что данный малоизученный аспект будет полезен для дальнейшего изучения проблемы.

Как неоднократно отмечалось исследователями, еще с начала VII в. резко осложняется геополитическое положение Империи, войны на севере и востоке приводят к нарушению ее целостности, а к концу столетия государство теряет богатые восточные провинции (Месопотамию, Сирию, Палестину, Египет). На востоке хотя и воинственную но аморфную Персию заменя-

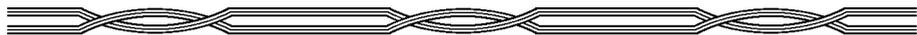

ет объединенный грозный арабский халифат. События на балканском полуострове, который с середины VII в. почти весь уже находился в руках славян привели впоследствии к образованию самостоятельного Болгарского царства в 681 г.

По мнению некоторых исследователей такое положение Византии, привело к ухудшению ситуации в Крыму. Византия на их взгляд уже не могла обеспечивать охрану своих отдаленных владений в Таврике, чем, будто бы воспользовались хазары которые стремились утвердить свою власть в Северном Причерноморье. Хазарское влияние становится преобладающим. Власть Византии становится номинальной или же в некоторые года совсем исчезает [Зубарь, Павленко 1988, с. 76–77; Талис 1961, с. 64–67; Баранов 1993, с. 141–143; Зубарь 1999, с. 294], а хазарский протекторат с конца VII в. коренным образом изменил политическую ситуацию в Крыму, что в VIII в. разрешает кагану собирать дань с крымских городов и поселений [Айбабин 2001, с. 7; 1999, с. 226].

Кризис, который поясняется следствием будто-бы упадка городов и торговых связей, нашествием хазар и распространением иконоборческого движения, воспринимается как темная полоса почти в два столетия (со второй пол. VII до второй пол. IX в.), пора глубокого запустения и угасания, на грани полной гибели [Якобсон 1959, с. 362; сравни: Романчук 2000, с. 82–85].

Одним из аргументов такого кризиса среди письменных свидетельств считают письма римского папы Мартина I, что были написаны ним в 655 г. из ссылки в Херсон своим друзьям в Константинополь. Их неоднократно приводили и анализировали в научной литературе [Бородин 1991, с. 173–190; 1991а, с. 47; 1992; Шестаков 1908, с. 115–124; Якобсон 1959, с. 202]. Одни авторы использовали их для иллюстрации упадка городов, в первую очередь Херсона, торговли, сельского хозяйства, резкого послабления связей с Византией, что в свою очередь будто приводит к упадку христианства и восстановления языческих представлений и традиций [Якобсон 1959, с. 35–37; Зубарь, Павленко 1988, с. 76–77]. Другие же настаивали на преувеличениях и субъективизме в жалобах “старого и больного человека”, которые не соответствуют действительности и не могут дать представления о всей поре “темных веков” [Романчук 1972, с. 42–55; Романчук, Седикова 1991, с. 31–32; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 212–214].

По нашему мнению особенности плохого содержания папы Мартина I в Херсоне нельзя воспринимать вне контекста всего сказанного о преследовании мученика, а также без учета специфики жанра житийной литературы. Не следует забывать, что задание жития — это освещение агиографического идеала, что должно помогать восхвалению святого и подавать пример для подражания. Даже если агиографу были хорошо известны подробности жизни святого, то несоответствующие приподнято-назидательной концепции образа детали им замалчивались либо видоизменялись [*Византийские легенды 1972, с. 256–257; Дагрон 2000, с. 295–296*]. Ведь и в предшествующих местах заключения (остров Наксос, Константинопольская тюрьма) папа Мартин I также нарочно содержался в страданиях и голоде, что было обязательным элементом наказания и мести императора, а также подчеркивало терпение и стойкость понтифика [*Бородин 1991а, с. 56; Карташев 1994, с. 419–420*]. Показателен и подобный характер расправы со сподвижником и единомышленником папы — Максимом Исповедником, арестованного в то же время в Риме и высланного без “одежды и питания” во Фракию, а позднее — в Лазику [*Карташев 1994, с. 425–426*]. Таким образом, последовательность событий подчеркивает желание императора подвергнуть наказанию непокорного понтифика и создать ему невыносимые условия, которые, по его мнению, как раз и могли быть обеспечены в Херсоне, где близкое проимперским взглядам население [о проникновении монофизитов в Херсонес см. например: *Зубар 2000, с. 228*] не воспринимало бы его как героя и мученика а сильная администрация обеспечила бы выполнение наказания¹.

Также следует обратить внимание, что кроме строк, посвященных Херсонесу, большая часть как первого (XVI) так и второго письма (XVII) папы посвящены нареканиям на отсутствие сочувствия и помощи у его друзей, близких и подчиненных, призывам к соблюдению ними православных правил, выполнения христианских обязанностей [*Бородин 1991, с. 178–180, с. 178–180*]. Поэтому понятно, что на фоне таких укоров, враждебно настроенные жители Херсона получают характеристику безбожников, которые якобы восприняли языческие обычаи, ведь папа был активным противником монофелитства и исповедовал иной символ веры.

Подобные обвинения в язычестве были обычными для богословской и исторической литературы VII — IX вв. и нередко

применялись к оппонентам в ходе христологических дискуссий. Например, Феофан и Никифор характеризуют иконоборческих императоров Льва III и Константина V как “склонных к колдовству язычников с кровавыми жертвами и обращением к демонам”. А диакон Стефан говорит, даже, о существовании храма где практиковались человеческие жертвоприношения. Конечно, что такие черты невероятны для императоров VIII в. [*Успенский 1951, с. 216–219*].

Аналогичный литературный прием был характерным и для агиографии Крыма. Так же язычниками православная традиция считает павликиан, сравнивая их с последователями Мани [подробнее см.: *Бартиян 1966, с. 323–358*], а армянская церковь, отпавшая от вселенского православия в 451 г., считала своих противников еретиками и последователями Нестория [*Макарий (Булгаков) 1994, с. 146–147*].

Следует подчеркнуть, что императоры VII–VIII в., стремившиеся к объединению с восточной церковью во избежание религиозных дискуссий перед лицом арабского нашествия, шли на уступки представителям оппозиционных течений, независимо от того как их называли: монофизиты, монофелиты, иконоборцы, павликиане, язычники и т.п.² Главное, что все эти названия удостоверяют отклонение от определенных православных догм и традиций и кроме вопроса о почитании икон затрагивали самые существенные вопросы христианского вероучения: о воплощении Бога-Слова, о Богородице, о монастырях и монастырском способе жизни, также подвергались колебанию обряды и формы богослужения, Надо не забывать, что это противостояния кроме церковных противоречий носило и социальный характер [*Успенский 2001, с. 231–232*].

Таким образом, жизнеописание и письма из Крыма папы Мартина не могут быть иллюстрацией как экономического кризиса в городе так и отсутствия христианской общины или церковного упадка. Наоборот, источники разрешают предположить, что в Херсоне к тому времени существовала довольно широкая христианская община в среде которой преобладали сторонники официального проимператорского монофелитского направления, а администрация города, лояльная к императору, обеспечила суровое наказание непокорного понтифика.

О значительном распространении монофелитских настроений в Крыму в конце VII — в начале VIII в. свидетельст-

---

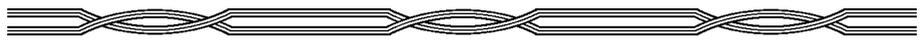
вуют и события связанные с приходом к власти Вардана-Филиппика в 711 г.

Известно, что Вардан являлся упорным сторонником монофелитства и был близок к ученикам Макария Антиохийского [Поснов 1991, с. 454], единственного среди всех участников VI Вселенского собора категорически осудившего и отвергшего диафелитство, за что его и лишили сана и предали анафеме [Карташев 1994, с. 436–437].

Византийского сановника, знатного армянина Вардана, еще Тиберий Апсимар (698–705) обвинял в намерениях захватить трон византийских императоров, и заслал его на остров Кефалинию, кстати сказать, на запад империи, где традиционно преобладали ортодоксальные взгляды [Артамонов 2002, с. 215]. А Юстиниан II, вторично захватив императорский престол, переправил Вардана в Херсон, возможно, руководствуясь, основанной на собственном опыте, уверенностью о преданности жителей города официальной власти и несклонностью их к измене.

Однако Вардану удалось найти поддержку среди местного населения. Вероятно, этому также способствовала религиозная политика Юстиниана II, направленная на активное налаживание контактов с Римской церковью, разорванных после Пято-Шестого Вселенского собора в 692 г. [Кулаковский 1996, с. 277–278]. Старания Юстиниана II завершилось признанием Римской церковью постановлений собора и прибытием римского Понтифика в Константинополь в 710 г. Торжественный прием папы насторожено был воспринят Константинопольским духовенством и конечно мог вызывать неудовольствие монофелитски настроенных восточных епископов, в том числе и в Крыму.

Сообщения о событиях 711 г. в Крыму как у Никифора так и Феофана начинаются с указания на “злопамятство” Юстиниана, который помня о заговоре против него “херсонитов, бофориан и остальных климатов” снаряжает большой флот для “истребления мечем всех жителей [Чичуров 1980, с. 63–64, 164]. В работах некоторых исследователей уже отмечалось, что несмотря на подобные свидетельства, указанные события нельзя воспринимать как месть Юстиниана II и карательные акции против жителей города, якобы приведшие к установлению хазарского протектората над Херсоном и Готией [Бертъе-Деллард 1893, с. 79–81; Артамонов 2002, с. 214; Сорочан, Зубарь,

Марченко 2000, с. 221–225; Науменко 2001, с. 348]. Однако в научной литературе утвердилась традиция о мести как основной причине экспедиции Юстиниана II, чему способствовало отсутствие в источниках информации о Вардане и его намерениях, что вполне объяснимо с точки зрения ортодоксальной позиции Феофана и Никифора³. К тому же, на наш взгляд, слишком буквально воспринимаются слова Феофана, который отрицательно относился к Юстиниану II, изображая его как мстительного и беспощадного человека⁴. Так, при описании эпизода сильного шторма во время перехода в Болгарию у Феофана, слуга в отчаянии перед лицом гибели просит императора: “Вот, господин, погибаем мы, так дай богу обет во имя твоего спасения не наказывать никого из твоих врагов, если бог вернет тебе царство”. Но в гневе ответил ему Юстиниан: “Да потопит меня бог на этом месте если я пощажу кого-нибудь из них” [*Чичуров 1980, с. 63*]. Этот эпизод, как нам кажется, следует воспринимать не как обещание мести херсонитам, а как отказ от обычая публичного покаяния и исповеди перед лицом смерти, принятого в христианской церкви уже с конца IV в. [*Каждан 2002, с. 74–78*]. Такой отказ должен характеризовать императора, с точки зрения Феофана, как человека безбожного, ибо без покаяния не прощаются грехи, а грешники лишены Царства небесного и надежды на воскресение.

Ход событий, связанных с экспедицией Юстиниана II, хорошо известен и достаточно часто подвергался анализу исследователей. Следует прибавить лишь, что перечень должностей, которые занимали откомандированные Юстинианом II в Крым чиновники — патрикии, спафарии, логофет геникона, эпарх города, турмарх — подчеркивает важность акции и серьезность намерений императора, а также характерен для фемного устройства [*Константин Багрянородный 1991, с. 173; Продолжатель Феофана 1992, с. 56–57, 345–346; Соколова 1983, с. 145–168; Алексеенко 1998, с. 737–741; Цукерман 1997, с. 312–316*]. Возможно военная реорганизация предполагала и религиозные реформы. Сопротивление местного населения, которое заставило Юстиниана II организовать три экспедиции в Крым, наверное было вызвано нежеланием переходить как к новой системе воинской повинности, которое предполагается фемной организацией, так и непониманием религиозной политики императора. Так, источники изображают жалкое положение (при-

---

нудительная вербовка, суровая дисциплина, плохое обмундирование, притеснения военачальников и др.) рядовых стратиотов в тех регионах Византии, где было введено фемное устройство [Рудаков 1997, с. 202, 272].

Необходимо также отметить, что после первой экспедиции, в результате которой были захвачены и доставлены василевсу Тудун и Зоил, вместе с другими сорока важными мужами, снаряжается новый флот который должен был вернуть в Херсон Тудуна и Зоила и восстановить их в прежней власти а доставить Юстиниану спафария Илью и Вардана. Странные манипуляции если исходить из того, что единственным мотивом действий Юстиниана II была месть. Но было уже поздно — жители крепостей послали к кагану в Хазарию, просить войско для своей охраны. В Крым отправляется третий, большой флот под командованием патрикия Мавра.

Хазары, которые пришли на помощь по приглашению жителей города, внезапно напали на патрикия Мавра, чем заставили его присоединиться к повстанцам и “наступило перемирие”. Вардан же переправился к правителю хазар и после провозглашения императором был возвращен грекам в обмен на денежное вознаграждение [Чичуров 1980, с. 83–85, 164–166]. Такая система “залогов” в денежных или политических соглашениях была распространенной в те времена. Например по сообщению того же Никифора под 626 г. при заключении Ираклием союза с аварами против персов, он, закрепив договор дарами, взял на себя обязательство выплатить двести тысяч номисм и дал в заложники своего сына и других родственников [Чичуров 1980, с. 160–161; Никифора патриарха.. 1950, с. 355] По нашему мнению из описания событий 711 г. следует, что хазары выступают в них как наемное войско — появляются по приглашению, через послов, херсонитов и жителей других крепостей и требуют оплаты [Науменко 2001, с. 347]. Подобная практика службы варваров под знаменами империи за предоставление земель для поселения и денежную плату была характерна для того времени и уходит корнями в предыдущие столетия [Кулаковский 1996, с. 352–360]. Соответственно, хазары также не были заинтересованы во внедрении фемного устройства. Нужно заметить, что после введения таки фемы в 841 г. [Цукерман 1997, с. 315] союз хазар и Византии распадается, а может это связано с введением и победой православия в Крыму?

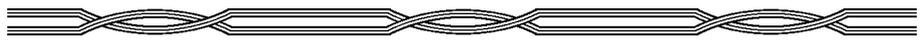
С другой стороны не следует недооценивать и религиозной почвы популярности Вардана. Монофелитские призывы и агитация Вардана могли найти поддержку в Херсонесе и других городах Таврики с сильными христианскими традициями и монофелитской ориентацией. Монофелитская оппозиция от времен Константина IV, после победы православия на VI Вселенском соборе продолжала тайно существовать. Об упорной преданности нового императора монофелитским идеям свидетельствует, в частности, и созыв ним, сразу после прихода к власти, церковного собора с целью отмены положений и предание анафеме VI Вселенского собора. Итак, именно религиозный фактор мог быть, на наш взгляд, основой очередного дворцового переворота. Следует учитывать, что государственный переворот Вардана-Филиппика был одним из многих, что имели место в Византии в те времена и по характеру мало чем от них отличался. За три десятилетия с 695 по 717 гг. на Византийском престоле сменилось семь императоров [*Чичуров 1980, с. 11*]. Все они окрашены религиозной борьбой и опирались на силу местных военных объединений.

Зарождение антиюстиниановского восстания на территории Крыма, активное участие в его подготовке “жителей Херсона, Боспора и других климатов” (архонств) становится понятной в контексте политической и церковной истории того времени и свидетельствует, что Таврика продолжала входить в состав Византийской империи и переживала те же самые процессы что и другие провинции [*Науменко 2001, с. 348*].

Второй эпизод, который раскрывает характер хазаро-византийских отношений относится к концу VIII в. и отображен в “Житии Иоанна Готского”.

Греческий текст Жития, переведенный на русский язык [*Никитский 1883, с. 25–34*] и впервые научно проанализированный В.Г. Васильевским [*Васильевский 1878, с. 86–154; 1912, с. 351–427*], уже на протяжении длительного времени находится в центре внимания ученых и до сих пор сохраняет свою актуальность [историографию научного изучения до 1974 г. см.: *Баранов 1974, с. 151–153*; в последнее время к анализу жития обращались: *Герцен 1983, с. 58–66; Герцен, Могаричев 1991, 119–122; 1992; 1999; Айбабин 1999, с. 211–212; Сорочан 2001, с. 332*].

С легкой руки первого исследователя, который охарактеризовал епископа Иоанна не только как “духовного вождя” го-

тов, а и как их “предводителя в борьбе за народную независимость, патриотическим и как бы национальным деятелем” [Васильевский 1912, с. 400], события, описанные в житии почти все исследователи рассматривают как антихазарское восстание и каждый предлагает свои причины противостояния. Одни авторы усматривали в описанных событиях восстание народа против феодальной верхушки Готии, поскольку, якобы приглашенные для его подавления хазары казнили лишь “рабов” [Бабенчиков 1935, с. 145–155]. Другие интерпретировали их как реакцию тесно связанной в культурном и экономическом отношении с соседним Херсоном христианской Готии на реформы Обадии [Артамонов 2002, с. 331], или трактовали как столкновение экономических и военно-стратегических интересов наибольших феодальных государств того времени — Византии и Хазарии [Баранов 1974, с. 151]. В любом случае использование “Жития Иоанна Готского” для обоснования противостояния между местной христианской властью и хазарским каганом, который захватил власть, стало уже стереотипным и трафаретным. Это, в свою очередь, побуждает к поиску новых критериев оценки исторической информативности произведения и использование его данных с позиций тщательного источниковедческого анализа.

Чтобы безосновательно не сожалеть о потере “значительной и наиболее важной в историческом отношении” части текста и не сетовать, что автор “чрезвычайно лаконичен в характеристике политического лица” епископа, будто бы такого “неосведомленного в религиозных делах” обратимся сначала к общественно-исторической ситуации в Византии и Константинополе, а также к теории и структуре агиографической литературы.

После смерти Льва IV Хазарина (775–780) в 780 г., регентшей при Константине VI (780–797) к власти приходит Ирина (797–802), известная (как афинянка) своим иконопочитательским воспитанием. Это стало началом острой борьбы за власть, которая в то время не могла быть вне религиозных представлений [Курбатов, Фролов, Фроянов 1988, с. 150–151, 152–162; Сюсюмов 1963, с. 199–226; Цукерман 2001, с. 333]. Иконоборческая партия, которая спланировалась вокруг братьев Льва IV старалась путем переворота поставить к власти Никифора, но Ирина раскрыла заговор и начала расправляться со своими соперниками, не желавшими ей повиноваться и оказы-

---

вавшими сопротивление. Противостояние правящих кругов в империи хорошо иллюстрируют события вокруг созыва VII Вселенского собора, которые в конце концов привели к победе иконопочитания [подробнее см.: *История Византии* 1967, Т. 2, с. 60–64; *Поснов* 1991, с. 455–469; *Карташев* 1994, с. 476–511]. Следует отметить большое внимание и настойчивую последовательность, которые обнаружила Ирина при подготовке собора, начавшейся еще в 784 г. и связанной, помимо всего прочего, с выбором нового патриарха.

Первая попытка открыть собор 7 августа 786 г. в Константинопольском храме Святых Апостолов была сорвана приверженцами иконоборцев среди епископов, которые заручились поддержкой военных. Ирина после этого еще более чем год расправлялась с непокорными и готовилась к новому созыву собора. Она разоружила и вывела из Константинополя ненадежные полки. Двор, будто бы в связи с угрозой войны с арабами, эвакуировала в европейский тыл. Заменила новыми силами Константинопольскую гвардию, отправив ветеранов в отставку. И все же, по причине противостояния с иконоборческими силами, не отважилась снова созвать собор в Константинополе. Местом его проведения была определена Никея [*История Византии* 1967, т. 2, с. 62].

Автор “Жития Иоанна Готского” был хорошо осведомлен о перипетиях утверждения иконопочитания, что уже показано в исследовании В.Г. Васильевского [*Васильевский* 1912, с. 407–413], и, разумеется, преувеличивая, по законам жанра, предоставляет центральную роль в этих событиях Готскому епископу. Не будем специально повторять свидетельства осведомленности автора жития об исторической ситуации вокруг утверждения иконопочитания накануне собрания VII Вселенского собора. Подчеркнем лишь, что и полученная синодики от Иерусалимского патриарха, передача ее в Константинополь, и свободное выступление в столице в защиту иконопочитания (кстати, как и в Житии Тарасия) не следует воспринимать как историческое свидетельство соответствующее действительному участию Иоанна в указанных событиях. Прежде всего, таким образом раскрывался подвиг епископа, передавался смысл его святости, что специально подчеркивалось описанием разгона первой попытки собрания собора. Преувеличение и трафаретная неточность здесь возможна по законам жанра и та кой прием

имеет широкий круг аналогий. Ведь, как уже отмечалось, основная задача “жития”, которое писалось для широкого круга верующих, должно было иметь поучительный характер и вызывать уважение к православному святому. Но главный христианский подвиг Иоанна Готского приводится дальше, предшествующие же его описанию главы 2, 3, 4, в которых повествуется о путешествии Лонгина с письмом в Иерусалим, свободной проповеди о почитании икон, встрече с Ириной в Константинополе и связи с патриархом Павлом, лишь показывают преданность Иоанна Готского православию и подчеркивают важность персонального участия. Все это специальные литературные приемы, которые используются и в других житиях для подчеркивания иконопочитательской позиции, благочинности определенного святого (см.: жития Тарасия, Георгия Амастридского, Стефана Нового).

Вот как события, которые предшествовали созыву собора, освещаются в Житии: “... то в первый раз заседали в храме Святых апостолов, и, когда они [участники собора — *А.Ф.*] провозглашали догматы православия, толпа Схолариев, сделав нападение с мечами и палками, разогнала этот собор оскорбив сим и “величество” [на соборе присутствовала Ирина — *А.Ф.*]; за что они (Схоларии) с женщинами и детьми числом около 6 тысяч, и были изгнаны в ссылку, а с ними и некоторые из еретиков-епископов” [*Никитский 1883, с. 28*]. Кстати, лишь в этом источнике приведена цифра наказанных войск. Далее идет небольшая ремарка, о том, что со временем те же самые епископы и заместители апостольского престола все таки собрались в Никее и изложили определение православия.

Следует отметить, что после описания разгона собора в 4 главе Жития, начало 5-й главы возвращает нас к событиям в Храме Святых Апостолов. Глава 5 начинается словами: “А сей преподобный епископ Иоанн после этого...” [*Никитский 1883, с. 28*], что говорит об определенной связи с предшествующим текстом, мыслями и событиями. То есть, когда собор был разогнан епископ Иоанн поддался репрессиям у себя на родине: “...был выдан начальникам хазар”, как приверженец православия он равно как и участники собора 786 г. был захвачен воинскими силами (хазарами), зависимыми от определенных кругов Константинопольской администрации, которые противостояли Ирине, желая таким образом сократить количество ее приверженцев на соборе.

Следует подчеркнуть, что в тексте Жития совсем не идет речи хазарском господстве на Доросе, до “восстания” и якобы ставшем его причиной, или же о возобновлении власти кагана после ареста Иоанна. Наоборот, отказу подчиниться хазарам, в начале главы 5, предшествует — “А сей преподобный был выдан начальникам хазар”. Это сообщение хорошо согласуется с описанными в главе 4 реальными событиями, произошедшими в Константинополе в Храме Святых Апостолов в августе 786 г. [*Никитский 1883, с. 27–28; Васильевский 1912, с. 407–413*]

Далее речь идет о том, что Иоанн “вместе с самым властителем Готии, его начальниками и всем народом” [*Никитский 1883, с. 29*] отказался подчиниться упомянутым хазарам, а воинскую стражу, оставленную каганом, выгнал и захватил клисуры — систему укреплений в балке Каралез. Клисуры — горные укрепленные проходы по В.Г. Васильевскому, который, кстати, оставил решение вопросов их локализации специалистам [*Васильевский 1912, с. 419*]. Если соотнести клисуры (клейсур) с системой укрепленных проходов к Мангупу, предложенной И. Пиоро и В. Сидоренко [*Пиоро 1990, с. 69; Пиоро 2000, с. 22–23; Сидоренко 1991, с. 115*] то тогда становится понятно как могла произойти измена (выдача “своим народом” [*Озепи 2000, с. 328; Герцен, Могарычев 2002, с. 622–623*], “одним городком”) архиерея, описанная в Житии, ведь именно южнее стен, в верховьях балки Каралез и было расположено поселение (городок) с остатками трехнефной базилики VII — X в. После измены жители Готии подчинились (послушались) Хагану, который казнил лишь 17 невинных рабов и взял под стражу преподобного Иоанна, помиловав его учеников и властителя Готии. На отсутствие жестокости кагана и снисходительность хазарской стражи, присущей “подавлению восстания” уже обращали внимание и другие исследователи. Складывается впечатление, что главной задачей хазарской военной миссии было не подавление восстания, а заключение преподобного Иоанна под охрану, дабы воспрепятствовать ему принять участие в соборе. Когда же ситуация изменяется он получает возможность бежать и переправиться морем в Амастриду. Такой ход событий объясняет и отсутствие его подписи под актами VII Вселенского собора.

Между прочим, возложение именно на Иоанна ответственности за прибытие в Дорос хазар, можно найти и в тексте

всецело панегирического Жития: “Другой кто-то несправедливо осуждал преподобного, как виновного в том, что укрепление Готии было передано Хагану и некоторые несправедливо убиты”. Однако, тот, кто распространял такие слухи, чудесной силой был смертельно наказан [*Никитский 1883, с. 33*].

И наконец, последние слова главы 5, на наш взгляд, раскрывают суть конфликта. Услышав о кончине Хагана Иоанн сказал: “И я, братья, через сорок дней отхожу, чтобы судиться с **моим гонителем** (выделено — *А.Ф.*) пред Судьей и Богом” [*Никитский 1883, с. 29*].

С точки зрения религиозной ситуации в империи можно объяснить и путаницу с подписями во время подачи голосов в протоколах собора. Вместо одного, определенного варианта подписей, существует несколько. Так, в протоколе четвертого заседания, где сформулировано постановление о почитании икон, и где стояли собственноручные подписи присутствующих, подписался монах Кирилл, представитель Иоанна епископа Готии. Но в протоколах других заседаний среди подписавшихся от имени епископа Готии фигурируют и другие лица. Например, дважды повторено имя Никиты, будто бы по невнимательности секретарей, как считает В.Г. Васильевский [*Васильевский 1912, с. 416*]. С точки же зрения М.Ф. Озепи подписи в актах фиксируют двух епископов Готии — Иоанна и Никиту [*Озепи 2000, с. 327*].

Однако, количество подписавшихся имело решающее значение, ведь для полной легитимности собора он должен был быть не менее представительным чем собор 754 г., где присутствовало 338 человек. Но максимум полноправно подписавшихся не превышало 308 человек и потому особенностью собора было привлечение к подписанию многих монахов. Со временем патриарх Никифор в письме к Папе Льву III назовет этот собор “Собор 350 отцов” [*Карташев 1994, с. 493–494*].

Таким образом, вместо популярной в специальные литературе концепции антихазарского восстания, учитывая все высшее сказанное, можно предположить, что не позднее августа 786 г. в Дорос прибывает воинская хазарская миссия, которая вероятно выполняет указание определенных иконоборческих сил в Константинополе, чтобы предотвратить участие Готского епископа Иоанна в VII Вселенском соборе. Столкновение завершается арестом преподобного и удержанием его в тюрьме,

---

возможно, самое позднее до 23 октября 787 г., то есть до конца заседаний. Потом он беспрепятственно переправился в Амастриду, где прожил еще почти 4 года и умер в 791 г., что согласуется с датой смерти и у других исследователей.

Хр. Лопарев считает, что Жития святых, как исторический источник тесно связанный с церковно-политическими течениями данной эпохи, появляются во время обострения церковных споров, неизбежно порождающих “своих героев” [*Лопарев 1911, с. 42*]. Но с другой стороны, утверждение определенного течения христианства требует активизации поучительных действий официальной церкви, чтобы просветить паству и укрепить среди народа определенные приоритетные символы веры (воспитательная, поучительная и просветительская деятельность духовенства и церкви). Чаще всего жития входили в состав синаксарных книг и использовались во время внебогослужебных собраний прихожан и монахов для благочестивого чтения, пения псалмов и молитв в воскресенье и праздники, где читались жития святых дня [*Барсов 1995, с. 572*].

То есть во второй половине VIII — IX в. территория Крыма (Крымские епархии) входят наравне с другими Византийскими епархиями в круг активной христианизации империи, что отвечало возрастанию потребностей государства и церкви, и является одним из доказательств существования как широкого круга христиан, так и монастырей и монастырской братии, бывшей не только потребителями житийной литературы, но и ее творцами.

И хотя сохранившиеся источники немногочисленны, они показывают, что удаленные города крымского побережья и Крымская Готия играли определенную роль в политической и религиозной жизни Константинополя [*Озепи 2000, с. 325*]. На наш взгляд такая ситуация не дает возможности уверенно говорить про широкую иконопочитательскую иммиграцию в Крым и повсеместное возникновение здесь монастырей.

В Житии Стефана Нового, святой дает направление иконопочитательской иммиграции, по нашему мнению уже *post factum*, (сравни например о. Кипр: известно, что после выселения оттуда греков, и даже переведение Критского епископа в Кизик, в 688 г. греков после договора с арабами снова туда заселяют).

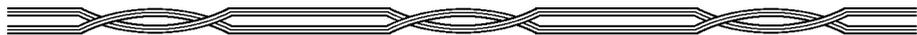
Доказательства же о переселении из Малой Азии в Крым мы находим и в Житии Иоанна Готского, ведь его дед был выходцем из малоазийского города Вона, фемы Армениаков

[Рудаков 1997, с. 202, 272]. О том, что это был не одиночный случай свидетельствуют и плитовые могилы, с конца VII в. появляющиеся в Крыму [Баранов 1990, с. 18–19; Айбабин 1999, с. 92–93]. И, вдобавок, переселение в Крым не обязательно связывать лишь с иконопочитательской монашеской иммиграцией, она в самом деле не была очень широкой [Герцен, Могаричев 2002, с. 620–622]. Плитовые могильники, которые появляются в Крыму в конце VII в. могут быть связаны с переселением из Южного побережья Черного моря после победы православия в Константинополе на VI Вселенском соборе.

Если предположить принадлежность преобладающей части населения Крыма к монофелитской оппозиции то легко можно согласовать дискуссию между приверженцами и противниками иконопочитательской иммиграции и возникновением монастырей. Для того чтобы доказывать отсутствие монастырей в иконоборческой Таврике [подробнее см.: Могаричев 1993, с. 213–225; Воронин, Даниленко 1992; Филипенко 1993, с. 108–125] совсем не нужно опровергать появление плитовых могил на юге Крыма во второй половине VII в., или связывать их возникновение лишь с процессом широкой христианизации и иконопочитательской миграции, как это делает А.И. Айбабин [1990, с. 69]. Ведь возникновение плитовых могил указывает не только на распространение и победу христианства, а в первую очередь на приток населения. Миграция населения в Крым по нашему мнению была связана с победой православия на VI Вселенском соборе в 680–681 г. при Константине IV (668–685) [Карташев 1994, с. 439–441]. До этого события, за почти 50-летнее благосклонное отношение императорского двора к монофелитским идеям сформировался круг оппозиции и хотя переход к православию был мирным и почти единодушным, не исключено что не все с этим смирились. Те кто не смирился, возможно и были вынуждены переселиться. События же начала VIII в. в Крыму, связанные с противостоянием Юстиниан II и Вардана-Филиппика подтверждают преобладание именно монофелитско настроенной, а совсем не иконопочитательской иммиграции.

По нашему мнению, совершенно справедливо отмечается, что в VII–IX в. политический интерес Византии к Таврике не только не уменьшился, но даже наоборот — возрос. С потерей многих восточных провинций и нестойкой позицией в западной

и восточной части Причерноморья. Крым вместе с торговыми городами и поселениями занимал важное место в системе владений Византии в Северном Причерноморье. В этот период экономические интересы часто приходилось защищать с оружием в руках. Но войны сменялись мирными соглашениями, которые византийские послы умело использовали в интересах империи. Основным дипломатическим средством как и раньше было христианство, принятие которого автоматически означало признание политического приоритета Византии [*Даркевич 1991, с. 71; Науменко 2001*]. Миссионерская деятельность в этот период приобретает особое значение еще и потому, что на востоке возникает весомый конкурент — ислам⁵.

Внимание пришедшего к власти на волне очередного переворота императора Льва III (717–741), опиравшегося на военную силу восточных провинций также было сосредоточено на решении религиозных разногласий. В этот период Византия поддерживала в особенности дружные отношения с Хазарией. Так, император в 732/3 г. направляет посольство к кагану и женит своего сына (будущего императора Константина V) на его дочери. Такая дружба легко объясняется новой угрозой грандиозного мусульманского нашествия. Как и сто лет назад, Лев III, что бы организовать защиту государства и удержать восточные и северо-восточные провинции в лоне церкви и империи, вновь обращается к монофелитству, которое принято называть иконоборчеством.

После победы же православия в Крыму отношения между Византией и Хазарами портятся.

Таким образом предложенный анализ источников не подтверждает точки зрения о широкой хазарской экспансии в Крыму. По нашему мнению, есть существенные основания предполагать, что хазары, проникая на территорию полуострова попадают в круг культурного и религиозного влияния Византии [*Даркевич 1991, с. 69–83; Плетнева 1991, с. 98*] и выступают в роли ее военных союзников. Империя использует хазар для воинской службы в гарнизонах которые продолжают функционировать и ремонтируются в VIII в. привлекая их как для решения внешних так и внутренних проблем.

Предложенное понимание отношений Византии и Хазарии, позволяет переоценить традиционное восприятие событий конца VII — VIII вв.

Примечания

¹ Считают, что кроме двух известных писем, папа отправил из Крыма еще одно, где говорится "...и о притеснениях со стороны местных жителей и правителей... видимо по указанию правящих в Византии" [подробнее см.: *Бородин 1991, с. 175, 177*]. О подчинении города в это время византийской администрации и о таком его важном признаке как ссылка разных преступников и бунтарей уже говорилось в научной литературе [см.: *Бертье-Делагард 1893, с. 78–79; Кулаковский 1898, с. 179; Чичуров, 1980, с. ; 131–134; Сорочан 2003, с. 47–58*].

² Отступников и еретиков православная апологетика также называла манихейцами (см.: "Полезная история" Петра Сицилийского) или обвиняла в иудаизме [см.: *Васильев 1917, с. 238, 243*].

³ Считается что Феофан и Никифор пользовались общим источником иконоборческого периода и содержания, который не сохранился [Чичуров 1980, с. 146; Успенский 1950, с. 423–424, 430, сравни: *Острогорский 2002, с. 142, 188*].

⁴ На негативные отношения к Юстиниану II Феофана по сравнению с более сдержанной позицией Никифора уже обращали внимание исследователи см.: [*Кулаковский 1996, с. 274; Успенский 1950; 1951*].

⁵ Сравним: действия Мервана, по обращению хазарского Кагана в мусульманство в 737 р. [*Артамонов 2002, с. 222–226; Плетнева 1976, с. 33–40*].

**ЭТНОНИМИЯ И АНТРОПОНИМИЯ ПРАБОЛГАР КАК
ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ИХ РАННЕЙ ИСТОРИИ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

1. В этнолингвистическом отношении под праболгарами или тюрко-болгарами следует понимать не только, как обычно принято, аспаруховых болгар, волжских булгар и кубанских болгар (болгар Великой Болгарии), но и их предшественников — тюркские племена Восточной Европы, выдвинувшиеся на запад в составе гуннских полчищ на заре раннего средневековья и являвшихся этническими наследниками тюркоязычного ядра этого союза. Это такие племена (союзы племен, народы), как акациры, кутургуры, утургуры, оногуры, сарагуры и др., позднее объединившиеся, в результате этнополитической консолидации, под собирательным названием болгары.

Будучи на протяжении столетий одной из доминирующих в военном и политическом отношении группировок в Восточной Европе, это этническое объединение сыграло колоссальную роль в исторических судьбах, этногенезе, культуре многих народов данного обширного региона.

Несмотря это, история и культура праболгар остаются малоизученными в науке, настолько, что до сих пор имеют место противоречивые мнения даже относительно таких самых общих проблем, как их этнический облик. Сравнительно неплохая археологическая изученность праболгарских древностей также не решает проблему, поскольку археологические данные не могут быть интерпретированы без данных других видов источников. А в настоящее время археологические материалы остаются плохо увязанными с письменными источниками, данными этнографии и лингвистики.

Важным подспорьем для интерпретации археологических и отрывочных нарративных источников могут стать данные ономастики, прежде всего, видимо, этнонимии и антропонимии праболгар, зафиксированные в различных исторических сочинениях, большей частью — византийского происхождения. До настоящего времени этот источник информации недостаточно используется для соответствующих целей.

Так, при перечислении материалов для реконструкции болгарского языка Ф.С. Хакимзянов называет: “Именник бул-

---

гарских¹ князей” (для “дунайских булгар”), болгарские заимствования в венгерском языке (порядка 250 слов) [Щербак 1994, с. 28] и северокавказские рунические памятники (для “кубанских булгар”), эпитафии XIII — XIV вв., обнаруженные в Поволжье и “заимствования” (для волжских булгар) [Хакимзянов 1997, с. 47], не упоминая синхронные материалы по ономастике, сохранившиеся в различных, западных и восточных, источниках а, кстати сказать, и достаточно многочисленные тюрко-болгарские элементы в современных болгарском [Младенов 1920–1921; Георгиев 1958, с. 48; Дуриданов 1960; Москов 1962; Боев 1965; 1968; Денисов 1969; Коев 1971; Петров 1989 и др.], гагаузском [Баскаков 1969, с. 253–255, 259; Гайдаржи 2000, с. 14; Шабашов 1999, с. 160–166] и др. языках.

Целью настоящего исследования и является показать на некоторых примерах возможности анализа этнонимии и антропонимии праболгар для реконструкции их ранней истории.

2. Важным подспорьем в этимологии этого пласта лексики считаем обращение к живым тюркским (например, гагаузский язык, язык “балканских тюрков” и др.) и даже нетюркским (особенно, болгарский, но также и другие славянские языки, неславянские языки народов Балкано-Карпатского региона и др.) диалектам, сохранившим в своем фонде как элементы тюрко-болгарских наречий (или заимствования из них), так и архаичные общетюркские лексические, фонетические, морфологические черты, которые могут стать ключом к соответствующему анализу.

В качестве примера можно привести следующие случаи. Имя печенежского предводителя Балтчар'а — сына Кегена переводится как “боевой топор”, правда, со знаком вопроса [Щербак 1997, с. 108]. Действительно, корень слова, к которому восходит имя — балта имеется в древнетюркском лексическом фонде: “baltu “топор, секира”, др.-уйг. baltu; каз. balta, aj balta; кирг. balqa, aj balqa” (следует дополнить тур. balta [Янчев 1992, с. 45], караим.-трак. балта [Караимско-русско-польский словарь 1974, с. 101] с тем же значением) < “древнемесопотамское заимствование balta, baltu “топор”” [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 577]. Но под второй составной лексемы -чар следует понимать тюрк. аф. уподобления -чар или -ча, имеющийся в гагаузском языке. Таким образом, Балтчар < балтчар < балтачар ~балтача с более обоснованной для антропонима семантикой “похожий на то-

пор”, “подобный топору”, в том числе и с переносными значениями. Ср. с зафиксированной на Украине фам. Балтача.

Ставший достаточно общепризнанным перевод имени старшего сына основателя Великой Болгарии — Батбаян’a [Мутафчиев 1992, с. 78–79], восходящего к формуле бат-Баян ~бати Баян, где бати переводится на основе болгарской [Чукалов 1960, с. 19; Шабашов 1996, с. 71–73], гагаузской [Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973, с. 74; Шабашов 1995, с. 88], венгерской [Маркелов 1928, с. 72] лексемы (в разных фонетических формах) со значением “старший брат” (несмотря на наличие индоевропейской этимологии этой лексемы [Младенов 1920–1921 с. 265; Фасмер 1986, с. 135; Трубачев 1959, с. 21, 62], ареал ее распространения с данным значением, на наш взгляд, убедительно свидетельствует об ее урало-алтайском происхождении [подробнее см.: Шабашов 1997, с. 365; Мутафчиев 1992, с. 78–79 и др.]), причем, этот термин родства в болгарском языке при обращении обязательно употребляется с именем, а Баян ~Боян — распространенный древнетюркский антропоним из тюрк.-монг. *bajan* “богатый”.

Среди упоминаемых в армянской географии Моисея Хоренского болгарских племен, “которые именуется по названиям рек”, встречается этноним Чдар-Болкар [Артамонов 1936, с. 42]. Вряд ли первую составную часть этнонима, так же как и трех других, можно связывать с названиями рек, буквально понимая содержание источника, скорее наоборот — небольшие реки в Северо-Восточном Приазовье получили свои имена от тюрко-болгарских племен. Чдар можно возвести к редуцированной и к тому же переданной в иноязычной форме тюрк. лексеме чавдар “рожь” (гаг. чавдар [Гагаузско-русско-молдавский словарь, с. 524]; тур. *zavdar* [Янчев 1992, с. 82] и др.). Учитывая распространенность у кочевников засухоустойчивых культур, в том числе ржи, и раннего перехода кубанских болгар к полуседлому хозяйству, можно предположить, что распространенность у племени Чдар-Болкар культуры ржи привела к образованию данного названия.

3. Достаточно неполный список имен вождей раннетюркских племен Восточной Европы (кон. IV — VII вв.): Грод, Муагерий, Хиниал, Сандилх, Синнион, Заверган, Кандих, Альцек, Аккаги (жен.), Анагей, Вохан, Зиевил (Зигевил), Бикла, Боксу, Хесен, Куридах, Зилигд, Болах, Боарикс (жен.), Тиранис, Глом, Балмах, Кутильцис, Илигер, Васих, Курсих, Санатерук, Анариск².

Среди них ряд, по-видимому, нетюркского происхождения, что указывает на этнические и культурные связи, которые, впрочем, необязательно должны свидетельствовать о генетических контактах тюрко-болгар. Это, вероятно, такие антропонимы, как Глом, Грод, Муагерий, Тиранис (греч.), Хесен.

Некоторые достаточно прозрачно этимологизируются на тюркской основе: Сандилх < тюрк.-болг. сан, ср. тур., чагат., кыпч. сан “большое число, сан, слава”, сев.-тюрк. санатак “ценить”, также рус. сан, сановник, осанка, приосаниться [*Фасмер 1987, с. 555*], укр. шановний “уважаемый” + тюрк. аф. делик // дилик, который образует от глагола сущ. с абстрактным значением. Таким образом, сандилх < сандилих ~ сандилик “сановитость”, “славность”, “ценность”; в этом случае основа — сан — не сущ., а повелит. глагола санамак. Примерно по этой схеме (но с другими фонетическими и морфологическими особенностями) образовано гаг. сайгылык “почтенность”, “уважаемость”. Возможно, такую этимологию подтверждает характеристика этого вождя утургуров, данная византийцами: “человек очень разумный и опытный в военных делах, достаточно известный своей силой и храбростью”, то есть “славный”, “уважаемый (по делам своим)” [*Прокопий из Кесарии 1950, с. 434*].

Кандих: учитывая закономерное чередование в тюрк. языках фонем й ~дж ~ж ~д и чередование х ~къ ~к тюрк.-болг. лексему кандих можно объяснить из тюрк. канджик “сука”, ср. с именем известного половецкого хана Кончака с тем же значением, но с другим фонетическим оформлением.

Учитывая те же чередования, что и в предыдущем случае, Куридах ~курудах ~куруджах ~куруджак ~куруджук можно возвести к тюрк. (гаг. и др.) лексеме куру “сухой, высохший” с уменьшительным аф. -джук: куруджук “суховатенький”.

Бикла идентично тюрк. (гаг. и др.) б'екл'а ~б'икл'а ~б'икл'д “подожди”, повелит. глагола со значением “ждать”.

Боксу этимологизируется из тюрк. (гаг. и др.) бок “кал” и аф. подобия -су: боксу — “подобный калу”

Болах тюрк.-болг. бол = тюрк.-огуз. ол “будь!” + аф. -ак (образует имена от глагола со значением предмета или признака) = “тот кто осуществился, состоялся”, также “созревший”, что по значению идентично гаг. олдурулмуш.

Некоторые имеющиеся в исторических сочинениях названия соответствующих племен (союзов племен, народов): кутургур,

утургур, сарагур, урог, оногур ~уногур, савир ~савар, огор ~угур, вар-хуни, тарни-
ах, кочагир, забендер, акатциры, унногундур³.

4. После распада гуннской державы в европейских источниках на территории степной части Восточной Европы начинают фигурировать различные кочевые объединения, среди которых на протяжении известного времени, до выдвигания на первый план этнического наименования болгар, ведущую роль играли родственные, но, вместе с тем, конкурирующие племенные союзы кутургуров и утургуров (варианты названий: котригоры, ~котригуры (лат. Cotriguri), ~кутрагуры ~кутригоры, ~кутригуры ~кутургуры также лат. Cotzageroi [Буданова 2000, с. 259, 262]; а также: утигуры ~утугуры ~утургуры (лат. Uturguroi) ~утигеры ~утригуры ~утигуры (лат. Utiguri)) [там же, с. 383, 384].

Не вызывает сомнения их локализация, предложенная М.И. Артамоновым и др. авторами: утургуров — в Восточном Приазовье, а кутургуров — к западу от них, в степях Северного Приазовья и Причерноморья.

Достаточно прозрачная этимология этнонимов этих племенных союзов, вероятно, указывает на особенности их культуры и быта. Вторая часть этих составных этнонимов — гур, по общему признанию, восходит к названию широко известного в Азии и Восточной Европе крупного кочевого объединения огуров-огузов, тогда как уточняющие первые части этнонимов: кутур (в ряде других тюрк. яз. — куруз, кудуз) и утур (~отур) переводятся соответственно: “бешеный”, “вспыльчивый”, “возбужденный”, а также — “непоседливый” и повелит. наклонением (или инфинитивом) глагола отурмак — “сидеть”.

Таким образом, возможно, оттенялась большая оседлость утургуров — “сидящих, оседлых гуров”, граничивших и находившихся под влиянием византийских центров в Крыму (факт крещения, вероятно, утургурского князя Грода и т.д.), в отличие от единокровных им кутургуров — “непоседливых (кочевых) гуров”, в большей степени сохранявших кочевой образ жизни и связанный с ним военизированный быт. Действительно, именно кутургуров несколько десятилетий отличались повышенной военной активностью на Балканах. Не случайно византийский император Юстиниан отмечал, что кутургуров, в отличие от утургуров, “более смелые и сильные”.

Наличие у праболгар лексемы кутур (с конечным -р) лишней раз подтверждает ротацерирующий строй их языка, оспари-

---

ваемый рядом специалистов, а значит и прямую преемственность праболгар и чувашей, язык последних — единственный среди тюркских языков — сохранил в своем строе последовательное чередование р — общетюрк. з.

Таким образом, анализ этих этнонимов позволяет сделать предположение о раннем переходе к полуоседлому быту одной части (кубанской) праболгар и более устойчивом сохранении кочевых традиций у их другой (северопричерноморской и североприазовской) части. Этим, возможно, и объясняются разные действия праболгар в условиях хазарской агрессии — подчинении последним полуоседлых кубанских болгар и откочевкой на Дунай более мобильной части населения, имевшей к этому времени к тому же длительный опыт совершения набегов на Балканы на территорию Византийской империи, основу которой составляли, вероятно, потомки кутургуров.

5. Это предположение, вероятно, подтверждает и позднее встречающийся этноним — котраг //котрак, (варианты названия: котрагеры ~котриагеры ~котраги) [Буданова 2000, с. 259] совпадающий с именем одного из легендарных сыновей основателя Великой Болгарии Кубрата.

Данный этноним, по всей видимости, является модифицированной формой первой части этнонима кутургур — кутур, оформленной с помощью тюрк. аф. -ак // -аг, образующего имени со значением качества, признака: кутур < котур (ср. с гаг. кодуз, с чередованием з < р и звонкой согласной д в интервокальной позиции) < котор + ак < которак < котрак — “непоседливые, кочующие”.

Важно отметить, что византийский историк Феофан называет Кубрата “обладателем Болгарии и котрагов”, то есть владетелем основной части державы (в плане экономических и людских ресурсов, территориального центра) — полуоседлого населения Великой Болгарии, а также его наиболее активного в военно-политическом отношении ядра — кочевых племен котрагов, окончательно не слившихся с общей массой болгарского населения государства. Позднейшее утверждение на Дунае именно этнонима болгары, видимо, связано с политическими амбициями подчеркивания государственной преемственности Болгарского ханства великодержавным традициям Приазовской Болгарии.

6. Обращает на себя внимание также этноним оногур (лат. Onoguri, Unnuguroi) [там же, с. 306], который впоследствии, по-

видимому, замещает собой название утургур, и переводится как “десять огуров”, то есть “союз десяти огурских племен”.

Дело в том, что политическая организация Западнотюркского каганата, под влиянием которой некоторое время находились и праболгары, получила десятичастное деление. Шаболо Хилиши-хан, пришедший к власти в 634 г., проводя административную реформу, разделил свое государство на десять аймаков — он ок букв. “десять стрел”, соответственно, тюркский народ стал называться он ок будун — “десятистрельный народ”. При этом, пять из стрел, составившие левое, восточное крыло имели название дулу [*Степи Евразии в эпоху средневековья 1981, с. 29*]. К этому же роду дуло принадлежали и основатель Великой Болгарии Кубрат — вождь племени оногуров, и основатель Дунайской Болгарии Аспарух.

Возможно, перегруппировка праболгарских племен и появление нового этнонима, сменяющего старые названия и отражающего новые реалии, связана с воздействием военно-политической организации западных тюрков или, скорее, как увидим ниже, общетюркскими (древнетюркскими) политическими традициями в военно-административной организации кочевых объединений.

7. Анализ личных имен одного из вождей праболгар — Органа (дяди Кубрата), наместника праболгар Гостуна, фигурирующего в “Именнике болгарских ханов”, вместе с родом, к которому он принадлежал — ерми, наряду с изучением письменных источников, позволяют предложить иную, нежели общераспространенная ныне, интерпретацию обстоятельств и времени создания Великой Болгарии.

Следует признать, что обстоятельства возникновения Великой Болгарии остаются до сих пор недостаточно ясными. Это, в частности, связано с тем, что один из основных авторов, описывающих события, утверждает: “силой и светом животворящего креста он (Кубрат) победил всех варваров и язычников” (Иоанн Никиусский) [цит. по: *Артамонов 1936, с. 35*], а другой — патриарх Никифор, писал, что “В те же самые времена (около 635 г. *Ш.А.*) Куврат (Кубрат), родственник (племянник) Органы, государь гунно-гундугов (унногундугов), против аварского хагана и весь народ, который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли. (Куврат) прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли

до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил его сана патрикия” [Никифор ... с. 359]. При этом, один автор утверждает, что Кубрат сначала заключил союз с Ираклием, а затем победил “варваров и язычников”, а другой, что союз был заключен после освобождения болгар от ига авар [Артамонов 1936, с. 35; Никифор... 359].

Ряд исследователей считают, что невозможно предполагать зависимость приазовских тюрко-болгар Кубрата от авар, которые в то время, как мы знаем, расселялись в Паннонии и не могли контролировать земли, находящиеся на огромном расстоянии от их центров, к тому же, в это время могущество каганата значительно пошатнулось. В связи с этим, предполагается, что вместо ошибочно указанных авар, следует понимать тюрков, и Кубрат, в действительности, освободился от Тюркского каганата, зависимость от которого, действительно, отмечается для конца предыдущего столетия, а также сохранялась в описываемое время для тюркских племен Восточного Кавказа [Артамонов 1936, с. 35–37].

Когда именно произошло освобождение тюрко-болгар от власти Тюркского каганата и почему в источнике вместо тюрков называются авары, остается неясным. Возможно, что, присоединяя западноболгарские племена, Кубрат столкнулся с аварами, сведения о чем и дали Никифору повод изобразить его освободителем болгар от аварского ига [там же, с. 40]. С другой стороны, это может быть отголоском подчинения аварам тюркских племен Восточной Европы во время их продвижения по данной территории или борьбы, которая имела место в Аварском каганате между аварами и болгарами как раз во время становления Великой Болгарии, к которой последняя, к тому же, могла быть причастна.

Впрочем, проблема соотношения между Тюркским каганатом и кочевыми племенами Восточной Европы VI — VII вв. более глобальна.

Сопровождалось ли кратковременное господство этой державы на данных территориях широким вовлечением восточноевропейских тюрков в орбиту каганата, в частности, были ли правящие династии болгар — дуло и хазар — ашина привнесены извне, учитывая их совпадение с правящей династией Тюркского каганата — ашина и известным там же родом дуло? В отношении хазар проблему оставляем открытой, учитывая

более тесные, хотя до конца не проясненные до сих пор, их связи с Тюркским каганатом⁴.

Что касается болгар, то обратим внимание на чрезвычайно интересный факт, кажется, еще не отмечавшийся специалистами. В источниках алтайские тюрки обозначались также: у византийцев — ермихион [*Летопись византийца Феофана...1890, 183*], у персов — кермихион [*Византийские истории 1860, с. 492*]. Последняя составная этого этнонима прозрачно восходит к варианту названия гуннов ~хуннов и других, связанных с ними народов, известных в разных источниках, например: хиониты, вархониты, тогда как первая часть — ерми ~керми совпадает с названием рода одного из правителей болгар по “Именнику болгарских ханов” — ерми⁵. Следует отметить, что в отношении первых двух легендарных правителей: Авитохола и Ирника, употребляется формула “власть ему дана”, также, как и по отношению к другим правителям, начиная с четвертого — Курта (Кубрата), которые все до Кормисоша (11-й в списке, известный хан Дунайской Болгарии VIII в.) принадлежали к роду дуло. А в отношении третьего (предшествовавшего основателю Великой Болгарии Кубрату) — Гостуна из рода ерми, сказано: “этот был наместником 2 года” [*Извори за българската история... 1994, с. 16–17*].

Поскольку, как было сказано, Кубрат считался освободителем болгар от тюрков, господствовавших какое-то непродолжительное время, можно предположить, что род ерми был не болгарским, как считается [*Мутафчиев 1992, с. 87*], а алтайско-тюркским, и играл какую-то значительную роль в государстве последних (почему его название могло войти в общее название тюрков у византийцев и персов), и наместник из этого рода управлял, если верить “Именнику”, болгарскими всего в течение двух лет.

Таким образом, можно утверждать, что род дуло был исконным правящим родом у болгар, а не навязанным им завоевателями, коль скоро их наместник принадлежал к другому роду, а наличие рода дуло и у болгар, и у алтайских тюрков объяснить общими генеалогическими связями правящих группировок и у алтайских тюрков, и у гунно-болгар, связанных своим происхождением с руководящей верхушкой северных хуннов⁶.

На неболгарское происхождение Гостуна указывает и его имя, без сомнения, — славянского происхождения, что, впро-

---

чем, не должно вызывать удивления, учитывая соседство тюрко-болгар со славянами еще во время проживания в Приазовье и Причерноморье. Возможно оно было переведено с тюркского во времена составления окончательной редакции “Именника”, когда у дунайских тюрко-болгар, по всей видимости, уже начал преобладать славянский язык, что может подтверждаться также такой фразой памятника: “...род Дуло, который еще называется Вихтум-Вихрогон” [*Извори за българската история... 1994, с. 17*] — то есть имелась тенденция к переводу имен. Таким образом, Гостун может быть не личным именем, а прозвищем этого наместника, происходящим из заимствованного у славян слова, данным ему в болгарской среде. В связи с этим, следует вспомнить, что гость в др.-русск. имеет не только то значение, которое закрепилось в современном русском языке, но также и “чужестранец”, подобное значение имеет и лат. *hostis* “чужеземец, враг” [*Фасмер 1985, с. 447*].

Если далее опираться на “Именник”, то обнаружим, что власть дана Гостуну (в год) свиньи, в (месяц) девятый [*Извори за българската история... 1994, с. 16–17*]. Если исходить из современного монгольского животного цикла, совпадающего с орхоно-тюркским животным календарем, а также, по предположению И.И. Микколы, и с тюрко-болгарским календарем [*Миккола 1913, с. 243–247*], то годом свиньи будет 579 — год активной экспансии алтайских тюрок в Крыму и прилегающих территориях.

В 576 г. соединенные силы утургуров во главе с их вождем Анагеем и тюрок взяли Боспор, под 578 г. упоминается покорение утургуров Анагея тюркам, около 580 г. тюрки были около Херсонеса, а между 580 и 590 гг. Византии удается вернуть под свою власть Боспор. Впрочем, ничто не мешает принять, что племя, к которому принадлежал Кубрат, могло подчиниться тюркам не вместе с Анагеем, а несколько позже — на рубеже 579–580 гг. (если Новый год начинался весной и календарь был солнечным или лунно-солнечным), или даже в начале 580 г. В “Именнике” говорится, что Курт (Кубрат), заступивший после Гостуна, управлял 60 лет и власть ему дана в год вола, в третий месяц [*Извори за българската история... 1994, с. 17*]. Год вола наступает через один год после года свиньи, таким образом, Гостун управлял, если более точно, не два года, а год и шесть месяцев, а Кубрат встал на престол в середине 581 г. и

правил 60 лет (ровно один 60-летний животный цикл) до 641 г., когда ему, совершенно точно по “Именнику”, также в год вола наследует Безмер [*там же*] (возможно, другое имя Батбаяна).

Эта дата очень близко соответствует предположению некоторых исследователей о том, что Кубрат умер через год после смерти его благодетеля византийского императора Ираклия (641 г.) [*Мутафчиев 1992, с. 78*], а также дате гражданской войны в Тюркском каганате и его раскола на две части, сопровождавшихся голодом и другими бедствиями: “В сие время у неприятеля (то есть у тюрк *Ш.А.*)”, — пишут китайские историки, — “был голод; вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости; свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло” [*Бичурин 1950, с. 236*]. Естественно, что в этих условиях каганату было не до удержания под своей властью далекой окраины, которая, к тому же, прочно еще не вошла в состав государства.

Таким образом, если при реконструкции событий, связанных с образованием Великой Болгарии, опираться на “Именник болгарских ханов”, можно предположить несколько иную интерпретацию событий, чем та, которая доминирует в науке.

Учитывая длительность правления Кубрата, можно предположить, что он был еще ребенком, когда был провозглашен формальным правителем орды. Возможно, в освобождении болгар от алтайских тюрк решающую роль сыграли византийцы, ведшие борьбу с каганатом за Крым [*Артамонов 1936, с. 40*]. При этом, для гарантии соблюдения обязательств со стороны болгар, византийцы взяли в качестве заложника малолетнего формального главу объединения и воспитывали его, для укрепления своих позиций в степи, в византийском духе [*Кулаковский 1915, т. III, с. 91*].

В этих обстоятельствах фактическим главой болгар стал дядя Кубрата — Органа, имевший, вероятно, титул соправителя, почему его имя упоминается Никифором наряду с Кубратом, хотя он и не связан с какими-то определенными событиями. Само имя Органа, возможно, указывает на его роль в этот период. Органа < тюрк. глагола йортмак (повелит. йорт) “укрывать”, “покрывать” и аф. -ган, образующего отглагольные имена со значением качества, признака (в рус. передается прилагательным или причастием): йортган ~ортган < орган < Органа “укрывающий”, “покрывающий”; отсюда же болг., гаг. йорган “одеяло”.

Органа могло быть не личным именем, а “девизом правления”, известным и у центральноазиатских тюрков, вероятно, под китайским влиянием, то есть — выражать основную идею правления.

Пышное посольство неизвестного болгарского князя в Константинополь в 619 г., в которое он явился с большой свитой, а затем крестился и был пожалован Ираклием титулом патрикия [*Никифор... 1950, с. 354*], могло быть связано с предложением о возвращении в орду уже зрелого Кубрата, который, по мысли Органа, — того самого неизвестного князя, должен был заступить свое законное место правителя, вместо престарелого Органа, управлявшего от его имени Приазовской Болгарией около 38 лет. Естественно, Византия не имела ничего против этого, и у Ираклия и Кубрата, проводшего большую часть жизни в Византии, сохранялись теплые отношения до самой смерти. Упоминание борьбы Кубрата с аварами (или тюрками) около 635 г. могло относиться к новой попытке окрепшего Тюркского каганата вернуть свою власть над землями Приазовья (в связи с деятельностью энергичного Шаболо Хилиши-хана?), либо быть, как говорилось, отголоском каких-то других событий.

Следовательно, если доверять данному источнику, время возникновения Великой Болгарии можно удревнить до 80-х годов VI в., а ее фактическим основателем считать не столько Кубрата, сколько его дядю — Органа⁷.

Можно предположить, что группировка праболгар, из которой вышел Кубрат и Органа, подчинилась тюркам на рубеже 579–580 гг., в ходе борьбы последних с византийцами за Боспор. Но уже в 581 г. они, при поддержке возвратившей себе Боспор Византии, освобождаются из под власти тюрков и заключают стратегический союз с империей, в обеспечение которого формальный глава объединения — законный наследник власти малолетний Кубрат отправляется в Константинополь в качестве заложника, а фактическим создателем и правителем Великой Болгарии, возможно, до 619 г., был дядя жившего в Византии Кубрата — Органа, вернувший его на родину и передавший уже зрелому племяннику законную власть.

Таким образом, время создания Великой Болгарии следует удревнить с 631–632 гг. до 581 г. (что, кстати, совпадает с окончательным распадом Тюркского каганата на западную и восточную часть), а образование политического

и восточную часть), а образование политического объединения связать не с именем Кубрата, а с Органой. Время же господства тюрков над праболгарами ограничить, в соответствии с праболгарской традицией, двумя годами “наместничества” у них Гостуна из тюркского (а не праболгарского, как считается), рода ерми.

Данная хронология и содержание событий соответствуют праболгарскому памятнику — “Именнику болгарских ханов”, хотя сам его текст и логика содержания в некоторых частях остаются туманными.

Предложенная интерпретация событий, также как и некоторые этимологии, следует считать предварительными, они требуют дополнительного изучения, впрочем, в любом случае, нет сомнений в продуктивности использования данных этнонимии и антропонимии праболгар для реконструкции их истории.

Примечания:

¹ Следовало бы “болгарских” (через “о”), так как написание “булгары” (возникшее, видимо, под влиянием арабского написания) принято только среди историков, занимающихся историей Волжской Болгарии, для обозначения этнического ядра этого государства [см.: *Степи Евразии в эпоху средневековья 1981*, с. 77].

² Здесь лексемы даны в прочтении М.И. Артамонова [*Артамонов 1936*].

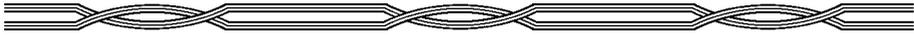
³ Дано по М.И. Артамонову [*Артамонов 1936*]; см. также: *Буданова 2000*, с. 127, 178, 221, 259, 262, 306, 334–336, 342, 367, 382–384.

⁴ Об этом подробно см.: *Артамонов 1936*, с. 50–87 и др.

⁵ *Извори за българската история... 1994*, с. 16. Здесь и далее — цит. по болгарскому переводу. Аутентичный текст см., например, в работе Златарского В.Н.: *Златарски В.Н. Към въпроса за българското летописание // СБАН ИФФО.- Кн. X. 6.*

⁶ Иной взгляд см., например: *Рашев 1987*, с. 208–209.

⁷ В какой-то мере близкие к этому соображения ср.: *Артамонов 1936*, с. 40.

Сокращения:

аф. — аффикс
болг. — болгарский язык
гаг. — гагаузский язык
греч. — греческий язык
др.-уйг. — древнеуйгурский язык
жен. — женское
каз. — казахский язык
караим.-трак. — тракайский
диалект караимского языка
кирг. — киргизский язык
кыпч. — кыпчакский язык
повелит. — повелительное на-
клонение
рус. — русский язык

сев.- тюрк. — северо-тюркские
языки
сущ. — существительное
тур. — турецкий язык
тюрк. — тюркские языки
тюрк.-болг. — тюрко-болгарский
(праболгарский) язык
тюрк.-монг. — тюрко-
монгольские языки
тюрк.-огуз. — тюрко-огузские
языки
укр. — украинский язык
фам. — фамилия
чагат. — чагатайский (джага-
тайский) язык

ПЕЧАТИ СТРАТИГОВ ХЕРСОНА ИЗ НАХОДОК В СУГДЕЕ

Две неизданные печати стратигов Херсона происходят из подводных обнаружений в прибрежной части Судакской бухты. В начале 1990-х гг. здесь было обнаружено компактное скопление моливдовулов, насчитывающее на сегодняшний день более 500 экз. Компактность этой находки, ограниченной площадью размером 30×50 м, на глубине до 2-х м, дала основания связать происхождение печатей с архивом документов. По мнению И.А. Баранова, руководившего раскопками в Судаке в 1972–2001 гг., этот архив следует связывать с домом византийского таможенного чиновника, “разрушенным при расширении пляжа в 1984 г. и сброшенным вместе со срезанным грунтом в море” [Баранов, Степанова 1997, с. 83].

Сохранность поднятых со дна моря печатей является крайне низкой, большинство из них прочтению не поддается. На сегодняшний день прочитано и опубликовано не более пяти десятков экземпляров [Šandrovskaja 1993, 1995, 1999; Шандровская 1995а¹, 2000; Баранов, Степанова 1997; Stepanova 1999²]. Состав обработанного материала, в числе которого обнаруживаются печати коммеркиариев, императорских коммерций и логофетов геникона, действительно позволяет связывать часть этого скопления с византийской таможенной службой [см. об этом: Шандровская 1995а, с. 119–123].

Среди опубликованного материала печати, твердо атрибутируемые стратигам Херсона, известны не были³. Находки, представленные здесь, наряду с недавно упомянутой и ожидающей более полной публикации печатью неизвестного по имени императорского спафария и стратига Херсона середины IX в. [Stepanova 2001, p. 67], являются первыми печатями, которые среди экземпляров судакского скопления надежно определяются как принадлежащие стратигам Херсона.

Помимо значительности этих находок для уточнения места Сугдеи в фемной системе империи, они, расширяя ареал географии обнаружения печатей херсонских стратигов, дополняют наши знания о самой феме Херсон.

До настоящего времени находки печатей стратигов фемы за пределами Херсона были известны лишь в Константинополе

[Zacos, Veglery 1972, n. 2325a; Соколова 1983, № 15а, 16, 31, 44, 56; Zacos 1984, n. 191; Nesbitt, Oikonomides 1991, n. 82.11–23]⁴. Не исключено также, что один экземпляр, прочтение легенды которого в виду плохой сохранности остается предположительным, происходит из Преслава [Йорданов 1993, № 322].

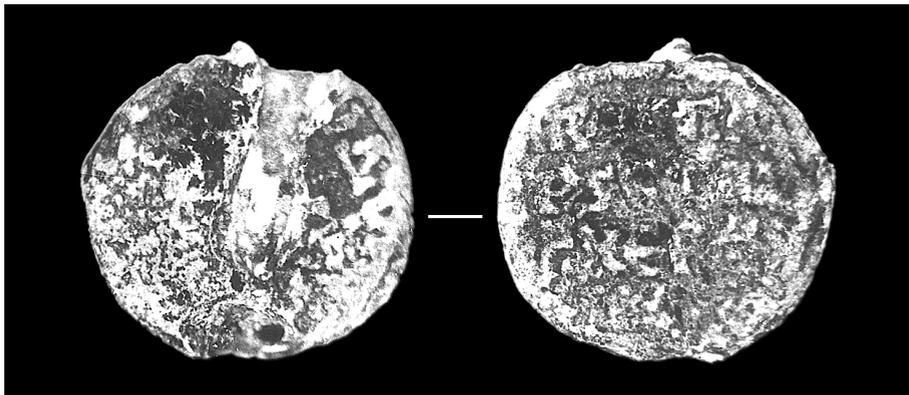

Рис. 1.

1. Ав.: Патриарший процветший (?) крест на ступенях.
Круговая инвокационная надпись без внутреннего ободка:
WΔ.. = [+K(ύρι)ε β(οή)θει τῷ σῶ δ[ούλω] (?)

Rv.: Надпись в пять строк:

...	...
HR, АСПА	. β(ασιλικῶ) (πρωτο)σπα-
. . Ρ, SCTP .	[θα]ρ(ίῳ) (καί) στρ[α]-
. Γ, ΧСР . .	[τ(η)]γ(ῶ) Χερ[σό]-
...	[νος]

+ Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλω ..... βασιλικῶ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῶ Χερσόνοϋ.

Диаметр — 21–19 мм; вес — 8 г.

Слева по вертикальной оси остаток канала для отливки. Канал для продевания шнура смещен по диагонали вправо. Трещина по каналу с утратой металла со стороны аверса. Патинована. Изогнута.

Византийская Сугдея (совр. Судак, Крым/Украина); подъемный материал со дна моря в районе гавани средневековой Сугдеи на глубине ок. 1.5 м в 1995 (?) г.

Частная коллекция.

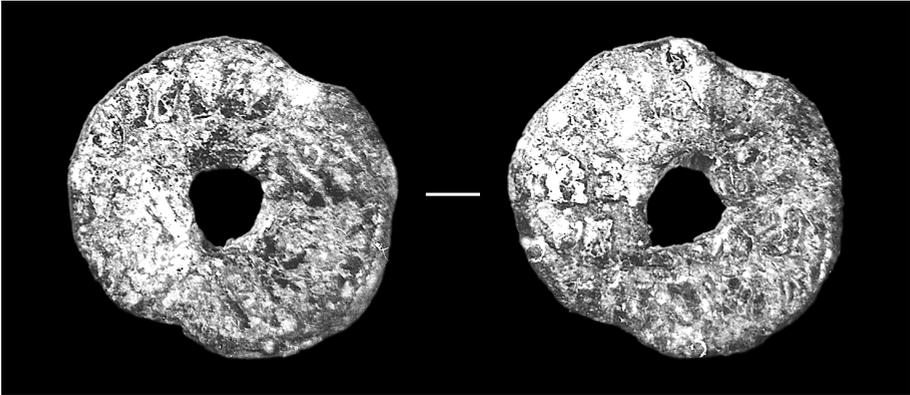

Рис. 2.

2. *Av.*: Патриарший процветший крест на ступенях.
Круговая инвокационная надпись без внутреннего ободка:
... CW . UΛW = [+K(ύρι)ε β(οή)θει τῷ σῶ [δ]ούλῳ (?).

Rv.: Надпись в пять строк:

...	...
HR,ACPA	. βασιλικῶ (πρωτο)спа-
.. P,SCTPA	[θα]ρ(ίῳ) (καὶ) στρα-
.. Γ,Χ . . CO	[τη]γ(ῶ) Χ[ερ]σό-
...	[νος]

+ Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ ..... βασιλικῶ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῶ Χερσόνοσ.

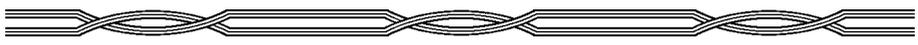
Диаметр — 21–20 мм; вес — 6 г.

Канал для продевания шнура размещен по диагонали. Патинирована. Следы вторичного использования — сквозное отверстие округлой формы (диаметр — 4 мм) по центру печати.

Византийская Сугдея (совр. Судак, Крым/Украина); подъемный материал со дна моря в районе гавани средневековой Сугдеи на глубине ок. 1.5 м в 1995 (?) г.

Частная коллекция.

Несмотря на крайне плохую сохранность обоих экземпляров, палеографические особенности, наряду с размерными характеристиками печатей и буквенно-строчным расположением их надписей, допускают предположение о том, что оба моливдовула были оттиснуты одним и тем же штемпелем. Особым своеобразием отличается исполнение “пи” во второй строке ле-

генды, идентичное на обеих печатях. Горизонтальная перекладина этого буквенного знака нависает над его вертикальными балками. Угол расположения последних по отношению к верхней перекладине не является прямым — вертикальные балки “пи” как бы разъезжаются в стороны от горизонтальной перекладины.

По совокупности сфрагистических признаков рассматриваемые печати могут быть датированы X в., с наибольшей вероятностью, его первой половиной. Последняя буква в имени владельца моливдовулов, остаток которой различим во второй строке легенды, может быть прочитана как “эта”. Наряду с количеством знаков в остатке имени, которые вписываются в размеры первой, полностью утраченной строки легенды, это позволяет раскрывать имя владельца печатей как “Ιωάννης” или “Λέων”.

Среди опубликованных печатей стратигов Херсона X в. с изображением патриаршего креста с цветением и надписью без внутреннего ободка имя “Иоанн” известно на двух экземплярах от разных пар матриц [*Alexeenko u.a. 1995, Nr. 2, 3, s. 140–142* (датированы 2–3-й четв. X в.)]⁵. Обе печати были найдены в Херсоне⁶. Н. и В. Зайбт приписывают эти печати одному владельцу [*Зайбт, Зайбт 1995, с. 93* (датированы 2й четв. X в.)]. По их мнению, этот стратиг Иоанн носил ранее титул императорского спафарокандидата, зафиксированный на печати из коллекции Г. Закоса [*Zacos 1984, n. 191*]⁷.

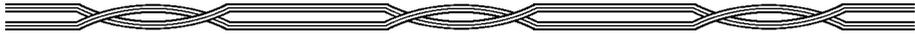
Имя “Лев” среди печатей стратигов Херсона X в., по оформлению лицевой стороны аналогичных публикуемым образцам, известно лишь на одном экземпляре [*Соколова 1983, № 34*].⁸ Точное место находки этой, найденной в пределах Византии печати из собрания Нумизматического музея в Афинах, не известно.⁹

Хронологически печати из Судака близки обоим аналогиям, однако, по совокупности признаков с владельцем какой-либо из них надежно отождествлены быть не могут. В обоих случаях речь должна идти о работе иного резчика матриц.

Примечания

¹ Повторная публикация печатей, изданных ранее в зарубежных изданиях, ср.: [*Šandrovskaja 1993, 1995*].

² Ряд печатей опубликован повторно, ср.: [*Баранов, Степанова 1997*].

³ Атрибуция фрагментированной печати X в. из Судака (ГЭ, № М-12473) Епифанию, спафарию и стратигу Херсона [*Sandrovs-kaja 1993, s. 97*] подвергается сомнению [Зайбт, Зайбт 1995, с. 91]. Раскрытие должности на печати неизвестного по имени спафаро-кандидата IX в. как “стратиг (фемы) Климагов-Херсона” остается предположительным [*Stepanova 1999, n. 16, p. 34*].

⁴ Список печатей стратигов Херсона, место находки которых с высокой степенью вероятности связывается со столицей империи, может быть расширен за счет экземпляров, точные сведения о месте находки которых в пределах Византии не известны. К ним относятся печати стратигов Херсона из быв. коллекции К. Оргидана [*Laurent 1952, no. 203*], Н.П. Лихачева [*Соколова 1983, № 20*] и др.

⁵ Кроме них известна еще одна, фрагментированная печать императорского протоспафария и стратига Херсона с именем Иоанн [*Alexeenko u.a. 1995, Nr. 4, s. 142–143*]. Изображение ее лицевой стороны надежно определению не поддается. Буквенно-строчное размещение надписи этой печати отлично от представленного на двух других моливдовулах с именем Иоанна. По мнению публикаторов, по отношению к этим печатям фрагментированный экземпляр отличен и своей палеографией [*Alexeenko u.a., 1995, s. 142*].

⁶ Первая хранится в Национальном заповеднике “Херсонес Таврический” (№ 15437), вторая происходит из частной коллекции Ю. Самойленко.

⁷ Круговая инвокационная надпись на лицевой стороне печати коллекции Г. Закоса имеет внутренний ободок.

⁸ Н. и В. Зайбт печать относится ко второй четверти X в. [*Зайбт, Зайбт 1995, с. 93*].

⁹ Ранее печать находилась в собрании Музея Археологического общества в Афинах, куда она поступила из коллекции П. Ламброса [*Schlumberger 1891, no. 49, p. 121*].

ПРЕДМЕТЫ ЮЖНОГО ИМПОРТА НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ МЕЖДУРЕЧЬЯ НИЗОВИЙ ДЕСНЫ И ДНЕПРА

В последнее время в исследовании древнерусских сельских поселений Южной Руси стали заметны определенные сдвиги. В результате активизации археологических исследований появляются материалы, отражающие все отрасли сельскохозяйственного производства и промыслов, а также свидетельствующие об определенном уровне развития ремесла и торговли. На современном этапе перед исследователями встает вопрос о соотношении этих отраслей и их роли в экономике средневековой деревни.

Показательным в этом отношении является относительно замкнутый регион, расположенный в междуречье низовий Десны и Днепра, который отличается достаточно высоким уровнем исследованности [Шекун, Веремейчик 1988, с. 26]. Этот регион расположен на юго-западе Чернигово-Северской земли. По мнению А.К. Зайцева, на юге границы земли, начинаясь от правого берега р. Десна несколько ниже Лутавы, шли на юго-запад к Днепру (отрезая самое низовье междуречья, которое, возможно, принадлежало Киевскому княжеству) [Зайцев 1975, рис. 2]. С запада регион ограничивал Днепр. На севере и северо-востоке исследуемую территорию от земель радимичей отделяли болота Паристое и Замглай, которые занимают дно древней широкой долины Днепра — Замглая [Ландшафты 1991, с. 60; Атлас Черниговской области 1991, с. 19]. Начинаются эти болота возле впадения рек Выр и Сож в Днепр и тянутся широкой полосой в 6–8 км с севера на восток практически до впадения реки Замглай в Десну, отделяя междуречье от летописной Сновской тысячи. Десна является юго-восточной границей этой территории.

Исследуемый регион был составной частью вотчины черниговских князей, формирование которой началось уже в последней трети XI ст. Вотчина известна, главным образом, по летописной статье 1159 г., когда Святослав Ольгович, заняв черниговский стол, жаловался, что князь киевский дал ему лишь "... Чернигов с 7-ю город пустых Моровиеск, Любеск, Оргощ, Всеволож, а в них седять псареве же и Половци" [ПСРЛ 1962, стб. 500]. Однако он категорически отказался обменять

свои “пустые” владения на другие, что неоднократно отмечалось исследователями. Анализ топографии, письменных и археологических источников позволяет обозначить остальные три пункта — Листвен, Лутава и Гюричев [Коваленко 1986, с. 22–24]. В составе вотчины черниговских князей, судя по летописи, важную роль играли села в бассейне р. Белоус. В середине XII в. они неоднократно упоминались на страницах летописи. Эта территория была очень привлекательной в экономическом и политическом отношении, поэтому вокруг нее и идет острая борьба. В 1135 г. “иде Ярополк с братьею своею и Андреи на Всеволода на Ольговича и поимаша около города Чернигова села” [ПСРЛ 1962, стб. 295]. Позднее, в 1142 г., великий князь Изяслав Мстиславич “повоева около Десны села их и около Чернигова и тако повоевав” [ПСРЛ 1962, стб. 311]; его братом Ростиславом были разрушены в 1148 г. домениальные владения черниговских князей в окрестностях Чернигова: “и пожьжеже вся села их оли и до Боловса ... се есми села их пожгли вся, и жизнь их всю” [ПСРЛ 1962, стб. 361]. По летописи села находились не только возле Чернигова — они тянулись в северо-западном направлении от Ольгова поля и до Любеча: “став на Ольгове поле, ту села наши пожгли оли до Любеча и всю жизнь нашу повоевали”, — жаловались черниговские князья на Изяслава [ПСРЛ 1962, стб. 163]. И, наконец, последний раз упоминаются села исследуемой территории под 1160 г.: “и приехав Изяслав к Десне противу Свенковичем ... а Половци воюють и селце святого Спаса зажгоша” [ПСРЛ 1962, стб. 507]. Несмотря на многократные разрушения в междоусобной борьбе, села быстро восстанавливались и просуществовали до середины XIII в. без перерыва.

Древности конца IX — середины XIII вв. здесь представлены 193 селищами, 92 курганными и 6 грунтовыми могильниками, а также 21 городами и городищами, крупнейшими среди которых были Чернигов и Любеч (рис. 1).

Развитию торговли в этом регионе способствовала разветвленная сеть разнообразных водных и сухопутных путей. Прежде всего, это водные артерии Днепр и Десна, которые играли важную роль в экономике, как Черниговского княжества, так и Древнерусского государства в целом. Кроме этого, и внутри региона существовали водные и сухопутные пути, важные как для междуречья Десны и Днепра, так и для всего Черниговского княжества.

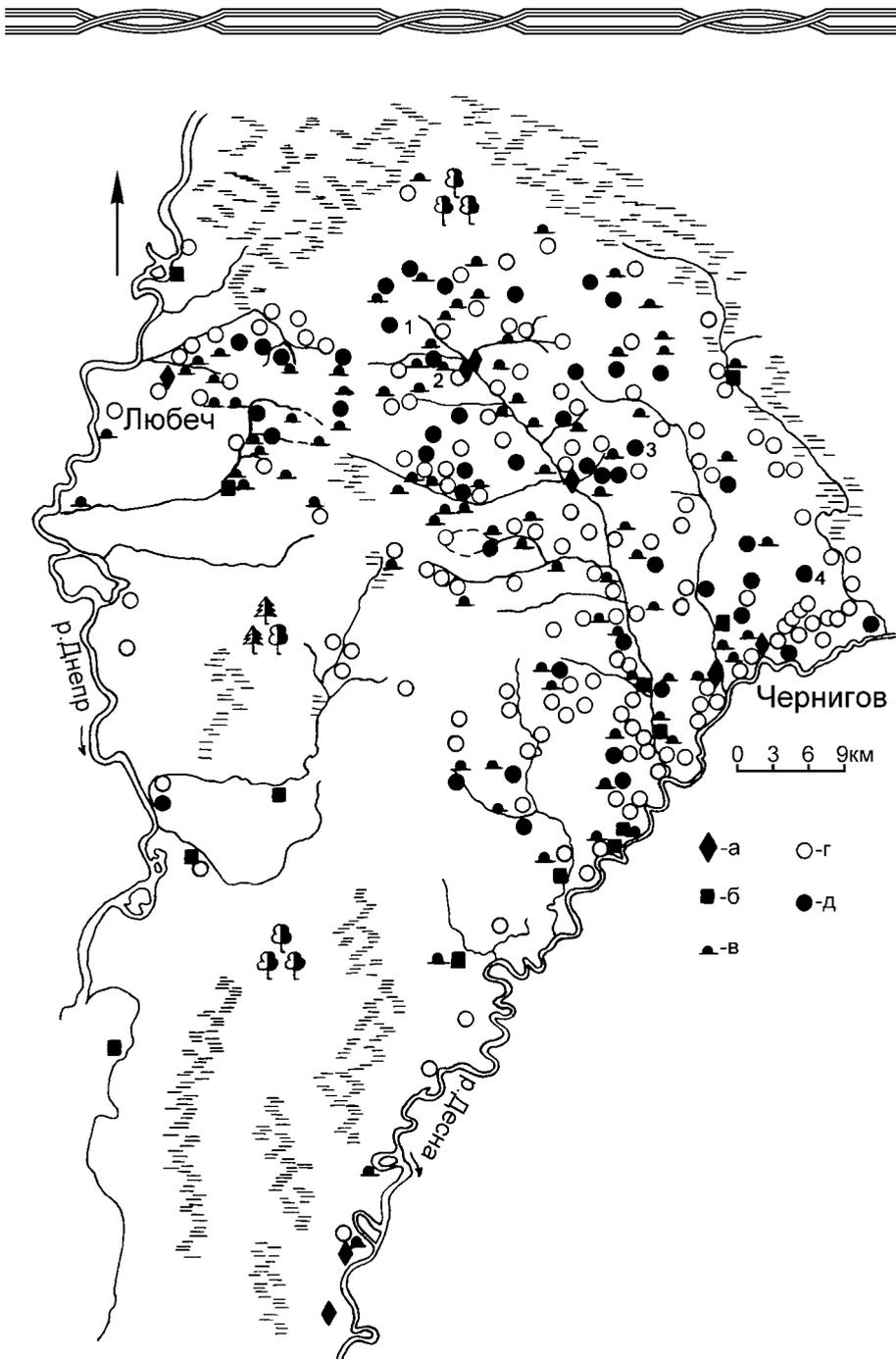

Рис. 1. Карта памятников конца IX — первой половины XIII вв. в междуречье низовий Десны и Днепра. Условные обозначения: а — летописный город; б — городище; в — курганный могильник; г — поселение; д — поселения, где обнаружены фрагменты амфор. 1 — поселение Козарки у с. Петруши; 2 — поселение Лесковое у с. М. Листвен; 3 — поселение Шумлай у с. Хмельница; 4 — поселение Овраменков Круг у с. Березанка.

Из них самым значительным был водный путь Чернигов — Любеч: р. Днепр — оз. Любечское (старица Днепра) — оз. Болгач (старица Днепра) — р. Муравля — оз. Кораблище — небольшой (500–800 м) волок в районе с. Пересаж (здесь известны 2 древнерусских поселения и курганный могильник) — р. Белоус — р. Десна [Коваленко, Шекун 1984, с. 63]. Или же в районе летописного Листвена можно было повернуть по левому притоку Белоуса на северо-восток и с помощью волока (1,5–2 км) в районе поселения Очеретяная Гора возле с. Сибереж попасть в верховья Стрижня, а потом спуститься к Чернигову. Существовали и другие варианты пути из Днепра в Десну.

Кроме водных, в регионе зафиксирована и относительно разветвленная сеть сухопутных путей. Важным для региона был путь из Чернигова в Любеч [Шекун 1992, с. 70–74]. Он начинался от северо-западной окраины города Чернигова (в материалах XVII ст. упоминаются Любечские ворота), потом через летописное Олегово Поле, вдоль правого берега р. Белоус, и далее с небольшими отклонениями вдоль существующей трассы до Любеча.

Некоторые источники свидетельствуют и о существовании сухопутного пути “в Радимичи”. Позже здесь проходил почтовый тракт. Этот путь шел на север от Чернигова и приблизительно в 22 км от него пересекал Замглайские болота. В центре болот был лишь один узкий и длинный (около 10 км) проход по перешейку между Центральным и Южным Замглаем. Со стороны Чернигова этот проход закрывало Звеничевское городище, которое возникло в первой половине X ст. на месте поселения IX — X вв. [Коваленко 1989 с. 82; Коваленко, Фомін, Шекун 1992, с. 60]. Этот путь был самым коротким и соединял Чернигов с землей радимичей.

К Чернигову вело и ответвление от пути Киев — Булгар, которое проходило по территории Черниговского Задесенья [Коваленко, Сытый 1992, с. 57–59]. Участок этого пути зафиксирован вдоль края правобережной террасы р. Десны — из Чернигова на восток через летописное село Спаш (X — XIII ст.), летописный город Гуричев (XII — XIII ст.), вдоль ряда древнерусских поселений к летописному селу Свенковичи, возле которого находилась Свинская переправа через Десну, напротив устья р. Свинь (современная р. Замглай) [Коваленко, Сытый 1992, с. 59].

Вдоль правобережной террасы Десны, на восток от Чернигова, проходил путь к Новгороду-Северскому, а на юг — к Киеву. Такая разветвленная система путей обусловила активное втягивание региона, в том числе и сельские населенные пункты, в торговый обмен.

Среди предметов, обнаруженных на сельских поселениях региона (материалы городов, городищ и могильников не учитывались), выделяются вещи, попавшие в результате обмена и торговли как из других регионов Древней Руси, так и из других стран. Отдельную категорию составляют предметы, попавшие из Византии и Крыма.

Наиболее многочисленной категорией находок среди предметов южного импорта были фрагменты амфор, обнаруженные при раскопках поселений и в подъемном материале. Амфорная тара, как известно, служила для транспортировки вина и масла. На 48 поселениях междуречья низовий Десны и Днепра обнаружено 450 фрагментов амфор, причем с поселения Лесковое происходит 295 обломков [Шекун, Веремейчик 1999, с. 57–58]. Целых экземпляров амфор не выявлено, редко встречаются и профилированные части сосудов. Определялся амфорный материал с поселений Лесковое [Шекун, Веремейчик 1999, с. 57–58], Овраменков Круг [Веремейчик, 1985/78], Шумлай [Веремейчик 1991/125] и Козарки [Веремейчик 1987/49]¹.

К наиболее ранним сосудам, попавшим на поселения междуречья низовий Десны и Днепра, относятся обломки желобчатых амфор из хорошо отмученной глины с дуговидными ручками. Для амфор этого типа характерно невысокое горло с валикообразным (тип 1) или заостренным (тип 2) венчиком. 18 фрагментов от 3 подобных сосудов обнаружены на поселении Лесковое. Из пахотного слоя и постройки № 39, которая датируется серединой X — XI ст. происходит по одному фрагменту, и из постройки № 71 (вторая половина XI — начало XII вв.) происходит 16 фрагментов. Верхняя часть подобного сосуда встречена в культурном слое поселения Овраменков Круг (рис. 2: 1) и еще один фрагмент найден в культурном слое поселения Козарки (рис. 2: 6). Этот тип амфорной тары хорошо известен по раскопкам в Средиземноморском и Причерноморском регионах и относится к классу 42 по херсонесской классификации [Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 66–68], типу 1 по Н. Гюнзенин [Gunsenin 1989, p. 269] и типу 54 по Дж. Хейсу [Hayes 1992, p. 73].

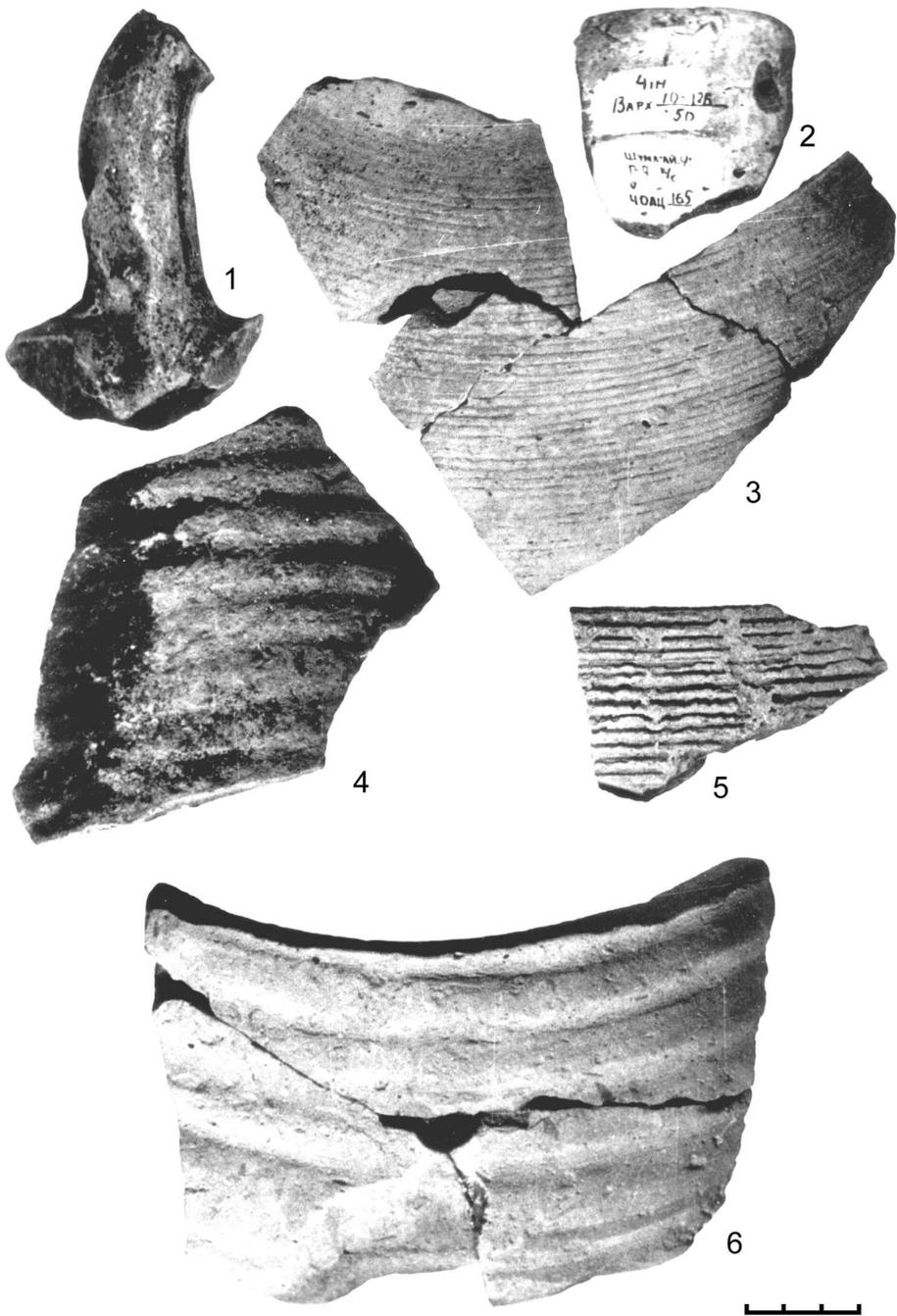
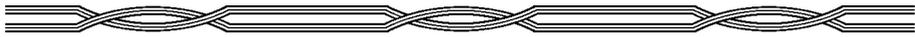

Рис. 2. Фрагменты амфор: 1, 3, 4 — поселение Овраменков Круг; 2, 5 — поселение Шумлай; 6 — поселение Козарки.

По поводу этих амфор имеется обширная литература. А.Л. Якобсон их датировал IX — XI вв. [*Якобсон 1979, с. 71–73*], в классификации амфор из комплексов византийского Херсона время их бытования обозначено от последней трети IX в. до второй половины XI в. В Херсонесе амфоры 42 класса происходят из комплексов последней трети X — XI в. [*Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 66–67*]. Н. Гюнзенин, исследовавшая печи по производству этих амфор у подножия горы Ганос, в 140 км к юго-западу от Константинополя, датирует их IX — XI вв. [*Gunsenin 1990, p. 269–271*], а Дж. Хейс — концом X — началом XII вв. [*Hayes 1992, p. 75*]. На территории Руси распространение этого типа амфор отмечено в дружинных комплексах памятников (Шестовицы, Гнездово, Тимерево) и в городских центрах [*Зоценко 2001, с. 177–178*].

Следующая группа амфор представлена фрагментом массивной уплощенной ручки от сосуда грушевидной формы с венчиком в виде “отложного воротничка” из культурного слоя поселения Шумлай (рис. 2: 2). По херсонесской классификации амфоры этого типа относятся к типу XXI или классу 43 [*Антонова, Даниленко и др. 1971, с. 93; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 68–69*] и датируются от второй половины X до конца XI — начала XII вв. По типологии Н. Гюнзенин они соответствуют 2 типу [*Gunsenin 1989, p. 267–276*]. По мнению исследователей, этот тип амфор в дальнейшем развивается в амфоры с веретенообразным корпусом и высоко поднятыми, массивными ручками (класс 48). Центр производства амфор 43 класса до сих пор не выяснен, хотя их византийское происхождение признается большинством исследователей.

Основная масса амфорного материала, обнаруженного на сельских поселениях междуречья, принадлежит сосудам, известным в литературе как амфоры с грушевидным туловом и дуговидными ручками. [*Якобсон 1979, с. 111–113*]. Фрагменты этих сосудов найдены в постройках № 63, № 64 (6 фрагментированных экземпляров); в постройке № 95 (3 обломка); в постройке № 100 (11 фрагментов от одной амфоры), в яме № 88 (11 обломков, из которых 9 — принадлежат одной амфоре) и культурном слое поселения Лесковое 1 (в целом по памятнику 102 обломка этого типа от приблизительно 60 сосудов).

Аналогичные сосуды обнаружены в постройках № 5, № 7, № 18 и культурном слое поселения Овраменков Круг (8 облом-

ков); в постройке № 10 поселения Козарки (2 обломка от 1 сосуда), а также в верхних слоях заполнения постройки № 6 и культурном слое поселения Шумлай (3 обломка) (рис. 3). Подавляющее большинство построек, содержащих фрагменты подобных амфор датируются XII — первой половиной XIII вв. В случае с постройкой № 6 из поселения Шумлай, которая интерпретирована как колодец X — начала XI вв., возможно попадание обломка амфоры в верхние слои заполнения уже после засыпки котлована.

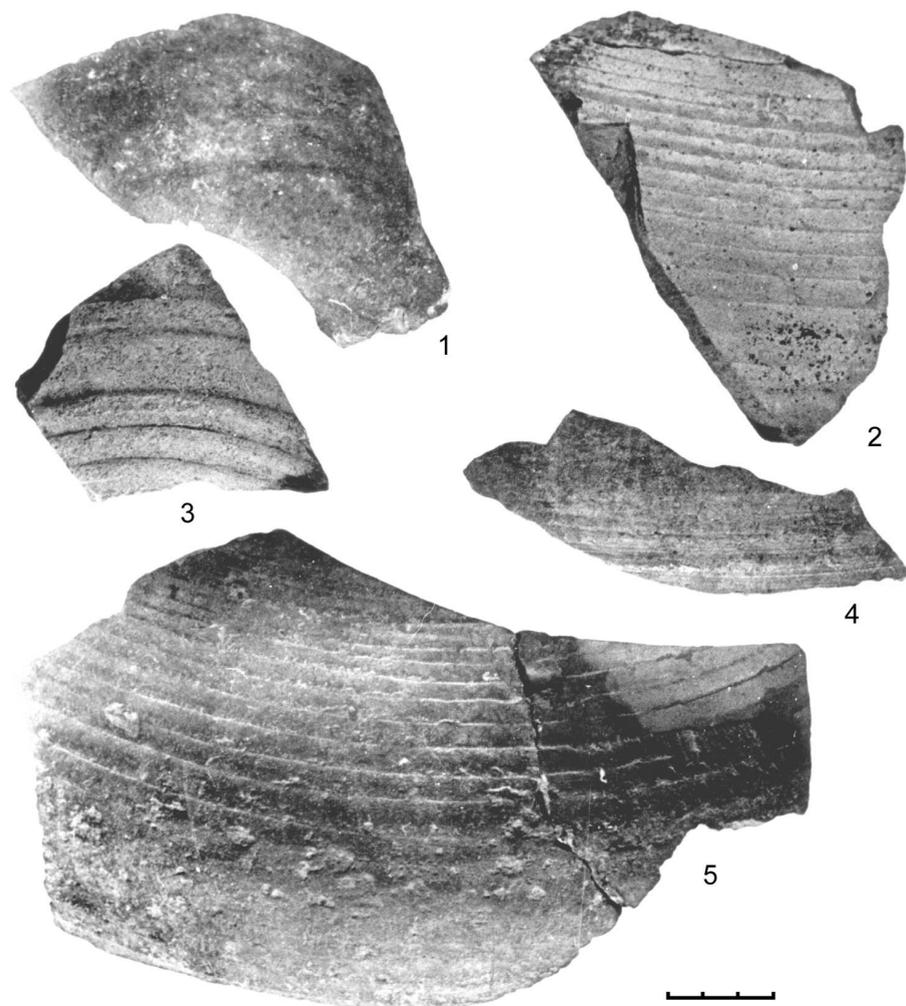

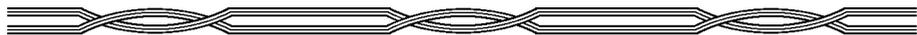
Рис. 3. Фрагменты амфор: 1, 4 — поселение Овраменков Круг; 2, 3 — поселение Шумлай; 5 — поселение Козарки.

Среди построек, из которых происходят обломки амфор с грушевидным туловом и дуговидными ручками, есть жилища полуземляночного типа (№ 5, № 18 из поселения Овраменков Круг), нежилые подклеты (№ 63, № 64 из поселения Лесковое 1) а также хозяйственные постройки и ямы разного назначения.

Обнаруженные фрагменты амфоры относятся к типу XXIII или классу 45 по херсонесской классификации [Антонова, Даниленко и др. 1971, с. 94; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 73–77], типу III по Л. Бьелаичу [Bjelaic 1989, p. 110–118], типу IV по Н. Гюнзенин [Gunsenin 1989, p. 274–276] и датируются XII — XIV вв. Эта группа амфорной тары чаще всего встречается на древнерусских памятниках [Якобсон 1958, с. 123; Якобсон 1979, с. 111–113; Гуревич 1981, с. 38; Коваль 1997, с. 105; Коваль 1999, табл. 1; Зоценко 2001, с. 179–181]. Подобная керамика широко распространена на многочисленных памятниках Крыма [Антонова, Даниленко и др. 1971, с. 94; Золотарев и др. 1998, с. 191; Мыш 1987, с. 239; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 73–74; Рудаков 1974, с. 105–106; Тесленко 2001, с. 124–126 и др.], в Приазовье, Поднестровье, Подунавье, Причерноморье и Восточном Средиземноморье [Волков 1989, с. 87–94; Кравченко 1986, с. 56–57; Полевой, 1969, с. 125; Gunsenin 1989, p. 268, 274–276 и др.]. По типологии Н. Гюнзенин, подобные сосуды объединены в IV тип и изготавливались, вероятно, в том же регионе, где и сосуды I типа [Gunsenin 1989, p. 269–270] — на побережье Мраморного моря, юго-западнее Константинополя, возле Газика.

Следующую по численности группу сосудов составляют амфоры с удлинённым бороздчатым корпусом и высоко поднятыми над горлом ручками. В глиняное тесто подобных амфор добавлялось значительное количество рубленой соломы, поэтому после выгорания органических добавок на поверхности сосудов образовывались многочисленные лакуны. На поселении Лесковое обнаружено 45 фрагментов от приблизительно 30 амфор. В постройках № 63 и № 64 (XII — первой половины XIII вв.) фрагменты амфор этого типа встречены с амфорами предыдущего типа. Кроме этого, обломки подобных сосудов происходят из постройки № 53 XII — первой половины XIII вв. и ямы № 80 Лескового — 1, а также культурного слоя этого поселения. На других памятниках находки фрагментов амфор с удлинённым бороздчатым корпусом и высоко поднятыми над горлом ручками встречены в культурном слое раскопа 2 поселения Овраменков

Круг (рис. 2: 3) и в яме № 61 поселения Шумлай (рис. 2: 5). Эти амфоры отнесены к типу XXII или классу 48 по херсонесской классификации [Антонова, Даниленко и др. 1971, с. 93; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 78–79]; типу III по классификации Н. Гюнзенин [Gunsenin 1989, с. 271]. Точной локализации места происхождения амфор 48 класса не установлено. Наиболее распространенным остается мнение, что происходят амфоры этого типа с южного побережья Черного моря [Зоценко 2001, с. 181]. Появляются аналогичные амфоры в причерноморских комплексах рубежа XI — XII вв. [Джанов, Майко 1998, с. 166] или в самом начале XII в. [Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 78–79]. География распространения описываемых амфор подробно дана в статьях В.М. Зоценко [Зоценко 2001, с. 181–182] и В.Ю. Коваля [Коваль 1999, табл. 1]. Сосуды этого типа, как и предыдущего, наиболее часто встречаются на памятниках Древней Руси.

Другие типы амфор на сельских поселениях междуречья низовий Десны и Днепра встречаются очень редко. Так, в подклете жилой постройки № 26 XII — первой половины XIII вв. из Лескового — 1 и нескольких хозяйственных постройках, связанных с этим жилищем, обнаружен развал большой амфоры (30 обломков), в тесте которой зафиксированы добавки карбонатов. Подобные амфоры, возможно, изготавливались в Херсонесе в XIII — XIV вв. По херсонесской классификации они принадлежат к классу 52 [Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 83–84].

Следующая разновидность тарной керамики представлена единичным фрагментом от небольшой амфоры, изготовленной из плотной, хорошо отмученной глины бурого цвета с обильным включением чешуек слюды (рис. 2: 4). Этот обломок происходит из культурного слоя поселения Овраменков Круг. Такие сосуды находят в городах Киевской Руси — Киеве и Новгороде [Колчин, Хорошев, Янин 1981, с. 88; Ивакин, Степаненко 1985, с. 103]. Этот тип относительно редко встречается в Крыму и датируется XI — XII вв. [Джанов, Майко 1998, с. 168].

Особую группу составляют амфоры из теста, содержащего грубые остроугольные примеси (в том числе кварциты, метаморфизированные сланцы и др.). Три фрагмента этого типа амфорной тары обнаружены на поселении Лесковое: два из них в культурном слое Лескового — 1 и один — в постройке № 43 XI — первой половины XIII вв. Лескового — 2. По определению В.Ю. Коваля, это очень редкий тип амфор XII в.

Еще один тип амфор обнаружен при раскопках поселения Лесковое — это фрагменты от маленьких светлоглиняных амфор с ручками-скобками, которые, возможно, попали из Эгейского региона. Из поселения происходят 7 обломков от 4–5 амфор (постройки № 33, № 39, № 20-А и яма № 136 с поселения Лесковое — 1).

Следующая категория находок, которые попадали из Византии на территорию Чернигово-Северской земли, в том числе и на сельские поселения, — предметы христианского культа. Это кресты-энколпионы, кресты-тельники и детали церковной утвари. Часть вещей изготовлялась на территории Киевской Руси, но есть и вещи, попавшие на поселения из Византии через Крым.

К таким находкам относится энколпион, который происходит из подъемного материала поселения Ланок, возле с. Хмельница (рис. 4), случайно найденный одним из жителей в 1980 г. Находка была передана археологической экспедиции под руководством А.В. Шекуна [*Шекун 1981, с. 322*]. Крест-энколпион бронзовый, литой, (длина 8,5 см, ширина 6 см), рисунок нанесен резцом. На лицевой створке — Иисус Христос с предстоящими и надписью на греческом языке под перекладиной креста. На второй створке — Богоматерь “Знамение” с евангелистами в круглых медальонах. Створки имеют форму латинского креста с расширенными концами и немного удлинненным нижним перекрестием.

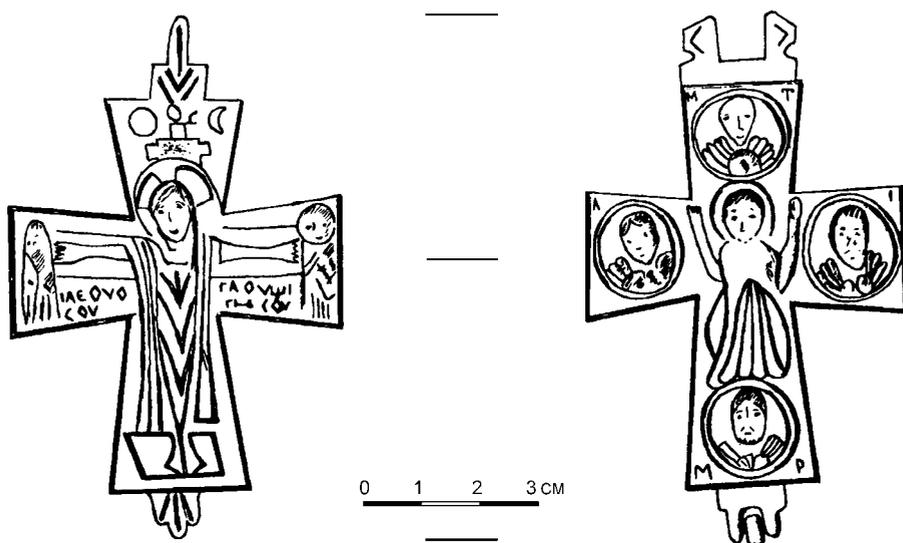

Рис. 4. Энколпион с поселения Ланок возле с. Хмельница.

Изображение выполнено в технике гравирования или в технике низкого рельефа. Энкалпион относится к типу “сирийских”, которые Н.П. Кондаков датировал начиная с VI в. [*Кондаков 1914, с. 259*], а Г.Ф. Корзухина дату их появления прибилизала к XII в. [*Корзухина 1958, с. 132*]. В.Н. Залесская, проанализировав подобные находки, датировала их X — XII вв. [*Залесская 1965, с. 91–93*].

География распространения “сирийских” энколпионов достаточно широка. Они известны на Сицилии, в Италии, Греции, Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехии, Бельгии, Константинополе, Сирии и Египте. На территории Древней Руси подавляющее большинство находок происходит с территории Среднего Поднепровья. Подробный перечень известных на территории Руси энколпионов этого типа дан в работе В.А. Куницкого [*Куницкий 1990, с. 108–115*]. Им же поставлено под сомнение сирийское происхождение крестов и предложено называть эти энколпионы ближневосточными [*Куницкий 1990, с. 108*]. На основе находок из Херсонеса, Болгарии и Коринфа, которые обнаружены в комплексах X в., В.А. Куницкий высказывает предположение, что первые складни стали поступать на Русь, начиная с середины X ст. Появление этого типа энколпионов можно связать с миссионерской деятельностью, одним из центров которой был Херсонес-Корсунь [*Куницкий 1990, с. 113*], где отмечены находки крестов, выполненных в технике гравирования и низкого рельефа.

Более распространенными были находки крестов-тельников. На трех поселениях (Лесковое, Очеретяная Гора, Шумлай) найдены кресты-тельники, сделанные из мрамора. Они небольшие (1.9–2.4×1.5–1.9), с отверстием для подвешивания.

С поселений междуречья Десны и Днепра происходят также некоторые предметы церковной утвари: фрагменты хороса, лампадка, кацея (Лесковое, Овраменков Круг, Шумлай).

Еще одна категория вещей, на которую следует обратить внимание — это стеклянные браслеты. В междуречье низовий Десны и Днепра на 27 поселениях найдено 575 фрагментов стеклянных браслетов: на поселении Лесковое найдено 373 фрагмента, поселении Шумлай — 26; Козарки — 26, Очеретяная Гора — 35, Льговка — 20. Несмотря на неполноту исследования региона, эти находки опровергают распространенное в литературе мнение, что стеклянные браслеты использовались

только в городах [Арциховский 1948, с. 241; Шапова 1972, с. 104; Древняя Русь. Быт и культура 1997, с. 86].

Наиболее детально изучались находки с поселения Лесковое [Шекун, Веремейчик 1999, с. 58–60]. Среди них выделяются фрагменты браслетов синего цвета, плоско-выпуклой и треугольной формы, которые ввозились на территорию Руси из Византии и Причерноморья, или изготовлялись греками в Киеве [Шапова 1972, с. 109]. Таких фрагментов на поселении более 6%. Для определения рецептуры стекла был проведен спектральный анализ 24 фрагментов. Он подтвердил, что два браслета, определенные визуально как импортные, имеют химический состав стекла, характерный для браслетов Византии и Причерноморья [Шекун, Веремейчик 1999, с. 59]. Аналогичные находки известны и на других поселениях междуречья.

По-видимому, импортными были и некоторые типы бус, а также стеклянная посуда, немногочисленные обломки которой тоже обнаружены на сельских поселениях региона. Однако, эти находки требуют дальнейшего специального изучения.

Таким образом, в материалах сельских поселений выделяются вещи не местного происхождения. К предметам, поступающим из Византии, следует добавить предметы восточного, западноевропейского, скандинавского импорта. Безусловно, значительная часть вещей попадала на поселения из городов и других регионов Киевской Руси. Поэтому выводы о слабом участии древнерусского сельского населения в торговом обмене не отвечают действительности. Однако, в то же время не следует и преувеличивать роль торговли в общем объеме хозяйства древнерусского общества.

Примечания

¹ Определение амфорного материала с поселения Лесковое проводил ведущий специалист Центра археологических исследований г. Москвы В.Ю. Коваль. Обработывались коллекции 1978, 1980–1988, 1991, 1992 годов. Амфорный материал с поселений Овраменков Крут, Шумлай и Козарки определяла младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Крымского филиала ИА НАНУ И.Б. Тесленко.

ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ СУГДЕИ

Целью данной работы является публикация греческих надписей, обнаруженных в разные годы в Судаке и его округе. При составлении настоящего корпуса была взята за основу система РЕТРАЕ с любезного согласия ее создателя А. Брессона (Университет Бордо-III, Франция).

Строительные надписи

1. Неизвестного D1Va1

Носитель: фреска на квадрате стены с живописной рамкой. *Материал.* Известняковый туф, штукатурка. *Сост. пам.:* фреска обломана со всех сторон кроме правой; сколы на верхней и лицевой сторонах.

Место находки. Судака, монастырь на склоне горы Перчем. *Обст. находки.* раскопки И.А. Баранова и В.В. Майко, 1993 г. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 17 см. *Шир.:* 12 см. *Толщ.:* 17 см.

Эпиграф. поле: внутри рамки.

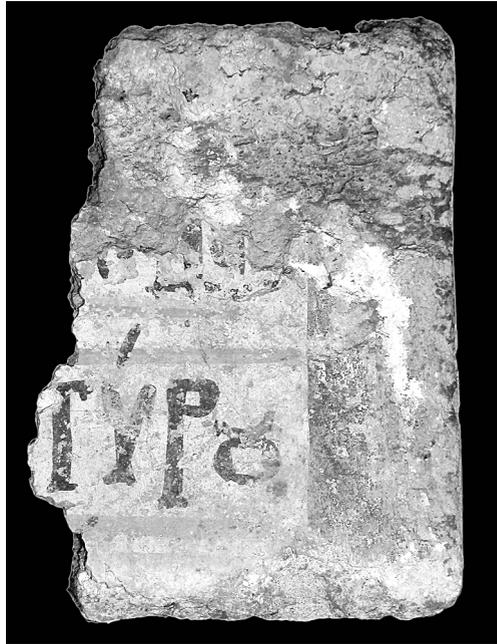
Датировка текста:
XIII — XIV вв.

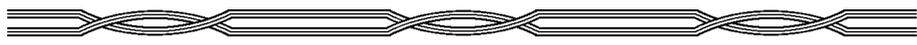
Источник датировки. шрифт.

Публ.: ineditum. *Выс. букв.* 4 см.

...

... ἀνηγέρθη ε.γ. ἀπ'] ἐ δ ἀ[φ-
ους ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου ε.γ. καὶ ἀναρ]γύρου
[Παντελεήμονος (?) ε.γ. διὰ κόπου τοῦ δεινὸς ...]

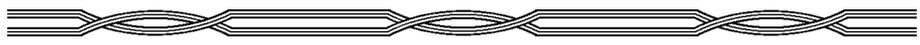

Перевод. ... воздвигнут от оснований храм святого великомученика и бессеребенника Пантелеимона (?) трудами такогото ...

Комм.: Строительные надписи на фреске характерны как для поздне-византийского времени вообще, так и для Крыма (например, “храм Трех всадников” на Эски-Кермене) и для Судака в частности (см. № 2). Их характер (выделение строк сложными линиями) позволяет отнести к таковым и наш памятник, тем более что многострочная надпись такого типа не характерна для подписей к фигурам на фресках. Сохранился лишь фрагмент надписи, однако ее сохранившая правая сторона показывает, что граница эпиграфического поля проходила по правому ребру блока, у которого фреской покрыта была и правая грань, т.е. надпись помещалась слева от какого-то проема, скорее всего, входного. В этой связи важно отметить, что наш фрагмент был найден рядом с входом в храм.

На камне видны следы двух строк, причем верхняя обломана на половине высоты. Строки разделены двойной желтой линией, и судя по ее характеру, снизу помещалась еще буквы. К такому же выводу приводит нас и восстановление текста.

Во второй строке ясно читаются 4 буквы: ГΥΡϺ, причем почти точно это конец какого-то слова, совпадающий здесь с краем строки (в надписях краской возможность компоновать текст всегда выше, чем в высеченных в камне). Обратный словарь греческого языка Кречмера-Локера [*Kretschmer, Locker 1944, s. 478*] дает для такого окончания лишь два варианта: слова, сложные с γῦρος, и слова, сложные с ἄρῦρος. Изю всех них в контексте надписи о строительстве и посвящении храма подходящим кажется лишь эпитете эпитет ἀνάρῦρος “бессеребренник”, применяемый обычно к святым-врачам, бесплатно лечившим всех нуждающихся. Для византийской традиции чрезвычайно характерно почитание святых бессеребренников по двое (например, три пары Косьм и Дамианов), так что святому врачу даже добавляют спутника для образования пары (например, св. Кир (врач) и Иоанн (воин)). Пожалуй, что единственный из всех них в одиночку почитается только вмч. Пантелеимон: его спутник пресвитер Ермолай добавляется к нему в основном в молитвах и в программах росписей, но культ отдельного почитания великомученика был чрезвычайно распространен по всей империи: только в Константинополе насчиты-

вается 9 храмов, посвященных ему (и ни одного, посвященного Пантелеиму и Ермолаю [Janin 1969, p. 386–388]). Если, действительно, в надписи стояло слово “бессеребренник”, то, скорее всего, оно означало того, кому данный храм (и монастырь) был посвящен. Нельзя, конечно, исключать и другие возможности прочтения этих букв: напр., как часть родового имени Аргир, хорошо известного с X в., однако к первому варианту нас склоняет и возможное прочтение первой строки, от которой остались нижние части трех букв: ΕΔΑ. С большой долей осторожности, учитывая вероятное значение следующей строки, мы предлагаем читать здесь *terminus technicus* ἀπ’ ἐδάφους, описывающий строительство (или возобновление) храма от самого основания. В настоящей надписи речь идет о восстановлении от основания храма (а вероятно, и всего монастыря), в честь великомученика и бессеребренника Пантелеймона в XIV в. Немногие сохранившиеся буквы близки по шрифту к другим крымским монументальным надписям на фресках, особенно к судакской надписи из башни 1385 г.

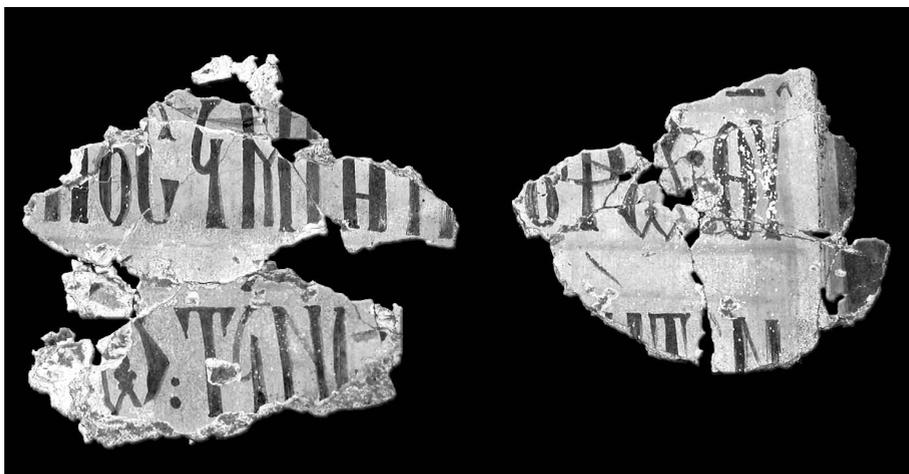
Храм и монастырь находятся в 1.5 км к северо-западу от городища средневековой Сугдеи под южным склоном горы Перчем. Впервые он был зафиксирован разведочными работами 1926–1928 г. экспедиции А.А. Фомина. В 1993–1994 гг. были исследованы фундаменты основной части храма, за исключением нартекса. Храм представлял собой довольно крупное для региона сооружение (длина более 14 м). Постройка двухнефная двухапсидная. В западной части имеется обширный нартекс. В строительных остатках прослежены следы перестройки, последовавшей вслед за пожаром, очевидно, уничтожившим почти до основания первоначальное сооружение. Кладки первого строительного периода, сложенные на известковом растворе, обожжены до желто-розового цвета, за исключением основания апсид. Южная стена храма при перестройке была сложена из камней на глиняном растворе. Именно в южном нефе во время исследований 2000 г. В.Г. Тура были зафиксированы следы наиболее интенсивного пожара. В нем же прослежены два уровня полов из утрамбованной извести, нижний из которых также нес следы пожара.

Южный неф, имевший отдельный каменный алтарь, играл роль параклисса и использовался для погребения и заупокойных служб.

На основании деталей литургического характера можно отнести комплекс к обычному типу поздневизантийских монастырей, находившихся под патронатом частных лиц. Как правило, их территория или храм использовался для погребения членов семей патронов, а братия проводила заупокойные службы у их могил [*Later Private Religious Foundations... 2000, p. 1295–1302*]. Подобный монастырь, где в XIII — XIV вв. погребались члены правящей элиты Сугдеи, известен по данным т.н. “Сурожского синаксаря” и был посвящен Богородице Скутариотисе [*Νυσταζοπούλου 1965, p. 111–117*].

2. Неизвестного DIVa2

Носитель: фреска с рамкой. *Мат.:* штукатурка. *Сост. пам.:* обломан со всех сторон; сохранилось 15 фрагментов.

Место находки: Судак, башня 1385 г. *Обст. находки:* реставрационная расчистка, 1975 г. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* КП-593/ЖГС-30-32. 1 фрагмент — *Выс.:* 16 см. *Шир.:* 12 см. *Толщ.:* макс. 1 см. 2 фрагмент — *Выс.:* 14 см. *Шир.:* 12 см. *Толщ.:* макс. 1 см.

Эпиграф. поле: Внутри рамки.

Датировка текста: после 1385 г. *Источник датировки:* время строительства башни.

Публ.: ineditum.

Лит.: Баранов 1988, с. 87.

Выс. букв.: 6 см.

...
...] π·ρ·δς ἀμνη·σ·[τίαν...] ῥφφ· θεοῦ
...]ίω· τὰ νο[.....]Η τὸν

....
Перевод ... в прощение (?) ... Бога ...

Комм.: Два крупных фрагмента фрески были найдены при реставрационном зондаже на стене оборонительной башни, надежно датированной строительной надписью 1385 г. и в настоящий момент хранятся в фондах музея “Судацкая крепость”. Текст фрагментов непосредственно примыкает друг к другу. Наличие надписи церковного содержания внутри башни говорит об использовании первого ее этажа в качестве часовни. Наличие часовен в оборонительных башнях не было редкостью в Византии и Западной Европе. В Сутдее часовни функционировали в т.н. Георгиевской, Дозорной башне и донжоне Консульского замка.

Судя по отсутствию традиционного артикля перед θεοῦ, надпись может быть стихотворной. Что-либо конкретное о ее содержании сказать сложно, хотя слово ἀμνηστία (если оно правильно восстанавливается) может указывать на формулу типа “воздвигнут ... для прощения грехов”.

Посвятительные надписи

3. Свет, жизнь DIVa3

Носитель: плита с крестом с расширяющимися концами в круге. *Мат.:* копсельский песчаник. *Сост. пам.:* стесан сверху; spoliум; вмонтирован в кладку.

Место находки: Судак, башня XIII в., к западу от городских ворот. *Обст. находки:* раскопки И.А. Баранова, 1995 г. *Место хран.:* in situ. *Инв. номер:* отсутствует. *Выс.:* max. 22 см. *Шир.:* 36.5 см. *Толщ.:* неизв.

Эпиграф. поле: На рукавах и перекрестье креста.

Датировка текста: до 1240 г. *Источник датировки:* время строительства башни.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 3.2–4 см.

[Φ]
ζωή
ς.

Перевод: Свет, жизнь.

Комм.: Надписи с формулой “свет, жизнь” известны в Северном Причерноморье с VI в., а в Средиземноморье и в V в. Основанием для датировки нашего памятника должны служить не маловыразительные формы букв, а тип креста и археологический контекст. Камень (во вторичном использовании: отбита верхняя часть) находится в кладке квартала XIII — XIV вв. (terminus ante quem. Проведенные циркулем кресты в круге хорошо известны в Крыму со средне-византийского времени (см. напр. колонну из Херсонесского лапидария с тремя такими крестами и графитти 1026–1027 г. (НЗХТ 3592)). Однако в нашем случае крест стилизован уже настолько, что превратился практически в четырехлепестковую розетку, что сближает его с памятниками XIV — XV вв. с шестилепестковыми розетками (ГНХВ 76). Таким образом, наиболее приемлемо датировать данный памятник XII — XIII вв. Не вполне понятно и первоначальное назначение камня: не исключено, что он был вделан в стену какого-то храма.

Блок с надписью вмонтирован в внутренний панцирь восточной стены оборонительной башни, дата строительства которой определена радиоуглеродным анализом. Датировка фрагмента кипарисовой балки из кладки северной стены башни была произведена Н.Н. Ковалюхом и В.В. Скрипкиным (НИИ геохимии и

рудообразования НАН Украины). В результате субкалибрационного анализа была получена дата 1240 г. ± 10 лет, что вполне соответствует общей стратиграфической ситуации на данном участке раскопа. Дата разрушения западной стены башни четко определяется серебрянными монетами золотоордынского хана Токты (1291–1313), обнаруженными при раскопках 1996 г.

4. Христофора (?) D1Va4

Носитель: Плита; лиц. сторона выглажена. *Мат.:* Желтый копсельский песчаник четвертичного возраста.

Сост. пам.: обломан слева; стесан сверху и по правому заднему ребру: *spolium*, обожжен по краям до красного цвета, на тыльной поверхности следы прилипшего известкового раствора.

Место находки: Судак (?) *Обст. находки:* Раскопки 1988 г. И.А. Баранова на участке куртины XV. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 46 см. *Шир.:* 17.5 см. *Толщ.:* 17 см.

Эпиграф. поле: в верхней части лицевой стороны.

Датировка текста: VII — VIII вв. *Источник датировки:* археологический контекст.

Публ. ineditum.

Выс. букв. неизв.

ἀΰτὲρ σωτη-]

ρία]ς (?) κ(αὶ) ἀφ-

έσεως] ἀμαρ-

τιῶν ε.γ.] Χριστω-

φόρο]υ ε.γ. Ἀμήν.

Перевод. О спасении (?) и отпущении грехов Христофора.

Комм.: Сохранилась только часть камня, однако легко восстанавливаемая формула надписи позволяет нам представить его первоначальные размеры. От оригинальной ширины сохранилась примерно половина (4–5 букв из 9). Верхний край камня ровный, однако, невозможность восстановить даже самое короткое начало формулы (напр., ὑλὲρ εὐχῆς) в пределах 4–5 букв заставляет предполагать вторичную обработку верхней грани, которая по способу тески, действительно, отличается от остальных поверхностей. Поэтому необходимо предполагать существование текста в пропавшей верхней части. Сколько же строк исчезло? Формула такого типа вариативна, однако состоит в большинстве случаев из комбинации трех элементов, следующих за начальным ὑλὲρ: εὐχῆς, σωτηρίας, ὑγίας, ἀφέσεως ἀμαρτιῶν. Так как последний со всей очевидностью присутствует на камне, то остается выбрать между первыми двумя, так чтобы восстановить начало надписи длиной в 13–14 или 22–23 буквы. Ὑλὲρ εὐχῆς дает лишь 8 (с учетом сохранившейся конечной сигмы от последнего слова), ὑλὲρ εὐχῆς καὶ σωτηρίας — 17, ὑλὲρ ὑγίας καὶ ἀφέσεως — 12, ὑλὲρ σωτηρίας — 11. Последний вариант с восстановлением в начале надписи традиционного креста кажется нам наиболее вероятным.

Надписи с таким типом формулы встречаются чаще всего в Северном Причерноморье на различных архитектурных деталях зданий, построенных дедикантом (ср.: *ГНХВ 17, Соломоник 1986, с. 210–212*). В нашем случае мы имеем дело с простым песчаниковым блоком, а не мраморной деталью юстиниановского времени. Учитывая это, можно с осторожностью предположить, что наш камень происходит из какой-то культовой постройки, скорее всего, постюстиниановского времени.

Что же касается восстановления имени дедиканта, то оставляя в стороне различные редкие варианты (типа Χριστομαῖος), нужно остановиться на двух: Χριστοδοῦλος и Χριστοφόρος. Первое из них засвидетельствовано эпиграфически, напр., в Египте (InsGCEg 29, 367), а второе широко распространено и в самом Северном Причерноморье (к последнему мы с осторожностью и склоняемся).

Памятник обнаружен 1988 г. при исследовании усадьбы второй половины IX — первой половины X в., расположенной на участке куртины XV Судакской крепости. Если учесть, что жите-

ли города, как правило, основным строительный материал для возведения своих домов добывали из земли непосредственно на месте будущей постройки, то принадлежность надписи к предшествовавшему усадьбе строительному комплексу выглядит весьма вероятной. Предшествующим строительным комплексом являются развалины большой постройки, датирующейся на основании археологического материала концом VII — началом VIII в.

Среди руин постройки были выявлены несколько фрагментов массивных карнизов, многочисленные византийские надгробия и плиты с прочерченным циркулем крестом, аналогичным крестам в двух предыдущих надписях. Обнаружены были также три массивные песчанниковые плиты, одна из которых имеет шесть углублений; на основании аналогий эти плиты можно уверенно интерпретировать как фрагменты саркофага. Массивная плита с шестью углублениями из северного придела — параклиса большой базилики в Плиске, как убедительно разъясняют исследователи большой базилики, была покровной плитой на саркофаге одного из христианских святителей первой болгарской столицы [Георгиев, Смядовски 1982, с. 16–20, рис. 8. 1]. Углубления предназначались для установки светильников или лампадариев во время памятной службы, совершавшейся на гробнице святителя. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с развалинами большого христианского храма, в одну из стен которого и была вмонтирована донаторская или надгробная надпись Христофора.

5. Строителя (?) D1Va5

Носитель: блок кладки с множеством процарапанных крестов. *Мат.:* песчанник. *Сост. пам.:* неизв.

Место находки: окрестности Судака, “монастырь св. Георгия” на западном склоне г. Манджил-Кая, храм, внешний юго-западный угол. *Обст. находки:* 1895 г., обследование А.Л. Бертье-Делагарда (ИТУАК, 1897, с.168). *Место хран.:* неизв. *Выс.:* 26 см. *Шир.:* 116 см. *Толщ.:* неизв.

Эпиграф. поле: по верхнему краю камня.

Датировка текста: после 1406 г. (?) *Источник датировки:* указание надписи.

Публ.: ГНХВ 73а.

Выс. букв. неизв.

+ Ἀρχὴ σὺν θεῶ, ἀμήν. Ἔτους ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ
(χιλιο)στ[οῦ
υβ' (?).

Крит. ашп.: С. 1: ἀμήν VinDzhan; С. 1-2: α..', μ(ηνὸς) (?) ιβ' Lat.

Перевод. Начало с Богом, аминь. В год от Христа 1406,12-го...

Комм.: Надпись относится к разряду графитти на наружных стенах храмов, среди которых преобладают анэпиграфные рисунки (как в нашем случае кресты). Такие графитти в храмах иногда содержат и даты (напр., 1188 г. на капители из базилики под Мангупом (неопубликовано, хранится в КФ ИА НАНУ)). Как верно отметил Латышев, из даты на нашем камне четко читается только альфа, обозначающая II тыс. по Р.Х. Датировки от Рождества Христова появляются в Северном Причерноморье только в позднем средневековье, вероятно, под западным влиянием во время генуэзского господства над Судаком.

Восстановление пропущенного Латышевым в середине надписи слова не вызывает ни малейших сомнений. Правильное прочтение остальных цифр связано, однако, не с хронологическими выкладками, а с изучением характера знаков в конце первой строки и в начале второй. На наш взгляд, последние два знака в ней не имеют отношения к надписи, так как на эстампаже (*РА ИИМК РАН, ф. 2, 1928 г., д. 104, л. 36*) видно, что они выполнены другой рукой, нежели предыдущие. Между тем, первый знак во второй строке есть не что иное как ипсилон: его числовое значение подтверждает титло над ним. Однако получившийся набор чисел (1, 6, 412) не может быть обозначением года: впрочем, выбивается из этого ряда прежде всего стигма. Поэтому рискнем предположить, что мы имеем здесь дело с полусловесным обозначением года, характерным для позднесредневековой эпиграфики (ср. напр., надпись 1403 г. с Мангупа [*Латышев 1918, с. 18–20, № 2*]).

Развалины монастыря св. Георгия были известны еще академику Палласу, в альбоме путешествия которого помещено изображение его развалин. Расположены они на западном склоне г. Манджил-Кая, которая обычно именуется вторым названием — Ай-Георгий. В сборнике Латышева помещен план монастырского храма. В начале 60-х гг. XX в. развалины храма были уничтожены при терассировании склона и в настоящий момент представляют собой груды песчаниковых камней перемешанных с известковым раствором. Вблизи развалин визу-ально прослеживаются остатки других монастырских построек.

6. Захарии

Носитель: стена. *Мат.:* штукатурка. *Сост. пам.:* обломан со всех сторон.

Место находки. Судак, монастырь на склоне горы Перчем.
Обст. находки. 1993 г., раскопки И.А. Баранова и В.В. Майко.
Место хран.: МСК. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 6 см. *Шир.:* 4 см.
Толщ.: 1,5 см.

Датировка текста: средне-византийское время. *Источник датировки:* шрифт.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 0,6-1,1 см.

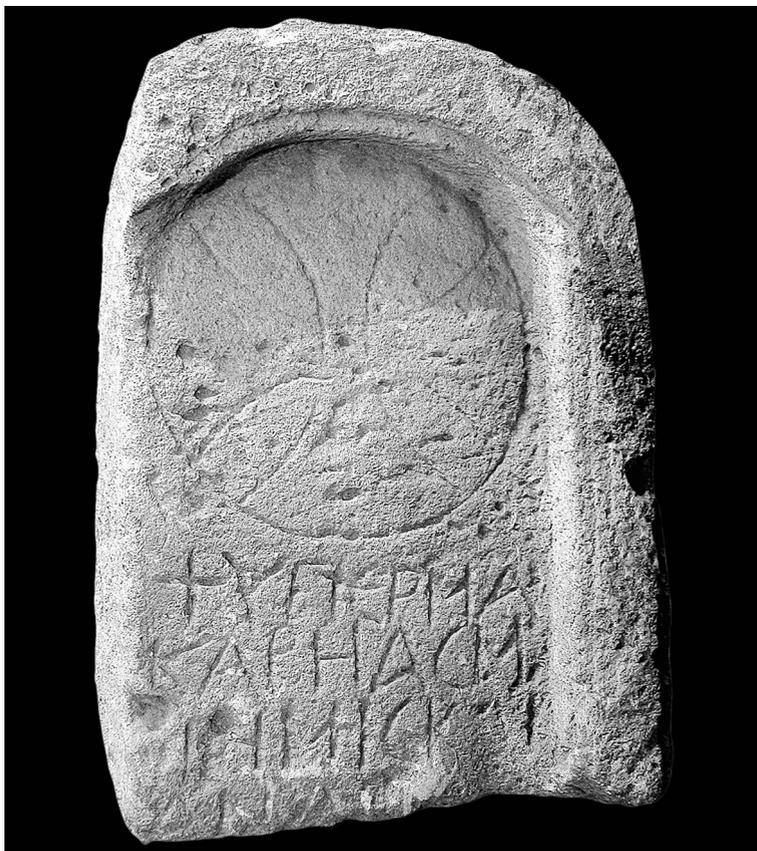
Κ(ύρι)ε βο]ήθ[ει
Ζα(χαρία) πρ(εσβυτέρω) κα.: [ι
...]ης έσφρα[γι...

Перевод. Господи, помоги Захарии, пресвитеру и ... запечат...

Комм.: Несмотря на небольшое количество сохранившихся в 3 строках букв, содержание надписи можно восстановить с большой долей вероятности. Сокращение такого типа для слова “пресвитер” хорошо засвидетельствовано в Крыму (например, в неизданной плите с Сьюрени, хранящейся в КФ ИА НАНУ).

Надгробные надписи

7. Неизвестного DIVb1

Носитель: плита с полукруглым верхом, обрамленная рельефной рамкой с изображением циркульного креста. *Мат.:* копсельский песчаник. *Сост. пам.:* стесан слева, обломан снизу.

Место находки: Судак, в стене крепости между башнями 1387 и 1394 гг. *Обст. находки:* неизв. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* отсутствует. *Выс.:* 16 см. *Шир.:* 11 см. *Толщ.:* 4,5 см.

Эпиграф. поле: внутри рамки, под розеткой.

Публ.: Мурзакевич 1872, с. 318; ГНХВ 73; Латышев 1913, с. 107–108, № 1.

Датировка текста: VIII в. *Источник датировки:* аналоги из Херсонеса.

Выс. букв: 4–4,8 см.

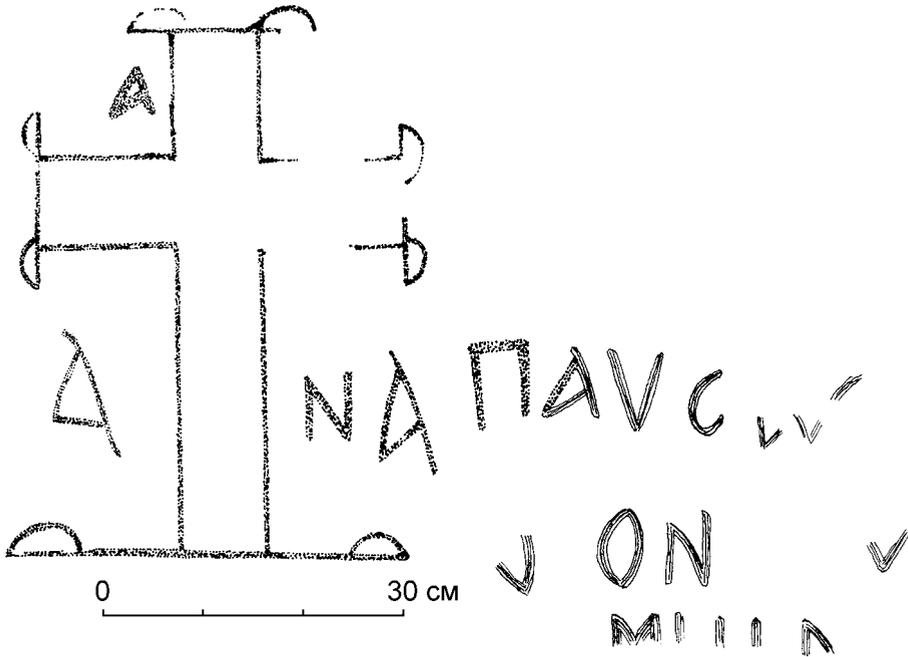
+ Ὑπὲρ μα-
καρίας μ-
νήμης καὶ
ἀναπ[αύσε-
[ως τοῦ δεινός.

Перевод. О блаженной памяти и упокоении имярека...

Комм.: Надписи с формулой “о блаженной памяти и упокоении” могут рассматриваться двояко: и как надгробные, и как посвятительные, где дедикантами выступают не живые (как в формуле типа “о спасении”), но умершие, возможно, инициировавшие постройку или дарение. Такие надписи нам известны опять же в Херсонесе [ГНХВ 24; Латышев 1899, с. 49–50, № 46]. Как верно отметил Латышев, отбитыми остались имя и, возможно, дата кончины.

Terminus ante quem для нашего камня — кон. XIV в., когда строится стена, в которую он был вделан. Сравнение его с херсонесскими аналогиями заставляет отнести его с осторожностью к началу средне-византийской эпохи, т.е. примерно к V — II в.

8. Из склепа DIVb2

Носитель: фреска на восточной стене склепа с изображением процветшего креста и христогограммы. *Мат.:* штукатурка. *Сост. пам.:* сколы по поверхности, опадение красочного слоя.

Место находки: Судак, куртина XV, склеп № 3. *Обст. находки:* раскопки И.А. Баранова, 1988 г. *Место хран.:* in situ. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* max. 63 см. *Шир.:* max. 93 см. *Толщ.:* неизв.

Эпиграф. поле: под крестом.

Датировка текста: VIII — IX вв. *Источник датировки:* сопутствующий археологический материал.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 25 см

Α Ω

Ἄμιν. Ἀνάπαυσ[ο]ν, [κ(ύρι)ε] ...

..]ον[...

Μ.·...Ν.·[...

Перевод: Аминь. Упокой, Господи, имярека.

Комм.: Мы имеем дело с единственной северопричерноморской надписью на стене склепа вне Боспора. Несмотря на фрагментарную сохранность выполненного краской текста, его формула восстанавливается довольно хорошо. Употребление “аминь” не на обычном месте в конце текста, а в середине или даже начале надписи характерно особенно для граффити.

Формула “Господи, упокой”, в нашем случае с инверсией, типична для ранне-византийской эпиграфики Херсонеса [см. напр.: *Латышев 1908, с. 28, № 22*].

В утраченной части надписи слишком мало места для выражений типа “раба Божьего”, поэтому там стояло, по-видимому, лишь имя покойного, судя по окончанию, мужского пола.

Сооружение, в котором обнаружена надпись, представляет собой обычное для ранне- и средневизантийской эпохи погребальную конструкцию для балканской части Византии и Черноморского бассейна [*Chera, Lungu 1992, taf. 10; Pillinger 1992, taf. 14–15*].

В Судаке такая форма склепов зафиксирована в семи случаях. Прямоугольная погребальная камера, размерами 2.21×3 м, сложенная на известковом растворе из блоков коп-

сельского песчаника, ориентирована по оси север — юг и перекрыта коробовым сводом. Ко входу в южной стене, размерами 0.61×0.61 м примыкал дромос со ступенями, перекрытый в древности каменными плитами. В потолке имелся железный крюк, для подвешивания лампы.

Во время археологических исследований зафиксированы останки не менее 20 погребенных. Наиболее раннее погребение, ориентированное головой на запад, с которым можно связать строительство склепа, принадлежало мужчине 30–40 лет, на черепе которого имелось прижизненное повреждение, нанесенное острым орудием. Погребальный инвентарь, сопровождавший умершего, включал две золотые пуговицы, серебряную серьгу, и железный нательный крест.

Столь явные черты христианской погребальной обрядности не подтверждают, высказанного ранее в литературе мнения, о принадлежности склепов на участке куртины XIV хазарской знати, принявшей иудаизм [Баранов 1991, с. 145].

Памятник следует датировать по археологическому контексту, однако ряд архаичных моментов (христограмма, ранневизантийская формула, форма букв) заставляет отнести его к нижнему рубежу комплекса, т.е. к VIII в.

9. Неизвестной

Носитель: неизв. *Мат.:* неизв. *Сост. пам.:* обломан снизу.

Место находки: Судак, т.н. “Храм Дианы” в урочище Димитраки. *Обст. находки:* 1928 г., раскопки А.Фомина. *Место хран.:* неизв. *Разм. неизв.* (выс. букв 1.8–3.5)

Эпиграф. поле: 11×13.

Датировка текста: XIII — XV вв. *Источник датировки:* археологическая датировка монастыря.

Публ.: ineditum.

Ἐκοι-
μήθη
ἡ δοῦ
λη [τοῦ
θεοῦ ἡ δεῖνα...

Перевод: Почила раба Божья имярек...

Комм.: Эта надпись известна нам только по эстампажу 1928 г. (РА ИИМК РАН Р-П, д. 190, л. 2). Формула “почила раба Божья” характерна для конца средне- и для поздне-византийской эпохи.

”Храм Дианы” представляет собой развалины крупного для византийской провинций общежитийного монастыря. Название “храм Дианы” появилось в начале XX в., когда над поверхностью были хорошо видны остатки стен храма сложенных на белом известковом растворе.

В 1909-1910 гг. остатки храма были расчищены студентом Московского университета фон Эдингом. Многочисленные фрагменты фресковой росписи попали в Московский исторический музей (*ИТУАК, 1911. с. 127*). В 1928 г. повторная расчистка храма была произведена экспедицией ГАИМК под рук. А. Фомина. В 1975 и 1976 гг. исследования вблизи монастыря проводил М.А. Фронджуло. Этими раскопками были выявлены остатки ремесленной мастерской, где была найдена матрица с изображением Иоанна Предтечи из композиции Деисуса, предназначенная, очевидно, для изготовления окладов икон.

В 1982 г. Храм монастыря и его ограда были полностью расчищены экспедицией И.А.Баранова (*Баранов, 1984. с. 242-243*.) Как было выявлено при раскопках монастырь был заключен в прямоугольную ограду с единственным входом с севера. Внутри ограды по ее периметру располагались монастырские кельи и хозяйственные сооружения. Четырехстолпный купольный храм располагался в глубине монастырского двора. С запада к храму примыкал притвор с колокольней над ним, а со стороны двора — крытая аркада, покоившаяся на трех столпах.

10. Неизвестного DIVb3

Носитель: плита с бортиком (выс. 1.5, шир. 4). *Мат.*: известняк. *Сост. пам.*: обломан сверху и справа.

Место находки. Судак, т.н. квартал № I. *Обст. находки*. раскопки И.А. Баранова 1998 г. *Место хран.*: Судак, МСК.

Инв. номер: отсутств. *Выс.*: max. 16 см. *Шир.*: max. 11 см. *Толщ.*: 4 см.

Эпиграф. поле: 1: внутри рамки; 2: на углах рамки.

Датировка текста: средне-византийский период (?). *Источник датировки*. шрифт.

Публ.: ineditum.

Выс. букв.: 2 см.

1: ... μ-]

ην[ἰ ...-

ίου α' [...ἐν ἐ-

κήνη [τῆ] ...

2: Α [Ω

Перевод. ... 1-го
..., в этой ...

Комм.: Судя по небольшой толщине плитки, она предназначалась для вставки в стену. Из знаков на ее бортике сохранилась только альфа в левом нижнем углу — резонно предполагать, что с правой стороны находилась омега, хотя такая декорация памятников характерна скорее для ранневизантийской эпохи.

Основной текст надписи заканчивается, по-видимому, развернутой датировкой, характерной, прежде всего для надгробных памятников.

Буквы ΗΝ в третьей и ΙΟΥ Α во второй от конца строках дают возможность с большой долей уверенности предположить здесь указание на месяц, название которого, к сожалению, утрачено, что не позволяет восстановить длину строку (от 6 букв с “маем” до 11 с “февралем” или “сентябрем”).

Буквы ΚΗΝΗ в последней строке — часть финальной клаузулы: здесь напрашивается реконструкция слова ἐκείνη “этой” в контексте типа “в этой обители”.

Varia

11. Симона DIViO

Носитель: рельефная икона. *Мат.:* нуммулитовый известняк, месторождения которого в юго-восточном Крыму отсутствуют. *Сост. пам.:* обломан со всех сторон, кроме нижней; сохранился только нижний бортик и остатки нишей части поля иконы.

Место находки: Судак, крепость, подъемный материал. *Обст. находки:* раскопки И.А. Баранова, 1988 г. *Место хран.:* Судак, археологическая база КФ ИА НАНУ. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 3 см. *Шир.:* 18 см. *Толщ.:* max. 7 см.

Эпиграф. поле: по нижнему бортику.

Датировка текста: VI — VII вв. (?) Источник датировки: шрифт.

Публ.: Соломоник 1991, с. 177–178.

Анал.: шрифт: Ves 158.1.

Προσφορ]ὰ Σήμων ἀμ[αρτωλοῦ (?)

Крит. ашп.: ...]α Σίμονα μ[οναχόν (?) Sol.

Перевод: Приношение грешного Симона (?)

Комм.: Восстановление Соломоник наталкивается на одно препятствие: надпись на нижнем бортике рельефа, скорее всего, посвятельная, и реконструкция аккумулятива отсылает нас к формуле типа “Господи, помоги” или “Господи, спаси”. Однако альфа перед именем не может принадлежать ни артиклю, ни глаголу такого рода. Имя Симон, заимствованное из древнееврейского, может как склоняться, так и оставаться несклоняемым. Во втором случае мы будем иметь две буквы от начала следующего слова (AM), и сам собой напрашивается вариант

“грешный” (типичный для Византии топос самоуничужения. Альфу перед именем мы склонны относить к слову женского рода, обозначающему дарение или его объект, типа *προσφορά* “приношение, хотя здесь, конечно же, смущает отсутствие артикля перед несклоняемым именем.

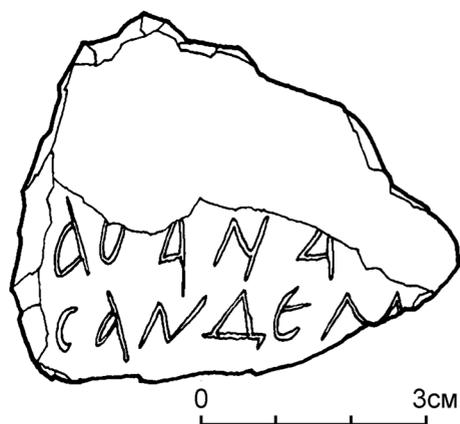
Впрочем, прочтение надписи, основанное на восстановлении имени “Симон” (не единственное, возможны, конечно, и другие варианты: напр., *διὰ σωτηρίᾱς ἡμῶν ἀμ[αρτωλῶν]*).

12. Афанасия (?) DIVI2

Носитель: неопределен.

Мат.: нуммулитовый известняк. *Сост. пам.:* обломан со всех сторон (вкл. задн.).

Место находки: Судак, куртина XIV, склеп № 1
Обст. находки: раскопки И.А. Баранова, 1986 г. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* СК-86/№ 246. *Выс.:* макс. 6 см. *Шир.:* макс. 5 см. *Толщ.:* макс. 1 см.

Датировка текста: средне-византийский период. *Источник датировки:* шрифт.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 1 см.

Ἀθανασί...
ΣΑΝΔΕΜ...

Комм.: По оставшимся буквам трудно восстановить содержание надписи. Следует лишь отметить, что буквы первой строки, скорее всего, принадлежат имени Афанасий, а не слову типа *ἀθάνατος* “бессмертный”.

Надпись обнаружена при расчистке засыпи склепа № 1 VIII — IX вв. на участке куртины XIV. Вполне возможно, что обломок камня с графитити попал в склеп во время строительства постройки XIV в., в процессе которого был проломан коробовый свод склепа.

13. Иоанна

Носитель: наружная стена храма. *Мат.:* штукатурка. *Сост. пам.:* сохранился целиком.

Место находки: Судак, крепость, “храм с аркадой”, входная сень, южн. стена. *Обст. находки:* не фиксировались. *Место хран.:* in situ. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 6 см. *Шир.:* 5 см.

Датировка текста: после 1373 г. *Источник датировки:* датировка сооружения.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 2–3.5.

Ἰω(άννης)

Перевод: Иоанн.

Комм.: Графитто на стене здания имеет явно памятный характер [подробно о здании см: Джанов, 2002, с. 178-192]. Прочерчено оно на известковой штукатурке, покрывающей внутреннюю стену входной сени. Штукатурка нанесена во время использования здания в качестве католического храма с 1373 по 1475 гг. Помимо графитти Иоанна на штукатурке сохранились изображения гербов западноевропейского типа, крестов, греческих буквенных графитти и лигатур. Наличие грече-

---

ских граффити на стене католического храма говорит, о тесном соприкосновении представителей различных этно-конфессиональных групп населения города в период господства генуэзцев.

14. Надпись на рельефной иконе

Носитель: рельефная икона с рамкой (выс. 0.8) и изображением святого Георгия на коне поражающего змея. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* сохранился целиком.

Место находки: Судак, крепость, башня 1409 г., завал на дне. *Обст. находки:* раскопки башни Лучано ди Фиески ди Лаванья. *Место хран.:* МСК. *Инв. номер:* отсутств. *Выс.:* 21. *Шир.:* 18.5. *Толщ.:* 5.

Эпиграф. поле: I: справа над св. Георгием; II: слева над св. Георгием.

Датировка текста: XIV — XV вв. *Источник датировки:* характер изображения.

Публ.: ineditum.

Выс. букв: 0.3–0.8.

’Ο ἄγιος
Γεώργιος

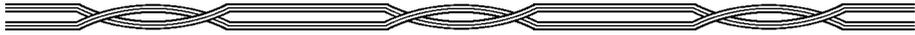
’Ο (?) ἄγ(ιος) Θε-
[ό]δωρος

Перевод. Святой Георгий.
Святой Федор.

Комм.: Изображен на рельефе, несомненно, св. Георгий Победоносец — сидящим на коне и поражающим змея. Вторая надпись, “св. Феодор”, возникла, по всей видимости, тогда, когда икону решили посвятить этому мученику, для чего закрасили красной краской фон иконы, после чего первоначальная надпись стала невидима. Такое переосвящение не должно казаться чем-то невероятным, особенно учитывая то, что и культ св. Феодора (а вернее Феодоров: Стратилата и Тирона) был связан как с конем (напр., фреска в храме Донаторов в Черкес-Кермене), так и со змеем, похитившим мать святого и убитым им.

Икона была найдена при раскопках крепостной башни генуэзского периода, строительство которой четко датировано закладной плитой и относится к консулату Лучано ди Фиески ди Лаванья в 1409 г. Таким образом, наиболее вероятное время переосвящения иконы — 1409–1475 гг.

Манера исполнения рельефа достаточно грубая, что выдает руку местного ремесленника. Святой Георгий изображен

коронованным т.н. “сельджукской короной”, очертания линий которой характерны для первой половины XV в. Рельефные иконы с изображением Георгия на коне, который являлся небесным покровителем Генуи, часто встречаются в генуэзских колониях Крыма. Из Судака происходят еще два рельефа, один из которых был утрачен в годы Второй мировой войны.

СКЛЕП II В. ДО Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА УКРЕПЛЕНИЯ БИЮК ЯНЫШАР

В 2001–2002 годах Феодосийский периферийный отряд Западно-Боспорской (Восточно-Крымской) экспедиции КФ ИА НАН Украины проводил разведки в окрестностях села Южное Феодосийской административной зоны. В результате этих работ, у юго-западного подножья северо-западной оконечности хребта Биюк Янышар были выявлены остатки склепа, разрушенного в 70-е гг. XX века при прокладке глубокой дренажной канавы (рис. 1). В 0.4 км к востоку от выявленного склепа, на вершине хребта Биюк Янышар находится крепость III — II вв. до н.э. [Катюшин 1998, с. 40; Гаврилов 2002, с. 168], бывшим обитателям которой и принадлежит выявленный склеп. Похоже, что на поверхности склона местонахождение склепа ничем не обозначалось, поскольку следов насыпи и каменной обкладки вокруг него не зафиксировано. Возможно, для обозначения на местности, в древности сверху перекрытия склепа была сделана небольшая каменная наброска, или рядом с ним вкапывался деревянный столб.

Склеп был сооружен на относительно пологом склоне, который ничем не выделялся на фоне окружающего рельефа. Для этого первоначально была выкопана яма с ровным дном, в которой из бутового известнякового камня были сооружены стены. Для их строительства использовался бутовый камень подпрямоугольной формы размером от 14×43×45 до 30×45×93 см. Кладка выполнена насухо (рис. 2). Судя по сохранившимся остаткам стен (западной и северной), внешние размеры склепа составляли около или чуть более 2.5×1.5 м (сохранившиеся внутренние — 2.05×1.34 м). Очевидно, по длинной оси он был ориентирован с востока на запад. Перекрытие отсутствовало, судя по аналогам, оно было из каменных плит, однако, никаких следов каменных конструкций ни в остатках заполнения склепа, ни рядом с ним обнаружено не было. Пол склепа также мог быть выложен тонкой известняковой плиткой, но она вследствие ограбления склепа и перекопанности полов, не сохранилась. Вход в склеп, очевидно, находился в его восточной стене. Остатки заполнения внутри склепа были перекопаны грабителями.

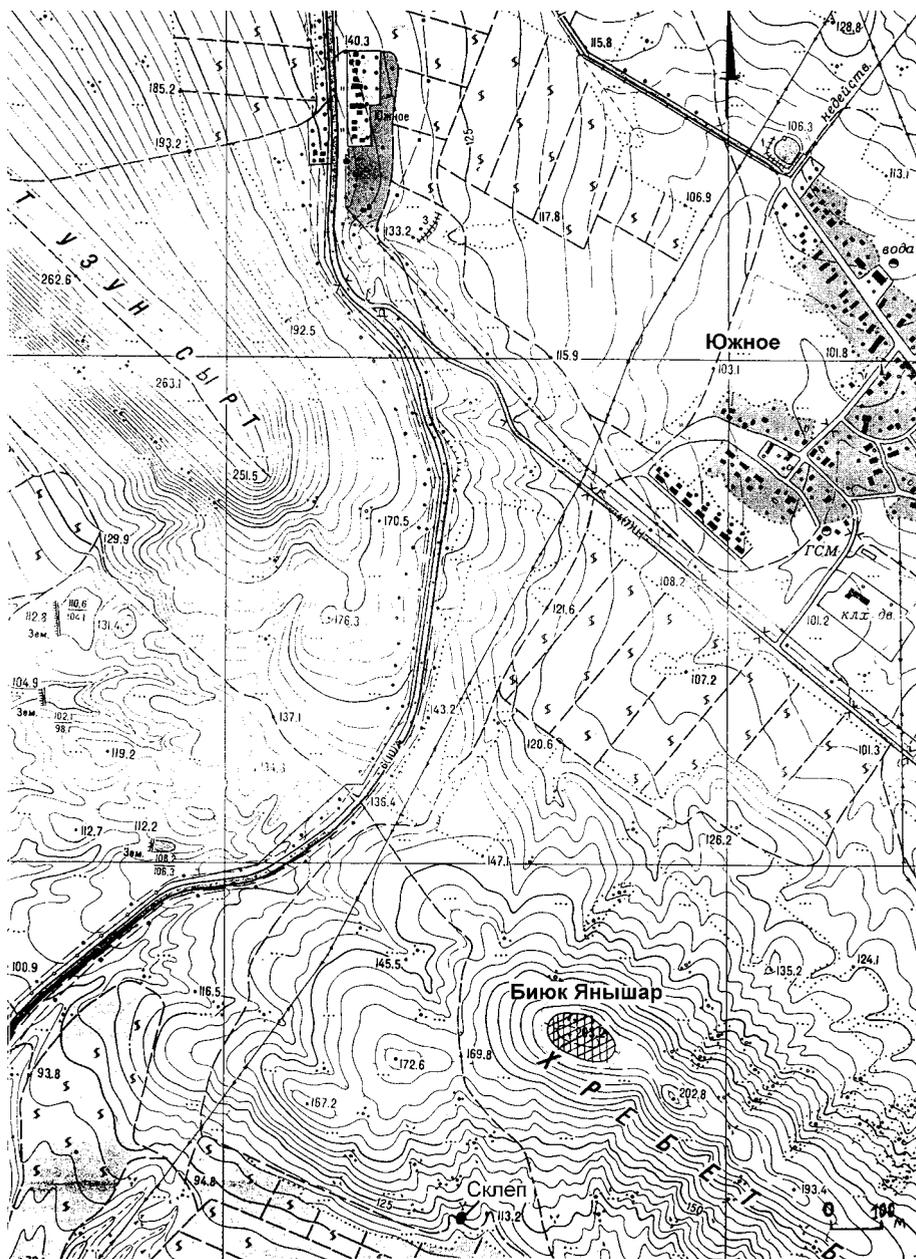

Рис. 1. Местонахождение склепа, относящегося к укреплению Биук Янышар. М 1:100 м.

В находящемся рядом отвале было обнаружено много мелких фрагментов человеческих костей, мелких фрагментов красноглиняных кувшинов и т.н. мегарских чаш, несколько бусин (бочонковидная из красного сердолика; плоская биконическая из

желто-зеленого полупрозрачного стекла; округлой формы из светло-желтой пасты с синими глазками) фрагмент бронзового кольца и маленькая спиралевидная подвеска (рис. 3). Судя по наличию большого количества фрагментов человеческих костей, захоронения в склепе совершались многократно и количество погребенных могло достигать нескольких десятков [ср.: *Калошин 1996, с. 23*]. Очевидно, этот склеп принадлежал могильнику, оставленному населением крепости. Поскольку обследование и шурфовки на прилегающей территории результатов не дали, то приходится констатировать, что склеп был крайним восточным в могильнике, основная часть которого была уничтожена при подрезке и нивелировке склона хребта с целью посадки сада и виноградника, а также прокладки дренажной канавы много лет назад.

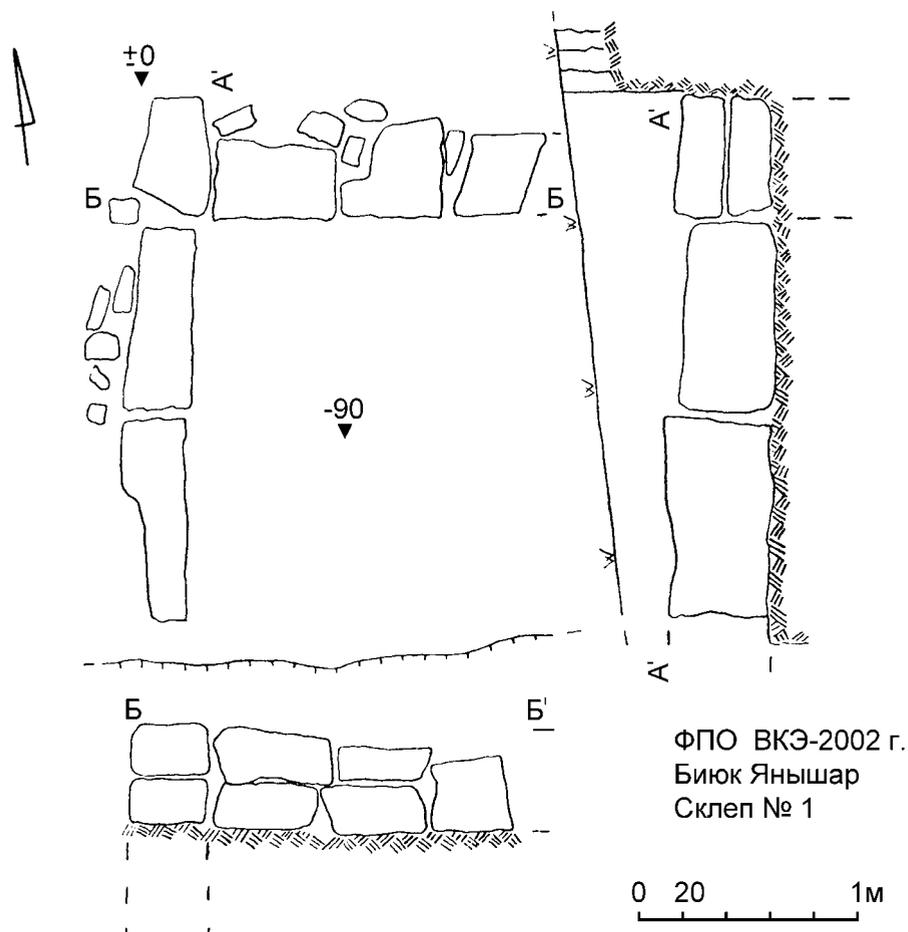

Рис. 2. План и фасировка остатков стен склепа, относящегося к укреплению Биюк Янышар.

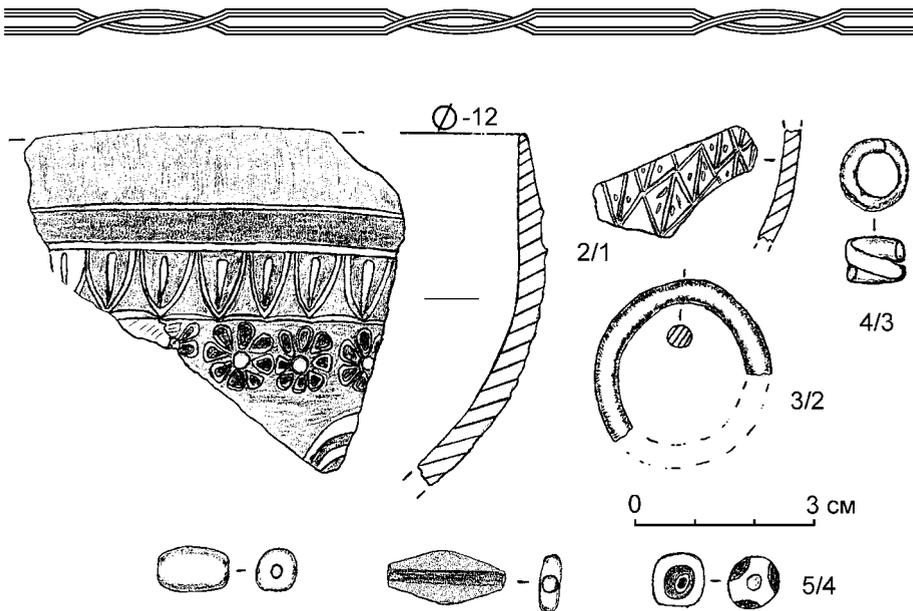

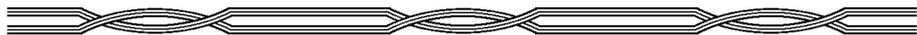
Рис. 3. Материалы из склепа, относящегося к укреплению Биюк Янышар: 2 — фрагменты т.н. мегарских чаш; 3 — кольца бронзового фрагмент; 4 — подвеска спиралевидная; 5 — бусы.

Ближайшие аналоги данному склепу и материалу из него происходят из курганного могильника, принадлежащего городищу на горе Сары Кая, которое находится в 8 км к северо-западу от укрепления Биюк Янышар.

Погребения Сары Кайского могильника датируются в рамках последней четверти III — начала I в. до н.э. [Катюшин 1996, с. 21; Колтухов 2001, с. 65]. В нашем случае сохранившиеся материалы склепа позволяют датировать его II в. до н.э. В частности, на это время указывают фрагменты мегарских чаш предположительно ионийского (эфесского) производства:

1. Из светло-красной глины с примесью мелких блесток слюды, покрытых бурым лаком с орнаментом, распределенным по трем зонам. В верхней изображены остроугольные овы в бордюре; во второй — восьмилепестковые розетки. Чаши с таким орнаментом датируются серединой II в. до н.э.

2. Из серой с мелкими блестками слюды глины. Покрываются черным тусклым лаком, штампованный орнамент из наложенных внахлест друг на друга остроугольных листиков. Чаши с таким орнаментом датируются первой половиной III в. до н.э. [Внуков, Коваленко 1998, с. 69, рис. 2: 6]. Бусы, бронзовые кольца и спиралевидные подвески находят полные аналогии в материалах Сарыкайского могильника [ср.: Катюшин 1996, рис. 5: 9; рис. 6: 20, 25], время их бытования соответствует датировкам чаш.

Материалы Бюк Янышарского могильника указывают на определенную этническую однородность населения, проживавшего в укреплениях предгорий и горной части юго-восточного Крыма во II — I вв. до н.э. Очевидно, это были потомки эллинизированного тавро-скифского населения [Гаврилов, Крамаровский 2001, с. 36]. В этом плане также информативна и лепная керамика II в. до н.э., которая имеет определенное сходство на ряде укрепленных памятников региона. В частности, кувшины с ручками, имитирующими перевитую веревку и налестками в ее верхней части, встречаются также на городище и могильнике Сары Кая, укреплениях Куру Баш, Карасан Оба, усадьбе Мачук, Кутлакской крепости [ср.: Ланцов, Юрочкин 2001, рис. 3; Гаврилов 2003, с. 161, 167]. При этом нужно отметить полное исчезновение таких черт материальной культуры на укрепленных памятниках региона, как прежняя орнаментация лепной керамики. В частности, на кухонных горшках больше не применяется орнаментация скифского типа из пальцево-ногтевых вдавлений и орнаментация таврского типа из прочерченных линий на столовой лощеной посуде, что является следствием эллинизации населения и утраты какой-то части прежнего мировоззрения [Масленников 1981, с. 80]. Налестки же в качестве орнамента остаются и продолжают применяться на лощеной посуде, что отражает преемственность традиций, и, соответственно, какой-то части населения. Археологические материалы указывают на присутствие его в округе Феодосии. Детали формирования этого населения в юго-восточном Крыму и его материальной культуры во многом пока остаются неясными. Но, похоже, что оно несколько отличалось (большей степенью эллинизации) от населения предгорий Центрального Крыма, где скифские черты в материальной культуре выделяются резче и существуют дольше [см. Высотская 1979, с. 102; Катюшин 1996, с. 28]. Оно находилось в дружественных отношениях с Боспором и несло пограничную службу на западных рубежах государства.

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ КОНСТАНТИНА V (741–775), НАЙДЕННЫЕ В СУДАКЕ

Находки византийских монет VIII — начала IX вв. на территории СССР крайне редки, как отмечал В.В. Кропоткин, автор составленной в 1960-х гг. топографии. Единичные золотые монеты VIII в. встречались главным образом на территории Хазарского каганата: на Северном Кавказе, в Крыму и в Подонье [*Кропоткин 1962, с. 11*]. В частности, в Крыму был найден один золотой солид Льва III (720–741) и семь солидов Константина V, а также одна золотая субэратная (т.е. с медным ядром) монета–подражание солиду Константина V, из погребения на Чуфут-Кале [*Кропоткин 1962, №№ 205, 212, 213, 214, 219а; 1965, № 52*].

В.В. Кропоткин, как и многие другие исследователи того времени, полагал, что золотые византийские монеты были основной международной валютой и главным средством платежей в торговле Византии с другими странами, поэтому малочисленность находок золотых монет этого времени он связывал с прекращением экономических отношений Византии с Восточной Европой и Закавказьем [*Кропоткин 1962, с. 11; 1967, с. 52*]. Однако, Ф. Грирсон обратил внимание исследователей на тот факт, что, согласно Кодексу Юстиниана (4.63.2), в империи существовал запрет на вывоз золота, как для иностранных, так и для византийских купцов [*Grierson 1968, p. 15, note 16*]. Поэтому золотые монеты не могут служить индикаторами торговых связей империи. Они попадали за пределы Византии как государственные платежи варварским вождям или как дипломатические дары.

В VIII веке византийские императоры выплачивали большие суммы денег хазарам, в союзе с которыми империя была очень заинтересована для ведения войн с арабами. В 732 г. для укрепления этого союза Лев III женил своего сына, будущего императора Константина V, на дочери или сестре хазарского кагана [*Артамонов 1962, с. 233*]. И, видимо, не случайно именно золотые солиды Константина V преобладают среди монетных находок на территории Хазарии, в составе которой был в это время почти весь Крымский полуостров.

Отмечая малочисленность находок византийских монет в восточном и юго-западном Крыму, особенно по сравнению с Херсоном, И.В. Соколова считала, что это “подчеркивает безденежный характер сельского хозяйства полуострова в VIII — IX вв.” [Соколова 1969, с. 263]. Однако, прежде, чем сделать такой вывод, автор статьи особо оговорила, что “при немассовости материала любое новое открытие может привести к изменению наших представлений” [Соколова 1969, с. 262].

За более чем 30 лет, прошедших со времени написания работ В.В. Кропоткина и И.В. Соколовой, появились новые находки византийских монет в Крыму и на территории Хазарского каганата. Ограничиваясь в рамках данного доклада только монетами, найденными в Судакe, попытаемся понять, меняют ли они сложившееся у наших предшественников представление о роли византийских монет в жизни населения восточной Таврики.

В 1982 г. во время раскопок в Судакe в прибрежной полосе бухты под Крепостной горой было найдено четыре золотых солида Константина V, на лицевой стороне которых император представлен со своим сыном-соправителем Львом IV, а на оборотной стороне помещено изображение отца Константина — Льва III. Выпуски солидов этого типа относятся к 751–775 гг. Монеты хранятся в Киеве, в национальном заповеднике “София Киевская” (таблица I)¹. Отличительной особенностью трех из этих монет является то, что они очень сильно обрезаны по краям. По сравнению со стандартными солидами, данные монеты в 4 раза легче по весу. Две монеты из этой группы (таблица I, №№ 1–2) были неверно отнесены определявшим их В.А. Сидоренко к солидам императора Феофила (829–842). С таким определением они упоминаются в работах И.А. Баранова и других исследователей [Баранов 1990, с. 21; 1994, с. 52; Плетнева 2000, с. 158; Сорочан 2001, с. 110].

Восемь монет Константина V такого типа, найденных в 1980-х гг. в Судакe, в прибрежной полосе, находятся в частной коллекции (таблица II)². Пять из них сильно обрезаны по краям. Вес этих пяти монет колеблется от 1.31 до 1.80 г (таблица II, №№ 4–8).

В публикациях и в музейных собраниях мне удалось выявить несколько аналогичных, т.е. сильно обрезанных по краям монет, и все они относятся только к отмеченному типу солидов Константина V со Львом IV и Львом III.

Таблица I. Монеты из коллекции Национального заповедника “София Киевская”.

Инв. № вес, диаметр	Лицевая сторона	Оборотная сторона
КП-785 Д нум. 1 Вес 1.01 г Д. 10 мм		
КП-1091 Д нум. 6 Вес 1.07 г Д. 11 мм		
КП-1527 Д нум. 94 Вес 3.72 г Д. 19 мм		
КП-1528 Д нум. 95 Вес 1.06 г Д. 12 мм		

В сводке находок византийских монет В.В. Кропоткина имеется известие об обнаружении только одной сильно обрезанной монеты. Это был солид, найденный во время археологических раскопок экспедиции ГАИМК в 1931 г. в погребении неподалеку от Тамани [Кропоткин 1962, с. 22–23, № 27; рис. 17, № 17]. Однако, В.В. Кропоткин сознательно не включил в свою топографию монеты, найденные в Херсонесе, справедливо полагая, что этот регион Крыма, в силу многочисленности монетных находок, нуждается в специальном изучении [Кропоткин 1962, с. 5]. Из опубликованных монет, происходящих из Херсонеса, известен один солид Константина V со Львом IV и Львом III, сильно обрезанный по краям (вес 1.46 г, диаметр 12 мм). Он был обнаружен в 1954 после шторма на берегу моря у “Базилики 1935 г.” [Гилевич 1959, с. 268, рис. 1, 2].

Таблица II. Монеты, найденные в Судаке, из частной коллекции.

№№ п/п	Лицевая сторона	Оборотная сторона
1 Вес – ?		
2 Вес – ?		
3 Вес – 3.76 г		
4 Вес – 3.76 г		
5 Вес – 1.80 г		
6 Вес – 1.38 г		
7 Вес – ?		
8 Вес – ?		

Как можно судить по фотографии, где изображения увеличены, одна из двух монет, найденных местными жителями на плато Тепсень в Коктебеле (приобретены в 1951 г. В.П. Бабенчиковым), тоже относится к числу солидов Константина V со Львом IV и Львом III, обрезанных по краям [Бабенчиков 1953, с. 110, рис. 36 (внизу)]³.

В собрании Государственного Эрмитажа в числе нескольких десятков солидов Константина V со Львом IV и Львом III

имеется три экземпляра монет, сильно обрезанных по краям (таблица III, №№ 1–3). Одна монета происходит из коллекции И.И. Толстого. Она не опубликована в издании “Византийские монеты” в 1914 г. (где указывалось место покупки и стоимость каждого экземпляра), следовательно, И.И. Толстой приобрел монету после выхода в свет VIII выпуска его труда, и теперь выяснить что-либо о месте ее находки не представляется возможным. Вторая монета была приобретена для Отдела нумизматики через Экспертно-закупочную комиссию Государственного Эрмитажа в мае 1967 г. у жителя г. Архангельска Л.Д. Туманова, который нашел эту монету в Алуште. Третья монета была подарена В.Ф. Груздевым в отдел нумизматики Эрмитажа в 1968 г. Место ее находки неизвестно.

Таблица III. Монеты из собрания Эрмитажа, ГИМ и ГМИИ.

Инв. № вес, диаметр	Лицевая сторона	Оборотная сторона
Аз-4520 Вес 1.54 г Д. 11.5 мм		
Аз-4867 Вес 2.01 г Д. 14.5 мм		
Аз-4873 Вес 1.28 г Д. 12 мм		
Аз-313 Вес 1.39 г Д. 13 мм		
Аз-4867 Вес 1.74 г Д. 13 мм		

В музеях Москвы — ГИМе и ГМИИ им. А.С. Пушкина — имеется по одному экземпляру таких солидов, места их находок неизвестны (таблица III, №№ 4–5).

Таким образом, в научный оборот вводится **двенадцать** золотых солидов Константина V со Львом IV и Львом III, найденных в Судаке, **восемь** из которых сильно обрезаны по краям. К последним можно добавить **три** неизданных экземпляра из коллекции Государственного Эрмитажа, один из которых найден в Алуште; **две** неизданные монеты из музеев Москвы, а также уже известные по публикациям сильно обрезанные по краям солиды Константина V со Львом IV и Львом III, обнаруженные на Тамани, в Херсонесе и на Тепсене.

В сущности, только в одном Судаке количество обнаруженных за последние 20 лет золотых монет в два раза превосходит все известные ранее находки подобных монет в Крыму. А главное, в результате раскопок, случайных находок и исследований прибрежной полосы Судака любителями-аквалангистами появились новые памятники нумизматики, которые уже можно анализировать: сильно обрезанные по краям солиды. Но прежде, чем попытаться понять, кому и зачем понадобилось так обрезать золотые монеты, следует кратко обрисовать тот исторический контекст, в который вписываются эти памятники.

И.А. Баранов, подытожив материалы раскопок в крепости и в портовой части Судака за несколько лет, пришел к выводу, что на начальном этапе своего существования, т.е. на рубеже VII — VIII вв., Сугдея представляла собой небольшую византийскую приморскую крепость с замком на вершине горы, с портовой слободой, где тоже существовали приморские укрепления с башней. Основным занятием населения в этот период было обслуживание византийских кораблей, совершавших плавание между Херсоном и Боспором. После разгрома Сугдеи хазарами около 740 года и разрушением византийских портовых сооружений, наблюдается, по мнению И.А. Баранова, упадок в работе порта, связанный с уходом византийского флота из Сугдеи, которая вошла в состав Хазарского каганата. На территории порта расселился тюркский отряд, подчинявшийся хазарскому наместнику — тархану, резиденцией которого стал замок на горе. С другой стороны, как считал исследователь, со второй половины VIII в. наблюдается расширение территории Сугдеи за счет оседания на ее окраинах греков-иконопочитателей,

эмигрировавших в Крым из Малой Азии, и именно на окраины переместился экономический и культурный центр жизни города [Баранов 1987, с. 19–22; 1994, с. 52].

Иного мнения на ситуацию в Сугдее придерживается А.И. Айбабин. Он считает, что уже в первой половине VIII в. город входил в состав Хазарского каганата, что на это время приходится динамичный рост экономики восточного Крыма, а Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона, где в начале столетия хазары создали таможенную службу, свидетельством чему являются находки свыше 400 византийских печатей VIII — IX вв. [Айбабин 1999, с. 205].

Проведенный В.С. Шандровской анализ восьми печатей из архива византийских моливдовулов, найденного в Судаке при подводных работах (наиболее ранняя часть Сугдеи оказалась к настоящему времени затопленной морем в результате трансгрессии берегов), свидетельствует, о том, что речь идет о **византийской** таможенной службе в Сугдее. Среди ее чиновников были представители высоких гражданских должностей империи: коммерциарии, логофеты геникона другие. Печати датируются VII — X вв. и свидетельствуют о существовании торговых отношений Сугдеи с Константинополем, начиная с VII века, а с различными городами южного побережья Черного моря и Малой Азии — с первой половины VIII века [Шандровская 1995, с. 119–123].

Новые находки печатей из Судацкого архива — 131 экземпляр — ввела в научный оборот Е.В. Степанова [Степанова 2001, с. 97–107]. Всего ко времени публикации ее статьи было найдено около пятисот моливдовулов, но из-за сильной коррозии от долгого нахождения в воде большинство памятников не поддается определению. Исследованные печати распределены Е.В. Степановой на четыре периода, охватывающие VII — XI века: к первому периоду относится 15 печатей различных византийских существование в Сугдее в это время не просто таможенного, а общегородского архива, где хранилась различная местная документация. Ко второму периоду, т.е. к VIII — IX вв., относится 33 печати, что составляет 25% исследованных памятников. Учитывая сложившуюся в городе ситуацию, когда, по мнению И.А. Баранова, портовые сооружения были разрушены, а порт перестал функционировать, следовало ожидать, что в архиве отсутствовали бы печати этого периода и оказа-

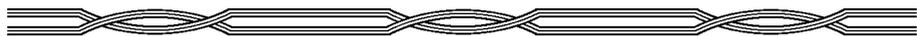
лась бы уничтожена ранняя часть памятников. Однако этого не произошло, а анализ печатей этого времени позволил Е.В. Степановой прийти к выводу, что “не только не наблюдается спад византийской активности в данном регионе, но отмечается даже значительный подъем” [Степанова 2001, с. 101] и что “византийцы не ушли из Сугдеи во время господства на этой территории Хазарского каганата” [Степанова 2001, с. 104].

Данные сфрагистических памятников не противоречат и выводам М.И. Артамонова, исследовавшего практику взаимоотношений хазар с завоеванными ими народами в целом в каганате. Хазары предоставляли всем широкую автономию и обычно сохраняли внутреннее управление подвластных им народов в неприкосновенном виде [Артамонов 1962, с. 257–258]. Подобного мнения о ситуации в Крыму придерживается А.И. Айбабин [Айбабин 1999, с. 210–211]. Многие проясняет в истории полуострова того времени выдвинутая С.Б. Сорочаном гипотеза о существовании в Крыму кондоминиума, т.е. системы совместного владения полуостровом хазарами и византийцами [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 220–225; Сорочан 2001, с. 76–81].

Следует ожидать в таком случае, что византийские жители Сугдеи продолжали использовать монеты во время рыночных сделок, а также при таможенных и налоговых сборах. Внутреннее денежное обращение в Византийской империи базировалось на золоте и меди, при этом на рынке обычно пользовались медными деньгами, а налоги в казну и таможенные сборы брались золотыми монетами.

По наблюдениям И.В. Соколовой, состав монетных находок VI — VII вв. в восточном и юго-западном Крыму существенно отличается. На юго-западе преобладают медные монеты херсонского чекана, а в восточной части полуострова находят золотые и медные монеты константинопольского монетного двора. Как считает исследовательница, это свидетельствует о том, что юго-западный Крым в это время был внутриимперской областью, зависимой от Херсона, а восточный, тоже входя в сферу влияния Византии, осуществлял связи с метрополией самостоятельно [Соколова 1969, с. 262].

Новые находки византийских моливдовулов и золотых монет в Судаке, подтверждая этот вывод И.В. Соколовой, сделанный применительно к VI — VII вв., позволяют распространить его и на VIII в., во всяком случае, по отношению к Сугдее,

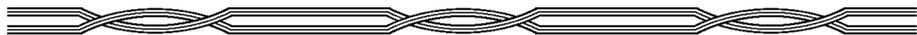
а также пересмотреть тезис о безденежном характере хозяйственной жизни полуострова этого периода, базировавшийся на отсутствии нумизматических памятников.

Золотые монеты, найденные в Судаке, несомненно, были в обращении, причем именно среди грекоязычного населения города. Свидетельством этому являются граффити в виде греческих букв на некоторых из них и обрезанные края монет.

Граффити на византийских монетах еще не являлись объектом специального изучения, в отличие от граффити на восточных дирхемах, которые позволили их исследователям сделать вывод, что обычно они наносились на монеты в процессе обращения как знаки собственности, а также с магическими и ритуальными целями [*Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991*].

Проведенный мною анализ граффити на золотых монетах VIII века из коллекции Эрмитажа, привел к таким предварительным наблюдениям. Из 148 монет этого периода, хранящихся в Эрмитаже, 32 экземпляра имеют граффити. Среди последних преобладают солиды Константина V со Львом IV и Львом III (двадцать экземпляров, из которых три приводятся в данной статье). Граффити на монетах из коллекции Эрмитажа подразделяются только на простейшие знаки: черточки, углы, параллельные линии, дуги, — часто встречающиеся на памятниках различных времен и народов, в том числе и хазар; и на буквы или лигатуры из букв греческого алфавита. Последние варианты граффити характерны для причерноморского региона и встречаются на монетах, найденных в Крыму и на Таманском полуострове. Большинство граффити: и знаки, и буквы — имеет, по-видимому, цифровое значение. Они могли быть нанесены на монеты в процессе подсчета денежных сумм, производившегося при помощи взвешивания, чтобы отметить очередную сумму [*Гурулева 2003, с. 45–46*].

Важную информацию, дополняющую высказанные мною соображения, несет найденный в 1989 г. в Краснодарском крае неподалеку от Славянска-на Кубани, клад золотых солидов императоров-иконоборцев от Льва III до Константина VI (780–797), подавляющее большинство монет в котором относится ко времени правления Константина V. Сразу после обнаружения клада 207 монет поступило в Краснодарский музей, а затем усилиями сотрудника Эрмитажа А.И. Семенова была собрана информация о разошедшихся по рукам остальным монетам,

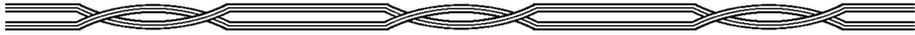

часть из которых приобрел Государственный Эрмитаж. Клад представляет исключительный интерес. Это первая большая находка комплекса подобных монет в России, причем нужно учитывать, что даже на территории бывшей Византии и клады, и единичные находки монет иконоборческого периода очень редки, поскольку монеты были изъяты из обращения после победы почитателей икон [Соколова 1963, с. 62–63]. Значимость клада увеличивается еще и от того, что более половины солидов имеют граффити — в основном греческие буквы, а также религиозные символы и рисунки архитектурного характера. Клад, таким образом, создает источниковую базу для изучения граффити — “автографов средневековья” — на византийских монетах. По мнению А.И. Семенова, поселение, где был найден клад, было невелико и, урядно, поэтому клад мог попасть туда только случайно, и, судя по времени его сокрытия — 780–790-е гг. — это могла быть добыча, захваченная хазарами в Крыму во время подавления восстания Иоанна Готского [Semenov 1994, p. 83–85].

Я имела возможность ознакомиться с частью клада, хранящейся в Краснодаре. Многие монеты в нем обрезаны по краям, но не настолько сильно, как судакские находки. Тем не менее, если догадка А.И. Семенова верна, Славянский клад значительно расширяет и источниковую базу для изучения денежного обращения в восточном Крыму в VIII — начале IX вв.

Практика срезания металла с краев золотых монет широко бытовала в Византии, несмотря на суровые запреты и меры наказания за такие действия, а также на постоянные проверки полновесности монет при помощи специальных монетных гирек — экзагиев. Несовершенство техники монетной чеканки приводило к тому, что допустимое законом колебание веса солида достигало одного грамма. Это и порождало стремление людей нажиться за счет срезания излишков металла с края монеты. Особенно выгодна была такая операция купцам, мяникам, сборщикам налогов, через руки которых проходили большие суммы денег. Однако, в Византии, обрезая края монет, все-таки старались соблюдать меру, не заходить за ободок, ограничивающий поле монеты, и не слишком снижать ее вес по отношению к допустимому законом, что подтверждают в первую очередь сами византийские монеты.

Тот факт, что многие монеты, найденные в Судаке и других городах Крыма, обрезаны столь значительно, говорит, на

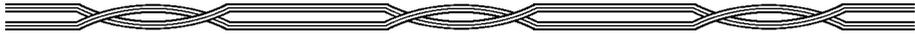
мой взгляд, не о мошенничестве, а скорее о сознательной и, возможно, даже санкционированной местными византийскими властями акции. Даже то, как были обрезаны эти монеты, говорит о том, что это делали не варвары, а подданные Византийской империи. При срезании металла с краев монет, они старались сохранить лица императоров, поэтому многие экземпляры имеют овальную форму, позволяющую минимально затронуть лица двух правителей на лицевых сторонах.

На всех трех монетах Эрмитажа и на монетах из музеев Москвы имеются граффити, процарапанные уже на обрезанных солидах. А это значит, что именно в таком уменьшенном виде монета находилась в обращении. Вероятно, в VIII в. на внутреннем рынке восточного Крыма ощущалась нехватка разменной медной монеты. Во всяком случае, среди зафиксированных находок византийских монет VIII в. в Крыму, исключая Херсон (там во время раскопок находят и медные монеты этого времени), встречаются только золотые монеты, в основном крупных номиналов. Есть данные о находке лишь трех тремиссов — самого низкого номинала золотых монет, составлявших 1/3 солида. Одна монета — Льва III с Константином V — хранится в Национальном заповеднике “Херсонес Таврический”⁴. Две — императоров Филиппика Вардана (711–713) и Льва III с Константином V, происходящих из погребения в могильнике в Скалистом [Веймарн, Айбабин 1993, с. 167]⁵ — в Национальном музее истории Украины в Киеве.

О заметной роли тремиссов в монетном обращении Крыма VII века свидетельствует одно из писем папы Мартина I, который в 655 г., был сослан в Херсон. Попав в Крым в кризисный для его жителей год, он жалуется на голод и дороговизну хлеба:

“... ни разу, право, не мог я приобрести в здешнем крае хлеба, хоть на тремисс..., кроме как ... с судов, изредка заходящих сюда с тем, чтобы уходить с грузом соли. Таким путем мы могли покупать три или четыре модия за золотой (здесь имеется в виду, видимо, уже солид. — В.Г.)” [Цит. по: Артамонов 1962, с. 195].

Можно предположить, что обрезанные по краям солиды Константина V имели хождение в восточном Крыму в VIII веке как разменные деньги. Шестнадцать монет, которые находятся в нашем распоряжении, имеют существенную разницу в весе и в диаметре, позволяющую предположить, что полученные таким образом разменные монеты могли быть нескольких номи-

налов. В Византии известны две фракции солида: семисс и тремисс, которые соответственно составляют $1/2$ и $1/3$ части основного номинала, а допустимый вес солида колеблется от 3.5 до 4.5 г. Среди находок в Судаке и других поселениях Крыма можно выделить три группы монет, соответствующих по весу и диаметру семиссу (от 1.75 до 2 г), тремиссу (от 1.31 до 1.54 г), а также $1/4$ солида (от 1 до 1.07 г) — номиналу, аналога которому в Византии нет, но необходимость которого могла быть продиктована местным рынком.

Таковы наблюдения предварительного характера, которые можно сделать, проанализировав имеющиеся в настоящее время монеты Константина V. Крымские монетные находки таят еще много загадок и позволяют пока только ставить вопросы, окончательные ответы на которые смогут дать дальнейшие археологические раскопки.

Примечания:

¹ Приношу свою благодарность зам.директора Национального заповедника “София Киевская” И.Е. Марголиной, а также хранителю фонда О.Б. Воробей за предоставленную мне возможность ознакомиться с этими монетами и опубликовать их.

² Слепки с этих монет были предоставлены в мое распоряжение В.А. Сидоренко. Приношу ему свою благодарность.

³ Изображение этой монеты в натуральную величину см.: [Кропоткин 1962, рис. 17 № 10].

⁴ Инв. № 12984, монета записана со ссылкой на каталог Британского музея как выпуск Константина V. В настоящее время такие монеты относят ко времени правления Льва III (717–741).

⁵ Монета Льва III также отнесена к правлению Константина V.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КРЕСТЫ-ПЛОМБЫ ИЗ НАХОДОК В БУХТЕ ЛИМЕНА-КАЛЕ

Экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины в период с 1986 по 1996 гг. проводились подводные исследования в акватории бухты Лимена-Кале (г. Судак). Установлено, что акватория бухты являлась морской гаванью византийского торгово-ремесленного города Сугдеи-Солдаи на протяжении VII — XV вв. [Баранов, Емельянов 1990]. В ходе работ получено большое количество археологического материала. Интересно, что основную массу находок составляют изделия из свинца.

В результате исследования выявлено шесть секторов скопления материала (рис. 1). Наиболее ранний материал (VII — XI вв.) распределяется по периферии бухты, а находки XII — XV вв. концентрируются в центральной ее части, где, судя по обнаруженным остаткам квадратной облицовки причально-буновых сооружений, находилась искусственная гавань XII — XV вв.

Основной археологический материал центральной части бухты представлен свинцовыми печатями-моливдовулами [Баранов 1990, с. 53; Шандровская 1993, с. 85–98 *Neuen Funde ... № 4*], крестиками, моделями якорей, различными кольцами, орнаментированными грузиками и различными разновесами. При раскопках Сугдеи такой вид материала не выявлен, поэтому всю эту группу находок можно увязать с деятельностью порта.

Остановимся подробнее на одной из групп подводных находок — свинцовых крестиках (рис. 2). Представляемые кресты, как и другие свинцовые находки, среди которых необходимо упомянуть коллекцию свинцовых вотивных якорей [Шаповалов 1990, с. 259–260], не имеют аналогов в отечественной археологии. Они появляются в процессе функционирования порта, который в конце X в. становится не только торгово-ремесленным, но и одним из военно-морских центров фемы Понта Эвксинского [Баранов 1990, с. 154].

В данной статье впервые предпринята предварительная попытка морфологической типологии свинцовых крестиков, происходящих из подводных исследований в порту Сугдеи.

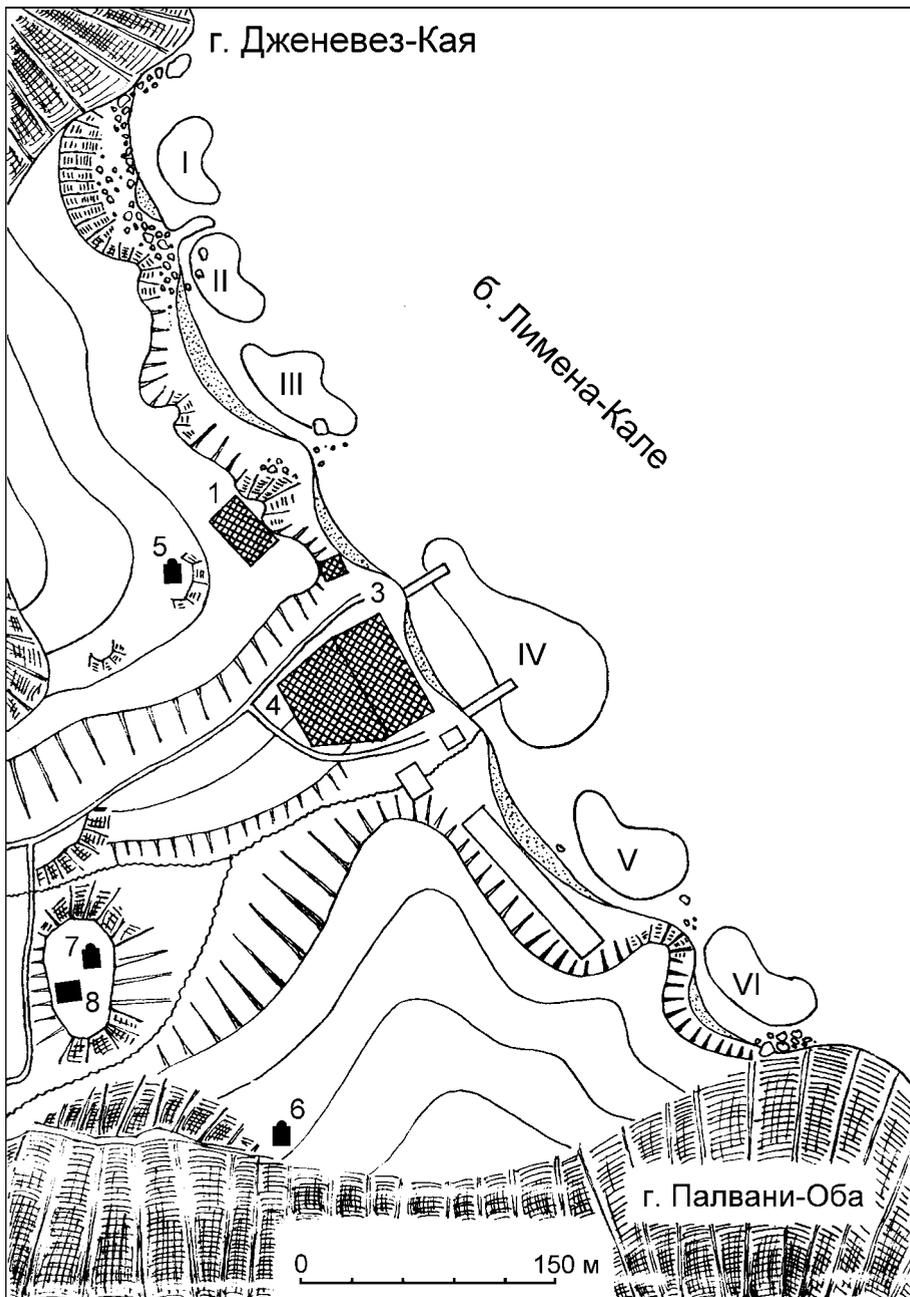

Рис. 1. План портовой части Сугдеи: 1 — раскоп М.А. Фронджуло 1964–1968 гг.; 2 — раскоп И.А. Баранова 1995 г.; 3 — раскоп М.А. Фронджуло 1964–1968 гг.; 4 — раскоп И.А. Баранова 1993–1994 гг.; 5, 6 — храмы XIV в.; 7 — храм Двенадцати апостолов X — XII вв.; 8 — портовая башня Федерико Астагуэрро XIV в.; I, II, III, IV, V, VI — сектора концентрации подводных находок.

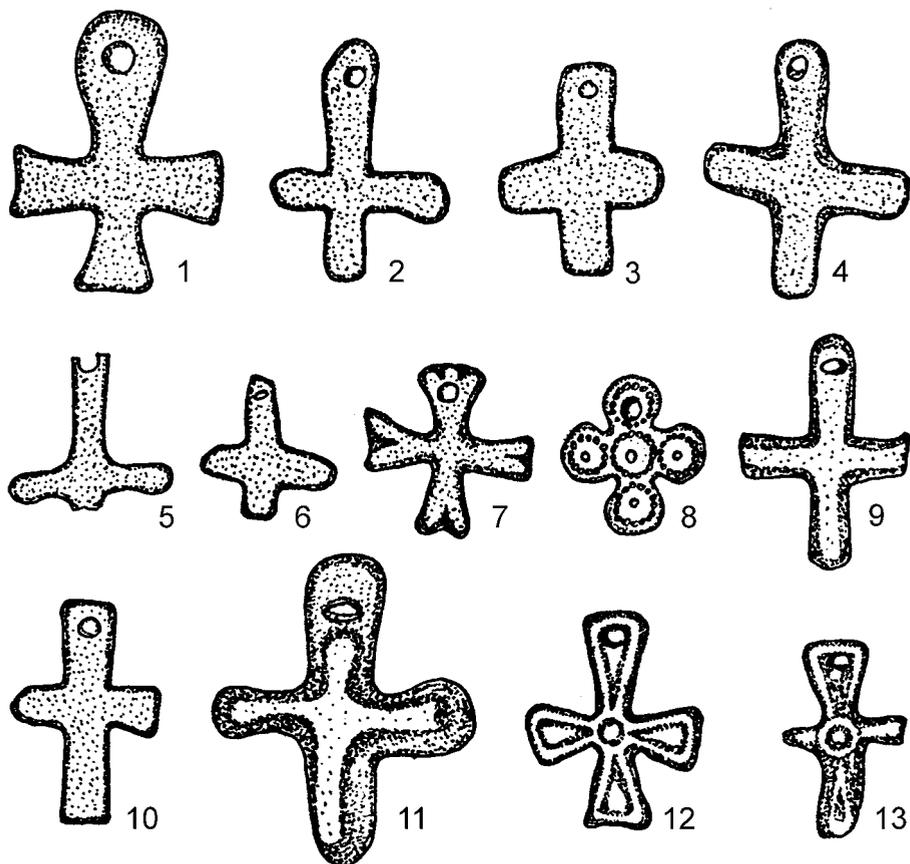

Рис. 2. Кресты-пломбы из бухты Лимена-Кале.

Предваряя эту типологию, отметим, что попытки систематизировать анализируемые кресты хронологически пока не дают положительных результатов. Это связано с тем, что весь свинцовый материал, обнаруженный в упомянутых секторах, имеет широкие хронологические рамки бытования. Найденные кресты-пломбы разнообразны по своему виду — это кресты Облика святого Петра [Бабин 1985], кресты Греческого облика, Латинские кресты. Перейдем к описанию самих крестов.

Крест Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, с расширяющимися концами и фасным отверстием, 3.8×2.7 , толщина ≈ 2 мм, сектор IV (рис. 2: 1).

Крест Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, удлинённый, без изображения, с фасным отверстием, размеры 3.2×2.8 , толщина ≈ 1 мм, сектор IV (рис. 2: 2).

Крест Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, удлинённый, уплощённый (6 мм), без изображения, и фасным отверстием, размеры: 2.8×2.1, толщина ≈1 мм, сектор IV (рис. 2: 3).

Крест Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, удлинённый, без изображения, с фасным отверстием, размеры 3.5×2.7, толщина ≈2 мм, сектор III (рис. 2: 4).

Фрагмент креста Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, без изображения, с фасным отверстием, размеры 2×2.1, толщина ≈1–2 мм, сектор V (рис. 2: 5) [*Искусство Византии ... 1977, с. 526*];

Фрагмент креста Облика святого Петра, изготовлен из свинца, литой, без изображения, с фасным отверстием, размеры 1.9×1.7, толщина ≈1 мм, сектор IV (рис. 2: 6).

Вторую группу крестов составляют т.н. кресты Греческого облика. Их обнаружено два экземпляра.

Первый изготовлен из свинца, литой, равноконечный, с раздвоенными концами и фасным отверстием, размеры 2.2×2.3, толщина ≈2 мм, сектор III (рис. 2: 7).

Второй изготовлен из свинца, литой, равноконечный, перекрестие и лучи оформлены орнаментом "павлиний глаз", с фасным отверстием, размеры 2.8×2.8, толщина ≈1 мм, сектор III (рис. 2: 8).

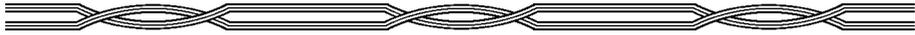
Третья группа крестов — Латинские кресты (*crux immissa*) [*Loomis 1963*].

Латинский крест. Изготовлен из свинца, литой, судя по сохранившейся части равноконечный, без изображения, с фасным отверстием, размеры 3×2.1, толщина ≈3 мм, сектор IV (рис. 2: 9).

Латинский крест, изготовлен из свинца, литой, удлинённый, без изображения, со слегка расширяющимися концами, с фасным отверстием, размеры 2.9×1.9, толщина ≈1 мм, сектор V (рис. 2: 10).

Латинский крест, изготовлен из свинца, литой, с остатками рельефно вписанного креста, с фасным отверстием, размеры 4×3.5, толщина ≈4 мм, сектор V (рис. 2: 11).

Латинский крест, изготовлен из свинца, литой, с врезным рельефно выполненным крестом, с расширяющимися концами, перекрестие и лучи украшены выпуклыми шариками, с фасным отверстием, размеры 2.8×2.3, толщина ≈2 мм, сектор V (рис. 2: 12).

Фрагмент Латинского креста, изготовлен из свинца, литой, с врезным рельефно выполненным крестом, с расширяющимися концами (особенно верхний луч), перекрестие и лучи украшены выпуклыми шариками, с фасным отверстием, размеры 2.6×1.7 толщина ≈2 мм, сектор V (рис. 2: 13).

Аналогичные кресты X — XII вв. выявлены в Болгарии, Румынии, Сербии [*Крестови од VI до XII века ... с. 19, 60–61*]. В местах, где стекались торговые караваны и концентрировались товары, они служили в качестве пломб [*Крестови од VI до XII века ... с. 19–20*]. Ими опечатывались различные товары и они являлись своеобразным амулетом при транспортировке. Кроме того, эти пломбы в виде креста служили гарантом качества товара [*Spinei 1975, p. 237*].

Пломбы в виде креста отливались, скорее всего, в тех же формах, что и кресты-тельники, распространенные в той местности, где формировался товар. Поэтому по типологии крестов в достаточной мере можно определить, откуда поступал товар.

Исходя из большого количества печатей-моливдовулов комеркариев и логофетов геникона, различных печатей-пломб и разновесов, в Сугдее была аптека — торговый склад, служащий для концентрации и распределения товаров [*Шандровская 1995, с. 119–124*]. Судя по сосредоточению находок, он находился в районе центральной части бухты и существовал, вероятно, на протяжении всей византийской эпохи.

БАШНЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КУТЛАКСКОГО ПЕНТАГОНА

Кутлакский форт находится в Юго-Восточном Крыму, в 4 км к юго-востоку от с. Веселое и в 4 км к западу от пгт. Новый Свет Судакского горисполкома, на западном приморском отроге г. Караул-Оба. Памятник был открыт в 1982 г. и впервые исследовался в 1983 г. И.А. Барановым (Симферополь). В 1984 г. небольшие исследования провела Е.А. Паршина (Киев). В 1990–1991 г. на городище крымским управлением архитектуры проведены первые консервационные работы. С 1991 г. по настоящее время раскопки ежегодно ведутся под руководством автора (КФ ИА НАНУ).

В результате раскопок памятник был почти полностью раскрыт, установлена планировка фортификационной системы и примыкающей к ней внутренней застройки крепости (рис. 1). Укрепление, площадью около 1.5 тыс. кв. м и периметром обороны около 200 м, пятиугольной формы с четырьмя прямоугольными башнями и бастионом по углам. Сохранившаяся высота каменных оборонительных стен достигает 3.5–4.00 м, ширина 3 м. Внутри крепости раскрыты строительные остатки четырех домов и огороженная каменным забором сложной конфигурации площадь перед восточными воротами, с расположенными на ней крупной водосборной цистерной, облицованной камнем, и лестницей, ведущей на оборонительную стену. На месте укрепления, исходя из сообщения Арриана (II в. н.э.) и анонимного автора V в. [*Arr.P.Pon.*, 30; *Anonim, P.Pon.*, 76(50); 78(52)], предположительно, локализуется военно-административный центр античного порта Афинеон.

Открытый форт является самым древним архитектурным объектом на всем крымском южном берегу от Балаклавы до Феодосии. Уникальная для всего Черноморского региона сохранность античных построек позволяет довольно отчетливо представить первозданный облик крепости. Из оборонительных сооружений определенный интерес вызывает хорошо сохранившаяся юго-восточная башня (№ 4) (рис. 1). Она раскопана практически полностью. Лишь наружные фасады стен открыты частично (на высоту до 2.17 м).

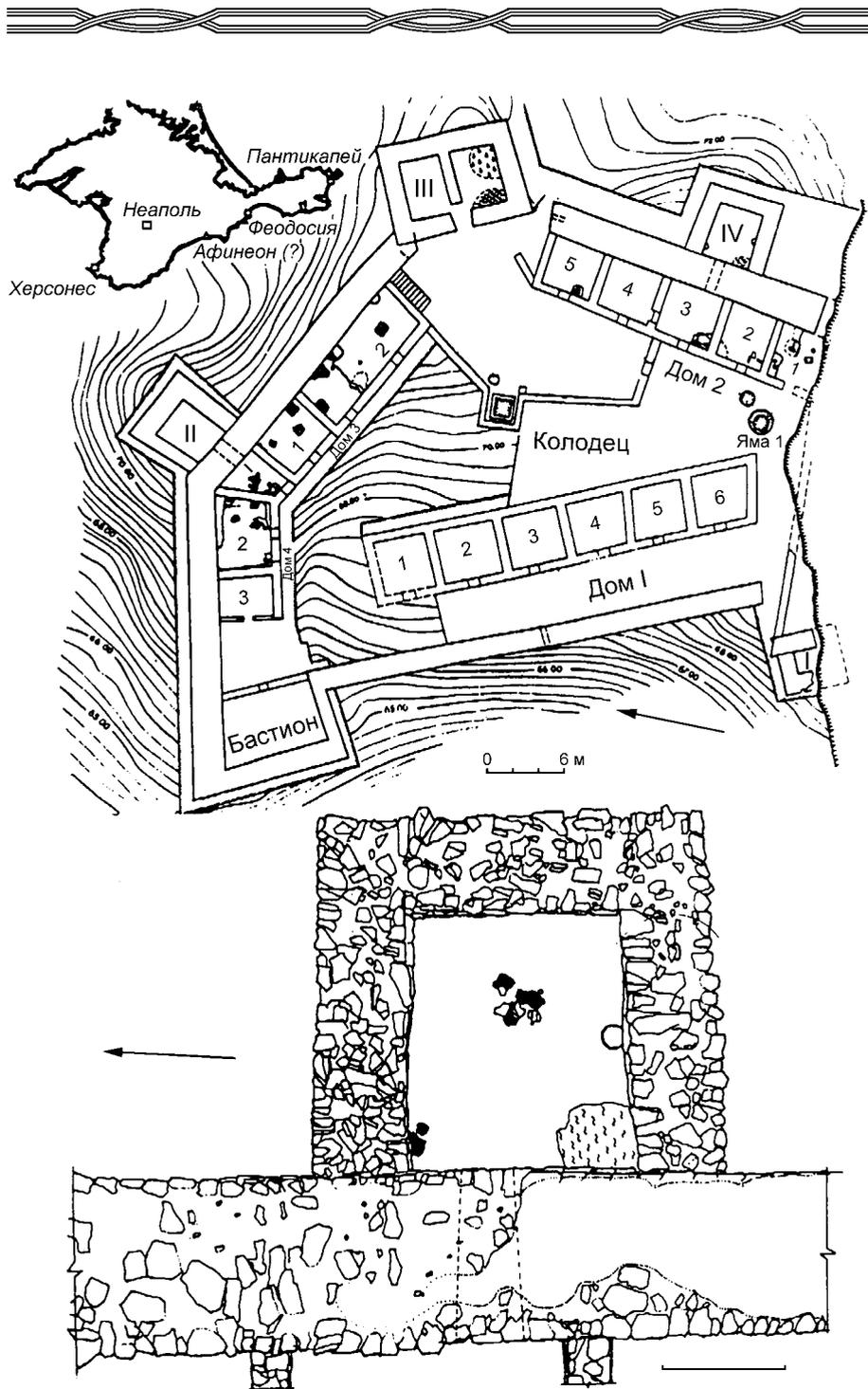

Рис. 1. Место расположения в Крыму Кутлакской крепости (Афинеон ?), ее схематический план и план юго-восточной башни.

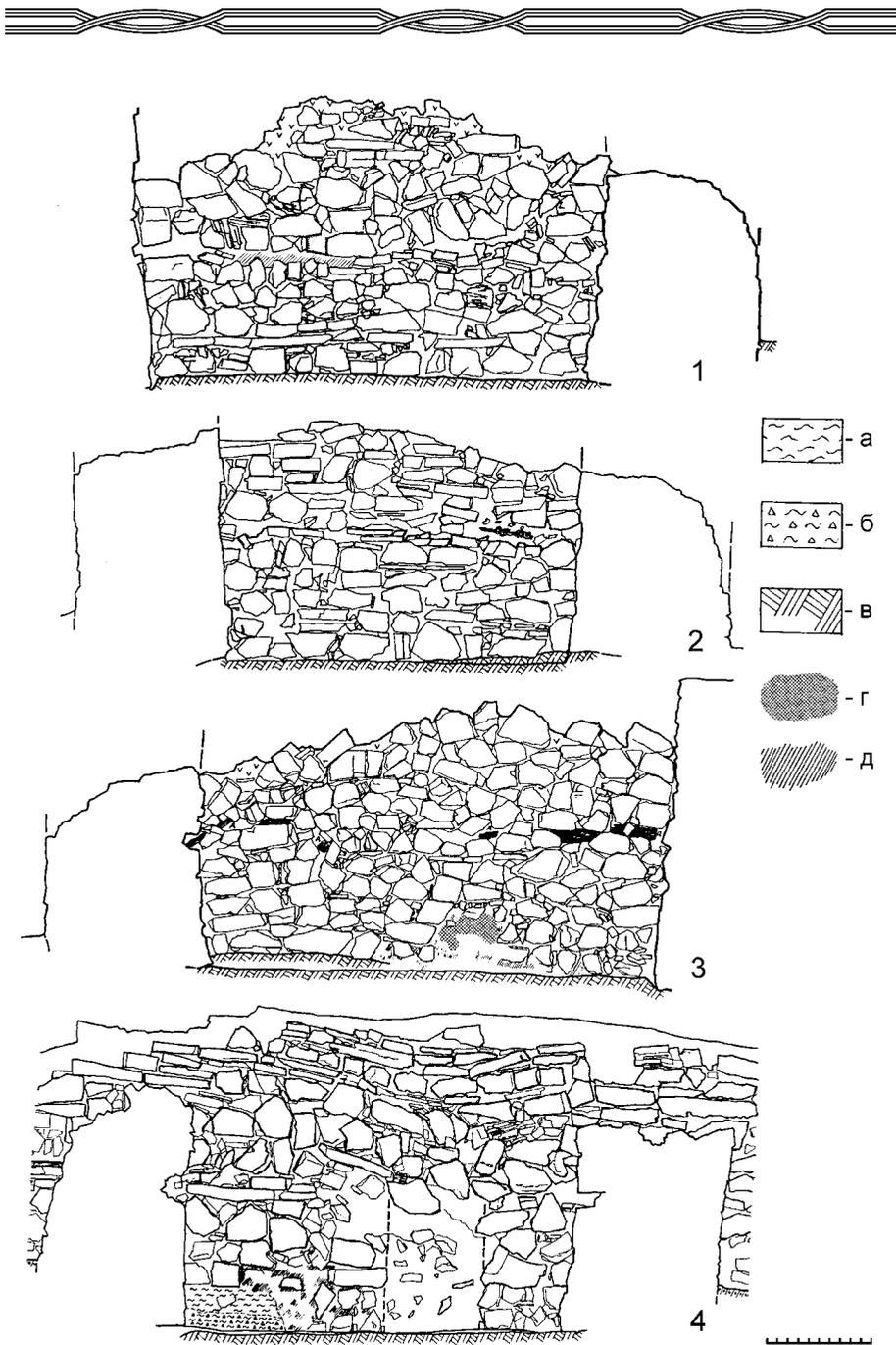

Рис. 2. Наружные фасады (1–4) и стратиграфический разрез (5) юго-восточной башни. Восточная фронтальная (2), северная (1) и южная (3) фланговые стены; 4 — участок внутреннего фасада восточной крепостной стены в месте примыкания к ней башни; 6–7 — разрезы северной и южной кладок помещения 3 дома № 2; а — каменно-сланцевый завал с коричневой глиной, б — современный перекоп, в — коричневая глина, г — пепел, д — гумус с камнями, е — глина с камнями и щебнем, ж — материковая скала.

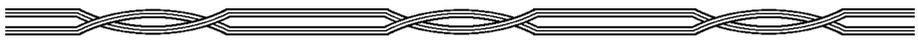

Башня пристроена к восточной куртине крепости. Она отстоит от берегового обрыва и сохранившегося южного конца куртины на 4.85 м, а от восточных ворот форта на 11.16 м. В плане — трапециевидной формы, приближающейся к прямоугольной. Ее длина в месте примыкания к куртине — 6.60 м, по фронтальной стене — 6.25 м. Ширина — по южной фланговой стене — 6.03 м, по северной — 5.97 м. Размеры камеры с севера на юг — 3.66 м (по куртине) и 3.48 м (по внутреннему фасаду восточной фронтальной стены). С запада на восток — 4.50 м. Ширина стен: восточной фронтальной — 1.6 м, северной и южной фланговых, соответственно — 1.5–1.55 и 1.4 м.

Кладки — трехслойные, однорядные, двупанцирные, двухлицевые, сохранившейся высотой до 3.0 м, из рваных по слою и природных сланцевых камней, максимальными размерами до 0.50×0.50×0.30 м, на глине с бутом и щебнем (рис. 2: 1–4; 3). Наиболее крупные и хорошо подобранные плиты, уложенные постелью, образуют перевязь передовых углов башни. Панцири сложены на глиняном вяжущем растворе с щебнем; забутовка — из щебня и заполняющей глины. Подошвы стен, формирующих наружный контур башни, в основном, относительно горизонтальные, располагаются на скале, подвергшейся предварительной нивелировке. К ним примыкает глинобитный пол. Основание же куртины повторяет коренной скальный рельеф. Пол частично примыкает к нему, а частично находится на 0.20 м выше, за счет глиняной подсыпки для выравнивания неровностей скалы.

На высоте 1.0–1.50 м от пола во всех кладках сохранились остатки деревянного противоосадочного пояса. В северной фланговой стене на этом уровне, наряду с бревнами продольных и поперечных ригелей, зафиксировано одно сквозное отверстие, размерами 0.25×0.25 м. В нем найден древесный тлен. Может быть, он принадлежал не истлевшей детали каркаса, а некогда был легкой деревянной заглушкой окна.

В фасаде куртины выявлен контур дверного проема, ведущего в башню из помещения 3 восточной казармы (рис. 1; 2: 4; 3: 4). Впервые этот проем обнаружен в 1991 году именно со стороны указанного помещения, где был открыт на высоту 1.50 м, а его ширина составила 1.10 м. Он прорезает всю толщу крепостной стены (2.75 м), несколько сужаясь в сторону башни, в которой сохранился полностью, шириной 0.90 м и высотой

1.65 м, выше бревенчатого пояса оборонительной линии. Над входом — 7–9 рядов сильно просевшей кладки, высотой 1.50 м. Перекрытие развалилось. Похоже, что оно было прямым, сложенным из крупных сланцевых плит. Откосы тоже, по большей части, разрушены. Однако в помещении 3 восточной казармы очень четко прослеживается южный откос проема, обрамленный тринадцатью мелкими сланцевыми плитками (рис. 2: 4), уложенными одна над другой и тщательно покрытыми серым известково-песочным раствором.

Обычно откосы в форте укреплялись хорошо уложенными крупными блоками, здесь же они выравнивались с помощью оштукатуренного бута. Совершенно очевидно, что проем был вырублен в первоначально сплошной куртине, после того, как к ней была пристроена башня. При этом был выпилен участок деревянного пояса стены.

Примыкание башни к средней части восточной крепостной стены и пробивка в последней дверного проема, соединяющего казарму с башней, позволяют считать, что она не входила в первоначальный фортификационный ансамбль, а относилась к последующему строительному периоду.

Заполнение башни, мощностью свыше 3 м, состояло из сплошного каменного завала с глиной, сверху перекрытого гумусом (рис. 2: 5). В ходе исследования на глубине 0.40 м около центральной части северной фланговой стены обнаружено аморфное зольное пятно, площадью 1.5×1.0 м, толщиной до 0.40 м, в котором попадались куски печины. Данный объект является развалом сырцового очага.

На этом же уровне и ниже, в завале повсюду, хотя и в незначительном количестве, встречалась керамика, идентичная обнаруженной на полу башни. Как правило, в верхнем горизонте культурного слоя памятника находки отсутствуют. Наличие же фрагментов сосудов и развала сырцового очага на уровне верха строительных остатков башни № 4 свидетельствует о существовании в данной постройке второго жилого этажа.

В древности башня изнутри была оштукатурена. Большой участок глиняной штукатурки сохранился внизу с южной стороны тыльной стены на площади 1.17×0.70 м (рис. 3: 4). На южной стене помимо штукатурки выше пола на 0.25 м выявлены следы прокаленности, размерами 0.47×0.45 м, вероятно от переносной жаровни на ножках (рис. 3: 5).

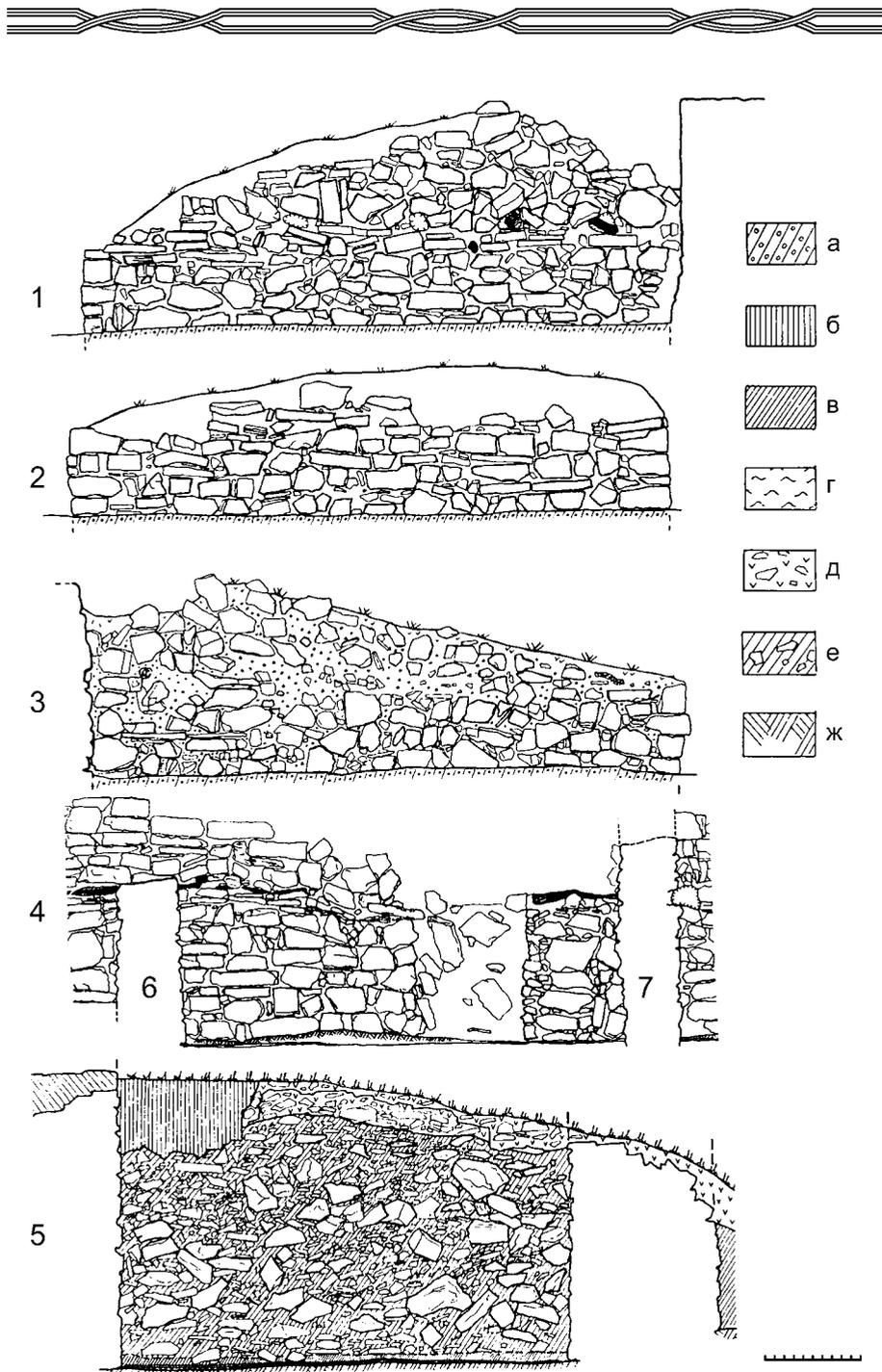

Рис. 3. Внутренние фасады стен юго-восточной башни (1 — северной, 2 — восточной, 3 — южной, 4 — западной). а — пепел, б — зола с углями, фрагментами керамики и печины, в — материк, г — прокаленная глиняная штукатурка, д — остатки штукатурки.

Относительно горизонтальный глинобитный пол, толщиной до 0.10 м, располагается на специально снивелированной скале. В нем около южной фланговой стены была ямка полусферической формы (рис. 1), диаметром 0.36–0.39 м, максимальной глубиной 0.30 м. Ее заполнение состояло из того же грунта, что и в нижней части башни — из глины со сланцевыми камнями. Однако на дне и на стенках сохранилась серая зола и отдельные древесные угольки. Следов горения нет. Ямка первоначально, вероятно, являлась предпочажной при переносной жаровне, поскольку пятно прокаленности от последней расположено на стене (см. выше) рядом с ямкой (рис. 3: Э).

В центральной части на полу было скопление крупных кусков печины от открытого очага, зачем-то специально собранных здесь (рис. 1). В юго-западном углу башни обнаружена горка золы, высотой до 0.20 м, с древесными углями и остатками обугленной древесины (головешками). В ней были крупные фрагменты печины и борт не бывшей в употреблении, видимо, бракованной сырцовой жаровни из зеленоватой глины. Других находок нет.

Золу перекрывал каменный завал с серо-сиреневым пеплом, толщиной до 0.20 м, фрагменты керамических сосудов из которого находили и на других участках пола. Зона распространения золы и пепла в плане имеет форму сектора, с юга и запада ограниченного соответствующими стенами (рис. 1). По биссектрисе юго-западного угла размер пятна составляет 2.70 м, по южной и западным стенам, соответственно, 2.0 и 1.80 м. Наибольшая толщина древнего кострища из золы и пепла (0.40 м) прослежена в юго-западном углу (рис. 3: А). На удалении от него зола становится тоньше и нисходит на нет.

Установлено, что, несмотря на толщину сохранившегося зольника, костер не был продолжительным, поскольку ни на полу, ни на стенах не сохранились следы горения, как, например, при длительном пользовании печами, очагами и жаровнями.

Предположительно, юго-восточная башня одно из мест, где было последнее пристанище части личного состава гарнизона, перед тем как покинуть крепость. Остатки костра, с брошенным в него бытовым мусором и боем посуды после трапезы, убирать не стали. Они остались на века погребенными под руинами форта, разрушенного в день ухода гарнизона.

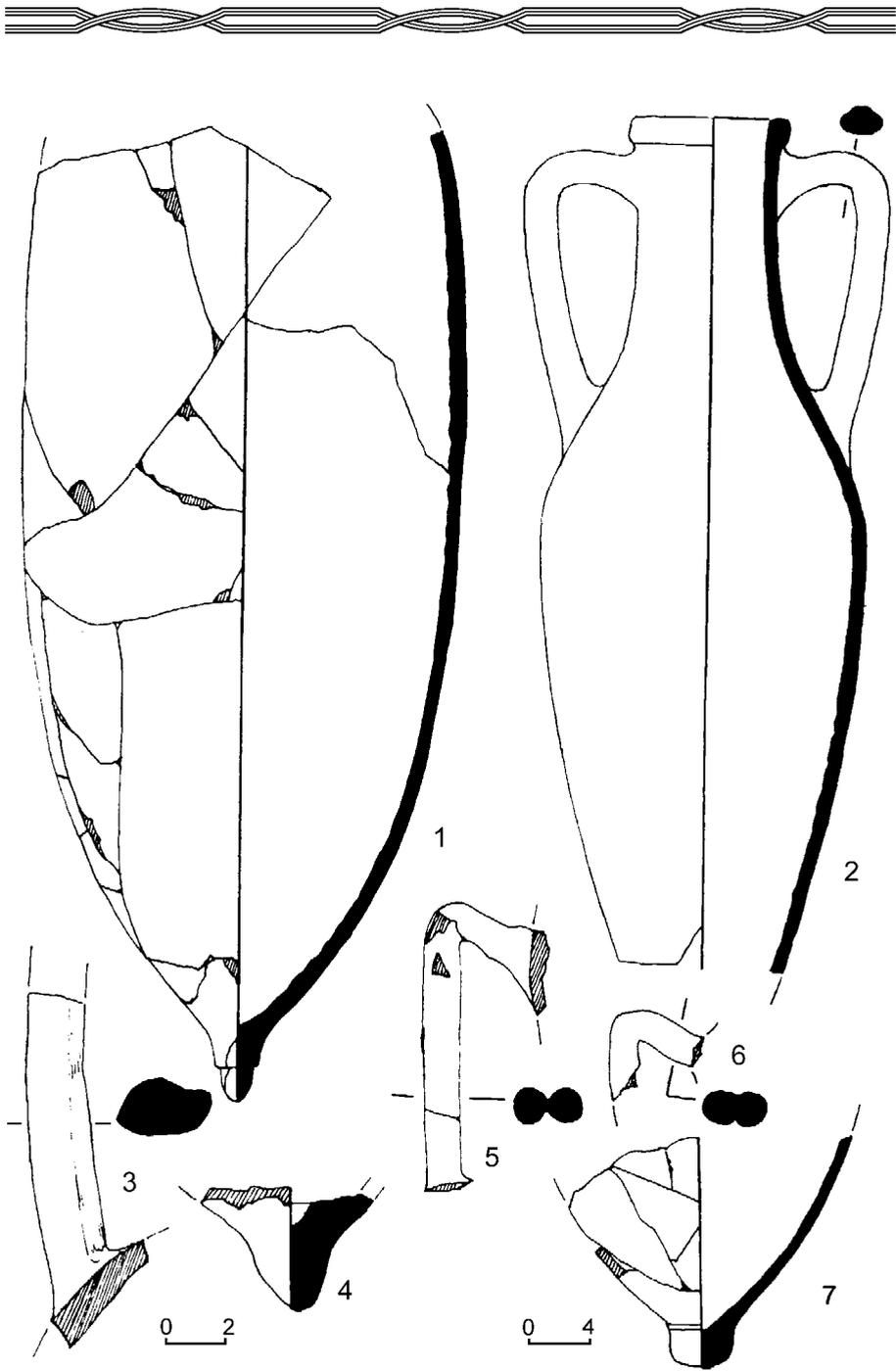
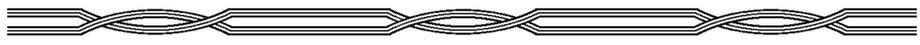

Рис. 4. Фрагменты светлоглиняных и розовоглиняной (4) амфор из юго-восточной башни и из помещений 1 (3), 2 (4) дома 4.

В каменном завале башни найдены 463 округлые морские гальки, весом от 100 г до 3 кг, применявшиеся для метания машинами, пращей и рукой. Большинство из них располагались кучно в юго-восточном углу башни, где, по-видимому, они и были складированы.

На полу и в нижней части каменного завала обнаружены и многочисленные фрагменты гончарной и лепной посуды. Среди них обломки керамики, визуальнo отнесенные нами к семи широкогорлым светлоглиняным амфорам с двуствольными ручками и желудевидными ножками. Еще одна, красноглиняная с желудеобразной ножкой, возможно, некогда находилась на втором этаже. Здесь могла быть и одна из светлоглиняных амфор, свалившаяся при разрушении укрепления. Большинство же мелких фрагментов были вдавлены в пол на первом этаже, по ним ходили еще древние обитатели форта. В последнее время его функционирования в башне оставалось 2–3 амфоры двух типов — с двуствольными (С Ia) и одноствольными ручками (С IIIa) (рис. 4: 1; 2: 5–7). Первый датируется серединой I в. до н.э. — началом I в. н.э., другой — последней четвертью I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э. [Внуков 1988, с. 199, 204]. Одна амфорная ножка, по классификации С.Ю. Внукова, относится к типу С II [там же, с. 199, рис. 1: 10; с. 203] второй четверти I в. до н.э. — середины I в. н.э. (рис. 4: 7). Однако, пока неизвестно ни одного целого экземпляра таких сосудов. Ножки отождествлены с этим типом гипотетически. Поскольку в Кутлакской крепости нет ни одного фрагмента широкогорлых светлоглиняных амфор с круглыми в сечении ручками (тип С II), можно считать, что соотнесение определенных ножек с ними было сделано С.Ю. Внуковым ошибочно. Эти ножки, скорее всего, являются одним из вариантов завершения светлоглиняных амфор других типов, представленных на нашем памятнике.

Гончарная, столовая и кухонная керамика представлена горлом крупного двуручного оранжевоглиняного сосуда с рифленой поверхностью и сложного сечения ручкой, покрытого темным коричневым ангобом (рис. 5: 7); небольшими фрагментами оранжевоглиняных и красноглиняных, в том числе и с серым ангобом, кувшинов; археологически целой коричневоглиняной круглодонной кастрюлей (рис. 5: 3) и обломком крышки от однотипного с ней сосуда.

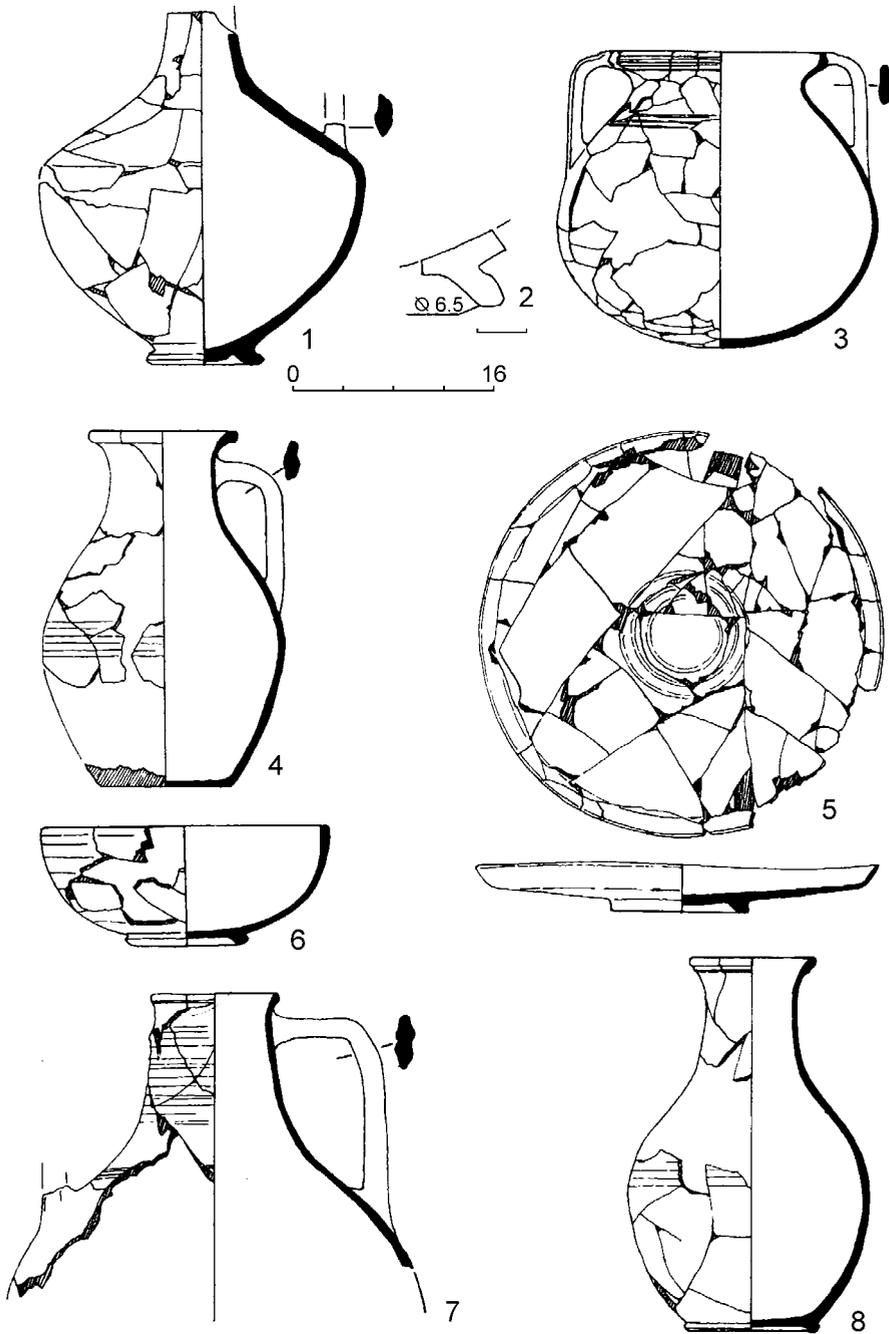
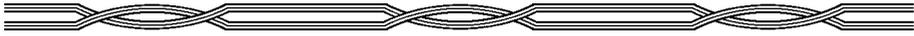

Рис. 5. Гончарная керамика из юго-восточной башни.

На отдельных фрагментах сохранились следы ремонта посуды. Впервые на городище найден розовоглиняный светло-ангобированный лагинос, использовавшийся еще в древности без верхней части горла (рис. 5: 1).

Лагиносы известны с V в. до н.э. Они сравнительно часто встречаются в Северном Причерноморье [см.: *Зубарь, Ланцов 1989, с. 35, 38*]. По форме лагинос из наших раскопок является одним из самых поздних по типу и относится ко времени около середины I в. до н.э., а может быть и чуть раньше [*Edwards 1965; Сыманович 1983, табл. IV, 13*]. На памятнике же он наиболее ранний, не считая очень редких единичных фрагментов ручек (5 экз.) от неклеименных амфор Родоса и обнаруженного в этой же башне мелкого кусочка от дна чернолакового открытого сосуда (рис. 5: 4).

К краснолаковой посуде относятся профили красноглиняного (рис. 5: 8), коричневоглиняного (рис. 5: 4) и оранжевоглиняного кувшинов с белыми полосами на уровне максимального диаметра тулова; нижняя часть (до горла) коричневоглиняного кувшина с расписанным белыми мазками валиком в нижней части горла; вторично используемая (см. ниже) нижняя часть бальзамария (рис. 6: 6); миска (рис. 5: 6); блюдо со штампованным орнаментом изнутри в виде кругов из насечек (рис. 5: 5); а также отдельные фрагменты четырех блюд, четырех кувшинов и одного миниатюрного закрытого сосуда. Лак, как правило, очень плохого качества и сохранности. Его остатки на керамике порой еле заметны. В связи с этим, не исключено, что некоторые из перечисленных мной в предыдущем абзаце гончарных сосудов тоже имели лаковое покрытие.

Все обнаруженные черепки были от 9–11 гончарных, 16 краснолаковых и одного чернолакового сосудов. В последнее время в башне пользовались 2–3 амфорами и 10–11 экземплярами столовой и кухонной посуды (включая краснолаковую).

Лепные сосуды в башне использовались, судя по их крупным размерам и типам (корчаги и горшки), в основном, в хозяйственных целях. Их было шесть — 5 горшков и одна одноручная миска (рис. 6: 7). Еще от двух горшков сохранились отдельные обломки. Два горшка украшены различным орнаментом (рис. 6: 1, 3), а один (рис. 6: 2) украшен благодаря особой технике вертикального заглаживания травой поверхности сосуда до обжига.

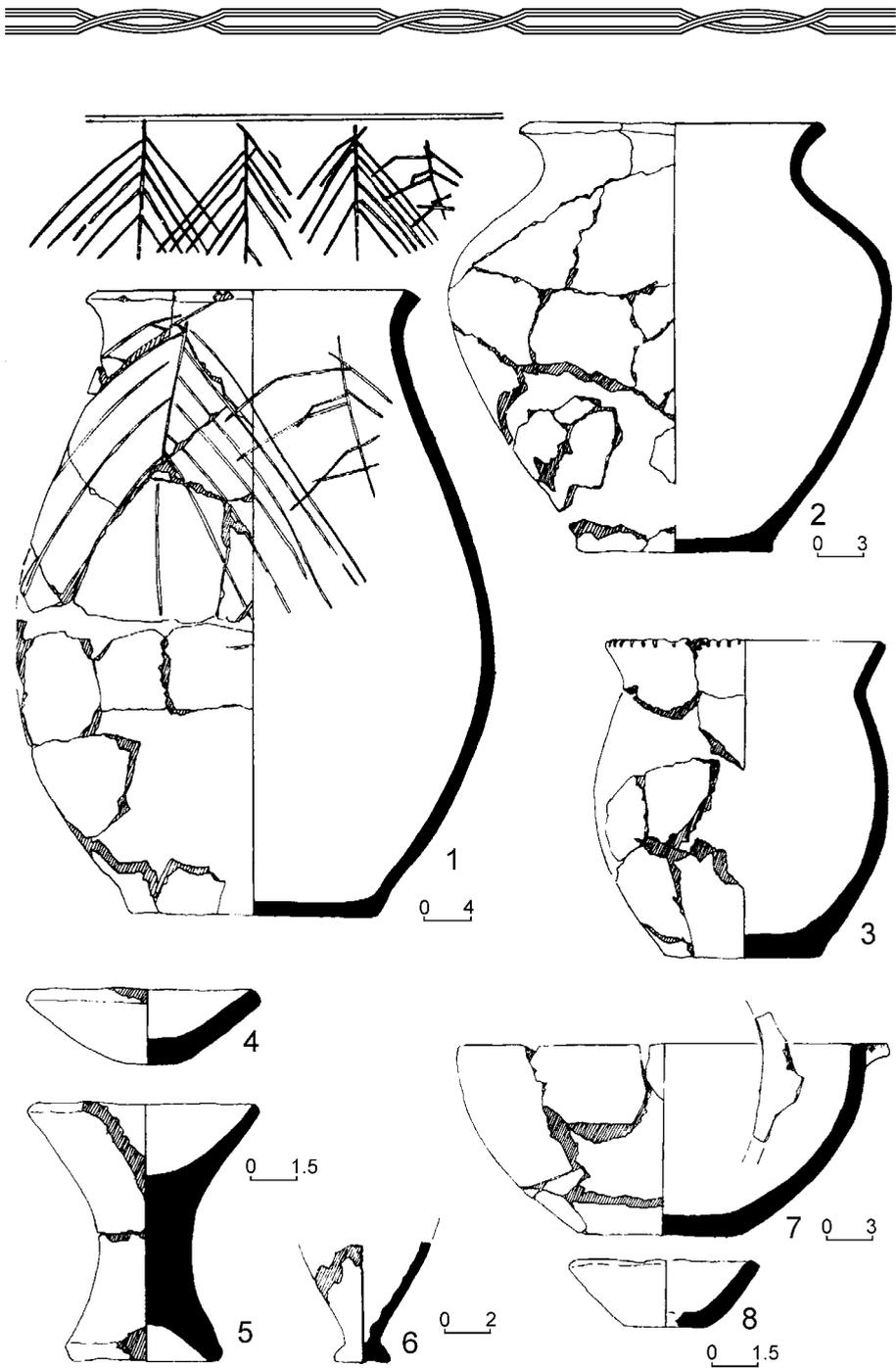
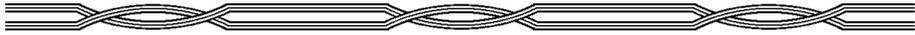

Рис. 6. Лепные сосуды и фрагмент краснолакового бальзамария (6) из юго-восточной башни.

Кроме посуды, без применения гончарного круга были изготовлены три простейших светильника (курильницы ?) или, точнее, плошки (рис. 6: 4, 5, 8). Один был на ножке (рис. 6: 5). Такие не редко встречаются на памятниках, оставленных варварами, однако, на Кутлаке раньше не попадались. В качестве светильника в башне употреблялась и ножка краснолакового бальзамария (рис. 6: 6). Металлических изделий всего два — бронзовый и железный гвозди; костяное одно — рашпиль.

В целом, археологический комплекс башни 4 может быть датирован концом I в. до н.э. Это и время прекращения существования крепости.

АНТИЧНЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ V — IV ВВ. ДО Н.Э. ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

В статье представлена серия не известных широкому кругу специалистов и ранее не публиковавшихся ювелирных изделий V — IV вв. до н.э., которые находятся в частных коллекциях. В выборку включены семь предметов (рис. 1–3): ожерелье, две пары серег, брошь, булавка. Целью публикации является введение в научный оборот этих предметов.

В античном мире ювелирное искусство достигло высокого развития. Изделия древних мастеров традиционно являются гордостью коллекций ведущих музеев мира. Целью этой статьи является введение в научный оборот серии не известных широкому кругу специалистов и ранее не публиковавшихся ювелирных изделий, находящихся в частных коллекциях¹.

В выборку включены семь предметов (рис. 1–3): ожерелье, две пары серег, брошь, булавка. Основные части всех изделий выполнены из золота. На отдельных предметах сохранились следы эмали (рис. 3: 1).

Составное ожерелье с розетками, цветками лотоса, подвесками в виде стилизованных семян фенхеля с вертикальными желобками и подвесками в виде масок Медузы (рис. 1: 1, 2, длинна ожерелья в растянутом виде — 27 см). Это изделие, несомненно, относится к лучшим образцам греческого ювелирного искусства Классического периода. Ожерелье состоит из двадцати пяти розеток (длинна 8 мм) с цветками лотоса, к которым прикреплены миниатюрные подвески, оттиснутые в форме маски с рельефными изображениями Горгонейона (диаметр 5 мм). Эти розетки чередуются с двадцатью четырьмя сложными цветочными розетками (длинна 7 мм) с подвесками в виде семян (длинна 9 мм). Все подвески имеют в верхней части проволочные кольца, соединенные с аналогичными кольцами в нижних частях розеток. С обеих сторон ожерелье оканчивается двумя полуовальными планшетами (длинна 7 мм) с изображениями пальметт. К плоским обратным сторонам верхних частей ожерелья припаяны две параллельных трубочки, сквозь которые протягивалась соединительная нить. Свободные концы нити, выходявшие из концевых планшет, очевидно, завязывались при одевании ожерелья.

Рис. 1. Ожерелье с подвесками (1–2).

Орнамент на розетках и планшетах выполнен витой проволокой (рис. 1: 2). Средние части розетт, и волуты пальметт украшены миниатюрными гранулами. Края лепестков — окантованы витой проволокой. На крайних планшетах, также окантованных проволокой по краю, изображены восьмилепестковые пальметты. Розетки с подвесками в виде масок состоят из центральной шестилепестковой розетты, из которой в вверх и низ вырастают цветы лотоса. К верхнему окончанию розетт прикреплены миниатюрные пятилепестковые пальметты. Двухъярусные цветочные розетты состоят из шестилепестковых

пальметт. Голова Медузы на подвесках изображена анфас, волосы собраны вверх, рот открыт, язык высунут. Аналогичную иконографию Горгоны Медузы дают изображения на нашивных пластинах V — IV вв. до н.э. [ДБК, Табл. XXI, 12, 14, 17; На краю ойкумены 2002, гат. 159; Уильямс, Огден 1995, кат. 74].

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится аналогичное ожерелье, отличающиеся от описанного выше только сюжетом изображений на подвесках. Миниатюрных подвески-маски этого экземпляра оформлены в виде голов Ахелоя. Ожерелье было найдено в 1854 г. в некрополе Пантикапея [Уильямс, Огден 1995, кат. 94]. Нет сомнений, что ожерелья были изготовлены в одной мастерской. На это указывают идентичность схем составных частей этих изделий. К сожалению, на рассмотренном экземпляре не сохранились следы эмали, которые, вероятно, были уничтожены вследствие неправильной чистки. Ожерелье, хранящееся в Эрмитаже, датируется приблизительно 400 г. до н.э. [там же, с. 153].

Рис. 2. Брошь. 1(ав); 2 (лв).

Редкая по технике и художественному исполнению брошь роскошного стиля (рис. 2: 1, 2; диаметр 5.9 см), украшена орнаментом, выполненным в микротехнике. Брошь полая внутри, состоит из двух, спаянных частей. В центре фасовой стороны помещено изображение головы Менады, окруженное сложным поясом растительного орнамента. На оборотной, гладкой стороне размещена пружинная застежка (длина 5.0 см), состоящая из проволоки длиной, заостренный конец которой закрепляется в приемнике, сделанном из согнутой золотой пластины

(рис. 2: 2). Противоположный, скрученный в пружину конец припаян к поверхности оборотной стороны медальона. Бортик диска (ширина 6 мм) состоит из орнаментального пояса в виде фриза из ов, сделанных из проволоки, окаймленных с двух сторон такой же витой и гладкой проволокой разных диаметров. Край фасовой стороны диска слегка приподнят.

Линия соединения фасовой стороны скрыта поясом из двух рядов витой проволоки в центральной части, окаймленных по обеим сторонам ободком из гладкой проволоки, к которой с обеих сторон которой припаяны гранулы. При этом гранулы, припаянные с внешней стороны пояса большего диаметра. Центральное изображение окружено круговым фризом, декорированным растительным орнаментом, состоящим из двенадцати девятилепестковых пальметт (одна утрачена, высота пальметт 9 мм), между пальметтами размещены небольшие пружинки, на верхних концах которых напаяны четырехлепестковые розетки. Края лепестков и пальметт окаймлены проволокой. В центральной части розетт припаяна гранула. В центральной части пальметт расположен сердечник каплевидной формы, края которого окаймлены проволокой. Центральное пространство щитка, образованное наложенной проволокой заполнено семнадцатью миниатюрными гранулами, многие из которых утрачены. Нижняя часть фриза окаймлена гладкой и витой проволокой. К внешней части витой проволоки припаяны гранулы.

В центральной части в высоком рельефе помещено изображение головы Менады в венке из виноградной лозы (длина 3,3 см). Голова богини повернута в три четверти влево. По обеим сторонам лица возле ушей закреплены шестилепестковые розетки от нижней части, которых припаяна проволока с пружинкой на конце, к которой, вероятно, также были прикреплены несохранившиеся розетки. Ожерелье на шеи богини выполнено из двух рядов гранул.

Рельефное изображение сделано путем набивки золотого листа на твердую модель. После этого лист был припаян к фасовой стороне броши. Листья винограда в венке были сделаны из тонкого золотого листа, грозди — из миниатюрных гранул. Как и розетки с проволочными окончаниями они были напаяны на лист с изображением головы богини, после его закрепления на поверхности броши. Состояние изделия указывает на то,

что оно подвергалось термическому воздействию. Много мелких частей утрачено, розетты, крепившиеся на пружинках, оказались припаянными к поверхности фриза.

Присутствие в декоре броши золотых пружинок, является характерным признаком так называемого мастера из Санта Эуфемии в Южной Италии, функционировавшей в IV в. до н.э. [Williams 1988, p. 80–85; Рогов 2001, с. 70]. С работой этой мастерской связан ряд изделий, отличающихся пышным растительным декором [Уильямс, Огден 1995, кат. 137, 138, 140, 143, 150; Рогов 2001, с. 70 и посл.]. Аналогии в декоре, а также стилистика изображения позволяют отнести эту брошь к середине — 2-й половине IV в. до н.э. К сожалению, информации о месте находки изделия нет. Не смотря на это, перед нами уникальное изделие — один из наиболее роскошных образцов продукции южноиталийских мастерских IV в. до н.э.

Рис. 3. Серьги (1, 2), булавка (3: а, б).

Миниатюрные серьги, состоят из щитка в форме семилепестковой пальметты, к обратной стороне которой припаян крючок из проволоки, заостренной на конце (рис. 3: 2). К нижней части щитка прикреплена амфоровидная подвеска, к которой сверху припаяно кольцо крепления. Края лепестков пальметты окантованы витой проволокой. В центральной части расположен сердечник, каплевидной формы, выполненный из проволоки с двенадцатью миниатюрными шариками, распо-

женными внутри. Нижние части пальметт украшены проволочными спиралевидными завитками. Такие же серьги были найдены в кургане Огуз, вещевой комплекс которого датируется последней третью IV в. до н.э. [Болтрик 2002, с. 157]. Такие же пальметты были использованы в декоре золотых серег, датируемых около 300 г. до н.э. [Уильямс, Огден 1995, кат. 70].

Золотые серьги с подвесками в виде женской головы (рис. 3: 2, общая длина серег 3 см) состоят из щитка в виде двухъярусной розетты (верхняя розетта пятилепестковая, нижняя — десятилепестковая). Края лепестков окантованы витой проволокой. К верхней части оборотной стороны щитка припаяна, согнутая в петлю, проволочная дужка с острым концом. Подвеска сделана из двух половинок путем набивки золотого листа на твердую модель с последующим скреплением половинок посредством пайки. К нижней части подвески прикреплена круглая пластинка, верхняя часть которой окантована гладкой проволокой. В ушах женщины серьги со щитками в виде шестилепестковых розетт в центральной части которых укреплены гранулы. Пятилепестковая розетта прикреплена к проволоке, окантовывающей верхнюю часть нижней пластины, изображая, таким образом, ожерелье, надетое на шею женщины. Волосы женщины высоко зачесаны. Голову украшает диадема, сделанная из золотого листа. Место крепления диадемы декорировано рубчатой проволокой. Фасовая сторона украшена изображениями пальметт, выполненными витой проволокой. Внутреннее пространство лепестков пальметт и розетт, образованное накладной проволокой было заполнено синей и зеленой эмалью. Подвеска скреплена со щитком посредством колец, припаянных к оборотным сторонам нижней части щитка и верхней части диадемы. Эта пара серег дополняет коллекцию серег с подвесками в виде женских голов, найденных на юге России [Уильямс, Огден 1995, с. 163]. По многочисленным аналогиям такие изделия датируются в пределах середины — 2-й половины IV в. до н.э. Необходимо отметить, что пальметты, украшающие щиток выглядят более новыми по сравнению с подвеской. На них нет следов эмали, присутствующих на пальметтах и розетках, укрощающих подвеску. Возможно, верхние розетты были прикреплены к древним серьгам в более позднее время, а крючок изначально крепился непосредственно к верхней части подвески, как на серьгах из Пантикапея [Уильямс, Огден 1995, кат. 103].

Булавка, с навершием в виде многослойной розетты (рис. 3: 3, а, б), дополняет группу розеток, найденных в комплексах конца IV в. до н.э. Розетка состоит из пяти слоев, которые нанизаны на центральный ствол, увенчанный куполовидной сердцевинной, покрытой зерню. Лепестки нижнего слоя имеют заостренные окончания, остальные — скругленные. Все лепестки окантованы по краям витой проволокой. К нижней части розетты прикреплена пластинка с отверстием в центре. В это отверстие вставлена заостренная булавка. Место соединения ствола и пластины замаскировано рубчатой проволокой. Примечательно, что это единственный случай, когда сложная розетка украшает булавку.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в представленных изделиях нашли отражение не только мастерство и личное мироощущение древних ювелиров, но и культурные, религиозные и социальные традиции современного им общества. Эти изделия являются важными археологическими и историческими источниками. Именно этим обстоятельством обусловлена необходимость введения их в научный оборот.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность С.Н. Платонову и С.А. Таруте за разрешение на изучение и публикацию этих вещей.

ИСПАНСКАЯ КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ В КРЫМУ

“...the Pope and the cardinals and princes of the world ask for it as a special favor and are astonished that ware of such excellence and fineness could be made from clay.”

Francesc Eiximenis, 1383¹.

Изучение “испано-мавританских фаянсов” началось во второй четверти XIX в., когда они впервые были выделены в отдельную группу хранителем Музея керамики в Севре [*Кубе 1940, с. 30*]. С тех пор издано большое количество фундаментальных трудов, статей и каталогов выставок, посвященных исследованию различных аспектов формирования и развития испанской керамики, украшенной люстром [литературу см. напр.: *Кубе 1923, с. 43–53; Кубе 1940, с. 29–34; SUMMA ARTIS 1991, p. 561–572; Ray 1999, p. 402–408*]. Собраны и проанализированы письменные источники, содержащие разнообразную информацию о посуде “с золотым люстром, которая экспортируется в далекие страны” [*Sarre 1903; De Osma 1906–1908; Olivar 1950 1952, etc.*]. Сохранились даже рецепты изготовления такой керамики, записанные со слов гончаров-мавров из поселка Муэль (Muel) неким голландцем, сопровождавшим свиту Филиппа II, совершавшего путешествие по Арагону в 1585 г. В его путевом дневнике значилось, что в селении почти все жители гончары. “Керамика, которая продается в Сарагосе, готовится следующим образом. Первым делом предметы помещают в печь. Затем их покрывают белым люстром, который готовится из одной арробы (мера веса: 11–12.5 кг) свинца, 3 или 4 фунтов олова и некоторого количества песка. Покрытая этим составом посуда опять помещается в печь. С помощью этого состава достигается блестящий белый отлив. Для достижения золотистого отблеска берут очень крепкий уксус, 2 реала серебра, киноварь, красную охру и медь. Этим составом выполняют роспись и помещают в печь в третий раз. На этот раз предметы приобретают золотистый оттенок, который не исчезает до того момента, пока изделие остается целым” [*SUMMA ARTIS 1991, p. 572*].

Одно из первых упоминаний о производстве люстров в Испании относится к XII в. и связано с городом Калатаюд в

Арагонии. В XIII — начале XIV в. арабские авторы упоминают Малагу, Альмерию и Мурсию, как центры керамического производства в Андалусии, причем украшенные люстром изделия из Малаги к началу XIV в. стали пользоваться необыкновенной популярностью не только в Испании, но и за ее пределами [соответствующие сведения из статьи Fr. Sarre, изданной в 1903 г., приведены по: *Кубе 1923*, с. 44; *Кубе 1940*, с. 29–30]. Продукция фабрик Малаги экспортировалась на Восток, по меньшей мере, до Египта и на север Европы. Некоторые изделия были зарегистрированы в английском порту Сэндвич, в 1303 году [*SUMMA ARTIS 1991*, p. 570]. К рубежу XIII–XIV — началу XIV в. относят возникновение производства люстров в округе Валенсии и связывают его, в основном, с переселением сюда гончаров из Малаги [*Ray 1999*, p. 50]. По крайней мере, ранняя продукция валенсийских мастерских трудноотличима от изделий из Малаги и объединяется в “Malaga style” [*Ray 1999*, p. 50]. Н. Blake выделял группу так называемой “позднеандалузской” керамики, близкую по стилю продукции малагских мастерских и датируемую рубежом XIV — XV вв. [*Blake 1972*, p. 71–93]. Центрами по производству люстровой керамики в Валенсии были города Мислата, Джебзарте, Манизез и Патерна — владения фамилии Буйл, или Бойл, полученные после реконкисты Валенсии в 1248 году. Возможно, с одним из представителей именно этой семьи — Pedro Voil, связано привнесение техники люстра в 1309–1310 гг. из Малаги в Манизес [*Olivar 1961*, p. 116; *Ray 1999*, p. 50]. Из документа 1325 г. известна фамилия двух гончаров мавров Almurci или Almorci, поселившихся в Манизесе и изготавливавших как простую, так и расписную поливную посуду. Эти мастера, видимо, стояли у истоков династии керамистов, ставшей очень известной в XV — XVI вв. [*Olivar 1961*, p. 117]. К концу XIV в. валенсийские люстры начинают доминировать на международных рынках. Изделия мастерских округа Валенсии поступали в Италию и Фландрию в качестве столовой посуды для дворцовой знати, а также для последующего экспорта в более отдаленные местности. “Позолоченной” керамикой расплачивались за английский и фландрский текстиль [*Ray 1999*, p. 50]. Архивные документы подтверждают, что в XV в. эта посуда пользовалась привилегиями на таможенных в Венеции и Брюгге, которые являлись в то время крупными центрами транзитной торговли [*SUMMA*

ARTIS 1991, p. 561; Francois 1999, p. 82–83]. Так, в 1441 году Филипп Хороший Бургундский заявил, что валенсийские изделия могут беспошлинно провозиться через г. Брюгге, а в 1455 г. подобное освобождение от налогов было сделано в Венеции [*Rau 1999, p. 58*]. География находок испанской люстровой керамики XIV — XV вв. очень обширна, включает территорию Англии, Германии, Голландии, Бельгии, Дании, Италии, Греции, Турции, Сирии, Ливии, Ливана, Палестины, Египта [см. напр. *Кубе 1923, с. 51; Francois 1995, p. 115*].

Обобщенные сведения о распространении ИМК² в Восточной Европе приведены в работах В.Ю. Ковалева [*Коваль 1996, с. 169–175; 1998, с. 124–127*] и постепенно дополняются новыми публикациями [*Богуславский 1998, с. 45–48; Гинькут 2001, с. 58; Мыщ 2002, с. 154*]. Испанский люстр, происходящий из крымских археологических комплексов, до недавнего времени был представлен в литературе только находками из Каффы, хранящимися в Одесском археологическом музее [*Штерн 1906, с. 80–83; Кравченко 1991, с. 116–117*]. Изучение коллекций керамики из раскопок других средневековых городов и крепостей Крыма позволяет значительно расширить представления о масштабах экспорта и распространении здесь испано-мавританской керамики³.

В Балаклаве при раскопках “Консульской церкви” крепости Чембало в слоях XIV — XV вв. найдено несколько фрагментов ИМК, в том числе обломок днища чаши на профилированном кольцевом поддоне, на лицевой поверхности которого видны остатки радиального орнамента в виде расположенного в секторе стилизованного пальмового листа [*Гинькут 2001, с. 58, рис. 3: 6*].

Один фрагмент миски, найденный в Гурзуфе, обнаружен в фондах КФ ИА НАНУ среди материалов из раскопок О.И. Домбровского 1966 г. (рис. 1: 6). Возможно, обломок происходит из района цитадели Гурзуфской крепости [*Домбровский 1974, с. 12*].

Коллекция ИМК из крепости Алустон включает один фрагментированный кувшин (рис. 4: 1) и обломки одиннадцати открытых сосудов, в основном небольших полусферических чашек (рис. 1: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 14, 16; 2: 4; 4: 4, 6). Большинство из них найдено в слоях XIV — XV вв., 2 фрагмента происходят из отложений XV — XVI вв., 1 обломок — из зольника XVIII —

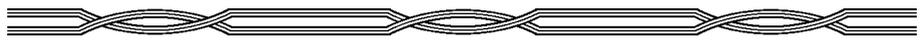

XIX вв. и 1 — является случайной находкой [Мыц 1985, с. 20, 21, 37, 39, 48; Мыц, 1986, 95; Мыц 1988, с. 74; Мыц и др. 1993, с. 14, 49; Мыц и др. 1994, с. 69, 70, 73; Мыц 2002, с. 154].

При раскопках средневекового замка Фуна найдено десять образцов ИМК — археологически целые блюдо (рис. 3), тарелка, чаша и чашка, фрагменты еще одного блюда, ковш или чаши с ручкой, двух мисок с горизонтальным бортом и двух полусферических чашек, а также обломок стенки кувшина [Мыц 1982, с. 28, рис. 127; Мыц, Кирилко 1991, с. ; Мыц, Кирилко 1992] (рис. 1: 4, 8–10, 12, 15; 2: 2, 3; 4: 3, 5). Учитывая общую дату памятника — 20-е гг. XV в. — 1475 г. [Кирилко 2002, с. 6–7], можно предполагать, что основная масса упомянутых изделий археологизировалась именно в этот период. В то же время, поскольку фортификационные сооружения перекрыли каменные постройки конца XIV — начала XV вв. [Кирилко 2002, с. 6], не исключено, что отдельные фрагменты ИМК могли быть перетолжены из более ранних напластований. Целые или реконструированные из нескольких обломков вещи (блюдо, тарелка, чаша, чашка, ковш), скорее всего, использовались обитателями крепости во второй — третьей четверти XV в.

О количестве находок ИМК на территории Судакской крепости судить сложно, так как, несмотря на длительный период исследования памятника, материалы раскопок до сих пор полностью не опубликованы. В.Ю. Коваль упоминает о нескольких обломках “испанских чаш XIV — XV вв. с росписью кобальтом и люстром” в фондах ГИМа из материалов раскопок Судака экспедицией ГАИМК в 1927–1930 гг. [Коваль 2002, с. 130]. Один обломок верхней части полусферической чашки опубликован А.В. Джановым [Джанов 1998, рис. 4: 9] (рис. 1: 2). Кроме того, удалось осмотреть еще две полусферические чашки небольших размеров, хранящиеся в фондах Национального заповедника “София Киевская” (раскопки М.А. Фронджуло 1973–1974 гг.) (рис. 4: 2) и в фондах филиала заповедника музея “Судакская крепость” (раскопки И.А. Баранова, В.В. Майко, 1997 г.) (рис. 2: 1) [Баранов, Майко 1998, с. 9, рис 18, 1]. Изделия происходят из слоев XIV — первой половины XV вв.

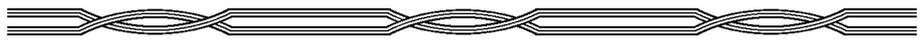
В Старом Крыму, по устному сообщению М.Г. Крамаровского в докладе на конференции “Восток — Запад: межконфессиональный диалог”, в культурных отложениях XIV в. обнаружено не менее шести экземпляров ИМК.

Наиболее полно опубликована коллекция испанской керамики с росписью люстром из Феодосии, хранящаяся в фондах Одесского археологического музея [*Штерн 1906, табл. IX: №№ 87–89, 91, 98; Кравченко 1991, с. 116–117, рис. 4: 1–5; 5: 4*]. Основу коллекции составляют материалы, переданные в музей еще А.Л. Бертье-Делагардом в 90-х гг. XIX в. Изделия не связаны с определенными слоями и комплексами, датированы XIV — XV вв. по аналогиям [*Кравченко 1991, с. 111*]. Информация же о находках ИМК за время археологических исследований в Феодосии, периодически осуществляемых начиная с 1949 г., незначительна. Упоминаются один небольшой обломок стенки полусферической чашки из раскопок армянской церкви св. Стефана в контексте с находками второй половины XV в. (работы 1981 г.) [*Айбабина, Бочаров 1997, с. 217, табл. 6: 13*], а также несколько фрагментов открытых сосудов из заполнения ямы с монетами 60–80 гг. XIV в. (работы 1991–1992 гг.) [*Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, рис. 3: 2, 3*]. Последние отнесены авторами работ к группе “Пула” [*Сазанов, Иващенко 1994, с. 180*].

О находках изделий с росписью люстром на территории Керчи и ее окрестностей известно не много. В каталоге испанской керамики из коллекции музея Виктории и Альберта представлена небольшая чашка, найденная в могиле в Керчи и купленная у мистера W.J. Ready в 1908 г. [*Ray 1999, p. 63, № 128*]. Сосуд орнаментирован в стиле “parallels and spirals” и датируется первой половиной XV в. Кроме того, по свидетельству профессора Michael Rogers, ему довелось видеть большое количество фрагментов изделий с росписью люстром в этом регионе [*Ray 1999, p. 63*]. Богатые фондовые накопления КГИКЗ, к сожалению, оказались недоступны автору данной работы.

Информация о испанской люстровой керамике из Херсонеса в публикациях пока не встречена. Свидетельствует ли это о полном отсутствии такой категории импорта на памятнике? Ответ на этот вопрос можно было бы получить, обработав фондовые коллекции музея-заповедника. Однако, сделать это, как и в случае с коллекциями из фондов Керченского музея, не представляется возможным, не нарушив авторских прав и претензий других исследователей. Поэтому приходится обращаться к логическим построениям на основании введенных в научный оборот данных, а именно к анализу опубликованных стратиграфических наблюдений и материалов из закрытых ком-

плексов “поздневизантийского периода” истории города — XIV — XV вв. Наиболее полно освещены коллекции из комплексов, возникновение которых относится к концу XIII или началу XIV вв. [Романчук 1994, с. 229; Романчук 1997, с. 135, рис. 129–131; Романчук 1997а, с. 272–299; Романчук 1999, с. 187–202, рис. 1–9; Романчук 2000, с. 184–188, рис. 105–120], хотя в некоторых случаях исследователям не удается достаточно четко отделить их от более ранних [Романчук 1982, с. 89–113; Романчук 1986, с. 30–157]. “Подстилающим” горизонтом для “поздневизантийских” комплексов служат слои пожара и разрушения, связываемые с катастрофическими событиями 1278 [Мыц 1997, с. 66] или 1299–1300 гг. [Романчук 1986, с. 186; Романчук 1997а, с. 280; Романчук 2000, с. 185]. Причины и время гибели “поздневизантийского” города, также сопровождавшейся массовыми пожарами и разрушениями, точно не установлены. А.Л. Якобсон считал, что на протяжении XIV в. город “медленно, но неуклонно ... сходил с исторической сцены”, а как возможную причину “всеобщего пожара” определял “татарские погромы самого конца XIV в.”, осуществляемые полчищами “нового золотоордынского временщика — Едигея” [Якобсон 1950, с. 42]. А.И. Романчук связывает разрушения Херсона с “военной экспедицией Тимура в 1395–1396 гг. против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша...” [Романчук 1986, с. 186; Романчук 1997а, с. 280; Романчук 2000, с. 185]. В.Л. Мыц, основываясь на свидетельствах армянской хроники, анализе агиографических источников и обнаруженного при раскопках памятника нумизматического материала, представленного монетными номиналами времени правления ханов Золотой Орды Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), серебряной монетой Стефана Душана (1331–1355) и монетой хана Абдуллаха (1361–1368/69), предполагает, что причиной очередного разрушения Херсона могло быть нашествие орды Мамай в августе 1365 г. [Мыц, в печати]. По крайней мере, датировка слоев разрушения по монетам не выходит за рамки третьей четверти XIV в. В связи с этим, отсутствие ИМК среди многочисленного импорта опубликованных комплексов можно объяснить не торговой конкуренцией Херсона с генуэзцами, как считает В.Ю. Коваль [Коваль 1998, 124], а тем, что экспорт испанской керамики с росписью люстром в I — III четверти XIV в. еще не стал столь массовым явлением, как в конце XIV — XV

вв. Слои и комплексы, образовавшиеся после разрушений третьей четверти XIV в. хоть и исследованы на городище, но в публикациях представлены без характеристики массового керамического материала, в том числе и импортов [Гилевич 1971, с. 63; Романчук 1982, с. 92–94; Романчук 1997, с. 235; Романчук 2000, с. 184; Богданова 1991, с. 70, 160–163], поэтому наличие или отсутствие в них ИМК установить пока невозможно.

Наиболее ранняя люстровая керамика на территории Крыма, которую удалось идентифицировать, это тип “Пула” и близкие к нему по стилю изделия из Феодосии [Штерн 1906, с. 80–83, табл. IX: №№ 87–89, 91, 98; Кравченко 1991, с. 116–117, рис. 4: 1–5; 5, 4; Сазанов, Иващенко 1994, с. 180, рис. 3: 2–3], а также, видимо, Балаклавы [Гинькут, 2001, с. 58, рис. 3: 6] и Гурзуфа (рис. 1: 6). Группа “Pula” объединяет изделия, отличающиеся особым стилем строго геометрического декора. В орнаментации этих сосудов использовался особенный репертуар мотивов, вписанных между радиальными линиями, concentрическими кругами, квадратами или звездами, образованных пересекающимися квадратами. Свое название стиль получил по месту находки скопления керамики в городе Пула на о-ве Сардиния во время строительства дороги в 1897 г. Сравнительный анализ керамического теста нескольких типичных образцов, проделанный Michael Hughes и Tizio Mannoni, позволил получить убедительные доказательства того, что подобная посуда с росписью кобальтом и люстром производилась в округе Валенсия [Blake et al. 1992, pp. 203–224]. Более точная локализация (Манисес, Патерна или другой центр округа) не возможна, так как стиль росписи мог имитироваться различными мастерскими [Ray 1999, p. 51]. Это наиболее ранняя группа керамики, точно атрибутированная как продукция валенсийских мастерских. Изделия “Pula-type” могут быть датированы временем между 1330 и 1380 или 1420 гг. [Blake 1986, p. 372–374; Berti, Tongiorgi 1985, p. 13–22]. Не исключено, что на период 1330–1380 гг. приходится расцвет производства, истоки которого, возможно, уходят в более раннее время к так называемому “Malaga style”, а продолжение выливается в типичный “исламский” стиль XV века [Ray 1999, p. 51]. Люстры типа “Пула” найдены в Провансе, Италии, Нидерландах, Северной Африке, Египте, Сирии и Турции в основном в слоях XIV в. [Francois 1999, p. 83–84, Fig. 18, Pl. 9: 177–182, 184, 185, 187; Ray 1999, p. 51].

Круг аналогий каффинским находкам довольно широк. Он частично рассмотрен в статьях А.А. Кравченко [*Кравченко 1991, с. 117*], В.Ю. Ковалья [*Коваль 1996, с. 171, 173*] и может быть дополнен информацией из новых публикаций [*Francois 1999, p. 82–84, fig. 18: 179, 180; pl. 9: 177, 178, 184, 186; Ray 1999, p. 52*]. Контекст находок этой группы керамики в Крыму известен только в двух случаях — яма с монетами 60–80 гг. XIV в. в районе Больничного переулка в Феодосии [*Сазанов, Иващенко 1994, с. 180*] и слои с монетами не ранее середины XIV в. из раскопок “Консульской церкви” крепости Чембало [*Гинькут 2001, с. 53*]. По Энтони Рею некоторые вещи из Каффы (рис. 5: 4 по Кравченко и табл. IX: № 91, 98 по Штерну), нашедшие точные аналогии в коллекции Музея Виктории и Альберта, [*Ray 1999, p. 52, №№ 107, 108*], датируются в рамках 1350–1400 гг. Для остальных изделий можно указать только широкий диапазон возможного появления — вторая четверть XIV — нач. XV вв.

К более позднему времени — первой половине XV в. — относятся изделия с декором “parallels and spirals” (исп. “paralelas con espirales”), “disc-flowers” и “Persian style” (исп. “estilo persa”) [*Ray, pp. 62–72*], также представленные среди люстровой керамики из Крыма.

Для стиля “parallels and spirals” характерно использование в декоре как посуды, так и изразцов комбинаций из небольших спиралей и параллельных линий в различных вариациях. Manuel Gonzalez Marti, предполагал, что такой декор характерен для продукции Патерны и, возможно, имитировался в Манисесе [*Gonzalez Marti 1944, pp. 365–375*]. V. Francois, характеризуя керамику этого стиля коллекций из Александрии, относит ее к продукции Патерны и датирует XIV — началом XV вв. [*Francois 1999, p. 84, Pl. 10: 205–209*]. A. Ray считает, что пока нет достаточных оснований для разделения изделий этих двух мастерских [*Ray 1999, p. 62*]. Из Крыма происходят три находки чаш с декором группы “parallels and spirals” — из Керчи [*Ray 1999, p. 63, № 128*], из замка Фуна (рис. 2: 2) и, видимо, из крепости Алустон (рис. 4: 6) [*Мьц 1986, с. 95*]. На Фуне сосуд найден в комплексе третьей четверти XV в. [*Мьц, Кирилко 1990, с. 18–19*].

К “Persian style” принадлежит фрагмент небольшой чашки с горизонтальным бортом из раскопок укрепления Фуна, найденный в слое разрушения одного из помещений крепости [*Мьц, Кирилко 1991, с. 54–55*] (нижняя дата этих отложений

на памятнике — 1475 г. [см. напр. *Кирилко 2002, с. 7*]. Верхняя часть внутренней поверхности корпуса чашки украшена поясом из повторяющегося каллиграфического мотива “alafia”, состоящего из диакритического знака над “альфой” (рис. 1, 9) и означающего в арабском мире пожелание здоровья и счастья [*Кубе 1923, с. 52; Ray 1999, р. 401*]. Полная надпись такого содержания часто встречается на ранних изделиях мавританских мастеров, однако с течением времени она превращается в стереотипную формулу, получившую название псевдоарабской и широко используемую в украшении изделий первой половины XV в. [*Кубе 1923, с. 51–52; Ray 1999, р. 65–68*]. Производство керамики, в декоре которой использован поздний вариант “alafia” между двух параллельных полос, предположительно связывают с Манизесом [*Ray 1999, р. 66–68*]. Кроме того, из замка Фуна происходит блюдо, роспись на борте которого также может быть отнесена к “persian style” или подражанию ему (рис. 3). Декоративный пояс, состоящий из дуг, пересекающих их S-видных завитков и крупных точек, напоминает разновидность орнамента “fish border”, характерного для украшения бортов сосудов в “persian style” [*Кравченко 1986, рис. 39: 4; Ray 1999, р. 66, fig. 11, 12*]. Однако, заполняющие поле блюда четыре стилизованных пальмовых листа больше походят на элементы, присущие “Pula style” [см. напр. *Штерн 1906, табл. IX: № 98; Кравченко 1991, рис. 4: 4; Francois 1999, р. 83–84, Pl. 9: 186; Ray 1999, р. 50–52, № 107*]. Блюдо найдено в комплексе, возникшем не ранее 1459 г., в слое пожара 1475 г. [*Мьш, Кирилко 1991, с. 5–7*]. Таким образом, орнаментация блюда, видимо, является образцом объединения различных стилей (как новых, так и свойственных предшествующей эпохе), что само по себе характерно для испано-мавританской керамики XV в. [*Ray 1999, pp. 58–60*].

Стиль “disc-flowers” представлен в Крыму наиболее массовыми находками из Алушты (рис. 1: 13, 16 и, возможно, 11), Фуны (рис. 1: 12; 4: 3) и Судака (рис. 2: 1). Основным элементом орнаментации этой группы являются стилизованные цветы из 3–7 дисковидных лепестков в окружении крупных точек, которые могут быть нанесены как люстром, так и кобальтом. Люстры этого типа экспортировались довольно широко. Они известны в Италии, на Сицилии, в Нидерландах, Египте [*Hurst 1982, fig. 2; Berti and Tongiorgi 1985, pl. VI; Ray 1999, р. 72; Francois*

1999, fig. 18: 188–189]. К предполагаемым центрам их распространения также относят Манизес [Ray 1999, p. 72]. Контекст находок основной массы изделий из Крыма не противоречит предложенной датировке. Исключение составляет одна фрагментированная чашка из слоя пожара 1475 г. северной башни замка Фуна [Мыц 1983, с. 20, рис. 127] (рис. 4: 3).

Концом второй — третьей четвертью XV вв. датируются изделия с росписью, выполненной исключительно люстром в геометрическом стиле “encadenat”, а также керамика, богато украшенная растительными узорами, нанесенными люстром и кобальтом — так называемый декор “crown pattern” [Ray 1999, pp. 77–80]. По находкам таких изделий в Манизесе, их производство предположительно связывают именно с этим центром Валенсии [Ray 1999, pp. 78–79].

Стиль “encadenat” представляет собой декор, неотъемлемым элементом которого является мотив, напоминающий “сельджукскую цепь”, в сочетании с полосами или панелями густой сетчатой штриховки. Сам термин неоднократно упоминается в документах середины XV вв., опубликованных доном Guillermo Joaquin de Osma, с указанием названия, цены и качества изделий [Van de Put 1938, p. 57]. Люстровая керамика с орнаментом в виде “цепи” распространена довольно широко. Помимо Испании ее находки известны в Италии, Греции, Египте, раритетные экземпляры с геральдической символикой хранятся в частных и музейных коллекциях [Van de Put 1938, pl. III: 243–1853; Berti and Tongiorgi 1985, Tav. VIII: 1–4; Francois 1995, Pl. 19: d, e; 20: a, b, Fig. 77: c. 444; Francois 1999, Pl. 9: 191; Ray 1999, pp. 77–78]. В Крыму этот стиль пока что представлен одним обломком полусферической чашки из крепости Алустон (рис. 1: 1). Найден он в заполнении сточного колодца, устроенного под стенами последнего оборонительного рубежа крепости, возведенного не ранее 60-х годов XV в. [Мыц 2002, с. 172].

Характерным элементом “crown pattern styles” второй — третьей четверти XV в. является использование в орнаментации трехлопастной фигуры — стилизованного изображения короны Арагона — в сочетании с богатыми растительными мотивами, густо заполняющими фон [Ray 1999, p. 79, №№ 164–167]. Большое количество изделий этого стиля кроме Испании [Gjnzalez Marti 1944, pl. XIV: a] найдено в Италии [Berti and Tongiorgi 1985, pl. X]. Отдельные фрагменты известны в Ни-

дерландах [Hurst 1982, nos 28–32]. Из Крыма происходит археологически целая чаша из раскопок казармы в Судакской крепости (см. каталог, №) (рис. 4: 2) и фрагмент поля блюда из замка Фуна (рис. 1: 10), найденный в контексте с материалом конца третьей четверти XV в. [Мьшц, Кирилко 1991, с. 21–22].

Среди испано-мавританской керамики из Крыма, которой удалось найти аналогии, наиболее поздней является чашка из Судака с орнаментальным мотивом в виде листов чертополоха “the thistle-leaf pattern” (рис. 1: 2), фрагмент которой был обнаружен в яме на территории гончарного центра [Джанов 1998, с. 88, рис. 4: 9]. В публикации чашка без соответствующих ссылок отнесена к первой половине XV в. и служит основанием для датировки всего комплекса. Согласно Э. Рею, подобный мотив широко использовался в декоре как высокохудожественных, так и более скромных изделий во второй половине — конце XV в. [Ray 1999, pp. 88–89]. Следовательно, датировка комплекса из Судака “сдвигается в верх” примерно на полстолетия. Люстры “the thistle-leaf pattern” активно экспортировались. Их находки известны в Италии [Berti and Tongiorgi 1985, pl. VIII: nos 7, 8], Египте [Francois 1999, Pl. 9: 192] и Англии [Ray 1999, p. 88]. Этот стиль, возможно, стал одним из первых имитируемых гончарами Каталонии, а позже — Севильи [Ray 1999, p. 88].

Таким образом, анализ испанской керамики с росписью люстром из Крыма позволяет заключить, что большая ее часть является произведениями мастерских округа Валенсия (в частности Манисеса и Патерны), причем самыми рядовыми, не отличающимися особым изыском в орнаментации. Начало экспорта продукции валенсийских центров на полуостров приходится, видимо, на вторую половину, а скорее, на последнюю четверть XIV в., а пик импорта — на первую половину XV в. Считалось, что ввоз испано-мавританской посуды в Причерноморье прекращается после захвата Константинополя турками [Коваль 1996, с. 175]. Однако, учитывая приведенные датировки, нельзя исключать, что какая-то часть люстровых изделий попадала в Крым и после 1453 года. Кроме того, условия находок некоторых типов ИМК, в частности украшенных в стиле “parallels and spirals” и “disc-flowers”, в слоях и комплексах, связанных с третьим строительным периодом укрепления Фуна (1459–1475), позволяют расширить период бытования изделий этих стилей до конца третьей четверти XV в.

Иллюстрации

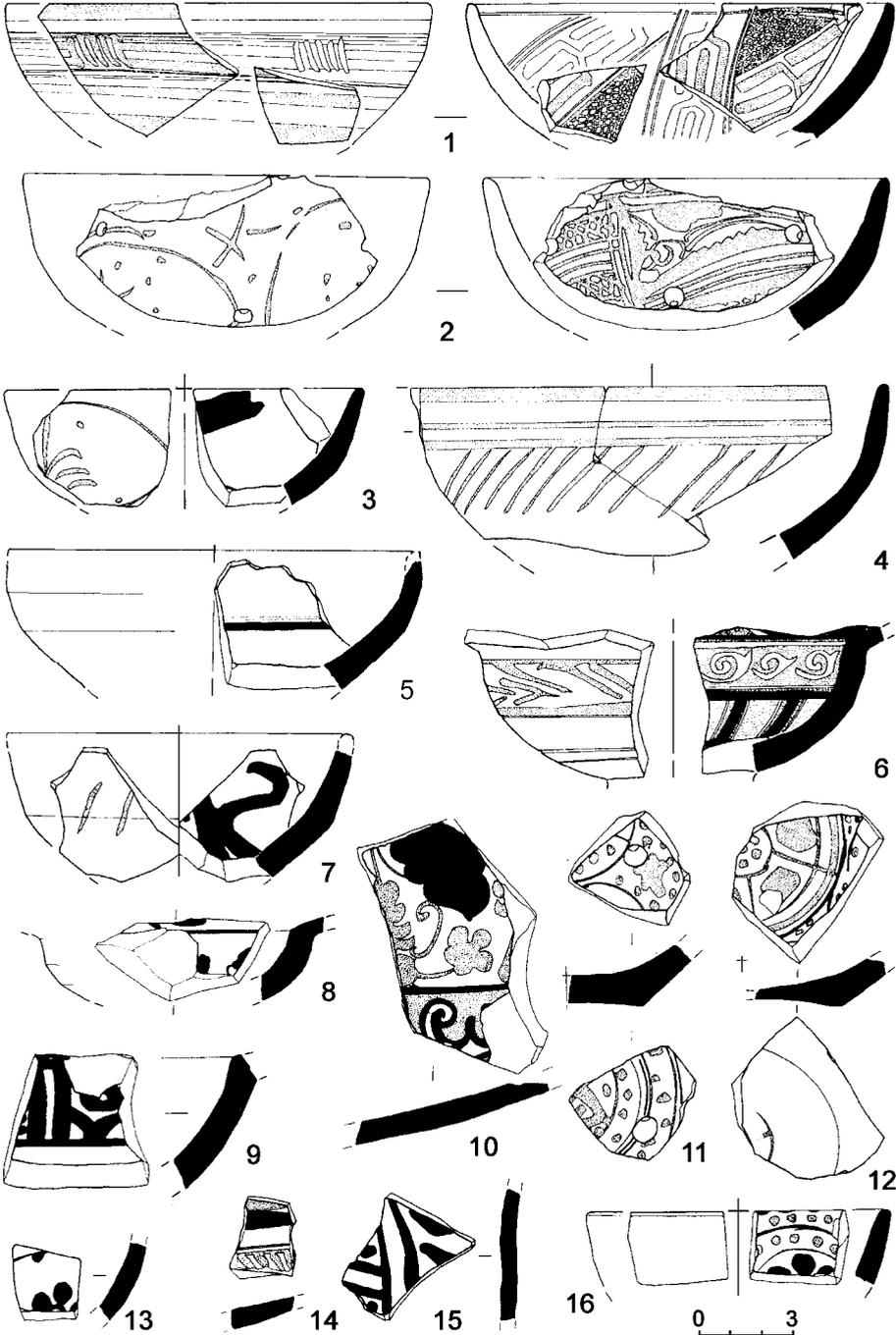

Рис. 1.

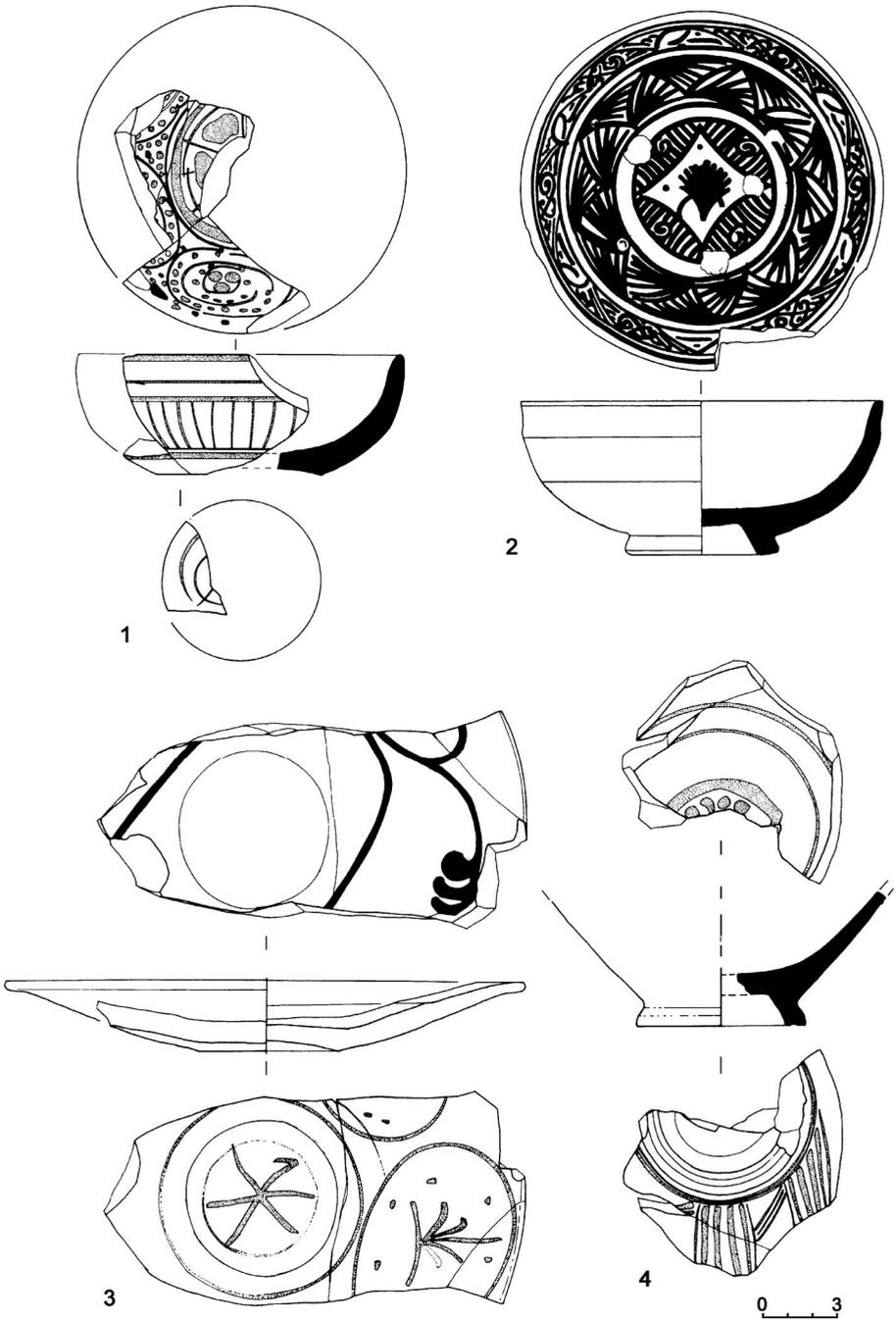
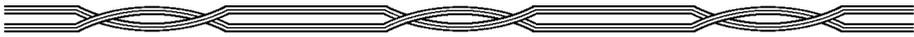

Рис. 2.

1

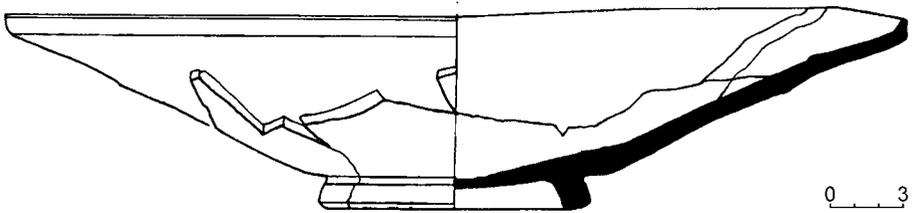

Рис. 3.

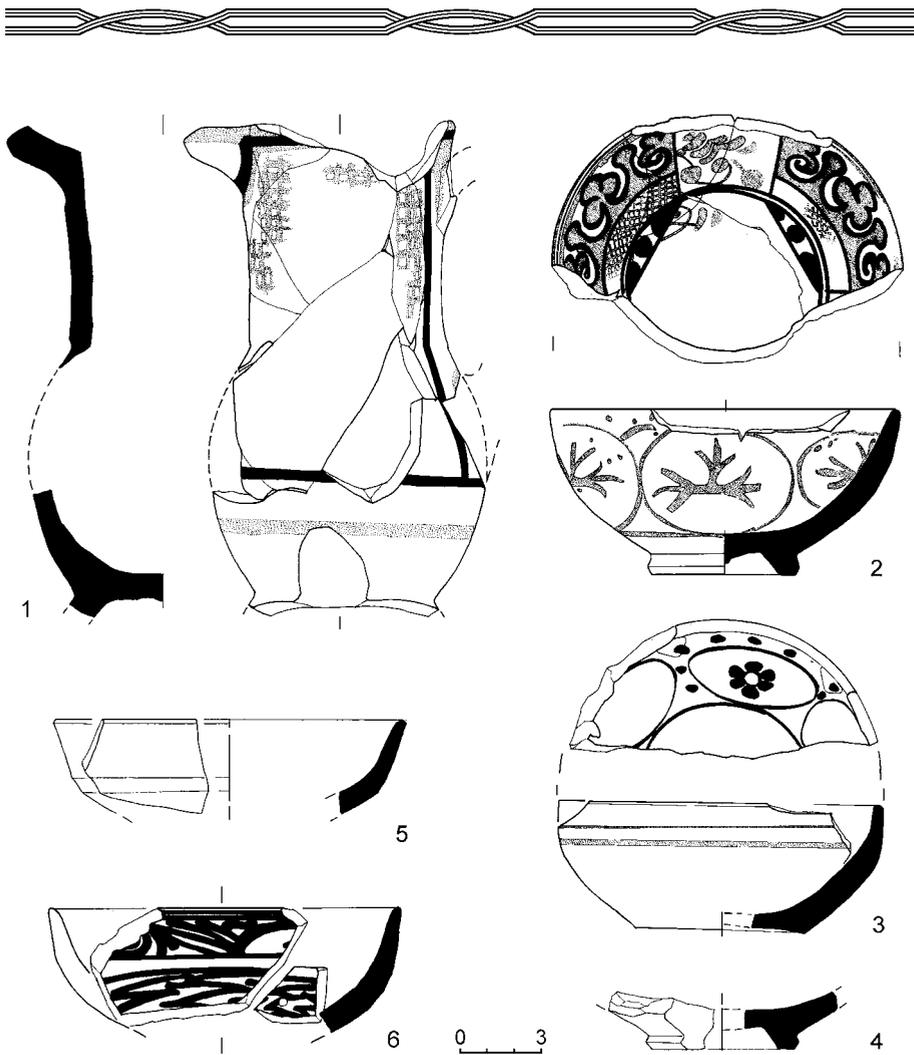

Рис. 4.

Каталог неопубликованной испанской керамики с росписью люстром из раскопок памятников Крыма

1. Гурзуф, 1966 г., раскопки О.И. Домбровского. Без шифра.
Рис. 1: 6.

Миски с горизонтально отогнутым бортом верхней части корпуса с остатками борта фрагмент. Черепок желтый, полива белая opakовая. Орнамент нанесен с двух сторон сосуда. Внутри виден фрагмент декора, выполненного кобальтом и люстром, снаружи — только люстром. По полю сосуда, синей краской, проведены две концентрические линии, соединенные ра-

диальными штрихами. Пространство между штрихами и над кругами заполнено росписью люстром в технике “резерва”. Из-за плохой сохранности покрытия, элементы росписи удалось установить только в верхнем поясе — это ряд белых завитков на блестящем красновато-медном фоне. С внешней стороны под бортом изображен ряд “уголков” между двумя горизонтальными полосами.

Подобный рисунок на внешней поверхности изделий ИМК XIV — XV вв. встречается довольно часто [см. напр. *Кравченко 1986, рис. 38: 1, 2; 39: 1, 4; Кравченко 1991, с. 116–117; Francois 1999, Fig. 18: 180, 186*]. Что касается внутреннего убранства сосуда, аналогии найдены только отдельным элементам орнаментальной композиции. Так, ряд из идентичных белых завитков на люстровом фоне в точности воспроизведен на испанской чаше, обнаруженной в Каффе [*Кравченко 1991, рис. 4: 5*].

2. Алушта, 1984 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-84 № 442. Рис. 2: 4.

Контекст находки. Заполнение водостока в куртине последней линии обороны крепости [*Мыц 1985, с. 20*].

Чаши на кольцевом поддоне донной части фрагмент. Поддон профилирован по основанию канавкой. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, opakовая. Роспись люстром нанесена на внутреннюю и внешнюю поверхности сосуда. Сохранность плохая. С внутренней стороны видны остатки concentрических кругов. Снаружи — реконструируются пучки вертикальных линий, чередующихся с полосами, заполненными наклонной штриховкой. Н фрагмента — 5.8 см; D дна — 6.8 см; H дна — 0.8 см.

Аналогии не найдены.

3. Алушта, 1984 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-84 № 467. Рис. 1: 1.

Контекст находки. Заполнение сливного колодца, пристроенного к западному участку куртины последней линии обороны крепости [*Мыц 1985, с. 21*].

Чашки полусферической формы верхней части корпуса с венчиком фрагменты. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, opakовая. Роспись люстровая, нанесена на внутреннюю и внешнюю поверхности сосуда. Внутри — полосы, образованные орнаментом в виде сложной цепи, сочетаются с треугольниками

ми, заштрихованными густой сеткой (стиль “encadenat”). Снаружи — корпус украшен замкнутыми по обводу линиями различной толщины. В верхней части (под венчиком) пучок горизонтальных линий периодически прерывается пятью вертикальными штрихами. Д венчика — 14 см.

Аналогии происходят из Италии, Греции, Египта, частных и музейных коллекций [*Van de Put 1938, pl. III: 243–1853; Berti and Tongiorgi 1985, Tav. VIII: 1–4; Francois 1995, Pl. 19: d, e; 20: a, b, Fig. 77: c. 444; Francois 1999, Pl. 9: 191; Ray 1999, pp. 77–78*].

4. Алушта, 1984 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-84 № 577. Рис. 1: 16.

Контекст находки. Проезд. Слой 3 [*Мыц 1985, с. 48*].

Чашки полусферической формы верхней части корпуса с венчиком фрагменты. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, opakовая. Роспись видна только на внутренней поверхности сосуда. Реконструируется фрагмент рисунка в виде круга с пятилепестковым цветком внутри, выполнен кобальтом. Кроме того, розетку обрамляют крупные точки и окружность, нанесенные люстром. Группа “disc-flowers”. Д венчика около 14 см.

Изделия этой группы найдены в Италии, на Сицилии, в Нидерландах, Египте [*Hurst 1982, fig. 2; Berti and Tongiorgi 1985, pl. VI; Ray 1999, p. 72; Francois 1999, fig. 18: 188–189*]. Предполагаемый центр производства — Манизес [*Ray 1999, p. 72*].

5. Алушта, 1984 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-84 № 354. Рис. 4: 1.

Контекст находки. Слой разрушения помещения 53, расположенного на цитадели крепости. Помещение датируется XIV — XV вв. [*Мыц 1985, с. 38–39*].

Кувшин со сливом, одноручный, на кольцевом поддоне. Фрагментирован, реконструируется из 16 обломков. Черепок оранжевый. Полива белая, opakовая. Корпус шаровидный. Горло высокое, широкое, цилиндрической формы. Край скруглен. Слив четко профилирован. Ручка утрачена, прилепы видны под венчиком и в верхней части тулова. Поддон отбит. Поверхность сосуда расписана кобальтом и люстром. Синей краской проведена линия по контуру венчика, под сливом, с двух сторон вдоль ручки и по центру тулова. Люстровая роспись практически не сохранилась. Фрагменты ее видны лишь на горле сосуда (в виде густой сетки) и в нижней части корпуса (в

виде замкнутой по обводу линии). Н — 19.7 см; D тулова — 10.8 см; D горла — 7.4 см, D венчика — 8.5 см.

Аналогии не найдены.

6. Алушта, 1984 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-84 № 354/5. Рис. 1: 5.

Контекст находки. Слой разрушения помещения 53, расположенного на цитадели крепости. Помещение датируется XIV — XV вв. [*Мыц 1985, с. 38–39*].

Чаша полусферической фрагмент поля. Черепок оранжевый. Полива белая, опаковая. С внутренней стороны виден фрагмент росписи кобальтом в виде замкнутой по обводу линии. Люстр не сохранился. Размер фрагмента — 4.8×5.3 см.

7. Алушта, 1985 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Ал-85 № 547. Рис. 4: 6.

Контекст находки. Культурные слои XIV — XV вв. на цитадели крепости [*Мыц, 1985, с. 95*].

Чаша полусферической верхней части корпуса и поля фрагменты. Черепок светло-желтый. Полива белая, опаковая. Надглазурная роспись люстром не сохранилась. На внутренней поверхности чаши видны остатки двух орнаментальных поясов, выполненных кобальтом. Верхний (расположенный под венчиком) содержит сложный рисунок из дуг, шевронов, изогнутых линий. Нижний — заполнен рядом вертикальных зигзагов. D венчика — 14 см.

Близкие аналогии происходят из Александрии [*Francois, 1999, Pl. 10: 205.206; Fig. 20: 207*], Фасоса [*Francois, 1995, Pl. 20: d*]. Видимо, чаша из Алушты также относится к группе люстров с декором “parallels and spirals”.

8. Алушта, 1992 г., раскопки В.Л. Мыца, С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко. Шифр: Ал.-92 № 59. Рис. 1: 3.

Контекст находки. Зольник XVI — XVIII вв. на руинах квадратной башни (Орта-Куле) последнего оборонительного рубежа крепости [*Мыц и др. 1992, с. 49*].

Чаша полусферической верхней части корпуса с венчиком фрагмент. Черепок светлый желто-розовый. Полива белая, опаковая. Орнамент нанесен с двух сторон сосуда. Внутри виден фрагмент росписи кобальтом, характер изображения не ясен. Снаружи сохранился рисунок, выполненный люстром, в виде круга с веерообразными фигурами внутри. D венчика около 13–14 см.

Аналогии внешнему оформлению чаши встречаются довольно часто [см. напр.: *Кравченко 1986, рис. 38: 3, 4, 7; 39: 2; Francois 1999, Fig. 19: 192; Francois 1995, Pl. 20: a, b, Fig. 77: c. 444; Ray 1999, p. 83, № 177R; p. 89, № 193R 194R*].

9. Алушта, 1993 г., раскопки В.Л. Мыца, С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко, А.В. Лысенко, С.В. Семина, И.Б. Тесленко. Шифр: Ал-93/220. Рис. 1: 13.

Контекст находки. Слой светло-коричневого грунта с большим количеством морской гальки. Время образования слоя — кон. XV — XVI вв. [*Мыц и др. 1994, с. 70–71*].

Чаши полусферической стенки фрагмент. Черепок светлый желто-розовый. Полива белая, опаковая. На внутренней поверхности сохранился фрагмент растительного орнамента, выполненного кобальтом. Размер обломка — 2.3×2.7 см.

10. Алушта, 1993 г., раскопки В.Л. Мыца, С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко, А.В. Лысенко, С.В. Семина, И.Б. Тесленко. Шифр: Ал-93/257. Рис. 1: 7.

Контекст находки. Слой коричневого, рыхлого с сильным зеленоватым оттенком грунта с угольками и известковой крошкой. В верхней части слоя найдена серебряная монета 20–30-х гг. XV в. (татаро-генуэзский аспр, г. Кафа), в нижней части слоя — медная монета (Золотая орда, Сарай-ал-Джедид, 1350–1369 гг.) [*Мыц и др. 1994, с. 73*].

Чаши полусферической стенки фрагмент. Черепок светлый розовато-желтый. Полива белая, опаковая. Орнамент нанесен с двух сторон сосуда. Внутри виден фрагмент росписи кобальтом. Снаружи сохранился рисунок, выполненный люстром, в виде ряда наклонных линий. Размер обломка — 4×5.6 см.

11. Алушта, 1993 г., раскопки В.Л. Мыца, С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко, А.В. Лысенко, С.В. Семина, И.Б. Тесленко. Шифр: Ал-93/279. Рис. 1: 11.

Контекст находки. Слой коричневого, рыхлого с сильным зеленоватым оттенком грунта с угольками и известковой крошкой. В верхней части слоя найдена серебряная монета 20–30-х гг. XV в. (татаро-генуэзский аспр, г. Кафа), в нижней части слоя — медная монета (Золотая орда, Сарай-ал-Джедид, 1350–1369 гг.) [*Мыц и др. 1994, с. 73*].

Чаши с вогнутым днищем донной части фрагмент. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, опаковая. Орнамент нанесен только люстром с двух сторон сосуда. Внутри виден фраг-

---

мент рисунка, включающий две соприкасающиеся окружности, крупные точки и пятилучевую звезду между ними. Снаружи корпус украшен замкнутыми по обводу парными линиями, чередующимися с рядами точек. На днище в круге изображена звезда в сочетании с крупными точками. Во фрагменте просверлено отверстие диаметром около 0.4 см. Д дна около 5 см.

Аналогии не найдены.

12. Алушта, 1993 г., раскопки В.Л. Мыца, С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко, А.В. Лысенко, С.В. Семина, И.Б. Тесленко. Шифр: Ал-93/289. Рис. 1: 14.

Контекст находки. Слой светло-коричневого плотного грунта с известковой крошкой и большим количеством разномерного камня. По керамическому материалу датируется XV — XVI вв. [*Мыц и др. 1994, с. 68–69*].

Сосуда открытого типа стенки фрагмент. Черепок светлый желто-розовый. Полива белая, опаковая. Орнамент нанесен кобальтом и люстром, фрагмент его виден только на внутренней поверхности сосуда в виде полосы и орнаментального ряда расположенных радиально. Размер фрагмента — 2.7×2.1 см.

13. Алушта, 2001 г. Рис. 4: 4.

Контекст находки. Случайная находка на территории крепости Алустон, в районе квадратной башни (Орта-Куле).

Чаши на кольцевом поддоне донной части фрагмент. Поддон не высокий, с плоским основанием. Черепок светлый желто-розовый. Полива белая, опаковая. Орнамент, выполненный люстром, не сохранился. Д дна — 6 см, Н дна — 0.6 см.

14. Фуна, 1982 г., раскопки В.Л. Мыца. Шифр: Фн-82/42. Рис. 4: 3.

Контекст находки. Северная башня, слой пожара (1475 г.) [*Мыц 1983, с. 20*]. Сооружение башни относится к первому строительному периоду укрепления (1423 г.), во второй четверти XV в. башня перестраивалась и функционировала до 1475 г. [*Кирилко 2002, рис. 2*].

Чашки полусферической формы с вогнутым днищем фрагмент корпуса с полным профилем. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, опаковая. Росписью украшены внутренняя и внешняя поверхности сосуда. Орнамент нанесен кобальтом и темно-коричневым люстром. Люстр очень плохой сохранности. Центр чашки ограничен замкнутой по обводу линией, выше которой расположен пояс из соприкасающихся кру-

---

гов с пятью точками внутри. Пространство вокруг кругов также заполнено точками. Стиль “disc-flowers”. С внешней стороны видны только две горизонтальные линии различной толщины, выполненные люстром. Н чашки — 5 см, D венчика — 12.6 см, D дна — 6.6 см.

Аналогии см. № № 21 и 27 по каталогу.

15. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/49. Рис. 2: 2.

Контекст находки. Помещение XXXIII (выгребная яма), заполнение [Мыц, Кирилко 1991, с. 18–19]. Сооружение помещения относится к третьему строительному периоду крепости — 1459–1475 гг. [Кирилко 2001, рис. 5].

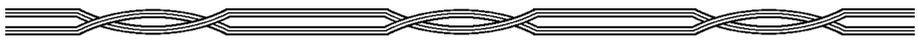
Чаша полусферической формы, на кольцевом поддоне. Светло-глиняная. Полива белая, opakовая (?). Уцелела роспись, выполненная кобальтовой краской. Рисунок представляет собой сложную композицию из трех орнаментальных зон. В центре в круге изображена “пальмовая ветвь”, помещенная в ромбе, который образован 4 сегментами с параллельными линиями и завитком по центру (мотив “parallels and spirals”). Круг ограничен двумя орнаментальными поясами. Первый заполнен пальметтами. Второй, расположенный под венчиком, содержит сложный рисунок из дуг, шевронов, пересекающихся изогнутых линий. Надглазурная роспись люстром не сохранилась. В центре видны следы ножек трипода. Н чаши — 6.5 см, D венчика — 15 см, D дна — 6.1 см, Н дна — 0.7 см.

Близкие аналогии происходят из Александрии [Francois 1999, Pl. 10: 205.206; Fig. 20: 207], Фасоса [Francois 1995, Pl. 20: d], коллекции Музея Виктории и Альберта [Ray 1999, pp. 64–64, № 131].

16. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/60. Рис. 1: 4.

Контекст находки. Помещение XXXIII (выгребная яма), заполнение [Мыц, Кирилко, 1991, с. 18–19]. Сооружение помещения относится к третьему строительному периоду крепости — 1459–1475 гг. [Кирилко 2001, рис. 5].

Чаша или ковш полусферической формы верхней части корпуса фрагмент. Днище утрачено. У края венчика видны остатки прилепа ручки. Черепок светлый желто-оранжевый. Полива белая, opakовая. Надглазурная роспись выполнена с двух сторон сосуда люстром бурого цвета. На большей площади не

сохранилась. Край венчика выделен полосой с двух сторон. Внутри рисунок реконструировать сложно. Снаружи верхняя часть сосуда была украшена поясом из наклонных штрихов, ограниченным парами параллельных линий. D венчика — 15 см, сохранившаяся высота — 5.8 см.

Такой способ украшения внешней поверхности в различных вариациях широко использовался на испано-мавританской керамике второй половины XIV — первой половины XV вв., приписываемой валенсийскому производству [см. напр. *Кравченко. 1991, с. 117; Коваль 1996, с. 173; Белинский, Масловский 1998, рис. 23, 1; Francois 1999, Fig. 18: 181, 183, 185, 188; Ray 1999, pp. 63, 70–71*].

17. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/130. Рис. 1: 9.

Контекст находки. Слой разрушения одного из помещений. Нижняя дата образования слоя — 1475 г. [*Мыц, Кирилко 1991, с. 54–55*].

Миски с горизонтальным бортом верхней части корпуса фрагмент. Борт утрачен. Черепок светло-оранжевого цвета. Полива белая, опаковая. Люстр на поверхности не сохранился. С внутренней стороны под бортом виден участок декора, выполненного кобальтовой краской в виде пояса, заполненного рядом “alafias”, заключенных между вертикальными полосами. Размер фрагмента — 4.4×4.6 см.

Аналогии происходят из коллекции Музея Виктории и Альберта, где они датируются 1400–1450 гг. [*Ray 1999, pp. 66–68, № 134–139*].

18. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/250. Рис. 1: 10.

Контекст находки. Помещение X, яма № 7. В заполнении ямы значительное количество обломков кухонной и столовой посуды XV в. Встречены фрагменты от сосудов из слоя пожара 1475 г. во дворе № 1 [*Мыц, Кирилко 1991, с. 21–22*].

Блюда поля фрагмент. Черепок желтый со светло-оранжевой прослойкой. Полива белая опаковая. Остатки декора видны с обеих сторон сосуда. Снаружи — это круги и точки, выполненные люстром светло-коричневого цвета. Внутренняя поверхность богато украшена растительным орнаментом, основные элементы которого нанесены кобальтом, а дополнительные — люстром. На внутренней поверхности фрагмента

сохранился участок декора, состоящий из двух орнаментальных блоков. Один из них представляет собой часть коронообразной фигуры, контуры которой выполнены кобальтом, а заполнение — люстром. Центральным элементом другого блока является синий перистолопастной лист, вокруг которого люстром (светло-коричневого цвета) нанесены натуралистичные изображения пятилепестковых цветов на тонких изогнутых стеблях с тонкими вьющимися побегами и перистосложными листьями. Стиль “crown pattern”. Размер обломка — 4.9×8.8 см.

Чаша с близкими орнаментальными мотивами происходит из раскопок Судака 1973 (рис. 4: 2, № 26 по каталогу). Аналогичный декор встречен на “медицинских сосудах” (drug-jag) и фрагменте сосуда открытого типа из коллекции Музея Виктории и Альберта. Изделия отнесены к производству Валенсии (возможно Манисес) и датируются периодом 1435–1460 гг. [Ray 1999, p. 80, №№ 165–167].

19. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/662. Рис. 3.

Контекст находки. Двор № 1, слой пожара 1475 г. [Мыц, Кирилко 1991, с. 5–7].

Блюдо на кольцевом поддоне. Фрагментировано. Форма реконструируется из 17 обломков. Черепок светло-оранжевый с желтоватой прослойкой. Борт широкий, отделен от корпуса небольшим валикообразным выступом, край приподнят кверху, в сечении треугольный. Поддон массивный. Полива белая, opakовая. Плохой сохранности. Видна только роспись, выполненная кобальтовой краской. В центре изображена восьмилепестковая розетка в круге, к которому примыкают четыре стилизованных пальмовых листа с заостренными вершинами. Борт украшен орнаментальным поясом, состоящим из дуг, пересекающих их S-видных завитков и крупных точек (разновидность “fish border”?). Надглазурная роспись люстром не сохранилась. В центре видны следы ножек трипода. Н миски — 7.5 см, D венчика — 36 см, D дна — 11 см, Н дна — 1.1 см.

Отдельные элементы орнаментальной композиции блюда имеют довольно широкий круг аналогий. Подобное украшение борта встречается на сосудах с росписью кобальтом и люстром, найденных в Феодосии [Кравченко 1991, рис. 4: 5], Белгороде-Днестровском [Кравченко 1986, рис. 39: 4], на Фасосе [Francois 1995, Pl. 20: c, e; Fig. 77: c 442]. Расположенные крестообразно

стилизованные пальмовые листья изображены на испано-мавританских сосудах, найденных в Феодосии, Александрии и др. [*Штерн 1906, табл. IX: № 98; Кравченко 1991, рис. 4: 4; Francois 1999, Pl. 9: 186b etc.*]. Близкое по манере исполнения изображение восьмилепестковой розетки в центре сосуда также встречено на чаше из Александрии [*Francois 1999, Fig. 20: 208*]. Орнаментация блюда, видимо, является образцом объединения различных стилей (как новых, так и свойственных предшествующей эпохе), что само по себе характерно для испано-мавританской керамики XV в. [*Ray 1999, pp. 58–60*].

20. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/699. Рис. 2: 3.

Контекст находки. Двор № 1, слой пожара 1475 г. [*Мыц, Кирилко 1991, с. 5–7*].

Тарелка с вогнутым дном. Фрагментирована. Форма реконструируется из 3 обломков. Черепок на изломе светло-оранжевый, у поверхности желтый. Борт широкий, отделен от корпуса чуть заметным уступом, край заужен, скруглен. Полива белая, опаковая, плохой сохранности. Росписью украшена внутренняя и внешняя поверхности сосуда. С внутренней стороны сохранился фрагмент орнамента, выполненного кобальтовой краской. На поле и борте видны плавно изогнутые растительные побеги, увенчанные перистосложными листьями. С внешней стороны роспись нанесена красновато-коричневым люстром в виде расположенных по обводу кругов со стилизованными веерообразными фигурами и точками внутри. На днище изображена шестилучевая звезда в круге. Н тарелки — 2.9 см, D венчика — 22.6 см, D дна — 6 см.

Аналогий орнаментации лицевой поверхности блюда найти не удалось. Изображение ряда окружностей с веерообразными фигурами и точками для украшения внешней поверхности в ИМК встречается довольно часто [см. напр. *Кравченко 1986, рис. 38: 3, 4, 7; 39: 2; Francois 1999, Fig. 19: 192; Francois 1995, Pl. 20: a, b, Fig. 77: c444; Ray 1999, p. 83, № 177R*].

21. Фуна, 1990 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-90/27.

Контекст находки. Двор № 2, слой пожара 1475 г. [*Мыц, Кирилко 1991, с. 15–16*].

Чаши полусферической стенки фрагмент. Черепок желтый. Полива белая, опаковая, поверхность пережжена. Роспись

не сохранилась. В стенке просверлено отверстие для ремонта диаметром 0.25 см. Размер фрагмента — 4×6.8 см.

22. Фуна, 1991 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-91/10. Рис. 1: 12.

Контекст находки. Верхняя часть слоя разрушения с керамическим материалом XIV — XIX вв. [*Мыц, Кирилко 1992, с. 26–27*].

Чаши с вогнутым днищем, дна фрагмент. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, опаковая. Росписью украшена внутренняя и внешняя поверхности сосуда. С внутренней стороны в центре сосуда красно-коричневым люстром нанесены три концентрических круга. Центральный заполнен крупными точками, два других разделены радиальными линиями на шесть секторов, в каждом из секторов второго круга расположен широкий лепесток. Композиция ограничена замкнутой по обводу кобальтовой линией, выше которой расположен пояс из соприкасающихся кругов, также нанесенных кобальтом с люстровыми точками внутри. Орнамент выполнен в стиле “disc-flowers”. С внешней стороны на днище виден фрагмент круга, нанесенного люстром. Д дна — 7 см.

Археологически целая чаша с аналогичным орнаментом происходит из раскопок Судакской крепости в 1997 г. (рис. 2: 1; № 27 по каталогу). Подобные изделия имеются в коллекции Музея Виктории и Альберта, где они датированы 1400–1450 гг и 1425–1450 гг., отнесены к производству Валенсии (возможно Манизес) [*Ray, p. 72, 77, №№ 149–151, 161*].

23. Фуна, 1991 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-91/14. Рис. 4: 5.

Контекст находки. Заполнение ямы № 22 на территории двора № 3. Находки из ямы относятся, в основном, к XIV — XV в. [*Мыц, Кирилко 1992, с. 6–7, с. 27*].

Чаши полусферической формы верхней части корпуса с венчиком фрагмент. Черепок светло-оранжевый. Полива белая опаковая. Роспись не сохранилась. Д венчика около 14 см.

24. Фуна, 1991 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-91/85. Рис. 1: 8.

Контекст находки. Заполнение ямы № 23 на территории двора № 3. Находки из ямы относятся, в основном, к XIV — XV в. [*Мыц, Кирилко 1992, с. 36*].

Миски с горизонтальным бортом верхней части корпуса фрагмент. Борт утрачен. Черепок светло-оранжевый. Полива

белая, опаковая. На внутренней поверхности сосуда видны остатки росписи кобальтом. Сюжет росписи не ясен. Размер фрагмента — 3.3×5.8 см.

25. Фуна, 1991 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-91/1132.

Контекст находки. Двор № 3. Верхний выравнивающий слой. Керамика из слоя, в основном, датируется XIV — XV вв. Кроме того, здесь встречены обломки амфор с дуговидными ручками, а в с-з углу двора, на поверхности материка найдена медная монета нового чекана времени Тохтамышша (1380–1381). [Мыц, Кирилко 1992, с. 5–6].

Чаши светлоглиняной поливной с подглазурной росписью кобальтом и люстром края фрагмент. Дв. — 25 см. Фрагмент утрачен.

26. Фуна, 1991 г., раскопки В.Л. Мыца и В.П. Кирилко. Шифр: Фн-91/114. Рис. 1: 15.

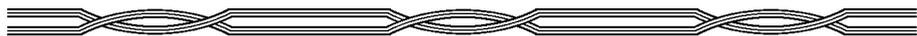
Контекст находки. Заполнение ямы № 22 на территории двора № 3. Найдки из ямы относятся, в основном, к XIV — XV в. [Мыц, Кирилко 1992, с. 6–7, с. 27].

Сосуда закрытого типа стенки фрагмент. Черепок светло-желтый. Полива белая, очень плохой сохранности. На внешней поверхности видны остатки орнамента, нанесенного кобальтом, в виде вертикальных линий и наклонных штрихов. Размер фрагмента — 3.1×4.5 см.

27. Судак, 1973 г., раскопки М.А. Фронджуло. Шифр: Ск-73/Г.К. Хранится в фондах Национального заповедника “София Киевская”. Рис. 4: 2.

Контекст находки. Казарма, кв. 2, шт. II.

Чашка полусферической формы, на кольцевом поддоне. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, опаковая. Украшена внутренняя и внешняя поверхности сосуда. Люстровая роспись на внутренней поверхности плохой сохранности. Орнамент выполнен в стиле “crown pattern”. Внутреннее поле чашки разделено на две концентрические зоны. В верхней — расположены коронообразные фигуры, контуры которых выполнены кобальтом, а заполнение — люстром. Центральное пространство и панели между коронообразными фигурами заполнены богатым растительным декором, включающим натуралистичные изображения стеблей с округлыми плодами и перистосложными листьями. Снаружи рисунок представляет собой

расположенные по обводу окружности с веерообразными фигурами и точками внутри. Н чашки — 6.6 см, D венчика — 14 см, D дна — 6 см, Н дна — 0.8 см.

Фрагмент блюда с близкими орнаментальными мотивами происходит из раскопок замка Фуна (рис. 1: 10, № 17 по каталогу). Аналогичный декор встречен на “медицинских сосудах” (drug-jag) и фрагменте сосуда открытого типа из коллекции Музея Виктории и Альберта. Изделия отнесены к производству Валенсии (возможно Манизес) и датируются периодом 1435–1460 гг. [Ray 1999, p. 80, №№ 165–167].

28. Судак, 1997 г., раскопки И.А. Баранова, В.В. Майко. Шифр: Ск-97 № 15. Рис. 2: 1.

Контекст находки. Территория квартала I, слой серо-коричневой глины с примесью извести и мелкого бута, датируется второй половиной XIV — первой половиной XV вв. [Баранов, Майко 1998, с. 7–9].

Чашка полусферической формы, с вогнутым дном, фрагментированная. Черепок светло-оранжевый. Полива белая, opakовая. Росписью украшена внутренняя и внешняя поверхности сосуда. Орнамент выполнен в стиле “disc-flowers”. С внутренней стороны в центре сосуда красно-коричневым люстром нанесены концентрические круги. Один из них разделен радиальными линиями на шесть секторов, в каждом из которых расположен широкий лепесток. Композиция ограничена замкнутой по обводу кобальтовой линией, выше которой расположен пояс из соприкасающихся кругов, также нанесенных кобальтом. Круги на стенках заполнены люстровыми двухвитковыми спиралями, сопровождающимися крупными точками. Внешняя поверхность сосуда орнаментирована поясом из вертикальных штрихов, ограниченным замкнутыми по обводу линиями различной толщины. С внешней стороны на днище виден фрагмент круга, выполненного люстром. Н чашки — 5 см, дна — 7 см, D венчика — 13.8 см.

Сосуды с аналогичным декором найден при раскопках в замке Фуна и крепости Алустон (рис. 1: 12, 13, 16; 4: 3). Подобные изделия имеются в коллекции Музея Виктории и Альберта, где они датированы 1400–1450 гг. и 1425–1450 гг., отнесены к производству Валенсии (возможно Манизес) [Ray 1999, p. 72, 77, №№ 149–151, 161].

Примечания

¹ Цитата приведена по М. Olivar из его предисловия к статье *Von R. Schnyder, 1961, p. 118.*

² Используется аббревиатура, предложенная В.Ю. Ковалем для обозначения испано-мавританской керамики.

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность В.Л. Мыцу, В.П. Кирилко и В.В. Майко, предоставившим материалы раскопок для публикации, а также сотрудникам фондов Национального заповедника “София Киевская”, оказавшим содействие при работе с хранящимися у них коллекциями.

**ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЫ III В. Н.Э. НЕКРОПОЛЯ У С. КУРСКОЕ
(по материалам раскопок 2001 г.)**

В 2000–2001 гг. Белогорским отрядом Крымской охранно-археологической экспедиции КФ ИА НАН Украины проводились охранные исследования могильника, расположенного в 2 км к северу от с. Курское Белогорского района республики Крым.

Памятник находится на левой надпойменной террасе р. Индол, к востоку от г. Кызыл-Таш, господствующей над западным берегом реки. На противоположном, правом берегу р. Индол возвышаются крутые склоны г. Бор-Кая, закрывающей вход в широкую предгорную долину. На вершине г. Бор-Кая находятся остатки двух городищ и селища позднескифского времени [Колтухов 1999, с. 112], но исследованный могильник, судя по удаленности и особенностям рельефа, еще больше увеличивающим практическое расстояние между памятниками, отношения к ним не имеет.

К юго-восточной границе могильника вплотную примыкает участок с кизил-кобинскими каменными ящиками, расположенными на гребне водораздела. На территории могильника в культурном слое были найдены обломки лепных сосудов, в том числе лощеных и с врезным орнаментом, которые датируются VII — VI вв. до н.э. и могут быть связанными с кизил-кобинским поселением [Колтухов, Колотухин, Труфанов 2000, с. 5].

С восточной и южной сторон могильник ограничен спуском в долину р. Индол, с севера — оврагом. Как показали исследования, памятник может быть условно разделен на две пространственно-хронологические зоны. Наиболее ранние подбойные могилы конца II — середины III в. н.э. расположены в юго-западной его части, а склепы IV в. н.э. — в северо-восточной. На участке со склепами, помимо того, раскопано несколько подбойных могил, две из которых (№ 9 и № 10) по сопровождающему инвентарю датируются в пределах последней трети III — первой четверти IV в. н.э. (позднеримский период С2) [Труфанов 2001, с. 103–105]. Их датировка может служить уточнению хронологической границы между ранним и поздним участками некрополя.

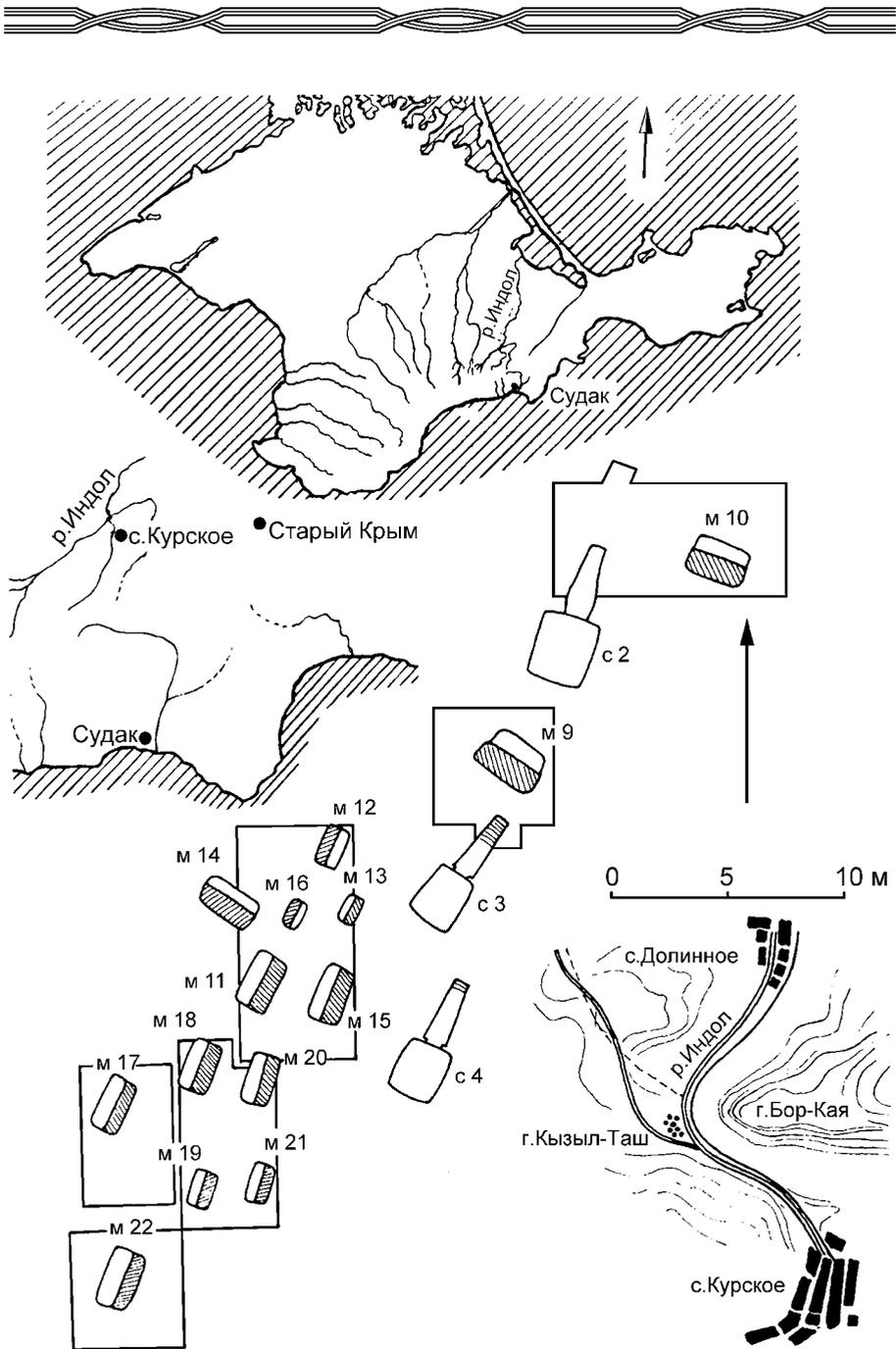

Рис. 1. Ситуационный план расположения могильника у с. Курское. План раскопов северо-восточного участка некрополя.

Именно с целью выяснения характера этого “промежуточного” этапа в функционировании некрополя было начато исследование на территории, вплотную примыкающей к позднему участку с юго-западной стороны. Здесь было обнаружено и изучено 12 подбойных могил (рис. 1, мог. №№ 11–22) [Труфанов 2002, с. 253–255], которые могли быть сооруженными непосредственно перед вырубкой поздних подбоев и склепов, т.е. до периода последней трети III — первой четверти IV в. н.э.

Находки из погребений этого участка по аналогиям из Центрального и Юго-Западного Крыма в основной массе обычно относят к хронологической группе материала конца II — середины III в. н.э. Однако инвентарь данных захоронений имеет ряд особенностей, что наряду с планиграфией самого участка позволяет предположительно считать рассматриваемые погребальные комплексы относящимися ко второй трети III в. н.э.

Подбойная могила № 11. Прямоугольная входная яма размером 2.0×0.76 м ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. В стенке входной ямы вырублена высокая, узкая ступень. Подбойная камера размером 1.95×0.67 м, расположена в ЮЮВ стенке входной ямы. Дно подбоя чуть ниже дна входной ямы. Реконструируемая высота обрушенного свода подбоя около 0.75 м.

На дне камеры находилось погребение женщины, лежавшей в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ, правая рука вдоль тела, кисть левой — на бедре. Сохранился органический тлен от (войлочной?) подстилки.

На запястье правой руки находился бронзовый браслет (рис. 2: 10), чуть ниже грудной клетки — лучковая подвязная фибула (рис. 2: 6). У запястья левой руки найдено скопление предметов: бронзовая подвеска-“лунница” (рис. 2: 4), свинцовое пряслице (рис. 2: 7) и бусы (рис. 2: 1) (здесь и далее типология бус дана по Е.М. Алексеевой [1975 1978, 1982]), в числе которых янтарные округлые и поперечно сжатые (32 экз., тип 5, 1978, с. 24), дисковидные пронизи из синего стекла (19 экз., тип 74, 1978, с. 68), фрагментированная пронизь из сине-зеленого стекла и бусы с металлической прокладкой: фрагментированные сложнорисковидные (2 экз., тип 25, 1978, с. 32), вытянутые бочковидные с валиками по краям (4 экз., тип 23, 1978, с. 32), вытянутые цилиндрические бусы (15 экз., тип 4, 1978, с. 30). У правого бедра лежали кость животного и железный нож (рис. 2: 2).

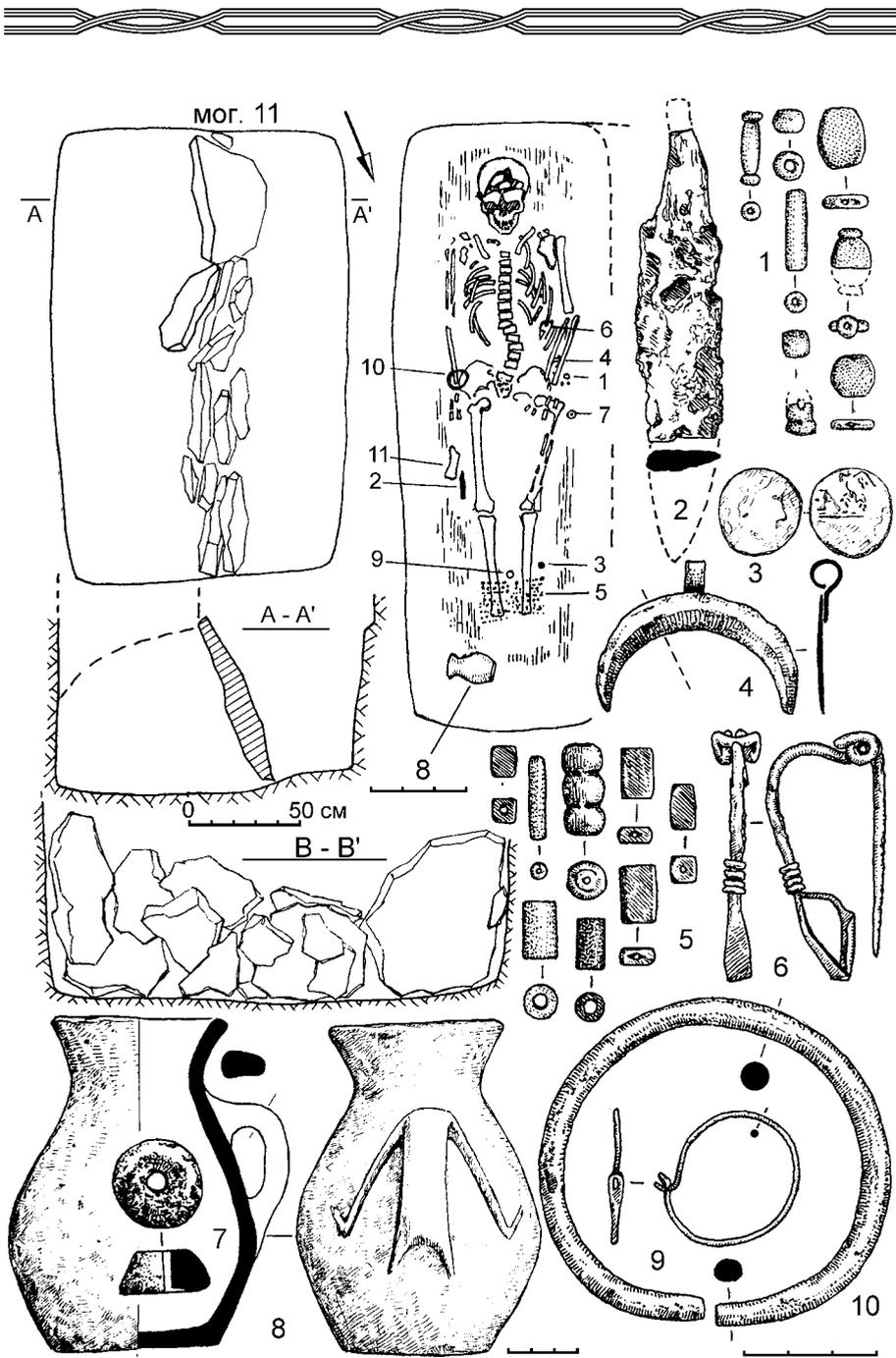
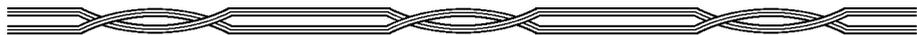

Рис. 2. Могила № 11. План, разрез, фасировка заклада, план захоронения. Погребальный инвентарь: 1, 5 — бусы, 2 — нож, 3 — монета, 4 — подвеска — лунница, 6 — фибула, 7 — пряслице, 8 — кувшин, 9 — серьга, 10 — браслет (1, 5 — стекло, янтарь; 2 — железо; 3, 4, 6, 9, 10 — бронза; 7 — свинец; 8 — глина).

На голеньях находились ряды бус (рис. 2: 5), которыми была расшита обувь погребенной. В комплект входили пронизи с металлической прокладкой: шаровидные и поперечно сжатые, объединенные в 2–3 нерасчлененных столбика (64 экз., тип 16, 1978, с. 29), вытянутые цилиндрические бусины (4 экз., тип 4, 1978, с. 30), пронизи из глухого красного стекла: призматические (20 экз., тип 117, 1978, с. 70) и цилиндрические (125 экз., тип 57, 1978, с. 67), цилиндрические бусины из глухого белого стекла (132 экз., тип 55, 1978, с. 67), пронизи из синего стекла в форме параллелепипедов (2 экз., тип 134, 1978, с. 70), а также пронизи из прозрачного сизо-зеленого стекла: призматические (11 экз., тип 122, 1978, с. 70) и в форме параллелепипедов (7 экз., тип 132, 1978, с. 70).

У ног погребенной лежала сильно коррозированная бронзовая монета (рис. 2: 3). На лицевой стороне монеты различались очертания мужской головы вправо, а на оборотной — изображение орла, сопоставимое со штемпелями Амиса времени Митридата Евпатора. Если это определение верное, то сам факт попадания данной монеты в погребение спустя три сотни лет после чекана достаточно необычен.

Рядом с ногами находилась бронзовая проволочная серьга (рис. 2: 9). В этой же части могилы лежал лепной, лощеный одноручный кувшин (Д.в. = 8 см, Д.д. = 7.6 см, выс. = 15.2 см) (рис. 2: 8). Поверхность сосуда на месте верхнего прилепа ручки украшена расходящимися рельефными валиками с загибами, а нижний прилеп оформлен в виде двух коротких лучей.

Подбойная могила № 12. Могила была ограблена в древности. Входная яма, размерами 1.85×0.57 м, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Подбой вырыт в СЗЗ ее стенке, его размеры 1.82×0.50 м. На дне подбоя находилось потревоженное, плохо сохранившееся погребение взрослого человека, ориентированного головой на ЮЮЗ. Инвентарь отсутствовал (рис. 3).

Подбойная могила № 13. Входная камера размером 1.03(0.35 м, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Спуск к подбою, вырубленному в ЮВВ стенке входной ямы, оформлен в виде ступени высотой 0.08 м. Размеры подбойной камеры 1.02×0.31 м. На дне было совершено захоронение ребенка, скелет которого полностью истлел. По расположению погребального инвентаря и фаланг пальцев руки можно предполагать, что погребенный лежал головой на ЮЮЗ.

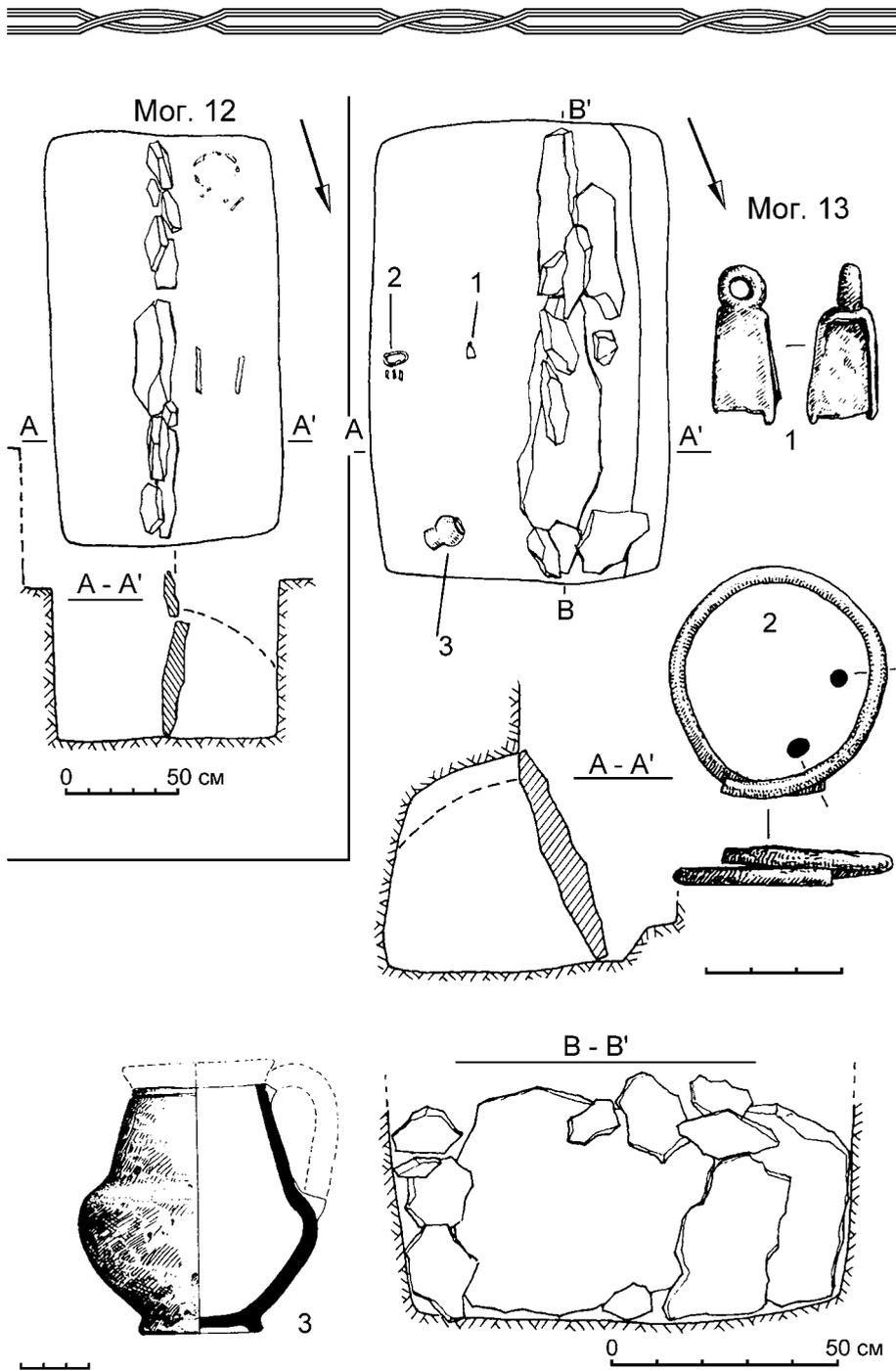

Рис. 3. Могила № 12. План и разрез. Могила № 13. План, разрез, фасировка заклада. Погребальный инвентарь: 1 — колокольчик, 2 — браслет, 3 — кувшин (1, 2 — бронза; 3 — глина).

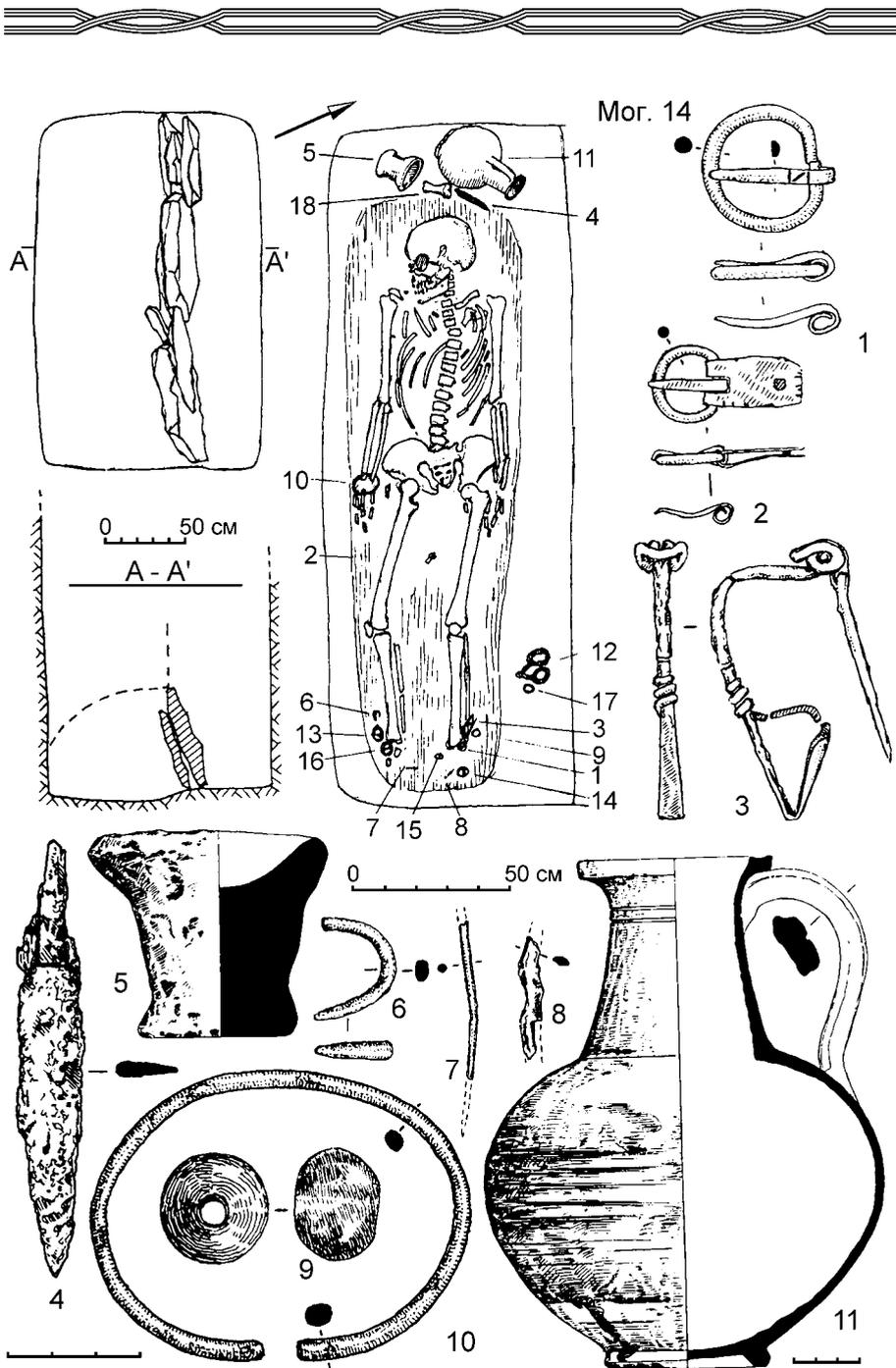

Рис. 4. Могила № 14. План, разрез, план погребения. Инвентарь: 1, 2 — пряжки, 3 — фибула, 4 — нож, 5 — курильница, 6—8 — фрагменты металлических предметов, 9 — бусина, 10 — браслет, 11 — кувшин (1—3, 6, 7, 10 — бронза; 4, 8 — железо; 5, 11 — глина; 9 — халцедон).

В подбое были найдены бронзовый браслет (рис. 3: 2) и деформированный пирамидальный бронзовый колокольчик (рис. 3: 1). У стенки лежал грубо сформованный кружальный кувшин на кольцевом поддоне с отбитыми в древности венчиком и ручкой (Д.в. = 6.1 см, Д.д. = 5.7 см, выс. = 11 см) (рис. 3: 3), с заглаженными местами сколов.

Подбойная могила № 14. Могильная яма прямоугольная в плане, размером 2.28×0.69 м, ориентирована с ЮВ на СЗ. Размеры подбоя, вырубленного в ЮЗ ее стенке, 2.20×0.80 м, предположительная высота свода — около 0.70 м. Дно подбойной камеры на 0.08 м ниже уровня дна входного колодца.

В подбое обнаружено захоронение мужчины, погребенного в вытянутом положении на спине, руки вдоль тела. На дне прослежены остатки органической (войлочной?) подстилки.

Возле головы погребенного находилась группа предметов: краснолаковый кувшин (Д.в. = 8.8 см, Д.д. = 7.5 см, выс. = 23.1 см) (рис. 4: 11), лепная необожженная курильница (Д.в. = 10.5 см, Д.д. = 7 см, выс. = 9.4 см) (рис. 4: 5), железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 4: 4) и кость животного.

На запястье правой руки был надет бронзовый браслет (рис. 4: 10). Между берцовыми костями находилась бронзовая пряжка с прямоугольным щитком из перегнутой пластины, с заклепкой (рис. 4: 2).

У ног лежали железные удила с кольцевыми псалиями (рис. 5: 12) и железное кольцо (рис. 5: 17). В нижней части ног располагались: бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 4: 3), крупная халцедоновая округлая, поперечно сжатая бусина (рис. 4: 9), четыре железных пряжки (рис. 5: 13–16) и одна бронзовая пряжка с гравированными линиями на язычке (рис. 4: 1).

Тут же лежали фрагменты бронзовой иглы (рис. 4: 7), бронзовой, овальной в сечении скобы (?) (рис. 4: 6) и железного шила (?) (рис. 4: 8).

Подбойная могила № 15. Ограблена через входную яму, причем грабители разбили и сдвинули несколько закладных плит. Входная яма могилы, размерами 2.19×0.93 м, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Ее дно ниже дна подбоя, вырубленного в ЮЗЗ стенке, на 0.08 м.

Размеры подбойной камеры — 1.16×0.63 м, предполагаемая высота свода — около 0.87 м.

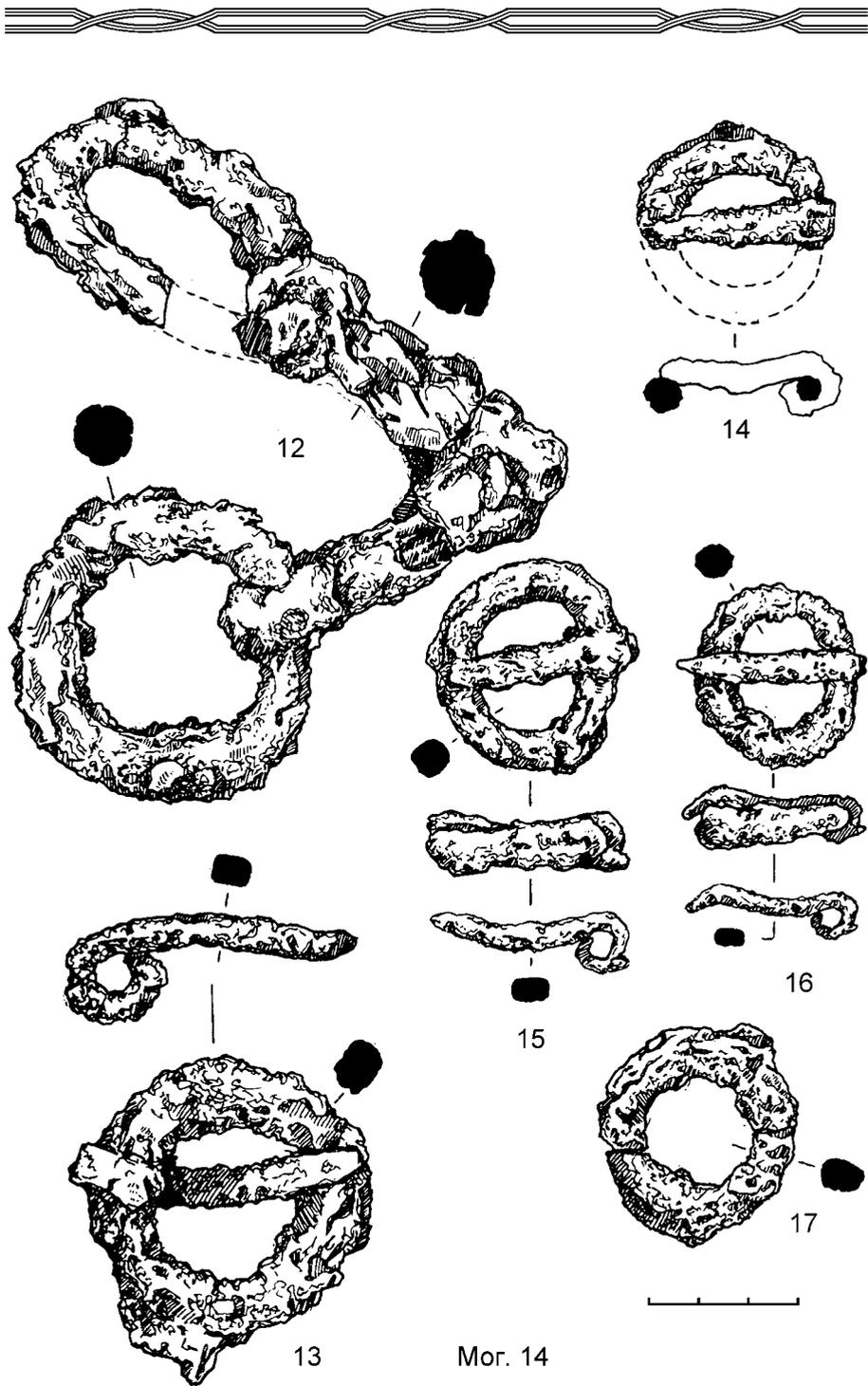

Рис. 5. Железные удила, кольцо и пряжки из могилы № 14 (12 — удила; 13–16 — пряжки; 17 — кольцо).

На дне подбоя были обнаружены разрозненные кости взрослого человека, фрагмент железного ножа (рис. 6: 1), бронзовая пряжка (рис. 6: 2), кость животного, фрагментированная полихромная стеклянная бусина (белые, красные, голубые и желтые пятна на черном фоне) (рис. 6: 4) и фрагмент бронзового пластинчатого щитка от пряжки (?) (рис. 6: 3).

Кроме того, в засыпи могильной ямы была найдена фрагментированная курительница той же формы, что и в могиле № 14, окончательно рассыпавшаяся в ходе зачистки.

Подбойная могила № 16. Входная яма подпрямоугольных очертаний, размером 1.20×0.60 м, ориентирована с ЮЗ на СВ. Подбой вырублен в СЗ ее стенке, его размеры 1.18×0.57 м. Среди закладных плит выделяется одна довольно крупная, размеры которой 0.75×0.54×0.10 м.

Судя по размерам подбоя, в могиле был погребен ребенок, костяк которого полностью истлел. Инвентарь отсутствовал (рис. 6).

Подбойная могила № 17. Входной колодец прямоугольных очертаний, ориентирован с ЮЮЗ на ССВ, его размеры 2.34×0.76 м. Подбой вырублен в ЮВВ стенке колодца. Размеры подбойной камеры 1.43×0.48 м. Реконструируемая его высота — около 0.73 м.

На дне подбоя было зачищено погребение мужчины, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ, руки вдоль тела. Возле левого плеча лежал плоский обломок известняка.

У стенки подбоя, рядом с плечом захороненного найдена крупная кость животного и железный нож (рис. 7: 1). Чуть ниже грудной клетки лежала бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 7: 2). У локтя правой руки находилась лепная, необожженная лепная курительница (Д.в. = 9.5 см, Д.д. = 7.8 см, выс. = 9 см) (рис. 7: 3). Возле ног покойника стоял гончарный красноглиняный кувшин без лакового покрытия (Д.д. = 8.3 см, Д.д. = 6.5 см, выс. = 20.5 см) (рис. 7: 4).

Подбойная могила № 18. Входная яма размером 2.27×0.89 м, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Подбой размером 2.28×0.54 м, вырублен в СЗЗ стенке входной ямы. Предполагаемая высота подбойной камеры 0.70 м.

На дне подбоя было зачищено погребение женщины, захороненной в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЮЗ.

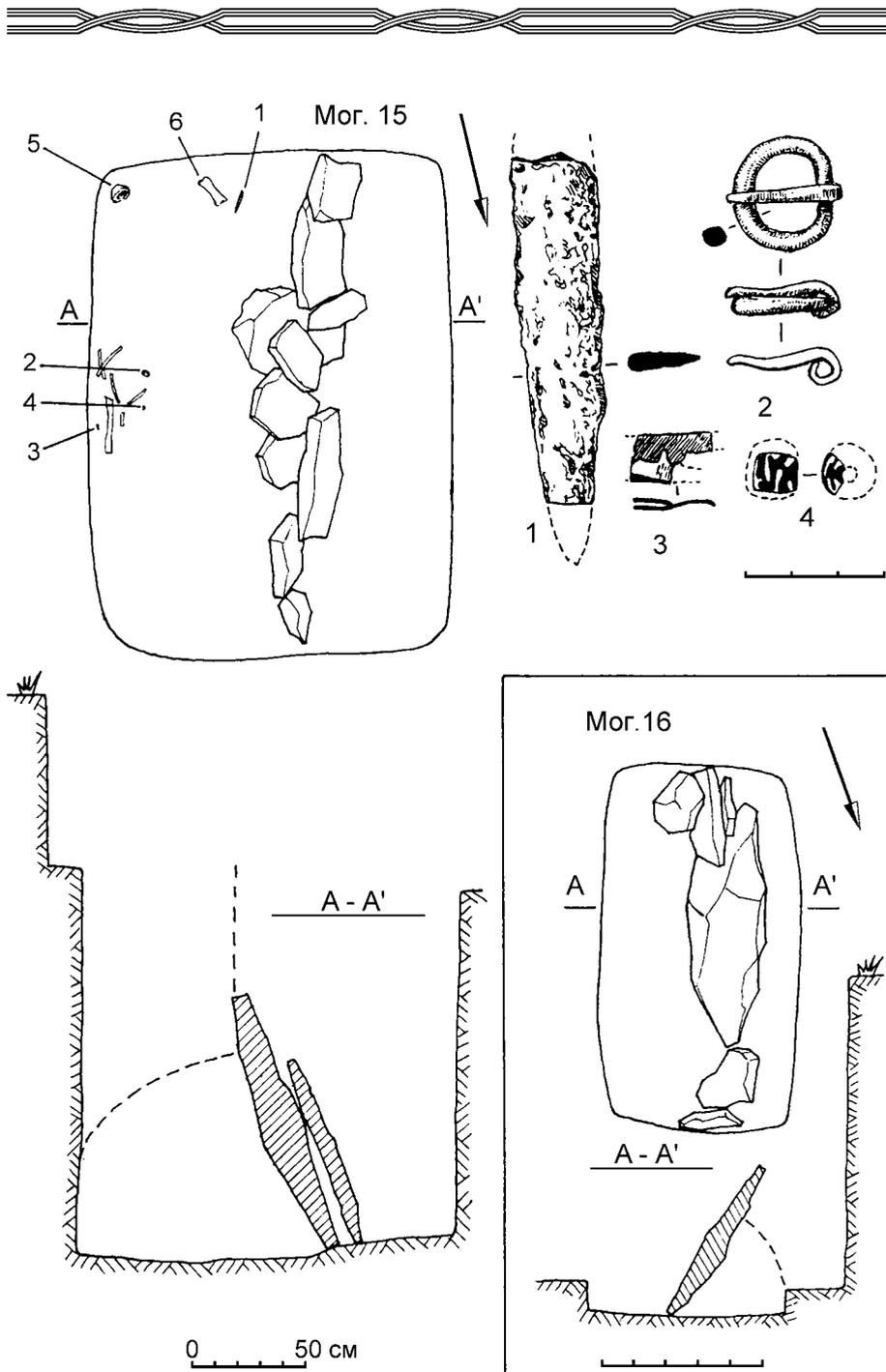

Рис. 6. Могила № 15. План, разрез, находки из засыпи подбойной камеры: 1 — нож, 2 — пряжка, 3 — пластина, 4 — фрагмент бусины (1 — железо; 2, 3 — бронза; 4 — стекло).
План и разрез могилы № 16.

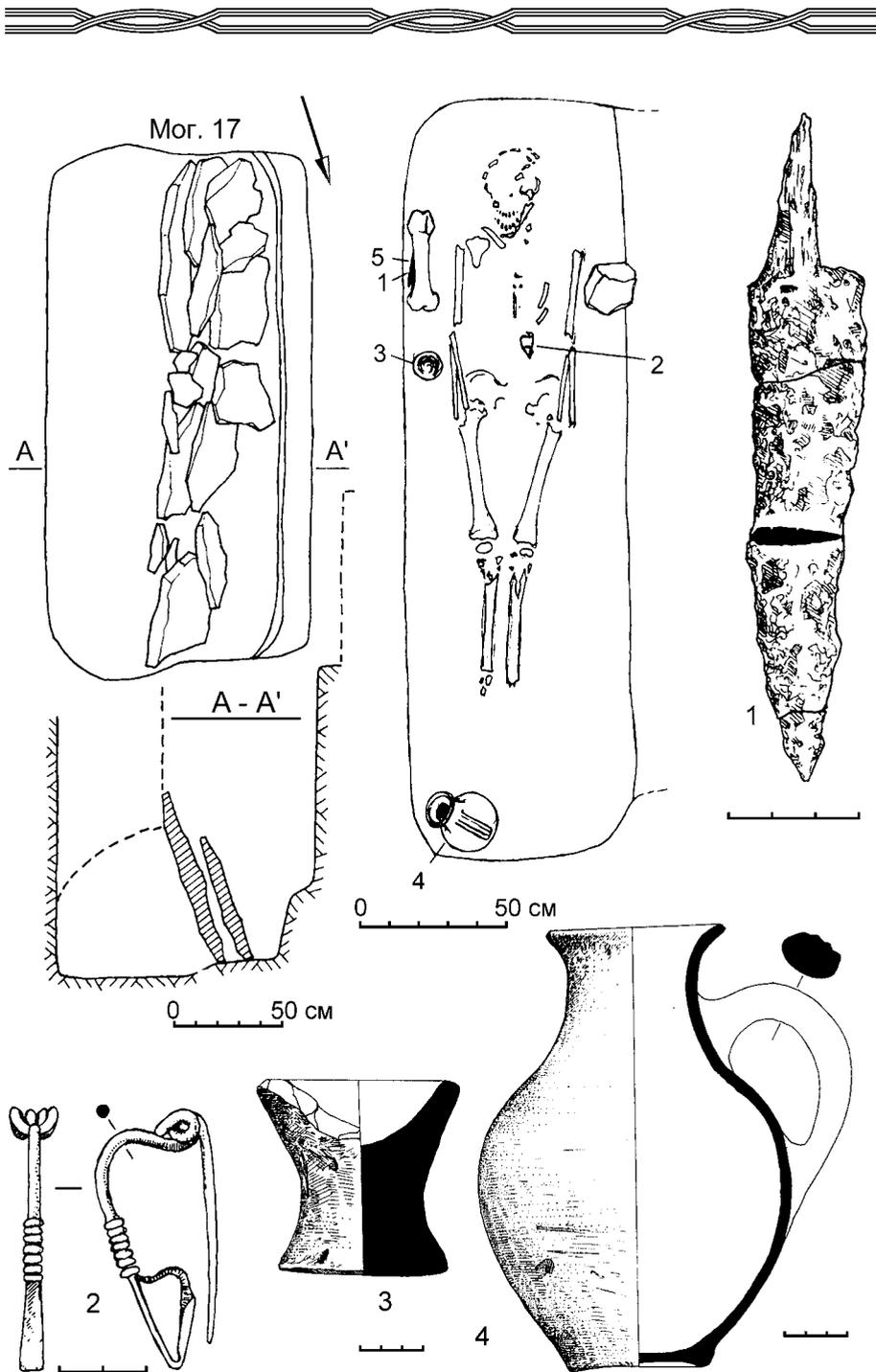

Рис. 7. Могила № 17. План, разрез, план погребения. Инвентарь: 1 — нож, 2 — фибула, 3 — курильница, 4 — кувшин (1 — железо; 2 — бронза; 3, 4 — глина).

Сохранились следы органической (войлочной?) подстилки. В ЮВВ части подбоя, за пределами контуров тлена, находились: краснолаковый кувшин (Д.д. = 8 см, Д.д. = 7 см, выс. = 19 см) (рис. 8: 3), краснолаковая миска (Д.в. = 11.4 см, Д.д. = 4.9 см, выс. = 5.3 см) (рис. 8: 1), фрагментированная лепная курильница (Д.в. = 8.5 см, Д.д. = 6.4 см, выс. = 6.3 см) (рис. 8: 2), железный нож (рис. 8: 4) и кость животного. В области грудной клетки погребенной женщины была найдена бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 8: 9).

У запястья правой руки обнаружены железное шило (рис. 8: 5) и бронзовая игла (рис. 8: 10). У левого бедра находилось скопление предметов: два лепных глиняных пряслица (рис. 8: 11, 12), бронзовое орнаментированное зеркало с боковой петлей (рис. 8: 8) и скопление бус (рис. 8: 6): полихромная пронизь из красного и желтого стекла (фрагментированная и подточенная в месте скола в древности), дисковидные из синего стекла (26 экз., тип 74, 1978, с. 68), цилиндрические из глухого красного стекла (2 экз., тип 57, 1978, с. 67), пронизи в виде граненых цилиндров из прозрачного зеленого стекла (2 экз.), пронизи из прозрачного лилового стекла в виде четырнадцатигранников (4 экз., тип 128, 1978, с. 70), янтарные бочковидные и поперечно сжатые бусы (4 экз., тип 5, 1978, с. 24).

На костях ног погребенной были зачищены ряды бус, которыми была расшита обувь, скорее всего с высоким голенищем, вроде сапожек. Расшивка обуви состояла из пронизей нескольких типов — из глухого красного стекла: цилиндрических (80 экз., тип 57, 1978, с. 67) и призматических (18 экз., тип 117, 1978, с. 70), из глухого белого стекла: цилиндрических (14 экз., тип 55, 1978, 67) и призматической (1 экз., тип 126, 1978, с. 69), из прозрачного зеленого стекла: призматических (8 экз., тип 120, 1978, с. 70) и в форме параллелепипедов (15 экз., тип 131, 1978, с. 70), из полупрозрачного синего стекла: дисковидной (1 экз., тип 74, 1978, с. 68) и в виде двух соединенных дисков (1 экз.), из стекла с металлической прокладкой: округлых и поперечно сжатых (6 экз., тип 16, 1978, с. 29) и удлиненных бочковидных, соединенных по 2–3 в нерасчлененные столбики (6 экз., тип 26, 1978, с. 30). Кроме того, к расшивке сапожек относились гагатовая коротко-цилиндрическая пронизь (1 экз., тип 26, 1978, с. 14) и круглая, поперечно сжатая бусина из черного стекла (1 экз.).

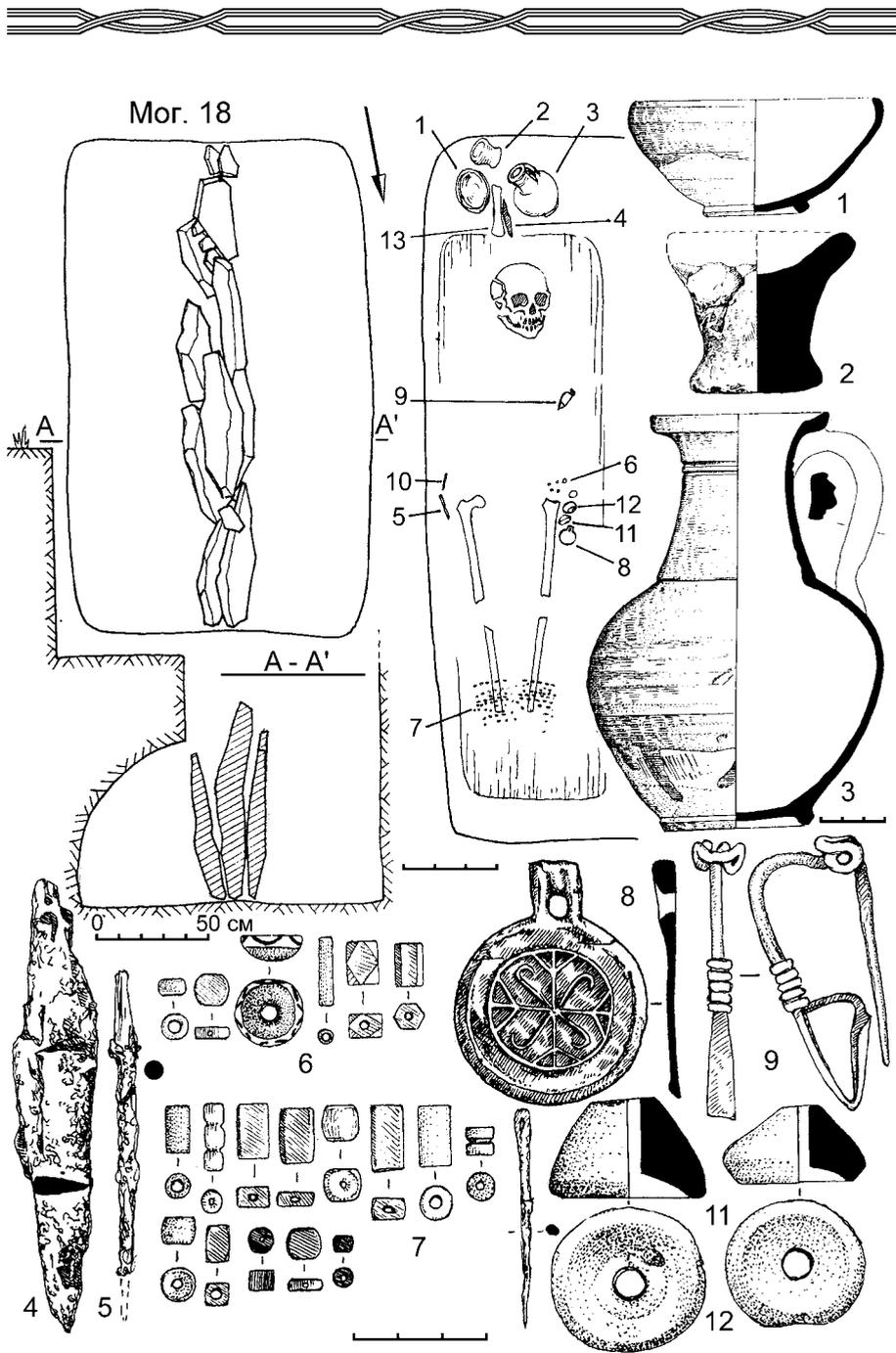

Рис. 8. Могила № 18. План, разрез, план погребения. Инвентарь: 1 — миска, 2 — курильница, 3 — кувшин, 4 — нож, 5 — шило, 6, 7 — бусы; 8 — зеркало; 9 — фибула, 10 — игла, 11, 12 — пряслица (1-3, 11, 12 — глина; 4, 5 — железо; 6, 7 — стекло, янтарь, гагат; 8-10 — бронза).

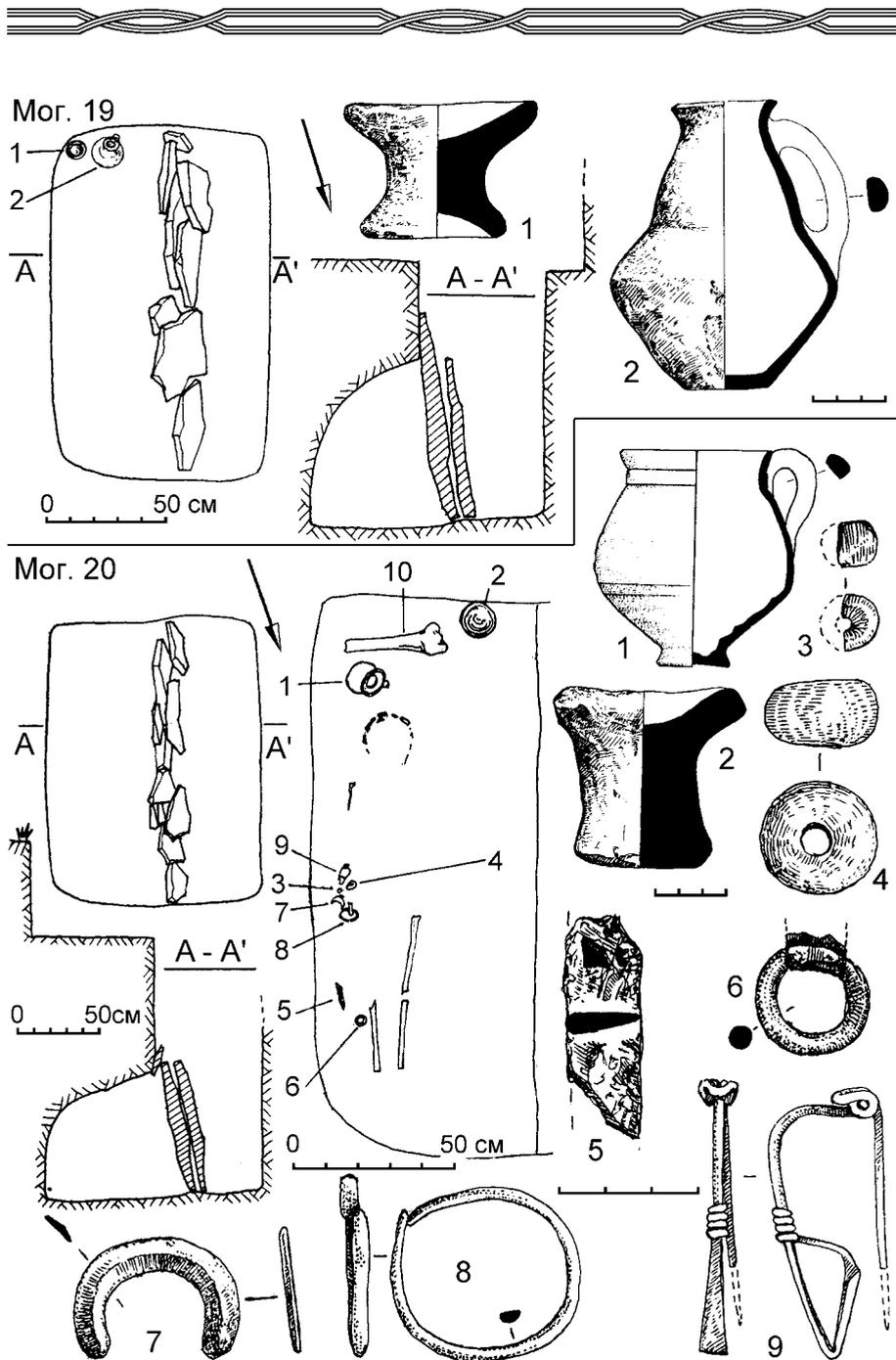

Рис. 9. Могила № 19. План, разрез. Курильница и кувшин из подбойной камеры могилы № 20. Могила № 20. План, разрез, план погребения. Инвентарь: 1 — кубок, 2 — курильница, 3, 4 — бусы, 5 — фрагмент ножа, 6 — кольцо с остатками кожаного ремня, 7 — лунница, 8 — браслет, 9 — фибула (1, 2 — глина; 3, 4 — стекло; 5 — железо; 6-9 — бронза).

Подбойная могила № 19. Входная яма, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, размером 1.57×0.56 м, имела подпрямоугольные очертания. Подбой, размеры которого 1.48×0.49 м, а предположительная высота около 0.72 м, вырублен в СВВ стенке входной ямы.

В южном углу подбоя были найдены: грубо сформованный кружальный кувшин (Д.в. = 4.5 см, Д.д. = 3.6 см, выс. = 12.8 см) (рис. 9: 2) и лепная курильница, изготовленная из необожженной глины (Д.в. = 8.4 см, Д.д. = 6 см, выс. = 6 см) (рис. 9: 1). Костяк полностью истлел. Судя по отсутствию бус от обшивки обуви и размерам подбоя, в могиле, по-видимому, был похоронен подросток мужского пола.

Подбойная могила № 20. Входная яма (1.78×0.65 м) ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Подбой размером 1.69×0.73 м сделан в СВВ ее стенке. Реконструируемая высота подбоя около 0.70 м. На дне подбоя было зачищено погребение ребенка 10–13 лет, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ.

Рядом с головой погребенного находились: кость крупного животного, лепная необожженная курильница (Д.в. = 8.6 см, Д.д. = 6 см, выс. = 8 см) (рис. 9: 2), краснолаковый одноручный кубок (Д.в. = 6.7 см, Д.д. = 3.2 см, выс. = 9.6 см) (рис. 9: 1). В области кисти правой руки лежали: бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 9: 9), браслет небольшого диаметра (рис. 9: 8), бронзовая подвеска-“лунница” без петли для подвешивания (рис. 9: 7) и две стеклянные бусины (рис. 9: 3, 4). Рядом с ногами были найдены: фрагментированный железный нож (рис. 9: 5) и бронзовое кольцо с остатками кожаного ремня (рис. 9: 6).

Подбойная могила № 21. Входной колодец размером 1.58×0.70 м ориентирован с ЮЗ на СВ. Подбой сооружен в ЮВ его стенке, размеры — 1.62×0.57 м. Предположительная высота подбойной камеры — 0.75 м, ее дно ниже дна входной ямы на 0.09 м. Судя по размерам погребального сооружения и контурам органического тлена от подстилки, в могиле был захоронен ребенок 5–7 лет. Сам костяк полностью истлел.

Инвентарь погребения состоял из кружального, грубо сформованного, одноручного кувшина (Д.в. = 6 см, Д.д. = 4.2 см, выс. = 11 см) (рис. 10: 4), лепной курильницы (Д.в. = 7.7 см, Д.д. = 7 см, выс. = 8.1 см) (рис. 10: 5), железного ножа (рис. 10: 1), бронзовой пряжки (рис. 10: 6). Рядом с ножом лежала крупная кость живот-

ного. Кроме того, на дне подбоя были найдены бусы: ребристая из прозрачного светло-зеленого стекла (1 экз.) и округлая, поперечно сжатая бусина из глухого белого стекла (1 экз., тип 2, 1978, с. 63) (рис. 10: 2), а также бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы со сквозным поперечным отверстием во втулке, использовавшийся в качестве амулета (рис. 10: 3).

Подбойная могила № 22. Размеры входной ямы 2.15×0.69 м. Ориентирована она с ЮЗ на СВ. Вход в подбой оформлен в виде ступени высотой около 0.20 м. Сама подбойная камера вырублена в ЮВ стенке входной ямы и была закрыта закладными плитами. Высота подбоя 0.97 м.

На дне камеры было зачищено погребение женщины, захороненной в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Рядом с черепом лежал плоский обломок известняка. Сохранились следы органической подстилки, размеры которой соответствовали длине костяка.

У ЮЗ стенки подбоя, за пределами подстилки находились железный нож (рис. 11: 4) и кость крупного животного, а также лепная курильница (Д.в. = 8 см, Д.д. = 6 см, выс. = 4.7 см) (рис. 11: 8) и краснолаковый одноручный кувшин (Д.в. = 6.8 см, Д.д. = 6 см, выс. = 20.4 см) (рис. 11: 6). В области грудной клетки лежала бронзовая лучковая подвязная, двусоставная фибула со стержнем в пружине (рис. 11: 1), продетая в свернутое из овальной в сечении проволоки (с рельефным выступом на одном конце) кольцо, на котором сохранились остатки кожаного ремешка (рис. 11: 11). Возле локтевого сустава правой руки компактно находились: бронзовое орнаментированное зеркало с боковой петлей (рис. 11: 10), бронзовая подвеска-“лунница” (рис. 11: 5) и скопление бус (рис. 11: 3). Набор бус представлен следующими типами: округлая и поперечно сжатая пронизь из глухого черного стекла с белыми фестонами (1 экз., тип 259а, 1978, с. 48), цилиндрические из глухого красного стекла (3 экз., тип 57, 1978, с. 67), цилиндрическая из глухого белого стекла (1 экз., тип 55, 1978, с. 67), округлая и поперечно сжатая из глухого белого стекла (1 экз., тип 2, 1978, с. 63), вытянутая цилиндрическая граненая пронизь из прозрачного синего стекла (1 экз.), дисковидные пронизы из прозрачного лилового стекла (2 экз., тип 72, 1978, с. 68), гагатовые ромбовидные (4 экз., тип 37, 1978, с. 16) и янтарные пронизы: округлые и поперечно сжатые (20 экз., тип 5, 1978, с. 24) и неправильной формы (2 экз., тип 44, 1978, с. 25).

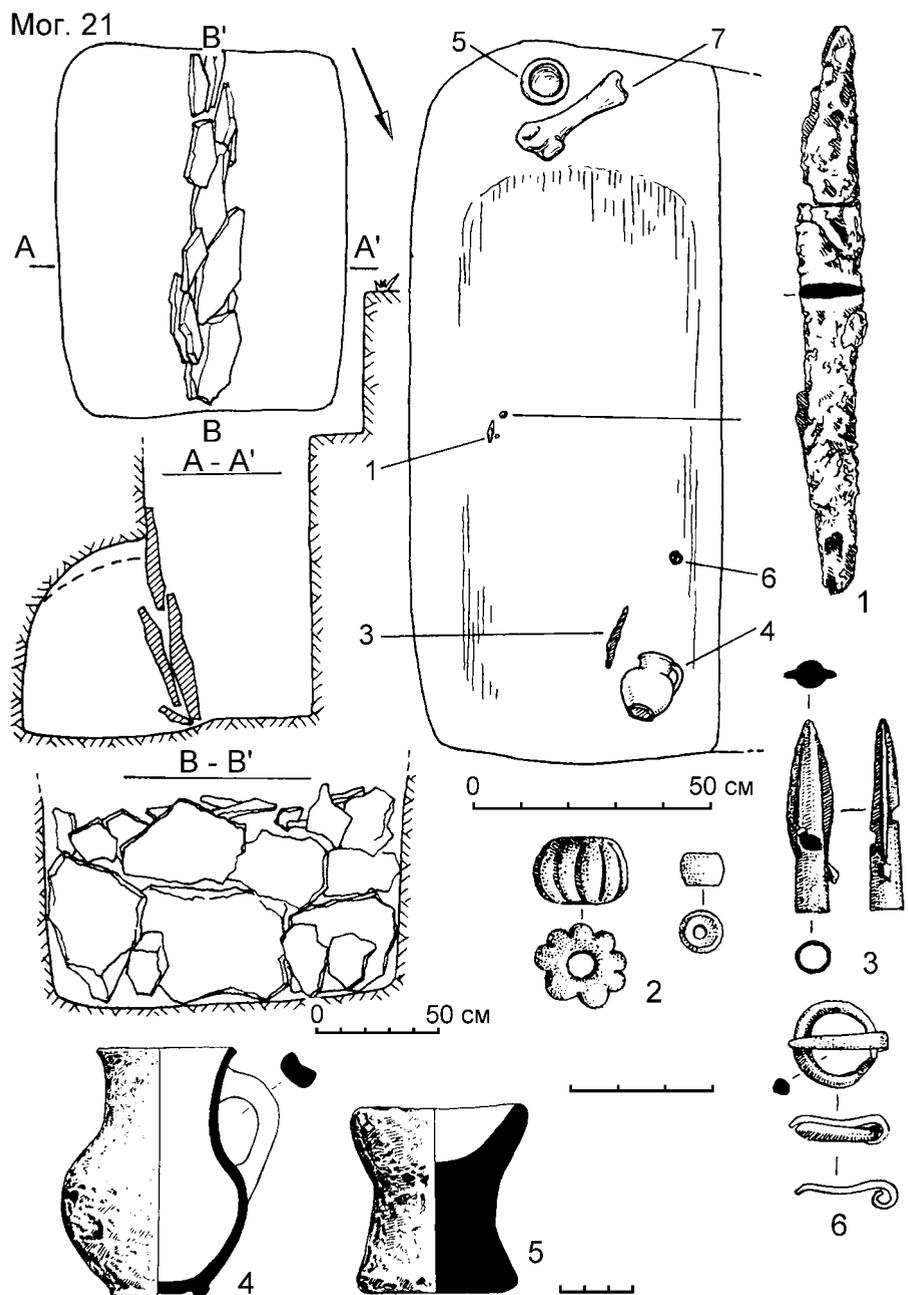

Рис. 10. Могила № 21. План, разрез, фасировка заклада. Погребальный инвентарь: 1 — нож, 2 — бусы, 3 — наконечник стрелы, 4 — кувшин, 5 — курительница, 6 — пряжка (1 — железо; 2 — стекло; 3, 6 — бронза; 4, 5 — глина).

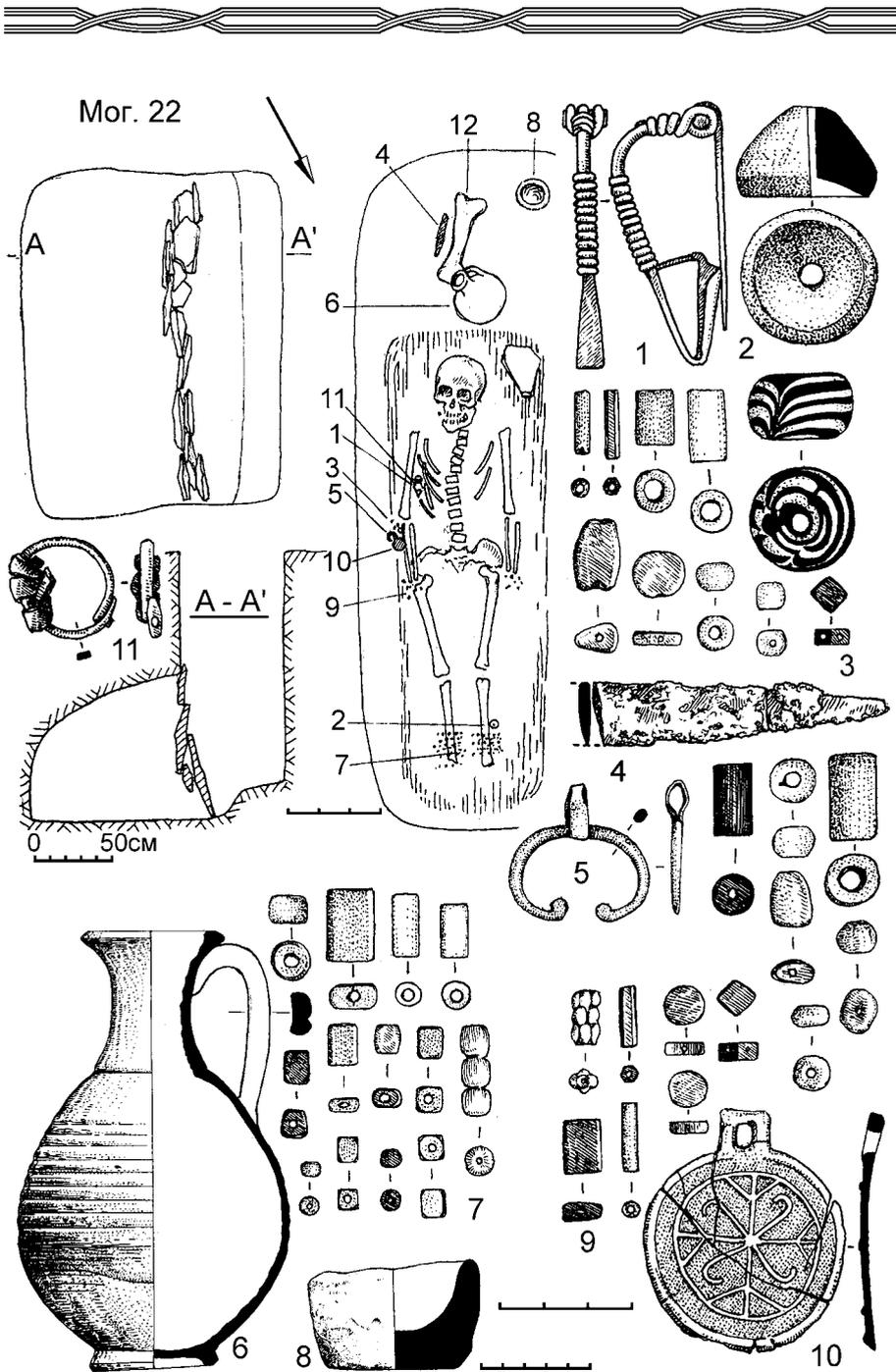
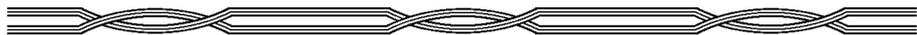

Рис. 11. Могила № 22. План, разрез, погребальный инвентарь: 1 — фибула, 2 — пряслице, 3, 7, 9 — бусы, 4 — нож, 5 — подвеска — лунница, 6 — кувшин, 8 — курильница, 10 — зеркало, 11 — кольцо с остатками кожаного ремня (1, 5, 10, 11 — бронза; 2, 6, 8 — глина; 3, 7, 9 — стекло, янтарь, гагат, сердолик; 4 — железо).

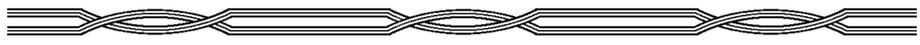

На запястьях обеих рук были зачищены ряды бусин от браслетов или рукавов одежды погребенной женщины (рис. 11: 9). К этому комплекту относились: гагатовые ромбовидные (9 экз., тип 37, 1978, с. 16) и цилиндрические (2 экз., тип 26, 1978, с. 14) пронизи, призматические бусы из черного стекла (3 экз.), шаровидные и поперечно сжатые из белого глухого стекла (7 экз., тип 2, 1978, с. 63), цилиндрические из глухого красного стекла (6 экз., тип 57, 1978, с. 67), вытянутые цилиндрические граненые пронизи из прозрачного синего стекла (6 экз.), дисковидные пронизи из прозрачного синего (1 экз., тип 74, 1978, с. 68) и лилового (1 экз., тип 72, 1978, с. 68) стекла, удлинненные бугристые пронизи из прозрачного стекла с металлической прокладкой (2 экз., тип 20, 1978, с. 32), сердоликовые бусы типа 2а (2 экз., 1982, с. 15), янтарные типа 5 (8 экз., 1982, с. 24) и типа 44 (1 экз., 1978, с. 25).

Скопление бус от обшивки голенищ сапожек (рис. 11: 7) состояло из цилиндрических пронизей: из глухого белого (4 экз., тип 55, 1978, с. 67) и красного (52 экз., тип 57, 1978, с. 67) стекла, призматических бусин: из глухого красного стекла (40 экз., тип 117, 1978, с. 70), из прозрачного зеленого стекла (28 экз., тип 120, 1978, с. 70), округлых и поперечно сжатых: из глухого красного стекла (102 экз., тип 57, 1978, с. 67), из синего стекла (9 экз.), пронизей в форме параллелепипедов: из глухого белого стекла (3 экз.), из глухого оранжевого стекла (3 экз., тип 130, 1978, с. 70), из глухого красного стекла (32 экз.), из черного стекла (30 экз., тип 137, 1978, с. 70), а также округлых и поперечно сжатых пронизей из прозрачного стекла с металлической прокладкой (6 экз., тип 16, 1978, с. 29). Здесь же было найдено лепное керамическое пряслице (рис. 11: 2).

Гончарная посуда. Краснолаковых гончарных изделий на могильнике найдено немного. Всего из 15 комплексов III в. н.э. извлечено лишь 6 сосудов с лаковым покрытием и один красноглиняный кувшин без лака (мог. № 17; рис. 7: 4). В погребениях III в. н.э. из Юго-Западного Крыма процент встречаемости краснолаковой керамики гораздо выше. Это может объясняться региональными особенностями памятника, его географическим положением, но может отчасти иметь и хронологическое значение.

Одноручные кувшины со сферическим туловом, цилиндрическим горлом, украшенным желобками в верхней части, с почти горизонтально отогнутым венчиком из могил № 18 (рис. 8: 3) и

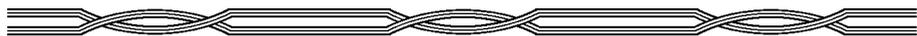
№ 14 (рис. 4: 11) относятся к варианту, известному по комплексам захоронений III в. н.э. из Юго-Западного Крыма.

Узкогорлый одноручный кувшин из могилы № 22 (рис. 11: 6) аналогичен сосуду, найденному в раскопанной ранее могиле № 5 в комплексе с подвесками-лунницами и шарнирной фибулой с завитком на конце сплошного приемника. Такой же кувшин найден в некрополе Заморское [*Корпусова 1973, рис. 5: 6*]).

Одноручный кубок с валиком под венчиком из могилы № 20 (рис. 9: 1) относится к варианту, характерному для комплексов конца II — III вв. н.э. Особенности данной формы являются слабо выраженная биконичность корпуса, прижатая ручка и выделенное с внешней стороны плоское дно — своего рода имитация поддона.

Кувшины из могил № 13 (рис. 3: 3), № 19 (рис. 9: 2) и № 21 (рис. 10: 4) изготовлены из грубой глины с многочисленными примесями (с крупными включениями, в том числе с мелкими камешками в тесте) и обожжены в обычных бытовых печах (черепок серо-коричневого цвета), что делает их схожими внешне с лепными изделиями и отличает от качественной гончарной продукции крупных производственных центров. Вместе с тем, особенности формовки заставляют видеть в них кружальные изделия. По-видимому, эти кувшины были изготовлены в домашних условиях на примитивном (ручном?) гончарном круге. Все три сосуда найдены в детских погребениях. Сосуд из могилы № 13 (рис. 3: 3) повторяет форму краснолаковых изделий [*Высотская 1994, табл. 47, 13*]. Кувшин из могилы № 19 (рис. 9: 2) обнаруживает неожиданное сходство формы с гончарным сосудом из комплекса первой пол. V в. н.э. (Скл. № 421, Скалистое) в Юго-Западном Крыму [*Веймарн, Айбабин 1993, рис. 74: 2*].

Лепная керамика. Наиболее массово представлены лепные курильницы из необожженной, просушенной глины (8 экз.). Почти все они, за исключением плоскодонной площадки из мог. № 8, представляют собой усеченно-конические сосуды с круглой чашечкой на ножке. Данная форма хорошо известна по материалам памятников позднескифской культуры [*Власов 1997, с. 273–274, табл. VIII, 5–7*]. Примечательно, что на могильнике у с. Курское курильницы данной формы встречаются и в более поздних комплексах (2 экз. из мог. № 10; 6 экз. из скл. № 4). Это говорит об устойчивости у населения, оставившего могильник,

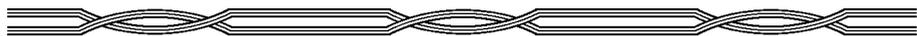
этого признака погребального обряда на протяжении III — IV вв. н.э.

К лепным столовым сосудам, найденным в погребениях, относится кувшин из мог. № 11 (рис. 2: 8) и ойнохоя из мог. № 8 [Труфанов, Колтухов 2001, рис. 1: 8].

Фибулы. В погребениях рассматриваемого участка встречены лучковые подвязные фибулы 4-го (мог. № 14) и 5-го (мог. № 11, № 17, № 18) вариантов (по А. К. Амброзу), верхней границей существования которых считают обычно середину III в. н.э. Фибула из могилы № 20 (рис. 9: 9) со слабо выраженным изгибом спинки может быть условно отнесена к “промежуточному” 4/5 варианту.

Из подбойных могил, раскопанных на южном (предположительно более раннем) участке некрополя, происходят две шарнирные фибулы (железная с кнопкой и бронзовая с завитком на конце приемника) [Труфанов, Колтухов 2001, рис. 1: 3] того же типа, что и найденные в погребениях конца II — первой половины III в. н.э. из могильников Левадки [Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, рис. 7: 3] и Нейзац [Кропотов 2001, рис. 4: 2, 7].

В могиле № 22 найдена “двухсоставная” лучковая фибула с нижней тетивой, изготовленная из двух отрезков проволоки (игла прикручена к корпусу), с продетым в пружину стержнем. Анализируя находки изделий двухсоставной конструкции, И.Н. Храпунов и В.В. Масыкин предложили считать данный признак присущим локальной группе памятников и хронологически значимым [Храпунов, Масыкин 1998, с. 140]. В.В. Кропотов, не соглашаясь с этой точкой зрения, усмотрел в рассматриваемой конструктивной особенности обычную починку износившейся части перегиба иглы и аргументировал свою мысль упоминанием о находке двухсоставной фибулы иного типа [Кропотов 2001, с. 180]. Считая доводы В.В. Кропотова не лишены оснований, тем не менее, не вижу причин отказываться от признания двухсоставной конструкции признаком, имеющим хронологическое значение. Во всяком случае, погребения с такими фибулами ранее начала III в. н.э. мне не известны. Это в полной мере касается и могилы № 22 из некрополя у с. Курское. Возможно, технологический прием изготовления фибул из отдельных кусков проволоки, возникнув как починка сломанных булавок, послужил толчком для развития

нового типа фибул — двучленных. Во всяком случае, ряд находок указывает на то, что некоторые фибулы изначально задумывались ремесленниками как двухсоставные.

В трех случаях в женских захоронениях зафиксировано закрепление фибул на кольце (могилы № 4, № 5 и № 22) — признак, известный в погребениях позднескифской культуры Крыма по крайней мере с первой четверти II в. н.э. (например, в мог. 9 (погр. 2) (Брянское) фибула, соединенная с кольцом, находилась в комплексе с двумя сосудами группы ES-B).

Подвески-лунницы. Подвески в форме лунниц найдены в трех женских и одной детской могиле некрополя (всего 5 экз.). Находки из рассматриваемого участка представляют собой изделия с напаянными петлями (в одном случае петля утрачена). Лунницы из могил № 20 и № 11 пластинчатые, с гранью на лицевой стороне. Подвеска из подбоя № 22 круглопроволочная, с загнутыми утолщениями на концах.

Изделия данного типа не характерны для позднескифских некрополей юго-западной части полуострова, но достаточно широко представлены в погребениях III в. н.э. центральной зоны предгорного Крыма. Они есть в захоронениях могильников Перевальное, Дружное и Нейзац. В мог. № 29 (Нейзац) лунница-подвеска происходит из комплекса с монетой 161–180 гг. н.э. [*Храпунов, Мульд 2000, рис. 14: 28*]. Три серебряные лунницы найдены в детском погребении второй пол. III в. н.э. в северном подбое мог. № 20 (Дружное) [*Храпунов, Мульд 1997, рис. 7: 23–26*].

В комплекс вещей из мог. № 22(56) Чернореченского могильника, помимо серебряной пластинчатой лунницы [*Бабенчиков, 1963, табл. XIV, 7*], входит лучковая фибула “инкерманской” серии, краснолаковый кувшин, аналогичный обнаруженным в могилах № 14 и № 18 некрополя Курское, а также серебряный браслет “со щитком на шарнире” — вероятно, типологически близкий ранним изделиям полихромного стиля, формирование которого относят к середине — второй половине III в. н.э. В мог. № 11 (Совхоз 10) лунница встречена с монетой Каракаллы (211–217 гг. н.э.) [*Алексеева 1982, с. 23, 26*].

Возможно, появление подвесок-лунниц на крымских памятниках следует относить именно к первой пол. III в. н.э. В могильнике Курское они встречаются в женских и детских погребениях и фиксируются не как нагрудные украшения, а у за-

пастей погребенных, рядом с зеркалами, фибулами и скоплениями бусин.

Пряжки. Пряжки обнаружены в трех мужских и одном детском погребении. Это железные и бронзовые изделия с круглыми рамками и прогнутыми подвижными язычками, без уступа с задней стороны язычка. Больше всего пряжек найдено в захоронении из могилы № 14 (6 экз.). Четыре из них (железные) лежали рядом со ступнями погребенного и, по-видимому, имели отношение к обуви. Две другие, (бронзовые) находились отдельно — ближе к поясу и между ступнями погребенного. Примечательно наличие гравированных линий на язычке бронзовой пряжки (рис. 4: 1). На мой взгляд, данный орнамент является своеобразным технологическим прототипом или имитацией выделенной рельефной “площадки” на язычке [См. например: *Орлов 1987, рис. 6: 7; Труфанов 2001, рис. 2: 11*].

Зеркала. Все найденные в могильнике зеркала (4 экз.) единого типа — это орнаментированные изделия с боковой петлей для подвешивания. Зеркала из могил № 18 и № 22 тонкие в сечении, с резким переходом дисковидного корпуса в неширокую петлю, с циркульным орнаментом со свастикой и “птичьими лапками” (с вариациями). Изделия этой формы появляются в погребениях Крымской Скифии около рубежа I — II вв. н.э. и без каких-либо изменений существуют вплоть до финала позднескифской культуры. Аналогичные находки этого же времени известны на Боспоре. Большое количество найденных в погребениях зеркал и устойчивость орнамента на протяжении около полутора ста лет заставляют предполагать существование продуктивного, централизованного производства данного типа изделий. Зеркала Северо-Западного Причерноморья и степной зоны другие, они имеют ряд формальных отличий и декорированы иначе — часто с тамгообразными знаками вместо орнамента [*Морозовская 1993, рис. 22*]. В Крыму зеркала прочих вариантов разнообразны, но их серии невелики. Возможно, они изготавливались на заказ бродячими ремесленниками. В могильнике Курское зеркало с тамгой было найдено в могиле № 4 [*Труфанов, Колтухов 2001, рис. 1: 5*].

Остальной инвентарь из погребений могильника менее выразителен. Это простые, круглые в сечении браслеты с разомкнутыми концами (браслет с заходящими друг за друга концами из детской могилы № 13 представляет собой тот же вари-

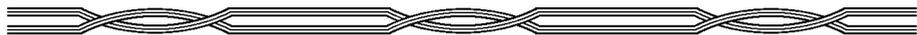
ант изделий, но согнутый для уменьшения диаметра), железные ножи, пряслица (в числе которых одно свинцовое изделие из мог. № 11). Среди бус количественно преобладают цилиндрические и призматические пронизи из красного и белого глухого стекла, призматические пронизи из прозрачного зеленого и сине-зеленого стекла, украшавшие обувь погребенных женщин.

Обращает на себя внимание отсутствие браслетов с окончаниями в виде змеиных головок, столь распространенных вплоть до середины III в. н.э. у варварского населения Крыма. Три бронзовых браслета с расплюснутыми окончаниями из женских погребений раннего участка некрополя украшены другим, растительным орнаментом.

Раскопанные в юго-западной и центральной части некрополя могилы расположены по линии ССВ-ЮЮЗ с незначительными отклонениями, подбойные камеры, как правило, вырублены в ЮВВ стенке входной ямы, погребенные ориентированы головами на ЮЮЗ. Три могилы с мужскими захоронениями на северном участке могильника ориентированы иначе — по оси СЗ-ЮВ, покойники лежали головами на СЗ. Думаю, что в данном случае основную роль сыграли перепады рельефа местности: здесь пологий склон становится более резким.

Надпись 193 г. н.э., упоминающая о покорении Савроматом II сирахов и скифов, не определяет характера установленной договором политической и экономической зависимости указанных племен от Боспора. Но если под “присоединенной по договору Таврикой” понимать территорию, прилежащую к западной оконечности Боспора, то возникновение могильников Курское, Нейзац, Дружное и Перевальное могло быть вызвано узаконенными договором передвижениями каких-то групп населения, лояльных к власти боспорского царя.

По мнению ряда исследователей, это население может быть охарактеризовано как сарматское [Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2002, с. 34; Храпунов, Мульд 2000, с. 513], миграция которого привела к сложению к концу II — началу III в. н.э. скифо-сарматского объединения при некотором преобладании сарматов [Пуздровский 1999, с. 217]. На мой взгляд, более корректным было бы говорить о “позднесарматском” времени совершения данной группы захоронений в предгорном Крыму и о некоторых общих с сарматским миром направлениях торговых связей. Отсутствие курганных насыпей и вполне самостоятель-

ный набор лепных керамических форм отличают крымские могильники второй пол. II — III вв. н.э. от синхронных памятников кочевников-сарматов. В это время в Крыму не появляются ни зеркала с центральной петлей, ни прямоугольные плоскодонные лепные курительницы, распространенные в позднесарматской культуре. Зато практически на всех некрополях здесь зафиксирован не распространенный у сарматов обряд помещения в могилы монет [Луздровский 1994, с. 56; Храпунов 2002, с. 43].

Позднескифская культура Крыма, судя по данным некрополей, видоизмененная (“сарматизированная”?) в I в. н.э., в дальнейшем развивается в русле общих тенденций, наблюдаемых на обширной северо-причерноморской территории. Можно было бы говорить о ней как о новой культуре сармато-боспорского круга. В противном случае придется постоянно обращаться к предполагаемым регулярным “волнам сарматских миграций” (всякий раз приводящим к переходу мигрантов от кочевого образа жизни к оседлости) как к спасительному кругу при осмыслении наблюдаемых фактов. Некоторые инновации в культуре варварского населения Крыма вполне могли вызываться и зависимостью местного населения от доминирующих в то или иное время в Северном Причерноморье союзов племен с разными этническими характеристиками.

Кем бы ни считались варвары Таврики в свете современных научных гипотез, боспорские надписи говорят о них как о “скифах” или “тавроскифах”.

Уклоняясь от этнических определений, можно констатировать, что население, обитавшее в долине р. Индол, на протяжении III в. н.э. совершало захоронения в подбойных могилах. Все погребения — одиночные. Покойников располагали в вытянутом положении на спине, положив их на войлочную подстилку. Обряд сопровождался помещением в подбой пищи, в том числе кусков мяса крупного и мелкого скота на кости вместе с ножом. Рядом с покойниками ставили лепные, необожженные курительницы, которые, вероятно, лепились специально для совершения ритуала.

Жители здешних мест, помимо лепной посуды, в домашних условиях изготавливали грубо сформованные кружальные изделия, обжигавшиеся в бытовых домашних печах. Краснолаковая керамика из городских ремесленных центров использовалась в погребальном обряде в незначительном объеме. Характерно, что

и в культурных напластованиях на территории некрополя количество обломков краснолаковой керамики невелико.

Оружия в мужских погребениях рассматриваемой хронологической группы не найдено, что в целом совпадает с общей ситуацией для захоронений III в. н.э. из предгорных могильников центрально-крымской зоны. В одном погребении (могила № 14) найдены железные удила. В южной части могильника раскопано одно конское захоронение.

Пряжки из мужских погребений, по условиям находок не могут быть отнесены к надетым поясам. Почти все они найдены в области ног погребенных и, как можно предположить, имели отношение к обуви или ремням, использовавшимся в обряде при помещении покойника в могилу.

Набор предметов женских погребений могильника у с. Курское (зеркала-подвески, пряслица, иголки, детали шка-тулки, бусы) традиционен для варварских захоронений Крыма, европейского и азиатского Боспора. Бусами расшивались голенища женской обуви, в некоторых случаях фиксируются скопления бус у запястий (браслеты или расшивка рукавов одежды), или отдельной связкой вместе с различными подвесками — у локтя. Ожерелья из бус в погребениях не зафиксированы. В качестве детали одежды (повседневной или погребальной?) использовалось закрепление на кольце фибулы — признак, встречающийся в женских захоронениях позднескифской культуры Крыма.

Лепные и грубо сформованные, кружальные кувшины могильника Курское не похожи на сосуды III в. н.э. из некрополей Юго-Западного Крыма, но обнаруживают некоторые, прежде всего технологические черты сходства с синхронной посудой из центрально-предгорной зоны. На мой взгляд, изготовление именно такой керамики могло являться этапом в сложении выразительного керамического комплекса IV в. н.э. памятников типа “Озерное-Инкерман”.

ОТКРЫВАЯ РУБРИКУ

Skripta manent
(написанное остается)

Открывая в сборнике новую рубрику, мы будем стремиться познакомить читателей с огромным научным наследием, связанным с историей и археологией Судакской крепости. Эта статья является первым опытом публикации обширного научного архива известного крымского историка и археолога И.А. Баранова (1946–2001 гг.), большую часть своей жизни посвятившего изучению городища Сугдеи-Солдайи. В период с 1977 по 1998 гг. он являлся руководителем Судакской археологической экспедиции Отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР, а затем Крымского филиала Института археологии НАН Украины. За эти годы были изучены архитектурно-археологические остатки большинства фортификационных, а также культовых, жилых и ремесленных сооружений.

В ходе раскопок был получен обширный археологический материал. К сожалению, в силу целого ряда причин как субъективного так и объективного характера, результаты этих исследований в подавляющем большинстве так и не были введены в научный оборот при жизни ученого. Пытаясь ликвидировать этот пробел, редакция сборника публикует результаты раскопок И.А. Баранова на участке куртины XIV Судакской крепости.

Понимая важность введения в научный оборот материалов закрытых комплексов средневекового города, вниманию читателей предлагаются результаты исследований 1986–1987 гг. охвативших комплекс ремесленных построек XIV в.

Необходимо отметить, что текст публикации взят из отчетов И.А. Баранова о раскопках 1986 и 1987 гг., хранящихся в научном архиве Национального Заповедника “София Киевская”. К сожалению, автор более не обращался к подробному рассмотрению исследованных им комплексов. Исходя из этого, редакцией дано название работы, логически вытекающее из полученных результатов, и, при подготовке текста, внесены необходимые редакторские правки. Последние не связаны с принципиальным пересмотром археологической и исторической

кой атрибуции И.А. Баранова, а лишь учитывают современное состояние развития науки.

Статья носит публикационный характер, что повышает ее ценность при анализе конкретной археологической ситуации накануне захвата Сугдеи генуэзцами в середине 60-х гг. XIV в.

В дальнейшем мы надеемся продолжить публикацию наиболее значимых материалов из богатого научного наследия связанного с изучением судакской проблематики. Это несомненно важно — как для специалистов в области истории и археологии, так и для всех, кто интересуется прошлым Крымского полуострова, Судака и их ролью в истории целого ряда средневековых государств.

Директор Национального заповедника “София Киевская”

Н.М. Куковальская.

КОМПЛЕКС ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА В СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

В 1986–1987 гг. Судакской археологической экспедицией Отдела археологии Крыма ИА АН УССР велись предпретравационные исследования оборонительной системы генуэзского периода на участке куртины XIV между башнями 1409 г. и Безымянной (№ 3). Этот участок оборонительной системы не сохранился и отсутствует на планах второй половины XVIII в. Очевидно, он был разрушен задолго до этого времени. Главная задача раскопок на данном участке заключалась в том, чтобы раскрыть фундаменты крепостных стен генуэзской Солдайи.

В процессе археологических исследований выяснилось, что фундаменты генуэзских оборонительных сооружений практически на всем протяжении куртины XIV, за исключением участков примыкающих к башням 1409 г. и Безымянной № 3, разрушены до фундаментов, сохранившихся на высоту от двух до шести рядков кладки.

Крепостные стены были установлены на краю уступа с уклоном в сторону севера. С наружной стороны фундамента куртины был удален грунт, что позволило выявить строительные остатки трех сооружений предшествующего периода, сгоревших во время сильного пожара. На сnivelированный развал этих построек в генуэзский период и был установлен фундамент крепостной стены.

При возведении построек догенуэзского периода был частично разобран участок раннесредневековых крепостных стен, что указывает на отсутствие единой линии обороны города в период функционирования публикуемого комплекса сооружений. Все помещения имеют прямоугольную форму и вытянуты по линии крепостных стен с запада на восток (рис. 1).

Изначально было возведено двухэтажное помещение "В". Расположено оно в 3.25 м к востоку от безымянной башни № 3 и ориентировано с запада на восток. Постройка сохранилась в плане полностью. Перекрывавшая ее генуэзская оборонительная стена была разобрана в XIX в. до основания, и при раскопках не было обнаружено от нее ни одного камня.

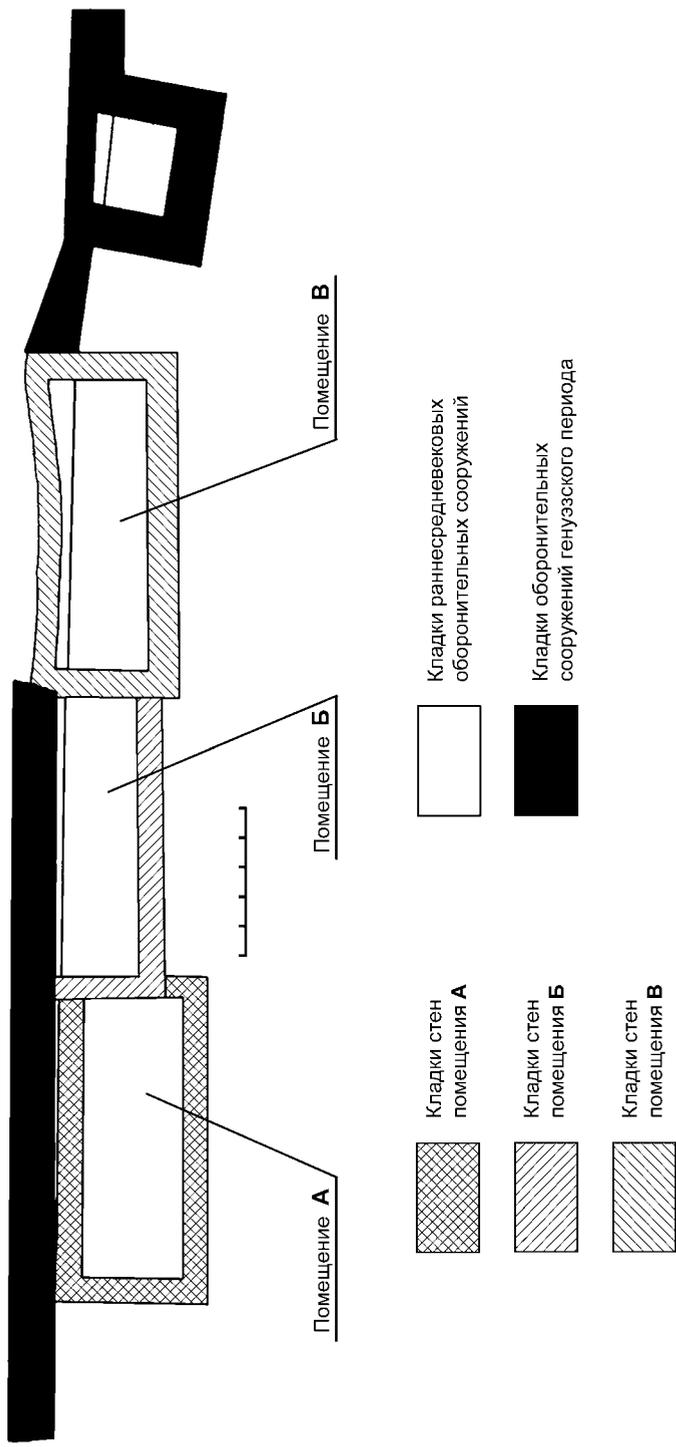

Рис. 1. План ремесленных сооружений на участке куртины XIV.

В 1986 г. удалось исследовать лишь северную часть постройки до уровня пола (слой золы, перекрывавший пол не разбирался). Южная стена постройки "В" была перекрыта современным забором. В 1987 г. постройка "В" была полностью раскрыта в плане и изучена до материка.

Дом двухэтажный. Остатки стены второго этажа и межэтажные перекрытия обнаружены лишь в южной стене 10, под основанием забора. Они имеют длину 13.75, толщину 0.9 и высоту от уровня пола первого этажа около 4 м. Стена второго этажа сохранилась на высоту 1 м. В юго-западной части кладки 10 на расстоянии 1.6 м от угла в стене второго этажа имелся дверной проем. Ширина дверного проема 0.75 м. При восстановлении оборонительной стены (куртины XIV) он был заложен разнокалиберным бутом на глине. Таким образом, в помещение второго этажа можно было попасть лишь с южной стороны. Балки и гнезда для балок межэтажного перекрытия зачищены в южной стене внутри дома на 20 см ниже уровня порога. Балки круглые в сечении, диаметром около 30 см, сохранность дерева плохая. Южная стена дома (кладка 10) до уровня пола второго этажа сложена на белом известковом растворе с примесью крупного песка и редкими включениями мелкой гальки. Второй же этаж постройки был возведен на глине.

В процессе функционирования дома кладка 10 начала деформироваться под давлением грунта, сползавшего с верхней части склона со стороны города. Прогиб стены четко фиксируется в ее центральной части и близ дверного проема второго этажа. Для усиления кладки 10 внутри помещения "В" вдоль нее была сооружена кладка 9, длиной 11.0 м, при толщине от 0.5 до 1.0 м. Своим основанием кладка 9 поставлена на пол первого этажа помещения "В", а вверху доведена до межэтажного перекрытия. Она так же сложена на белом известковом растворе с теми же наполнителями. Вероятнее всего, кладка 9 помещения "В" служила контрфорсом для стены 10. Таким образом, относительно хорошая сохранность южной стены дома дает основание для реконструкции всей постройки. Несколько хуже сохранились три другие стены дома, срезанные при восстановлении оборонительной стены с юга на север в сторону склона. Кладки 8 и 11 хорошо сохранились лишь в месте перевязи с южной стеной 9, а в северо-западном и северо-восточном углах их высота не превышает 1.5 м от уровня древней дневной

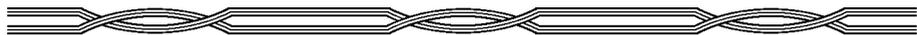

поверхности. Длина кладки 8 — 5.5 м при толщине 1.0 м, кладки 12 — 13.0 м при толщине 1.0 м, кладки 11 — 5.5 м при толщине 0.8–0.9 м. В центре северной продольной стены 12 зачищены откосы сильно поврежденного окна, шириной 1.0 м, сохранившегося на высоту до 0.1 м. В кладке 11 в 1.0 м от северо-западного угла дома имеется дверной проем с четвертями для крепления дверного косяка. В момент открытия проем был заложен разнокалиберным бутом на глине. Ширина проема 1.2 м при сохранившейся высоте в его южной части 1.5 м, северной — 1.2 м. Откосы ее выложены капсельской ракушкой, а плита порога оказалась сильно стоптанной. В северном конце порога имеется подпятник, диаметром 0.1 м, а в противоположных торцах проема на высоте 1.0 м от порога были сделаны глубокие гнезда для запорного бруса.

Внутрь помещения "В" вели две ступени шириной 0.7 и 0.5 м, т.е. пол дома был заглублен по отношению к современной ему дневной поверхности на 0.5 м. Стены 8, 11, 12 сложены на белом известковом растворе с наполнителем из крупного песка и мелкой гальки. При этом стены 8 и 11, поставленные поперек склона и рассчитанные строителями на максимальную нагрузку при давлении склона со стороны города, были сложены на известковом растворе и на уровне второго этажа (вероятно до крыши). В юго-восточном и юго-западном углах дома и на его втором этаже кладки 8 и 11 сложены в перевязь с кладкой 10, возведенной на втором этаже на глине. Благодаря хорошему качеству раствора они сохранились значительно лучше кладки 10.

Внутри помещения "В" выявлено 6 основных слоев культурных отложений и прослойки. Верхний слой толщиной 0.1–0.15 м представлял собой нивелировочную песчаную подсыпку под позднесредневековую кладку. Датируется она временем не ранее XIV в. Ее подстилала полуметровая засыпь, насыщенная известковым раствором, строительным мусором и мелким буютом. Ее возникновение связано с процессом разрушения помещения "В" и созданием ровной площадки перед возведением генуэзской оборонительной стены. В верхней части этот слой имел совершенно ровную поверхность и плавно спускался вниз по склону, полностью перекрывая кладку 12 от верха донизу. Археологического материала здесь не найдено.

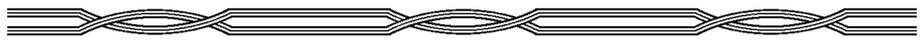
Ниже второго слоя в центре помещения отмечена линза серо-пепельного рыхлого грунта, насыщенного углями и крупными

кусками сгоревшего дерева. Длина линзы 5,8, толщина в центральной части 0,6 м. При ее разборке встречались куски желтоватой штукатурки, а у стены 9 в ней зачищены остатки двух бревен от перекрытия. В этом слое найдено значительное количество фрагментов черепиц-керамид и калиптеров от крыши. Вероятнее всего эта линза гари, переходящая в восточной части помещения в более плотный слой, насыщенный известковым раствором, связана с пожаром в доме и обрушением его кровли и стропил.

Под этим слоем прослежен уровень пола второго этажа здания, представляющий собой рыхлый грунт с известковым раствором, неравномерно перекрытый тонкой прослойкой пепла и гари, почти горизонтально простирившийся по всей площади дома. В нем обнаружены многочисленные полуобгоревшие куски деревянных балок межэтажного перекрытия, а в северо-восточном углу на участке, площадью около 2×2 м, были сосредоточены куски печины, некоторые из которых сохраняли дуговидную поверхность, позволившую реконструировать диаметр глиняной конструкции — около 0,7 м. Вместе с печиной обнаружены тонкие плитки сланца, прокаленные в результате систематического воздействия огня до красного цвета. Можно предположить с высокой степенью уверенности, что в северо-восточном углу дома на втором этаже находилась бытовая печь с каменным основанием пода и полусферической глиняной топкой, т.е. обычного типа для средневековой Сугдеи ордынского времени. В слое грунта, соответствующем уровню пола второго этажа дома обнаружены более двух десятков монет, из которых 8 экземпляров относительно хорошей сохранности и позволяют датировать пожар. Один экземпляр представлен серебряной монетой хана Узбека с надчеканкой в виде слова "хан". Один экземпляр — редкая для Судака медная монета чекана города Азака, датируемая второй половиной XIV в. Остальные монеты чеканены джучидами в городе Крым так же во второй половине XIV в. Таким образом, на основании этого материала, обнаруженного на полу второго этажа, пожар можно датировать не ранее середины 60-х гг. XIV в.

Слой, связанный с полом второго этажа, перекрыл горизонт плотного коричневого грунта, толщиной от 0,1 до 0,4 м, насыщенный известковой крошкой, фрагментами известковой штукатурки и камня. Археологического материала в нем не обнаружено. Скорее всего, он образовался в результате обруше-

ния перекрытия первого этажа. Этот слой подстилает равномерный слой углей и гари, толщиной 0.1–0.2 м, прослеженный по всему нижнему горизонту помещения "В". Гарь, пепел и угли — свидетельство пожара — перекрыли хорошо утрамбованную глину пола первого этажа. Именно в слое гари, перекрывшем пол первого этажа, были обнаружены практически все археологические предметы и четыре монеты, позволившие сузить дату пожара и разрушения дома. На нижней ступени крыльца найдена медная монета чекана Крыма со слаборазличимой надчеканкой. Сама монета датируется второй половиной XIV в. На полу дома найдены еще три медные монеты, чеканенные в Сарай-ал-Джедиде и датирующиеся так же второй половиной XIV в. Таким образом, все монеты, обнаруженные в слое пожара на полу первого этажа помещения "В" позволяют уверенно датировать разрушение этого дома не ранее 60-х гг. XIV в. и связать его с захватом Сугдеи генуэзскими войсками. Напомним, что тем же временем датируется и разрушение ремесленной мастерской и торговой лавки на участке Главных ворот, и построек, подстилающих генуэзский храм Девы Марии.

Археологический материал, обнаруженный в помещении "В" (на полу первого этажа и у порога второго этажа) представлен находками керамических и бронзового сосудов, ремесленными изделиями из металлов, литейной формой, а также изделиями и заготовками из кости. Керамика — наиболее многочисленная группа находок. Массовый материал состоит из фрагментов черепиц-керамид красной глины, покрытых розовым ангобом, обломков стенок и других частей грушевидных амфор с дуговидными ручками константинопольского типа, фрагментами толстостенных тарных сосудов из красной и розовой глины, фрагментами стенок красноглиняных пифосов и тонкостенной красноглиняной столовой посуды. Более половины фрагментов тонкостенных столовых сосудов изготовлено из коричневой глины с редкими включениями хорошо просеянного песка, в том числе с росписью белым ангобом.

Кухонные сосуды немногочисленны и представлены обломками коричневоглиняных горшков с шаровидным туловом, плоскими ручками и широким горлом с прямостоящим венчиком, украшенным с внешней стороны зонами рифления. Поливная керамика принадлежит трем типам сосудов — кувшинам, тарелкам и чашам на кольцевом поддоне и единственному

экземпляру плоскодонного кубка. На полу дома у его порога были обнаружены три практически целых красноглиняных плоскодонных кувшина, изготовленных из слоистой глины на скоростном гончарном круге.

Широкогорлый кувшин-ойнохойя обычного для памятников Таврики XII — XIV вв. типа — с приземистым шаровидным туловом, слегка расширяющимся дном и раструбовидным горлом (рис. 2: 3). Верхняя часть кувшина покрыта желтой поливой поверх розового ангоба, а нижняя часть сосуда — покрыта белым ангобом. Более редки в Крыму и в Судакской крепости кувшины-куманы с шаровидным туловом, невысоким раструбовидным горлом с профилированным венчиком и носиком слива, прикрепленным к верхней части тулова (рис. 2: 1). Ручка маленькая, овальная в сечении, прикреплена к средней части горяла. До середины тулова кувшин покрыт пятнистой прозрачной желтой поливой, а внутри — белым ангобом.

Рис. 2. Помещение В. Красноглиняные поливные кувшины и керамика с орнаментом "сграффито" из слоя гари на полу 1-го этажа.

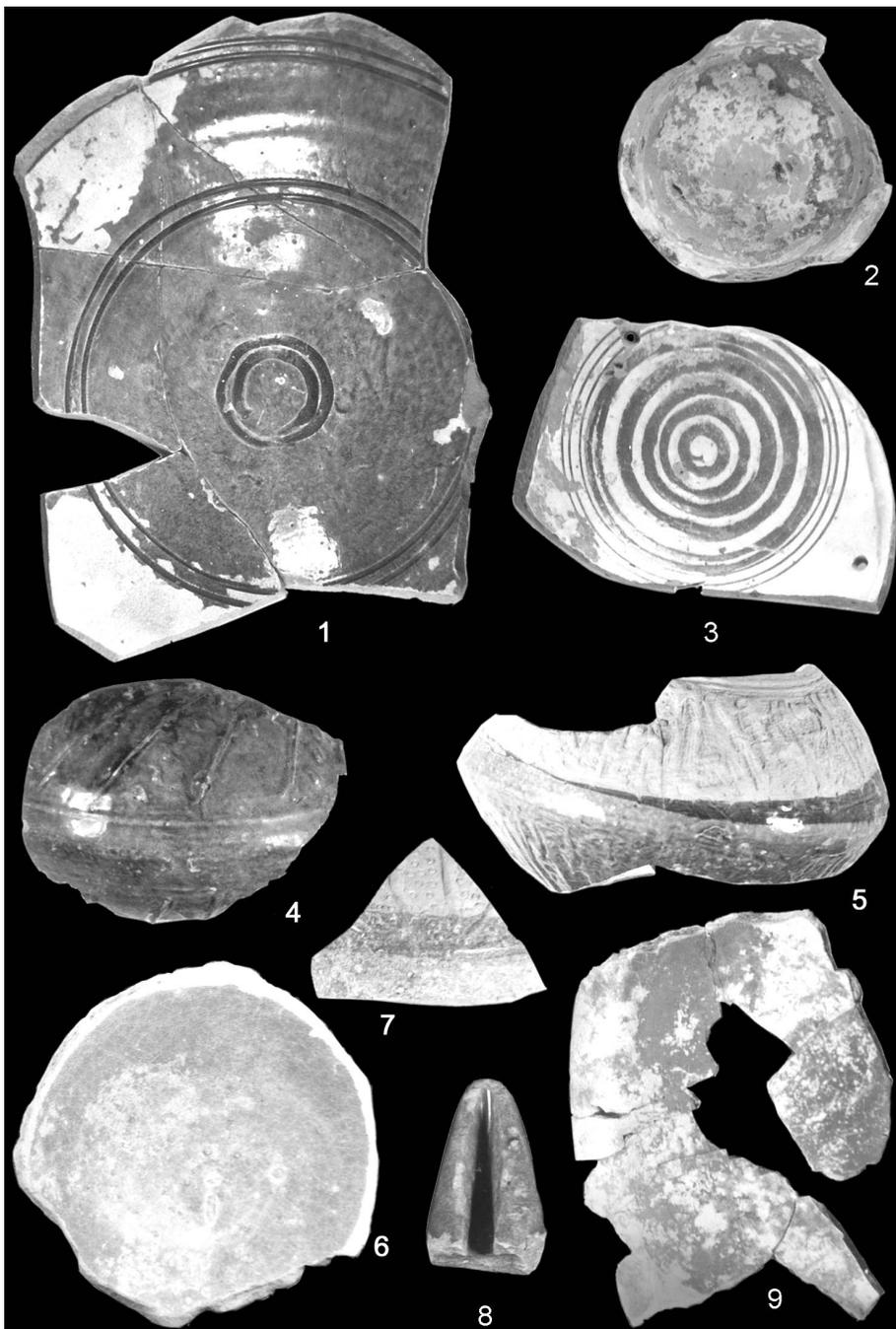
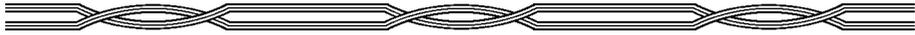

Рис. 3. Помещение В. 1–3, 6 — поливная красноглиняная керамика, 4, 5, 7 — поливная керамика со штампованным орнаментом, 8, 9 — кашинная керамика под бирюзовой поливой из заполнения помещения.

Третий сосуд аналогий не имеет. Он представляет собой кувшин с низко посаженным шаровидным туловом и узким высоким бочкообразным горлом и круглой в сечении ручкой (рис. 2: 2). Сосуд покрыт прозрачной желтой поливой поверх розового ангоба. По форме горла и тулова этот кувшин напоминает бронзовые западноевропейские и оловянные кувшины. Он был изготовлен в Сугдее (судя по характеру керамического теста) по их образцам.

Помимо целых кувшинов в слое пожара обнаружены обломок горла и ручки поливного орнаментированного кувшина конца XIII — XIV вв. и фрагмент белоглиняной двуствольной ручки кувшина с подкраской небрежными пятнами глазури зеленого и коричневого цветов. Кроме того, в районе перекрытия склепа № 2 на полу помещения "В" найдены три фрагмента золотоордынских штампованных кувшинов из красной глины под зеленой поливой (рис. 3: 4, 5, 7).

Большая часть тарелок и чаш принадлежит одному типу — полусферическим красноглиняным сосудам с прямым не профилированным венчиком на кольцевом поддоне. Среди них встречаются византийские импортные тарелки, покрытые прозрачной оливковой поливой и декорированные стилизованным растительным орнаментом "граффито" с подкраской марганцем. Одна тарелка этой группы собралась почти полностью (рис. 4: 2).

Помимо этого сосуда, в этом же помещении найден поддон и нижняя часть тарелки из того же центра, украшенной концентрическими кругами (рис. 3: 3), а также мелкий фрагмент блюда с головой дракона, выписанной тонкой кистью поливой зеленого цвета, и частью человеческой фигуры (рис. 5: 2). Вероятнее всего, этот фрагмент принадлежал сосуду с изображением Святого Георгия-змееборца. Такие тарелки нередки как в Сугдее (лавка в квартале I), так и в Херсонесе. Надо учитывать, что они характерны исключительно для комплексов XIV в.

Отдельную достаточно многочисленную группу поливной керамики составляют красноглиняные тарелки с орнаментом "граффито". Они представлены фрагментами кольцевых поддонов с геометрическим и стилизованным растительным орнаментом (рис. 2: 4–6), а так же нижней частью тарелки с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 3: 1).

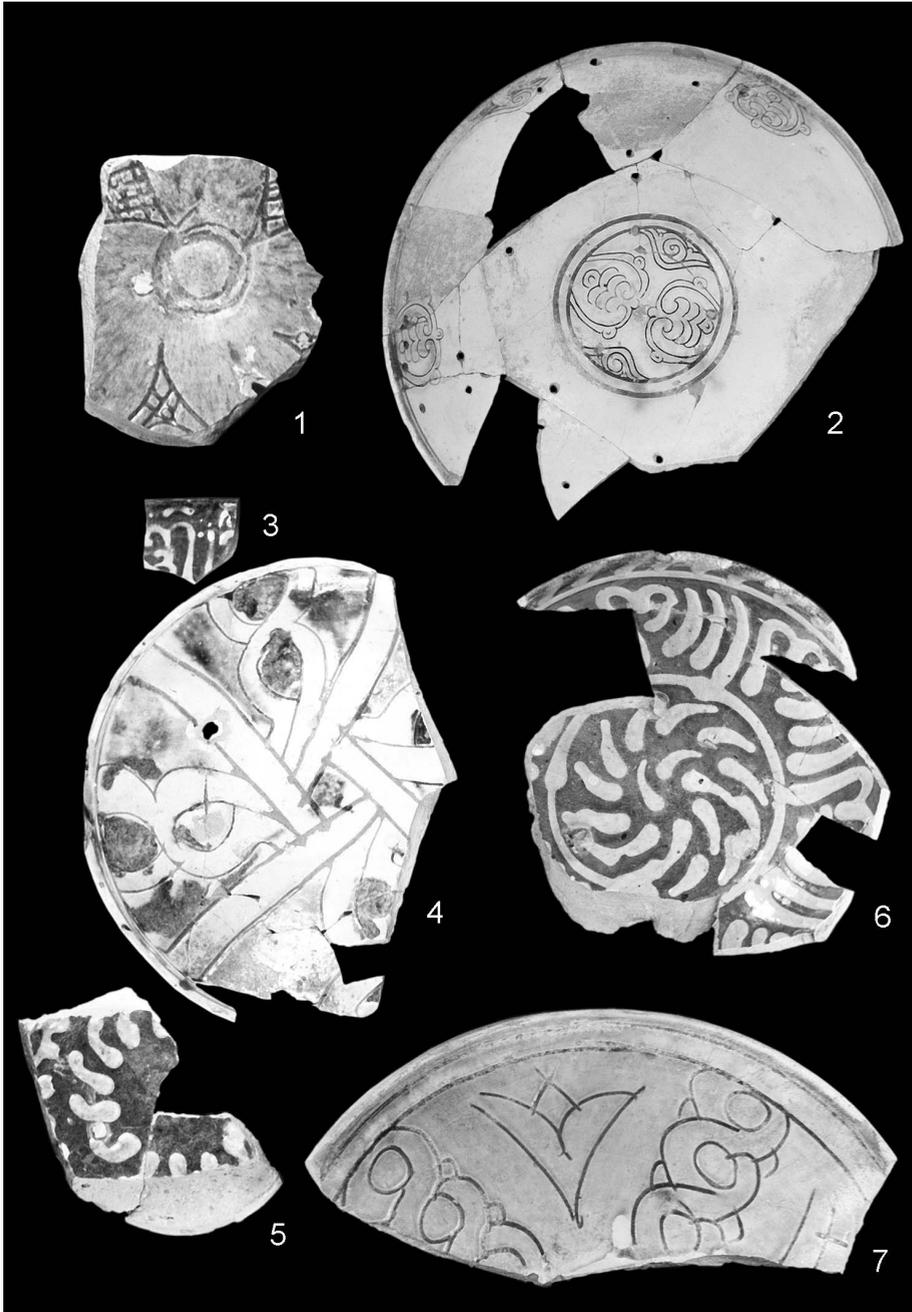

Рис. 4. Помещение В. 2 — византийская поливная красноглиняная керамика; 1, 4, 7 — поливная керамика с орнаментом "сграффито"; 3, 5, 6 — с росписью ангобом из заполнения помещения.

Встречены и археологически целые тарелки и крупные фрагменты, позволяющие реконструировать профиль сосуда со стилизованным растительным орнаментом (рис. 4: 1, 4, 7; рис. 6: 1–3, 5).

В группу тарелок и чаш с полусферическим туловом входят одна археологически целая и несколько фрагментов, украшенных псевдокуфическими надписями (рис. 4: 3) и различным орнаментом, выполненными ангобом под прозрачной желтой поливой на шоколадно-коричневом и темно-коричневом фоне (рис. 4: 5, 6; рис. 6: 4а, 4б). Находки таких сосудов часты в Сугдее. Они известны в Херсонесе и Константинополе и датируются XIV в. Топография их распространения позволяет считать сосуды этой группы византийским импортом.

Помимо красноглиняных чаш с полусферическим туловом византийского производства, в помещении "В" обнаружены два фрагментированных кашинных сосуда на кольцевом поддоне под бирюзовой и прозрачной поливой. Последние были обнаружены у порога дома и под закладом дверного проема. Одна из чаш украшена растительным орнаментом и кобальтом и находит аналогии среди кашинной керамики XIV в. в золотоордынских городах Поволжья (рис. 7: 1) [Федоров-Давыдов 1994, с. 92, рис. 9: 1].

Еще одна небольшая фрагментированная чаша, орнаментированная геометрическим орнаментом, была изготовлена из плотной темно-красной глины и покрыта бирюзовой поливой (рис. 7: 2).

Фрагменты сосудов того же типа под бирюзовой глазурью обнаружены при раскопках помещения "А" и "Б". В целом на памятниках Крыма они встречаются достаточно редко, преимущественно на золотоордынских поселениях.

К продукции местного производства можно отнести тарелки и чаши на кольцевом поддоне с высоким прямым венчиком. Они изготовлены из характерной для судакских гончарных печей XIV — XV вв. плотной светло-оранжевой глины и украшены стилизованным растительным или геометрическим орнаментом "граффито" под зеленой или желтой поливой с пятнами подкраски солями марганца, меди и железа. Полива прозрачная, блестящая, очень хорошего качества. Встречены и фрагменты с орнаментом "граффито" в виде изображения птицы (рис. 5: 1).

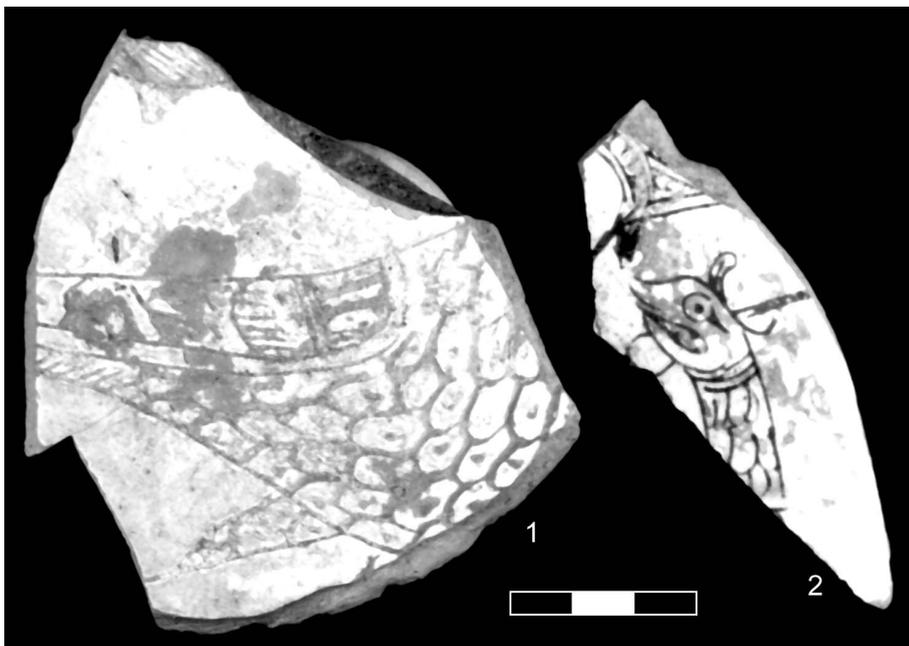

Рис. 5. Помещение В. Фрагменты красноглиняных поливных тарелок с орнаментом "сграффито" в виде изображений птицы и головы дракона с пола 1 этажа помещения.

Среди местной посуды можно выделить аналогично украшенные блюда на кольцевом поддоне с горизонтально отогнутым венчиком, напоминающим рельсовидные венчики ранневизантийских белоглиняных тарелок.

К византийскому импорту можно отнести красноглиняный плоскодонный маленький кубок (чашу), украшенный с внешней стороны медальонами с растительным заполнением. Изнутри сосуда имеется трехбуквенная греческая монограмма имени Михаил под прозрачной оливковой поливой (рис. 8: 2). В группу чаш с посятительными монограммами под глазурию можно отнести еще два сосуда (рис. 8: 1).

К единичным экземплярам относятся обломок края розвоглиняной византийской тарелки, расписанный стилизованным растительным орнаментом солями марганца с пятнами зеленой подкраски (рис. 9: 3), фрагмент ручки кувшина с рельефным орнаментом (рис. 9: 1), аналогичным группе кувшинов из заполнения помещения "Б" (рис. 20), фрагменты красноглиняных сосудов с орнаментом "сграффито" (рис. 9: 2, 6), а так же фрагмент венчика китайского силадонового сосуда XIV в. (рис. 9: 5).

Рис. 6. Помещение В. 1–3, 5 — красноглиняная поливная керамика с орнаментом "сграффито", 4, 6 — с росписью ангобом из слоя гари на полу 1 этажа помещения.

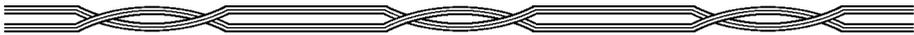

Рис. 7. Помещение В. Фрагменты кашинных чаш на пороге 1 этажа помещения.

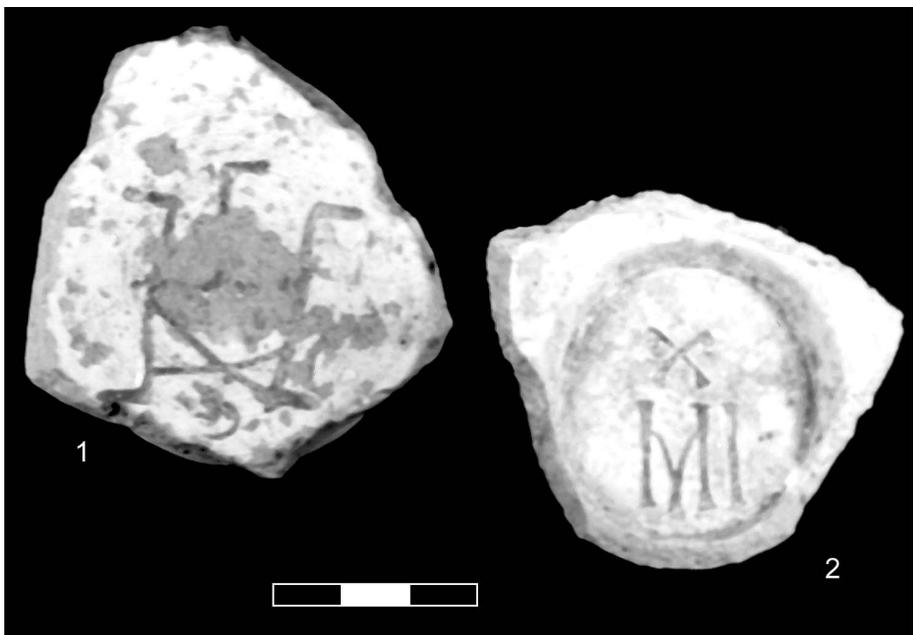

Рис. 8. Помещение В. Фрагменты красноглиняных чашки и кубка с подглазурными монограммами с пола 1 этажа помещения.

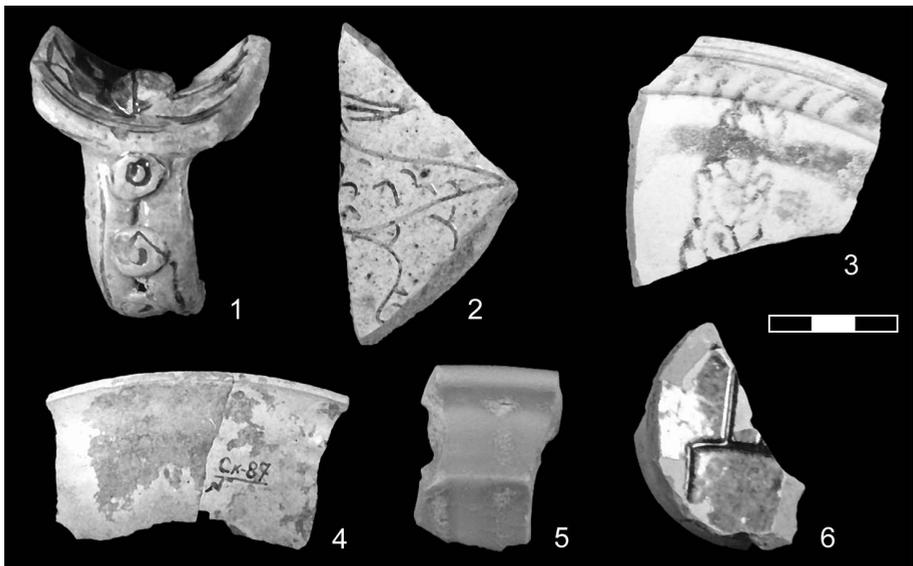
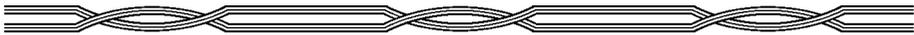

Рис. 9. Помещение В. 1 — поливной кувшин с рельефным орнаментом, 2—4, 6 — поливные красноглиняные тарелки с орнаментом "сграффито", 5 — фрагмент силадонового сосуда.

Рис. 10. Помещение В. Бронзовая чаша обнаруженная у порога двери 2 этажа помещения.

Предметы из металлов разнообразны. У порога второго этажа помещения "В" на древней дневной поверхности с южной стороны дома найдена целая литая бронзовая чаша на невысоком поддоне с прямым венчиком, слегка наклоненным внутрь. Днище сосуда и внешняя сторона венчика доработаны на токарном станке (рис. 10). Подобные чаши, изготовленные из серебра, получили распространение на территории Золотой Орды [*Крамаровский 2001, с. 80–108*].

На полу первого этажа обнаружены два фрагмента бронзовых китайских зеркал, украшенных рельефным растительным орнаментом (рис. 11).

Рис. 11. Помещение В. Фрагменты бронзовых зеркал из заполнения помещения.

В одном случае он представлен в виде вьющейся лозы с виноградными гроздьями (рис. 11: 1), в другом — в виде сосуда с растениями (рис. 11: 2). Подобные зеркала выделены в группу изделий имеющих среднеазиатско-иранские орнаментальные мотивы и датируются 40–60-ми гг. XIV в. [*Недашковский 2000, с. 63–64*].

В ходе исследований публикуемого комплекса обнаружены три литых бронзовых кольца (рис. 12: 3, 4, 7), кольцо деформированной бронзовой пряжки с прикрепленным к нему плоским язычком (рис. 12: 8), заготовка бронзового медальона и украшенная многолепестковой розеткой, аналогичной т.н. цветочному орнаменту на джучидских монетах XIV в. (рис. 12: 1).

Представляют интерес находки бронзового тигелька для выплавки цветных металлов, округлая накладка с тремя отверстиями (рис. 12: 2, 5) и пластина со штампованным елочным орнаментом (рис. 12: 6).

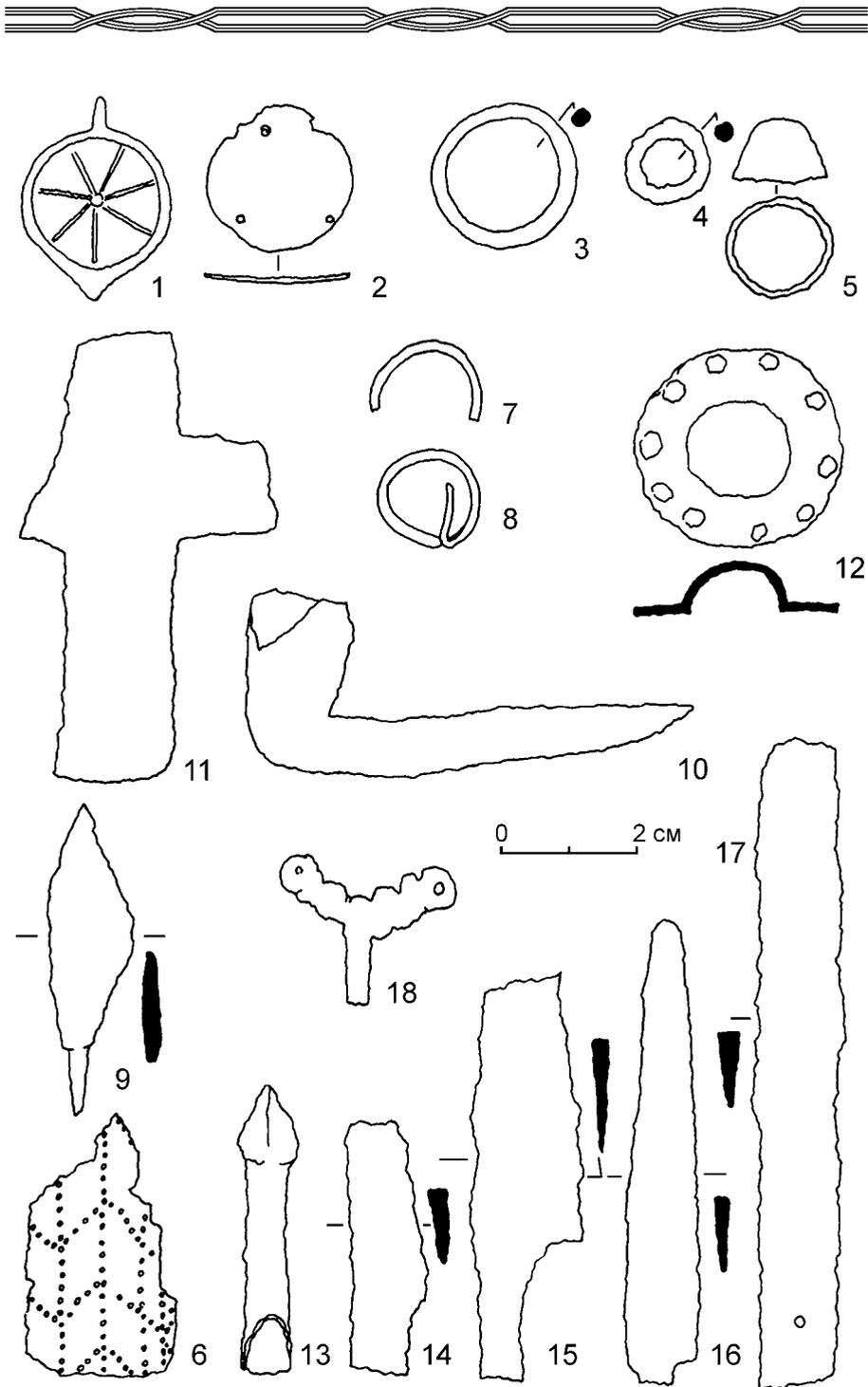

Рис. 12. Помещение В. Индивидуальные находки из заполнения помещения.

В углу дома между кладками 8 и 9 обнаружена бронзовая посеребренная бляха с гравированным шахматным орнаментом и четырьмя заклепками в углах (рис. 13: 3). Размер бляхи 3.1×2.8 см. Подобные бляхи украшали рыцарские пояса западноевропейского производства, датируемые XIII — XIV вв. Две другие бляхи от такого же самого пояса были обнаружены в соседнем помещении, примыкающем с востока к помещению "В" (рис. 13: 4, 5), что позволяет синхронизировать пожары.

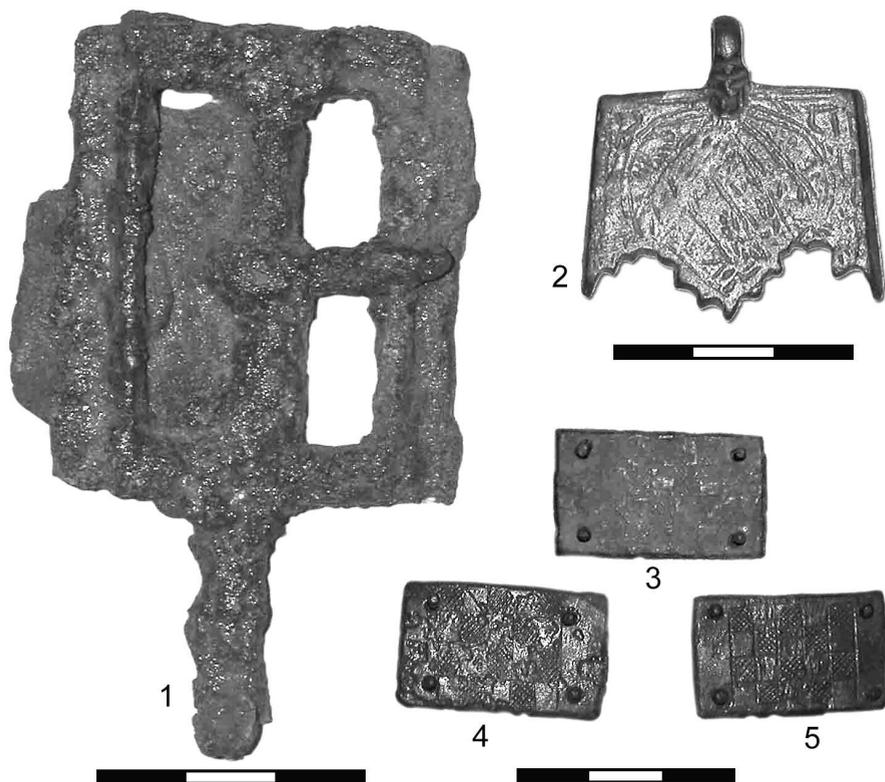
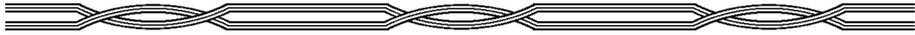

Рис. 13. Помещение В. 1-железная пряжка от рыцарского пояса, 2 — бляха с гравированным шахматным орнаментом, 3–5 — бляхи с гравированным шахматным орнаментом из заполнения помещений В и Б.

Помимо этого, на полу помещения "В" в слое пожара найдена еще одна литая бронзовая бляха с петлей, украшенная рельефным орнаментом и принадлежащая к рыцарской портупее западноевропейского производства (рис. 13: 2). Аналогичная бляха обнаружена в 1982 г. на полу католического храма Девы Марии. Подобные предметы известны в генуэзских факториях на территории Болгарии и Румынии.

К рыцарскому обмундированию также относятся кованая железная пряжка и две бляхи от основного пояса. Пряжка относительно хорошей сохранности (рис. 13: 1). Она состоит из крупной прямоугольной рамки с подвижным язычком и двухпластинчатым щитком, в котором двумя заклепками закрепляется широкий (около 3 см) кожаный пояс. В нижней части рамки имеется прямоугольный стержень с крючком, на котором подвешивались ножны меча. Аналогичный крючок имела в нижней части и железная бляшка-тройчатка (для крепления ножен меча или рога), использовавшаяся в том же поясном наборе (рис. 12: 18). Подобная гарнитура дополнялась круглой полусферической железной бляхой, украшенной по краю псевдозернью и каким-то (плохо сохранившимся) орнаментом (рис. 12: 12). Бляха крепилась на ремне при помощи одной центральной заклепки. На пряжке с внутренней стороны приварился фрагмент стальной чешуйчатой кольчуги (чешуйки плоские, круглые, диаметром около 2 см), рассыпавшийся при зачистке.

Предметы из железа, помимо этого, представлены кованым ножевидным предметом с обломанными концами и заклепкой (рис. 12: 17), обломками трех ножей (рис. 12: 14–16), арбалетным наконечником-болтом (рис. 12: 13), листовидным черенковым наконечником стрелы (рис. 12: 9), большим кованым крестом и железным костылем, забиваемым в балку с чашечкой подсвечника (рис. 12: 10, 11).

Находки в помещении "В" дополняются уникальной литой формой, обнаруженной с внешней стороны дома у дверного проема второго этажа в 0.5 м к востоку от порога (рис. 14). Форма изготовлена из светло-серого мелкозернистого шифера, близкого шиферу некоторых палестинских каменоломен. Форма двухсторонняя. Ее размеры 13.2×7.2 см при толщине 2.5 см. На одной стороне формы (рис. 14: 2) отливались 9 предметов: две пуговицы-шарики с петлевым креплением; маленькое уплощенное кольцо, украшенное насечками; две одинаковые петли на острых основаниях (для забивки в деревянное основание шкатулки?); нательный крест с лучами, украшенными маленькими шариками и полусферой в центре; филоктерий с тонким гравированным орнаментом, служивший для хранения пергамента с молитвой (употреблялся как при мусульманском, так и иудейском обрядах) и два сакральных амулета — один квадратный с псевдоарабской надписью, другой круглый — с

буквами еврейского алфавита, написанными курсивом, не составляющими слова, но позволяющими говорить о знании курсивного письма резчиком формы. Судя по вырезанным по периметру амулета поверх букв трех полусфер, амулет с еврейской надписью для отливок в Сугдее не использовался.

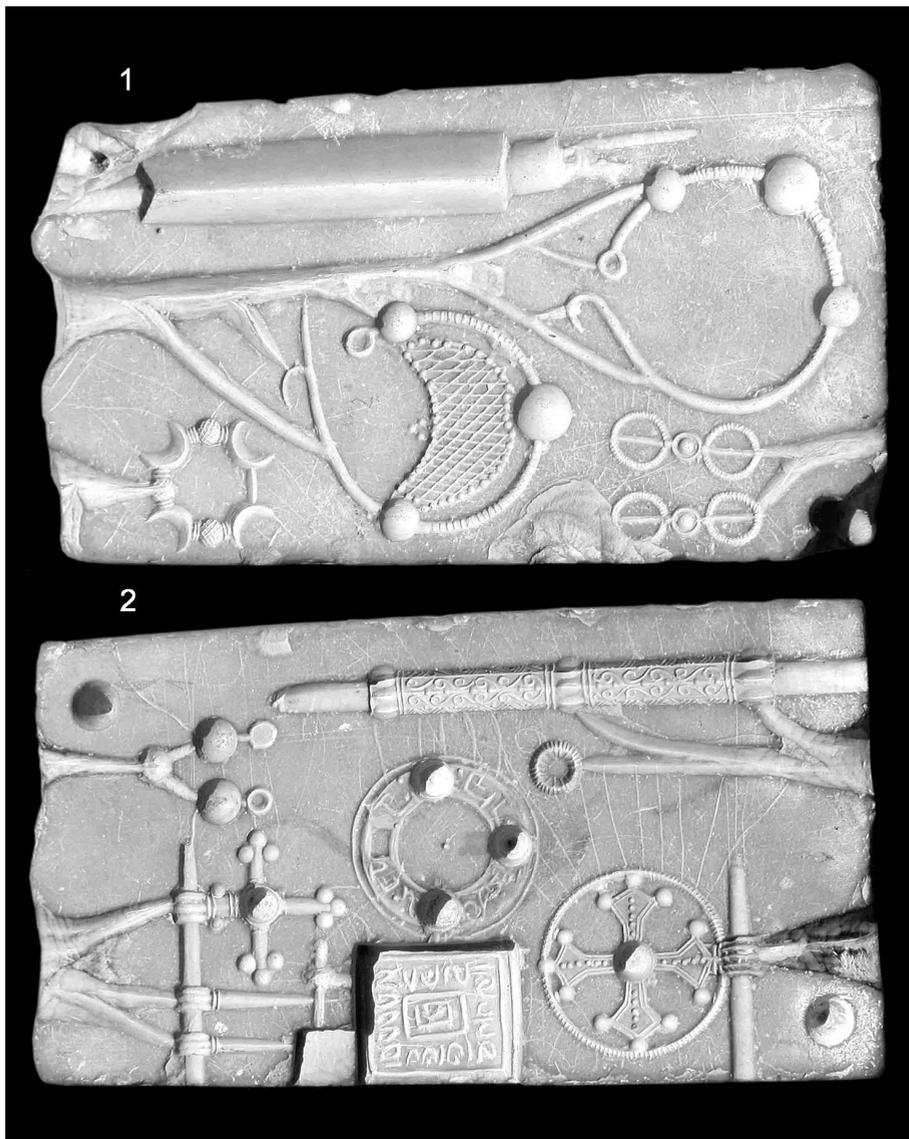
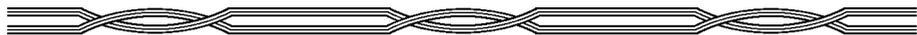

Рис. 14. Помещение В. Общий вид литейной формы, сторона 1 и 2.

На широкой оборотной стороне (рис. 14: Д) отливалось шесть предметов: треугольный в сечении браслет золотоордынского типа с разомкнутыми концами, трехбусинное височное кольцо, византийский колт-лунница с тремя бусинами и сетчатым заполнением фона, звенья цепи, использовавшейся в воинских поясных наборах и сложная нашивная бляха от воинского поясного набора. На узких боковых сторонах формы сделаны разметки медальонов с крестами с расширяющимися лучами, звеньев цепи и нашивных бляшек. В литейном канале этой формы обнаружены остатки металла, определенные как высококачественные серебро. Состав вещей, отливавшихся в форме, позволяет говорить, что литейщик-ювелир работал на широкий рынок и его покупателями являлись, одновременно, христиане, мусульмане и иудеи.

Таким образом, судя по находкам в помещении "В" оно использовалось как полифункциональное ремесленное. Обнаруженные костяные заготовки — обрезки оленьих рогов, а также разнообразные готовые изделия из кости и рога (рис. 15), свидетельствуют о том, что здесь была, возможно, и косторезная мастерская.

При возведении следующего помещения "Б" в качестве западной стены была использована восточная стена помещения "В". К ней на расстоянии 1.10 м от внешнего северо-восточного угла пристроена северная стена помещения "Б". Его кладки перекрывали, снесенную почти до основания при их возведении, раннесредневековую оборонительную стену. Южная часть постройки "Б" перекрыта оборонительными сооружениями генуэзского времени. Длина стен комнаты 2.5, 8.0 и 3.0 м при толщине 0.9–1.2 м и высоте от уровня пола до 1 м. Кладки — двупанцирные с забутовкой из мелкого рваного камня на извести. На уровне древней поверхности они поставлены на фундамент, сложенный из крупных камней. Его толщина — 1.2 м при глубине 1 м. Внутреннюю часть помещения заполнял пепел и зола, насыщенные археологическим материалом. Слой золы лежал на полу постройки, поверхность которого являлась утрамбованной известью. Археологический материал ниже пола отсутствовал. В восточной части пол помещения "Б" перекрыт завалом из крупного бута от рухнувшей стены. Под ним зачищена раздавленная почти целая амфора константинопольского производства XIII — XIV вв.

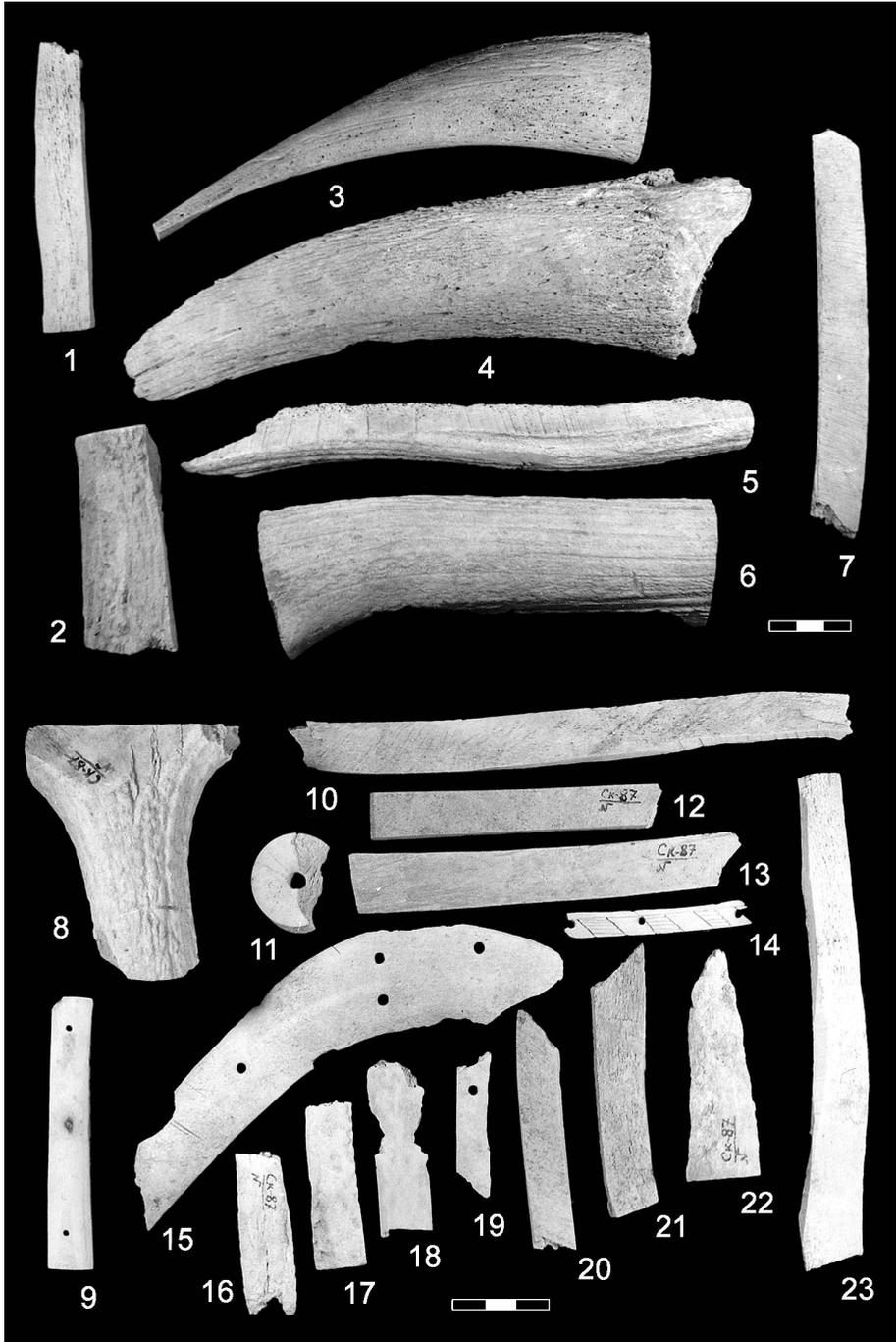

Рис. 15. Помещение В. Заготовки и изделия из кости с пола 1 этажа помещения.

Сосуд грушевидной формы, оранжевоглиняный, желобчатый. Его высота 59 см при наибольшем диаметре тулова 47 см. На плече и тулове амфоры имеются граффити. Рядом с амфорой в углу помещения найден почти целый кувшинчик, изготовленный из коричневатой глины (рис. 16). Кувшин тонкостенный с шаровидным туловом, которое украшено двумя симметричными рисунками, расположенными параллельно оси ручки. Рисунки выполнены белой и красной краской в виде сплошного круга диаметром 5.5 см и окружены полем, выделенным с внешней стороны четкими тонкими полосами белой краски, между которыми заключена широкая красная полоса. На этом поле расположены стилизованные цветки.

Рис. 16. Помещение Б. Коричневоглиняный кухонный сосуд с росписью из заполнения помещения.

Интерес представляют изделия византийской резной кости. Это накладки на шкатулку с резным орнаментом в виде розеток, медальонов и жемчужин (рис. 17) и рукоять с навершием в виде горностая (рис. 18). Накладные пластины от аналогичных византийских шкатулок обнаружены в Судаке в 30-е гг. XX в. Е. Ч. Скржинской и в 1979 г. при раскопках генуэзской таможни. А. В. Банк датировала эти предметы X — XII вв.

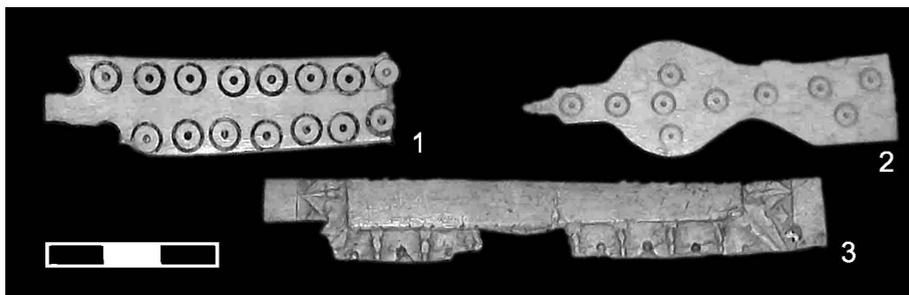

Рис. 17. Помещение Б. Костяные накладки из заполнения помещения.

Помимо этих предметов в засыпи над полом помещения "Б" обнаружены остатки железной пилы, зубатки (рис. 19: 1, 6), наконечники разнообразных стрел (рис. 19: 8–12), наконечники арбалетных стрел разного размера (рис. 19: 3–5) чашечка весов, пряслице, изготовленное из амфорной стенки (рис. 19: 13) и другие предметы (рис. 19: 2, 7).

В расположенном ниже слое пепла и золы, лежащем на полу постройки, также выявлен многочисленный археологический материал. Находки представлены, главным образом, фрагментами керамики. Перекопы слоя гари и пола дома после его разрушения привели к тому, что основная масса керамики сильно фрагментирована и не подлежала реставрации.

В слое обнаружены обломки одного кухонного сосуда, изготовленного на скоростном круге, два фрагмента красноглиняных грушевидных амфор с дуговидными ручками константинопольского производства и фрагмент черепицы с клеймом. Вся остальная керамика представлена обломками столовых поливных сосудов.

Особый интерес представляет группа кувшинов, изготовленных из плотной красно-коричневой глины, с редкими включениями пиритов и мелкого песка, покрытых с внешней стороны глухой цинковой оливковой и темно-зеленой поливой, а внутри — шоколадно-коричневой поливой.

Все фрагменты принадлежат кувшинам, украшенным орнаментом "граффито" (рис. 20). Подобные сосуды выделены М.Г. Крамаровским в отдельную латинско-палеологовскую керамическую группу, производившуюся, как в Константинополе, так, частично, и в Крыму и Приазовье [*Крамаровский 1996, с. 99–108*].

Более широко представителен византийский импорт. В нем выделяются фрагмент венчика и два доньшка белоглиняных тарелок с подкраской марганцем (рис. 21).

Рис. 18. Помещение Б. Костяная рукоять с навершием в виде горностая из заполнения помещения.

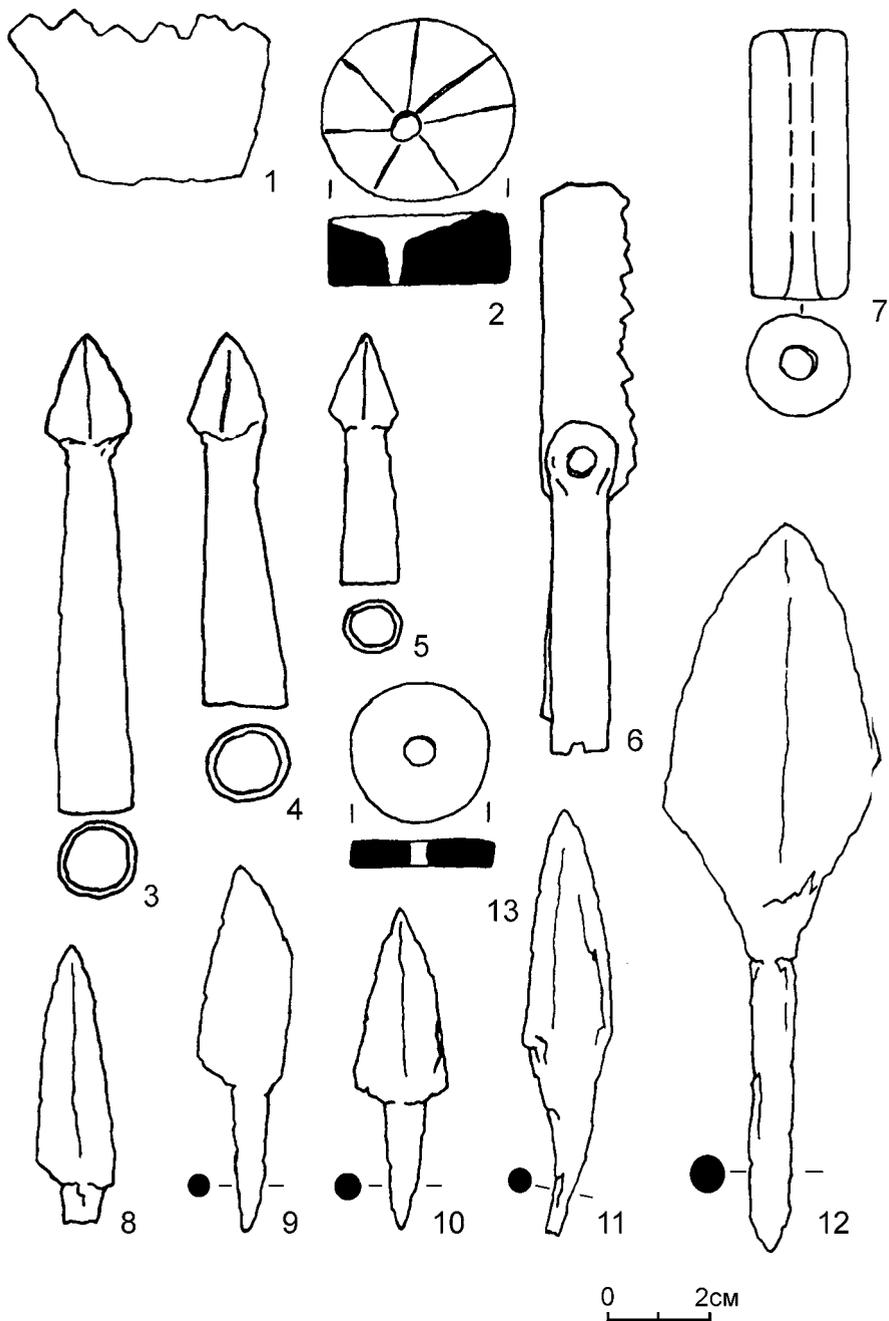
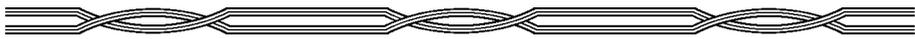

Рис. 19. Помещение Б. Индивидуальные находки из засыпи над полом помещения.

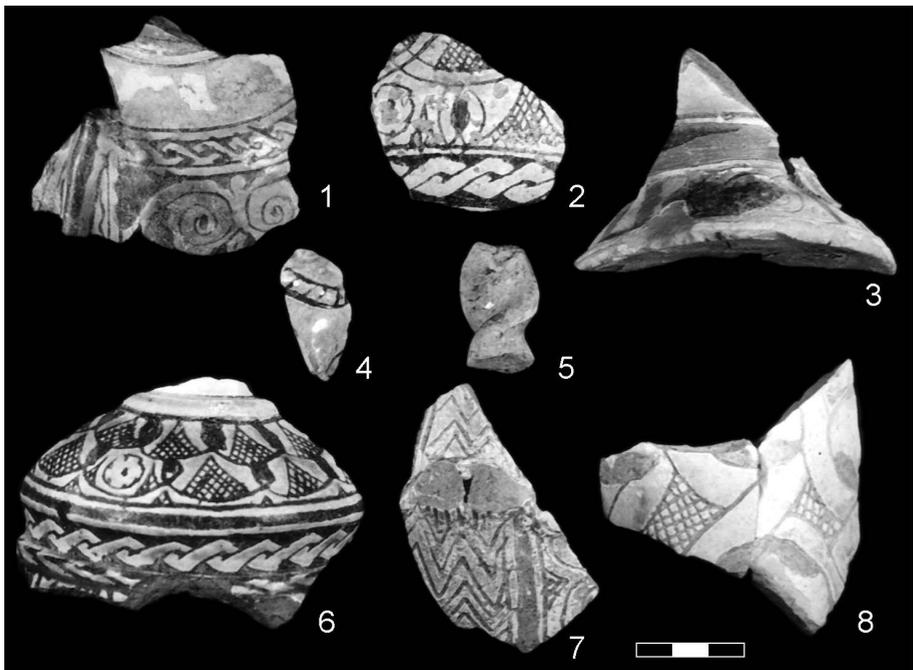
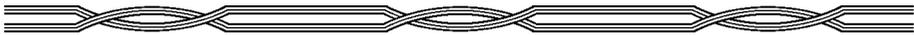

Рис. 20. Помещение Б. Поливные красноглиняные кувшины из заполнения помещения.

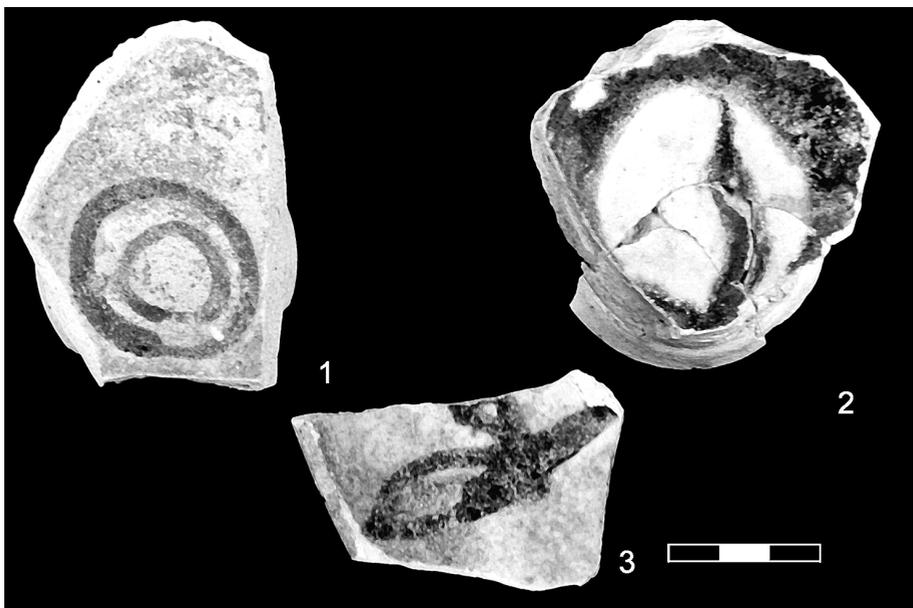

Рис. 21. Помещение Б. Белоглиняные византийские сосуды с росписью марганцем с пола помещения.

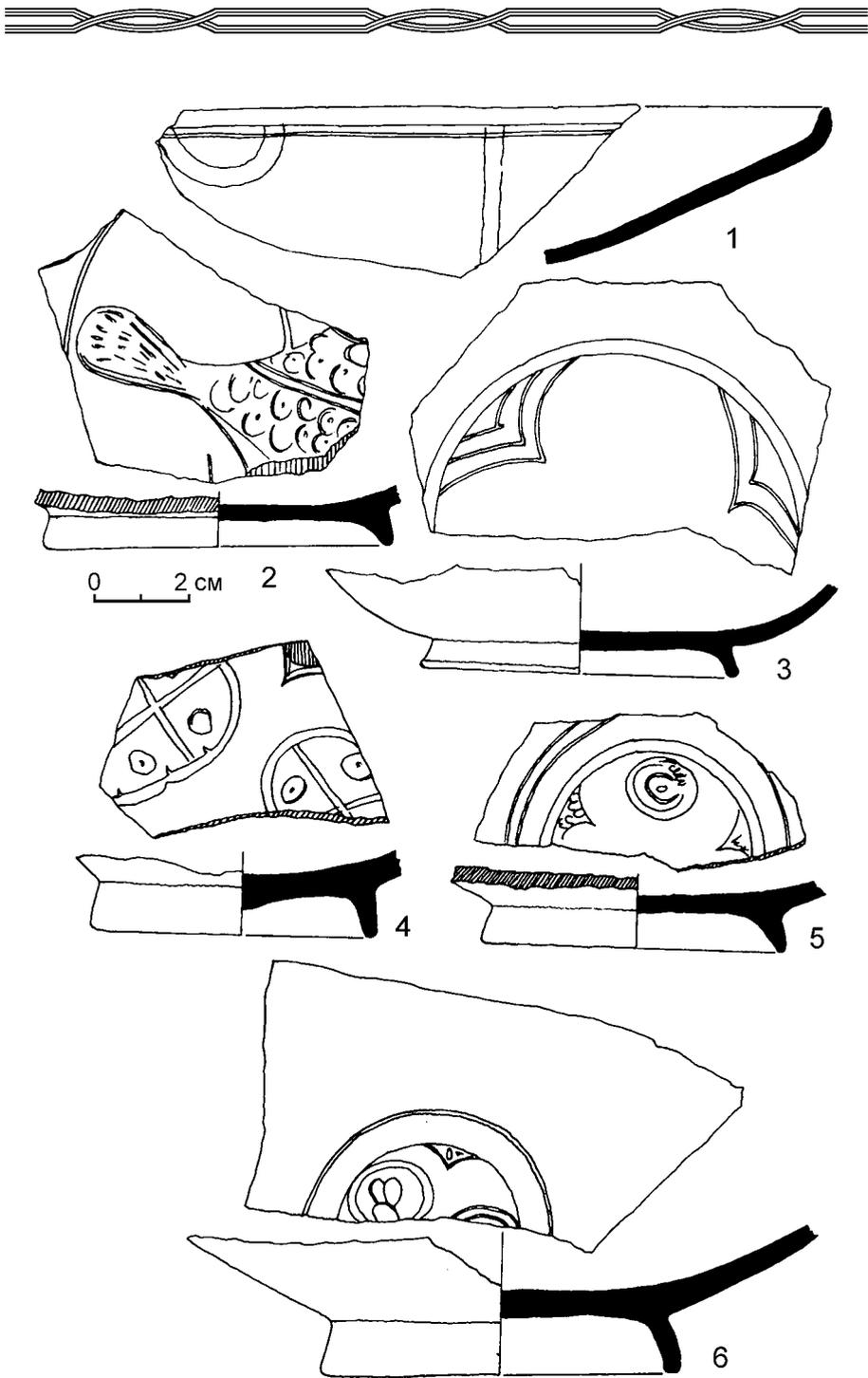

Рис. 22. Помещение Б. Поливные красноглиняные византийские тарелки из заполнения помещения.

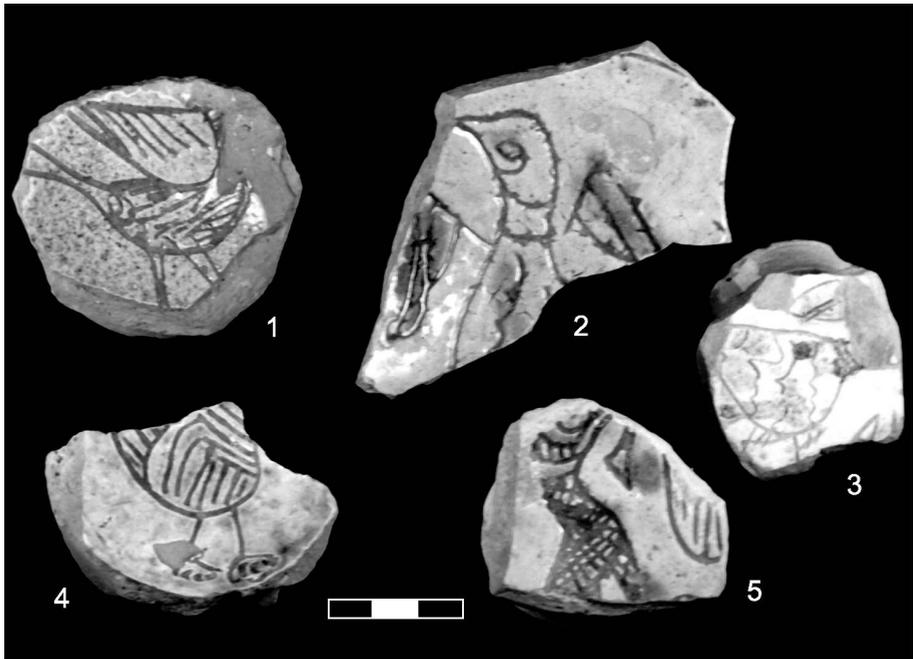
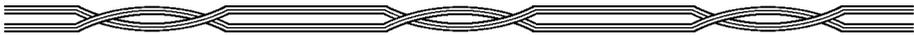

Рис. 23. Помещение Б. Фрагменты красноглиняных тарелок под полихромной поливой с изображением птиц с пола помещения.

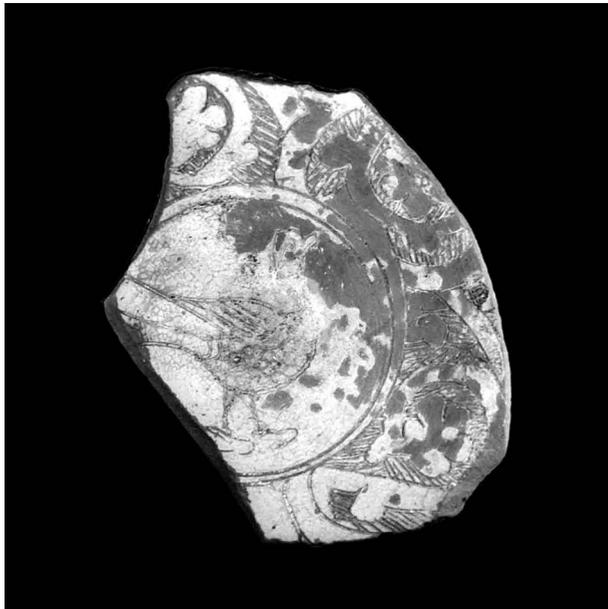

Рис. 24. Помещение Б. Фрагмент красноглиняной поливной тарелки с изображением птицы.

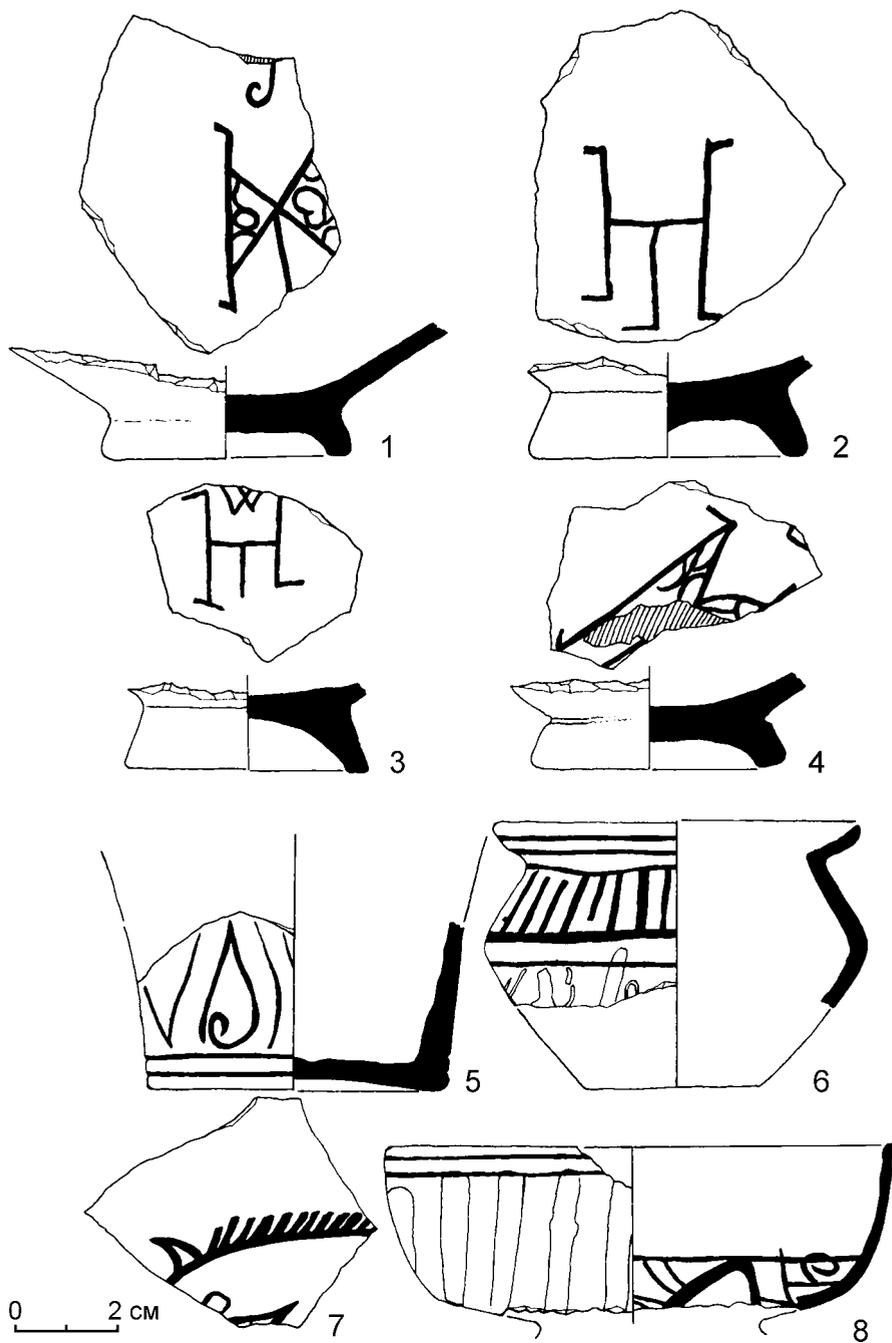

Рис. 25. Помещение Б. Фрагменты красноглиняных поливных тарелок с монограммами и орнаментом "сграффито".

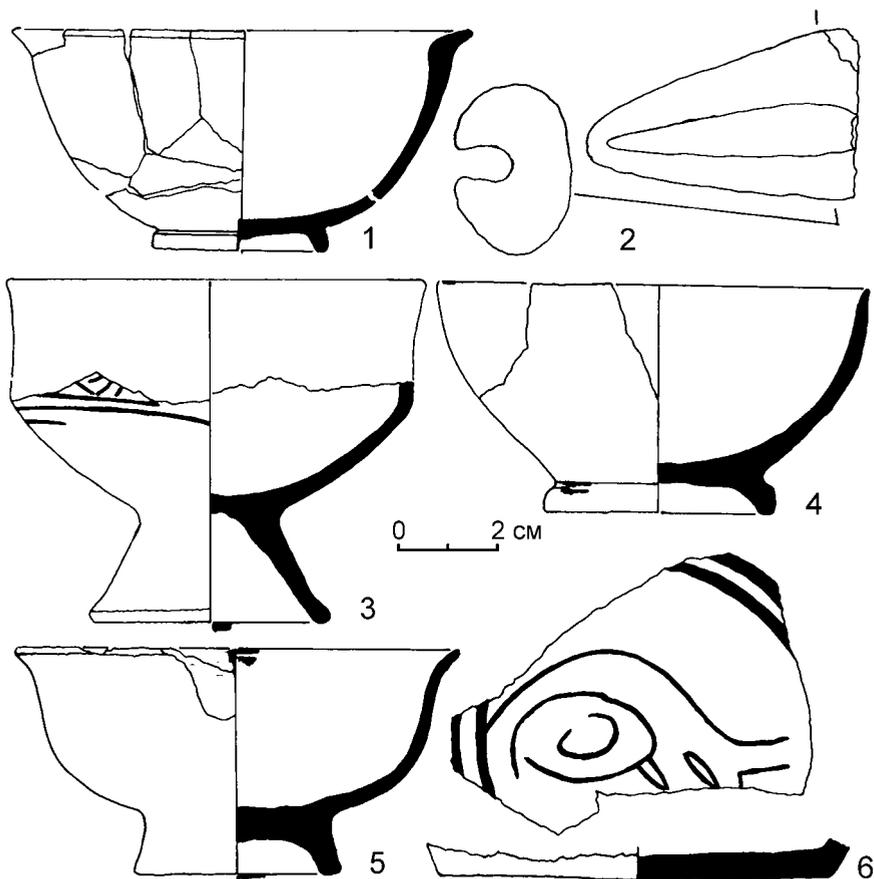
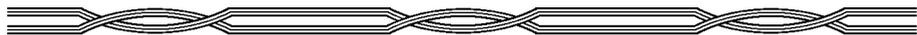

Рис. 26. Помещение Б. 1, 2 — кашинная керамика под бирюзовой поливой, 3–6 — красноглиняные поливные тарелки и плоскодонный сосуд с пола помещения.

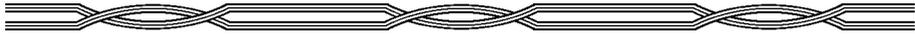
Рис. 27. Помещение Б. Фрагмент красноглиняного поливного изразца из заполнения помещения.

Аналогичные тарелки обнаружены как в результате подводных исследований в Новосветской бухте (раскопки 2000 г.), так и в Херсонесе [*Якобсон 1979, с. 145, рис. 92*]. Отдельную категорию составляет десяток обломков красноглиняных тарелок на кольцевом поддоне с яркой прозрачной поливой лимонного и оливкового цвета и характерным декором, выполненным в технике "граффито" и тонкой кистью. Орнаментация представлена в основном различными сочетаниями треугольников, расположенных по радиусу тарелки, под желтой поливой (рис. 22: 3). Чаще всего эти треугольники разделены полукругами, нанесенными марганцем поверх белой глухой поливы (рис. 22: 1), или овалами под прозрачной желто-зеленой поливой (рис. 22: 5, 6), иногда разделенными крестами с точками между лучами креста, нанесенными коричневой краской по белому ангобу (рис. 22: 4). На одном из фрагментов имеется изображение хвоста и туловища птицы (фазана?), нанесенное кистью коричневой краской по прозрачной оливковой поливе (рис. 22: 2). Эти тарелки, по мнению В. Мегуоу, происходили из византийского Средиземноморья. В данном комплексе сосуды датируются XIV в. [*Якобсон 1979, с. 125, рис. 78, 1–3, 5–7; Megaw 1968, plate 16; Francois 1993, p. 319, fig. 1, 2*].

К группе местной керамики относятся многочисленные в Крыму обломки тарелок на кольцевом поддоне из красной глины под полихромной поливой, украшенные врезными изображениями птиц (рис. 23). Ближайшие аналогии такой посуде можно найти в византийских Фессалониках, где она датируется XIII — XIV вв. К византийской группе можно отнести красноглиняное блюдо с изображением птицы с лентой на шее внутри медальона, обрамленного растительным орнаментом, выполненным в выемчатой технике под светло-зеленой поливой (рис. 24). Аналогичный сосуд был обнаружен М.А. Фронджуло в 1968 г. в хозяйственной яме с золотоордынскими монетами времени Узбека и Джанибека на западном участке посада средневековой Сугдеи.

К византийской группе относятся и четыре фрагмента красноглиняных сосудов на кольцевом поддоне с подглазурными посвяtitельными монограммами, типичными для Сугдеи второй половины XIV в. (рис. 25: 1–4). Обнаружено и довольно большое количество красноглиняной поливной керамики, украшенной орнаментом "граффито". Это нижние части кубков

на плоско-вогнутом дне под бело-желтой поливой (рис. 25: 5) и под прозрачной желто-зеленой поливой, дно которого не сохранилось (рис. 25: 6), верхняя часть тарелки под желтой поливой (рис. 25: 8) и фрагмент стенки под темно-зеленой поливой с изображением рыбы (рис. 25: 7).

Отдельную категорию составляет красноглиняная поливная посуда, возможно, местного производства. Это тарелка на высоком кольцевом поддоне под травянисто-зеленой поливой с внутренней и светло-желтой с внешней стороны (рис. 26: 3), а также небольшие тарелки полусферической формы с отогнутом в одном случае венчиком под желтой прозрачной и светло-зеленой поливой (рис. 26: 4, 5). Представлены и фрагменты красноглиняных сосудов под желто-коричневой поливой на плоском дне, украшенном орнаментом "граффито" с внутренней стороны (рис. 26: 6).

Восточный импорт представлен фрагментированной кашинной чашей под бирюзовой поливой, изготовленной в XIV в. в золотоордынском Поволжье (рис. 26: 1) [*Федоров-Давыдов 1994, с. 91, рис. 9*] и двумя обломками красноглиняной золотоордынской посуды под бирюзовой поливой. Один из них, изготовленный из бело-желтой плотной глины, является профильной частью (рис. 26: 2). В эту же группу входит фрагмент красноглиняного изразца, украшенного орнаментом "граффито" в виде многолепестковой розетки, заключенной в многолучевую звезду-арабеску под прозрачной темно-зеленой поливой (рис. 27).

Изделия из кости представлены целым орнаментированным наперстком, изготовленным из трубчатой кости животного (рис. 28: 12), и фрагментированным экземпляром, украшенным сложным врезным орнаментом (рис. 28: 13), фрагментами пластины с концентрическими кругами различного диаметра (рис. 28: 1), профилированной фишкой для игры (рис. 28: 9), палочкой для счета монет, украшенной концентрическими кругами (рис. 28: 8), фрагментом т.н. пуговицы (рис. 28: 16) и целым экземпляром меньшего диаметра (рис. 28: 15), фрагментом орнаментированной костяной рукояти (рис. 28: 11).

Отдельную категорию находок составляют т.н. костяные острия с отверстиями, Они, очевидно, выполняли различные функции, в том числе и предназначались для распутывания пут лошади (рис. 29).

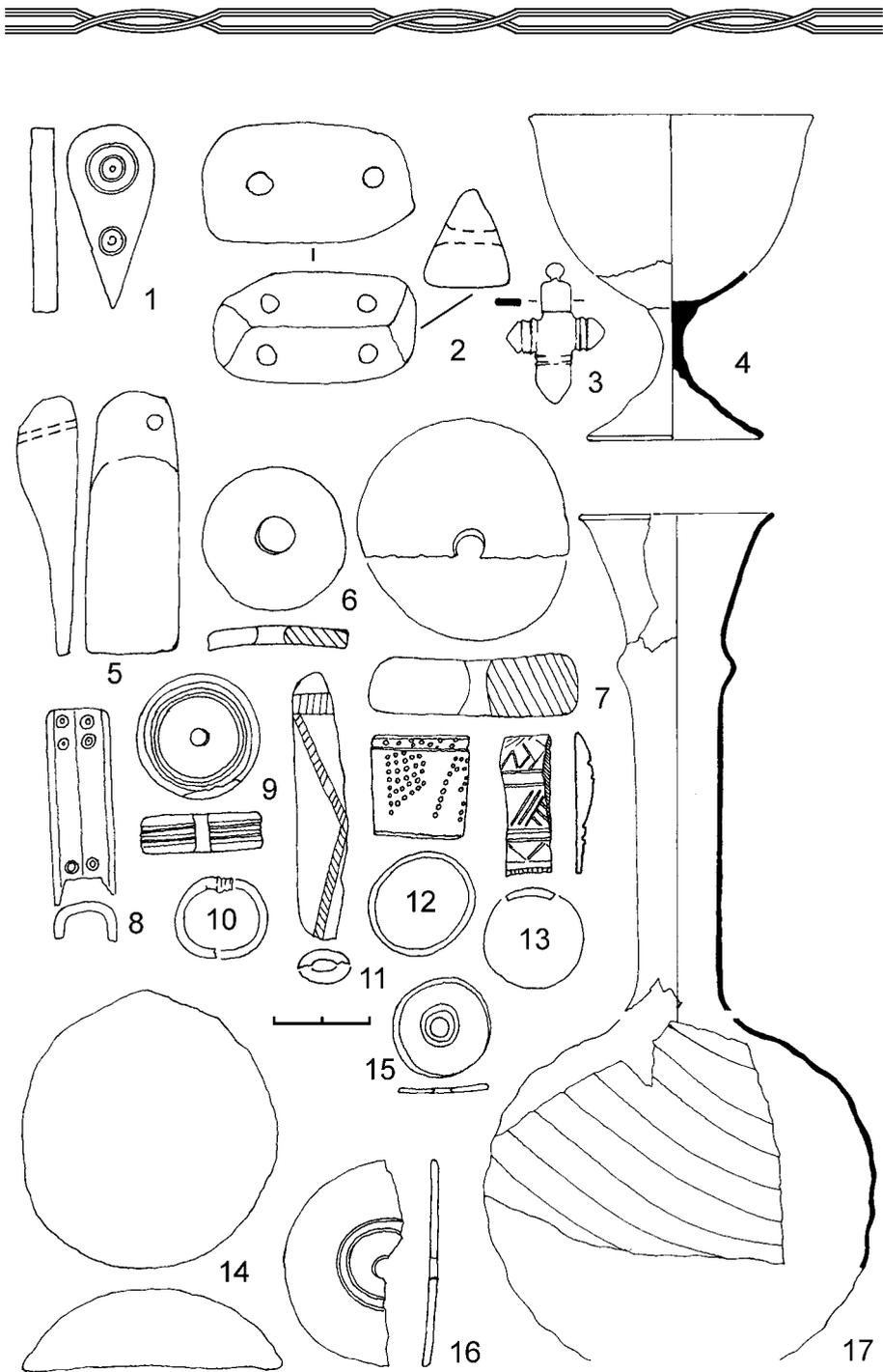

Рис. 28. Помещение Б. Индивидуальные находки из засыпи над полом помещения.

Рис. 29. Помещение Б. Костяные остря для распутывания пут коня из заполнения помещения.

Глиняные изделия представлены двумя пряслицами, изготовленными из стенки столового сосуда из коричнево-красной глины (рис. 28: 6) и красноглиняной амфорной стенки (рис. 28: 7), а также грузиком для ткацкого станка, треугольным в сечении, с двумя отверстиями (рис. 28: 2). Представляют определенный интерес находки оселка из темно-серого шифера (рис. 28: 5), маленького нательного крестика из перламутра (рис. 28: 3) и полусферическая медная отливка (рис. 28: 14)

Наиболее редки стеклянные сосуды. Обнаружены осколки археологически реконструируемого венецианского тонкостенного кувшина с высоким раструбовидным горлом и шаровидным туловом с каннелюрами (рис. 28: 17), нижняя часть рюмки из прозрачного зеленого стекла (рис. 28: 4) и фрагмент стеклянного перстня (рис. 28: 10).

При сооружении следующего помещения "А" восточная стена предыдущего была продлена в северном направлении на 1.70 м. Это помещение находится в 4 м к западу от башни 1409 г. у крайнего восточного участка куртины XIV. Постройка прямоугольная, площадью 12.25×5.25 м, при толщине стен 0.7–0.8 м. Наиболее удовлетворительно сохранилась южная стена.

Ее высота достигает 1.5 м от уровня древней дневной поверхности. Северная и западная стены помещения разобраны на 1–2 ряда кладки при восстановлении оборонительной стены генуэзского периода. Все стены помещения двухпанцирные и сложены из бута мраморовидного известняка средних размеров на глиняном растворе. Под основание кладок уложены деревянные бревна, выполнявшие антисейсмическую функцию. Кладки установлены на траншейном фундаменте, шириной до 1.0 м и глубиной 0.5 м.

В стратиграфии помещения прослежены три горизонта. Нижний слой, толщиной до 0.2 м, представляет собой желтый суглинок, насыщенный мелким щебнем. Именно в него впущены фундаменты характеризуемой постройки. Он прослежен на территории превышающей ее границы. В этом слое обнаружены фрагменты толстостенного красноглиняного пифоса, стенки красноглиняных амфор причерноморского типа середины IX — первой половины X вв., обломки причерноморских амфор с зональным рифлением того же времени, а так же стенка высокогорлого кувшина с ленточной ручкой второй половины IX — XI вв.

Таким образом, временем формирования слоя следует считать вторую половину IX — первую половину X вв. Вместе с этим материалом обнаружены обломки корпусов кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом салтово-маяцкого типа. Один из них был украшен и вертикальными полосами линейного лощения. Культурный слой с такой же керамикой салтово-маяцкого типа и высокогорлыми кувшинами с ленточными ручками был обнаружен в 1985 г. у тыльного фасада куртины XIV, примыкающей к безымянной башне № 3 с запада. Вышеописанный горизонт, возможно, датирует и определяет культурную принадлежность первоначальной оборонительной стены на этом участке.

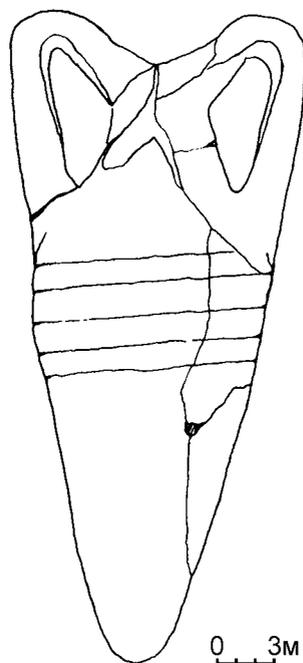
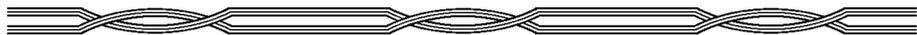

Рис. 30. Помещение А. Амфора с пола помещения.

Над слоем второй половины IX — первой половины X вв. внутри помещения "А" прослежен глинобитный пол, перекрытый тонким (до 10 см) слоем углей, пепла и золы. В нем у северной стены постройки обнаружена раздавленная, но полностью реставрированная небольшая веретенообразная амфора с высокоподнятыми ручками (рис. 30). Тулово амфоры желобчатое, изготовлена она из плотной темно-красной глины с мелкими включениями шамота и слюды и покрыта бело-розовым жидким ангобом. Аналогичная амфора обнаружена при раскопках 1982 г. в трапезной монастыря в урочище Димитраки в 1 км к западу от Судакской крепости, а так же при проведении подводных исследований кораблекрушения на дне Новосветской бухты [*Зеленко 1999, с. 227, рис. 8*]. Подобный тип тары был распространен преимущественно в Черноморском регионе и в Эгейском море с начала XII до середины XV вв. [*Якобсон 1979, с. 110, рис. 68: 5; Зеленко 1999, с. 227*]. Характерное для данного экземпляра широкое плавное рифление присутствует на сосудах конца XIII — XIV вв. Помимо амфоры, на полу найдены фрагменты поливной посуды. Судя по составу находок, постройка прекратила свое существование во второй половине XIV в.

Верхний стратиграфический горизонт в помещении "А", прослеженный на всем участке между башнями 1409 г. и Безымянной № 3, состоит из рыхлого серо-коричневого грунта, мощностью до 3.0 м, насыщенного бутом, известковой крошкой и разнообразным бытовым мусором. В нем обнаружено около тысячи фрагментов различной керамики, среди которой преобладали обломки толстостенных красноглиняных столовых и тарных сосудов, а также других аналогичных сосудов, покрытых белой поливой. Вместе с ними найдены фрагменты веретенообразных амфор из красно-коричневой глины с белым ангобом, датируемых XIV — XV вв., и грушевидных оранжевоглиняных амфор с дуговидными ручками константинопольского производства XIII — XIV вв.

Таким образом, комплекс ремесленных сооружений относится к хронологическому промежутку между разборкой первоначальной оборонительной стены и временем возведения генуэзских крепостных стен. Возводились постройки последовательно в направлении запад-восток. Гибель мастерских связана с захватом города генуэзскими войсками в 1365 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры.– М., 1971.
- Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи.– М., 1995.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края).– М., 2002.
- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III — V вв. н.э.– М., 1997.– 166 с.
- Абросов В.Н.* Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии.– М., 1996.– С. 266–275.
- Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана.– М., 1996.– 253 с.
- Айбабин А.И.* Археологические свидетельства распространения христианства в раннесредневековом Юго-Западном Крыму // V Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції 10–12 жовтня 2000–2001 р. у Києві.– К. 2001.
- Айбабин А.И.* Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ.– 1994.– Вып. IV.– С. 132–172.
- Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф.– Симферополь, 1997.
- Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА.– 1982.– № 3.– С. 190–198.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ.– 1990.– Вып. 1.– С. 3–86.
- Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма.– Симферополь, 1999.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ.– 1997.– Т. 57.– С. 211–233.
- Акафисты различны.– Почаев, 1776.

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.– Г1–12.– М., 1978.
- Алексеевко Н.А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция.– Тезисы докл.– М., 1995.
- Алексеевко Н.А., Ковалевская Л.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Тезисы докл. Крымской науч. конф. “Проблемы античной культуры”.– Симферополь, 1988.– Ч. 3.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX — XI вв. // МАИЭТ.– Вып. 6.– Симферополь, 1998.
- Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV — VII вв. // Средневековые древности евразийских степей.– М., 1980.– С. 1–56.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа VII — VIII вв.– М., 1989.– 134 с.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV — VII вв. // МАИЭТ.– 1994.– Вып. IV.– С. 31–88.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского.– Киев, 1999.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора.– Киев, 1986.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.– XII в. н.э.).– Киев, 1977.
- Анохин Г.И.* Тайные маршруты русов // ВИ.– 1996.– № 11/12.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев.– 1976.– 342 с.
- Античные перстни (VI в. до н.э.– IV в.) / Под. ред. О.Я. Неверова.– Л., 1978.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ.– 1971.– Вып. 7.– С. 81–101.
- Артамонов М.И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады Географического общества СССР.– 1970.– Вып. 15.– С. 3–37.
- Артамонов М.И.* Древний Дербент // СА.– Т. VIII.– 1946.
- Артамонов М.И.* Этническая принадлежность и исторического значение на пастирската культура // Археология.– София, 1969.– № 3.– С. 1–10.
- Артамонов М.И.* История хазар.– М.-Л., 1962.– 524 с.

-
- Артамонов М.И.* История хазар.– СПб., 2002, Изд. 2-е.
- Артамонов М.И.* Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970) // СА.– 1974.– № 1.– С. 245–254.
- Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар.– Л., 1936.
- Археология Украинской ССР.– К., 1986.– Т. 3.– 575 с.
- Архив НЗХТ– Д. 2236.– Л. 59–102.
- Архимандрит Антонин.* Заметки XII — XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдеи (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД.– 1863.– Т. 5.
- Арциховский А.В.* Одежда // История культуры Древней Руси.– Т. 1.– М.– Л., 1948.– С. 234–262.
- Атлас Черниговской области.– М., 1991.– 48 с.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка.– М., 2001.– Вып. 1.– 524 с.
- Афиногенов Д.Е.* Новые сведения о климате Понта Эвксинского в историческую эпоху // ВДИ.– 1999.– № 1.– С. 137–146.
- Ахмедов И.Р.* Удила // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно- исторический контекст.– М., 1996.– С. 41–42.
- Ахмеров Р.Б.* Древние погребения в г. Уфе // КСИИМК.– 1949.– Вып. XXV.– С. 113–117.
- Ачкинази И.В.* Крымчаки. Историко-этнографический очерк.– Симферополь, 2000.
- Бабенчиков В.П.* Из истории Крымской Готии // ИГАИМК.– 1935.– Вып. 117
- Бабенчиков В.П.* Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 годов) // КСИИМК.– 1953.– Вып. XLIX.
- Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // АП.– Т. – XIII.
- Бабин Б.* Материалната култура на македонските Словени во светлината на археолошките истражувања.– Прилеп, 1985.
- Балабанов Т.* Жилища по край северната и источната крепостна стена в Плиска // Плиска-Преслав.– Т. 5.– Шумен, 1992.– С. 145–168.

-
- Банк А.В., Липшиц Е.Э.* Византийское искусство IV — VI вв. // История Византии.— М., 1967.— Т. I.
- Баран В.Д.* Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков).— К., 1988.— 160 с.
- Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие.— В. Търново, 2000.— Т. 7.
- Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ.— 1993.— Вып. 3.
- Баранов И.А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год.— Симферополь: Таврия, 1994б.
- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура.— Вып. 2.— София, 1991.
- Баранов И.А.* Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.— К., 1988.
- Баранов И.А. Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України.— Київ, 1994.
- Баранов И.А.* О восстании Иоана Готского // Феодалная Таврика.— К., 1974.
- Баранов И.А.* Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1986 г.— Симферополь, 1987.
- Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР.— К., 1986.— Т. 3.
- Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII — XVI вв.— Ростов-на-Дону, 1989.— С. 46–62.
- Баранов И.А.* Раскопки в урочище Димитраки близ Судака // АО 1982 г.— М., 1984.
- Баранов И.А.* Сугдея VII — XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г.— М., 1987.— Т. 1.— Вып. 2а.

- Баранов И.А., Емельянов В.А.* Отчет за 1989 г. / НА ИА НАНУ.– К., 1990.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура).– К., 1990.– 168 с.
- Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // *Byzantinorussica*.– М., 1994.– № 1.
- Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дис. докт. ист. наук.– К., 1994а.– 40 с.
- Баранов И.А., Ланцов С.Б.* Исследование Кутлакской крепости в Юго-Восточном Крыму // *Археологические исследования на Украине в 1991 г. (украинский язык)*.– Луцк, 1993.– С. 7–8.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Архитектурно-археологические исследования в портовой части Сугдеи в 1993–1996 гг. // *Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень*.– К., 1996.– С. 63–65.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // *Stratum plus. Время денег*.– № 6.– СПб., Кишинев, Одесса, 1999.– С. 128–129.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на холме Тепсень в 1997 г. / НА КФ ИА НАНУ.– Папка № 854.– Инв. № 497.– Симферополь, 1998.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // *Българите в Северното Причерноморие*.– Велко Търново, 1995.– Т. 4.– С. 71–88.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. // *Византия и Крым. Тез. докл.*– Симферополь, 1997.– С. 21–23.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // *Старожитності Русі-України*.– К., 1994.– С. 96–103.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Тюркское святилище Сугдеи // *РА*.– № 3.– 2001.– С. 98–110.
- Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки в средневековой Сугдее // *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*– Симферополь, 1997.– С. 38–45.

-
- Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма.– Т. 1.– № 1.– Симферополь, 1997.– С. 83–87.
- Барсов Н.И.* Синаксис // Христианство. Энциклопедический словарь в 3 т.– Т. 2.– М., 1995.– С. 572.
- Бартикян Р.М.* Петр Сицилийский и его “История павликиан” // ВВ.– 1966.– Т. 18.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков.– М., 1969.
- Бегунов Ю.К.* Русское слово в чуде Климента Римского и Кирилломефодиевская традиция // Slavia-Praga, 1974.– ROSLIII, SISIT I.
- Бейлис В.М.* Ал-Мас’уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в.– М., 1961.
- Бейлис В.М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX — X вв. // Ближний и Средний Восток.– М., 1962.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг.– Азов, 1998.– С. 179–252.
- Беляев Д.Ф.* Вузантина: Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX — X вв. // Зап. имп. Русского археологического общества.– СПб., 1892.– Т. 6.– Вып. 1; 2, нов. сер.
- Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ.– 1989.– Т. 50.
- Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви.– М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря 1994.– Кн. 1.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма.– М., 1990.
- Бертье-Делагард А.Л.* Дифференты на боспорских царских монетах римского времени // ИС МНО.– 1911.– Т. I.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.– 1920.– № 57.
- Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД.– 1893.– Т. 16.

-
- Бертъе-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД.– Вып. XXIX.– 1910.
- Берштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий.– М., 1984.
- Бибииков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа.– Спб., 1999.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.– Т. I.– М., 1950.
- Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // СА.– № 4.– 1976.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора.– М., 1964.
- Блюменфельд Г.Р.* Крымско-татарское землевладение.– Одесса, 1888.– 112 с.
- Бобринский А.* Херсонес Таврический. Исторический очерк.– СПб., 1905.
- Бобровский Т.А.* К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей // Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX — XIII вв.”.– Чернигов, 1990.
- Бобровський Т.* Київська Лавра (до питання культурно-історичної інтерпретації) // Могилянські читання.– К., 1999.– С. 21–22.
- Богачев А.В.* Кочевники Лесостепного Поволжья V — VIII вв.– Самара, 1998.
- Богданова Н.М.* Херсон в X — XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века.– М., 1991.– С. 3–200.
- Боев Емил.* За българско-тюрските езикови връзки // ИИБЕ.– 1968.– XVI.
- Боев Емил.* За предтюрското тюрско влияние в българския език — още няколко прабългарски думи // БЕЗ.– 1965.– Т. XV.– № 1.
- Болдырев С.И.* Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ.– Вып. 5.– 2002.
- Болдырев С.И.* О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ.– Вып. 2.– 1999.
- Болдырев С.И.* О характере пребывания Полемона на Боспоре // ДБ.– Вып. 3.– 2000.

-
- Болтрик Ю.В.* Был ли Атей погребен в Чертомлыке? // Материалы междунар. конф. Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища.— Т. II.— СПб., 2002.
- Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонасы // ВДИ.— № 1.— 1989.
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XI—XV вв.— М., 1986.
- Борисова В.В.* Могильник у высоты “Сахарная головка” // Херсонесский сборник.— Симферополь, 1959.— Вып. V.— С. 169—190.
- Боровко Н.А.* Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы.— 1913.— Т. 3.
- Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века.— М., 1991.
- Бородин О.Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и “дело” римского папы Мартина I.— Ч. 1 // ВВ.— 1991а.— Т. 52; Ч. 2 // ВВ.— 1992.— Т. 53.
- Боталов С.Г.* Тюркские кочевники Урало-Прииртышья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.— Самара, 1995.— С. 14—16.
- Брабич В.М.* Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н.э.— начала I в. н.э. (к вопросу о монетах с монограммой ВАЕ) // НЭ.— Т. II.— 1960.
- Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси.— К., 1989.
- Бранденбург Е.Н.* Выписки из журнала раскопок курганов со скелетами в скорченном положении // Труды I АС.— Т. 1.— М., 1901.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.— Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное.— М., 1986.
- Броневский Мартин.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД.— Одесса, 1868.— № 6.— С. 333—367.
- Брун Ф.* Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Черноморье.— Одесса, 1880.— Ч. 2.
- Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической топографии Южной России.— Т. II.— Одесса, 1880.

-
- Буассье Г.* Римская религия от времен Августа до Антонинов.— М., 1914.
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов.— М., 2000.
- Булгаков В.В.* Византийские амфоры IX — XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал.— 4(5).— июль-август 2000.—
(<http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).
- Булгаков В.В.* Византийские желобчатогорлые амфоры X—XI вв. // Восточноевропейский археологический журнал.— 1(20).— янв.-февраль 2003.— (<http://archaeology.kiev.ua/journal/010103/bulgakov.htm>).
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Византийские клейменные амфоры X—XI и XIII—XIV вв.: сравнительная характеристика вещественного состава // Восточноевропейский археологический журнал.— 3(4).— май-июнь 2000.— (http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/bulgakov_yakovlev.htm).
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Петрографическая характеристика византийских сфероместных амфор XII—XIII вв. // Византийские амфоры: 29.03.2003-а.— (<http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/analysis/bulgakov2.htm>).
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Петрографическая характеристика плоскодонных сфероместных амфор XIII—XIV вв. // Византийские амфоры: 7.04.2003-б.— (<http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/analysis/bulgakov3.htm>).
- Булгакова В.И.* Печати стратигов Сугдеи из находок в Сугдее // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.— Киев-Судак, 2002.
- Бучинский И.Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем.— К., 1963.— 307 с.
- Бычков В.В.* Византийская эстетика.— М., 1977.
- Васильев А.А.* Лекции по истории Византии.— Петроград, 1917.— Т. 1.
- Васильев Л.С.* История религий Востока.— М., 1988.
- Васильев Л.С.* История Востока. В 2-х томах.— М., 1993.
- Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП.— СПб., 1878.— Январь.— С. 86—154.

- Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды.— Т. 2.— Вып. 2.— СПб., 1912.
- Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // Труды.— СПб., 1912.— Т. 11.— Вып. 2.
- Васильевский В.Г.* Исторические сведения о Суроже // Труды.— Т. III.— Петроград, 1915.
- Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды.— Т. II.— СПб., 1909.
- Веймарн Е., Чореф М.* “Корабль” на Каче.— Симферополь, 1978а.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник.— К., 1993.— 204 с.
- Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии.— Тбилиси, 1978.— № 7.
- Велков В.И.* Градът и Тракия и Дакия през късната античност (IV — VI вв.) // Проучвания и материали.— София, 1959.
- Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т.* Пенители Понта.— Симферополь, 1992.
- Веремейчик Е.М.* Отчет об археологических исследованиях на поселении в ур. Овраменков Круг у с. Березанка Черниговского р-на Черниговской обл. / НА ИА НАН Украины.— 1985/78.— 126 с.
- Веремейчик Е.М.* Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении в ур. Козарки у с. Петруши Репкинського р-на Черниговской обл. / НА ИА НАН Украины.— 1987/49.— 114 с.
- Веремейчик Е.М.* Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении Шумлай у с. Хмельница Черниговского р-на Черниговской обл. / НА ИА НАН Украины.— 1991/125.— 151 с.
- Верещагіна Н.В.* Климент Римський святий, опікувач Русі-України // Історія України.— 1999.— № 19.
- Верещагіна Н.В.* Перші загальнодержавні культуи святих Климента і Миколая та їх відтворення у пам'ятках історії і культури Київської Русі / Автореферат ... канд. істор. наук.— К., 1999.
- Вестберг Ф.* О жизни св. Стефана Сурожского // ВВ.— 1908.— Т. 14.— Вып. 1.

-
- Веги. Интеллигенция в России.— М.: Молодая гвардия, 1991.
- Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид Ноннос и Феофан Византиец.— СПб., 1860.
- Византийские легенды / подготовила С.В. Полякова.— Л., 1972.
- Византийский Херсон: Каталог выставки.— М., 1991.
- Виноградов А.Ю.* К вопросу о средневековой эпиграфике юго-западного Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.).— Киев-Судак, 2002.
- Власов В.П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Вып. 1.— Симферополь, 1997.— С. 204–303.
- Внуков С.Ю.* Светлоглиняные амфоры I в. до н.э.— I в.н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988а.— 20 с.
- Внуков С.Ю.* Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА.— 1988.— № 3.— С. 198–206.
- Внуков С.Ю., Коваленко С.А.* Мегарские чаши с городища Кара Тобе // ТГИМ. Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье.— М.— 1998.— Вып. 102.— С. 61–76.
- Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар.— М.: Мысль, 1992.— 446 с.
- Волков И.В.* Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII — XVI веках.— Ростов-на-Дону, 1989.— С. 85–100.
- Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.— К., 2001.— С. 130–146.
- Воронин Ю.С., Даниленко В.Н.* Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму.— Симферополь, 1992.
- Высотская Т.Н.* Неаполь — столица поздних скифов.— К.: “Наукова думка”, 1979.— 205 с.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь.— К., 1994.— 208 с.

-
- Гаврилов А.В.* Новые памятники античного времени в окрестностях Старокрымской долины // БИ.– Симферополь, 2003.– Вып. III.– С. 158–167.
- Гаврилов А.В.* Об укрепленных памятниках античной эпохи в ближних окрестностях Феодосии // БИ.– Симферополь, 2002.– Вып. II.– С. 159–192.
- Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г.* Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ.– Симферополь, 2001.– Вып. I.– С. 23–43.
- Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии VI — III вв. до н.э.– К., 1999.– 424 с.
- Гавритухин И.О.* Среднеднепровские ингумации второй половины 5–6 вв. // Материалы конференции памяти Е.А. Горюнова.– СПб., 2003.– (в печати).
- Гагаузско-русско-молдавский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова.– М., 1973.
- Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения.– Л., 1991.
- Гадло А.В.* Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутороканского княжества // Проблемы истории феодальной России.– Л., 1971.
- Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ: Античные традиции и средние века.– Свердловск: УрГУ, 1980.
- Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА.– 1968.– № 113.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. I // Вестник ЛГУ.– Вып. I, Сер. 2.– Л., 1989.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. III. // Вестник ЛГУ.– Сер.2.– Вып. 2.– 1990а.– С.21–33.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. IV. // Вестник ЛГУ.– Сер.2.– Вып. 4.– 1990б.– С. 3–13.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. VII. // Вестник СПбГУ.– Сер. 2.– Вып. 2.– 1992.– С. 3–15.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X — XIII вв.– СПб., 1994.– 238 с.

-
- Гайдаржи Гаврил.* Гагаузский язык // Сын Буджака. Светлой памяти Гаврила Аркадьевича Гайдаржи.– Кишинэу, 2000.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство.– М.– Л.: АН СССР, 1949.
- Гайдуков Н.Е.* Пещерная киновия Чилтер-Мармара // Российская археология (в печати).
- Георгиев Вл.* Въпроси на българската етимология.– София, 1958.
- Георгиев П., Смядовски Т.* Параклисът при Голямта базилика в Плиска // Археология.– Кн. 2.– 1982.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ.– Екатеринбург: УрГУ, 1999.– Вып. 30.
- Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма // Сб. науч. трудов Бахчисарайского гос.– ист. культ. зап.– Симферополь, 1983.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым // АДСВ.– Вып. 26.– Барнаул, 1992.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ.– Вып. 30.– Екатеринбург, 1999.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Международ. науч. конф, посвящ. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова. Тезисы докл.– СПб., 1998.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ.– 1991.– Вып. 2.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Таврики // МАИЭТ.– Вып. 9.– Симферополь, 2002.
- Гидалевич А.* Два ханские ярлыка, принадлежавшие общине евреев-крымчаков в Карасубазаре // ИТУАК.– Симферополь, 1918.– № 5.– С. 175–176.
- Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС.– 1968.– Вып. 3.
- Гилевич А.М.* Золотые византийские монеты из Херсонеса // СА.– 1959.– № 1.
- Гилевич А.М.* Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963–1964 гг. // АДСВ.– 1971.– Вып. 7.
- Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания // Записки русского археологического общества.– 1892.– Т.V.

-
- Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания.– СПб., 1891.
- Гинькут Н.В.* Поливная керамика XIV — XV вв. из раскопок “Консульской церкви” крепости Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе.– Севастополь, 2001.– С. 53–60.
- Гмыря Л.Б.* Одевание служителей языческих культов в “стране гуннов” Прикаспия // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма).– Самара, 2001.– Т. 1.– С. 57–75.
- Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X в.– Москва-Иерусалим, 1997.– 240 с.
- Голдина Р.Д.* Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века.– Устинов, 1986.– С. 47–98.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье.– Иркутск, 1990.– 176 с.
- Голенко В.К.* К вопросу о времени сооружения “цитадели” на горе Опук // Херсонесский сборник.– Вып. X.– 1999.
- Голенко К.В.* Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н.э. // НЭ.– Т. IX.– 1971.
- Голенко К.В.* Третий патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н.э. // НЭ.– Т. XII.– 1978.
- Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ.– 1998.– 6.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ.– 2001.– 8.
- Горнчаровский В.А.* Между империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Stratum plus.– № 3.– СПб-Кишинев-Одесса, 2000.
- Гороховский Е.Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. канд. ист. наук.– К., 1988.– 461 с. / НА ИА НАНУ.– Ф.12.– № 685.
- Горский А.В.* О митрополии русской в конце IX в. // Прибавление к изданию творений святых отцов.– 1850.– Ч. I.
- Горский В.* О походе русских на Сурож // ЗООИД.– 1844.– Т. 1.

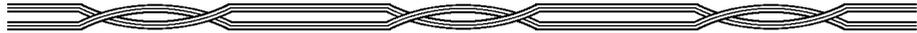
-
- Горюнов Е.А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII веков // СА.— 1973.— № 4.— С. 99–112.
- Горюнова В.М., Щеглова О.А.* Спор длиною в четверть века: М.И. Артамонов и П.Н. Третьяков // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь.— СПб., 1998.— С. 130–136.
- Грабар А.* Император в византийском искусстве.— М., 2000.
- Грандмезон Н.Н.* Рецензия на кн. В.А. Анохина: “Монетное дело Боспора”.— Киев: “Наукова думка”, 1986 // ВДИ.— № 2.— 1988.
- Граффити античного Херсонеса. Киев.— 1978.— 139 с.
- Гросу В.И.* Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.— Кишинев, 1990.— 203 с.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь.— М.: Мысль, 1989; 2-е изд. 1993
- Гумилев Л.Н.* Изменения климата и миграции кочевников // Природа.— 1972.— № 4.— С. 44–52.
- Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок.— М.: Наука, 1981.— 158 с.
- Гурулева В.В.* Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа // Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений.— СПб., 2003.
- Дагрон Ж.* Двуликий Крым (IV- вв.) // МАИЭТ.— 2000.— Вып. 7.
- Даркевич В.П.* Византия и Восток // СА.— 1991.— № 3.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ.— Вып. Д 1–7.— М., 1991.— 140 с.
- Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей.— Чебоксары, 1969.
- Дестунис С.* Византийские историки.— СПб., 1860.— 496 с.
- Джанов А.В.* “Храм с аркадой” в Судакe: мечеть или храм католического монастыря? // Церковная археология Южной Руси.— Симферополь, 2002.
- Джанов А.В.* Гончарные печи XIV — XV вв. на посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X — XVIII вв. по материалам поливной керамики.— Симферополь, 1998.— С. 82–89.

-
- Джанов А.В. Майко В.В.* Византия и кочевники в юго-восточной Таврике XI — XII вв. // Херсонесский сборник.— 1998.— Вып. IX.— С. 160–181.
- Джанов А.В., Юрочкин В.Ю.* Новый Таракташский клад (Предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы междуной конференции.— Керчь, 2001.
- Джанов О.В.* Вотивна модель храму із Східного Криму // Міжнародна археологічна конференція студентів і молодих вчених.— К., 1996.— С. 187–189.
- Джингов Г. Балканска А. Йосифова М.* Калиакра.— Т. 1.— София, 1990.
- Дива печер лаврських.— К., 1997.
- Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА.— 1979.— Вып. 158.— С. 52–57.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов.— М., 1982.— С. 69–107.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах.— Л., 1991.
- Домбровский О.И.* Средневековые поселения и “Исары” Крымского Южного бережья // Феодалная Таврика.— К, 1974.— С. 5–56.
- Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI — края на X в.).— София, 1977.
- Дончева-Петкова Л.* Сгради при южния сектор на западната стена на Плиска // Плиска-Преслав.— Т. 5.— Шумен, 1992.— С. 124–145.
- Древние палестинские обитатели и прославившие их подвижники.— СПб., 1895.— Вып. I–III.
- Древняя Русь.* Быт и культура. М.: Наука, 1997.— 368 с.
- Дуриданов Ив.* Стари тюркски заемки в българския език // Изследвания в чест на М. Дринов.— София, 1960.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII — XV вв.— Тюмень, 1955.
- Жиленко И.* Примітки до тексту // Патерик Києво-Печерський.— К., 1998.

- Жиленко І.* Свідчення про Лаврські печери, взяті з оповідей мандрівників // Дива печер Лаврських.— К., 1997.
- Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры раннехристианского Херсонеса // МАИЭТ.— 2001.— 8.
- Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ.— 2000.— 7.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ.— Вып. 27. Византия и средневековый Крым.— Симферополь, 1995.— С. 91–97.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X — XII вв.— М.: Наука, 1975.— С. 57–117.
- Зайцев Б.* Афон // Литературная учеба.— Июль-август 1990.
- Залеская В.Н.* К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т. н. “сирийских крестов” // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси 1965 г.— Тбилиси, 1965.— С. 91–93.
- Зарецкий И.А.* Заметка о древностях Харьковской губернии Богородицкого уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник.— Харьков, 1888.— Вып. 2.— С. 229–245.
- Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи.— Л., 1975.— 79 с.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.).— СПб., 1994.— 224 с.
- Засецкая И.П.* Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ.— 1993.— Вып. III.— С. 23–105.
- Зеленко С.М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского Университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua.— № 2.— К., 1999.— С. 223–234.
- Златарски В.Н.* Към въпроса за българското летоброение // СБАН ИФФО.— Кн. X.— 6.
- Златоструй.* Древняя Русь X — XII вв. Состав., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю. Карпова.— М., 1990.— 302 с.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА.— № 16.— 1951.

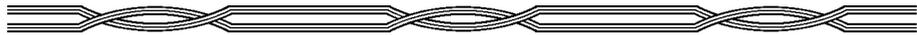
-
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // Херсонесский сборник.— 1998.— Вып. IX.— С. 182–194.
- Зоценко В.М.* Амфорна тара Києво-Подолу XII — початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.— К., 2001.— С. 165–197.
- Зубар В.* Херсонес — Херсон: від Іфігенії до Христа // Хроніка 2000.— Вип. 33.— Крим — крізь тисячоліття.— К., 2000.— С. 228.
- Зубарь В. М., Ланцов С.Б.* Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса // КСИА.— 1989.— С. 34–38.
- Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник.— 1999.— Вып. 10.
- Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях.— Л., 1988.
- Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика.— Киев, 1991.
- Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения).— Киев, 1993.
- Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса / Архив НЗХТ.— Д. № 2741.
- Зубарь В.М., Павленко Ю.В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси.— К., 1988.
- Зубарь В.М., Пиллингер Р., Туровский Е.Я., Сон Н.А., Русаева М.В., Фарбей А.М.* Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998–1999 гг. // Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв.).— Киев, 2000.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв.).— Киев, 2000.
- Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки в Северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг.— К., 1985.— С. 77–105.

- Иванов А.А.* Раннесредневековые подкурганские погребения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья.— Автореф. дис. . . канд. ист. наук.— Волгоград, 2000.— 24 с.
- Иванов С.А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы.— М., 2002.
- Иванова О.В.* Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах.— М., 1995.— Т. II.— С. 91–211.
- Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии.— № 26.— Симферополь, 1897; № 45.— 1911.
- Извори за българската история.— София, 1994.
- Иловайский Д.И.* Начало Руси.— М., 1996.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ.— Т. 2.— М., 1962; переизд. 2001.
- Искусство Византии в собраниях СССР.— Москва, 1977.
- История Византии в 3 т.— М., 1967.
- Івакін Г., Козубовський Г.* Золотоординські монети з литовськими контрамарками // Записки Наукового товариства імені Шевченка.— Т. ССXXXI.— Львів, 1996.— С. 290–297.
- Йорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088) / Monumenta slavico-byzantina et mediaevalia europensia.— Vol. II (Център за славяно-византийски проучвания “Иван Дуйчев”, том II).— София, 1993.— 266 с.
- Кабанец Е.П.* Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX — X вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.— Киев-Судак, 2002.
- Кабанець Є.* Давньоруська печерна аскеза і візантійський ісіхазм // Духовна спадщина Київської Русі.— Одеса, 1997.— Вип. II.— С. 13–23.
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н.э.— Харьков.— 1981.— 144 с.
- Каждан А.П.* История византийской литературы / В сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди. Перевод с английского.— С-Пб., 2002.
- Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразии второй

- половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии).– Самара, 1998.– С. 97–150.
- Казаманова Л.Н.* Введение в античную нумизматику.– М., 1969.
- Казанский М.М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах.– 2001.– Вып. 7.– С. 41–58.
- Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость).– К., 1914.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа.– Вып. 1.– М., 1986.
- Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала.– М., 1974.
- Каргер М.К.* Древний Киев.– М.– Л., 1961.– Т. 2.
- Карпов С.П.* Регестры документов фонда *Diversorum Filze* секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века.– 1998.– Вып. 3. С. 9–81.
- Карташев А.В.* Вселенские соборы.– М., 1994.
- Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви.– Т. 1.– М., 1991.
- Катюшин Е.А.* Курганный могильник I в. до н.э.– II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ.– 1996.– Вып. V.– С. 21–31.
- Катюшин Е.А.* Феодосия, Каффа, Кефе.– Феодосия: Издательский дом “Коктебель”, 1998.– 160 с.
- Керлот Х.Э.* Словарь символов.– М., 1994.
- Киевский Софийский собор // Древности Российского государства.– СПб., 1871.– Вып. 1, 2, 3.
- Кирилко В.П.* Организация обороны и объемно-планировочная структура крепостного ансамбля Фуны (1423–1475) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму.– Запоріжжя, 2001.– IX.– С. 240–253.
- Кирилко В.П.* Середньовічне укріплення Фуна XV століття: комплексне архітектурно-археологічне дослідження фортифікаційної структури пам'ятки. Автореф. дис...канд. іст. наук.– К, 2002.– 16 с.
- Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и ногайских татар и во весь Крым, с возвращением через Константинополь, Смирну и

- Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах. / Пер. И. Одинцова.— СПб., 1783.— 248 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник.— М., 1871.
- Кобылина М.М.* Изображение восточных божество в Северном Причерноморье в первые века н.э.— М., 1978.— 215 с.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии.— М., 2000.— 364 с.
- Коваленко В.П.* Вотчина черниговских князей по летописной статье 1159 г. (к постановке проблемы) // Черниговская обл., научно-методическая конференция, посвященная 800-летию “Слова о полку Игореве”. Тезисы докладов.— Чернигов, 1986.— С. 22–24.
- Коваленко В.П.* Звеничев и путь “в Радимичи” // Первая Гомельская обл. научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов.— Гомель, 1989.— С. 82–83.
- Коваленко В.П., Сытый Ю.Н.* Торгово-экономические взаимосвязи с Волжской Булгарией в IX — XIII вв. // Путь из Булгара в Киев.— Казань, 1992.— С. 54–68.
- Коваленко В.П., Фомін О.В., Шекун О.В.* Давньоруський Звеничів і скарб арабських дірхемів // Археологія.— 1992.— № 1.— С. 60–72.
- Коваленко В.П., Шекун А.В.* Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА.— 1984.— № 4.— С. 62–74.
- Коваль В.Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология.— Новгород, 1999.— Вып. 13.— С. 243–260
- Коваль В.Ю.* Заметки о керамическом импорте средневековой Сугдеи // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины — Киев-Судак, 2002.— С. 129–131.
- Коваль В.Ю.* Испанская люстровая керамика в Москве // Российская археология.— 1996.— № 1.— С. 169–175.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока в средневековой Москве // РА.— 1997.— № 3.— С. 95–113.
- Коваль В.Ю.* Средневековая керамика Испании и Италии в Восточной Европе // Историко-культурные связи Причер-

- номорья и Средиземноморья X — XVIII вв. по материалам поливной керамики.— Симферополь, 1998.— С. 124–127.
- Коев Иван.* Следы от бита и языка на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезис и културно наследство на българския народ.— София, 1971.
- Козлов А.Ф., Майко В.В., Полканов Ю.А., Шутов Ю.И.* Кырк-Ерский клад близ южных ворот городища Джуфт (Чуфут-кале) // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 р.— К., 2003.— С. 120–123.
- Кокотцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в.— Л., 1932.
- Колтухов С.Г.* О крымских курганах с “коллективными погребениями” // Поздние скифы Крыма.— М., 2001.— С. 59–70.
- Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии.— Симферополь, 1999.
- Колтухов С.Г., Колотухин В.А., Труфанов А.А.* Отчет об охранных раскопках у с. Курское Белогорского района АРК в 2001 году / Архив КФ ИА НАН Украины.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в.— М.: Наука, 1981.— 167 с.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья.— Донецк, 2000.— Т. 1.— С. 19–53.
- Комар О.В.* “Кубрат” та “Велика Булгарія”: проблеми джерелознавчого аналізу // Сходознавство.— 2001.— Вип. 13–14.— С. 133–155.
- Комар О.В.* Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. Автореф. канд. дис.— К., 2002.— 20 с.
- Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери.— СПб., 1914.— Т. 1.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева.— М.: Наука, 1989.— 496 с
- Коран / Пер. акад. Крачковского И.Ю.— М.: Дом Бируни, 1990.— 512 с.
- Коренько В.А.* К методике изучения погребений со скорченными скелетами // СА.— № 3.— М., 1984.
- Корзухина Г.Ф.* О памятниках “корсунского дела” на Руси // ВВ.— 1958.— С. 129–137.

-
- Корпус Боспорских надписей.— М.— Л., 1965.
- Корпусова В.М.* Сільське поселення пізньоантичного Боспору // Археологія.— № 8.— 1973.— С. 27—45.
- Коршенко А.Н.* Херсонесский выпуск монет Федосия II и Валентиниана III // МАИЭТ.— 2000.— 7.
- Костенко В.И.* Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья III — I тыс. до н.э.— Днепропетровск, 1977.— С. 114—137.
- Костенко В.И.* Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э.— IV в. н.э. Днепропетровск, 1986.— 105 с.
- Костромичева Т.И., Шевченко А.В.* Домашнее святилище на Страбоновом Херсонесе // ХСБ. Вып. VII.— Севастополь, 1996.— С. 159—163.
- Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К., 1971.
- Котляр М.Ф.* Фантазії на давньоруські теми // Людина і світ.— 1988.— № 11.
- Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность.— СПб., 1998.
- Кошеленко Г.А.* Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства // ВДИ.— 1964.— № 3.
- Кравченко А.А.* Импортная поливная керамика XIII — XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур — К, 1991.— С. 111—120.
- Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII — XIV в.).— К.: Наукова думка, 1986.— 126 с.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды.— СПб., 2001.— 362 с.
- Крамаровский М.Г.* Три группы поливной керамики XIII — XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции.— СПб., 1996.— С. 96—116.
- Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник.— М., 1980.— 224 с.
- Крестови од VI до XII века из збирке Народного музеја Београд.— Београд, 1987.
- Кривцова-Гракова О.А.* Генетическая связь ямной и катакомбной культуры // Труды Государственного исторического музея.— Вып. 8.— М., 1938.

-
- Кривцова-Гракова О.А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА.– № 115.– М., 1962.– С. 5–55.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР.– САИ.– Е4–4.– М., 1962.
- Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры.– М., 1967.
- Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ.– Т. XXVI.– 1965.– № 52.
- Кропотов В.В.* Фибулы из могильников Дружное и Нейзац // Археологические вести.– № 8.– 2001.
- Крюков А.М.* Акимиты // Православная энциклопедия.– М., 2000.
- Кубе А.Н.* Испано-мавританская керамика.– М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1940.– 72 с.
- Кубе А.Н.* История фаянса.– Берлин, 1923.– 122с.
- Кулаковский Ю.А.* Из истории готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП.– февраль 1898.– Ч. 165.
- Кулаковский Ю.* История Византии.– Т. III.– К., 1915.
- Кулаковский Ю.А.* История Византии в 3 т.– Т. 3 (602–717 годы).– СПб., 1996.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды.– Киев, 1914.
- Куніцький В.А.* Близькосхідні енкалпони на території Південної Русі // Археологія.– 1990.– № 1.– С. 106–116.
- Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь.– Л., 1988.
- Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса.– М., 1911.– Вып. 2.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи.– М., 1947.– Т. I.
- Лазарев В.Н.* Византийская живопись.– М., 1971.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи.– М., 1986.
- Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской.– М., 1960.
- Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970.
- Лазарев В.Н.* Фрески Старой Ладogi.– М., 1960.

-
- Ландшафты и физико-географическое районирование // Природа Украинской ССР.— К.: Наукова думка, 1985.— 222 с.
- Ланцов С.Б.* Античная крепость Афинеон в Таврике // Пилигримы Крыма. Осень — 98. Международная научная конференция. Материалы.— Симферополь “Крымский архив”, 1999.— С. 162–170.
- Ланцов С.Б.* Бастион в системе обороны Кутлакской крепости // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений.— Керчь, 2001.— С. 78–86.
- Ланцов С.Б.* Изучение Кутлакского укрепления в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования в Крыму. 1993 год.— Симферополь, 1994.— С. 180–183.
- Ланцов С.Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак — Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ.— М., 1999.— № 1.— С. 121–136.
- Ланцов С.Б.* Кутлакская крепость второй половины I в. до РХ — начала I в. // Археология Крыма.— № 1.— Симферополь.— 1997.
- Ланцов С.Б.* Кутлакская крепость I в. до н.э.— I в. н.э. // Археология Крыма.— Симферополь, 1997.— № 1.— С. 69–79.
- Ланцов С.Б.* Основные результаты исследований античного отдела КФ ИА НАНУ в Восточном Крыму за последние десять лет // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столице. Материалы международной конференции.— Керчь.— 2000.— С. 76–81.
- Ланцов С.Б.* Раскопки боспорской крепости Кутлак // Археологические исследования в Крыму. 1994 год.— Симферополь, 1997.— С. 185–189.
- Ланцов С.Б., Труфанов А.А.* Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // Древности Боспора.— М., 1999.— № 2.— С. 161–173.
- Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю.* “Варварская” посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора.— М., 2001.— № 4.— С. 254–290.
- Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю.* Лепная посуда Кутлакской крепости // Таманская старина.— Вып. 3.— Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII — I в. до н.э.).— СПб., 2000.— С. 88–90.

-
- Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе.— Т. I.— СПб., 1896.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря.— СПб., 1909.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.— СПб., 1896.— 143 с.
- Латышев В.В.* ХН // МАР.— Вып. 23.— 1899.
- Латышев В.В.* ЭНИОР // ИАК.— Вып. 47.— 1913.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России // ИАК.— Вып. 27.— 1908.
- Лашков О.* Сельская община в Крымском ханстве.— Симферополь, 1887.— 63 с.
- Лебединцев П.* Почему Десятинная в Киеве церковь известна в народе под именем Десятинного Николая? // Киевская старина.— 1883, август.— С. 567—568.
- Лев Диякон.* История.— М., 1988.— 240 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья.— М., 1996.— 396 с.
- Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений.— М., 1956.
- Леонид, архимандрит. Житие и чудеса св.Николая Мирликийского и похвала ему.— СПб., 1881.— С. 90.
- Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта.— М., 1890.
- Литаврин Г.Г.* Русско-византийские связи в середине X в. // Вопросы истории.— 1986.— № 6.
- Литаврин Г.Г.* Введение // Константин Багрянородный об управлении империей.— М., 1991.
- Литаврин Г.Г.* Дипломатия русской княгини Ольги // Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.).— СПб., 2000.
- Литаврин Г.Г.* Иоанн Малала // Свод древнейших письменных известий о славянах.— М., 1991.— Т. I.— С. 265—275.
- Литаврин Г.Г.* Монеувасийская хроника // Свод древнейших письменных известий о славянах.— М., 1995.— Т. II.— С. 325—344.

-
- Литаврин Г.Г.* Патриарх Фотий о нападении россов на Константинополь и об их крещении (860–867) // Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.).— Спб., 2000.
- Литаврин Г.Г.* Свидетельства житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского о походах россов на Амастриду и Сурож // Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.).— Спб., 2000.
- Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. Матузовой В.И.— М.: Изд. Московского университета, 1994.— 147 с.
- Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // Исследования по древнерусской литературе.— Л., 1986.
- Логвин Г.Н.* София Киевская: Альбом.— К., 1971.
- Логвин Г.Н.* Новые наблюдения в Софии Киевской // Культура средневековой Руси.— Л., 1974.
- Логвин Г.* Собор Святої Софії в Києві. Книга-альбом.— К., 2001.
- Лопарев Хр.* Византийские жития святых VIII–IX веков // ВВ.— 1911.— Т. 17.— Вып. 1–2.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ.— Вып. 10.— Ч. 1.— 1968.— С. 73–90.
- Любарский Я.Н.* Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей.— Спб., 1992.
- Любічев М.В.* Пеньківська культура: ще раз про територію та етнічну приналежність // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е.— К.-Ль., 1999.— С. 123–131.
- Люценко А.Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в С. Петербурге в 1876 г.— Спб., 1880.— С. 573–580.
- Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII — первой половины X в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе.— Севастополь, 2001.
- Майко В.В.* Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII — X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ.— К., 1998а.

-
- Майко В.В.* К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // Проблемы истории, филологии, культуры.— Вып XI.— Москва-Магнитогорск, 2001б.— С. 205–217.
- Майко В.В.* К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор юго-восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.— К., 2001а.— С. 118–122.
- Майко В.В.* Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини Х ст. // Українське гончарство.— Т. 4.— Опішне, 1999б.— С. 40–63.
- Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси.— Симферополь, 2002.
- Майко В.В.* Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // “Проблемы археологии Юго-Восточной Европы”. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл.— Ростов-на-Дону, 1998.
- Майко В.В.* Хозари у Криму в другій половині Х ст. // Археологія.— № 2.— 1999а.— С. 40–49.
- Майко В.В.* Этнокультурные связи Крыма с Поднепровьем и Северным Кавказом в VII — X вв. Дис. канд. ист. наук.— К., 1997.— 235 с. / НА ІА НАНУ.— Ф.12.— № 785.
- Майко В.В., Фарбей А.М.* Об одном типе плитовых могил средневековой Сугдеи // Проблемы греческой культуры.— Симферополь, 1997.— С. 101–103.
- Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви.— М., 1994.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА.— № 4.— 1982.— С. 91–106.
- Макарова Т.И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО за 1971 г.— М., 1972.— С. 264–265.
- Маккавейский Н.* Археология истории страданий Господа Иисуса Христа.— К., 1891.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И.* Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. № 1.— С. 183–191.
- Марголіна І.Є.* Кирилівська церква в історії середньовічного Києва.— К., 2001.

-
- Маркевич В.И., Полевой Л.Л., Фин Ш.Р.* Кугурештский монетно-вещевой клад XV в. // Труды Государственного краеведческого музея МССР.– Кишинев, 1961.– Вып. 1.
- Маркелов М.* Системы родства у угро-финских народностей // Этнография.– 1928.– № 1.
- Мarti Ю.* Сто лет Керченскому музею (исторический очерк).– Керчь, 1926.– 96 с.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI — II вв. до н.э.– М.: “Наука”, 1981.– 124 с.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены.– М., 1998.
- Махнева О.А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма.– К., 1968.– С. 155–168.
- Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ.– 1971.– Вып. 13.– С. 30–54.
- Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья).– Воронеж.– 1990.– 220 с.
- Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.– М., 1980.– 16 с.
- Миккола И.И.* Тюркско-болгарское летосчисление // ИОРЯС.– Т. XVIII.– Кн. 1.– 1913.
- Мильнер Г.Б.* Петрография осадочных пород.– Москва-Грозный-Ленинград-Новосибирск, 1934.
- Минеи Четии.*– Ноябрь.– М., 1981.– Ч.2; Март, первая половина.– М., 1984.
- Мифологический словарь.*– М., 1990.– 672 с.
- Михайлов Б.Д.* Погребение гуннского времени на Каменной Могиле в Северной Таврии // МАИЭТ.– 1993.– Вып. III.– С. 109–111.
- Михеев В.К., Тортика А.А.* Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII — середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету.– К., 2000.– № 3.– Юдаїка.

-
- Миятевъ К.* Декоративната живопись на Софийский некрополь.– София.– 1925.
- Младенов Ст.* Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч // ГСУ ИФФ.– 1920–1921.– XVII.
- Мовчан И.И., Авагян А.Б.* Отчет об археологических исследованиях в Ближних пещерах Киево-Печерского заповедника, проведенных в 1978–79 гг. Рукопись / Научный архив Института археологии НАН Украины.
- Мовчан Г.Г.* Давньокиївська околиця.– К., 1993.
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о “хазарском наследстве” (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры.– М.; Магнитогорск, 2001.– Вып. 10.
- Могаричев Ю.М.* К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма.– Симферополь, 1993.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики.– Симферополь, 1997.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городов Юго-Западного Крыма // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму.– Симферополь, 1992.
- Молдован А.М.* Слово о законе и благодати Илариона.– К., 1984.
- Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.– М., 1963.
- Мордвинцев В.М., Кисиль И.А.* Двухапсидные храмы Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.– Киев-Судак, 2002.
- Морозовская Т.В.* Орнаментированные бронзовые зеркала из погребальных комплексов первых веков н.э. Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье.– Одесса, 1993.– С. 111–114.
- Москов М.* Към въпроса за печенежско-куманския суперстрат в български език // ИИБЕ.– 1962.– VIII.
- Мурзакевич Н.Н.* Донесения Обществу. I // ЗООИД.– Вып. 8.– 1872.

-
- Мутафчиев Петър.* История на българския народ.— София, 1992.
- Мыц В.Л.* Битва на Синеи Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий // АДСВ.— Вып. 33, 34 (в печати).
- Мыц В.Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.— Киев, 2002.— С. 139–189.
- Мыц В.Л.* О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым.— Симферополь, 1997.— С. 65–67.
- Мыц В.Л.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г. / НА КФ ИА НАНУ.— Папка № 370.— Инв. № 169.— Симферополь, 1983.
- Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г. / НА КФ ИА НАНУ.— Папка 506.— Инв. № 232 — Симферополь, 1985.
- Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г. / НА КФ ИА НАНУ — Симферополь, 1988.
- Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуны в 1985 г. / НА КФ ИА НАНУ.— Папка 513.— Инв. № 235 — Симферополь, 1986.
- Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА.— 1987.— № 2.— С. 228–245.
- Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X — XV вв.— К., 1991.— 164 с.
- Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П.* Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. // НА КФ ИА НАНУ.— Симферополь, 1993.
- Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б.* Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г. / НА КФ ИА НАНУ — Симферополь, 1994.
- Мыц В.Л., Кирилко В.П.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г.— Симферополь, 1991.
- Мыц В.Л., Кирилко В.П.* Отчет об археологическом исследовании укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г.— Симферополь, 1992.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского / Под ред. Д.В. Журавлева.— М., 2002.

-
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях // Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX — XII вв.— М., 2001.
- Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Вып. 2.— Симферополь, 2001.— С. 336—361.
- Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Вып. 2.— Симферополь, 2001.
- Негри А.* Фирман данный турецким султаном Мустафою, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Гедону, на Крымскую епархию / Пер. с лат. Ч. Шершеневича // ЗООИД.— Одесса, 1848.— Т. 2.— Ч. 2.— С. 680—684.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа.— М., 2000.— 224 с.
- Некрасова Г.М.* Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія.— 1985.— Вып. 50.— С. 75—80.
- Никитенко М.М.* Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО за 1969 г.— М., 1970.— С. 276—278.
- Никитенко М.М.* К методике реконструкции первоначального положения погребенных в древнеямных захоронениях юга Украины // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей XX республіканської конференції в Одесі в 1989 р.— К., 1989.
- Никитенко М.М.* К методике реконструкции первоначального положения погребенных в древнеямных захоронениях юга Украины // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей XX республіканської конференції в Одесі в 1989 р.— К., 1989.
- Никитенко М.М.* К проблеме атрибуции и классификации ямных захоронений // Нижня Наддніпрянина: історія, традиції, культура.— Матеріали IV Регіональної наукової конференції “Історико-етнографічні дослідження Південної України”.— Частина 5.— Запоріжжя, 1999.— С. 12—15.
- Никитенко М.М.* Реконструкція первісного положення похованих в давньоямних могилах і їх класифікація // Археологія.— 1996.— № 2.

- Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Историческая проблематика.— К., 1999.— 294 с.
- Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готии // ЗООИД.— Т. 13.— Одесса, 1883.
- Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия / пер. Е.Э. Лившиц // ВВ.— 1950.— Т. 3.
- Никольский А.А.* Начало храмостроительства на Руси // Владимирский сборник в память 950-ти летия крещения Руси.— Белград, 1938.— С. 116.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.— М., 1990.— 262 с.
- ОАК за 1913–1915 гг.— Пг., 1918.
- Обломский А.М.* Деякі зауваження з приводу пам'яток пізньоримського часу в лісостеповому Подонні // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е.— К.— Львів, 1999.— С. 157–173.
- Оболенский Дм.* Византийское содружество наций.— М., 1998.
- Озепи М.— Ф.* Крымская Готия в 750–830 гг. в греческих церковных и монашеских источниках // МАИЭТ.— 2000.— Вып. 7.
- Орешников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Объяснение к нумизматической карте Черноморского побережья // НС.— Вып. III.— 1914.
- Орлов А.К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма.— К., 1987.— С. 106–133.
- Орлов Р.С.* Культура кочевников IV — VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.— К., 1985.— С. 98–105.
- Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я.* Новые памятники VI — VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии.— К., 1996.— С. 102–116.
- Острогорський Г.* Історія Візантії / пер. А. Онишка.— Львів, 2002.
- Отчет археологической экспедиции об исследовании Ближних пещер в 1977–78 гг. / Рукопись.— Научный архив Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника.

-
- Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В.* Изменения природной среды Самарской Луки в эпоху средневековья // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.* – Самара, 1995. – С. 65–68.
- Павленко Ю.В.* История мировой цивилизации. Философский анализ. – К.: Феникс, 2002.
- Павленко Ю.В.* Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства. – К.: Либідь, 1996.
- Пайкова А.В.* Четвероевангелие Раввулы (VI в.) как источник по истории раннехристианского искусства // *Палестинский сборник.* – 1987. – Вып. 29 (92).
- Памятники грузинской агиографической литературы. – Тбилиси, 1956.
- Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. – М., 1978.
- Паршина Е.А.* Клейменная византийская амфора X в. из Ласпи // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* – К., 2001. – С. 104–1117.
- Паршина Е.А.* Раскопки Кутлакской экспедиции // *Археологические открытия в СССР.* 1984 г. – М., 1986. – С. 288–289.
- Патерик Киево-Печерський / Упорядкувала, адаптувала українською мовою Ірина Жиленко. – К., 1998.
- Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В.* Пути и перепутья современной цивилизации. – К.: БФ “Международный деловой центр”, 1998.
- Пахомов, Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В.* и др. Цивилизационные модели современности и их исторические корни. – К.: Наукова думка, 2002.
- ПВЛ / Перевод В.П. Адриановой-Перетц. – Ч.1 текст и перевод. – М.-Л., 1950.
- Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. – М., 2001.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII — III вв. до н.э. // *САИ.* – Вып. Д4–5. – М., 1978.
- Петров Николай.* К вопросу о болгарско-чувашских лексических соответствиях // *Втори международен конгрес по*

- българистика. Доклади.– Т. 4. Сравнително и съпоставително езиковедие.– София, 1989.
- Петровский В.А.* Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики (сборник материалов по церковной археологии). Под ред. Юрочкина В.Ю.– Киев, 2002.
- Петрухин В.Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1988 г.– Отв. ред. Т.М. Калинина.– М., 2000.– С. 222–229.
- Пилипенко С.М.* Внешняя торговля Крымского ханства в 40–70 годы XVIII ст. // УИЖ.– 1996.– № 6 (411).– С. 96–154.
- Пименово хождение в Царьград // Книга хождений: Записки русских путешественников XI — XVI вв.– М., 1984.
- Пиоро И.С.* Крымская Готия.– К., 1990.
- Південноруське село IX — XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури).– К., 1997.– 174 с.
- Пиоро И.С.* Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія.– 2000.– № 3.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА.– № 75.– 1959.– С. 212–272.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье.– М., 1989.– 287 с.
- Плетнева С.А.* Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА.– 1991.– № 3.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии.– Москва-Иерусалим, 2000.
- Плетнева С.А.* Хазары.– М., 1976.– 93 с.
- Повесть временных лет.– СПб., 1999.
- Покрасс Ю.* О неописанных монетах Боспора (I в. до н.э.– I в. н.э.) // НФ.– № 2.– 1997.
- Покровский Н.* Стенные росписи в древних храмах греческих и русских.– М., 1890.
- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии.– К., 1992.– 201 с.
- Полин С.В., Симоненко А.В.* “Раннесарматские” погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья.– Днепропетровск, 1990.– С. 76–95.

-
- Полін С.В.* Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія.— 1984.— Вип. 45.— С. 24–34.
- Полканов А.И., Полканов Ю.А.* Судак.— Симферополь, 1978.
- Половой Н.Я.* К вопросу о первом походе Игоря // ВВ.— Т. XVIII.— 1961.— С. 85–104.
- Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности.— М., 1988.— С. 151–219.
- Померанц Г.* Выход из транса.— М.: Юрист, 1995.
- Померанц Г.С.* Лекции по философии истории.— М., 1993.
- Попова О.С.* Изобразительное искусство // Культура Византии IV — первая половина VII в.— М., 1984.
- Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.).— К., 1991 (репринт).
- Православный палестинский сборник.— Т. 1.— Вып. III.— СПб., 1883.
- Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI — IX ст.— К., 1980.— 152 с.
- Приходнюк О.М.* Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян.— К., 1978.— С. 108–124.
- Приходнюк О.М.* Пеньковская культура: культурно-хронологический аспект исследования.— Воронеж, 1998.— 170 с.
- Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.— К.— Чернівці, 2000.— 284 с.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийский царей.— СПб., 1992.
- Прокопий из Кесарии.* Война с готами.— М., 1950.
- Прокопий Кессарийский.* Война с готами. О постройках.— М., 1996.— 302 с.
- Пуздровский А.Е.* Могильник III — IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Тезисы международной конференции „Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV — IX вв.)“.— Симферополь, 1994.— С. 55–56.
- Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э.— III в. н.э.) // Херсонесский сборник.— Вып. X.— 1999.— С. 208–225.

- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И.* Новые памятники III — IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ.— Вып. VIII.— Симферополь, 2002.— С. 32–50.
- Пустовалов С.Ж.* О принципах реконструкции скотоводческой экономики по данным археологии степной бронзы // V сходознавчі читання А. Кримського.— К., 2001.— С. 96–99.
- Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в нач. XII века.— СПб., 1864.
- Радзівєвська В.Є., Шрамко Б.А.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія.— 1980.— Вип. 33.— С. 100–108.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры.— М., 1985.
- Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X — XV веках.— М.-Л., 1959.
- Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия.— М.: “Наука”, 1998.
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства.— М., 1988.
- Рапов О.М., Ткаченко Н.Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник МГУ.— Сер. 8: История.— М., 1980.— № 3.
- Раунер Ю.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР: серия географическая.— 1981.— № 6.— С. 5–22.
- Рафалович И.А., Лапушнян В.Л.* Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии (1972 г.).— Кишинев, 1974.— С. 110–147.
- Рашев Р.* К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ.— 1993.— Вып. III.— С. 250–254.
- Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век.— В.Тырново, 2000.— 192 с.
- Рашев Рашо.* Дунавска България и Централна Азия // Втори международен конгрес по българистика. Доклади.— Т. 6. Българските земи в древността. България през средновековието.— София, 1987.
- Ретовский О.Ф.* Генуэзско-татарские монеты // ИТУАК.— 1906.— Вып. 18.— С. 1–72.
- Рибаков Б.О.* Іменні написи XII століття в Київському Софійському соборі // Археологія.— 1947.— Т. 1.
- Ричка В.М.* Церква Київської Русі.— К., 1997.

-
- Рогов Е.Я.* О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // Материалы междунар. конф. Боспорский феномен: колонизация региона, образование полисов, формирование государства // Т. II.– СПб, 2001.
- Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсона в “темные века” // АДСВ.– 1972.– Вып. 8.
- Романчук А.И.* Материалы к истории Херсона XIV — XV вв. // Византия и ее провинции.– Свердловск, 1982.– С. 89–114.
- Романчук А.И.* Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // АИК 1994 г.– Симферополь, 1997.– С. 232–235.
- Романчук А.И.* Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ.– 1999.– Вып. 30.– С. 187–202.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона.– Екатеринбург, 2000.– 266 с.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона.– Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- Романчук А.И.* Раскопки в портовом квартале 2 Херсонесского городища // АИК 1993 г.– Симферополь, 1994.– С. 227–230.
- Романчук А.И.* Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсониты // Античный мир Византия.– Харьков, 1997.– С. 272–289.
- Романчук А.И.* Херсонес XII — XIV вв.: историческая топография.– Красноярск, 1986.– 192 с.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона.– Екатеринбург, 1995.– 169 с.
- Романчук А.И., Седикова Л.В.* Темные века и Херсон. Проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика.– К., 1991.
- Ронин В.К.* Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах.– М., 1995.– Т. II.– С. 364–397.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России.– Петроград, 1914.
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности.– XXV.– 1916.

-
- Ростовцев М.И.* Эллинизация и иранство на юге России.— Петроград, 1918.
- Ростовцев М.И.* Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК.— Вып. 54.— 1918а.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии.— С-Пб., 1997.
- Рудаков В.Е.* Материалы XII—XIII веков из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ.— 1975.— Вып. 12.— С. 20—32.
- Рудинський М.* Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю музею.— Полтава, 1928.— Т. I.— С. 29—62.
- Рудинський М.* Кантамирівські могили римської доби // Записки Всеукраїнського археологічного комітету.— 1930.— Т. I.— С. 127—158.
- Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени.— Киев, 1979.— 172 с.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии.— Киев, 1992.— 253 с.
- Рутківська Л.М.* З історії етнічних зв'язків в Подніпров'ї // Середні віки на Україні.— 1973.— Вып. 2.— С. 68—73.
- Рутковская Л.М.* История племен степного Поднепровья в середине I тысячелетия нашей эры. Автореф. дис. док. ист. наук.— М., 1986.
- Рутковская Л.М.* О стратиграфии и хронологии поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 22—39.
- Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА.— № 4.— 1989.
- Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія.— 1991.— № 1.— С. 16—26.
- Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII — начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.— Киев-Судак, 2002.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* Исследование средневековой Каффы в 1991—1992 гг. // Боспорский сборник.— М., 1994.— Вып. 4.

-
- Санин Г.А.* Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.*— Симферополь: Таврия, 1993.— Вып. 3.— С. 326–432.
- Сапрыкин С.Ю.* Пифодорида — царица Фракии // *ВДИ.*— № 2.— 1984.
- Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // *СА.*— № 3.— 1990.
- Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // *Женщина в античном мире.*— М., 1995.
- Саприкін С.Ю. Баранов І.А.* Грецький надпис із Судака // *Археологія.*— № 2.— 1995.
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство.— М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох.— М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // *ДБ.*— Вып. 5.— 2002а.
- Семенов А.И.* Византийские монеты келегейского комплекса // *АСГЭ.*— 1991.— № 31.— С. 121–130.
- Сергеев Г.П.* Археологические исследования музея в 1958 г. // *Труды Государственного историко-краеведческого музея.*— Кишинев, 1961.— С. 129–136.
- Сидоренко В.А.* Готы области Дори Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // *МАИЭТ.*— Вып. 2.— 1991.
- Симоненко А.В.* Сарматы Таврии.— К., 1993.— 143 с.
- Синиця Є.В.* Ранньосередньовічні інгумації у ареалі пеньківської культури // *ВА.*— 1999.— № 2.— С. 98–110.
- Сиротенко В.Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV — VII вв. в свете современных им исторических событий // *Славяно-балканские исследования.*— М., 1972.— С. 195–218.
- Сказания о начале славянской письменности.*— М., 1981.
- Слово на обновление Десятинной церкви // Златоуструй. Древняя Русь X — XIII вв.*— М., 1990.
- Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи // *ДБ.*— № 4.— 2001.
- Смирнов К.Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию // *МИА.*— 1971.— № 177.— С. 191–196.

-
- Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII — XI вв. // ВВ.— Т. XV.— 1963.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона.— Л., 1983.— 176 с.
- Соколова И.В.* Находки византийских монет VI — XII вв. в Крыму // ВВ.— Т. XXIX.— 1969.— С. 263.
- Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток.— Вып. 23 (86).— 1971.— С. 68–74.
- Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса.— Киев, 1984.— 143 с.
- Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ.— Т. 47.— № 1.— М., 1986.
- Соломоник Э.И.* Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика.— К.: Наукова думка, 1991.
- Сорокина Н.П., Усачева О.Н.* Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд.— Труды ГИМ.— Вып. 93.— М., 1997.
- Сорочан С.Б.* Византия IV — IX веков: этюды рынка.— Харьков: Бизнес Информ, 1998; 2-е изд., испр. и доп.— Харьков: Майдан, 2001.
- Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и “признаки самоуправления” // ВВ.— 2003.— Т. 62.
- Сорочан С.Б.* О положении церкви в Крыму в VIII — IX вв. // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Симферполь, 2001.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса.— Харьков, 2000.
- Сперанский М.Н.* “Корсунское” чудо Козмы и Дамиана // Изв. по русскому языку и словесности.— 1928.— Т. 1.— Кн. 2.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп.— М., 2001.
- Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России).— М., 2002.— 190 с.

-
- Старец Паисий. Отцы Святогорцы и святогорские истории.– Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001.
- Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым.– Барнаул, 1992.– С. 125–133.
- Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани в 80–90-е гг. XI в. // МАИЭТ.– Вып. III.– Симферополь, 1993.– С. 254–263.
- Степанова Е.В.* К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений.– Екатеринбург, 1995.– С. 13–15.
- Степанова Е.В.* Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф.– Севастополь, 2001.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ.– Вып. 32.– Екатеринбург, 2001.
- Степанова Е.В.* Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.– Киев-Судак, 2002.
- Степи Евразии* в эпоху средневековья.– М., 1981.
- Степовик Д.В.* Українсько-болгарські мистецькі зв'язки.– К., 1975.
- Стерлигова И.А.* Необычайные свидетельства почитания Святителя Николая в Софии Киевской / Доклад на научной конференции Национального заповедника “София Киевская” “Новые исследования древних памятников Киева” 22 ноября 2001 г.
- Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // ХСб.– Вып. VI.– Симферополь, 1961.– 247 с.
- Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины.– Киев-Судак, 2002.– 297 с.
- Сухоробров В.В.* Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики.– К.: Стилос, 2002.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства.– Киев, 1983.– 172 с.
- Сюзюмов М.Я.* Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода // ВВ.– 1963.– Т 22.
- Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ.– 1961.– Т. 18.

-
- Талис Д.Л.* Городище Тепе-Кермен // Краткие сообщения Института археологии АН СССР.— № 148.— 1977.
- Тесленко И.Б.* Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.— К., 2001 — С. 123–129.
- Тетерятникова Н.Б.* Реликвии в основании византийских церквей (на англ. яз.) // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалов международного симпозиума. Под ред А.М. Лидова.— М.: “Радуница”, 2000.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории.— М.: Прогресс, 1991.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории.— М.: Прогресс—СПб.: Ювента, 1995.
- Тойнбі А.Дж.* Дослідження історії. В 2-х томах.— К.: Основа, 1995.
- Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь.— К., 1998.
- Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь.— К., 1999.— 198 с.
- Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 10. Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой.— Барнаул, 1991.
- Торнау Н.* Изложение начал мусульманского законовещения.— СПб., 1850.— 475 с.
- Тортика А.А.* Экологическая возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) — вторая-третья четверть VII в. н.э. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.— Киев-Судак, 2002.
- Тренчени-Вальдапфель И.* Мифология.— М., 1959.— 450 с.
- Третьяков П.Н.* Что такое пастырская культура // СА.— 1971.— № 4.— С. 102–113.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя.— М., 1959.
- Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык.— М.: Наука, 1995.
- Труды В.Г. Васильевского.* Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана сурожского.— Пг., 1915.

-
- Труфанов А.А.* О населении восточной части предгорного Крыма в позднеантичное время // 175 лет Керченскому музею древностей.— Керчь, 2001.
- Труфанов А.А.* Погребения III в. н.э. могильника у с. Курское // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины.— Киев-Судак, 2002.— С. 253–255.
- Труфанов А.А.* Символ в раннехристианском изобразительном искусстве // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии.— К., 2002.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г.* Могильник III — IV в. н.э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен.— Часть 1.— С-Пб., 2001.— С. 186–189.
- Уваров А.С.* Христианская символика.— Ч. 1.— Символика древне-христианского периода.— М., 1908.
- Удальцова З.В.* Византийская культура.— М., 1988.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V — IV вв. до н.э.— Спб, 1995.
- Успенский К.Н.* Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII— IX вв. // ВВ.— Т. 3.— 1950; Т. 4.— 1951.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи.— Т. 2. Период македонской династии (867–1057).— М., 1997; Т. 2. Период III (610–617). Иконоборческий период (717–867).— М., 2001.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.— Т. I.— М., 1986; Т. III.— М., 1987.
- Федоров Г.Б.* Классификация литовских слитков и монет // КСИИМК.— 1949.— Вып. 19.— С. 114–115.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья.— М., 1994.— 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика.— 1960.— Т. 1.— С. 94–192.
- Феофилакт Симокатта. История.— М., 1996.— 272 с.
- Филиппенко В.Ф.* К истории инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) // История и археология Юго-Западного Крыма.— Симферополь, 1993.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья.— Археология СССР.— М., 1987.— 510 с.

- Флерова В.Е.* Обряды и сюжеты мифологии Хазарии.— М., 2001.— 158 с.
- Флерова В.Е.* Подкуранные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху Средневековья.— Донецк, 2001а.— Т. 2.— С. 152–168.
- Франко І.* Святий Климент у Корсуні // Зібрання творів.— Т. 34.— К., 1977.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э.— середина IV в. н.э.).— Ч. II.— М., 1997а.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э.— середины IV в. до н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора.— М., 1992.
- Фролова Н.А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ.— № 1.— 1979.
- Фролова Н.А.* Медные монеты Боспора конца I в. до н.э.— начала I в. н.э. // НЭ.— Т. XV.— 1989.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227–223 гг.) // СА.— № 3.— 1973.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг. н.э.) // НЭ.— Т. XIII.— 1980.
- Фронджуло М.А.* Исследования в юго-восточном Крыму // Археологические исследования на Украине в 1967 г.— К., 1968.
- Фронджуло М.А.* Работы Судакского отряда // Археологические исследования на Украине в 1968 г.— Вып. III.— Киев, 1971.
- Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика.— К., 1974.— С. 139–150.
- Хакимзянов Ф.С.* Булгарский язык // Языки мира: Тюркские языки.— М., 1997.
- Хан-Магомедов С.О.* Раннесредневековая горная стена в Дагестане // СА.— № 1.— 1966.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис.— 1994.— № 3.
- Харко Л.П.* Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.— Л., 1968.
- Хвольсон Д.А.* Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма....— СПб., 1866.

-
- Хождение* апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского.— СПб., 1909.— Т. 2.— Вып. 1.
- Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III — IV вв. н.э.).— Lublin, 2002.
- Храпунов И.Н., Масыкин В.В.* Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // Российская археология.— 1998.— № 4.— С. 133–149.
- Храпунов И.Н., Масыкин В.В.* Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum +. Петербургский археологический вестник.— Санкт-Петербург-Кишинев, 1997.— С. 164–180.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkervanderungzeit in Mittel Osteuropa.— Lodz, 2000.— P. 479–519.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Вып. 2.— 2001.— С. 105–168.
- Хроника* Титмара Мерзебургского // Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия IX — первая половина XII в.— М., 1989.
- Хрушкова Л.Г.* Новая октогональная церковь в Севастополе в Абхазии и ее литургическое устройство // Византинороссика.— Т. 1.— 1995.
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV — VII вв.).— М.: Наука, 2002.
- Царевская Т.Ю.* Образ св. Климента Римского в новгородском искусстве XIII в. // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь.— СПб., 1999.
- Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ.— Симферополь, 2001.— Вып. 8.
- Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Вып. 1.— Симферополь, 1997.
- Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений в 2-х томах.— М., 1991.
- Чангова Й.* Средновековни амфори в България // ИАИ.— Кн. XXII.— София, 1959.— С. 243–260.

-
- Чангова Й.* Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав // ИАИ.– Кн. XXI.– 1957.– С. 251–282.
- Челеби Э.* Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.).– Симферополь, 1996.– 240 с.
- Чинопоследования брака // Настольная книга священноцерковно-служителя.– СПб., 1913.– Ч. 2.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора (тексты, перевод, комментарий).– М., 1980.
- Чукалов Сава.* Българско-руски речник.– София, 1960.
- Шабашов А.* Някои теоретични резултати от изследването на системата на родство у българите в Украйна // БСП.– Т. 6.– 1997.
- Шабашов А.В.* К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряка).– Кишинев, 1999.
- Шабашов А.В.* Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО.– 1995.– № 3.
- Шабашов А.В.* Терминология родства болгар Украины // ЗИФ.– Вып. 3.– 1996.
- Шаламон А. Баркоци Л.* Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376–476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V — VIII вв.– М., 1982.– С. 31–49.
- Шандровская В.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл.– Симферополь, 1997.
- Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ.– 2000.– Вып. 7.
- Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее VII — X вв. // АДСВ.– Вып. 27. Византия и средневековый Крым.– Симферополь, 1995.– С. 119–124.
- Шаповалов Г.И.* Вотивные якоря из Черного моря // СА.– 1990.– С. 259–260.
- Шаповалов Г.И.* О находках культовых моделей якорей в Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф.– Киев-Судак, 2002.

-
- Шапошников А.К.* Краткое житие святого Стефана, архиепископа Сугдайи.— Коктебель, 1994.
- Швец Г.И.* Многовековая изменчивость стока Днепра.— Л., 1978.— 82 с.
- Шевченко А.В.* Земледельческие культы Херсонеса доримского времени // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы.— Севастополь, 1997.— С. 126–127.
- Шевченко А.В.* Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ.— Вып. VII.— Симферополь, 2000.— С. 7–44.
- Шевченко Ю.* К хронологии материалов волынцевского типа в низовьях Десны // Ювелирное искусство и материальная культура.— СПб., 2000.— С. 103–106.
- Шевченко А.В.* Жизненный уклад и религиозные воззрения граждан Херсонесского полиса // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона.— Севастополь-Краков, 2001.— С. 126–129.
- Шекун А.В.* Древний сухопутный путь между Черниговом и Любечем // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини.— Чернігів, 1992.— С. 70–74.
- Шекун А.В.* Работы Черниговской областной археологической экспедиции // АО 1980 года.— М., 1981.— С. 321–322.
- Шекун А.В., Веремейчик Е.М.* Селища IX — XIV вв. в междуречье низовой Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX — XIII вв.— К., 1988.— С. 93–110.
- Шекун А.В., Веремейчик О.М.* Давньоруське поселення Ліскове.— Чернігів: Деснянська правда, 1999.— 184 с.
- Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI — X веках по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса.— М., 1908.— Вып. 3.
- Шестаков С.П.* Папа Мартин I в Херсоне // Очерки по истории Херсонеса в VI — X вв. по Р.Хр. (памятники христианского Херсонеса. Вып. 3).— М., 1908.
- Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // ВВ.— 1991.— Т. 52.
- Штерн Э.Р.* Феодосия и ее керамика.— Одесса, 1906.
- Шушарин В.П.* Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси.— М., 1988.

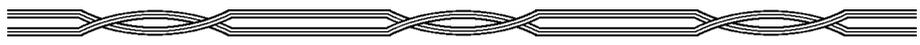
-
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI — XIII вв.— М., 1989.
- Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв.— М., 1976.
- Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси.— М.: Из-во МГУ, 1972.— 215 с.
- Щекатихин Н.Н.* Топография кладов с литовскими слитками и монетами на территории древнего Литовского государства. 1933–1934 // Рукопись в отделе нумизматики Гос. Эрмитажа.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетии до нашей эры.— Симферополь, 1969.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетии до нашей эры.— Симферополь, 1969.
- Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков.— СПб., 1994.
- Щербак А.М.* Печенежский язык // Языки мира: Тюркские языки.— М., 1997.
- Элиаде М.* Трактат по истории религий.— СПб., 1999.— Т. II.
- Эртель А.Д.* Древние пещеры на Зверинце в Киеве.— К., 1913.
- Юрочкин В.Ю.* Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы международной научной конференции.— Киев-Судак, 2002.
- Юрченко А.Г.* Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира. СПб., 2002.
- Яйленко В.П.* Гунно-булгары II — V вв. до н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропониимики // ДБ.— Вып. 5.— 2002.
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья.— М., 1990.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII — XIV вв.) // МИА.— 1950.— № 17.— 256 с., ил.
- Якобсон А.Л.* Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА.— Вып. XXXV.— 1950.— С. 107–121.
- Якобсон А.Л.* К истории русско-корсунских связей (XI — XIV вв.) // ВВ.— 1958.— XIV.— С. 116–128.

-
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА.– 1959.– № 63.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым.– М.– Л.: Наука, 1964.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.– Л., 1979.– 164 с.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X — XV вв.– Т. I.– М., 1970.
- Янчев Михаил Михайлов.* Турско-български речник.– София, 1992.
- Яровой Е.В.* Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута // Курганы в зонах новостроек Молдавии.– Кишинев, 1984.
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS.– 4.– 1995.– S. 139–151.
- Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // АН.– 1932.– Т. IX.– 120 с.
- Auzepy M.F.* Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ.– 2000.– Вып. 7.
- Barnea I.* La ceramique byzantine de Dobroudja X-XII siecles // RCB.– 1989.– P.131–142.
- Berti G. and Tongiorgi E.* Ceramiche importate della Spagna nell'area pisana del XII al XV secolo // Actas II CICMMO.– Madrid, 1986.– P. 315–346.
- Bjalajac L.* Byzantine amphorae in the Serbian Danubian Area in the 11th — 12th centuries // ВСН.– 1989.– Suppl. XVIII.– P. 110–118.
- Bjelajac L.* Bizantine amphorae in the Serbian-Danubian Area in the 11th-12th centuries // RSB.– 1989.– P. 110–116.
- Blake H.* The Ceramic Hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula Type of Spanish Lusterware // II Coloquio ceramica medieval del Mediterraneo occidental, Toledo, 1981.– Madrid.– 1986.– P. 365–407.
- Blake, H.* La ceramica mediavale spagnola e la Liguria // Atti V Convegno Internazionale della ceramica di Albisola.– Genova, 1972.
- Böhme H.W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts.– München, 1974.– 388 с.
- Brusić Z.* Byzantine Amphorae (9th to 12th century) from Eastern Adriatic Underwater Sites // Archaeologia Iugoslavica.– XVII.– 1979.– P. 37–49.

-
- Chekin L.C.* Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Nineth Century Reference to judaism Among the Khazars // *Russia Mediaevalis*.— 1998.— T. 9.— F. 1.
- Chera C., Lungu V.* Romishe Wandalerein in neugefundenen Graben aus den Nekropolen der Dobrogea // *Die Schwarzmeerküste in der Spatantike und im fruhen Mittelalter*.— Wien, 1992.
- Constantini Porphyrogeniti.* De ceremoniis aulae byzantinae libri duo.— Bonae, 1929.— Vol. I.
- Constantinus VII Porphyrogenitus Imperator. De administrando imperio.
- Corpus Inscriptiones regni Bosporani (Корпус боспорских надписей).— М.-Л., 1965.
- Csallany D.* Archaologische Denkmaler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.) // *AH*.— 1961.— T. XXXVIII.— 690 s.
- Darrouzes J.* Listes episcopales du concile de Nicee (787) // *REB*.— 1975.— T. 33.
- Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes.— Paris, 1981.
- Demus O.* The Mozaics of Norman Sicily.— L., 1950.
- Edwards G.R.* The Hellenistic Pottery from shipwrek of Antikythera // *Transactions of American Philosophical Society*. New series. Philadelphia.— 1965.— Vol. 55.— Part 3.
- Fettich N.* La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyszeksos // *AH*.— 1953.— T. XXXII.— 205 s.
- Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau.— Bonn, 1992.— B.II.— T.I.— 347 s.
- Foss C., Winfield D.* Byzantine fortification.— Pretoria, 1986.— 300 p.
- Francois V.* Ceramiques medievals a Alexandrie.— Csire, 1999.— 203 p., tabl.
- Francois V.* La ceramique Byzantine a Thasos, ses liens avec la flotte latine du XIII — au XV siecle // *La ceramica nel mondo Bizantino tra XI e XV secolo e I suoi rapporti con L'Italia*.— Siena, 1993.— P. 317–331.
- Francois V.* La ceramique Byzantine a Thasos.— Athenes, 1995.— 155p.
- Georgius Cedrinus.* Joannis Scylitzae. compendium Historiarum // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*.— Vol. 1.— Bonnae, 1838.

-
- Glück H.* Die christliche Kunst der Osten.— Berlin, 1923.
- Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century.— Ithaca-London, 1982.
- Gonzalez Marti M.* Ceramica del Levante Espanol.— Barselona and Madrid, 1944 — Vol. 1, Losa.
- Gorokhovskiy E.* The nomads of South-East Europe at the beginning of the Middle Ages // Medieval Europe. Death and Burial.— York, 1992.— Vol. 4.— P. 145–150.
- Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection.— Washington, 1968.— Vol. II.— Part 1.— P. 15, note 16.
- Gumowski M.* Numizmatyka litevska wieków średnich.— Kraków, 1920.
- Günsenin N.* Les amphores byzantines (Xe — XIIIe siècles). Typologie, production, circulation d'après les collections turques.— Paris, 1990.— Vol. 1–2.
- Gunsenin N.* Recherches sur les Amphores Byzantine dans les Museen Turks // BCH.— 1989.— Suppl. XVIII.— P. 267–276.
- Hayes J.W.* The Pottery. Excavations at Saraghane im Istanul.— Princeton, 1992.
- Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatum. Editio Partey.— Berolini, 1866.
- Higgins R.* Greek and Roman jewellery.— London, 1980.
- Hirschfeld Y.* Monasteries and Churches in the Judean Desert in the Bizantine Period // Ancient churches revealed ed.— By Yoram Tsafrir, 1993.
- Hoffman H., Davidson P.F.* Greek Gold. Jewelry from the age of Alexander.— Mainz, 1965.
- Huet C.* Annexe: La tombe de chef merovingien de Louvres // MP AFAM.— 1995.— T.IX.— P. 303–307.
- Hurst J., Neal D.* Late medieval Iberian pottery imported into the Low Countries // Rotterdam Papers.— 1982.— IV.
- Ibn-i Bibi.* El-Evaāmirü'l-'Alaā'iyye Fî'l-Umūri'l-'Alaā'iyye. Önsöz ve fihristi hazirliyan Adan Sadik Erzi.— Ankara, 1956.
- Ivanauskas E., Balčius M.* Lietuvos didžiosios kunigaikštystės lydiniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų.— V., 1994.

-
- Ivanišević V., Kazanski M.* La necropole de l'époque des Grandes migrations a Singidunum // Singidunum 3.– Belgrad, 2002.– S. 101–157.
- Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin.– T.I.– Paris, 1969.
- Kazanski M.* Les Germains orientaux au nord de la Mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ.– 1996.– Вып. V.– С. 324–334.
- Kazanski M.* Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbarbares sédentaires et les nomades // Archeologie Medievale.– 1992.– T. XXII.– S. 191–229.
- Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e — 6e siècles // Eurasia Antiqua.– Berlin, 1999.– B. 5.– S. 523–573.
- Kicka N.* Moneta tatarska Hana Złotej Hordy Mehameda Tochtamysza z kontramarką Witolda, W. ks litewskiego // Przegląd bibliograficzno-archeologiczny.– 1882.– T. 3.– S. 46–49.
- Kiersnowski R.* Najdawniejsze monety Litewskie // Wiadomości Numizmatyczne.– 1984.– R. XXVIII.– Z. 3–4.– S. 129–175.
- Kömstedt R.* Vormittelalterliche Malerei.– Ausburg, 1929.
- Kotlar M.* Znaleziska monet z XIV — XVII w. na obszarze Ukrainiński SRR.– W., 1975.
- Krautheimer R.* Early christian and bizantine architecture.– 1965.
- Kretschmer P., Locker E.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache.– Göttingen, 1944.
- Kunis A.* Recherches sur le monnayage et la circulation monétaire sous le règne d'Auguste.– Warszawa, 1976.
- Lane A.* Erly Hispano-Moresque pottery // The Burlington Magazine. 1946.– V. 88.– London.
- Lane A.* Hispano-Moresque pottery // Victoria and Albert Museum. Small picture book.– London, 1957.– № 40.
- Lassus J.* Sanctuaries chrétiens de Siria.– Paris, 1947.
- Later Private Religious Foundations // Byzantine Monastic Foundation Documents // Dumbarton Oaks Studies.– XXXV.– Vol. 4.– 2000.
- Laurent V.* La collection C. Orghidan / Bibliothèque byzantine.– Documents 1. Documents de sigillographie byzantine.– Paris, 1952.– 342 p., 70 pl.

-
- Le synaxaire* armenien de Ter Israel // *Patrologiae Orientalis*.— Paris, 1930.— Vol. 21.
- Leroy A.* Naissance de l'art chrétien.— Paris, 1946.
- Loomis R. Sh.* The Grail. From Celtic myth to Christian symbol.— Cardiff — N.Y., 1963.
- Mannoni T.* La ceramica medievale a Genova e nella Liguria // *Intro int. Studi Liguri*.— Genova, 1975.
- Marshall William F.H.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruskan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum.— London, 1911.
- Mattingly H.* Coins of the Roman Empire // *BMC*.— I.— L., 1965.
- Megaw A.H.S.* Zeuxippus Ware // *The Annual of the British School at Athens*.— № 63.— 1968.— P. 67–88.
- Mosin V.* Les Khazares et les Byzantins d'après le Anonime de Cambridge // *Byzantion*.— VI.— Bruxelles, 1931.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.— Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.— Washington, D.C., 1991.— 253 p.
- Neuen Funde an byzantinischen Blesigen auf der Krim // *SBS*.— № 4.
- Νυσταζοπουλο Μαρίας Γ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσον᾽σφ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ΄ μέχρι τοῦ ΙΕ΄ αἰῶνος.— Ἀθῆναι, 1965.
- Obolensky D.* The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500–1453.— N.X.: Wash Pratger, 1971.— XIV.
- Oikonomides N.* Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles.— Paris, 1972.
- Olivar M.* Introduction for article of Von R. Schnyder Die keramik von Paterna und die hispano-mauresken fayencen des vierzehnten jahrhunderts // *Ars Orientalis*.— 1961.— Vol. IV.— P. 113–136.
- Olivar M.* La Ceramica Trecentista en los Países de la Corona de Aragon.— Barcelona, 1952.
- Olivar M.* La Vajilla de Madera y la Ceramica de Uso en Valencia y eh Cataluna durente el siglo XIV.— Valencia, 1950.
- Osma G.J. de.* Apuntes sobre Ceramica Morisca. Textos y Documentos Valencianos.— Madrid.— V. I–III.— 1906–1908.

-
- Osma G.J.* de. Los maestros alfareros de Manises, Paterna y Valencia // Textos y Documentos Valencianos. 2e edition.— Madrid.— V. II.— 1923.
- Patrich J.* Chapels and Hermitages of St. Sabas' Monastery // Ancient churches revealed ed.— By Yoram Tsafrir, 1993.
- Perin P.* Les tombes de “chefs” du debut de l'epoque merovingienne. Datation et interpretation historique // MP AFAM.— 1995.— T. IX.— P. 247–301.
- Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie fñh-und Lochhellenistischen Goldschmucks.— Tübingen; Ernst Wasmuth verlag, 1990.
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia /* Rec. B. Laourdes, L.G. Westerink.— Leipzig: Teubner, 1983.— Vol. 1: Epistularum pars prima.
- Pillinger R.* Ein fruhchristliches Grab mit Psalmzitaten in Mangalia/Kalatis (Rumanien) // Die Schwarzmeerküste in der Spatantike und im fruhen Mittelalter.— Wien, 1992.
- Popović S.* The Trapeza in Cenobitic Monasteries: Architectural and Spiritual Contexts // *Dumbarton Oaks Papers.*— № 52.— 1998.
- Pringle D.* La ceramica dell'area Sud Convento di San Silvestro a Genova // *Arheologia Mediavale.*— Genova, 1977.— V. IV.
- Pritsak O.* The origin of Rus'.— Cambridge — Massachusetts.— 1981.— Vol. 1.— 926 p.
- Procopii Caesariensis.* De bello persico.— Lipsiae, 1962.
- Ray A.* Spanish Pottery 1248–1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum.— London, 1999.— 408 p.
- Šandrovskaja V.* Das Siegel eines χαλκοπρ=της aus Sudak // *SBS.*— 6.— 1999.— S. 43–46.
- Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // *Studies in Byzantine Sigillography /* Ed. by N. Oikonomides.— Washington, 1993.— Vol. 3.— S. 85–98.
- Šandrovskaja V.* Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // *SBS.*— 4.— 1995.— 153–161.
- Sarre F.* Die spanisch-maurischen Lusterfayencen und ihre Herstellung in Malaga // *Jahrbuch der Preuss.— Kunstsammlungen.*— 1903.— XXIV.

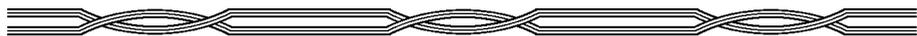
-
- Schechter S.* An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series.— T.III.— 2.— 1912.— P. 182–219.
- Schilbach E.* Byzantinische Metrologie.— München, 1970.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantins inédits (seconde série) // Revue des Études Grecques.— IV.— 1891.— P. 111–142.
- Schnyder R.* Die Keramik von Paterna und Hispano-Mauresken Fayencen des vierrehten Jahrhunderts // Ars Orientalis.— Washington, 1961.— V. 4.— P. 113–136.
- Semenov A.I.* New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8-th Century AD Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia.— Sankt-Petersburg, 1994.
- Shepard J.* The Khazars Formal Adoption of Judaism and Byzantiums Northern Policy // Oxford Slavonic Papers.— 1998.— Vol. 31.
- Soloviev A. V.* APXON ROSIAS // Byzantion.— T.XXXI.— Bruxelles, 1961.
- Spinei V.* Les relations de la Moldave avec le Byzance au premier quart du IIe milleaire ala lumière des sources archeogiques, Dacia XIX.— Bucuresti.— 1975.
- Stepanova E.* New Finds in Sudak // XXe Congrès International des études byzantines (Collège de France — Sorbonne, 19–25 août 2001).— Pré-Actes.— II.— Paris, 2001.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. by N. Oikonomides.— Washington, 1999.— Vol. 6.— S. 47–58.
- Stephanus* Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris.. // PG.— 1864.— T. 100.
- Strzygowski J.* Ursprung der christlichen Kirchenkunst.— Leipzig, 1920.
- SUMMA ARTIS. HISTORIA GENERAL DEL ARTE.— Madrid: ESPASA-CALPE.— 1991.— Vol. XII. Arte islámico.— 630 p.
- Tejral J.* Die Verbündeten Roms nördlich des pannonischen Limes und ihre Nobilität während der Spätantike // MP AFAM.— 1995.— T. IX.— S. 139–154.
- Tejral J.* Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Archaeologia Austriaca.— Wien, 1988.— № 72.— S. 223–304.

-
- The Oxford dictionary of Bizantium.– NY, 1991.– V.2.
- Tyszkiewicz J.* Skorowidz monet litewskich.– W., 1975.
- Vallet F.* Regards critiques sur les temoins archeologiques des Francs en Gaule du Nord a l'epoque de Childeric et de Clovis // MP AFAM.– 1997.– T.XI.– S. 220–244.
- Van de Put A.* Hispano-Moresque Pottery // Spanish Art. Burlington Magazine Monograph.– London, 1927.– V. II.
- Van de Put A.* Hispano-Moresque Ware of the XVth Century.– London.– 1904.
- Van de Put A.* The Valencian Style of Hispano-Moresque pottery.– New York, 1938.
- Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia // Byzantion.– 1940–1941.
- Voyages entrepris dans les gouvernemens meridion aux l'empire de Russie dans les anneés 1793 et 1794 par P.S. Pallas.– Paris, 1805.– Vol. II.
- Werner J.* Beitrage zur Archaeologie des Attila-Reiches.– München, 1956.– 138 s.
- Werner J.* Die Langobarden in Pannonien.– München, 1962.– 195 s.
- Williams D.* Three Groops of Fourth Century South Italien Jewellery in the British Museum // RM., 1988.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals (compiled and edited by John W. Nesbitt). II / **Tetr=**dia `Arcaiologja~ kaj T1cuh~.– 3.– Bern, 1984.– 543 p., 100 pl. (Bern, 1985).
- Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals.– I.– Basel, 1972.– 1965 p., 260 pl.
- Żdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda, W. ks Litwy // Atheneum Wileński.– 1930.– Z. 3–4.– S. 528–601.
- Zuckerman C.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB.– 1995.– T. 53.– P. 237–270.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века
АИК	Археологические исследования в Крыму
АО	Археологические открытия (Москва)
АСГЭ	Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БЕз.	Български език.
БИ	Боспорские исследования
БСП	Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали (Велико Търново)
ВВ	Византийский Временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ГСУ ИФФ	Годишник на Софийският университет. Историко-филологически факултет
ДБ	Древности Боспора
ДБК	Древности Босфора Киммерийского
ЗЕС	Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук, Архив, Западноевропейская секция
ЗИФ	Записки исторического факультета (Одесса)
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
ИАИ	Известия на Археологическия институт (София)
ИГМР	Институт геологии, минералогии и рудообразования
НАНУ	Национальной академии наук Украины (Киев)
ИИБЕ	Известия на Института за български език
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук
ИТУАК	Известия таврической ученой археологической комиссии (Симферополь)
КГИКЗ	Керченский государственный историко-культурный заповедник
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ	Национальный заповедник “Херсонес Таврический”
НИИПОИ	Научно-исследовательский институт памятников-охраненных исследований Министерства культуры и искусств Украины (Киев)
НіФ	Нумізматика і Фалеристика

НС МНО	Нумизматический сборник московского нумизматического общества
НС	Нумизматика и сфрагистика
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
РА	Российская археология
СА	Советская археология
СБАН	Списание на българската академия на науките. Клан
ИФФО	историко-филологически и философско-обществен
СВ	Средние века
СГ	Средневековый город. Межвуз. научн. сб. Саратов
ССЭФ	Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Межвуз. сб. Горький
ТГИМ	Труды государственного исторического музея
ХСб	Херсонесский сборник
ЭО	Этнографическое обозрение
АН	Archaeologia Hungarica (Budapest)
ASI	Archivio storico italiano
ASV	Archivio di Stato di Venezia
AV	Archivio veneto
BMC	Museo Correr (Venezia), Biblioteca
BNM	Biblioteca Nazionale Marciana (Venezia)
CICMMO	Coloquio ceramica medieval del Mediterraneo occidental
DMCV	Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia / a cura di R. Cessi. Bologna
FQS	Fondazione Queruni Stampalia (Venezia), Biblioteca
IVSLA	Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti
NAV	Nuovo archivio veneto
NRS	Nuova rivista storica
OCP	Orientalia Christiana periodica
PG	Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P. Migne. Patrologiae graeca
REB	Revue des Etudes Byzantines
RM	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung
RSB	Recherches sur la Ceramique Byzantine
SM	Studi medievali
SS	Studi storici
SV	Studi veneziani
VA	Vita Antiqua (Киев)
SBS	Studies in Byzantine Sigillography

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые
амфоры X в. 5

Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.И. Тропа над пропастью.
Пещерный монастырь на северном обрыве городища
Тепе-Кермен 13

Герасимова В.С., Тур В.Г. Система налогообложения,
пошлин и повинностей в Крыму
(XVII — начало XVIII вв.) 36

Джанов А.В. Сугдея в III — VII вв. 45

Зубарь В.М. Еще раз о датировке раннехристианской
росписи склепа № 1, исследованного в 1998–1999 гг.
на территории некрополя Херсонеса 75

Кабанец Е.П. Восточные славяне и византийские
христианские миссии в Таврике и Северном
Причерноморье на рубеже IX — X вв. 83

Климанов Л.Г. Возвращаясь к эпитафии Якопо Корнаро,
Тана, 1362 г.: Comes Arbensis и островной опыт
феодализации венецианцев 101

Козубовский Г.А. К вопросу о генуэзско-татарских
монетах с литовскими контрамарками 164

Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном
Причерноморье 169

Майко В.В. Сугдея во второй половине X —
начале XI вв. 201

Марголина И.Е. Почитание херсонесской святыни
во фресках Киево-Кирилловского храма 245

Мельников О.Н. Первые проявления личностной
коммеморативности в монетном деле Боспора
римского периода — монеты с монограммой “BAE” 253

Моця А.П. Население Хазарского каганата в
юго-восточном Крыму 273

<i>Нессель В.А.</i> Новые данные о культуре Кибелы в Херсонесе в первых веках н.э.	280
<i>Никитенко М.М.</i> О новой системе идентификации древнеямных погребений юга Украины	284
<i>Никитенко М.М.</i> Истоки и миссия Киево-Печерского пещерножительства	292
<i>Никитенко Н.Н.</i> Град Божий в архитектурно- художественном образе Софии Киевской	303
<i>Павленко Ю.В.</i> Славянско-православный мир в контексте цивилизационной истории	315
<i>Сорочан С.Б.</i> Сугдея в “темные века”	333
<i>Туровский Е.Я.</i> Грифон на античных монетах	348
<i>Фарбей А.М.</i> Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории	352
<i>Шабашов А.В., Шабашова М.Н.</i> Этнонимия и антропо- нимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории (к постановке проблемы)	370

ИСТОЧНИКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ. (Публикации)

<i>Булгакова В.И.</i> Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее	384
<i>Веремейчик Е.М.</i> Предметы южного импорта на сельских поселениях междуречья низовий Десны и Днепра	389
<i>Виноградов А.Ю., Джанов А.В.</i> Греческие надписи Сугдеи	402
<i>Гаврилов А.В.</i> Склеп II в. до н.э. из могильника укрепления Бююк Янышар	425
<i>Гурулева В.В.</i> Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке	430
<i>Кузьминов А.В.</i> Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале	442
<i>Ланцов С.Б.</i> Башня в юго-восточной части Кутлакского пентагона	447
<i>Стоянов Р.В.</i> Античные ювелирные изделия V — IV вв. до н.э. из частных коллекций	460

Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью
люстром в Крыму 467

Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н.э. некрополя
у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) 495

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Куковальская Н.М. Открывая рубрику 522

Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV в.
в Судакской крепости 524

ЛИТЕРАТУРА 560

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 617

Наукове видання

СУГДЕЙСЬКИЙ ЗБІРНИК

російською мовою

Верстка, макет М.В. Панченко

Коректура Т.Б. Ананьева

Художник О.Ю. Корніч

Видавничий дім "Академперіодика" НАН України

01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи серії ДК № 544 від 27.07.2001 р.

Друкарня видавничого дому "Академперіодика" НАН України

01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4